

ЖУРНАЛЪ МИНИСТЕРСТВА ЮСТИЦІИ.

ГОДЪ ВОСЬМОЙ

№ 3. МАРТЪ 1902.

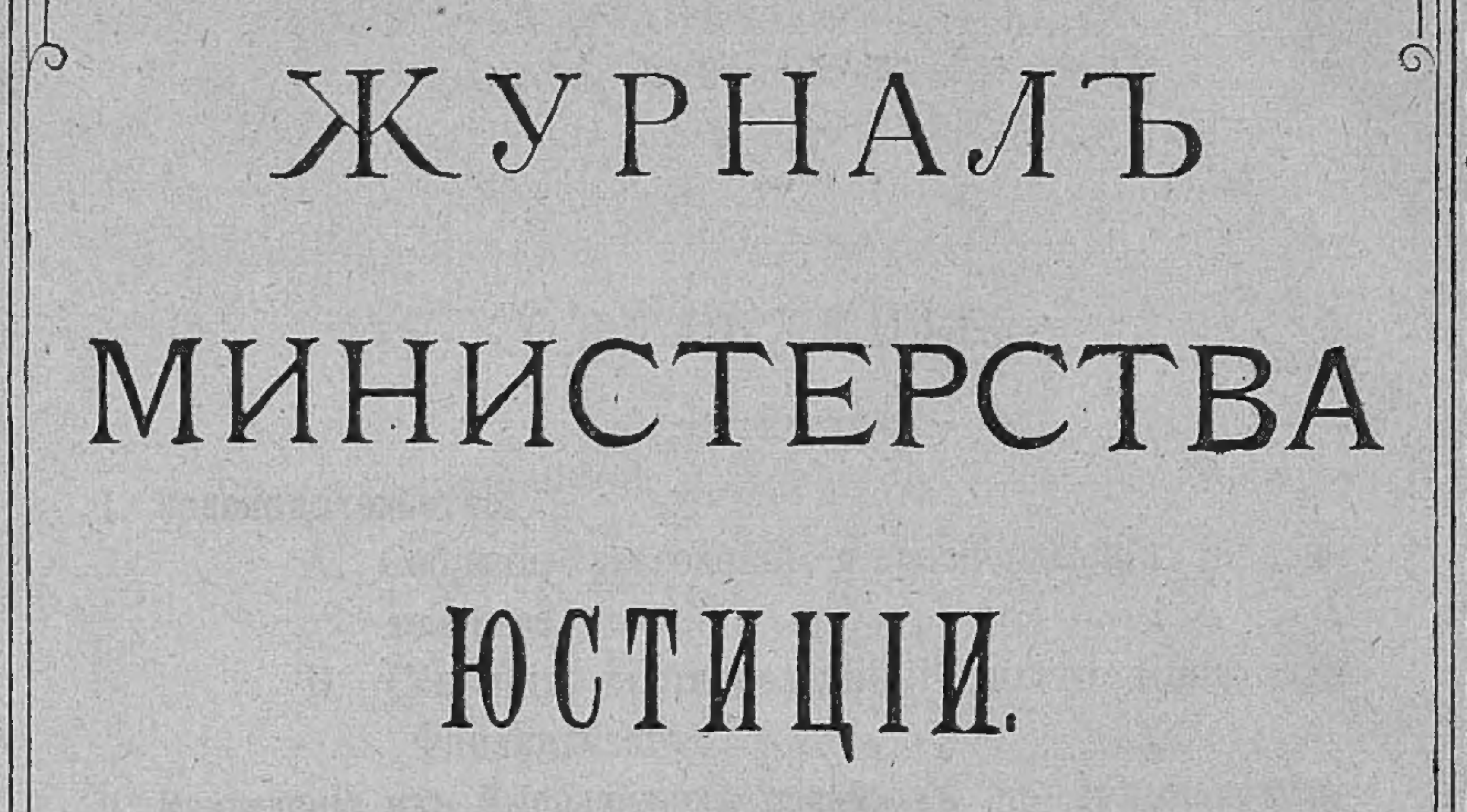
С.-ПЕТЕРБУРГЪ
Сенатская Типографія
1902

ЖУРНАЛЪ МИНИСТЕРСТВА ЮСТИЦІИ

ГОДЪ [illegible]

№ [illegible] МАРТЪ [illegible]

[illegible]

ЖУРНАЛЪ МИНИСТЕРСТВА ЮСТИЦІИ.

ГОДЪ ВОСЬМОЙ

№ 3. МАРТЪ 1902.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ
Сенатская Типографія
1902

ОГЛАВЛЕНІЕ.

ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВО.

А. СОБРАНІЕ УЗАКОНЕНІЙ И РАСПОРЯЖЕНІЙ ПРАВИТЕЛЬСТВА.

1902 г.

Отд. I. № 10, I, 24; № 11, I, 25; № 12, I, 29; № 13, II, 1; № 14, II, 4; № 15, II, 5; № 16, II, 8; № 17, II, 12; № 18, II, 15; № 19, II, 19; № 20, II, 22.

Отд. II. № 2, I, 26; № 3, II, 16.

I. Узаконенія, подлежащія внесенію въ Сводъ Законовъ.

Т. II. Общ. Учр. Губ.

Отд. I. № 12, ст. 113. Пол. Воен. Сов. (15 сент. 1901 г.). Объ утвержденіи новаго положенія объ управленіи крѣпостями (пол., ст. 67—85).

Т. II. Пол. Зем. Учр.

Отд. I. № 16, ст. 156. Мн. Гос. Сов. (7 янв. 1902 г.). О предоставленіи городскому головѣ безъуѣзднаго города Иваново-Вознесенска, Шуйскаго уѣзда, Владимірской губерніи, права участія въ Шуйскомъ уѣздномъ земскомъ собраніи.

Т. II. Гор. Пол.

Отд. I. № 13, ст. 127. Мн. Гос. Сов. (17 дек. 1901 г.). Объ установленіи въ пользу города Пскова сбора съ товаровъ.

Т. II. Учр. Кавк.

Отд. I. № 16, ст. 157. Мн. Гос. Сов. (7 янв. 1902 г.). Объ измѣненіи нѣкоторыхъ постановленій Устава о цензурѣ и печати (II).

Т. III. Уст. Пенс.

Отд. I. № 11, ст. 109. Мн. Гос. Сов. (26 ноябр. 1901 г.). Объ учрежденіи въ Москвѣ трехъ ремесленныхъ училищъ имени Григорія Шелапутина (шт., прим.). № 17, ст. 179. Выс. пов. (13 дек. 1901 г.). О служебныхъ и пенсіонныхъ правахъ завѣдывающихъ электрическимъ освѣщеніемъ въ Императорскихъ театрахъ.

Т. IV. Уст. Воин. Пов.

Отд. I. № 18, ст. 204. Выс. пов. (16 дек. 1901 г.). О предоставленіи совѣту братства Св. Гурія при Казанскомъ каѳедральномъ соборѣ права выдавать воспитанникамъ, оканчивающимъ братскія инородческія школы, свидѣтельства о знаніи курса начальныхъ училищъ, для полученія таковыми воспитанниками установленной льготы при отбываніи воинской повинности.

Т. IV. Уст. Зем. Пов.

Отд. I. № 16, ст. 150. Мн. Гос. Сов. (17 дек. 1901 г.). О поставкѣ въ Закаспійской области перевозочныхъ средствъ при мобилизаціи войскъ и въ чрезвычайныхъ, вызываемыхъ военными обстоятельствами, случаяхъ передвиженія войскъ. № 16, ст. 151. Мн. Гос. Сов. (17 дек. 1901 г.). О нѣкоторыхъ измѣненіяхъ въ составѣ особыхъ присутствій Лифляндскаго и Эстляндскаго губернскихъ правленій. № 16, ст. 155. Мн. Гос. Сов. (25 дек. 1901 г.). О распространеніи на губерніи Тифлисскую, Кутаисскую и Астраханскую порядка составленія и утвержденія смѣтъ и раскладокъ частныхъ дворянскихъ повинностей, установленнаго для губерній, въ коихъ введены земскія учрежденія.

Т. V. Уст. Прям. Налог.

Отд. I. № 11, ст. 108. Мн. Гос. Сов. (19 ноябр. 1901 г.). Объ измѣненіи ст. 7 прил. къ ст. 582 (прим. 2) Законовъ о Состояніяхъ и ст. 25 Положенія о государственномъ промысловомъ налогѣ (II).

Т. V. Уст. Акц. Сбор.

Отд. I. № 16, ст. 160. Мн. Гос. Сов. (7 янв. 1902 г.). Объ измѣненіи и дополненіи положенія о казенной продажѣ питей и устава

попечительствъ о народной трезвости. № 16, ст. 161. Пол. Ком. Мин. (14 дек. 1901 г.). О продленіи на три года дѣйствія примѣчанія 2 къ ст. 123 Устава объ Акцизныхъ Сборахъ (изд. 1893 г.). № 18, ст. 200. Пол. Ком. Мин. (27 дек. 1901 г.). О разрѣшеніи подвергать очисткѣ безъ оплаты акцизомъ спиртъ, выкуриваемый въ Крыму по садовладѣльческимъ патентамъ. № 18, ст. 203. Пол. Ком. Мин. (25 янв. 1902 г.). О порядкѣ вывоза въ порты Приморской области сѣвернѣе устья Амура и на островъ Сахалинъ товаровъ, обложенныхъ акцизомъ.

Т. VI. Уст. Тамож.

Отд. I. № 16. ст. 157. Мн. Гос. Сов. (7 янв. 1902 г.). Объ измѣненіи нѣкоторыхъ постановленій Устава о цензурѣ и печати (III).

Т. VII. Уст. Горн.

Отд. I. № 12, ст. 114. Пол. Воен. Сов. (9 ноябр. 1901 г.). О разъясненіи и дополненіи правилъ о нефтяныхъ промыслахъ на земляхъ Кубанскаго и Терскаго казачьихъ войскъ въ отношеніи правъ чиновъ мѣстныхъ административныхъ учрежденій на занятіе этимъ промысломъ на войсковыхъ земляхъ (ст. 2).

Т. IX. Зак. Сост.

Отд. I. № 11. ст. 108. Мн. Гос. Сов. (19 ноябр. 1901 г.). Объ измѣненіи ст. 7 прил. къ ст. 582 (прим. 2) Законовъ о Состояніяхъ и ст. 25 Положенія о государственномъ промысловомъ налогѣ (I).

Т. XI, ч. 1. Уст. Уч. Завед.

Отд. I. № 11, ст. 109. Мн. Гос. Сов. (26 ноябр. 1901 г.). Объ учрежденіи въ Москвѣ трехъ ремесленныхъ училищъ имени Григорія Шелапутина (I). № 18, ст. 194. Мн. Гос. Сов. (7 янв. 1902 г.). Объ учрежденіи должностей директора народныхъ училищъ Акмолинской и Семипалатинской областей и дѣлопроизводителя при директорѣ.

Т. XI, ч. 2. Уст. Торг.

Отд. I. № 18, ст. 197. Мн. Гос. Сов. (7 янв. 1902 г.). О предоставленіи войсковымъ наказнымъ атаманамъ Донскаго и Кавказскихъ казачьихъ войскъ права разрѣшать открытіе выставокъ.

Т. XII, ч. 1. Уст. Пут. Сообщ.

Отд. I. № 16, ст. 153. Мн. Гос. Сов. (25 дек. 1901 г.). О предоставленіи мѣстнымъ начальствамъ казачьихъ войскъ права утверждать таксы за пользованіе паромными переправами.

Т. XII, ч. 1. Пол. Взаим. Страх.

Отд. I. № 14, ст. 139. Мн. Гос. Сов. (25 дек. 1901 г.). Объ измѣненіи нѣкоторыхъ статей положенія о взаимномъ страхованіи отъ огня (I, II).

Т. XII, ч. 2. Пол. Трактир. Пром.

Отд. I. № 16, ст. 160. Мн. Гос. Сов. (7 янв. 1902 г.). Объ измѣненіи и дополненіи положенія о казеннной продажѣ питей и устава попечительствъ о народной трезвости (III).

Т. XIV. Уст. Пасп.

Отд. I. № 18, ст. 210. Выс. пов. (21 дек. 1901 г.). О предоставленіи губернаторамъ, градоначальникамъ и оберъ-полиціймейстерамъ освобождать иностранныхъ подданныхъ отъ платежа дополнительнаго съ заграничныхъ паспортовъ сбора въ пользу Россійскаго Общества Краснаго Креста.

Т. XIV. Пол. Вид. Жит.

Отд. I. № 13, ст. 128. Мн. Гос. Сов. (25 дек. 1901 г.). О порядкѣ снабженія женъ, мужья коихъ подвергнуты тюремному заключенію, видами на жительство на время сего заключенія.

Т. XIV. Уст. Цензурн.

Отд. I. № 16, ст. 157. Мн. Гос. Сов. (7 янв. 1902 г.). Объ измѣненіи нѣкоторыхъ постановленій Устава о цензурѣ и печати (I).

Т. XIV. Уст. Пред. Прест.

Отд. I. № 16, ст. 162. Пол. Ком. Мин. (14 дек. 1901 г.). О предоставленіи Приамурскому Генералъ-Губернатору полномочій по изданію обязательнаго постановленія о торговлѣ огнестрѣльнымъ оружіемъ и припасами въ предѣлахъ Амурской и Приморской областей.

Т. XIV. Уст. Сод. под. Стр.

Отд. I. № 12, ст. 115. Выс. пов. (28 февр. 1901 г.). О предоставленіи Министру Юстиціи утвержденія уставовъ учредительныхъ обществъ земледѣльческихъ колоній и ремесленныхъ пріютовъ и обществъ покровительства лицамъ, освобождаемымъ изъ названныхъ колоній и пріютовъ и изъ тюремъ, и о сосредоточеніи производства всѣхъ дѣлъ, касающихся означенныхъ обществъ, въ Министерствѣ Юстиціи.

Т. XV. Улож. Наказ.

Отд. I. № 16, ст. 157. Мн. Гос. Сов. (7 янв. 1902 г.). Объ измѣненіи нѣкоторыхъ постановленій Устава о цензурѣ и печати (IV).

Постановлено:

IV. Статью 1010 Уложенія о наказаніяхъ уголовныхъ и исправительныхъ (Свода Зак., т. XV, изд. 1885 г.) изложить слѣдующимъ образомъ:

Ст. 1010. За неувѣдомленіе подлежащихъ властей о всякомъ измѣненіи въ числѣ и размѣрѣ скоропечатныхъ машинъ и станковъ, виновные въ томъ содержатели типографій и другихъ подобныхъ заведеній подвергаются:

денежному взысканію не свыше пятидесяти рублей.

II. Узаконенія, не подлежащія внесенію въ Сводъ Законовъ.

По вѣдомству Министерства Военнаго.

Отд. I. № 12, ст. 113. Пол. Воен. Сов. (15 сентября 1901 г.). Объ утвержденіи новаго положенія объ управленіи крѣпостями. № 12, ст. 106. Выс. пов. (19 мая 1901 г.). Объ измѣненіи дѣйствующихъ правилъ объ увольненіи въ отпуски офицерскихъ чиновъ. № 12, ст. 118. Выс. пов. (4 дек. 1901 г.). О старшинствѣ вновь сформированнаго 55 драгунскаго Финляндскаго полка. № 12, ст. 119. О переименованіи Финляндской стрѣлковой бригады въ 1 Финляндскую стрѣлковую бригаду и о сформированіи 2 Финляндской стрѣлковой бригады въ составѣ 5, 6, 7 и 8 Финляндскихъ стрѣлковыхъ полковъ. № 13, ст. 126. Мн. Гос. Сов. (10 дек. 1901 г.). О порядкѣ производства расходовъ на содержаніе ветеринарнаго надзора въ Донскомъ частномъ коннозаводствѣ. № 13, ст. 132. Пол. Воен. Сов. (30 окт. 1901 г.). О мѣропріятіяхъ противъ заноса и распространенія чумы въ войскахъ, расположенныхъ въ мѣстностяхъ, объявленныхъ неблагополучными по чумѣ. № 13, ст. 133. Пол. Воен. Сов. (21 дек. 1901 г.). О введеніи въ дѣйствіе положенія о счетномъ отдѣлѣ Канцеляріи Военнаго Министерства. № 16, ст. 148. Мн. Гос. Сов. (10 дек. 1901 г.). Объ измѣненіи правилъ объ особыхъ преимуществахъ службы по военному вѣдомству въ отдаленныхъ мѣстностяхъ Имперіи. № 16, ст. 154. Мн. Гос. Сов. (25 дек. 1901 г.). О передачѣ дѣлопроизводства по управленію горскимъ населеніемъ Ку-

банской и Терской областей изъ Главнаго Штаба въ Главное Управленіе казачьихъ войскъ. № 16, ст. 166. Выс. пов. (23 дек. 1901 г.). О продленіи срока на одинъ годъ Высочайше дарованной кочевому населенію Памирской волости льготы по освобожденію отъ уплаты государственнаго налога и земскаго сбора. № 17, ст. 172. Пол. Воен. Сов. (4 нояб. 1901 г.). О дополненіи 73 и 205 статей XV кн. Свода Воен. Пост. 1869 г. (изд. 1896 г.). № 17, ст. 173. Пол. Воен. Сов. (18 нояб. 1901 г.). О назначеніи пособій по пенсіонному уставу по табели 1 мая 1899 г. № 17, ст. 174. Пол. Воен. Сов. (25 ноябр. 1901 г.). Объ измѣненіи примѣчанія въ статьѣ 14 Высочайше утвержденнаго, 3 іюня 1882 года, положенія о военной службѣ казаковъ Кубанскаго и Терскаго казачьихъ войскъ. № 17, ст. 175. Пол. Воен. Сов. (2 дек. 1901 г.). Объ упраздненіи одной изъ должностей военныхъ слѣдователей въ Туркестанскомъ военно-окружномъ судѣ и объ увеличеніи штатнаго состава Приамурскаго военно-окружнаго суда. № 17, ст. 176. Пол. Воен. Сов. (29 нояб. 1901 г.). О дополненіи примѣчанія къ ст. 26 Положенія объ офицерскихъ заемныхъ капиталахъ по примѣненію къ офицерамъ казачьихъ войскъ. № 17, ст. 188. Выс. пов. (27 дек. 1901 г.). Объ утвержденіи новаго изданія „Уставовъ строевой службы пѣшей артиллеріи“: „орудійное ученье“ и „пѣшее ученье“.

По вѣдомству Министерства Императорскаго Двора и Удѣловъ.

Отд. I. № 13, ст. 135. Выс. пов. (22 дек. 1901 г.). О включеніи въ штатъ Двора Ея Императорскаго Высочества Великой Княгини Ольги Александровны и Его Высочества Принца Петра Александровича Ольденбургскаго—должности Секретаря при Ея Императорскомъ Высочествѣ и Его Высочествѣ. № 13, ст. 136. Выс. пов. (3 янв. 1902 г.). О дополненіи штата Двора Ея Императорскаго Высочества Великой Княгини Ольги Александровны и Его Высочества Принца Петра Александровича Ольденбургскаго. № 13, ст. 137. Выс. пов. (10 янв. 1902 г.). Объ утвержденіи временнаго штата этнографическаго отдѣла Русскаго Музея Императора Александра III. № 18, ст. 207. Выс. пов. (27 дек. 1901 г.). Объ упраздненіи шести должностей, положенныхъ по штатамъ Нерчинскаго округа, Высочайше утвержденнымъ 11 февраля 1883 года и 8 декабря 1894 года. № 18, ст. 208. Выс. пов. (17 янв. 1902 г.). Объ открытіи должностей агронома при Самарскомъ и Саратовскомъ удѣльныхъ округахъ и штейгера при Симбирскомъ удѣльномъ округѣ. № 18, ст. 209. Выс. пов. (17 янв. 1902 г.). Объ

упраздненіи должности начальника Каптарскаго удѣльнаго лѣсопильнаго завода.

По вѣдомству Министерства Внутреннихъ Дѣлъ.

Отд. I. № 13, ст. 121. Имен. ук. (25 декабря 1901 г.). Объ отчужденіи земельнаго участка въ собственность города Новомосковска Екатеринославской губерніи для расширенія базарной площади. № 13, ст. 122. Имен. ук. (25 дек. 1901 г.). Объ отчужденіи земельнаго участка въ собственность города Сызрани, Симбирской губерніи для расширенія Кузнецкой площади. № 13, ст. 123. Объ отчужденіи земли подъ устройство подъѣзднаго пути общаго пользованія отъ погоста Бѣжаницы до одноименной станціи Московско-Виндаво-Рыбинской желѣзной дороги. № 13, ст. 124. Объ отчужденіи земли подъ устройство моста черезъ рѣку Бѣложь въ селѣ старомъ Бѣложѣ Черниговской губерніи и уѣзда. № 13, ст. 130. Пол. Ком. Мин. (27 дек. 1901 г.). О разрѣшеніи г. С.-Петербургу облигаціоннаго займа въ тридцать милліоновъ рублей. № 13, ст. 131. Пол. Ком. Мин. (27 дек. 1901 г.). Объ упраздненіи должностей полицейскихъ урядниковъ на свеклосахарныхъ заводахъ: Строгановскаго, Вороновицкаго и Степановецкаго товариществъ. Брацлавскаго уѣзда Подольской губ. № 15, ст. 145. Имен. ук. (31 янв. 1902 г.). Объ установленіи обязательной по наряду перевозки сельскими обывателями Томской губерніи хлѣба, предназначеннаго для правительственной помощи населенію этой губерніи. № 16, ст. 152. Мн. Гос. Сов. (17 дек. 1901 г.). О принятіи на общія средства государственнаго казначейства расхода по содержанію дополнительнаго штата полиціи на Ижевскомъ заводѣ. № 17, ст. 169. Пол. Ком. Мин. (14 дек. 1901 г.). О разрѣшеніи г. Кіеву заключить облигаціонный заемъ въ 2.500.000 рублей нарицательныхъ. № 17, ст. 170. Пол. Ком. Мин. (21 дек. 1901 г.). Объ исключеніи гор. Елатьмы, Тамбовской губерніи, изъ списка городскихъ поселеній съ упрощеннымъ общественнымъ управленіемъ. № 17, ст. 171. Пол. Ком. Мин. (27 дек. 1901 г.). О включеніи въ составъ территоріи гор. Вильны прилегающаго къ нему имѣнія „Звѣринецъ". № 17, ст. 185. Выс. пов. (20 дек. 1901 г.). О продленіи дѣйствія штатовъ портовыхъ управленій въ портахъ: С.-Петербургскомъ, Рижскомъ, Одесскомъ, Николаевскомъ, Бердянскомъ и Батумскомъ. № 18, ст. 190. Мн. Гос. Сов. (17 дек. 1901 г.). Объ усиленіи полицейской команды города Быхова, Могилевской губерніи. № 18, ст. 192. Мн. Гос. Сов. (25 дек. 1901 г.). Объ усиленіи кредита на содержаніе полицейскихъ урядниковъ въ Имперіи. № 18, ст. 193. Мн. Гос. Сов. (7 янв. 1902 г.).

Объ увеличеніи содержанія полицейскимъ приставамъ города Архангельска. № 18, ст. 195. Мн. Гос. Сов. (7 янв. 1902 г.). О дополненіи штата управленія перевозки почтъ по линіямъ Чита-Владивостокъ и Харбинъ—Портъ-Артуръ. № 18, ст. 196. Мн. Гос. Сов. (7 янв. 1902 г.). Объ учрежденіи въ городѣ Твери должности пристава и въ городѣ Вышнемъ-Волочкѣ двухъ должностей полицейскихъ надзирателей. № 18, ст. 198. Мн. Гос. Сов. (7 янв. 1902 г.). Объ утвержденіи штата полиціи въ посадѣ Туапсе, Черноморской губерніи. № 18, ст. 199. Мн. Гос. Сов. (7 янв. 1902 г.). Объ учрежденіи въ городѣ Бахмутѣ, Екатеринославской губерніи, должностей пристава и его помощника. № 18, ст. 201. Пол. Ком. Мин. (18 янв. 1902 г.). Объ обращеніи состоящихъ въ завѣдываніи Московской дворянской опеки капитала въ 4871 руб. 73 коп. съ % и имѣнія въ Чухломскомъ уѣздѣ, Костромской губерніи, въ собственность Московскаго дворянства.

По вѣдомству Министерства Иностранныхъ Дѣлъ.

Отд. I. № 13, ст. 134. Выс. пов. (7 дек. 1901 г.). Объ утвержденіи декларацiи о взаимномъ между Россіею и Греціею признаваніи мѣрительныхъ свидѣтельствъ торговыхъ судовъ. № 16, ст. 158. Мн. Гос. Сов. (7 янв. 1902 г.). О преобразованіи вице-консульства въ Іокагамѣ въ консульство. № 17, ст. 183. Выс. пов. (16 дек. 1901 г.). Объ утвержденіи декларацiи относительно введенія пониженныхъ таксъ въ телеграфныхъ сношеніяхъ между Европейскою Россіею и Болгаріею.

По вѣдомству Министерства Земледѣлія и Государственныхъ Имуществъ.

Отд. I. № 16, ст. 159. Мн. Гос. Сов. (7 янв. 1902 г.). Объ увеличеніи кредита на расходы по надзору за рыбными промыслами Аральскаго бассейна.

По вѣдомству Министерства Путей Сообщенія.

Отд. I. № 17, ст. 187. Выс. пов. (30 нояб. 1901 г.). Объ установленіи знака отличія за долголѣтнюю, безпорочную службу на Николаевской желѣзной дорогѣ. № 18, ст. 211. Выс. пов. (21 дек. 1901 г.). О присвоеніи вновь построенному третьему пути между С.-Петербургомъ и Царскимъ Селомъ, назначенному для слѣдованія Императорскихъ поѣздовъ, наименованія „Императорскій путь“.

По вѣдомству Министерства Финансовъ.

Отд. I. № 10, ст. 107. Выс. пов. (янв. 1902 г. безъ указанія числа). Объ учрежденіи особаго совѣщанія о нуждахъ сельскохозяйственной промышленности. № 13, ст. 129. Мн. Гос. Сов. (25 дек. 1901 г.). Объ учрежденіи двухъ новыхъ должностей окружныхъ инспекторовъ по коммерческому образованію. № 16, ст. 149. Объ учрежденіи второй должности помощника агента департамента государственнаго казначейства въ Портъ-Артурѣ. № 16, ст. 163. Выс. пов. (3 дек. 1901 г.). Объ учрежденіи стипендій въ Козловскомъ коммерческомъ училищѣ С.-Петербургскаго купеческаго общества, въ Императорскомъ Строгановскомъ центральномъ художественно-промышленномъ училищѣ, въ Симбирскомъ ремесленномъ училищѣ графа В. В. Орлова-Давыдова и въ Кіевскомъ коммерческомъ училищѣ и объ утвержденіи правилъ о сихъ стипендіяхъ. № 16, ст. 164. Выс. пов. (11 дек. 1901 г.). Объ учрежденіи стипендіи въ коммерческомъ училищѣ Московскаго общества распространенія коммерческаго образованія. № 16, ст. 165. Выс. пов. (18 янв. 1902 г.). О продленіи срока выборки на 1902 годъ промысловыхъ свидѣтельствъ на золотые пріиски.

По вѣдомству Главнаго Управленія государственнаго коннозаводства.

Отд. I. № 18, ст. 191. Мн. Гос. Сов. (25 дек. 1901 г.). Объ утвержденіи штатовъ Пензенской и Тамбовской заводскихъ конюшенъ.

По вѣдомству Учрежденій Императрицы Маріи.

Отд. I. № 17, ст. 177. Пол. Опек. Сов. (15 дек. 1901 г.). Объ увеличеніи жалованья казначея С.-Петербургскихъ сиротскихъ заведеній. № 17, ст. 178. Пол. Опек. Сов. (15 дек. 1901 г.). О назначеніи денежнаго довольствія сверхштатнымъ врачамъ Императорскаго воспитательнаго дома. № 17. ст. 181. Выс. пов. (15 дек. 1901 г.). Объ открытіи Муромскаго уѣзднаго Попечительства дѣтскихъ пріютовъ вѣдомства учрежденій Императрицы Маріи и о принятіи пріюта Ермаковыхъ въ Муромѣ въ число пріютовъ вѣдомства. № 17, ст. 182. Выс. пов. (15 дек. 1901 г.). Объ открытіи Самарскаго уѣзднаго Попечительства дѣтскихъ пріютовъ вѣдомства учрежденій Императрицы Маріи.

По вѣдомству Православнаго Исповѣданія.

Отд. I. № 13, ст. 125. Мн. Гос. Сов. (19 ноябр. 1901 г.). О сохраненіи за Рождество-Богородичнымъ женскимъ монастыремъ, Грод-

ненской епархіи, по переводѣ его изъ города Гродны въ урочище Краснотокъ, Сокольскаго уѣзда, отпускаемаго нынѣ изъ казны содержанія. № 16, ст. 147. Мн. Гос. Сов. (26 ноябр. 1901 г.). Объ учрежденіи при С.-Петербургскихъ духовно-учебныхъ заведеніяхъ должности сверхштатнаго врача-консультанта по хирургическимъ болѣзнямъ. № 17, ст. 180. Выс. пов. (15 дек. 1901 г.). О присвоеніи Вировской монастырской школѣ особаго наименованія. № 18, ст. 205. Выс. пов. (13 янв. 1902 г.). Объ измѣненіи устава Александро-Маріинскаго дома призрѣнія.

По вѣдомству Императорскаго Человѣколюбиваго Общества.

Отд. I. № 18, ст. 206. Выс. пов. (17 дек. 1901 г.). О разрѣшеніи принадлежащему Московскому обществу поощренія трудолюбія въ Александровскомъ убѣжищѣ увѣчныхъ воиновъ дому, построенному А. В. Баевою, наименованія въ честь Ихъ Императорскихъ Высочествъ Великаго Князя Сергія Александровича и Великой Княгини Елисаветы Ѳеодоровны.

По дѣламъ частныхъ лицъ, обществъ и установленій.

Отд. I. № 17, ст. 184. Выс. пов. (22 дек. 1901 г.). О принятіи Ея Императорскимъ Высочествомъ Княгинею Анастасіею Николаевною Романовскою, Герцогинею Лейхтенбергскою, подъ Ея покровительство Николаевскаго приходскаго благотворительнаго общества при Колтовской Спасо-Преображенской церкви. № 17, ст. 186. Выс. пов. (17 ноябр. 1901 г.). Объ учрежденіи Императорскимъ С.-Петербургскимъ обществомъ естествоиспытателей при Императорскомъ С.-Петербугскомъ университетѣ медали Имени Почетнаго Президента названнаго общества Его Императорскаго Высочества Великаго Князя Александра Михайловича. № 18, ст. 202. Пол. Ком. Мин. (18 янв. 1902 г.). Объ учрежденіи надъ личностью князя Анатолія Барятинскаго и всѣмъ его имуществомъ опекунскаго управленія.

Отд. II. № 2, ст. 23. Пол. Ком. Мин. (16 ноября 1901 г.). Объ измѣненіи условій дѣятельности въ Россіи бельгійскаго акціонернаго общества подъ наименованіемъ Южно-Уральское анонимное металлургическое Общество. № 2, ст. 24. Пол. Ком. Мин. (23 ноября 1901 г.), Объ измѣненіи устава Одесскаго общества производства домостроительныхъ матеріаловъ. № 2, ст. 25. Пол. Ком. Мин. (8 дек. 1901 г.), Объ утвержденіи устава общества русскихъ томасофосфатныхъ заводовъ. № 3, ст. 32. Пол. Ком. Мин. (25 янв. 1902 г.). О мѣрахъ къ возстановленію дѣятельности Харьковскаго земельнаго банка.

III. Опредѣленіе Правительствующаго Сената.

Отд. I. № 18, ст. 212. По вопросу о томъ: слѣдуетъ ли при продажѣ крестьянскихъ участковъ за недоимки выкупныхъ платежей продавать вмѣстѣ съ сими участками находящіяся на нихъ строенія недоимщиковъ.

1883 года марта 8 дня. По указу Его Императорскаго Величества Правительствующій Сенатъ слушали: переданное Министромъ Внутреннихъ Дѣлъ дѣло по представленію Министра Финансовъ по вопросу о томъ: слѣдуетъ ли, при продажѣ крестьянскихъ участковъ за недоимки выкупныхъ платежей, продавать, вмѣстѣ съ сими участками, находящіяся на нихъ строенія недоимщиковъ. Приказали: Вслѣдствіе возбужденнаго Калужскимъ Губернскимъ по кр. дѣл. Присутствіемъ вопроса о томъ: подлежатъ ли крестьянскіе подворные участки продажѣ за недоимки выкупныхъ платежей, *вмѣстѣ съ находящимися на нихъ постройками или безъ оныхъ,* Министръ Финансовъ, 16 октября 1876 г., входилъ въ упраздненный нынѣ Главный Комитетъ объ устр. сельск. состоянія съ представленіемъ по изложенному предмету, которое препровождалось Главнымъ Комитетомъ на заключеніе II отдѣленія Собственной Его Императорскаго Величества Канцеляріи и Министра Внутреннихъ Дѣлъ, а симъ послѣднимъ, на основаніи Именнаго Высочайшаго указа 25 мая 1882 г. о закрытіи Главнаго Комитета и Высочайше утвержденнаго 25 того же мая мнѣнія Государственнаго Совѣта по тому же предмету, передано на разсмотрѣніе Правительствующаго Сената. Изъ представленія Министерства Финансовъ отъ 16 октября 1876 г. видно, что оно, за неимѣніемъ въ существующихъ узаконеніяхъ прямаго указанія для разрѣшенія возбужденнаго вопроса, признало нужнымъ привести предварительно въ извѣстность, какъ разрѣшался этотъ вопросъ на практикѣ, и потому затребовало о семъ надлежащія свѣдѣнія отъ начальниковъ губерній, въ коихъ бывали случаи означенной продажи. Изъ полученныхъ отъ Губернаторовъ отзывовъ оказалось, что продажа подворныхъ участковъ въ разныхъ мѣстностяхъ примѣнялась не одинаково, такъ: по Костромской губерніи они продавались вмѣстѣ съ постройками недоимщиковъ, по Московской и Тверской—безъ строеній, которыя оставлялись въ пользу крестьянъ для сноса, по требованію покупателей, въ Тульской же губерніи примѣнялись оба эти способа. Сообразивъ возбужденный Калужскимъ Губернскимъ по кр. дѣл. Присутствіемъ вопросъ съ точнымъ смысломъ дѣйствующихъ узаконеній, Правительствующій Сенатъ находитъ, что, по силѣ 5 и 6 пп. 133

ст. Полож. о вык., для пополненія недоимокъ выкупныхъ платежей, числящихся на участковыхъ (подворныхъ) владѣльцахъ, предоставляется, между прочимъ, волостному начальству: 1) подвергнуть описи и продажѣ принадлежащее *недоимщику лично недвижимое имущество*, за исключеніемъ лишь выкупленной крестьяниномъ усадьбы, которая, въ теченіе первыхъ девяти лѣтъ съ утвержденія Положенія, продажѣ на пополненіе недоимки не подлежитъ, и 2) распорядиться о продажѣ части движимаго имущества и *строеній* недоимщика, которая не составляетъ крайней необходимости въ его хозяйствѣ; но если бы сими, предоставленными въ распоряженіе волостнаго начальства, крайними мѣрами недоимка не была пополнена, то пріобрѣтенный недоимщикомъ участокъ, согласно 135—138 ст. Пол. о вык., подвергается полиціею продажѣ съ публичныхъ торговъ установленнымъ для сего въ упомянутыхъ статьяхъ порядкомъ. Изъ изложеннаго видно, что продажа строеній недоимщика, не составляющихъ крайней необходимости въ его хозяйствѣ, можетъ быть примѣняема волостнымъ начальствомъ въ томъ случаѣ, когда подворные участки оставляются еще за недоимщиками; такое изъятіе отъ продажи помянутыхъ построекъ допущено съ тою цѣлію, чтобы предоставить недоимщикамъ возможность продолжать веденіе хозяйства на тѣхъ участкахъ и удержать ихъ за собою. Но когда, по безуспѣшности сей мѣры, продаются самые участки, и когда, слѣдовательно, хозяйство на нихъ неплательщиковъ прекращается, то изъятіе отъ продажи находящихся на нихъ строеній представлялось бы совершенно излишнимъ и имѣло бы видъ особой льготы, не имѣющей законнаго основанія. Въ виду сего и принимая во вниманіе, съ одной стороны, что по узаконеніямъ, изложеннымъ въ мѣстныхъ Положеніяхъ (Великорос. ст. 267 и 269, Малорос. ст. 256 и 258, Сѣверозапад. ст. 216 Югозап. ст. 231 и 233), о способахъ пополненія недоимокъ оброка, съ отобраніемъ отъ неплательщиковъ земельныхъ участковъ, находящіяся на нихъ строенія назначаются въ продажу, и что къ допущенію различія между способомъ взысканія недоимокъ оброка и выкупныхъ платежей не представляется основаній; а съ другой стороны, что продажа участковъ безъ строеній, необходимыхъ для веденія на нихъ хозяйства, могла бы часто оказываться безуспѣшною; при выручкѣ же за участокъ со строеніями суммы, превышающей недоимку, весь излишекъ предоставляется недоимщику (Полож. о вык. ст. 135 п. 7),—Правительствующій Сенатъ, согласно съ мнѣніемъ Министра Финансовъ, признаетъ, что, по смыслу дѣйствующихъ узаконеній, на пополненіе недоимокъ по выкупнымъ платежамъ подворные участки недоимщиковъ назна-

чаются въ продажу вмѣстѣ съ находящимся на нихъ постройками, а потому опредѣляетъ: о настоящемъ разъясненіи для свѣдѣнія и должнаго, въ чемъ до кого касаться будетъ, исполненія увѣдомить Министровъ и Главноуправляющихъ отдѣльными частями, однихъ указами, а другихъ—чрезъ передачу къ дѣламъ Оберъ-Прокурора 1 Департамента Правительствующаго Сената копій съ опредѣленій Сената; равнымъ образомъ послать указы: Главноначальствующему Гражданскою частью на Кавказѣ, Генералъ-Губернаторамъ, Военнымъ Губернаторамъ, Губернаторамъ, Губернскимъ, Областнымъ и Войсковымъ Правленіямъ; въ Святѣйшій же Правительствующій Синодъ, во всѣ Департаменты Правительствующаго Сената и Общія оныхъ Собранія сообщить вѣдѣнія, а въ Департаментъ Министерства Юстиціи передать копію съ опредѣленія и припечатать въ установленномъ порядкѣ.

IV. Распоряженія, предложенныя и объявленныя Правительствующему Сенату.

Министромъ Юстиціи.

Отд. I. № 13, ст. 138. Объ измѣненіи правилъ счетоводства по эмеритальному капиталу Министерства Юстиціи. № 18, ст. 213. Объ утвержденіи положенія о стипендіи имени жены капитана Вѣры Барсуковой при домѣ трудолюбія въ городѣ Рязани [1]).

Военнымъ Министромъ.

Отд. I. № 19, ст. 227. О разъясненіи ст. 491 Устава о воинской повинности казачьихъ войскъ (изд. 1897 г.).

Министромъ Внутреннихъ Дѣлъ.

Отд. I. № 11, ст. 111. Объ учрежденіи должности урядника на каменноугольныхъ копяхъ Иваново-Матвѣевскаго горно-промышленнаго товарищества вблизи деревни Касьяновки Иркутскаго уѣзда Иркутской губерніи. № 18, ст. 218. Объ учрежденіи двухъ должностей городовыхъ на рудникѣ Ирминскаго каменноугольнаго товарищества при станціи Варварополье, Славяносербскаго уѣзда, Екатеринославской губерніи. № 18, ст. 219. Объ установленіи въ городѣ Чистополѣ, Казанской губерніи, обязательнаго для хозяевъ домовъ и завѣдывающихъ оными объявленія полиціи о лицахъ, прибывшихъ въ дома и

---

[1]) Относится къ вѣдомству учрежденій Императрицы Маріи.

выбывшихъ изъ нихъ. № 18, ст. 220. Объ учрежденіи должности конно-полицейскаго урядника при селѣ Бочечкахъ, Путивльскаго уѣзда, Курской губерніи. № 18, ст. 221. Объ утвержденіи инструкціи морскимъ врачебно-наблюдательнымъ станціямъ и морскимъ карантиннымъ учрежденіямъ Чернаго моря, правилъ санитарнаго надзора надъ лицами, прибывшими изъ неблагополучныхъ по холерѣ и чумѣ заграничныхъ мѣстностей, и временныхъ санитарныхъ правилъ для пассажирскихъ судовъ Каспійскаго моря. № 18, ст. 222. Объ учрежденіи должностей урядниковъ въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ Имперіи.

Министромъ Земледѣлія и Государственныхъ Имуществъ.

Отд. I. № 18, ст. 217. Объ отнесеніи Баргузинскаго округа къ числу мѣстностей малонаселенныхъ въ отношеніи развѣдки ископаемыхъ, поименованныхъ въ ст. 260 и 262 Уст. Горн.

Министромъ Путей Сообщенія.

Отд. I. № 14, ст. 141. Объ измѣненіи списка станцій на линіяхъ ж. дорогъ, на которыхъ удаленіе пассажира изъ поѣзда не допускается. № 14, ст. 142. О дополненіи списка станцій на линіяхъ ж. дорогъ, на которыхъ удаленіе пассажира изъ поѣзда не допускается. № 14, ст. 143. Объ открытіи станціи Вендичаны Юго-западныхъ желѣзныхъ дорогъ для производства обязательныхъ операцій по пассажирскому движенію въ мѣстномъ и прямомъ сообщеніяхъ. № 14, ст. 144. Объ открытіи станціи Тритузной Екатерининской желѣзной дороги для производства обязательныхъ операцій по пассажирскому движенію въ мѣстномъ и прямомъ сообщеніяхъ. № 18, ст. 223. О подчиненіи Бѣлгородъ-Сумской желѣзной дороги дѣйствію международной конвенціи о перевозкѣ грузовъ по желѣзнымъ дорогамъ. № 18, ст. 224. О подчиненіи участка Кіевъ-Полтава Московско-Кіево-Воронежской желѣзной дороги дѣйствію международной конвенціи о перевозкѣ грузовъ по желѣзнымъ дорогамъ. № 18, ст. 225. О дополненіи правилъ перевозки по желѣзнымъ дорогамъ грузовъ въ навалку.

Отд. II. № 2 ст. 31. О признаніи общества Гроецкаго подъѣзднаго пути состоявшимся.

Министромъ Финансовъ.

Отд. I. № 12, ст. 120. Объ утвержденіи временныхъ правилъ для испытанія и повѣрки электрическихъ измѣрительныхъ приборовъ, представляемыхъ въ главную палату мѣръ и вѣсовъ, и таксы за вывѣрку означенныхъ приборовъ. № 14 ст. 140. О цѣ-

нахъ процентныхъ бумагъ для исчисленія пошлины съ безмезднаго ихъ перехода на первое полугодіе 1902 года. № 15, ст. 146. Объ открытіи на станціи „Маньчжурія“ Китайской Восточной желѣзной дороги, таможенной заставы. № 16, ст. 167. Объ утвержденіи временныхъ правилъ для повѣрки водомѣровъ въ главной палатѣ мѣръ и вѣсовъ. № 16, ст. 168. Объ утвержденіи наставленія въ пастеризаціи пробъ пивнаго сусла. № 18, ст. 214. Объ учрежденіи штатной должности врача въ частной торговой школѣ Р. О. Ковальскаго въ Варшавѣ. № 18, ст. 215. О цѣнѣ гарантированныхъ правительствомъ 4% облигацій общества Московско-Казанской и Лодзинской фабричной желѣзныхъ дорогъ, выпуска 1901 года, для пріема означенныхъ облигацій, въ теченіе первой половины 1902 года, въ залоги по казеннымъ подрядамъ и поставкамъ, по разсрочиваемому акцизу и по обезпеченію тамоможенныхъ пошлинъ. № 18, ст. 216. Объ отмѣнѣ § 1 и п. д § 9 правилъ о порядкѣ таможеннаго клеймѣнія товаровъ. № 19, ст. 226. Объ утвержденіи новой инструкціи полиціямъ по наблюденію за правильнымъ производствомъ торговли питьями въ мѣстностяхъ, въ которыхъ введено Положеніе о казенной продажѣ питей. № 20, ст. 228. Объ утвержденіи правилъ о примѣненіи Положенія о государственномъ промысловомъ налогѣ къ обложенію промышленныхъ предпріятій, добывающихъ золото и платину.

Отд. II. № 2, ст. 26. Объ утвержденіи устава Лабинскаго общества взаимнаго кредита. № 2, ст. 27. Объ измѣненіи и дополненіи устава третьяго Рижскаго общества взаимнаго кредита. № 2, ст. 28. О продленіи срока для первоначальнаго взноса денегъ за акціи Россійскаго строительнаго общества. № 2, ст. 29. О продленіи срока для собранія второй части денегъ за акціи акціонернаго общества афинернаго и металлопрокатнаго завода въ Москвѣ. № 2, ст. 30. Объ измѣненіи устава печной учебной мастерской Вятскаго губернскаго земства.

Государственнымъ Контролеромъ.

Отд. I. № 11, ст. 112. Объ учрежденіи въ Москвѣ особой контрольной части для ревизіи оборотовъ Московско-Ярославско-Архангельской желѣзной дороги.

Б. СБОРНИКЪ ПОСТАНОВЛЕНІЙ ВЕЛИКАГО КНЯЖЕСТВА ФИНЛЯНДСКАГО.

1901 г. № 46, I, 11 (1902 г.); № 49, II, 11 (1902 г.); № 50, III, 5 (1902 г.) (н. ст.) [1].

№ 46. *Резол. Фин. Сен.* объ утвержденіи устава страховаго отъ огня общества финляндскихъ евангелическо-лютеранскихъ приходовъ.—*Предп. Фин. Сен.* Або-Бьернеборгскому губернатору, объ увеличеніи числа базарныхъ дней въ церковномъ селеніи Бьерноскаго прихода.

№ 49. *Выс. объяв.* объ увеличеніи окладовъ содержанія коллегъ элементарныхъ и женскихъ училищъ края.—*Выс. пов.:* а) исправляющему должность Улеоборгскаго губернатора, объ увеличеніи оклада содержанія герадсгевдинга Лаппмаркенской юрисдикціи и о причитающейся ему при выходѣ въ отставку пенсіи; б) главному управленію училищнаго вѣдомства, о дальнѣйшемъ отпускѣ суммъ на стипендіи учительскому персоналу школъ для глухонѣмыхъ и слѣпыхъ дѣтей въ краѣ; в) главному управленію училищнаго вѣдомства, относительно увеличенія оклада содержанія учителей и учительницъ пѣнія при женскихъ училищахъ во всѣхъ городахъ края, кромѣ Гельсингфорса.—*Резол. Фин. Сен.* о разрѣшеніи желѣзнодорожному акціонерному обществу „Фридрихсгамъ“ заключить облигаціонный заемъ на сумму въ 500.000 марокъ.

№ 50. Дополненія къ ординарной росписи доходовъ и расходовъ Великаго Княжества Финляндскаго на 1901 годъ.—Дополненія къ экстраординарной росписи Великаго Княжества Финляндскаго на 1901 годъ.—*Предп. Фин. Сен.* духовной консисторіи Куопіоской эпархіи, о перечисленіи казеннаго геймата Туйра въ духовномъ отношеніи изъ прихода Улео къ городу Улеоборгу.

---

[1]) №№ 47 и 48 не получены.

ИЗВЛЕЧЕНІЕ ИЗЪ

ВЫСОЧАЙШИХЪ ПРИКАЗОВЪ

ПО ГРАЖДАНСКОМУ ВѢДОМСТВУ.

№ 9, февраля 1 дня 1902 года.

По Правительствующему Сенату.

Назначаются: Членъ Консультаціи, при Министерствѣ Юстиціи учрежденной, исполняющій обязанности Вице-Директора Перваго Департамента означеннаго Министерства, Дѣйствительный Статскій Совѣтникъ **Огаревъ**—къ присутствованію въ Правительствующемъ Сенатѣ, съ 23 января, съ производствомъ его въ Тайные Совѣтники; Помощникъ Оберъ-Секретаря Перваго Департамента Правительствующаго Сената, Коллежскій Совѣтникъ **Хлѣбниковъ**—Оберъ-Секретаремъ того же Департамента.

По вѣдомству Министерства Юстиціи.

Опредѣляется *на службу, изъ отставныхъ*, Статскій Совѣтникъ **Васильковъ**—Участковымъ Мировымъ Судьею Россіенскаго округа.

Назначаются: Прокуроръ Харьковской Судебной Палаты, Дѣйствительный Статскій Совѣтникъ **Давыдовъ**—Старшимъ Предсѣдателемъ Одесской Судебной Палаты; Прокуроръ С.-Петербургскаго Окружнаго Суда, Коллежскій Совѣтникъ **Лопухинъ**—Исправляющимъ должность Прокурора Харьковской Судебной Палаты; Старшій Юрисконсультъ Консультаціи, при Министерствѣ Юстиціи учрежденной, Дѣйствительный Статскій Совѣтникъ **Куницкій**—Вице-Директоромъ Перваго Департамента Министерства; Юрисконсультъ Министерства, Дѣйствительный Статскій Совѣтникъ **Веревкинъ**—Старшимъ Юрисконсультомъ Консультаціи, при Министерствѣ Юстиціи учрежденной; Состоящій за оберъ-прокурорскимъ столомъ, сверхъ ком-

плекта, во Второмъ Департаментѣ Правительствующаго Сената, исполняющій Обязанности Редактора Втораго Департамента Министерства, Статскій Совѣтникъ **Корниловичъ**—Исправляющимъ должность Юрисконсульта Министерства, съ 12 января; Прокуроръ Витебскаго Окружнаго Суда, Надворный Совѣтникъ **Камышанскій**—Товарищемъ Предсѣдателя С.-Петербургскаго Окружнаго Суда; Товарищъ Прокурора С.-Петербургскаго Окружнаго Суда, Коллежскій Ассесоръ **Завадскій**—Прокуроромъ Великолуцкаго Окружнаго Суда, съ производствомъ его, за выслугу лѣтъ, въ Надворные Совѣтники, со старшинствомъ съ 1 іюня 1901 г.; Секретарь Харьковской Судебной Палаты, Коллежскій Ассесоръ **Коммисаржевскій**—Членомъ Полтавскаго Окружнаго Суда; Добавочный Мировой Судья по Курляндской губерніи, Титулярный Совѣтникъ **Шукшта** и Причисленный къ Министерству, Титулярный Совѣтникъ **Воробьевъ**—Мировыми Судьями: Шукшта—2-го участка Ревельско-Гапсальскаго округа, а Воробьевъ—4-го участка Перново-Феллинскаго округа; Причисленный къ Министерству, Губернскій Секретарь **Молофѣевъ**—Участковымъ Мировымъ Судьею Поневѣжскаго округа; Младшій Дѣлопроизводитель Главнаго Тюремнаго Управленія, Коллежскій Секретарь **Христіановичъ**—Добавочнымъ Мировымъ Судьею по Курляндской губерніи; Исправляющій должность Судебнаго Слѣдователя 1-го участка Минскаго уѣзда, округа Минскаго Окружнаго Суда, Надворный Совѣтникъ **Завитневичъ**, Причисленные къ Министерству: Статскій Совѣтникъ **Павловскій**, Надворные Совѣтники: **Ткачевъ**, **Долотинъ** и **Загорскій**, Коллежскіе Ассесоры: **Гнѣдичъ**, **Гайдученко** и **Корольковъ**, Титулярные Совѣтники: **Михаловскій**, **Рукавичниковъ** и **Лемени-Македонъ**, Коллежскіе Секретари: **Тодоровичъ** и **Каминскій** и окончившій курсъ юридическихъ наукъ въ Императорскомъ Университетѣ съ дипломомъ 2-ой степени **Андреевскій** и Помощники Мировыхъ Судей: Елисаветпольскаго уѣзднаго отдѣла, Завѣдывающій Елисаветпольскимъ уѣзднымъ слѣдственнымъ участкомъ, Титулярный Совѣтникъ **Васильевъ**, Бакинскаго отдѣла, завѣдывающій 3-мъ Бакинскимъ городскимъ слѣдственнымъ участкомъ, Титулярный Совѣтникъ **Прусскій**, Шемахинскаго отдѣла, завѣдывающіе слѣдственными участками: Шемахинскимъ городскимъ, Титулярный Совѣтникъ **Монастырскій** и Басхальскимъ, Титулярный Совѣтникъ **Готовицкій**, Кутаисскаго городскаго отдѣла, Коллежскій Секретарь **Георгизонъ**, 3-го участка III отдѣла г. Тифлиса, Коллежскій Секретарь **Гавриловъ** и Карсскаго отдѣла, Коллежскій Секретарь **Эльценъ**—Товарищами Прокуроровъ Окружныхъ Судовъ: Павловскій—Варшавскаго, Завитневичъ, Васильевъ, Прускій и Гавриловъ—Елисаветпольскаго, Ткачевъ—Эриванскаго, Долотинъ, Гайдученко и Рукавичниковъ—Херсонскаго, Загорскій, Корольковъ, Михаловскій, Лемени-Македонъ и Тодоровичъ—Каменецъ-Подольскаго, Гнѣдичъ—Сувалкскаго, Каминскій и Андреевскій—Елисаветградскаго, Монастырскій, Готовицкій и Эльценъ—Бакинскаго и Георгизонъ—Кутаисскаго; Городской Судья 1-го участка г. Бобруйска, Надворный Совѣтникъ **Петровъ**, Причисленный къ Министерству, Коллежскій Ассесоръ **Булычевъ** и Добавочные Мировые Судьи округовъ Окружныхъ Судовъ: Асхабадскаго, Коллежскій Секретарь **Вейсъ** и Иркутскаго, окончившій курсъ юридическихъ наукъ въ Императорскомъ Университетѣ съ дипломомъ 2-ой степени **Мейссель**—Мировыми Судьями: Петровъ—2-го участка Маріинскаго уѣзда, Булычевъ—2-го участка округа Владивостокскаго Окружнаго Суда, Вейсъ—2-го Мерв-

скаго участка и Мейссель—5-го участка Нижнеудинскаго уѣзда; Мировой Судья 5-го участка Нижнеудинскаго уѣзда, Коллежскій Ассесоръ **Дунинъ**, Секретарь Асхабадскаго Окружнаго Суда, Губернскій Секретарь **Шредеръ** и Старшій Кандидатъ на должности по судебному вѣдомству при Екатеринославскомъ Окружномъ Судѣ, Коллежскій Секретарь **Волковинскій**—Добавочными Мировыми Судьями округовъ Окружныхъ Судовъ: первый—Иркутскаго, второй—Асхабадскаго и третій—Владивостокскаго; Отставной Коллежскій Совѣтникъ **Алихановъ**—Почетнымъ Мировымъ Судьею округа Елисаветпольскаго Окружнаго Суда, на текущее, съ 1 іюля 1900 г., трехлѣтіе.

Переводится *на службу по вѣдомству Министерства Юстиціи:* Помощникъ Статсъ-Секретаря Государственнаго Совѣта, Дѣйствительный Статскій Совѣтникъ **Максимовскій**—Членомъ Консультаціи, при Министерствѣ Юстиціи учрежденной; Младшій Дѣлопроизводитель VII класса Государственной Канцеляріи, Коллежскій Ассесоръ **Боровитиновъ**—Чиновникомъ особыхъ порученій VI класса при Министерствѣ.

Перемѣщаются: Прокуроры Окружныхъ Судовъ: Усть-Медвѣдицкаго, Коллежскій Совѣтникъ **Горемыкинъ** и Великолуцкаго, Надворный Совѣтникъ фонъ-**Рейтернъ**—Прокурорами Окружныхъ Судовъ: первый—Кишиневскаго, а второй—Витебскаго, съ производствомъ изъ нихъ Горемыкина, за выслугу лѣтъ, въ Статскіе Совѣтники, со старшинствомъ съ 24 мая 1901 г.; Членъ Благовѣщенскаго Окружнаго Суда, Статскій Совѣтникъ **Булгаровскій**—Членомъ Елисаветпольскаго Окружнаго Суда, согласно прошенію; Участковый Мировой Судья Поневѣжскаго округа, Статскій Совѣтникъ **Харченко** - Участковымъ Мировымъ Судьею Вилкомирскаго округа; Мировые Судьи округовъ: Перново-Феллинскаго: 2-го участка, Надворный Совѣтникъ **Апостоловъ** и 4-го участка, Надворный Совѣтникъ **Эбулдинъ** и Ревельско-Гапсальскаго, 2-го участка, Коллежскій Ассесоръ **Корніенко**—Мировыми Судьями: Апостоловъ—1-го участка Перново-Феллинскаго округа, Эбулдинъ—2-го участка того же округа и Корніенко—8-го участка Ревельско-Гапсальскаго округа; Товарищи Прокуроровъ Окружныхъ Судовъ: Кишиневскаго: Надворный Совѣтникъ **Жолтановскій** и Коллежскій Ассесоръ **Шелухинъ**, Красноярскаго, Коллежскій Ассесоръ **Кассе** и Тифлисскаго, Титулярный Совѣтникъ **Войдато-Пацевичъ**—Товарищами Прокуроровъ Окружныхъ Судовъ: Жолтановскій и Шелухинъ—Одесскаго, Кассе—Томскаго и Войдато-Пацевичъ—Варшавскаго; Мировые Судьи: 1-го участка Змѣиногорскаго уѣзда, Коллежскій Ассесоръ **Стеблинъ-Каменскій** и 1-го участка Маріинскаго уѣзда, Титулярный Совѣтникъ **Гальперинъ**—одинъ на мѣсто другого.

Увольняются *отъ должности, согласно прошеніямъ:* Участковый Мировой Судья Луцкаго округа, Коллежскій Ассесоръ **Просяниченко**, Исправляющій должность Судебнаго Слѣдователя 2-го участка Гайсинскаго уѣзда, округа Каменецъ-Подольскаго Окружнаго Суда, Коллежскій Ассесоръ **Сердюковъ** и Мировые Судьи: 2-го участка Кемскаго уѣзда, Титулярный Совѣтникъ **Накрохинъ** и 10-го участка округа Владивостокскаго Окружнаго Суда, Коллежскій Секретарь **Дроздовскій**, всѣ четыре по случаю причисленія ихъ къ Министерству.

Увольняются *отъ службы: согласно прошеніямъ:* Мировые Судьи: 5-го участка III Лодзинскаго округа, Статскій Совѣтникъ **Берковъ** и 2-го

участка Маріинскаго уѣзда, Коллежскій Секретарь **Макаринъ**, изъ нихъ первый съ мундиромъ, занимаемой имъ должности присвоеннымъ.

Согласно прошенію, по болѣзни, Участковый Мировой Судья Радомысльскаго округа, Статскій Совѣтникъ **Антеповичъ**.

Предоставляется Уволенному отъ службы, согласно прошенію, Участковому Мировому Судьѣ Новоградволынскаго округа, Коллежскому Совѣтнику **Кошурникову**—носить въ отставкѣ мундиръ, означенной должности присвоенный.

Умершіе *исключаются изъ списковъ:* Старшій Предсѣдатель Одесской Судебной Палаты, Дѣйствительный Статскій Совѣтникъ **Витте**; Уѣздный Членъ Владимірскаго Окружнаго Суда, по Покровскому уѣзду, Статскій Совѣтникъ **Осиповъ**; Членъ С.-Петербургскаго Окружнаго Суда, Статскій Совѣтникъ **Брейтфусъ**; Исправлявшій должность Судебнаго Слѣдователя 2-го участка Буинскаго уѣзда, округа Симбирскаго Окружнаго Суда, Надворный Совѣтникъ **Алексѣевъ**; Городской Судья 5-го участка г. Екатеринослава, Коллежскій Ассесоръ **Комаревскій**.

По межевому управленію.

Назначаются: Старшій Межевой Ревизоръ при Управленіи Межевою Частью, Межевой Инженеръ, Дѣйствительный Статскій Совѣтникъ **Смирновъ**—Тульскимъ Губернскимъ Землемѣромъ, согласно прошенію; Забайкальскій Областной Землемѣръ, Межевой Инженеръ, Коллежскій Ассесоръ **Пашковскій**—Исправляющимъ должность Члена-дѣлопроизводителя Коммисіи для отграниченія земель Забайкальскаго казачьяго войска.

№ 10, февраля 9 дня 1902 года.

По вѣдомству Министерства Юстиціи.

Назначаются: Прокуроръ Владикавказскаго Окружнаго Суда, Дѣйствительный Статскій Совѣтникъ **Чичинадзе**—Предсѣдателемъ того же Окружнаго Суда; Причисленные къ Министерству, Надворные Совѣтники: **Баллодъ** и **Знаменскій** и Товарищъ Прокурора Оренбургскаго Окружнаго Суда, Коллежскій Ассесоръ **Чихачевъ**—Уѣздными Членами Окружныхъ Судовъ: первый—Пензенскаго, по Саранскому уѣзду, второй—Смоленскаго, по Бѣльскому уѣзду, и послѣдній—Оренбургскаго, по Оренбургскому уѣзду; Мировые Судьи: 3-го участка Дисненскаго округа, Статскій Совѣтникъ **Валуевъ**, 3-го участка Юрьево-Верроскаго округа, Коллежскій Совѣтникъ **Сѣверовъ** и 2-го участка Самаркандскаго уѣзда, Надворный Совѣтникъ **Леонасъ** и Товарищи Прокуроровъ Окружныхъ Судовъ: Кишиневскаго, Надворный Совѣтникъ **Кулябко** и Каменецъ-Подольскаго, Коллежскій Ассесоръ **Попель**—Членами Окружныхъ Судовъ: Валуевъ—Кутаисскаго, Сѣверовъ, Кулябко и Попель—Каменецъ-Подольскаго и Леонасъ—Ново-Маргеланскаго; Городской Судья г. Козельца, Надворный Совѣтникъ **Михайловскій**—Миро-

вымъ Судьею 3-го участка Юрьево-Верроскаго округа; Дѣлопроизводитель Втораго Департамента Министерства, Коллежскій Совѣтникъ **Головковъ**—Редакторомъ того же Департамента, съ 1 февраля; Причисленный къ Министерству, Титулярный Совѣтникъ **Корсакъ**—Мировымъ Судьею Ахалкалакскаго отдѣла; Причисленный къ Министерству, Коллежскій Секретарь **Щепетовъ**—Городскимъ Судьею г. Тарусы.

Перемѣщаются: Товарищъ Предсѣдателя Таганрогскаго Окружнаго Суда, Статскій Совѣтникъ **Саульскій**—Товарищемъ Предсѣдателя Минскаго Окружнаго Суда, согласно прошенію; Уѣздный Членъ Кишиневскаго Окружнаго Суда, по Аккерманскому уѣзду, Статскій Совѣтникъ **Клеберъ**—Уѣзднымъ Членомъ Херсонскаго Окружнаго Суда, по Херсонскому уѣзду, согласно прошенію; Товарищи Прокуроровъ Окружныхъ Судовъ: Витебскаго, Надворный Совѣтникъ **Кибиревъ** и Рижскаго, Коллежскій Секретарь **Лопухинъ**—Товарищами Прокуроровъ Окружныхъ Судовъ: первый—С.-Петербургскаго, а второй—Витебскаго; Мировой Судья Ахалкалакскаго отдѣла, Статскій Совѣтникъ **Балакирщиковъ**—Мировымъ Судьею Тіонетскаго отдѣла; Городской Судья г. Тарусы, Коллежскій Ассесоръ **Залѣскій**—Городскимъ Судьею 2-го участка г. Калуги.

Увольняются *отъ должности, согласно прошеніямъ:* Участковый Мировой Судья Звенигородскаго округа, Надворный Совѣтникъ **Бутовскій** и Городскіе Судьи: 1-го участка г. Уфы, Коллежскій Ассесоръ **Орловскій** и г. Верхнеуральска, Титулярный Совѣтникъ **Кирѣевъ**, всѣ три по случаю причисленія ихъ къ Министерству; Почетный Мировой Судья округа Эриванскаго Окружнаго Суда, Дѣйствительный Статскій Совѣтникъ **Шошинъ**.

Увольняются *отъ службы, согласно прошенію,* Предсѣдатель Владикавказскаго Окружнаго Суда, Тайный Совѣтникъ **Стратоновъ**, съ мундиромъ, занимаемой имъ должности присвоеннымъ.

согласно прошеніямъ, по болѣзни: Мировые Судьи: 1-го участка г. Ченстохова, II округа Петроковской губерніи, Статскій Совѣтникъ **Верисоцкій** и г. Кѣльцъ, I округа Кѣлецкой губерніи, Коллежскій Совѣтникъ **Твердовъ**, изъ нихъ первый съ мундиромъ, занимаемой имъ должности присвоеннымъ; Исправляющій должность Судебнаго Слѣдователя 2-го участка Темниковскаго уѣзда, округа Тамбовскаго Окружнаго Суда, Статскій Совѣтникъ **Рембишевскій**, съ 30 января, съ мундиромъ, исправляемой имъ должности присвоеннымъ.

Умершіе *исключаются изъ списковъ:* Уѣздный Членъ Лубенскаго Окружнаго Суда, по Прилукскому уѣзду, Статскій Совѣтникъ **Монькинъ**; Почетный Мировой Судья округа Омскаго Окружнаго Суда, Титулярный Совѣтникъ **Кушлейко**.

По тюремному управленію.

Назначается Исправляющій должность Начальника Ревельской срочной тюрьмы, Губернскій Секретарь **Зимбергъ**—Исправляющимъ должность Начальника Ревельской губернской тюрьмы.

Увольняется *отъ службы, согласно прошенію, по болѣзни,* Исправляющій должность Начальника Томской центральной пересыльной тюрьмы, Губернскій Секретарь **Вершининъ**.

№ 11, февраля 15 дня 1902 года.

По вѣдомству Министерства Юстиціи.

Назначаются: Судебный Слѣдователь по важнѣйшимъ дѣламъ округа С.-Петербургскаго Окружнаго Суда, Статскій Совѣтникъ Кузминъ—Прокуроромъ Гродненскаго Окружнаго Суда, согласно прошенію; Товарищи Прокуроровъ Окружныхъ Судовъ: Ломжинскаго, Статскій Совѣтникъ Холевинскій и Воронежскаго, Статскій Совѣтникъ Чуевъ и Мировые Судьи: Закатальскаго отдѣла, Надворный Совѣтникъ Шахъ-Пароніанцъ и 2-го участка Ауліэатинскаго уѣзда, Титулярный Совѣтникъ Темировъ—Членами Окружныхъ Судовъ: первый—Ломжинскаго, второй—Воронежскаго, третій—Елисаветпольскаго и послѣдній—Уфимскаго.

Перемѣщаются, *согласно прошеніямъ:* Товарищи Предсѣдателей Окружныхъ Судовъ: Кутаисскаго, Статскій Совѣтникъ Крыжановскій и Екатеринодарскаго, Коллежскій Совѣтникъ Суринъ—Товарищами Предсѣдателей Окружныхъ Судовъ; первый—Тифлисскаго, а второй—Кутаисскаго; Членъ Елисаветпольскаго Окружнаго Суда, Коллежскій Совѣтникъ Лазаревъ—Членомъ Тифлисскаго Окружнаго Суда.

Увольняются *отъ службы: согласно прошенію,* Товарищъ Предсѣдателя Плоцкаго Окружнаго Суда, Дѣйствительный Статскій Совѣтникъ Зглиницкій, съ мундиромъ, занимаемой имъ должности присвоеннымъ.

согласно прошеніямъ, по болѣзни: Прокуроръ Гродненскаго Окружнаго Суда, Статскій Совѣтникъ Бажановъ и Членъ Ставропольскаго Окружнаго Суда, Статскій Совѣтникъ Вронскій, оба съ мундирами, занимаемымъ ими должностямъ присвоенными.

По межевому управленію.

Назначаются: Помощники Губернскихъ Землемѣровъ: Рязанскаго, Коллежскій Совѣтникъ Маслюковъ и Пермскаго, Надворный Совѣтникъ Ткаль—Губернскими Землемѣрами: Маслюковъ—Рязанскимъ, а Ткаль—Пермскимъ, оба съ 1 февраля.

Перемѣщается Якутскій Областной Землемѣръ, Межевой Инженеръ, Надворный Совѣтникъ Корневъ—Забайкальскимъ Областнымъ Землемѣромъ, съ 1 февраля.

По тюремному управленію.

Увольняется *отъ службы, согласно прошенію, по болѣзни,* Начальникъ Кіевской губернской тюрьмы, Коллежскій Совѣтникъ Магуза, съ мундиромъ, занимаемой имъ должности присвоеннымъ.

№ 12, февраля 21 дня 1902 года.

По вѣдомству Министерства Юстиціи.

Опредѣляется *на службу, изъ отставныхъ*, Статскій Совѣтникъ **Остриковъ**—Товарищемъ Прокурора Воронежскаго Окружнаго Суда.

Назначаются: Товарищъ Предсѣдателя Уманскаго Окружнаго Суда, Дѣйствительный Статскій Совѣтникъ **Незабитовскій**—Членомъ Кіевской Судебной Палаты, согласно прошенію; Товарищъ Прокурора Тифлисскаго Окружнаго Суда, Статскій Совѣтникъ **Мосѣвичъ**—Товарищемъ Предсѣдателя Елисаветпольскаго Окружнаго Суда; Товарищъ Прокурора С.-Петербургскаго Окружнаго Суда, Коллежскій Ассесоръ **Яковлевъ**—Прокуроромъ Владикавказскаго Окружнаго Суда; Причисленный къ Министерству, Надворный Совѣтникъ **Култашевъ**—Уѣзднымъ Членомъ Владимірскаго Окружнаго Суда, по Покровскому уѣзду; Причисленный къ Министерству, Коллежскій Ассесоръ **Кошелевъ**—Мировымъ Судьею 1-го участка Фридрихштадтъ-Иллукстскаго округа; Членъ Астраханскаго Окружнаго Суда, Надворный Совѣтникъ **Антоновъ**—Почетнымъ Мировымъ Судьею Астраханскаго городскаго округа, на текущее, съ 1 Апрѣля 1900 г., трехлѣтіе, съ оставленіемъ его въ занимаемой имъ должности; Мировой Судья 1-го участка Тобольскаго уѣзда Коллежскій Ассесоръ **Калининъ** и Секретарь при Прокурорѣ Московскаго Окружнаго Суда, Титулярный Совѣтникъ **Крюковъ**—Товарищами Прокуроровъ Окружныхъ Судовъ; первый—Тобольскаго, а второй—Вологодскаго; Помощникъ Секретаря Харьковской Судебной Палаты, Титулярный Совѣтникъ **Оранскій** и Старшій Кандидатъ на должности по судебному вѣдомству при Екатеринославскомъ Окружномъ Судѣ, Титулярный Совѣтникъ **Катаевъ**—Городскими Судьями: Оранскій—5-го участка г. Екатеринослава, а Катаевъ—г. Маріуполя; Товарищъ Прокурора Тобольскаго Окружнаго Суда, Надворный Совѣтникъ **Аглицкій**—Мировымъ Судьею Сургутскаго уѣзда.

Перемѣщаются: Товарищи Прокуроровъ Окружныхъ Судовъ: Рязанскаго, Надворный Совѣтникъ **Боролевскій**, Саратовскаго, Надворный Совѣтникъ **Юревичъ**, Вологодскаго, Коллежскій Ассесоръ **Виссаріоновъ**, Ревельскаго, Титулярный Совѣтникъ **Шиловскій** и Нижегородскаго, Коллежскій Секретарь **Писаревъ**—Товарищами Прокуроровъ Окружныхъ Судовъ: Боролевскій—Рижскаго, Юревичъ—Ревельскаго, Виссаріоновъ — Нижегородскаго, Шиловскій—Саратовскаго и Писаревъ—Рязанскаго; Мировой Судья Сургутскаго уѣзда, Коллежскій Секретарь **Литынскій** — Мировымъ Судьею 1-го участка Тобольскаго уѣзда.

Увольняются *отъ должности*: Почетный Мировой Судья округа Семипалатинскаго Окружнаго Суда, отставной Генералъ-Лейтенантъ **Карповъ**, съ 23 Октября 1901 г., согласно прошенію; Почетный Мировой Судья Витебскаго округа, Коллежскій Секретарь **Заблоцкій**, съ 1 Октября 1901 г., по случаю назначенія его Земскимъ Начальникомъ 1-го участка Городокскаго уѣзда, Витебской губерніи; Судебный Слѣдователь Плоцкаго уѣзда, округа Плоцкаго Окружнаго Суда, Статскій Совѣтникъ **Гощинскій**, съ 1 Февраля, согласно прошенію, по случаю назначенія его Нотаріусомъ при Ипотечной

Канцеляріи Мироваго Судьи 2-го участка г. Плоцка; Товарищъ Прокурора Рязанскаго Окружнаго Суда, Надворный Совѣтникъ **Матвѣевъ** и Исправляющій должность Судебнаго Слѣдователя 1-го участка Фатежскаго уѣзда, округа Курскаго Окружнаго Суда, Коллежскій Совѣтникъ **Жуковскій**, оба согласно прошеніямъ, по случаю причисленія ихъ къ Министерству.

Увольняется *отъ службы, согласно прошенію, по болѣзни*, Мировой Судья Шушинскаго отдѣла, Статскій Совѣтникъ **Сомковичъ**, съ мундиромъ, занимаемой имъ должности присвоеннымъ.

Умершіе *исключаются изъ списковъ*: Почетный Мировой Судья Житомірскаго округа, Титулярный Совѣтникъ **Козубскій**; Городской Судья Нижне-Тагильскаго завода, Верхотурскаго уѣзда, Статскій Совѣтникъ **Докудовскій**.

ПРИКАЗЫ

ПО ВѢДОМСТВУ МИНИСТЕРСТВА ЮСТИЦІИ.

№ 4, отъ 31-го января 1902 года.

Причисляются *къ Министерству:* секретарь Орловскаго окружнаго суда, коллежскій секретарь **Коссобудскій**, исправляющіе должность секретаря окружныхъ судовъ: Одесскаго: титулярный совѣтникъ **Бернадскій** и коллежскій секретарь **Немировскій** и Усть-Медвѣдицкаго, коллежскій секретарь **Копыловъ** и старшіе кандидаты на должности по судебному вѣдомству при окружныхъ судахъ: Симферопольскомъ, титулярный совѣтникъ **Потаповъ** и Кишиневскомъ, коллежскій секретарь **Ускатъ**—съ откомандированіемъ къ исправленію должности судебнаго слѣдователя: Коссобудскій—2 участка Брянскаго уѣзда, округа Орловскаго окружнаго суда, Бернадскій и Немировскій—въ округѣ Одесскаго окружнаго суда, Копыловъ—2 участка Усть-Медвѣдицкаго округа, Потаповъ—въ округѣ Симферопольскаго окружнаго суда и Ускатъ—2 участка Бѣлецкаго уѣзда, округа Кишиневскаго окружнаго суда.

Опредѣляется *въ службу:* мѣщанинъ Александръ **Лодзе**—канцелярскимъ служителемъ III разряда центральнаго управленія Министерства Юстиціи, согласно прошенію и Высочайшему соизволенію, объявленному въ приказѣ по гражданскому вѣдомству отъ 1 января 1902 года за № 1. съ 1 января 1902 года.

Командируются: причисленные къ Министерству Юстиціи, командированные къ исправленію должности судебнаго слѣдователя: по важнѣйшимъ дѣламъ округа Херсонскаго окружнаго суда, надворный совѣтникъ **Владиміровъ**, 3 участка Балтскаго уѣзда, округа Каменецъ-Подольскаго окружнаго суда, коллежскій секретарь **Машкевичъ**, 3 участка г. Вильны, округа Виленскаго окружнаго суда, коллежскій ассесоръ **Ганъ**, Епифанскаго уѣзда округа Тульскаго окружнаго суда, титулярный совѣтникъ **Панкратьевъ**, 2 участка Усть-Медвѣдицкаго округа, титулярный совѣтникъ **Поповъ**—къ исправленію должности судебнаго слѣдователя: Владиміровъ и Машкевичъ—въ округѣ Одесскаго окружнаго суда, Ганъ—по важнѣйшимъ дѣламъ округа

Гродненскаго окружнаго суда, Панкратьевъ—по важнѣйшимъ дѣламъ округа Симферопольскаго окружнаго суда и Поповъ—4 участка Усть-Медвѣдицкаго округа.

Увольняются *отъ службы*: причисленные къ Министерству Юстиціи: титулярный совѣтникъ **Софійскій** и командированный для занятій въ канцелярію гражданскаго кассаціоннаго департамента Правительствующаго Сената **Богдановъ**, оба—согласно прошеніямъ.

По главному тюремному управленію: опредѣляется *въ службу, на основаніи 507 ст. Уст. о сл. прав., изд. 1896 г.*: кандидатъ на классную должность военно-медицинскаго вѣдомства Владиміръ **Андрониковъ**—канцелярскимъ служителемъ III разряда, главнаго тюремнаго управленія, съ 30 іюля 1901 года.

№ 5, отъ 8-го февраля 1902 года.

Причисляются *къ Министерству*: исправляющій должность секретаря при прокурорѣ Каменецъ-Подольскаго окружнаго суда, губернскій секретарь **Шабліовскій** и старшіе кандидаты на должности по судебному вѣдомству: при Одесской судебной палатѣ: титулярный совѣтникъ **Антипинъ** и коллежскій секретарь **Яскорскій**, и при окружныхъ судахъ: С.-Петербургскомъ, коллежскій секретарь **Холостовъ**, Каменецъ-Подольскомъ: титулярный совѣтникъ **Рубиновскій** и окончившій курсъ юридическихъ наукъ въ Императорскомъ Новороссійскомъ университетѣ, съ дипломомъ второй степени, **Пашковскій**, и Елисаветградскомъ: титулярный совѣтникъ **Лукешъ** и коллежскіе секретари: **Чорба** и **Якубовскій**—съ откомандированіемъ къ исправленію должности судебнаго слѣдователя въ округахъ окружныхъ судовъ: Шабліовскій, Антипинъ, Рубиновскій и Пашковскій—Каменецъ-Подольскаго, Яскорскій и Холостовъ—Кишиневскаго, Лукешъ, Чорба и Якубовскій—Елисаветградскаго.

Опредѣляется *въ службу*: отставной статскій совѣтникъ **Демьяновичъ**—въ вѣдомство Министерства Юстиціи, съ причисленіемъ къ сему Министерству и съ откомандированіемъ къ исправленію должности старшаго нотаріуса Кашинскаго окружнаго суда.

Увольняются *отъ службы*: причисленный къ Министерству Юстиціи, командированный къ исправленію должности судебнаго слѣдователя 3 участка округа Владивостокскаго окружнаго суда, коллежскій секретарь графъ **Симоничъ**, согласно прошенію.

По губернскимъ учрежденіямъ: назначаются: старшій кандидатъ на должности по судебному вѣдомству при Эриванскомъ окружномъ судѣ, губернскій секретарь **Карышковскій** — помощникомъ мироваго судьи Сурмалинскаго отдѣла, округа того же окружнаго суда.

Перемѣщается: помощникъ мироваго судьи Тіонетскаго отдѣла, округа Тифлисскаго окружнаго суда, коллежскій ассесоръ **Кочаровскій**—помощникомъ мирового судьи Ахалкалакскаго отдѣла, округа того же окружнаго суда.

По Высочайше учрежденному Николаевскому комитету для разбора и призрѣнія нищихъ въ С.-Петер-

бургѣ: назначается: младшій врачъ лѣчебницы для приходящихъ при Высочайше учрежденномъ Николаевскомъ Комитетѣ для разбора и призрѣнія нищихъ, коллежскій ассесоръ, докторъ медицины **Геккеръ**—врачемъ-спеціалистомъ той же лечебницы.

№ 6, отъ 13-го февраля 1902 года.

Причисляются *къ Министерству*: помощникъ секретаря Казанской судебной палаты, коллежскій секретарь **Милоновъ** и старшій кандидатъ на должности по судебному вѣдомству при Симферопольскомъ окружномъ судѣ, коллежскій секретарь **Бѣлый**—съ откомандированіемъ къ исправленію должности судебнаго слѣдователя: первый—2 участка Ирбитскаго уѣзда округа Екатеринбургскаго окружнаго суда, второй—3 участка Мелитопольскаго уѣзда, округа Симферопольскаго окружнаго суда.

Командируются: причисленные къ Министерству Юстиціи, командированные къ исправленію должности судебнаго слѣдователя: Симферопольскаго уѣзда, округа Симферопольскаго окружнаго суда, титулярный совѣтникъ **Птицынъ**, 3 участка Мелитопольскаго уѣзда, округа того же окружнаго суда, титулярный совѣтникъ **Заворотній** и 2 участка Ирбитскаго уѣзда, округа Екатеринбургскаго окружнаго суда, коллежскій секретарь **Вешняковъ**—къ исправленію должности судебнаго слѣдователя: Птицынъ—по г. Симферополю, Заворотній—Симферопольскаго уѣзда, Вешняковъ—3 участка Камышловскаго уѣзда, округа Екатеринбургскаго окружнаго суда.

Увольняется *отъ службы, согласно прошеніямъ*: причисленные къ Министерству Юстиціи: надворный совѣтникъ **Наумовъ** и командированные для занятій въ канцеляріи кассаціонныхъ департаментовъ Правительствующаго Сената: гражданскаго, губернскій секретарь **Замараевъ** и уголовнаго **Юскинъ**, послѣдній—съ 1 февраля 1902 г.

По губернскимъ учрежденіямъ: переводится: состоящій въ вѣдомствѣ Министерства Иностранныхъ Дѣлъ, коллежскій секретарь **фонъ-Сиверсъ**—секретаремъ крѣпостнаго отдѣленія съѣзда мировыхъ судей Везенбергъ-Вейсенштейнскаго округа.

Увольняются *отъ должности, согласно прошенію*: гминный судья 3 округа Островскаго уѣзда, Ломжинской губерніи, **Апознанскій**.

№ 7, отъ 19-го февраля 1902 г.

Назначается: старшій кандидатъ на должности по судебному вѣдомству при С.-Петербургскомъ окружномъ судѣ, коллежскій секретарь **Воронковъ**—помощникомъ дѣлопроизводителя X класса второго департамента Министерства Юстиціи, съ 1 февраля 1902 года.

Причисляются *къ Министерству*: уволенные Высочайшими приказами по гражданскому вѣдомству отъ должностей, согласно прошеніямъ: отъ 1 февраля 1902 года за № 9: бывшій участковый мировой судья Луцкаго округа, коллежскій ассесоръ **Просяниченко** и исправлявшій должность судебнаго слѣдователя 2 участка Гайсинскаго уѣзда, округа Каменецъ-По-

дольскаго окружнаго суда, коллежскій ассесоръ **Сердюковъ**, и отъ 9 февраля 1902 года, за № 10, бывшіе: участковый мировой судья Звенигородскаго округа, надворный совѣтникъ **Бутовскій** и городскіе судьи: 1 участка г. Уфы, коллежскій ассесоръ **Орловскій** и г. Верхнеуральска, титулярный совѣтникъ **Кирѣевъ**; старшіе кандидаты на должности по судебному вѣдомству при окружныхъ судахъ: Калужскомъ, коллежскій секретарь **Вишняковъ**, Ковенскомъ, титулярный совѣтникъ **Ферстеръ** и Симбирскомъ, титулярный совѣтникъ **Козаковъ**—съ откомандированіемъ къ исправленію должностей: старшаго нотаріуса окружныхъ судовъ: Луцкаго—Просяниченко, Рязанскаго—Бутовскій и Троицкаго—Кирѣевъ, и судебнаго слѣдователя: Сердюковъ—въ округѣ Одесскаго окружнаго суда, Орловскій—въ округѣ Елисаветградскаго окружнаго суда, Вишняковъ—Лихвинскаго уѣзда, округа Калужскаго окружнаго суда, Ферстеръ—2 участка Новоалександровскаго уѣзда, округа Ковенскаго окружнаго суда, Козаковъ—2 участка Буинскаго уѣзда, округа Симбирскаго окружнаго суда; изъ нихъ: Просяниченко и Сердюковъ—съ 1 февраля, Бутовскій, Орловскій и Кирѣевъ—съ 9 февраля 1902 года;

старшій кандидатъ на должности по судебному вѣдомству при Кіевской судебной палатѣ, коллежскій секретарь **Кривуша-Кониcкій**—съ откомандированіемъ для занятій въ канцелярію уголовнаго кассаціоннаго департамента Правительствующаго Сената.

Командируются: причисленные къ Министерству Юстиціи, командированные къ исправленію должности судебнаго слѣдователя: 7 участка г. С.-Петербурга, надворный совѣтникъ **Александровъ**—въ 12 участокъ г. С.-Петербурга, 1 участка Царскосельскаго уѣзда, надворный совѣтникъ **Петровскій**—въ 10 участокъ г. С.-Петербурга, 2 участка Новгородскаго уѣзда, коллежскій ассесоръ **Евневичъ**—въ 1 участокъ Царскосельскаго уѣзда, округа С.-Петербургскаго окружнаго суда, Лихвинскаго уѣзда, округа Калужскаго окружнаго суда, коллежскій секретарь **Желоховцевъ**—въ 3 участокъ Жиздринскаго уѣзда, округа того же окружнаго суда, 2 участка Новоалександровскаго уѣзда, округа Ковенскаго окружнаго суда, коллежскій асесоръ **Мизевскій**—въ 1 участокъ того же уѣзда, и 2 участка Прасковейскаго уѣзда, округа Ставропольскаго окружнаго суда, титулярный совѣтникъ **Рехтлихъ**—въ 3 участокъ Самарскаго уѣзда, округа Самарскаго окружнаго суда.

Переводятся: правитель канцеляріи Лифляндскаго губернатора, коллежскій ассесоръ **Яковлевъ** и причисленный къ Министерству Внутреннихъ Дѣлъ, губернскій секретарь **Бржесскій**—въ вѣдомство Министерства Юстиціи, съ причисленіемъ къ сему Министерству и съ откомандированіемъ изъ нихъ Бржесскаго—для занятій въ главное тюремное управленіе.

По Правительствующему Сенату: назначается: секретарь при оберъ-прокурорѣ гражданскаго кассаціоннаго департамента Правительствующаго Сената, надворный совѣтникъ **Бѣляевъ**—старшимъ помощникомъ оберъ-секретаря того же департамента Сената, съ 1 февраля 1902 года.

Опредѣляется *въ службу*: сынъ тайнаго совѣтника Владиміръ **Студенцовъ**—канцелярскимъ служителемъ сенатской типографіи, съ 31 января 1902 года.

По Губернскимъ учрежденіямъ: перемѣщается: судебный слѣдователь 3 участка г. Москвы, статскій совѣтникъ **Всесвятскій**—су-

дебнымъ слѣдователемъ 2 участка г. Москвы и по важнѣйшимъ дѣламъ округа Московскаго окружнаго суда.

По межевой части.

№ 1, отъ 17-го января 1902 года.

По Межевой Канцеляріи: Опредѣляются *на службу*: окончившіе курсъ: въ Константиновскомъ Межевомъ Институтѣ, съ званіемъ Младшихъ Землемѣрныхъ Помощниковъ и съ правомъ на чинъ XIV класса: Николай **Березинъ** и Анатолій **Скрицкій** и въ Курскомъ Землемѣрномъ Училищѣ, съ званіемъ частнаго землемѣра **Канаки**—Младшими Землемѣрными Помощниками, съ откомандированіемъ для занятій въ Губернскія Чертежныя: Березинъ—Новгородскую, Скрицкій и Канаки—Курскую; изъ нихъ послѣдній съ 14 января 1902 года.

По межевымъ учебнымъ заведеніямъ: Назначенъ: Старшій Землемѣрный Помощникъ Межевой Канцеляріи, Межевой Инженеръ, Титулярный Совѣтникъ **Херасковъ**—Преподавателемъ Курскаго Землемѣрнаго Училища, съ 1 января 1902 года.

По губернской межевой части: Опредѣленъ *на службу*: окончившій курсъ въ Пензенскомъ Землемѣрномъ Училищѣ, съ званіемъ частнаго землемѣра **Кабловъ**—Младшимъ Помощникомъ Землемѣра при Тифлисской Судебной Палатѣ, съ 14 января 1902 года.

Назначены: Уѣздный Землемѣръ Витебской губерніи, Надворный Совѣтникъ **Садковскій**—Помощникомъ Витебскаго Губернскаго Землемѣра и Старшій Землемѣрный Помощникъ Межевой Канцеляріи, Межевой Инженеръ, Титулярный Совѣтникъ **Спасскій**—для исполненія обязанностей Уѣзднаго Землемѣра Тульской губерніи, съ оставленіемъ Старшимъ Землемѣрнымъ Помощникомъ Межевой Канцеляріи; изъ нихъ: первый съ 7 декабря 1901 года, а послѣдній—съ 8 января 1902 года.

Увольняются *отъ службы, согласно прошеніямъ, по болѣзни*: Надворные Совѣтники, Уѣздные Землемѣры губерній: Курской—**Соколовъ** и **Семеновъ** и Костромской—**Піотровскій**; изъ нихъ послѣдній—съ 17 декабря 1901 года.

№ 2, отъ 8-го февраля 1902 года.

По Межевой Канцеляріи: Освобожденъ: отъ исполненія обязанностей Уѣзднаго Землемѣра С.-Петербургской губерніи, Старшій Землемѣрный Помощникъ, Межевой Инженеръ, Титулярный Совѣтникъ **Барчанъ**, съ 1 февраля 1902 года.

По губернской межевой части: Назначаются: Уѣздные Землемѣры губерній: Таврической—Надворный Совѣтникъ **Сварычевскій**, Екатеринославской—Надворный Совѣтникъ **Поляковъ**, Пензенской—Надворный Совѣтникъ **Шимковъ**, Симбирской—Надворный Совѣтникъ **Ивановъ**, Нижегородской—Надворный Совѣтникъ **Мисюревичъ**, Олонецкой—Надворный Совѣтникъ **Шелковниковъ**, Владимірской—Надворный Совѣтникъ **Бел-**

лонинъ, Казанской—Коллежскій Ассесоръ **Парафіяновичъ**, Калужской—Межевой Инженеръ, Коллежскій Ассесоръ **Соколовъ** и Могилевской—Межевой Инженеръ, Коллежскій Ассесоръ **Мунтянъ**—Помощниками Губернскихъ Землемѣровъ: первый—Таврическаго, второй—Могилевскаго, третій—Пензенскаго, четвертый—Симбирскаго, пятый—Нижегородскаго, шестой—Новгородскаго, седьмой—Владимірскаго, восьмой—Казанскаго, девятый—Костромскаго и десятый—С.-Петербургскаго; Старшіе Землемѣрные Помощники Межевой Канцеляріи, исполняющіе обязанности Уѣздныхъ Землемѣровъ губерній: Казанской—Межевые Инженеры: Титулярный Совѣтникъ **Махотинъ** и Коллежскій Секретарь **Малыгинъ**, Бессарабской—Межевые Инженеры: Титулярный Совѣтникъ **Барчанъ** и Коллежскіе Секретари **Ивановъ** и **Брандтъ**, Смоленской—Межевой Инженеръ, Титулярный Совѣтникъ **Грудзинскій**, Саратовской—Межевой Инженеръ, Коллежскій Секретарь **Катинъ** и С.-Петербургской—Межевой Инженеръ, Коллежскій Секретарь **Халчевъ** и Младшій Землемѣрный Помощникъ Межевой Канцеляріи, исполняющій обязанности Уѣзднаго Землемѣра Новгородской губерніи, Губернскій Секретарь **Кожевниковъ**—всѣ девять Уѣздными Землемѣрами означенныхъ губерній; Чертежникъ Енисейской Губернской Чертежной, Губернскій Секретарь **Масловскій**—Уѣзднымъ Землемѣромъ Енисейской губерніи; изъ нихъ: Масловскій съ 19 января, а остальные съ 1 февраля 1902 года.

Переводятся: Помощники Губернскихъ Землемѣровъ: Нижегородскаго—Межевой Инженеръ, Надворный Совѣтникъ **Сныткинъ** и Псковскаго—Надворный Совѣтникъ **Скарлыгинъ** и Уѣздные Землемѣры губерній: Псковской—Коллежскій Ассесоръ **Булаевскій** и Костромской—Коллежскій Секретарь **Соловьевъ** на таковыя же должности въ губерніи: первый—Рязанскую, второй—Самарскую, третій—С.-Петербургскую и четвертый—Саратовскую; изъ нихъ Скарлыгинъ съ 1 февраля 1902 года.

Уволены *отъ службы, согласно прошеніямъ*: Помощники Губернскихъ Землемѣровъ: Владимірскаго—Надворный Совѣтникъ **Коверскій**—по болѣзни и Таврическаго—Надворный Совѣтникъ **Лукирскій** и Дѣлопроизводитель Забайкальской Областной Чертежной, Коллежскій Секретарь **Селивановъ**; изъ нихъ: Лукирскій съ 28 января, Коверскій и Селивановъ съ 1 февраля 1902 года.

ЦИРКУЛЯРНЫЯ РАСПОРЯЖЕНІЯ

ПО МИНИСТЕРСТВУ ЮСТИЦІИ.

XVI. Января 24 дня 1902 г. № 2938.

Г.г. Предсѣдателямъ и Прокурорамъ судебныхъ мѣстъ.

На основаніи примѣчанія къ ст. 1 Высочайше утвержденныхъ 11 ноября 1871 г. правилъ о статистической отчетности по дѣламъ уголовнымъ, во избѣжаніе ошибокъ и пропусковъ въ бланкахъ, на коихъ отмѣчаются статистическія свѣдѣнія,—всѣ такіе бланки заготовляются по распоряженію Министерства Юстиціи и засимъ разсылаются судебнымъ установленіямъ, съ удержаніемъ платы за таковые бланки изъ канцелярскихъ суммъ сихъ установленій по соразмѣрности. Циркулярами же отъ 16 апрѣля 1879 г. за № 7227 и 26 апрѣля 1884 г. за № 1715 было установлено, что бланки для статистической отчетности должны быть заказываемы въ Сенатской Типографіи.

Между тѣмъ за послѣднее время, при разработкѣ поступающаго въ Министерство Юстиціи статистическаго матеріала, усматривается, что упомянутые бланки весьма часто печатаются въ частныхъ типографіяхъ на листахъ неодинаковаго размѣра, причемъ совершенно различно и число вопросныхъ пунктовъ, содержащихся на каждой страницѣ бланковъ.

Находя, что такой порядокъ, затрудняя статистическое отдѣленіе Министерства Юстиціи при размѣткѣ и приведеніи въ порядокъ доставляемыхъ бланковъ, замедляетъ своевременную разработку статистическихъ свѣдѣній, я признаю необходимымъ подтвердить Г.г. Предсѣдателямъ и Прокурорамъ судебныхъ мѣстъ о необходимости неуклоннаго соблюденія всѣми судебными установленіями и должностными лицами указаній, преподанныхъ циркулярами отъ 16 апрѣля 1879 г. за № 7227 и 26 апрѣля 1884 г. за № 1715.

XVII. Февраля 7 дня 1902 г. № 4442.

Господину Предсѣдателю окружнаго суда.

Изъ имѣющихся въ Министерствѣ Юстиціи свѣдѣній видно, что въ окружныхъ судахъ Имперіи существуетъ разнообразная практика по вопросу о томъ, подлежатъ ли внесенію въ кассовыя книги уѣздныхъ членовъ окружныхъ судовъ деньги, отпускаемыя имъ по ассигновкамъ судовъ на расходы по осмотрамъ спорныхъ имуществъ и на вознагражденіе свидѣтелей и экспертовъ по гражданскимъ дѣламъ.

Имѣя въ виду, что въ соотвѣтственныхъ статьяхъ правилъ о порядкѣ пріема и расходованія денежныхъ суммъ, поступающихъ въ мировыя и гминныя судебныя установленія, а равно о счетоводствѣ и отчетности по этимъ суммамъ,—коими руководствуются уѣздные члены окружныхъ судовъ (Собр. узак. за 1891 г. № 58, ст. 615), не имѣется указаній на необходимость внесенія въ кассовыя книги суммъ, получаемыхъ должностными лицами не въ качествѣ спеціальныхъ сборщиковъ, а по ассигновкамъ суда,—и что, по удостовѣренію контрольнаго вѣдомства, внесеніе вышеупомянутыхъ суммъ въ кассовыя книги затрудняетъ работу контрольныхъ чиновъ при ревизіи отчетности уѣздныхъ членовъ, Второй Департаментъ Министерства Юстиціи увѣдомляетъ Ваше Превосходительство, для соотвѣтствующихъ распоряженій, что отпускаемыя окружными судами по ассигновкамъ уѣзднымъ членамъ деньги на расходы по осмотрамъ спорныхъ имуществъ и на вознагражденіе свидѣтелей и экспертовъ по гражданскимъ дѣламъ не подлежатъ записи въ кассовыя книги уѣздныхъ членовъ.

ЕДИНОЛИЧНОЕ НАЧАЛО ВЪ КОЛЛЕГІАЛЬНОМЪ СУДѢ.

Къ проекту новой редакціи устава гражданскаго судопроизводства.

Я. М. Затворницкаго.

Панегиристъ единоличнаго начала въ судѣ, извѣстный англійскій мыслитель Іеремія Бентамъ, выставляетъ, между прочимъ, слѣдующія преимущества этого начала передъ коллегіальнымъ: 1) честность судьи зависитъ отъ его отвѣтственности передъ общественнымъ мнѣніемъ или закономъ, а отвѣтственность эта вполнѣ лежитъ только на единоличномъ судьѣ; 2) коллегіальное устройство даетъ возможность судьямъ оправдывать несправедливое постановленіе, сваливая отвѣтственность за него другъ на друга; единоличный судья неразрывно связанъ съ своимъ постановленіемъ, ему некуда укрыться—оно составитъ или славу его, или позоръ; 3) многочисленное собраніе представляетъ такія удобства для посторонняго воздѣйствія, какихъ единоличный судъ не представляетъ: привлечь на свою сторону члена, пользующагося вліяніемъ, значитъ привлечь и его приверженцевъ; привлечь тѣхъ, на которыхъ лежитъ первоначальный трудъ, значитъ привлечь и всѣхъ тѣхъ, которые полагаются на этотъ трудъ при подачѣ своего мнѣнія. Такимъ образомъ, большое число судей въ одномъ судѣ, не служа ручательствомъ нравствен-

ной и законной ихъ отвѣтственности, ослабляетъ ее, а слѣдовательно уменьшаетъ ихъ безпристрастіе; 4) важное преимущество системы единоличнаго суда—быстрота: чѣмъ больше судей будетъ участвовать въ рѣшеніи, тѣмъ больше безполезной медленности; каждый вопросъ можетъ возбуждать различныя мнѣнія и тѣмъ усложнять дѣло; 5) еще большую важность имѣетъ уменьшеніе расходовъ: такъ какъ при большомъ числѣ судей жалованье не можетъ быть значительно, то люди со способностями оставятъ „безплодное" поприще, и по необходимости придется выбирать судей изъ людей второстепенныхъ [1]).

Но и коллегіальная форма суда имѣетъ своихъ приверженцевъ.

Великій защитникъ этой формы рѣшенія дѣлъ, Императоръ Петръ I, въ Регламентѣ Духовной Коллегіи, писанномъ талантливымъ его сотрудникомъ Ѳеофаномъ Прокоповичемъ, выставляетъ слѣдующія ея преимущества: 1) „Во-первыхъ бо извѣстнѣе взыскуется истина соборнымъ сословіемъ, нежели единымъ лицемъ. Древнее пословіе есть греческое: другіе помыслы мудрѣйшіе суть, паче первыхъ; то кольми паче помыслы многіе, о единомъ дѣлѣ разсуждающіе, мудрѣйшіе будутъ паче единаго"... 2) „А яко извѣстіе въ познаніи, тако и сила въ опредѣленіи дѣла большая здѣ есть: понеже вящше ко увѣренію и повиновенію преклоняетъ приговоръ соборный, нежели единоличный указъ"... 3) „Но се наипаче полезно, что въ коллегіумѣ таковомъ не обрѣтается мѣсто пристрастію, коварству, лихоимному суду"... потому,—по мнѣнію составителя Регламента,—что трудно допустить пристрастіе со стороны многихъ, а „въ единой персонѣ не безъ страсти бываетъ" [2]). 4) „Коллегіумъ свободнѣйшій духъ въ себѣ имѣетъ,

---

[1]) Пользуемся сочиненіемъ Бентама „О судоустройствѣ" въ переводѣ А. Книрима, 1860 г., стр. 34—44.

[2]) Иного мнѣнія въ этомъ отношеніи, какъ мы видѣли выше, Бентамъ; изъ нашихъ государственныхъ дѣятелей иного мнѣнія былъ М. М. Сперанскій: „члены присутствія",—говоритъ онъ,—„часто сростаются, такъ сказать, въ одно лицо, и тогда пристрастіе одного покрывается именемъ всего сословія"—ср. М. М. Сперанскій, О государственныхъ установленіяхъ—въ Архивѣ историческихъ и практическихъ свѣдѣній, изд. Н. Калачова. 1859 г. кн. 3, стр. 49.

не тако бо яко же единоличный правитель гнѣва сильныхъ боится; понеже и причины проискивать на многихъ... не тако удобно есть, яко на единаго человѣка" [1]).

Къ этимъ доводамъ защитниковъ единоличнаго и коллегіальнаго начала теорія права въ сущности не прибавила новыхъ.

Въ наукѣ государственнаго права вопросъ о примѣненіи коллегіальной и единоличной формы въ сферѣ государственнаго управленія, въ обширномъ смыслѣ этого понятія, разрѣшается такимъ образомъ, что первая—коллегіальная—считается болѣе пригодной въ области суда [2]) и въ системѣ контроля, въ широкомъ значеніи этого слова [3]).

Но, какъ справедливо замѣчаетъ проф. Ивановскій, каждая изъ трехъ системъ организаціи установленій—единоличная, бюрократическая и коллегіальная—не составляетъ результата какихъ-либо теоретическихъ соображеній, а развилась исто-

---

[1]) Полное Собраніе Законовъ, т. VI, № 3718—генваря 25—1721 г.; мы приводимъ не всѣ доводы, помѣщенные въ Духовномъ Регламентѣ, а только тѣ, которые имѣютъ болѣе общее значеніе. Петръ Великій не только въ Регламентѣ Духовной Коллегіи выставляетъ преимущества коллегіальной формы. Какъ извѣстно, онъ былъ искренній и горячій ея сторонникъ. Такъ, и въ Воинскомъ уставѣ, въ которомъ проводится строгое начало дисциплины и подчиненія, онъ предписываетъ главнокомандующимъ не чинить никакихъ начинаній безъ консиліи генераловъ, даже и при внезапномъ нападеніи „словесный консиліумъ, хотя и на лошадяхъ сидящимъ, отправлять должно"...; что же касается суда, то мысль о коллегіи высказывается еще категоричнѣе: „судъ *всегда изъ нѣкотораго числа* честныхъ особъ сочиненъ бываетъ"; даже такъ называемый „скорорѣшительный судъ въ войскѣ (который дальняго отлагательства не терпитъ)", т. е. судъ въ походѣ—коллегіальный, „понеже все лучшее устроеніе черезъ совѣты бываетъ". Ср. Полн. Собр. Зак. т. V № 3006, 30 марта 1716 г. Уставъ воинскій т. X, Краткое изображеніе процессовъ или судебныхъ тяжебъ, гл. I ст. 2, Уст. воин., гл. L ст. 4—5.

[2]) А. Д. Градовскій, напр., въ Собраніи сочиненій, изд. 1899 г., т. I стр. 241, Н. О. Куплеваскій, Русское государственное право, т. I, вып. 1, изд. 1896 г., стр. 13, В. В. Ивановскій, Русское государственное право, т. I ч. 1 изд. 1896 г. стр. 151. Весьма категорично выражаетъ мысль о необходимости коллегіальной формы суда Сперанскій уже въ то время, когда изъ защитника Петровскихъ учрежденій онъ сталъ ярымъ ихъ противникомъ: „ясно, что въ дѣлахъ тяжебныхъ и уголовныхъ форма должна быть судебная" (т. е. коллегіальная)—ср. Архивъ, ibid., стр. 48.

[3]) Градовскій, ibid., стр. 241.

рически подъ вліяніемъ соображеній практическаго свойства [1]). Эти соображенія прежде всего и надо имѣть въ виду при реорганизаціи учрежденій. Дѣйствительно, если, напр., государство въ данное время не обладаетъ обиліемъ людей, которыхъ по ихъ умственнымъ и нравственнымъ достоинствамъ можно было бы привлечь на отвѣтственныя должности единоличныхъ судей, едва ли есть основаніе расширять единоличное начало суда на счетъ коллегіальнаго, и, наоборотъ, если имѣются указанія опыта, что единоличный судъ дѣйствуетъ въ странѣ удовлетворительно, если въ судебномъ сословіи прочно установились извѣстныя традиціи, высокія понятія о правдѣ и стремленія къ ея достиженію, если можно разсчитывать, что при соотвѣтственной условіямъ жизни оплатѣ труда въ составъ этого суда будутъ привлечены лучшія силы, тогда законодатель, не боясь послѣдствій, можетъ расширить дѣятельность единоличнаго суда. Мы не будемъ впрочемъ ни изслѣдовать условія примѣненія началъ единоличнаго и коллегіальнаго, ни разрѣшать вопросъ о преимуществахъ одного изъ нихъ предъ другимъ, и если мы привели выше возможныя pro и contra относительно каждаго изъ нихъ, то лишь потому, что эти pro и contra будутъ освѣщать намъ дальнѣйшій путь, помогутъ разобраться при разработкѣ отдѣльныхъ положеній нашей работы. Цѣль ея значительно уже—изслѣдовать, поскольку единоличное начало судебной дѣятельности проведено въ коллегіальномъ судѣ, какъ онъ установленъ въ проектѣ новой редакціи устава гражданскаго судопроизводства, и выяснить предѣлы дѣятельности отдѣльнаго члена въ коллегіи, т. е. установить, какія судебныя дѣйствія и какія судебныя производства могутъ быть ему поручены. При разработкѣ этой темы мы будемъ руководствоваться тѣмъ положеніемъ, которое отчасти выражено въ старомъ французскомъ изреченіи: délibérer est le fait des plusieurs, agir est le fait d'un seul. Тамъ, гдѣ нужно разрѣшить болѣе или менѣе важный и сложный вопросъ, коллегія болѣе умѣстна,—этотъ принципъ не опровергнутъ противниками коллегіальнаго начала; гдѣ, напротивъ, требуется

[1]) Ивановскій, ibid., стр. 150.

только установить судебнымъ путемъ извѣстный фактъ или приложить законъ къ случаю, не возбуждающему сомнѣній и вопросовъ, гдѣ нужна скорѣе, по мѣткому выраженію Бентама, власть суда, а не искусство юристовъ, тамъ не нужно сложнаго механизма коллегіальной формы, способнаго внести треніе въ процессъ, а вполнѣ достаточно дѣйствія болѣе быстраго единоличнаго начала. Съ этой точки зрѣнія, главнымъ образомъ, мы и разсмотримъ нормы проекта новой редакціи устава гражданскаго судопроизводства, выработаннаго Комисіею для пересмотра законоположеній по судебной части.

I.

Коммисія значительно раздвигаетъ рамки единоличнаго начала, что касается общей системы судебнаго устройства. Подсудность и власть участковаго судьи—органа единоличной юстиціи—расширяется значительно по сравненію съ подсудностью дѣлъ мировому судьѣ, котораго онъ долженъ будетъ замѣнить. Такъ, предѣльный размѣръ цѣнности исковъ повышенъ для единоличныхъ судей съ 500 до 1000 рублей, а дѣла о понудительномъ исполненіи по актамъ отнесены къ ихъ вѣдомству безъ ограниченія суммы такъ же, какъ и дѣла о распредѣленіи денегъ, вырученныхъ отъ продажи движимаго имущества, и всѣ споры, возникающіе по нимъ, въ томъ числѣ и тѣ, которые въ настоящее время разрѣшаются отдѣльно, въ исковомъ порядкѣ; изъ вѣдѣнія участковаго судьи не изъемлются, въ предѣлахъ означенной выше суммы, и иски о правахъ на недвижимое имѣніе, въ томъ числѣ о правѣ собственности, хотя бы утвержденномъ на формальномъ актѣ, и дѣла казенныхъ управленій, и разрѣшеніе споровъ о подлогѣ въ актахъ [1]); онъ руководитъ дѣятельностью судебныхъ приставовъ, разрѣшаетъ жалобы на

[1]) Ст. 876—877 проекта новой редакціи уст. гражд. суд.; ст. 1540, 1558 и объясненіе къ послѣдней въ т. IV объяснительной записки къ проекту, стр. 264—267; ст. 968, а относительно споровъ о подлогѣ—отсутствіе въ проектѣ правилъ 107—111 ст. уст., также указанія объяснительной записки, т. III, стр. 38—39.

ихъ дѣйствія, возбуждающія иногда весьма серьезные вопросы и даетъ имъ указанія за служебныя упущенія [1]); въ его власти обезпечить требованіе кредитора на какую угодно сумму въ то еще время, когда искъ не предъявленъ и даже срокъ обязательства не наступилъ, если должникъ скрывается изъ мѣста жительства, отчуждаетъ имущество или предпринимаетъ какія-либо другія дѣйствія съ цѣлью избѣжать исполненія обязательства [2]), т. е. во власти участковаго судьи парализовать, напр., веденіе хозяйства въ имѣніи на основаніи признаковъ, въ оцѣнкѣ которыхъ субъективные взгляды могутъ играть главную роль и относительно значенія которыхъ легко ошибиться, принявъ желаніе должника продать часть имущества для уплаты долга за желаніе избѣжать его уплаты [3]).

Если принять во вниманіе, что участковый судья—низшій органъ юстиціи (участковые судьи назначаются Министромъ Юстиціи изъ кандидатовъ на судебныя должности, прослужившихъ два года и получившихъ званіе старшаго кандидата, и состоятъ въ должности шестаго класса) [4]), то надо будетъ признать, что Коммисія съ большимъ довѣріемъ отнеслась къ принципу единоличной судебной дѣятельности въ общей системѣ судоустройства. Но что касается проведенія этого принципа въ дѣятельность коллегіальныхъ судовъ, то въ этомъ отношеніи шагъ впередъ сдѣланъ только въ уголовномъ процессѣ: по проекту коммисіи, членъ коллегіи единолично присутствуетъ въ засѣданіи съ участіемъ присяжныхъ засѣдателей общаго состава [5]). Въ уставѣ гражданскаго судопроизводства, въ смыслѣ развитія единоличнаго начала на счетъ коллегіальнаго, не сдѣлано почти ничего: расширена

---

[1]) Ст. 1191, 1144, 1164, 1151, 1156, 1177, 1189, 1255, 1424, 1570 и др. проекта новой редакціи уст. гражд. суд. и 356 ст. проекта новой редакціи учр. суд. уст.

[2]) 4 п. 876, 919, 220 ст. проекта уст. гражд. суд.

[3]) Дѣятельность участковыхъ судей по уголовнымъ дѣламъ также значительно расширена—см. 1041—1042 ст. проекта новой редакціи уст. угол. суд.

[4]) 269, 262 и прилож. II къ ст. 319 проекта учр. суд. уст.

[5]) Ст. 22 и 23 проекта учр. суд. уст.

только нѣсколько власть предсѣдательствующаго предоставленіемъ ему права давать направленіе отзывамъ на заочное рѣшеніе и апелляціоннымъ жалобамъ, возвращать ихъ и оставлять безъ движенія вслѣдствіе формальныхъ недостатковъ [1]), а также возвращать исковое прошеніе, не подлежащее разсмотрѣнію суда по неподсудности родовой и неимѣнію повѣреннымъ полномочія или тяжущимся права ходатайствовать на судѣ, при чемъ однако предсѣдательствующій въ случаѣ какихъ-либо сомнѣній долженъ внести вопросъ о возвращеніи прошенія на разсмотрѣніе суда [2]), и кромѣ того коллегіи предоставлено право поручать допросъ свидѣтелей одному изъ своихъ членовъ, сверхъ случаевъ, указанныхъ въ 386 ст. дѣйствующаго устава, еще и тогда, когда допросъ свидѣтелей въ засѣданіи суда сопряженъ съ затрудненіями, особо указываемыми въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ въ опредѣленіи суда [3]). Въ остальномъ нормы устава, разграничивающія обязанности коллегіи отъ обязанностей членовъ ея, оставлены безъ измѣненія.

Такимъ образомъ, всѣ гражданскія дѣла, исковыя и охранительныя, разрѣшаются коллегіей, всѣ судебныя опредѣленія, какъ разрѣшающія требованія сторонъ, такъ и касающіяся частныхъ вопросовъ о повѣркѣ доказательствъ, постановляются коллегіей, и самая эта повѣрка по общему правилу производится передъ коллегіей [4]). Только въ интересахъ удешевленія процесса для тяжущихся повѣрка доказательствъ въ мѣстностяхъ, удаленныхъ отъ суда, производится черезъ мѣстные судебные органы [5]), и по соображеніямъ *удобства* для суда нѣкоторыя судебныя дѣйствія и подготовительная работа по нѣкоторымъ категоріямъ дѣлъ изъяты изъ вѣдѣнія коллегіи и переданы въ вѣдѣніе члена суда. Такъ, по дѣламъ о взы-

---

[1]) 638, 640, 698, 699 и 728 ст. проекта.

[2]) 5 п. 113 ст. проекта новой редакціи уст. гражд. суд.

[3]) 5 п. 242 ст. проекта.

[4]) Ст. 211 проекта.

[5]) 386, 413, 500, 500^1—500^2, 508 и 517 ст. уст. гражд. суд. по редакціи закона 23 декабря 1896 г. (Собр. узакон. и распоряж. правительства за 1897 г. № 8 ст. 90 и 212, 242, 268, 349, 397 и др. статьи проекта).

сканіи убытковъ или доходовъ, объ истребованіи отчета и вообще по дѣламъ съ значительнымъ числомъ спорныхъ статей по разсчетамъ—повѣрка доказательствъ въ составѣ коллегіи суда представлялась бы *затруднительною* [1]), поэтому для дѣлъ этого рода устанавливается въ проектѣ особое объяснительное производство черезъ члена суда (664—678 ст.) замѣняющее собою исполнительное производство дѣйствующаго устава (896—923 ст.), также введенное въ уставъ, потому что разсчеты, иногда весьма сложные, неудобно было бы провѣрять въ коллегіи [2]); дознаніе черезъ окольныхъ людей, хотя бы въ томъ же городѣ, гдѣ находится судъ, *неудобно* производить цѣлой коллегіи, и оно поручается члену суда [3]); дѣла, требующія пространнаго и сложнаго изслѣдованія черезъ свѣдущихъ людей, слишкомъ *громоздки* для коллегіи, и наблюденіе за ихъ ходомъ поручается члену суда [4])....

Насколько такой порядокъ соотвѣтствуетъ интересамъ правосудія—правильности постановляемыхъ рѣшеній и быстротѣ въ разсмотрѣніи требованій лицъ, обращающихся къ судебной защитѣ? Не представляется ли возможнымъ разграничить предѣлы дѣйствія началъ единоличнаго и коллегіальнаго, не по соображеніямъ *удобства* исполненія извѣстныхъ дѣйствій коллегіей или ея членами, а по соображеніямъ *необходимости* исполненія нѣкоторыхъ функцій судебныхъ коллегіей и *возможности* безъ ущерба для дѣла предоставить всѣ другія единоличному вѣдѣнію члена суда? Какъ разграничить дѣйствіе этихъ двухъ началъ въ отдѣльныхъ институтахъ процесса? Вотъ вопросы, подлежащіе нашему разрѣшенію.

Остановимся сначала на исковыхъ дѣлахъ и, въ частности, на ученіи о доказательствахъ и ихъ повѣркѣ. Первое мѣсто

---

[1]) Объясненія къ ст. 664 и 665 проекта, объяснит. записка т. II, стр. 86.

[2]) Судебные Уставы съ изложеніемъ разсужденій на коихъ они основаны, изд. Госуд. Канц. 1867 г., ч. I стр. 441, объясн. къ 906 ст.

[3]) 413 ст. устава и 268 ст. проекта.

[4]) 517 ст. устава и 407 проекта.

между ними, и въ системѣ проекта устава, и по степени его практическаго примѣненія, занимаетъ допросъ свидѣтелей.

Единственное основаніе, которое приводится въ защиту положенія о необходимости допроса свидѣтелей въ засѣданіи коллегіи, это то, что при допросѣ не въ коллегіи судъ лишенъ возможности получать непосредственное впечатлѣніе отъ свидѣтельскихъ показаній и что допросъ свидѣтелей черезъ одного члена отнялъ бы у показаній ихъ ту достовѣрность, которую они имѣли бы, если бы допросъ происходилъ въ самомъ судѣ. Это основаніе указывалъ Государственный Совѣтъ, согласившійся съ мнѣніемъ *меньшинства* коммисіи, составлявшей Судебные Уставы 1864 г. [1]), оно же приводится и теперь защитниками системы допроса въ коллегіи. Во многихъ судахъ,—говоритъ коммисія Юридическаго Общества при С.-Петербургскомъ университетѣ, избранная для обсужденія вопросовъ гражданскаго судопроизводства,—установился порядокъ допроса свидѣтелей въ особомъ засѣданіи, чѣмъ нарушается принципъ словесности [2]); гораздо важнѣе однако *практическія неудобства* (курсивъ коммисіи): протоколированіе показаній не совершенно, пониманіе ихъ на основаніи непосредственнаго воспріятія замѣняется толкованіемъ словъ и выраженій, иногда безъ умысла внесенныхъ въ протоколъ, словомъ, судъ лишаетъ себя возможности оцѣнить достовѣрность показанія по живому впечатлѣнію и ставитъ свое сужденіе въ зависимость отъ того, что̀ внесено въ протоколъ [3])...

Но посмотримъ, какое значеніе самъ законъ придаетъ принципу непосредственнаго воспріятія судомъ свидѣтельскаго показанія и въ какихъ именно случаяхъ суду приходится примѣнять его. Допросъ свидѣтелей, живущихъ въ

---

[1]) Указаніе имѣется въ объяснительной запискѣ къ проекту новой редакціи уст. гражд. судопр. т. I, стр. 193.

[2]) Т. е. словесной системы, принятой за одно изъ главныхъ началъ судопроизводства—см. Судебные Уставы съ излож. разсужд., ч. I стр. XIV п. 4.

[3]) Журн. комм. въ прилож. къ Журн. Юрид. Общ. при С.-Петерб. универ. 1897 г. кн. 6 стр. 32, ср. также К. Анненковъ, Опытъ комм., т. II, изд. 1887 г., стр. 79, и В. Исаченко, Гражд. проц., т. II, в. 1, 157.

округѣ другаго суда, производится симъ послѣднимъ [1]), въ разстояніи 25 верстъ и далѣе отъ города, гдѣ находится окружный судъ,—уѣзднымъ членомъ или мировымъ судьею [2]), ибо, какъ видно изъ разъясненій составителей Судебныхъ Уставовъ къ ст. 383, свидѣтели, живущіе въ указанномъ разстояніи отъ мѣста нахожденія суда, вовсе не подлежатъ вызову въ судъ и безъ особой ихъ о томъ просьбы [3]). Остаются дѣла со свидѣтелями, живущими въ городѣ, гдѣ окружный судъ, и ближе 25 верстъ отъ него. Но изъ этихъ дѣлъ, что касается допроса свидѣтелей и повѣрки доказательствъ вообще, изъ вѣдѣнія коллегіи изъяты дѣла исполнительнаго производства [4]), а по проекту новой редакціи устава—объяснительнаго производства [5]) и наиболѣе сложныя изъ дѣлъ земельныхъ—судебно-межевыя [6]), затѣмъ дѣла, по которымъ нужно произвести допросъ на самомъ мѣстѣ, т. е., главнымъ образомъ, дѣла о недвижимомъ имуществѣ, и наконецъ дѣла, по коимъ „требуется допросить значительное число лицъ, живущихъ въ одномъ мѣстѣ, внѣ того города, гдѣ находится судъ“ [7]).

Многочисленность изъятій указываетъ, что самъ законъ не придавалъ принципу непосредственности важнаго значенія. Особенно характерно въ этомъ отношеніи послѣднее изъятіе—„когда требуется допросить значительное число

---

[1]) 505 ст. устава и 221 ст. проекта.

[2]) 386 ст. по редакціи зак. 23 декабря 1896 г., а по проекту—рѣдко черезъ члена суда, обыкновенно черезъ участковаго судью—242 и 212—214 ст.

[3]) Судебные Уставы съ изложеніемъ разсужденій, ч. 1 стр. 213. По мнѣнію Кр. Малышева, свидѣтель, живущій далѣе 25 верстъ отъ суда, только тогда допрашивается на мѣстѣ, когда проситъ объ этомъ. Ср. Курсъ гражд. судопр., изд. 1876 г., т. I стр. 314. Во всякомъ случаѣ свидѣтель такой въ правѣ не явиться въ засѣданіе, и суду ничего не останется дѣлать, какъ только исключить его изъ числа свидѣтелей, ср. В. Л. Исаченко. Гражд. проц., т. II, вып. 1, стр. 149.

[4]) 906 ст.

[5]) 668 ст.; этихъ дѣлъ будетъ больше, чѣмъ дѣлъ исполнительнаго порядка потому, что къ числу ихъ отнесены вообще дѣла съ значительнымъ числомъ спорныхъ статей по счетамъ, разсчетамъ или описямъ (664 ст.).

[6]) Прилож. I къ ст. 1410 (прим.) уст., ст. 2 и прилож. къ ст. 1124 (прим.) проекта, ст. 2.

[7]) 2 и 3 п.п. 386 ст. устава и 2 и 3 п.п. 242 ст. проекта.

лицъ"... Казалось бы, что именно въ дѣлахъ съ значительнымъ числомъ свидѣтелей важно суду самому непосредственно выслушать ихъ—между ними весьма возможны разногласія—и опредѣлить по непосредственному впечатлѣнію силу ихъ показаній, а свидѣтелямъ не такъ трудно явиться въ судъ за 10—15 верстъ, при чемъ то обстоятельство, что свидѣтелей вызывается много по одному дѣлу, для явки каждаго изъ нихъ, конечно, безразлично; но законъ и для этого случая сдѣлалъ отступленіе, мотивировать которое сколько-нибудь сильными основаніями едва ли возможно; точно такъ же и допросъ свидѣтелей на мѣстѣ въ городѣ, гдѣ окружный судъ, можно было бы производить и передъ коллегіей, но законъ, разрѣшая производить осмотръ на мѣстѣ черезъ *нѣсколькихъ судей* [1]),—допросъ свидѣтелей на мѣстѣ предписываетъ производить черезъ *одного* члена суда [2]).

На практикѣ пришлось сдѣлать еще одно отступленіе отъ принципа непосредственности, вызванное отчасти правилами устава о представленіи доказательствъ. По ст. 353 истецъ обязанъ представить всѣ документы, на коихъ основанъ его искъ, при самой подачѣ исковаго прошенія, а по ст. 356 отвѣтчикъ имѣетъ право просить объ отсрочкѣ засѣданія въ такомъ только случаѣ, когда онъ не могъ, за краткостью срока, получить необходимые для своего оправданія документы. Съ одной стороны, въ этихъ статьяхъ говорится только о документахъ, и, стало быть, по буквальному ихъ смыслу тяжущимся не запрещается ссылаться на другія доказательства и просить объ ихъ повѣркѣ во все теченіе процесса, что подтверждается и 331 ст. устава, а съ другой—не въ духѣ русскихъ судовъ останавливаться на формальныхъ правилахъ процесса и закрывать ими тяжущимся доступъ къ матеріальной правдѣ; наши суды считаются въ этомъ отношеніи и съ бытовыми условіями народа, въ большей части невѣжественнаго, и съ національными его особенностями, въ частности

---

[1]) 508 ст. устава и 397 ст. проекта.

[2]) По ст. 386 судъ *можетъ* поручить, а по ст. 242 проекта—императивно—*поручаетъ*...

съ нѣкоторымъ небреженіемъ его къ собственнымъ дѣламъ, благодаря которому исполнять формальныя требованія закона о срокахъ, порядкѣ представленія доказательствъ и проч. ему иногда не подъ-силу. И практика подъ руководствомъ Правительствующаго Сената, въ цѣломъ рядѣ рѣшеній разъяснившаго, что новыя доказательства могутъ быть представляемы сторонами во все время производства дѣла [1]), широко воспользовалась просторомъ, предоставляемымъ закономъ. Въ результатѣ дѣла, сколько-нибудь серьезныя или сложныя по фактической обстановкѣ, въ засѣданіи, въ которомъ происходитъ повѣрка доказательствъ, не рѣшаются [2]), и коллегіи не приходится непосредственно оцѣнивать свидѣтельскія показанія, да и помнить ихъ до слѣдующаго засѣданія при массѣ дѣлъ едва ли возможно; затѣмъ, такъ какъ у насъ нѣтъ правила, подобнаго принятому французскимъ уставомъ, по которому подъ угрозой кассаціи рѣшенія требуется, чтобы дѣло разрѣшалось судьями, присутствовавшими на всѣхъ предыдущихъ засѣданіяхъ, то весьма часто, особенно въ большихъ судахъ, дѣла разрѣшаются вовсе не тѣмъ составомъ, который допрашивалъ свидѣтелей. Но и кромѣ спорныхъ многія и не серьезныя по своей юридической концепціи дѣла, напр., о взысканіяхъ за увѣчье, также требуютъ нѣсколькихъ засѣданій въ виду того, что отвѣтчики представляютъ доказательства сообразно даннымъ, выясненнымъ истцомъ. Остаются дѣла неважныя, оканчивающіяся въ одно-два засѣданія; это, главнымъ образомъ, дѣла безспорныя, по которымъ отвѣтчикъ только уклоняется отъ отвѣтственности; для нихъ принципъ непосредственности не имѣетъ значенія и по существу, ибо показанія по этимъ дѣ-

[1]) За 1878 г. № 77, 1880 г. № 213, 1886 г. № 10 и др. Проектъ также допускаетъ представленіе доказательствъ во все время процесса подъ угрозой лишь уплаты судебныхъ издержекъ при замедленіи производства дѣла—ст. 182

[2]) „... Почти никогда и не бываетъ такъ, чтобы дѣло разрѣшалось по существу въ томъ же засѣданіи, въ которомъ допрошены свидѣтели",—говоритъ юристъ-практикъ Н. П. Цухановъ, усматривая причину этого факта въ стремленіи недобросовѣстныхъ отвѣтчиковъ ссылками на новыхъ свидѣтелей затянуть дѣло, см. Жур. Мин. Юст. за 1895 г. № 7— „Причины медленности нашего гражданскаго процесса", стр. 21—23.

ламъ не возбуждаютъ сомнѣній и при письменной передачѣ ихъ въ протоколахъ.

Итакъ, только въ нѣкоторыхъ немногочисленныхъ случаяхъ можетъ быть примѣнено начало непосредственнаго воспріятія свидѣтельскихъ показаній судомъ in corpore. Могутъ сказать, что если такъ, то надо увеличить число этихъ случаевъ, приблизивъ гражданскій процессъ къ формамъ уголовнаго: допрашивать, напр., всѣхъ свидѣтелей вмѣстѣ, откладывая дѣло, если явились не всѣ или заявлено ходатайство о допросѣ еще другихъ, требовать явки свидѣтелей изъ дальнихъ мѣстъ и проч. Но усиливать для населенія тягость свидѣтельской повинности по гражданскимъ дѣламъ, затрогивающимъ только частные интересы, едва ли можно рекомендовать. Поэтому возникаетъ вопросъ, стоитъ ли вообще оставлять въ процессѣ начало непосредственности и, въ частности, для тѣхъ случаевъ, въ которыхъ фактически оно не можетъ быть примѣнено.

Едва ли значеніе непосредственности воспріятія впечатлѣній въ гражданскомъ процессѣ не преувеличено. Она имѣетъ большое значеніе въ дѣлахъ уголовныхъ. Эти дѣла возбуждаютъ больше страстей, подъ вліяніемъ которыхъ субъективная преломляемость впечатлѣній у свидѣтелей значительнѣе; сами свидѣтели набираются изъ людей случайныхъ, относительно которыхъ можетъ возникать нерѣдко вопросъ, почему они попали въ свидѣтели, нѣтъ ли тутъ мотивовъ, ничего общаго съ правдой не имѣющихъ. Суду, чтобы разобраться въ показаніяхъ, отдѣлить правду отъ лжи, а иногда и отъ невольнаго искаженія дѣйствительности вслѣдствіе неумѣнія свидѣтеля отнестись критически къ извѣстнымъ событіямъ,—надо ознакомиться съ самимъ лицомъ, дающимъ показаніе; самая оцѣнка показаній—дѣло нелегкое. Гражданскія правоотношенія отличаются въ общемъ большей прочностью, возбуждаютъ меньше страстей у постороннихъ; поэтому свидѣтелями по гражданскимъ дѣламъ рѣже являются люди, случайно познакомившіеся съ событіемъ, о которомъ призваны показывать, чаще это—сосѣди, живущіе по близости, посредники по сдѣлкамъ и проч.; они не такъ заинтересованы въ исходѣ процесса для той или другой стороны, менѣ

горячо относятся къ дѣлу, болѣе способны объективно показать о данныхъ, имъ извѣстныхъ...

Есть еще разница, вызываемая самимъ закономъ, въ отношеніяхъ уголовнаго и гражданскаго судовъ къ свидѣтельскимъ показаніямъ. Уголовный процессъ по болѣе важнымъ дѣламъ не допускаетъ апелляціоннаго обжалованія—запись показаній поэтому излишня, гражданскій—по общему правилу [1]) допускаетъ разсмотрѣніе дѣла въ двухъ инстанціяхъ, и въ связи съ этимъ запись показаній свидѣтелей представляется необходимой, и необходима мотивировка рѣшенія съ объясненіемъ оснований, по коимъ свидѣтельскія показанія приняты судомъ за доказательство или почему дано предпочтеніе показанію одного свидѣтеля передъ показаніемъ другаго [2]); составители Судебныхъ Уставовъ признавали необходимымъ изложеніе въ рѣшеніи этихъ оснований и для устраненія произвола со стороны суда въ оцѣнкѣ показаній [3]). Затѣмъ рѣшеніе гражданскаго суда, какъ и уголовный приговоръ коронаго суда, по справедливому замѣчанію оберъ-прокурора В. К. Случевскаго въ его кассаціонномъ заключеніи по дѣлу бр. Скитскихъ, должно не только быть правильнымъ, но и казаться таковымъ, быть убѣдительнымъ. Однимъ воспріятіемъ судебнаго матеріала поэтому ограничиться нельзя. Усилія гражданскихъ судей должны быть направлены не только на правильное воспріятіе впечатлѣній отъ свидѣтельскихъ показаній, что̀, какъ выше сказано, представляется менѣе затруднительнымъ, чѣмъ въ уголовномъ процессѣ, но и на то, чтобы характеръ этого впечатлѣнія закрѣпить на бумагѣ, чтобы оттѣнить всѣ тѣ черты показанія, которыя даютъ матеріалъ для оцѣнки его съ точки зрѣнія достовѣрности. Говорятъ, что при допросѣ свидѣтеля не одновременно съ разрѣшеніемъ

---

[1]) По проекту изъ него нѣтъ исключеній—937 ст.; принципъ разсмотрѣнія гражданскихъ дѣлъ въ двухъ инстанціяхъ, по мнѣнію составителей проекта, является слишкомъ общепризнаннымъ, какъ въ современной юридической литературѣ, такъ и въ современныхъ законодательствахъ... ср. объяснительная записка, т. II, стр. 103.

[2]) 411 ст. устава и 266 ст. проекта.

[3]) Судебные Уставы съ изложеніемъ разсужденій, ч. 1, стр. 227—228.

дѣла по существу, изложеніе и пониманіе свидѣтельскаго показанія, не возбуждающее сомнѣній въ тотъ моментъ, когда оно дается, замѣняется толкованіемъ словъ и выраженій случайно, безъ умысла внесенныхъ въ протоколъ, что судъ ставитъ свое сужденіе въ зависимость отъ того, что̀ внесено въ протоколъ, и что въ большинствѣ случаевъ протокольная запись никакого матерьяла для сужденія о достовѣрности показанія давать не можетъ [1]) Но если признать эти замѣчанія правильными, хотя бы до извѣстной степени, ибо съ огульнымъ обвиненіемъ нашихъ судей въ систематическомъ неумѣніи излагать свидѣтельскія показанія согласиться нельзя, то выводъ изъ этого можно сдѣлать тотъ, что надо обратить вниманіе на записи показаній, ибо по большинству дѣлъ судъ не имѣетъ возможности допрашивать непосредственно свидѣтелей, а по остальнымъ надо сдѣлать рѣшеніе убѣдительнымъ, надо дать возможность апелляціонной инстанціи провѣрить правильность его мотивовъ и, стало быть, въ записяхъ надо сосредоточить матеріалъ для оцѣнки показаній. И не нужно думать, что это невозможно. Непосредственное воспріятіе впечатлѣній вовсе не представляетъ чего-то неуловимаго; для такого воспріятія не нужно обладать какимъ-то сердцевѣдѣніемъ; оно вовсе не основано на непонятныхъ психологическихъ явленіяхъ, неподдающихся опредѣленію. Дать отчетъ, почему даешь вѣру извѣстному показанію и не вѣришь другому, всегда возможно и возможно данныя для сужденія о достовѣрности показанія внести въ самую запись. Если свидѣтель даетъ сбивчивое показаніе, сначала говоритъ одно, потомъ нѣсколько измѣняетъ, надо такъ и записывать; если слишкомъ ясное и точное, надо его разспросить иногда и о постороннихъ фактахъ, напр., хронологическихъ данныхъ, чтобы убѣдиться, способенъ ли онъ помнить эти данныя, и все, о чемъ свидѣтель былъ допрошенъ, занести въ протоколъ въ томъ же порядкѣ, въ какомъ давалось показаніе; источникъ свѣдѣній—почему свидѣтель знаетъ ихъ—обяза-

---

[1]) Коммисія С.-Петерб. Юридич. Общества—Журн. Юрид. Общ. при С.-Петерб. Универс. за 1897 г. кн. 6, прилож., стр. 32.

тельно надо изслѣдовать и отмѣчать въ протоколѣ... Словомъ, при обстоятельномъ разспросѣ свидѣтеля можно собрать достаточный матеріалъ и о самомъ предметѣ, о которомъ свидѣтель призванъ показывать, и матеріалъ для оцѣнки показанія свидѣтеля и весь этотъ матеріалъ изложить въ достаточно точной передачѣ на письмѣ. А обстоятельный допросъ, конечно, болѣе возможенъ тогда, когда членъ суда самостоятельно производитъ его, болѣе свободно располагая своимъ временемъ, когда не приходится торопиться въ виду предстоящаго рѣшенія дѣлъ по существу [1]); записи также получаются болѣе совершенными, когда онѣ дѣлаются самимъ судьей, допрашивающимъ свидѣтелей, чѣмъ въ тѣхъ случаяхъ, когда показанія заносятся въ протоколъ помощникомъ секретаря или секретаремъ [2]), какъ это имѣетъ мѣсто обыкновенно въ засѣданіяхъ при разрѣшеніи дѣлъ по существу въ виду утомленія судей и обремененія ихъ другими занятіями.

Но если допросъ свидѣтелей черезъ члена суда и въ качественномъ отношеніи выше коллегіальнаго, если онъ содѣйствуетъ и лучшему выясненію дѣла [3]), то его и слѣдуетъ узаконить, какъ общее правило. Преимущества его въ другихъ

---

[1]) По мнѣнію юриста-практика В. Шамонина, членъ суда и болѣе тщательно отнесется къ допросу, дѣйствуя единолично: „самъ записывая показаніе, самъ отвѣтствуя за надлежащую полноту, судья болѣе тщательно отнесется къ своему дѣлу, работая одинъ, чѣмъ присутствуя въ коллегіи, въ которой имѣетъ твердый оплотъ отъ возможныхъ промаховъ и ошибокъ, всегда будучи въ правѣ сказать, что не онъ производилъ допросъ, а судъ, и что если допущена ошибка, то не онъ же, а судъ виноватъ".—Главнѣйшіе недостатки гражданскаго судопроизводства. Журн. Юрид. Общества при С.-Петерб. Универс. 1898 г. № 2 стр. 75.

[2]) На „затруднительность" изложенія свидѣтельскихъ показаній секретаремъ или его помощникомъ и болѣе точное изложеніе ихъ при допросѣ членомъ суда указываетъ и П. П. Короновскій—Замѣтки по вопросамъ гражданскаго судопроизводства въ Жур. Мин. Юст. 1898 г. № 10, стр. 41. Н. И. Цуханов также удостовѣряетъ, что показанія свидѣтелей, допрошенныхъ членомъ суда единолично, излагаются обыкновенно болѣе обстоятельно, нежели показанія, данныя въ судебномъ засѣданіи.—Причины медленности, Жур. Мин. Юст. 1895 г. № 7 стр. 24.

[3]) Такое мнѣніе высказываетъ, между прочимъ, П. И. Короповскій, 1. с. 42 стр.

отношеніяхъ несомнѣнны. Экономія силъ получается не только потому, что вмѣсто трехъ судей будетъ допрашивать одинъ, но и потому, что выдѣленіемъ допроса изъ засѣданій по существу вносится бо̀льшій порядокъ въ дѣятельность суда: при соединеніи допроса свидѣтелей съ слушаніемъ дѣлъ по существу чрезвычайно трудно заранѣе опредѣлить, сколько времени займетъ засѣданіе,—нельзя угадать, сколько свидѣтелей явится, насколько продолжителенъ будетъ допросъ; если свидѣтели какъ-разъ оказались такіе, что трудно ихъ понять или добиться отъ нихъ сколько-нибудь точныхъ свѣдѣній, засѣданіе затягивается свыше всякой мѣры, работа судейская получается невысокаго качества; объ обстоятельномъ допросѣ и точной записи свидѣтельскихъ показаній нечего и думать: лишь бы хоть установить себѣ какой-либо взглядъ на дѣло на основаніи показаній, записи остаются на заднемъ планѣ, забывается, что, можетъ быть, дѣло и не будетъ разрѣшено по существу и придется считаться потомъ уже съ письменными показаніями... Экономія силъ на одномъ даетъ возможность направить ихъ на другое, на болѣе внимательное изученіе дѣлъ. Та же экономія силъ будетъ содѣйствовать болѣе быстрому движенію процесса: допросъ черезъ одного члена, конечно, ускоритъ подготовительную работу къ слушанію дѣла, а ускореніе больше всего и требуется по дѣламъ города съ его болѣе быстрымъ гражданскимъ оборотомъ, т. е. именно по дѣламъ, по которымъ чаще всего приходится допрашивать свидѣтелей коллегіи. По дѣламъ, по которымъ повѣрку доказательствъ придется производить частью черезъ мѣстныхъ судей и другіе суды—случаи, которые съ развитіемъ способовъ передвиженія становятся все чаще,—ускореніе также будетъ достигнуто: въ то время, напр., какъ часть свидѣтелей будетъ допрашиваться черезъ мѣстныхъ судей, членъ суда допроситъ остальныхъ, и, когда получатся протоколы допроса отсутствующихъ, дѣло уже будетъ готово къ разрѣшенію по существу.

Практика пошла впереди законодателя. Какъ извѣстно судебнымъ дѣятелямъ и констатируется въ сводѣ отчетовъ по ревизіямъ судовъ, произведеннымъ по порученію Коммисіи для

пересмотра законоположеній по судебной части [1]), многіе суды или выдѣляютъ допросъ свидѣтелей въ особое засѣданіе, или даже вопреки прямому указанію закона допрашиваютъ свидѣтелей черезъ одного изъ своихъ членовъ, подвергая, какъ говоритъ Коммисія, стороны риску отмѣны рѣшеній и уничтоженія производства по ихъ дѣламъ. Характерно, что суды, допрашивающіе свидѣтелей черезъ одного изъ членовъ, не принадлежатъ къ захолустнымъ, въ которыхъ некому бы было указать суду на допускаемую систематически неправильность: изъ двухъ извѣстныхъ намъ судовъ юга Россіи, придерживающихся такой практики, въ округѣ одного живетъ 47 присяжныхъ повѣренныхъ и ихъ помощниковъ, въ округѣ другаго—72 [2]), и никогда эти наиболѣе компетентные и добросовѣстные представители сторонъ не возбуждали вопроса о неправильныхъ дѣйствіяхъ суда и не заявляли ходатайствъ о допросѣ свидѣтелей въ засѣданіяхъ по существу; очевидно такая практика болѣе соотвѣтствуетъ интересамъ тяжущихся, чѣмъ примѣненіе принципа непосредственнаго воспріятія. Случаи, имѣющіе мѣсто въ судахъ, придерживающихся наиболѣе законнаго порядка допроса свидѣтелей,—что повѣренные послѣ сложнаго допроса нѣсколькихъ свидѣтелей заявляютъ ходатайство объ отложеніи разбора дѣла въ виду того, что они должны разобраться въ данныхъ допроса,—подтверждаютъ нашъ выводъ.

Нужно узаконить практику, т. е. ввести въ уставъ, какъ общее правило, что допросъ свидѣтелей производится черезъ члена суда за исключеніемъ случаевъ, когда судъ признаетъ нужнымъ допрашивать свидѣтелей въ засѣданіи. Литература высказалась въ такомъ же смыслѣ: кромѣ Н. И. Цуханова и П. П. Короновскаго, на которыхъ мы уже ссылались [3]) и на которыхъ указываетъ и Коммисія [4]), за производство до-

---

[1]) Объяснительная записка, т. I, стр. 194.

[2]) Отчетъ совѣта присяжныхъ повѣренныхъ округа Харьковской судебной палаты за 1900—1901 г.г., стр. 6.

[3]) Жур. Мин. Юст. 1895 г. № 7, стр. 19—24, и тотъ же журн. за 1898 г. № 10, стр. 41—42.

[4]) Объяснительная записка, т. I стр. 194.

проса черезъ члена суда высказался и В. Шамонинъ, мнѣніе котораго, какъ указаніе практика, представляется особенно цѣннымъ потому, что вообще онъ противъ внесенія единоличнаго начала въ дѣятельность коллегіальныхъ судовъ по исковымъ дѣламъ [1]); такое же мнѣніе въ общей формѣ о желательности вообще сосредоточить въ рукахъ единоличнаго судьи разрѣшеніе отводовъ, возраженій по частнымъ вопросамъ, просьбъ о допущеніи доказательствъ и самой провѣрки ихъ высказано было и А. А. Леонтьевымъ [2]) и А. Краевскимъ, который, указывая на то, что при дѣйствіяхъ единоличнаго члена суда изслѣдованіе дѣла происходитъ почти всегда очень основательно, предлагаетъ смѣлый и едва ли основательный проектъ, чтобы всѣ дѣла, подсудныя окружному суду, проходили всю подготовительную процедуру у уѣздныхъ членовъ суда [3]).

Какъ мы указывали выше, и въ коммисіи по начертанію проекта Судебныхъ Уставовъ 1864 г. только меньшинство (13 членовъ) находило недопустимымъ допросъ свидѣтелей черезъ одного судью, большинство же (16 членовъ) высказывалось въ томъ смыслѣ, что допросъ въ присутствіи суда поведетъ къ замедленію дѣла и при гласности производства вовсе не вызывается необходимостью [4]).

Переходимъ къ другимъ доказательствамъ. Обязательно черезъ члена суда или участковаго судью единолично производятся дознаніе черезъ окольныхъ людей [5]), обозрѣніе актовъ и книгъ товарищества и общества и выписываніе изъ нихъ относящихся къ дѣлу данныхъ, если акты и книги за-

[1]) „Главнѣйшіе недостатки гражданскаго судопроизводства" Журн. Юр. Общ. при С.-Петерб. универс., 1898 г. № 2, стр. 34—94, въ частности 75—76.

[2]) Гражданскій судъ въ Англіи и его особенности—Жур. Мин. Юст. 1899 г. № 9, стр. 81.

[3]) Александръ Краевскій. Практическія замѣтки по вопросу о достиженіи скорости въ гражданскомъ судопроизводствѣ. М. 1898 г., стр. 19, 28 и др.

[4]) Объясн. зап. т. I, стр. 193.

[5]) 268 ст. проекта, тоже 413 устава.

труднительно представить въ судъ, такія же дѣйствія относительно документовъ, оглашеніе содержанія коихъ въ судѣ неудобно [1]), повѣрка записокъ, счетовъ и другихъ актовъ съ подлинными книгами и актами [2]), наконецъ освидѣтельствованіе акта и повѣрка его содержанія съ другими документами при производствѣ по спору о подлинности акта [3])...

Осмотръ на мѣстѣ производится черезъ одного или нѣсколькихъ членовъ или участковаго судью [4]), хотя едва ли осмотръ черезъ нѣсколькихъ судей (не требуется, чтобы это была коллегія), когда-либо примѣнялся судами,—но оставленіе этого правила ничему не можетъ вредить.

Присяга, какъ судебное доказательство, принимается тяжущимися въ церкви или молитвенномъ мѣстѣ въ присутствіи члена суда [5]); только „тяжущіеся духовнаго званія вмѣсто присяги даютъ *въ судѣ* показанія по иноческому обѣщанію или священству“ [6]). Конечно, обрядъ показанія предъ цѣлымъ составомъ суда торжественнѣе, чѣмъ передъ однимъ судьею, но надо думать, что, если духовное лицо рѣшило прибѣгнуть къ присягѣ, какъ доказательству, для него уже безразлично, передъ кѣмъ придется ему давать свое показаніе [7]). Единоличное начало при примѣненіи разсматриваемаго доказательства допущено въ проектѣ еще въ томъ отношеніи, что „прежде постановленія судомъ опредѣленія о допущеніи присяги, а если бы стороны въ это засѣданіе не явились, то прежде выполненія стороною обряда присяги, *предсѣдатель* суда *во всякомъ случаѣ* дѣлаетъ внушеніе тяжущимся,

---

[1]) 305—306 ст. проекта, 450 и 451 ст. устава.

[2]) 349—351 ст. проекта, 534 и 536 ст. устава.

[3]) 364 ст. проекта и 548 ст. устава.

[4]) 397 ст. проекта и 508 ст. устава.

[5]) 390 ст. проекта; дѣйствующій уставъ не указывалъ, нужно ли присутствіе судьи при принятіи присяги.

[6]) Та же статья.

[7]) Впрочемъ, выраженіе „въ судѣ“—не въ засѣданіи суда—даетъ возможность толковать статью и такъ, что показаніе можетъ быть дано и передъ членомъ суда, которымъ о выполненіи обряда составляется протоколъ; смыслъ статьи не возбуждалъ бы сомнѣній, если бы конецъ ея: „о всемъ происходившемъ“... былъ поставленъ передъ словами: „тяжущіеся духовнаго званія“...

чтобы они помирились, не вступая въ клятву" [1]). Но если стороны могутъ не явиться въ засѣданіе—послѣдствій неявки законъ не устанавливаетъ,—то и къ предсѣдателю могутъ не явиться, слѣдовательно получить внушеніе будетъ зависѣть отъ ихъ желанія. Здѣсь допущена, можетъ быть, только редакціонная неточность: обязанность дѣлать внушеніе надо возложить на члена суда, въ присутствіи котораго тяжущіеся и присягу будутъ принимать,—тогда внушеніе всегда будетъ дѣлаться, да и сдѣланное въ церкви оно можетъ произвести бо́льшее впечатлѣніе; по нашимъ старымъ законамъ въ церкви должны были присутствовать секретарь и повытчикъ именно на тотъ случай, что тяжущіеся помирятся и придется составлять мировую [2]).

Послѣднимъ въ ряду доказательствъ въ проектѣ новой редакціи устава стоитъ заключеніе свѣдущихъ людей. „Въ дѣлахъ, требующихъ пространнаго и *сложнаго* изслѣдованія, судъ можетъ назначить для наблюденія за его ходомъ одного изъ своихъ членовъ" [3]). Кромѣ того всѣ экспертизы, соединенныя съ осмотромъ на мѣстѣ, т. е. экспертизы межевыя, архитектурныя, инженерныя и вообще техническія, производятся только въ присутствіи члена суда [4]); по дѣламъ судебно-межевымъ и объяснительнаго производства всѣ экспертизы, хотя бы онѣ должны были производиться въ помѣщеніи суда, производятся подъ единоличнымъ наблюденіемъ члена суда [5]). Конечно, на долю коллегіи остается еще масса экспертизъ, главнымъ образомъ, медицинскихъ, особенно въ тѣхъ судахъ, въ округахъ которыхъ находятся правленія или управленія желѣзныхъ дорогъ,—каллиграфическихъ и техническихъ по вопросамъ, не требующимъ предъявленія эксперту на мѣстѣ машинъ, осмотра заводовъ, фабрикъ и проч.

---

[1]) Ст. 387 проекта,—она замѣнила собою 490 ст. устава: „предсѣдатель суда по полученіи просьбы о присягѣ дѣлаетъ прежде всего внушеніе тяжущимся, чтобы они помирились, не вступая въ клятву".

[2]) Ст. 439 т. X ч. 2-й Св. зак., изд. 1857 г.

[3]) 407 ст. проекта и 517 ст. устава.

[4]) Одного или нѣсколькихъ—396—397 ст. проекта и 507—508 ст. устава.

[5]) 666 ст. проекта.

Но если экспертизы болѣе сложныя поручаются наблюденію члена суда, то, конечно, экспертизы каллиграфическія, медицинскія и проч. безъ всякихъ неудобствъ могутъ производиться въ присутствіи члена суда. Качество изслѣдованій отъ этого только выиграетъ. Судъ in corpore обыкновенно не присутствуетъ при самомъ процессѣ изслѣдованія и выработкѣ заключенія, эксперты удаляются съ подлежащимъ изслѣдованію объектомъ въ особую комнату и здѣсь производятъ изслѣдованіе; между тѣмъ экспертиза при наблюденіи только члена суда цѣликомъ можетъ производиться въ его присутствіи и въ присутствіи сторонъ; отдѣльные вопросы, которые придется разрѣшать экспертамъ, будутъ вырабатываться подъ его руководствомъ, недоразумѣнія между сторонами будутъ разрѣшаться имъ же, словомъ, результатъ изслѣдованія будетъ вырабатываться экспертами при участіи сторонъ и подъ дѣйствительнымъ наблюденіемъ и руководствомъ судьи.

Чтобы покончить съ главой проекта устава о доказательствахъ, остается сказать, что въ отдѣлѣ объ обезпеченіи доказательствъ, отнесенномъ къ этой главѣ [1]), начало единоличнаго суда проведено въ достаточной степени, хотя не вполнѣ по отношенію къ окружнымъ судамъ. Просьбы объ обезпеченіи доказательствъ, подаваемыя до предъявленія иска или при условіи, что принятіе мѣръ обезпеченія не терпитъ отлагательства, подлежатъ разсмотрѣнію участковаго судьи, въ участкѣ коего находятся доказательства; въ остальныхъ случаяхъ эти просьбы разрѣшаются *тѣмъ судомъ*, въ которомъ производится дѣло [2]), т. е. постановляетъ опредѣленія о допущеніи обезпеченія доказательствъ, а потомъ производитъ повѣрку ихъ—допрашиваетъ свидѣтелей, свѣдущихъ людей,—судъ въ составѣ коллегіи. Здѣсь уже не можетъ быть рѣчи о непосредственности воспріятія, ибо доказательства обезпечиваются, конечно, для будущаго процесса, и если въ болѣе важныхъ случаяхъ, когда искъ еще не предъявленъ, просьбы объ обезпеченіи вѣдаетъ участковый

---

[1]) 425—433 ст. проекта, 369^{1} и 82^{1}—82^{3} ст. устава.

[2]) 427 ст. проекта.

судья, независимо отъ суммы иска и его подсудности, то казалось бы никакихъ возраженій не можетъ быть противъ того, чтобы эти просьбы разрѣшались единолично предсѣдателемъ или членомъ суда-докладчикомъ, если онъ уже назначенъ, въ тѣхъ случаяхъ, когда дѣло производится въ окружномъ судѣ.

Только при такомъ условіи законъ объ обезпеченіи доказательствъ судомъ, въ коемъ производится дѣло,—а это во всякомъ случаѣ лучшій способъ обезпеченія, чѣмъ обезпеченіе постороннимъ судьей,—не останется безъ примѣненія. По самому характеру своему обезпеченіе требуетъ быстроты и, если оно будетъ проходить черезъ судъ,—въ одномъ засѣданіи будетъ разрѣшаться вопросъ о допущеніи его, въ другомъ—происходить самое обезпеченіе, то никто не станетъ обращаться въ судъ съ просьбою объ обезпеченіи: будутъ или просто просить о скорѣйшемъ назначеніи дѣла къ слушанію, или, вѣрнѣе, обращаться къ участковому судьѣ, объясняя, что принятіе мѣръ обезпечительныхъ „не терпитъ отлагательства".

При проведеніи единоличнаго начала въ институтъ обезпеченія доказательствъ можно сдѣлать еще одну поправку въ этомъ институтѣ. Просьбы объ обезпеченіи до предъявленія иска, по проекту, подаются всегда участковому судьѣ. Но дѣла, по которымъ свидѣтели живутъ въ городѣ, гдѣ находится судъ, или въ такомъ отъ него разстояніи, что обязаны являться въ судъ [1]), или по которымъ предметъ осмотра находится, хотя бы и не въ городѣ, но въ болѣе близкомъ отъ него разстояніи, чѣмъ мѣстопребываніе участковаго судьи, словомъ, дѣла, по которымъ *повѣрка* доказательствъ должна была бы производиться въ помѣщеніи суда или на мѣстѣ, но не черезъ участковаго судью, а члена суда [2]), или по крайней мѣрѣ тѣ, по которымъ доказательства въ городѣ, гдѣ окружный судъ, можно бы предоставить и въ отношеніи *обезпеченія* доказательствъ вѣдѣнію члена суда или предсѣдателя. Замедленія производства отъ этого

---

[1]) 25-верстное по ст. 237 проекта и 383 устава.
[2]) 212 ст. проекта и 500[I] устава.

не будетъ, скорѣе—наоборотъ, ибо участковые судьи будутъ разъѣзжать по слѣдственнымъ дѣламъ, да и судебнымъ, тогда какъ предсѣдатель суда постоянно на мѣстѣ, а качество производства выиграетъ несомнѣнно: члены суда въ общемъ будутъ выше участковыхъ судей по опытности и познаніямъ, и къ тому же участковые судьи будутъ неохотно исполнять то, что̀ не относится къ дѣламъ ихъ подсудности.

Говоря о повѣркѣ доказательствъ, мы имѣли въ виду тѣ, которыя указываются сторонами суду по производящимся въ немъ дѣламъ. Но судамъ приходится—нѣкоторымъ весьма нерѣдко—повѣрять доказательства по дѣламъ другихъ судовъ; это имѣетъ мѣсто въ тѣхъ случаяхъ, число коихъ постепенно увеличивается вмѣстѣ съ увеличеніемъ населенія и съ развитіемъ средствъ передвиженія, когда свидѣтели живутъ въ округѣ не того суда, въ которомъ производится дѣло, не въ томъ округѣ находится объектъ изслѣдованія и проч. [1]). Единственное преимущество коллегіальной провѣрки—непосредственность воспріятія впечатлѣній составомъ суда, разрѣшающимъ дѣло,—въ этомъ случаѣ исключается, и потому къ примѣненію единоличнаго начала во всей полнотѣ не можетъ быть препятствій, т. е. по полученіи копіи опредѣленія о повѣркѣ доказательствъ предсѣдательствующій долженъ передать ее для исполненія или члену суда, или участковому судьѣ, смотря по тому, кто изъ нихъ долженъ производить повѣрку. Проектъ не устанавливаетъ изъятій изъ общихъ правилъ для повѣрки доказательствъ въ округѣ другаго суда, а статью 505 дѣйствующаго устава дополняетъ лишь указаніемъ, что „если исполненіе должно происходить *внѣ мѣста нахожденія этого суда* (того, которому прислано порученіе о повѣркѣ), то судъ, въ коемъ производится дѣло, можетъ и непосредственно *поручить исполненіе* подлежащему мѣстному *участковому судьѣ*". Если здѣсь нѣтъ редакціонной неточности—несогласованности съ правиломъ ст. 212 проекта, то дополненіе это вноситъ нѣкоторыя измѣненія въ порядокъ повѣрки доказательствъ въ смыслѣ расширенія дѣятельности участко-

---

[1]) 221 ст. проекта и 505 ст. устава.

ваго судьи на счетъ члена суда: по ст. 212 повѣрка доказательствъ, хотя и внѣ города, гдѣ находится окружный судъ, „но въ болѣе близкомъ отъ него разстояніи, чѣмъ мѣсто пребыванія участковаго судьи“,—производится членами суда, а по ст. 221 она будетъ поручаться участковому судьѣ...

Итакъ, вся повѣрка доказательствъ можетъ быть сосредоточена у члена суда. Но въ такомъ случаѣ естественно возникаетъ вопросъ, кто же долженъ дѣлать постановленія о принятіи того или иного доказательства, необходимо ли, чтобы каждое ходатайство стороны о повѣркѣ обсуждалось коллегіей, или безъ ущерба для дѣла можно допустить разрѣшеніе этихъ ходатайствъ единоличною властью члена суда. Судебно-межевой и исполнительный процессы дѣйствующаго устава, судебно-межевой и объяснительный процессы проекта узаконяютъ послѣдній порядокъ, предоставляя члену суда самостоятельную дѣятельность въ теченіе всего процесса собиранія доказательствъ, какъ это выражено относительно объяснительнаго производства совершенно ясно: членъ суда можетъ продолжать дальнѣйшія разъясненія, назначая новые сроки для явки, а также *принимая* и повѣряя доказательства [1]). Не представляется основаній и по другимъ дѣламъ, часто менѣе сложнымъ, чѣмъ дѣла объяснительнаго производства, допускаемаго только въ точно очерченныхъ случаяхъ взысканія убытковъ и доходовъ, истребованія отчетовъ и при значительномъ числѣ спорныхъ статей по счетамъ, разсчетамъ и описямъ,—лишать члена суда правъ по разрѣшенію вопросовъ о повѣркѣ доказательствъ. Въ такомъ смыслѣ высказывались взгляды и въ литературѣ. Такъ, К. П. Змирловъ, разрабатывая вопросъ о подготовительномъ или объяснительномъ производствѣ, находилъ, что его слѣдуетъ допустить въ большемъ числѣ случаевъ подобно австрійскому уставу, т. е., кромѣ дѣлъ о разсчетахъ съ значительнымъ

---

[1]) 668 ст. проекта и объясненія къ ней въ объяснит. зап. т. II, стр. 88; также ср. ст. 666 проекта.

числомъ отдѣльныхъ статей, и по дѣламъ, по которымъ въ виду значительнаго объема или сложности обстоятельствъ, указанныхъ въ состязательныхъ бумагахъ, для ускоренія и упрощенія словеснаго состязанія необходимо привести его въ порядокъ и систему [1]). Такого же мнѣнія придерживается Н. А. Туръ въ комментаріяхъ къ переводу австрійскаго устава [2]). Коммисія С.-Петербургскаго Юридическаго Общества по интересующему насъ вопросу высказалась за полное проведеніе единоличнаго начала. Существующій порядокъ производства дѣлъ, по которому всѣ вопросы разрѣшаются коллегіей, коммисія находитъ безусловно неудобнымъ; большинство вопросовъ просто и несложно, и назначеніе по каждому изъ нихъ особаго судебнаго засѣданія ведетъ къ проволочкѣ времени, непроизводительной тратѣ труда судей и тяжущихся. Предварительная подготовка дѣла безъ вреда для процесса и съ пользою для тяжущихся можетъ быть возложена на предсѣдателя суда. „Единоличной власти его слѣдовало бы предоставить разсмотрѣніе формальныхъ отводовъ, просьбы о допросѣ свидѣтелей, вызовы экспертовъ, освидѣтельствованіе потерпѣвшаго, отыскивающаго вознагражденіе, напр., за увѣчье, просьбы объ осмотрахъ на мѣстѣ, о выдачѣ свидѣтельства на полученіе справокъ изъ казенныхъ учрежденій и т. п., словомъ сказать“,—говоритъ коммисія,—„всѣ тѣ вопросы, которые возбуждаются одною изъ тяжущихся сторонъ въ цѣляхъ разъясненія дѣла и которые требуютъ частнаго постановленія суда или предпринятія какихъ-нибудь мѣръ самимъ судомъ“ [3]).

---

[1]) К. П. Змирловъ. О пересмотрѣ правилъ о производствѣ до слушанія дѣла. Жур. Мин. Юст. 1897 г. № 9, стр. 57 и др.

[2]) Австр. уст. гражд. судопр. въ сопоставленіи съ нашимъ уставомъ. Изданъ въ видѣ прилож. къ Жур. Мин. Юст. 1896 г. декабрь, мнѣніе Тура на стр. 97—98 къ ст. 244 и 245.

[3]) Журн. Юр. Общ. при С.-Петерб. унив. 1897 г. кн. 5 и 6, прилож., стр. 16 и 17. Рядомъ съ возложеніемъ на предсѣдателя суда права разрѣшать вопросы о допросѣ свидѣтелей, юридическая коммисія, какъ мы видѣли выше, производство самаго допроса возлагаетъ на судъ въ составѣ коллегіи. Эта несогласованность можетъ повести къ тому, что предсѣдатель допуститъ иногда допросъ свидѣтелей по такому обстоятельству, по которому судъ будетъ признавать допросъ ихъ недопустимымъ или излишнимъ, а все-таки суду придется ихъ допрашивать...

Всецѣло нужно присоединиться къ пожеланіямъ С.-Петербургской коммисіи. Практика указываетъ на необходимость предоставить члену суда, производящему повѣрку доказательствъ, большую самодѣятельность. Благодаря тому, что членъ суда отряжается только для повѣрки точно опредѣленныхъ доказательствъ и никакихъ новыхъ опредѣленій въ измѣненіе или дополненіе опредѣленія суда постановлять не въ правѣ, получаются утомительная для тяжущихся волокита, которая кончается тѣмъ иногда, что они отъ части доказательствъ отказываются, и трата времени для суда, количество которой знаютъ люди, болѣе или менѣе близко стоящіе къ гражданскому суду. Приведемъ нѣсколько случаевъ [1]).

Пріѣзжаетъ въ деревню членъ суда для допроса свидѣтелей. При опросѣ оказывается, что вмѣсто одного свидѣтеля явилась его жена.—„Васъ развѣ вызывали?"—„Да видите, господинъ судья",—вмѣшивается истецъ,—„я просилъ допросить мужа ея, а онъ умеръ, теперь я прошу допросить его жену, она знаетъ то же, что̀ и мужъ".—„Отчего же вы не ссылались на нее раньше, не просили суда о ея вызовѣ?"—„Да зачѣмъ же было ее вызывать, мужъ ея зналъ все, какъ было". Членъ суда обращается къ отвѣтчику, не имѣетъ ли онъ возраженій противъ допроса новой свидѣтельницы. Если отвѣтчикъ хочетъ затянуть дѣло и понимаетъ процессъ, онъ всегда скажетъ, что не согласенъ на допросъ; но и добросовѣстный отвѣтчикъ иногда не соглашается: „безъ повѣреннаго своего" (который не пріѣхалъ на допросъ и, можетъ быть, далъ общій совѣтъ своему довѣрителю не дѣлать безъ него никакихъ признаній и не давать никакихъ объясненій)—„не могу"...

Или такой случай. Производится при участіи эксперта осмотръ и измѣреніе дворовыхъ мѣстъ тяжущихся по иску одного изъ нихъ объ изъятіи изъ владѣнія другаго части двора; тутъ же допрашиваются и свидѣтели. Выясняется изъ показаній нѣкоторыхъ, что истецъ, у котораго дворъ выхо-

---

[1]) Мы беремъ примѣры изъ своей сравнительно недолголѣтней судейской практики; судьи, работающіе долѣе насъ, могли бы, вѣроятно, привести случаи болѣе разнообразные и съ другой обстановкой.

дитъ на переулокъ, противоположный улицѣ, гдѣ домъ отвѣтчика, при постройкѣ своего дома нѣсколько отступилъ внутрь своего двора, такъ какъ сосѣди стали „кричать", что онъ загораживаетъ переулокъ. Мѣсто у истца небольшое по переулку, и, чтобы убѣдиться, дѣйствительно ли это такъ, надо измѣрить длину двороваго мѣста сосѣда, которое также прилегаетъ сзади къ двору отвѣтчика и раньше съ владѣніемъ истца составляло одно мѣсто и въ такомъ видѣ было куплено истцомъ у правопредшественника его и отвѣтчика, такъ что въ купчей крѣпости истца указана мѣра вмѣстѣ и его мѣста, и сосѣда. Но членъ суда, особенно если стороны не выражаютъ согласія, лишенъ возможности выяснить истину даже путемъ способа, примѣнять который разрѣшается суду и безъ ходатайства сторонъ.

Или, напр., при измѣреніи спорнаго участка въ уѣздѣ или гдѣ-либо на окраинѣ города—собирается толпа. Начинаются разговоры, почему производится измѣреніе, кто судится, о чемъ... „Да какъ же"—заявляетъ въ толпѣ одинъ-другой изъ неизвѣстныхъ ни истцу, ни отвѣтчику,—„я знаю это мѣсто, можетъ, лѣтъ тридцать, я тутъ жилъ на квартирѣ давно, а потомъ бывалъ часто у прежняго хозяина, хоть жилъ уже и не по сосѣдству". Находятся самые подходящіе свидѣтели, ибо какъ-разъ спорныя обстоятельства относятся къ тому времени, когда говорящій былъ знакомъ съ бывшимъ хозяиномъ спорнаго мѣста. Истецъ или отвѣтчикъ, смотря по тому, кто изъ нихъ больше хочетъ выяснить истину, заявляетъ ходатайство о допросѣ новыхъ свидѣтелей. Если противная сторона соглашается, допросъ производится тутъ же; а если—нѣтъ?

Дѣло „съ исполненнымъ порученіемъ" представляется въ судъ, докладывается предсѣдательствующему и назначается имъ къ слушанію въ одномъ изъ очередныхъ засѣданій. Членъ-докладчикъ готовится, изучаетъ весь матеріалъ дѣла, ибо, можетъ быть, стороны, утомленныя судебной процедурой, и не будутъ просить о ея продолженіи; судъ выслушиваетъ длинныя пренія—одна изъ сторонъ находитъ, что дѣло уже достаточно разъяснено, вовсе нѣтъ нужды въ дополненіи

доказательствъ и проситъ разрѣшить дѣло, другая настаиваетъ на отложеніи и дальнѣйшей повѣркѣ доказательствъ. Судъ соглашается съ послѣднею. Снова дѣло передается члену суда, снова онъ отправляется на мѣсто для исполненія новаго порученія суда, затѣмъ представляетъ дѣло въ судъ, предсѣдательствующій назначаетъ его къ слушанію и, если нужно еще что-либо изслѣдовать,—опять повторяется та же процедура. Можетъ быть, хуже бываетъ, когда тяжущійся, въ интересахъ котораго повѣрка новыхъ доказательствъ, уставши отъ процесса, отказывается отъ нея и проситъ разрѣшить дѣло на основаніи имѣющихся данныхъ, а чтобы не потерять права, на случай проигрыша дѣла, ходатайствовать передъ апелляціонной инстанціей о повѣркѣ, отказъ свой мотивируетъ, напр., тѣмъ, что въ настоящее время ему неизвѣстно мѣстожительство свидѣтеля, отлучившагося на заработки, или какъ - нибудь иначе, по условіямъ даннаго случая. Хуже потому, что время можетъ изгладить слѣды доказательствъ, уничтоживъ въ своемъ безпощадномъ теченіи и носителя главнаго изъ нихъ—человѣка, и потому еще, что повѣрка доказательствъ въ апелляціонной инстанціи, производимая не черезъ судью-докладчика, вообще менѣе совершенна по своему качеству, чѣмъ повѣрка въ судѣ, въ которомъ и самое дѣло производится...

Такимъ образомъ, члену суда должно быть предоставлено право вести всю подготовку дѣла, т. е. не только повѣрку доказательствъ, указанныхъ суду, но и право назначать повѣрку новыхъ и примѣнять по своему усмотрѣнію доказательства, которыя допускаются въ процессѣ и безъ просьбы сторонъ, т. е. членъ суда долженъ имѣть право произвести и безъ ходатайства тяжущихся осмотръ на мѣстѣ и пригласить экспертовъ для разъясненія вопросовъ, которые онъ найдетъ нужнымъ выяснить, и разрѣшать ходатайства сторонъ о допросѣ свидѣтелей, дознаніи черезъ окольныхъ людей, обязывать сторону по ходатайству другой представлять до-

кументы [1]), требовать ихъ отъ третьихъ лицъ [2]), пріобщать „всякаго рода не касающіяся существа дѣла справочныя свѣдѣнія, находящіяся въ томъ же судѣ“ [3]), и документы изъ другихъ производствъ [4]), выдавать свидѣтельства на полученіе документовъ изъ судебныхъ и правительственныхъ мѣстъ и отъ должностныхъ лицъ [5]) и наконецъ допускать разрѣшеніе дѣла на основаніи принимаемой однимъ изъ тяжущихся присяги. Вопросы относительно повѣрки доказательствъ въ общемъ не настолько сложны, какъ правильно замѣтила и коммисія С.-Петербургскаго Юридическаго Общества, чтобы разрѣшеніе ихъ требовало коллегіальнаго обсужденія; возможныя при разрѣшеніи спорныхъ вопросовъ о допущеніи доказательствъ ошибки члена суда, который впрочемъ имѣетъ возможность посовѣтоваться со своими товарищами заранѣе, будутъ исправлены коллегіей, а случаи, когда членъ суда повѣритъ доказательства, которыхъ не слѣдовало повѣрять, едва ли могутъ быть часты, скорѣе ихъ совсѣмъ не будетъ; въ сомнительныхъ случаяхъ членъ суда будетъ отказывать въ принятіи доказательствъ, предоставляя вопросъ разрѣшенію коллегіи, которая, конечно, не можетъ быть лишена права и послѣ подготовки дѣла судьей во всякомъ случаѣ допустить повѣрку доказательствъ, указанныхъ стороной при производствѣ дѣла у члена суда. Въ частности, что касается рѣдкаго доказательства присяги, то казалось бы, что вопросъ о допущеніи и ея нѣтъ нужды вносить на разсмотрѣніе коллегіи. Допускается присяга въ сущности не судомъ, а тяжущимися, которые, „*согласившись* на присягу“, должны подать о семъ въ судъ прошеніе за общею ихъ подписью *съ изготовленнымъ* уже ими *присяжнымъ листомъ* [6]), а суду остается только провѣрить, не допускаютъ ли тяжущіеся присягу по

---

[1]) 293, 294 и 297 ст. проекта.

[2]) 299—301 ст. проекта.

[3]) 307 ст. проекта; и по проекту эти свѣдѣнія пріобщаются по единоличному распоряженію предсѣдателя суда.

[4]) 308 ст. проекта.

[5]) 309 ст. проекта.

[6]) 383 и 386 ст. проекта.

дѣлу о правахъ состоянія и другимъ, точно указаннымъ въ ст. 394 проекта, по каковымъ дѣламъ присяга не можетъ быть принимаема. Провѣрка эта не можетъ быть затруднительна и для судьи, дѣйствующаго единолично, который только болѣе внимательно отнесется къ дѣлу, зная, что онъ долженъ будетъ единолично рѣшить вопросъ о допущеніи.

Всѣ способы доказательствъ должны быть въ распоряженіи члена суда, а права его при повѣркѣ ихъ должны опредѣляться формулой, предложенной А. Г. Гасманомъ и вошедшей въ проектъ въ видѣ ст. 666, относящейся къ объяснительному производству; это—права суда и его предсѣдателя: перваго—по изслѣдованію дѣла, принятію репрессивныхъ мѣръ относительно свидѣтелей и проч., втораго—относительно веденія засѣданія, опредѣленія вознагражденія свидѣтелямъ и экспертамъ и проч. Засѣданія должны происходить публично въ залѣ засѣданій или на мѣстѣ повѣрки доказательствъ, при чемъ во время повѣрки могутъ быть постановляемы опредѣленія и о принятіи дальнѣйшихъ мѣръ къ изслѣдованію дѣла. Само собой разумѣется, что если повѣрку надо произвести черезъ участковаго судью или въ округѣ другаго суда, то членъ суда долженъ имѣть право передать по принадлежности для исполненія копію своего опредѣленія о повѣркѣ; вносить въ этихъ случаяхъ дѣла на разрѣшеніе суда нѣтъ никакихъ основаній.

Не слѣдуетъ бояться самодѣятельности судьи. Не нужно забывать, что дѣятельность эта будетъ осуществляться гласно, публично, а главное—при постоянномъ контролѣ сторонъ въ лицѣ представителей присяжной адвокатуры, главнымъ образомъ, для которой къ тому же цензъ, что касается права вести дѣла въ окружномъ судѣ, нѣсколько повышенъ сравнительно съ существующимъ [1]); предѣльный размѣръ цѣнности

[1]) Помощники присяжныхъ повѣренныхъ будутъ вести дѣла только послѣ годичнаго срока и полученія отъ совѣта присяжныхъ повѣренныхъ свидѣтельства о практической подготовленности, притомъ же веденіе дѣлъ помощниками вообще допускается въ проектѣ не иначе, какъ по передовѣрію и за имущественною отвѣтственностью ихъ патроновъ присяжныхъ повѣренныхъ—см. 486 и 487 ст. проекта новой редакціи учр. суд. уст. и 95 ст. проекта новой редакціи уст. гражд. суд.

псковъ, опредѣляющій подсудность дѣлъ единоличнымъ судьямъ, повышенъ, какъ мы указали выше, до 1000 руб., и слѣдовательно дѣла, подсудныя окружнымъ судамъ, будутъ вестись едва ли не всѣ при участіи повѣренныхъ.

Нѣкоторую самодѣятельность надо предоставить даже участковымъ судьямъ при исполненіи ими опредѣленій судовъ и ихъ членовъ о повѣркѣ доказательствъ. Не исполнить того, что̀ указано въ опредѣленіи, судья, которому поручено его исполнить, не можетъ за исключеніемъ, конечно, случаевъ фактической невозможности. Но сдѣлать больше того, что̀ требуется, иногда необходимо только въ интересахъ дѣла. Если сторона, по ходатайству которой постановлено допросить свидѣтелей, проситъ участковаго судью по тѣмъ же вопросамъ допросить и другихъ и если эти свидѣтели тутъ же находятся, такъ что откладывать въ ущербъ другой сторонѣ дѣло не приходится, то судья долженъ удовлетворить заявленную просьбу. Точно такъ же, если при осмотрѣ на мѣстѣ или истребованіи отъ свѣдущихъ людей заключенія окажется, что для разъясненія вопросовъ, вызвавшихъ постановленіе суда объ осмотрѣ и экспертизѣ, необходимо нѣсколько видоизмѣнить осмотръ въ смыслѣ дополненія его или отобрать отъ экспертовъ заключеніе и по нѣкоторымъ обстоятельствамъ, хотя бы прямо неперечисленнымъ въ опредѣленіи суда, то участковый судья не долженъ быть лишенъ права сдѣлать больше того, что̀ ему поручено. Приведенные выше случаи замедленія въ производствѣ вслѣдствіе лишенія судьи, повѣряющаго доказательства, самостоятельныхъ судебныхъ правъ, доказываютъ необходимость расширенія правъ всякаго судьи, которому придется исполнять чужое опредѣленіе.

Въ литературѣ, вызванной работами Коммиссіи по реформѣ судебной части и по отношенію къ интересующему насъ вопросу о единоличномъ началѣ въ коллегіи, останавливавшейся, слѣдуя иностраннымъ образцамъ, на выясненіи правъ предсѣдателя суда, рекомендовалось, между прочимъ, предоставить предсѣдателю разрѣшать отводы о подсудности, ходатайства объ обезпеченіи иска и проч. [1]) Но ни на пред-

[1]) См. особенно А. Х. Гольмстенъ—Предварительный проектъ законопо-

сѣдателя, ни на члена-докладчика не слѣдуетъ возлагать постановленіе опредѣленій, могущихъ преградить одному изъ тяжущихся путь къ правосудію или значительно, до разрѣшенія жалобы второю инстанціей, замедлить этотъ путь. Къ тому же вопросы объ отводахъ, даже о подсудности, не всегда такъ просты, какъ можно думать, не стоя близко къ практической дѣятельности суда; чтобы опредѣлить, напр., обусловлено ли въ договорѣ мѣсто исполненія или допускаетъ ли договоръ по свойству обязательства исполненіе только въ извѣстномъ мѣстѣ [1]), надо иногда хорошо вдуматься въ смыслъ договора; также не легко иногда опредѣлить тождественность основаній двухъ дѣлъ и ихъ тѣсную связь [2]); вопросъ о томъ, какія дѣла о недвижимыхъ имѣніяхъ и о какихъ именно подсудны волостнымъ судамъ, преобразованнымъ по закону 12 іюля 1889 г., до сихъ поръ представляется невыясненнымъ и спорнымъ. Въ частности, что касается ходатайствъ объ обезпеченіи исковъ, то предоставлять разрѣшеніе ихъ предсѣдателю суда внѣ случаевъ, когда нужна особенная быстрота, указанныхъ дѣйствующимъ уставомъ и буквально повторенныхъ проектомъ [3]), было бы нецѣлесообразно потому, что въ вопросахъ обезпеченія большую роль играетъ *„усмотрѣніе“*, терминъ, именно употребляемый проектомъ въ статьѣ объ обезпеченіи иска [4]), а конечно лучше, если усмотрѣніе исходитъ отъ трехъ судей; возможность же отмѣны высшей инстанціей постановленія предсѣдателя мало утѣшительна для тяжущагося, ибо вопросы обезпеченія именно

ложеній о частныхъ производствахъ, прилож. къ Жур. Мин. Юст. за 1897 г. № 1; авторъ рекомендуетъ предоставить предсѣдателю разрѣшать не только вопросы о подсудности, но и отводы по связи дѣлъ (connexitas causarum), къ надлежащему отвѣтчику, надлежащему истцу... (стр. 8). Коммиссія С.-Петербургскаго Общества также высказалась въ томъ смыслѣ, что единоличной власти предсѣдателя слѣдовало бы предоставить „разсмотрѣніе *формальныхъ* отводовъ“, не объясняя что собственно разумѣется подъ формальными отводами.

[1]) ст. 59 проекта и 1 п. 441 ст.

[2]) 441 ст. 2 п. проекта.

[3]) 598 ст. устава, 464 ст. проекта.

[4]) „Удовлетвореніе просьбъ объ обезпеченіи зависитъ отъ *усмотрѣнія* суда“— 460 ст. проекта вмѣсто *„опредѣленія* суда“—въ соотвѣтствующей 595 ст. устава.

таковы, что для нихъ самый короткій періодъ времени играетъ рѣшительную роль...

Теперь мы можемъ опредѣлить моментъ процесса, съ котораго дѣло должно быть передаваемо члену суда для подготовки его къ разбору, имѣя въ виду правила проекта о движеніи дѣлъ. Въ первомъ засѣданіи,—а если была подана отвѣтная бумага, то въ ней,—отвѣтчикъ долженъ заявить отводъ о подсудности и къ другому дѣлу [1]); отводы о подсудности по роду дѣла и мѣсту нахожденія недвижимаго имѣнія, по неимѣнію тяжущимся права ходатайствовать въ судѣ, а повѣреннымъ—полномочія, могутъ быть заявляемы во всякомъ положеніи дѣла [2]), но эти послѣдніе отводы судъ самъ долженъ предупредить: на возможность ихъ долженъ обращать вниманіе предсѣдатель, давая ходъ исковому прошенію, и если онъ усмотритъ, что дѣло по причинамъ, составляющимъ основаніе указанныхъ отводовъ, не подлежитъ разсмотрѣнію суда, то долженъ или возвратить прошеніе подавшему или въ случаѣ сомнѣній внести его на разсмотрѣніе суда [3]). Такимъ образомъ въ первомъ засѣданіи дѣло получитъ направленіе или въ смыслѣ разрѣшенія заявленныхъ отводовъ, если они не могутъ быть разрѣшены въ томъ же засѣданіи, или въ смыслѣ собранія и повѣрки доказательствъ, если не будетъ въ первомъ засѣданіи разрѣшено по существу. Въ томъ же засѣданіи уже можно будетъ опредѣлить съ весьма значительной долей достовѣрности, будетъ ли дѣло разрѣшено въ слѣдующемъ засѣданіи на основаніи тѣхъ доказательствъ, о повѣркѣ которыхъ проситъ одна сторона или обѣ, или подготовка его къ разбору займетъ нѣсколько засѣданій. Только въ первомъ случаѣ есть нѣкоторое основаніе повѣрять доказательства въ коллегіи, во второмъ цѣлесообразнѣе передать дѣло въ распоряженіе члена суда; конечно, и въ первомъ случаѣ судъ не долженъ быть лишенъ права пере-

---

[1]) 441 и 443 ст. проекта.
[2]) 439—440 ст. проекта.
[3]) 113 ст. п. 5 проекта.

дать дѣло члену суда, а въ послѣднемъ—постановить о повѣркѣ доказательствъ въ присутствіи коллегіи; слѣдовательно повѣрочное производство можетъ быть назначено судомъ въ первомъ же засѣданіи по всякому дѣлу, требующему повѣрки доказательствъ. Само собою разумѣется, что если бы необходимость въ повѣрочномъ производствѣ обнаружилась впослѣдствіи, при дальнѣйшемъ теченіи процесса, то съ момента, когда это выяснится, судъ и можетъ постановить о передачѣ дѣла члену суда.

Но, казалось бы, въ нѣкоторыхъ случаяхъ моментъ, когда можно приступить къ повѣрочному производству, можетъ быть опредѣленъ иначе. По проекту, отъ предсѣдателя суда будетъ зависѣть, соображаясь со свойствомъ иска и указанныхъ въ подкрѣпленіе его доказательствъ, назначить предварительную письменную подготовку, т. е. требовать отъ отвѣтчика письменный отвѣтъ на исковое прошеніе [1]). Если такой отвѣтъ поданъ и никакихъ отводовъ въ немъ не заявляется, если, напротивъ, изъ него видно, что повѣрка доказательствъ должна занять нѣсколько засѣданій или что ее нужно производить частью на мѣстѣ, то нѣтъ основанія вносить дѣло въ засѣданіе суда: въ этихъ случаяхъ предсѣдатель, своею властью назначая члена - докладчика, долженъ передать ему и дѣло для повѣрочнаго производства.

Скажемъ нѣсколько словъ объ одномъ частномъ производствѣ, имѣющемъ такой же предварительный характеръ, какъ и отводы, и могущемъ отдалить при извѣстномъ толкованіи относящихся къ нему законовъ начальный моментъ повѣрочнаго производства. Проектъ допускаетъ споръ о цѣнѣ иска *по всякому дѣлу* и предписываетъ разрѣшать его по сообра-

---

[1]) 165—166 ст. проекта. Санкціи этого требованія не установлено: хотя по ст. 166 отвѣтчикъ „*обязанъ* представить письменный отвѣтъ на исковое прошеніе", но, напр., отводы должны быть заявлены не позже, какъ въ первой отвѣтной бумагѣ, если она была *подана*, а не „*требовалась*", то же и относительно встрѣчнаго иска, ср. ст. 443, 197; можетъ быть, обязательность предъявленія отводовъ и особенно встрѣчнаго иска въ первой отвѣтной бумагѣ, если она *требовалась*, и сама по себѣ значительно ускорила бы процессъ, а при допущеніи повѣрочнаго производства черезъ члена суда—еще болѣе, ибо моментъ передачи дѣла члену суда могъ бы опредѣляться гораздо раньше во многихъ случаяхъ.

женіи объясненій сторонъ и представленныхъ ими доказательствъ, а въ случаѣ надобности—на основаніи осмотра предмета спора и заключенія свѣдущихъ людей [1]), но не опредѣляетъ ни времени, когда долженъ быть заявленъ споръ, ни времени производства по этому спору, т. е. долженъ ли онъ, напримѣръ, разсматриваться предварительно и отдѣльно отъ разсмотрѣнія дѣла. Разумѣется, что если заявленная въ спорѣ цѣна иска переходитъ предѣлъ подсудности данному суду дѣлъ по суммѣ, то онъ долженъ быть, какъ связанный съ отводомъ по роду дѣлъ, разрѣшенъ предварительно разсмотрѣнія дѣла по существу [2]), а какъ быть въ другихъ случаяхъ,—это вопросъ интерпретаціи. Казалось бы, и собираніе, и повѣрку доказательствъ для разрѣшенія спора о цѣнѣ иска можно предоставить члену суда, при чемъ, если допустить возможность предъявленія этихъ споровъ не въ первой бумагѣ и первомъ засѣданіи [3]), то нѣтъ основанія не допускать возможности предъявленія ихъ во избѣжаніе замедленія процесса прямо члену суда, которому надлежитъ предоставить право непосредственно приступить къ повѣркѣ доказательствъ заявленнаго спора; затѣмъ, если споръ можетъ имѣть послѣдствіемъ прекращеніе дѣла, то по повѣркѣ доказательствъ спора, производство должно быть представлено въ судъ, если нѣтъ,—то нѣтъ нужды пріостанавливать повѣрку доказательствъ, касающихся существа дѣла, ибо разрѣшать споръ о цѣнѣ иска въ этихъ случаяхъ не поздно и при разрѣшеніи дѣла по существу: возбужденіе такого спора не должно вліять на теченіе процесса, а процессуальное движеніе его должно идти параллельно съ движеніемъ дѣла, о чемъ слѣдовало бы прямо выразить въ законѣ [4]).

---

[1]) 121 ст. проекта.

[2]) 439 и 445 ст. проекта.

[3]) Отводъ о подсудности по роду можетъ быть заявленъ во всякомъ положеніи дѣла,—440 ст. проекта.

[4]) На это дѣлались указанія въ литературѣ, см. Жур. Гражд. и Угол. Права за 1893 г. кн. 1.—Я. Затворницкій О цѣнѣ иска, стр. 14—27, въ частности 25—26.

Выше мы говорили о правахъ члена суда при изслѣдованіи вопросовъ, необходимыхъ для разъясненія дѣла. Но члену суда можно предоставить постановлять въ нѣкоторыхъ случаяхъ и опредѣленія, заканчивающія производство; это случаи, когда суду приходится только санкціонировать волю сторонъ. Сюда относятся: прекращеніе дѣла по ходатайству обѣихъ сторонъ или вслѣдствіе отказа истца отъ иска [1]) и прекращеніе дѣла по мировой сдѣлкѣ. Если стороны, засвидѣтельствовавшія свои подписи на мировомъ прошеніи у *нотаріуса*, уже не подлежатъ вызову въ судъ для удостовѣренія въ согласіи на миръ и въ подтвержденіе мировыхъ условій [2]), то тѣмъ болѣе достаточно удостовѣреніе этихъ обстоятельствъ *членомъ суда*, и, слѣдовательно, нѣтъ основаній не возлагать на него и составленіе мироваго протокола, если стороны заявятъ желаніе примириться во время повѣрочнаго производства. Къ тому же проектъ допускаетъ порученіе судомъ допроса тяжущихся и участковому судьѣ, и *члену суда* [3]). Пріостановленіе производства по взаимному согласію тяжущихся, а также въ случаѣ смерти тяжущагося и наступленія другихъ обстоятельствъ, точно указанныхъ въ ст. 572 проекта, примѣненіе которой едва ли можетъ возбудить сомнѣніе, также можно предоставить власти члена суда, при чемъ онъ можетъ выдавать свидѣтельства и на учрежденіе опеки къ имуществу умершаго, а затѣмъ и возобновленіе дѣла по просьбѣ обѣихъ сторонъ или одной изъ

---

[1]) 606 ст. проекта.

[2]) 1059 ст. проекта.

[3]) Та же статья; повидимому, въ ней допущена редакціонная ошибка: тяжущіеся по общему правилу должны являться въ судъ, а не судъ къ нимъ, поэтому и для допроса по 1059 ст. тяжущіеся должны явиться или въ судъ, или къ участковому судьѣ, если камера его ближе къ нимъ, чѣмъ окружный судъ, въ самомъ же судѣ всѣ судебныя дѣйствія происходятъ въ коллегіи; такимъ образомъ, членъ суда никогда не можетъ допрашивать тяжущихся о согласіи на миръ, если, конечно, не допустить, что ст. 1059 сознательно переноситъ обязанности коллегіи по опросу тяжущихся, хотя бы онъ долженъ происходить въ помѣщеніи суда, на члена ея. Нынѣ дѣйствующая 1362 ст. устава говоритъ о порученіи допроса тяжущихся только уѣздному члену или мировому судьѣ, отличаясь въ этомъ отношеніи отъ статей о допросѣ свидѣтелей, осмотрѣ и проч., говорящихъ и о членѣ суда (386, 507 ст. уст.).

нихъ [1]) въ то время, пока оно въ производствѣ члена суда, должно быть предоставлено ему же.

По окончаніи повѣрочнаго производства дѣло должно быть внесено на разсмотрѣніе коллегіи; конечно, она не можетъ быть стѣснена въ назначеніи дополнительной повѣрки доказательствъ, какъ по собственному усмотрѣнію въ тѣхъ случаяхъ, въ которыхъ она допускается, такъ и по ходатайству сторонъ. Послѣднія, впрочемъ, должны быть нѣсколько ограничены въ правѣ представлять доказательства, какъ это и предположено въ проектѣ относительно дѣлъ объяснительнаго производства [2]): могутъ быть допущены только доказательства, на которыя стороны ссылались передъ членомъ суда, но которыя имъ были отвергнуты, или такія, которыя возникли или обнаружены послѣ повѣрочнаго процесса.

Итакъ, въ дѣлахъ исковыхъ роли единоличнаго и коллегіальнаго началъ, казалось бы, должны быть распредѣлены такимъ образомъ: на долю перваго должна быть отнесена подготовка дѣлъ къ слушанію,—коллегія будетъ слушать подготовленныя производства и разрѣшать ихъ. При такомъ порядкѣ коллегія сосредоточитъ свои силы и вниманіе на серьезномъ дѣлѣ, дѣйствительно требующемъ коллегіальныхъ силъ; ея вниманіе не будетъ развлекаться пустыми вопросами, вовсе не требующими ея обсужденія; въ засѣданіи будетъ значительно меньше балласта, который производитъ лишнее треніе въ судебномъ механизмѣ, безъ нужды затягивая разрѣшеніе дѣлъ и утомляя силы коллегіи. Весь процессъ судебный пойдетъ быстрѣе, а скорость въ разрѣшеніи дѣла—одинъ изъ краеугольныхъ камней правосудія; по справедливому замѣчанію Министра Юстиціи, Н. В. Муравьева, въ одной изъ его рѣчей, „судъ можетъ быть правый и равный только при скорости, потому что всякая правда теряется въ судебномъ томленіи [3])“.....

[1]) 580 ст. проекта.

[2]) 671 ст.

[3]) См. „Открытіе Иркутскихъ судебной палаты и окружнаго суда“ въ Жур. Мин. Юст. за 1897 г. № 7, стр. 129.

II.

Не нужно думать, что западно-европейскія законодательства не знаютъ соединенія началъ единоличнаго и коллегіальнаго въ судахъ, соотвѣтствующихъ нашимъ окружнымъ [1]).

Не говоримъ уже объ англійскомъ процессуальномъ правѣ, по которому вся подготовка дѣлъ производится секретарями, поставленными впрочемъ въ совершенно иныя условія, чѣмъ у насъ, а частью судьями, засѣдающими единолично и даже не въ публичномъ засѣданіи, а у себя въ кабинетѣ (at chambers) [2]). Французскій уставъ, какъ общее правило, устанавливаетъ допросъ свидѣтелей, осмотръ, экспертизу и повѣрку письменныхъ доказательствъ черезъ одного члена—juge commissaire [3]) подобно нашему уставу судопроизводства торговаго [4]). Германскій допускаетъ подготовительное производство (vorbereitendes Verfahren) въ болѣе частыхъ случаяхъ, чѣмъ нашъ уставъ—исполнительное производство, а проектъ новой редакціи устава—объяснительное, именно въ дѣлахъ, имѣющихъ предметомъ повѣрку счетовъ, раздѣлъ имущества или „подобныя отношенія" (ähnliche Verhältnisse) [5]).

Но наиболѣе проведено, хотя едва ли вполнѣ удачно, единоличное начало въ дѣятельности коллегіальныхъ судовъ въ новѣйшемъ изъ западно-европейскихъ кодексовъ—австрійскомъ уставѣ гражданскаго судопроизводства 1895 года [6]). Единоличная дѣятельность предсѣдателя и члена суда проявляется въ первой, подготовительной стадіи процесса, довольно сложномъ институтѣ австрійскаго устава. Сущность ея сводится къ слѣдующему. По вступленіи въ судъ исковаго

---

[1]) А. А. Леонтьевъ указываетъ, что одинъ изъ обыкновенныхъ доводовъ противъ единоличнаго начала—тотъ, что оно отсутствуетъ въ западно-европейскихъ странахъ для рѣшенія дѣлъ, подсудныхъ окружнымъ судамъ,—н. с. стр. 81.

[2]) Rüttiman, Der Englische Civilprozess.

[3]) Code de procedure civile, art. 255, 259, 305, 196 и 219.

[4]) Т. XI ч. 2, ст. 286.

[5]) Civilprocessordnung, § 313.

[6]) Gesetz vom 1 August 1895, Nr. 113. RGBl, Kundgemacht am 9. A. 1895 über das gerichtliche Verfahren in bürgerlichen Rechtsstreitigkeiten (Civilprocessordnung).

прошенія назначается такъ называемое первое засѣданіе (erste Tagsitzung), которое происходитъ въ присутствіи предсѣдательствующаго или назначеннаго имъ члена суда; оно предназначается для попытки склонить тяжущихся къ примиренію, для заявленія отводовъ о неподсудности, о нахожденіи того же иска въ производствѣ другаго суда и погашеніи его уже состоявшимся рѣшеніемъ, а также для заявленія просьбы объ обезпеченіи судебныхъ издержекъ; въ нѣкоторыхъ случаяхъ—признанія иска отвѣтчикомъ, отказа истца отъ иска, неявки отвѣтчика, недостатка правоспособности и законнаго представительства той или другой стороны—дѣло и разрѣшается въ первомъ засѣданіи единоличною властью судьи [1]. Если же оказывается нужнымъ приступить къ разбирательству дѣла, то судья, присутствующій въ первомъ засѣданіи, вмѣняетъ отвѣтчику въ обязанность представить отвѣтъ на исковое прошеніе, назначая для этого и срокъ не болѣе 4 недѣль [2] Затѣмъ, если въ отвѣтѣ заявляется просьба о подготовительномъ производствѣ или предсѣдательствующій признаетъ самъ необходимымъ его допущеніе, то онъ вноситъ дѣло на обсужденіе коллегіи, безъ вызова сторонъ [3], и коллегія безъ выслушанія сторонъ разрѣшаетъ вопросъ о необходимости подготовительнаго процесса, назначая въ случаѣ его допущенія и члена суда, которому онъ поручается [4].

Допускается это производство въ слѣдующихъ случаяхъ: 1) если дѣло имѣетъ предметомъ разсчеты, по которымъ разбирательству подлежитъ споръ по значительному числу отдѣльныхъ статей; 2) если въ виду значительнаго объема или сложности обстоятельствъ, указанныхъ въ состязательныхъ бумагахъ сторонъ, для ускоренія и упрощенія словеснаго состязанія представляется необходимымъ предварительно подготовить матеріалъ для разбирательства; 3) если стороны въ подтвержденіе обстоятельствъ, имѣющихъ рѣшающее значе-

---

[1]) Civilprocessordnung, § 239.

[2]) § 243, тамъ же.

[3]) § 244.

[4]) § 247.

ніе, ссылаются на доказательства, повѣрка которыхъ не можетъ быть произведена во время словеснаго состязанія или усложнила бы и замедлила словесное состязаніе, въ особенности же, если ссылаются на свидѣтелей, живущихъ въ отдаленности отъ мѣста нахожденія суда или которые по обстоятельствамъ дѣла должны быть допрошены на самомъ мѣстѣ [1]). Впрочемъ, и послѣ назначенія засѣданія для словеснаго состязанія дѣло можетъ быть обращено къ подготовительному производству, если истецъ въ теченіе недѣли послѣ полученія копіи отвѣта заявитъ объ этомъ просьбу, а въ случаѣ, указанномъ во 2. п. § 245—объема и сложности обстоятельствъ, изложенныхъ въ состязательныхъ бумагахъ—оно можетъ быть назначено и послѣ самаго состязанія, если необходимость повѣрки доказательствъ обнаружится въ засѣданіи.

Засѣданія въ подготовительномъ производствѣ назначаются членомъ суда, передъ которымъ и происходятъ [2]). Онъ можетъ самъ произвести повѣрку доказательствъ или поручить ее постороннему судьѣ [3]); стороны въ правѣ въ подтвержденіе или опроверженіе взаимныхъ требованій приводить и такіе факты и доказательства, которые ими въ состязательныхъ бумагахъ не были указаны.

Эта сложная постановка подготовительнаго производства съ пространной разработкой ея въ уставѣ и, можетъ быть, излишней регламентаціей [4]) сводится однако къ немногому, что касается дѣятельности члена суда: главная его задача *составить* по разспросѣ сторонъ *протоколъ*, въ которомъ должны быть установлены ихъ требованія и доводы; кромѣ того, онъ долженъ распорядиться о представленіи сторонами документовъ, на которые онѣ ссылаются, и истребованіи въ судъ нужныхъ документовъ; по дѣламъ, обращеннымъ къ

---

[1]) § 245.

[2]) § 248.

[3]) § 249.

[4]) См. кромѣ приведенныхъ еще §§ 250—251 о протоколахъ, 254 о послѣдствіяхъ неявки сторонъ, 255 о жалобахъ на члена суда предсѣдательствующему и др.

подготовительному производству для *повѣрки доказательствъ*, онъ обязанъ и повѣрить ихъ, но *лишь тѣ, которыя ему поручено* повѣрить [1]).

Вопросъ о первомъ засѣданіи, развитый А. Х. Гольмстеномъ, писавшимъ предварительный проектъ о частныхъ производствахъ, дальше австрійскихъ предѣловъ [2]), обсуждался Коммисіей и былъ отклоненъ ею по основаніямъ, съ которыми нельзя не согласиться [3]): при сравнительной отдаленности суда отъ населенія и необязательности посредничества адвокатуры явка къ предсѣдателю иногда нѣсколько разъ, кромѣ явки въ засѣданіе, была бы черезъ-чуръ обременительна для нашихъ тяжущихся.

Вопросъ же о подготовительномъ производствѣ во всей его широтѣ Коммисіей не ставился, а что касается отдѣльныхъ доказательствъ, то вопросъ о передачѣ повѣрки ихъ въ вѣдѣніе члена суда ставился лишь по отношенію одного—правда, главнаго доказательства—допроса свидѣтелей. Отвѣтъ на него данъ не вполнѣ опредѣленный и нерѣшительный. Къ случаямъ, въ которыхъ и по дѣйствующему закону допросъ производится черезъ члена суда, Коммисія, какъ мы указывали выше, прибавила одинъ [4]): „когда допросъ свидѣтелей въ засѣданіи суда сопряженъ *съ затрудненіями*, особо указываемыми въ каждомъ *отдѣльномъ случаѣ* въ опредѣленіи суда“. Что это значитъ? О какихъ затрудненіяхъ и случаяхъ идетъ рѣчь? Казалось бы, что затрудненія должны относиться къ данному опредѣленному дѣлу, вызываться обстановкой только даннаго дѣла, т. е. для примѣненія цитированной статьи необходимо, чтобы въ отдѣльномъ случаѣ допросъ въ засѣданіи суда представлялъ почему-либо значительныя затрудненія сравнительно съ допросомъ черезъ члена суда. Въ германскомъ уставѣ есть правило, изложенное почти

---

[1]) Ср. §§ 250, 251 и 253.

[2]) Ср. предв. проектъ въ прилож. къ Жур. Мин. Юст. 1897 г. № 1, особенно стр. 8 и др.: за полезность засѣданія для litis contestatio и И. Е. Энгельманъ, ср. Учебн. рус. гражд. суд. стр. 190—487.

[3]) Объяснительная записка къ проекту новой редакціи уст., т. I стр. 131.

[4]) 5 п. 242 ст. проекта.

буквально такъ же, какъ и правило 5 п. 242 ст. проекта: wenn die Beweisaufnahme vor dem Processgericht *erheblichen Schwierigkeiten* unterliegen würde" [1]).

Понимается этотъ параграфъ комментаторами въ томъ смыслѣ, что затрудненія должны относиться къ способу допроса (Schwierigkeiten der Art der Beweisaufnahme), а не къ служебнымъ занятіямъ судей, напр., обремененію ихъ работой, причемъ такое пониманіе правила 3 п. § 340 основывается и на мотивахъ, которые имѣлись въ виду германскимъ рейхстагомъ при составленіи устава [2]). Изъ мотивовъ къ нашему правилу, повторяющему нѣмецкое, оказывается иное: допросъ черезъ члена суда, когда въ засѣданіи онъ былъ бы сопряженъ съ затрудненіями, именно относится къ случаю обремененія суда дѣлами, когда допросъ черезъ одного судью, вмѣсто трехъ, является „средствомъ значительнаго сокращенія продолжительности производства дѣла"—это именно соображеніе выставлено въ объясненіяхъ Коммисіи къ ст. 242 проекта [3]). Но понимаемое такъ правило 242 ст. можетъ подать поводъ къ недоразумѣніямъ. Если судъ по одному дѣлу постановитъ о примѣненіи 5 п. 242 ст., выставивъ въ качествѣ „затрудненія" многочисленность находящихся въ производствѣ дѣлъ, то по другимъ дѣламъ ему уже неловко будетъ постановлять о допросѣ въ коллегіи, признавая тѣмъ, что какъ будто для другихъ дѣлъ и многочисленность не мѣшаетъ. Съ точки же зрѣнія буквальнаго толкованія суду прямо придется допрашивать свидѣтелей черезъ одного члена суда по всѣмъ дѣламъ: въ статьѣ 386 устава, нормировавшей случаи допроса свидѣтелей черезъ члена суда, говорилось—„судъ *можетъ поручить*"...., Коммисія нашла, что это выраженіе недостаточно императивно, „даетъ основаніе къ предположенію, что несмотря на болѣзнь, напр., свидѣтеля, судъ все-таки

---

[1]) § 340 п. 3 Civilprocessordnung.

[2]) Пользуемся изданіемъ Civilprocessordnung mit Gerichtsverfassungsgesetz, Einführungsgesetzen, Nebengesetzen und Ergänzungen съ примѣчаніями R. Sydow'а, который ссылается на протоколы юридической коммисіи рейхстага, относящіеся къ обсужденію устава—126, 668 и 675, см. прим. 4 къ § 340.

[3]) Объяснительная записка, т. I стр. 194.

не обязанъ, а лишь въ правѣ допросить его черезъ члена",— и замѣнила выраженіемъ „судъ *поручаетъ*".... [1]); такимъ образомъ, признавъ затрудненія въ видѣ замедленія производства, судъ уже по всѣмъ дѣламъ долженъ будетъ поручать допросъ своимъ членамъ.

Едва ли колебанія Коммисіи, повлекшія за собою и неопредѣленность выработанной ею нормы, не слѣдуетъ разрѣшить, какъ это мы старались доказать, въ томъ смыслѣ, что допросъ можетъ быть поручаемъ члену суда или производимъ въ засѣданіи суда по усмотрѣнію коллегіи; если мотивировка нужна по этому вопросу, то развѣ лишь въ случаѣ, когда судъ принимаетъ иной порядокъ допроса, чѣмъ тотъ, о которомъ заявляется ходатайство тяжущимися или однимъ изъ нихъ; въ такомъ же смыслѣ слѣдуетъ разрѣшить вопросъ и о повѣркѣ другихъ доказательствъ, по отношенію къ которымъ проектъ знаетъ случаи повѣрки черезъ отдѣльнаго судью.

Но если желательно расширеніе дѣятельности члена суда на счетъ коллегіи, то едва ли желательно, что касается повѣрки доказательствъ, допускаемое проектомъ расширеніе дѣятельности участковаго судьи на счетъ члена суда. Дѣло въ томъ, что редакція статей проекта, относящихся къ повѣркѣ доказательствъ членомъ суда, не вполнѣ соотвѣтствуетъ редакціи статей устава дѣйствующаго. По уставу, повѣрка въ мѣстѣ *болѣе близкомъ* отъ города, гдѣ судъ, чѣмъ отъ камеры уѣзднаго члена или мироваго судьи, производится черезъ члена суда, въ *болѣе далекомъ*—черезъ уѣзднаго члена или мироваго судью; кѣмъ должна производиться повѣрка въ мѣстностяхъ, отстоящихъ на равномъ разстояніи отъ города, гдѣ судъ, и отъ камеры мѣстнаго судьи, не опредѣлено [2]). По проекту повѣрка *въ болѣе близкомъ* разстояніи отъ города, въ которомъ находится судъ, чѣмъ отъ мѣста пребыванія участковаго судьи, производится членомъ суда [3]), въ *остальныхъ случаяхъ* [4]) участковымъ судьею; такъ какъ участковые

---

[1]) Объясн. къ ст. 242, т. I стр. 193.

[2]) Ср. 500[1] ст. уст.

[3]) 212 ст. проекта.

[4]) 213 ст.

судьи, конечно, будутъ имѣть пребываніе въ томъ городѣ, гдѣ будетъ окружный судъ, то членамъ суда придется производить повѣрку доказательствъ *только въ самомъ городѣ*..... Едва ли такая постановка дѣла правильна. Повѣрку черезъ члена суда-докладчика того состава, которому придется разрѣшать дѣло, надо признать въ общемъ болѣе совершенною, чѣмъ повѣрку черезъ участковаго судью, а такъ какъ расходы по выѣзду члена суда не будутъ больше, чѣмъ по выѣзду участковаго судьи [1]), то, казалось бы, слѣдовало узаконить, что только въ *болѣе удаленныхъ* отъ суда, чѣмъ отъ камеры участковаго судьи, мѣстностяхъ повѣрку долженъ производить послѣдній, т. е. не только въ городѣ, но и въ мѣстахъ, находящихся на одинаковомъ отъ него разстояніи, что и камера судьи, повѣрку долженъ производить членъ суда.

Выше мы говорили о порядкѣ *производства* исковыхъ дѣлъ. Что касается самого *рѣшенія* ихъ по существу, то въ этомъ отношеніи Коммисіею, кажется, сдѣлано все въ смыслѣ проведенія единоличнаго начала. Неудавшійся законъ 3 іюня 1891 г. объ упрощенномъ порядкѣ судопроизводства [2]) замѣняется правилами понудительнаго исполненія [3]), которыя будутъ примѣняться къ актамъ, совершеннымъ или засвидѣтельствованнымъ установленнымъ порядкомъ, о платежѣ денегъ и возвратѣ движимаго имущества, къ протестованнымъ векселямъ, а также къ договорамъ найма недвижимаго имущества [4]). По этимъ правиламъ истцу достаточно будетъ представить актъ на какую угодно сумму любому изъ участковыхъ судей по своему выбору [5]), и судья, не вызывая должника, будетъ полагать на актѣ резолюцію о взысканіи, по которой и будетъ чиниться исполненіе [6]), а затѣмъ, если бы отвѣт-

---

[1]) 831 ст.

[2]) Ст. 365^{1}—365^{24} уст. гражд. суд. по изд. 1892 г.

[3]) Раздѣлъ V кн. III проекта—изъятій изъ общаго порядка гражданскаго судопроизводства.

[4]) 1102 ст. проекта.

[5]) 1108 ст.

[6]) 1109 и 1111 ст. проекта.

чикъ нашелъ неправильными требованія истца, то въ извѣстный срокъ онъ въ правѣ предъявить къ нему искъ для опроверженія существа его требованій [1]).

Понудительный процессъ, разработанный Коммисіею въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ лучше, чѣмъ онъ разработанъ въ австрійскомъ уставѣ 1895 г. [2]), избавитъ коллегіальные суды отъ массы дѣлъ, на которыя имъ пришлось бы непроизводительно тратить время. Конечно, и среди другихъ дѣлъ могутъ оказаться такія, для которыхъ нужно не рѣшеніе суда, а только его принудительная власть. Но выдѣлить эти дѣла заранѣе, по признакамъ, которые можно бы было обнаружить при самой подачѣ исковаго прошенія, въ особую группу не представляется возможнымъ, введеніе же въ нашъ уставъ начала англійскаго процесса, по которому отъ судьи-докладчика зависитъ разрѣшить дѣло единолично или пригласить для разрѣшенія всего дѣла или отдѣльнаго сложнаго юридическаго вопроса своихъ товарищей—было бы соединено съ крупной реформой въ судоустройствѣ. Она станетъ возможною тогда, когда у насъ, какъ въ Англіи, и въ обществѣ, и въ государственныхъ сферахъ, установится взглядъ на судъ, какъ на важнѣйшій факторъ общественной и государственной жизни, и въ зависимости отъ этого измѣнятся условія дѣятельности судьи.

На этомъ мы заканчиваемъ изложеніе вопроса о примѣненіи единоличнаго начала въ коллегіальномъ судѣ при разрѣшеніи исковаго дѣла, чтобы въ слѣдующей главѣ разсмотрѣть вопросъ о желательномъ его примѣненіи въ процессѣ исполненія рѣшенія.

(Окончаніе слѣдуетъ).

---

[1]) 1116 ст. [illegible].

[2]) По австрійскому Civilprocess-Gesetze платежнымъ приказомъ назначается отвѣтчику 14-дневный срокъ на удовлетвореніе требованій истца или заявленія возраженій; если послѣднія поступятъ, то назначается засѣданіе для словеснаго разбирательства—ср. §§ 548, 552 и 553.

ЮРИДИЧЕСКІЙ МЕТОДЪ И ЕГО ПРИМѢНЕНІЕ ВЪ ПОЛИТИЧЕСКИХЪ НАУКАХЪ.

В. В. Ивановскаго.

Степень развитія политическихъ наукъ зависитъ отъ тѣхъ методовъ, при помощи которыхъ происходитъ ихъ разработка; примѣненіе же тѣхъ или другихъ методовъ, въ свою очередь, обусловливается какъ состояніемъ методологіи вообще, такъ въ особенности и тѣми цѣлями, которыя ставитъ себѣ наука. Если подъ наукой мы будемъ разумѣть систему и синтезъ человѣческихъ знаній, то этимъ еще не предрѣшается самая цѣль науки. Знанія могутъ систематизироваться и обобщаться или для достиженія какихъ-либо практическихъ цѣлей, для увеличенія или улучшенія, напримѣръ, суммы благъ, которыми пользуются люди, или ради достиженія одной только истины, ради познанія природы и законовъ міровой жизни. Смотря по тому, какая изъ этихъ цѣлей преслѣдуется въ политическихъ наукахъ, различаются и самые методы ихъ разработки.

Среди нихъ наибольшимъ значеніемъ и вліяніемъ до сихъ поръ пользуется методъ юридическій, за нимъ слѣдуетъ политическій, и, наконецъ, самое послѣднее мѣсто, по степени примѣненія, занимаетъ методъ соціологическій. Два первые метода прилагаются постольку, поскольку требуется достиженіе практическихъ цѣлей; методъ соціологическій, напротивъ, имѣетъ задачей раскрытіе закономѣрности въ явленіяхъ

политической жизни. Первые отвѣчаютъ на вопросы, что̀ и какъ должно быть, послѣдній—на вопросы, что̀ есть и почему. Казалось бы, рѣшеніе вопроса, что̀ есть и почему, должно предшествовать рѣшенію вопроса о томъ, что̀ и какъ должно быть, но на самомъ дѣлѣ мы видимъ обратную постановку, или, по крайней мѣрѣ, одновременную постановку того и другаго вопроса. Это значитъ, что логическія положенія, при всей ихъ безусловной правильности, далеко не всегда являются господствующими въ жизни и даже въ такихъ областяхъ, какъ научная, гдѣ, казалось бы, логика должна была бы пользоваться высокимъ уваженіемъ и признаніемъ.

Всякое политико-юридическое явленіе, будетъ ли то государственная норма или правительственная мѣра, подобно всѣмъ другимъ явленіямъ, имѣетъ свою причину и въ зависимости отъ этой причины отличается тѣмъ или инымъ характеромъ, тѣми или другими достоинствами или недостатками, производитъ, въ свою очередь, тѣ или другіе результаты. Чтобы опредѣлить, какова должна быть соотвѣтственная государственная норма или государственная мѣра, слѣдуетъ предварительно установить, какова она есть, въ чемъ ея недостатки и гдѣ кроется причина этихъ недостатковъ. Въ дѣйствительности, какъ замѣчено, нѣтъ такой послѣдовательности ни въ жизни, ни въ наукѣ. Отыскапіе причинъ тѣхъ или другихъ политико-юридическихъ явленій настолько сложно и затруднительно, что пугаетъ даже ученыхъ теоретиковъ. Притомъ же представляется возможность предпринятія разнообразныхъ мѣръ и безъ изученія причинъ явленій; нѣтъ основанія даже предполагать, чтобы эти мѣры были всегда ошибочны, не цѣлесообразны, а если это такъ, то есть большой соблазнъ игнорировать изученіе причинъ существующихъ явленій и предлагать тѣ или другія мѣры, тѣ или другія нормы, руководствуясь лишь общими соображеніями о цѣлесообразности. Въ этомъ, въ сущности, и состоитъ современный политическій методъ въ разработкѣ государственныхъ наукъ.

Справедливость требуетъ сказать, что такой методъ не приводитъ и не можетъ привести къ серьезнымъ научнымъ

результатамъ. Общія соображенія о цѣлесообразности сами по себѣ весьма не опредѣленны, въ основаніе ихъ не кладется обыкновенно какого-либо опредѣленнаго принципа, а если иногда такіе принципы и имѣются, то не отличаются постоянствомъ, мѣняются такъ же часто и быстро, какъ измѣняется и сама жизнь. Постоянныхъ и неизмѣнныхъ политическихъ принциповъ въ дѣйствительной жизни обыкновенно не наблюдается. Сказать, что они составляютъ удѣлъ науки, мы также не имѣемъ никакого основанія. Нѣкоторую разновидность политическаго метода составляетъ методъ критическій; если при помощи политическаго метода, въ собственномъ смыслѣ слова, руководствуясь началами цѣлесообразности, стремятся установить то, что̀ должно быть, указать на новыя государственныя нормы или новыя государственныя мѣры, осуществленіе которыхъ желательно, то при помощи метода критическаго, руководствуясь тѣми же началами цѣлесообразности, стремятся установить то, чего не должно быть, указать на нецѣлесообразность тѣхъ или другихъ государственныхъ нормъ или государственныхъ мѣръ.

Признавая, что изслѣдованія, построенныя на основаніи этого метода, могутъ иногда имѣть практическое значеніе, указывая законодателю на устарѣвшія или, въ силу какихъ-либо иныхъ причинъ, нецѣлесообразныя нормы и мѣры, мы все-же и здѣсь должны повторить то же самое, что̀ сказано о политическомъ методѣ въ его положительномъ направленіи; методъ этотъ не даетъ твердой опоры для вырабатываемыхъ имъ положеній, такъ какъ понятіе цѣлесообразности есть нѣчто измѣнчивое, непостоянное; притомъ же правильность принциповъ политической цѣлесообразности можетъ быть доказана только на основаніи опыта.

Въ виду сказаннаго, критическій методъ имѣетъ за собою все-же болѣе научнаго характера, нежели методъ политическій, такъ какъ критика существующихъ политическихъ нормъ или институтовъ можетъ опираться на факты дѣйствительной жизни. Указывая на недостатки этихъ нормъ или институтовъ, изслѣдованія, построенныя при помощи критическаго метода, могутъ и не касаться вовсе тѣхъ причинъ,

въ силу которыхъ указываемыя ими нормы или учрежденія приводятъ къ отрицательнымъ результатамъ. Нецѣлесообразность нормъ или институтовъ можетъ явствовать изъ того, что они приводятъ къ отрицательнымъ результатамъ, но почему они приводятъ къ такимъ результатамъ,—это вопросъ совершенно особый. Такъ, земское положеніе 1890 года понизило жизнедѣятельность земскихъ учрежденій, университетскій уставъ 1884 года понизилъ моральный уровень развитія какъ въ учащихся, такъ и въ учащихъ, но чѣмъ обусловливаются такіе отрицательные результаты обоихъ законоположеній,—это вопросъ отдѣльный и нелегко поддающійся рѣшенію. Иногда, конечно, бываютъ ясны и самыя причины отрицательныхъ результатовъ, и критикъ не упуститъ случая указать на эти причины; въ большинствѣ случаевъ это бываетъ, однако, не такъ. Стремленіе проникнуть въ эти причины возможно глубже, установить точную преемственную связь между причиной и слѣдствіемъ, выводитъ уже изслѣдователя изъ рамокъ критическаго метода и вводитъ его въ область соціологіи. Такая работа не подъ-силу тѣмъ изслѣдователямъ, которые привыкли руководствоваться общими соображеніями политической цѣлесообразности.

Методъ юридическій имѣетъ то общее съ политическимъ, что, подобно послѣднему, преслѣдуетъ практическія цѣли; но самыя цѣли по ихъ содержанію у того и другаго метода различны. При помощи политическаго метода опредѣляется, каковы должны быть государственныя нормы или мѣропріятія, пригодныя для достиженія тѣхъ или другихъ цѣлей; методъ юридическій установляетъ, какъ должны пониматься и примѣняться государственныя нормы; для этой цѣли нормы излагаются въ опредѣленной системѣ, обобщаются, разъясняется ихъ грамматическій и логическій смыслъ, развиваются всѣ тѣ юридическія послѣдствія, которыя содержатся въ нормахъ; все это дѣлается исключительно при помощи логическихъ пріемовъ, и практическая цѣль всего этого процесса, повторяемъ, состоитъ лишь въ томъ, чтобы облегчить наиболѣе правильное примѣненіе юридическихъ нормъ въ дѣйствительной жизни.

Такъ какъ юридическія нормы распадаются на двѣ категоріи—нормы частнаго и публичнаго права, то и примѣненіе юридическаго метода можетъ идти въ тѣхъ же двухъ направленіяхъ. Оставляя въ сторонѣ право гражданское, мы обратимъ вниманіе на ту роль, какую играетъ юридическій методъ въ наукѣ публичнаго или государственнаго права.

Годъ тому назадъ во французской политико-юридической литературѣ появилась работа проф. Дижонскаго университета Дэландра, подъ заглавіемъ „La crise de la science politique", въ которой онъ, между прочимъ, касается и вопроса о юридическомъ методѣ въ примѣненіи къ разработкѣ политическихъ наукъ. Хотя сама по себѣ эта работа и не даетъ надлежащаго рѣшенія вопроса, тѣмъ не менѣе пользованіе ею представляется довольно удобнымъ для выясненія методологическихъ вопросовъ. Вотъ почему мы позволимъ себѣ въ краткихъ словахъ изложить взгляды проф. Дэландра и сдѣлать ихъ надлежащую оцѣнку.

Юридическій методъ, говоритъ Дэландръ, представляетъ прямую противоположность методу соціологическому, такъ какъ этотъ послѣдній покоится на наблюденіи фактовъ и оперируетъ при помощи индукціи; напротивъ, методъ юридическій пользуется абстрактнымъ мышленіемъ, чистой логикой и дедукціей; но, при всемъ томъ, юридическій методъ является все-же методомъ точнымъ, почему и получилъ обширное примѣненіе, въ особенности въ Германіи. Поэтому всякій, кто желалъ бы ознакомиться съ этимъ методомъ, долженъ обратиться къ нѣмецкой литературѣ.

Мы позволимъ себѣ внести здѣсь маленькую поправку. Пользованіе юридическимъ методомъ при разработкѣ государственныхъ наукъ встрѣчается весьма нерѣдко и у французскихъ ученыхъ; въ отношеніи догматической разработки положительнаго законодательства они даже опередили нѣмецкихъ ученыхъ; труды по догматикѣ государственнаго и, въ особенности, административнаго права мы находимъ у французовъ еще въ тридцатыхъ годахъ XIX столѣтія, между тѣмъ какъ нѣмецкіе ученые специализировались на этомъ поприщѣ, главнымъ образомъ, съ семидесятыхъ годовъ.

Для надлежащей оцѣнки юридическаго метода авторъ разбираемой нами книги тѣмъ не менѣе обращается исключительно къ трудамъ нѣмецкихъ государствовѣдовъ—Лабанда, Г. Мейера, Цорна и другихъ. Нельзя не признать справедливымъ его замѣчанія, что государственная наука понимается нѣмецкими учеными исключительно, какъ публичное право; предметомъ этой науки служатъ только публично-правовыя отношенія; природа этихъ отношеній всегда юридическая, основные принципы, служащіе для ихъ объясненія, не что иное, какъ общія юридическія понятія. Въ процессѣ догматическаго изслѣдованія необходима только логика. Всѣ соображенія историческаго, политическаго и философскаго характера не имѣютъ никакой цѣны, поскольку дѣло касается догматики юридическаго матеріала. Въ основаніи всѣхъ юридическихъ построеній лежатъ общіе абстрактные принципы, изъ которыхъ логически вытекаютъ многочисленные юридическіе нормы и институты. Созданіе новаго юридическаго института, не подчиненнаго высшимъ и общимъ принципамъ, по мнѣнію Лабанда, такъ же невозможно, какъ невозможно открытіе новой силы природы. До общихъ и высшихъ принциповъ можно дойти изъ анализа законоположеній, а затѣмъ, въ свою очередь, изъ нихъ можно вывести и тѣ положенія, которыя въ законѣ еще не формулированы.

При помощи юридическаго метода изучается исключительно юридическая сторона государства. Вотъ почему, говоритъ Дэландръ, нѣмецкіе авторы не разсматриваютъ зависимости государственныхъ органовъ или ихъ функцій отъ тѣхъ силъ, которыя въ нихъ представлены, отъ факторовъ и условій дѣйствительной жизни. Нѣмецкіе авторы ищутъ опредѣленій тѣхъ или другихъ государственныхъ институтовъ въ ихъ юридической природѣ. Такъ, на основаніи этого метода, Германскій Императоръ есть представитель объединенной Германіи; рейхстагъ—представитель нѣмецкаго народа; союзный совѣтъ—представитель соединенныхъ правительствъ, и это потому, что права всѣхъ этихъ учрежденій вытекаютъ изъ представительства, и самое понятіе ихъ должно содержать принципъ этихъ правъ. Равнымъ образомъ и природа государ-

ственныхъ функцій покоится на законодательствѣ, судебномъ или административномъ постановленіи. Пренебрегая указаніями исторіи, философіи и т. д., нѣмецкіе авторы берутъ свои тезисы изъ законодательства, чтобы ихъ толковать, восполнять и систематизировать. Все, что не предусмотрѣно законами, въ глазахъ нѣмецкихъ государствовѣдовъ не имѣетъ значенія. Благодаря юридическому методу, оставляются безъ вниманія вопросы: о происхожденіи учрежденій, ихъ заслугахъ или положительномъ значеніи, ихъ возможныхъ преобразованіяхъ и усовершенствованіяхъ. Для примѣра берется нѣмецкій Reichstag; это—собраніе лицъ, избранныхъ народомъ; въ этомъ отношеніи оно противополагается Императору и союзному совѣту; каково фактическое отношеніе между этими органами, какое оказываетъ вліяніе каждый изъ нихъ—вотъ главныя проблемы, которыя могутъ насъ интересовать. Однако такіе вопросы нѣмецкими учеными даже и не ставятся; ихъ интересуетъ лишь представительный характеръ рейхстага; но въ концѣ концовъ они приходятъ къ выводу, что, съ юридической точки зрѣнія, рейхстагъ не можетъ быть признанъ даже и представительствомъ, на томъ основаніи, что нѣмецкій народъ вовсе не выступаетъ въ качествѣ субъекта правъ, который могъ бы быть представляемымъ. Отдѣльныя государства, входящія въ составъ Германской Имперіи, являются юридическими лицами и потому они представлены въ союзномъ совѣтѣ; Императоръ служитъ представителемъ Германской Имперіи, но германскій народъ не имѣетъ характера личности, и потому названіе депутатовъ рейхстага представителями нѣмецкаго народа не имѣетъ юридическаго значенія. Такимъ образомъ, заключаетъ Дэландръ, юридическій методъ въ данномъ случаѣ логически приводитъ къ обоснованію политическаго значенія за Императоромъ въ противоположность рейхстагу.

Мы полагаемъ, что авторъ разсматриваемаго нами труда не правъ, поскольку онъ упрекаетъ нѣмецкихъ ученыхъ за игнорированіе ими политическихъ, философскихъ и иныхъ основаній для объясненія явленій государственной жизни. Примѣняя юридическій методъ для изученія юридической

стороны государства, нѣмецкіе ученые поступали вполнѣ правильно и послѣдовательно, устраняя изъ своихъ трудовъ всякаго рода постороннія соображенія. Примѣненіе различныхъ методовъ одновременно въ одномъ и томъ же изслѣдованіи не можетъ привести къ удовлетворительнымъ результатамъ въ виду того, что разные методы предполагаютъ и разныя цѣли. Методъ политическій безсиленъ оказать помощь догматикѣ права, методъ юридическій только посредственно полезенъ для политики, методъ соціологическій окончательно непригоденъ для догматики и, развѣ только посредственно, можетъ имѣть значеніе для политики. Но нашъ авторъ совершенно правъ, дѣлая упрекъ нѣмецкимъ ученымъ въ томъ, что почти всѣ ихъ труды построены по методу юридическому и что въ ихъ политической литературѣ почти вовсе не встрѣчается работъ, построенныхъ по методу политическому или соціологическому. Такое одностороннее направленіе научной мысли приводитъ къ весьма печальнымъ результатамъ. Изучивши до мельчайшихъ тонкостей юридическую сторону государства, нѣмецкіе ученые остаются въ невѣдѣніи относительно другихъ, не менѣе важныхъ, сторонъ государственной жизни. Мало того, одностороннее пользованіе юридическимъ методомъ настолько увлекаетъ нѣмецкихъ ученыхъ, что юридическая сторона государственной жизни заслоняетъ передъ ними всѣ другія стороны; повидимому, они склонны думать, что государственная жизнь и есть именно жизнь юридическая. Такой взглядъ, неправильный вообще, ведетъ къ крупнымъ заблужденіямъ, въ особенности при изученіи государственнаго строя и общихъ началъ государственной дѣятельности. Въ книгѣ Дэландра встрѣчается по этому поводу нѣсколько цѣнныхъ указаній.

Главная ошибка авторовъ, пользующихся юридическимъ методомъ при изученіи политическихъ учрежденій, заключается, по его мнѣнію, въ томъ, что они вѣрятъ въ господство логики въ области политической жизни. Разумнымъ основаніемъ этого метода служатъ, какъ сказано, „высшіе юридическіе принципы“, „абстрактные типы учрежденій“, къ которымъ подводятся всѣ существующія учрежденія и изъ

которыхъ логически могутъ быть конструированы многочисленныя нормы и институты. Но, спрашивается, откуда берутся самые принципы? Думать, что они имѣютъ самобытный, абсолютный характеръ, было бы весьма ошибочно. Принципы и общіе типы извлекаются нами изъ изученія нормъ и учрежденій существующихъ, обусловливаемыхъ въ дѣйствительной жизни не законами логики, но законами жизни, совокупностью разнообразныхъ факторовъ и условій, среди которыхъ наблюдается не столько логическая послѣдовательность и гармонія, сколько борьба и господство противорѣчій. Для того, чтобы политическія учрежденія согласовались съ логикой, надо, чтобы они были произведеніями чистаго разума, и если человѣческій разумъ принимаетъ участіе въ созданіи политическихъ учрежденій, то не подъ вліяніемъ требованій логики, но подъ вліяніемъ историческихъ условій, событій современной жизни, традицій и опыта. Неправильно также думать, что въ политическихъ учрежденіяхъ господствуетъ логика юридическая, состоящая въ томъ, что каждая изъ великихъ государственныхъ властей, между которыми распредѣляется проявленіе суверенитета, возводится въ личность; изъ природы этой послѣдней выводится, каковы должны быть организація этихъ властей, ихъ аттрибуты и взаимныя отношенія. Вся политическая система превращается въ систему правъ и обязанностей этихъ властей; такимъ путемъ предполагается ввести государственную организацію въ область права; но это иллюзія,—заявляетъ Дэландръ. Великія власти государства, надъ которыми уже нѣтъ никакихъ высшихъ властей, находятся внѣ юридической сферы; если между ними возникаетъ коллизія, то нѣтъ такой власти, которая могла бы выступить судьей между ними, и потому право, признанное и объявленное для этихъ случаевъ дѣйствующимъ, въ дѣйствительности не дѣйствуетъ и не есть право, такъ какъ никакая высшая власть его не санкціонируетъ. Въ виду этого, господствующія въ государствѣ власти не столько субъекты правъ, сколько суверенныя силы; отсюда, далѣе, слѣдуетъ, что порядокъ и справедливость въ государствѣ являются результатомъ не юридическихъ нормъ, но разум-

ной комбинаціи этихъ силъ; политическая система есть, въ сущности, система механическая, но не юридическая, и если хотятъ называть правомъ нормы отношеній между суверенными властями, то подобное право является лишь юридическимъ выраженіемъ механическихъ результатовъ. Со всѣми этими заявленіями Дэландра мы безусловно согласны; однако признаніе политической системы системой механической не можетъ быть одобрено, такъ какъ государственныя силы, между которыми происходитъ борьба и которыя порождаютъ тотъ или другой политическій порядокъ, не могутъ быть признаны силами стихійными; было бы правильнѣе говорить здѣсь о факторахъ и силахъ соціальныхъ.

Юридическій методъ въ политическихъ наукахъ представляетъ, по мнѣнію Дэландра, и значительныя опасности. Авторъ—не врагъ права; онъ признаетъ, что право есть орудіе порядка и справедливости, что даже въ политической области оно необходимо и желательно; но стремленіе ввести государство въ кадры права,—какъ выражается Дэландръ,—опасно и не можетъ увѣнчаться успѣхомъ. Опасность признанія государства юридическимъ лицомъ и субъектомъ правъ заключается въ томъ, что порождаетъ иллюзію, какъ будто бы государство имѣетъ права для самого себя, что оно само себѣ цѣль, а не средство для всеобщаго блага, что оно выше индивидовъ; при такихъ взглядахъ всякое стремленіе къ улучшенію государственной организаціи представляется, какъ нападеніе на государство, и должно вызывать съ его стороны самый сильный отпоръ, что̀ въ результатѣ можетъ имѣть установленіе государственнаго всемогущества и подавленіе свободы и правъ личности.

Опасность юридическаго метода, по мнѣнію Дэландра, заключается также въ томъ, что онъ ставитъ въ ложное положеніе тѣхъ, кто имъ слишкомъ увлеченъ. Онъ заставляетъ считать политическій строй за нѣчто совершенно логическое, за раціональное сцѣпленіе принциповъ и выводовъ, между тѣмъ какъ на самомъ дѣлѣ политическая система является соединеніемъ противоположныхъ принциповъ; и если существуетъ въ дѣйствительности система логическая, какъ резуль-

татъ одной силы, то такая система будетъ указывать или на слишкомъ незначительную степень развитія политическаго строя, или на временный упадокъ его. Право, установленное въ противорѣчіи съ фактами, остается безсильнымъ; какъ бы хорошо ни была разработана догматика публичнаго права, если она игнорируетъ реальныя силы, она, или остается безъ всякаго вліянія на дѣйствительную жизнь, или же, наоборотъ, ведетъ къ порабощенію гражданъ.

Таковы, въ главныхъ чертахъ, воззрѣнія дижонскаго ученаго. То, что̀ въ нихъ оказывается наиболѣе правильнымъ, не представляетъ чего-либо новаго, но было высказываемо уже не разъ и въ иностранной, и въ русской литературѣ. Но когда писатель напоминаетъ лишній разъ истину, которую часто забываютъ, то это, конечно, не можетъ быть поставлено ему въ упрекъ. Въ данномъ случаѣ истина заключается въ томъ, что юридическій методъ съ пользою можетъ быть прилагаемъ лишь тамъ, гдѣ рѣчь идетъ о юридическихъ отношеніяхъ, т. е. о такихъ явленіяхъ, которыя основаны на правѣ. Такъ какъ государственная организація или, лучше сказать, организація государственной власти не есть результатъ права, но результатъ взаимоотношеній общественныхъ силъ, и право служитъ не причиной, а слѣдствіемъ государственной организаціи, то и примѣненіе юридическаго метода къ изученію государственной организаціи должно носить весьма условный характеръ. Въ этомъ воззрѣнія Дэландра настолько же основательны, какъ и воззрѣнія многихъ другихъ ученыхъ того же направленія. Однако Дэландръ на этомъ не останавливается; при критикѣ юридическаго метода онъ идетъ гораздо дальше, отрицая его значеніе въ политическихъ наукахъ вообще; его сужденія по этому поводу слишкомъ категоричны и прямолинейны; при раскрытіи темныхъ сторонъ метода, онъ, какъ бы намѣренно, игнорируетъ свѣтлыя стороны. Вотъ почему, признавая правильными большинство вышеизложенныхъ соображеній Дэландра, мы считаемъ ихъ недостаточно хорошо мотивированными и, для того, чтобы критика юридическаго метода не являлась односторонней, полагаемъ необходимымъ установленіе извѣстнаго рода условій

для примѣненія юридическаго метода, изъ которыхъ могло бы выясняться его относительное значеніе.

Неправильно утверждать, что юридическій методъ вообще неприложимъ въ политическихъ наукахъ. Въ числѣ этихъ послѣднихъ имѣются науки юридическія. Сюда принадлежатъ: положительное государственное право, положительное административное право; первое распадается, въ свою очередь, на государственное право, въ тѣсномъ смыслѣ слова, обнимающее государственное устройство, то, что̀ у французовъ носитъ названіе конституціоннаго права, и публичное право, въ тѣсномъ смыслѣ слова; въ область публичнаго права, въ обширномъ смыслѣ, входитъ все право, за исключеніемъ частнаго права; въ область государственнаго права, въ обширномъ смыслѣ, входитъ не только право государственнаго устройства, но и нормы, опредѣляющія публичныя права и обязанности гражданъ. Административное право заключаетъ въ себѣ: такъ называемое международное право, которое постольку есть положительное право, какъ наука, поскольку оно изучаетъ юридическія нормы, опредѣляющія публично-правовое положеніе иностранцевъ въ предѣлахъ даннаго государства; все остальное, относимое обыкновенно къ этому праву, или принадлежитъ къ области частнаго международнаго права, или вовсе не относится къ юридической области и входитъ въ науку о международныхъ отношеніяхъ. Административное право заключаетъ въ себѣ, далѣе, военное право, финансовое право, судебно-уголовное право, право внутренняго управленія, церковное право. Всѣ перечисленныя нами науки имѣютъ характеръ наукъ юридическихъ и, слѣдовательно, допускаютъ при ихъ разработкѣ примѣненіе юридическаго метода; однако государственное право, въ тѣсномъ смыслѣ слова, занимаетъ въ этомъ случаѣ совершенно особое положеніе. Каково это положеніе, объ этомъ отчасти можно судить по вышеизложеннымъ взглядамъ Дэландра.

Что касается публичнаго права, въ тѣсномъ смыслѣ слова, т. е. ученія о правахъ и обязанностяхъ гражданъ, а равно и всѣхъ отраслей административнаго права, то здѣсь вполнѣ возможна такая же догматическая разработка, какую мы на-

ходимъ и по отношенію къ нормамъ частнаго права. Соотвѣтствующія нормы положительнаго законодательства, будутъ ли онѣ опредѣлять права и обязанности гражданъ или нормировать дѣятельность различныхъ учрежденій и агентовъ власти въ отношеніи созданія тѣхъ или другихъ условій благосостоянія, будутъ ли онѣ касаться отрасли военной, судебной или церковной, всюду подлежатъ прежде всего научной юридической обработкѣ, т. е. каждая изъ соотвѣтствующихъ наукъ должна прежде всего установить истинный смыслъ этихъ нормъ, устранить неясности, восполнить, если возможно, пробѣлы, систематизировать ихъ и, въ концѣ концовъ, изложить въ сжатой и стройной системѣ при помощи пріемовъ логики.

Объемистые, какъ нѣмецкіе, такъ и французскіе, учебники публичнаго и административнаго права даютъ намъ прекрасные образчики подобнаго рода разработки различныхъ отраслей права. Цѣлью такой разработки служитъ, подобно тому, какъ и въ частномъ правѣ, примѣненіе соотвѣтствующихъ нормъ на практикѣ. Построеніе цѣльной системы соотвѣтствующихъ нормъ, подведеніе ихъ, по возможности, подъ опредѣленные высшіе юридическіе принципы, введеніе въ эту систему и тѣхъ нормъ, которыя не формулированы законодательствомъ, но которыя, тѣмъ не менѣе, вытекаютъ съ логической необходимостью изъ нормъ формулированныхъ или изъ ихъ высшихъ принциповъ, все это представляетъ большую важность для примѣненія этихъ нормъ на практикѣ; не только отдѣльные граждане, но и агенты власти, разнаго рода государственныя учрежденія и должностныя лица найдутъ въ такихъ догматическихъ построеніяхъ весьма цѣнное руководительство.

Догматическая разработка права имѣетъ практическое значеніе и для самого законодательства, такъ какъ позволяетъ усматривать его логическіе недостатки, непослѣдовательности, вкравшіяся противорѣчія и проч. Такимъ образомъ, подобная разработка достигаетъ и иной цѣли, кромѣ облегченія пользованія законодательствомъ; цѣль эта—логическое усовершенствованіе законодательства. Въ этомъ слу-

чаѣ юридическій методъ имѣетъ нѣкоторое родство съ критическимъ методомъ, такъ какъ тотъ и другой раскрываютъ недостатки законодательства, но критическій методъ опредѣляетъ эти недостатки съ точки зрѣнія цѣлесообразности, тогда какъ юридическій—съ точки зрѣнія логической послѣдовательности. Какъ критическій методъ имѣетъ огромное значеніе для политики права, такъ имѣетъ его и юридическій методъ, въ виду того, что проектируемыя нормы права должны удовлетворять одинаково и требованіямъ цѣлесообразности, и требованіямъ логики. Изъ сказаннаго, такимъ образомъ, ясно, что примѣненіе юридическаго метода въ политико-юридическихъ наукахъ вполнѣ возможно и что при этомъ самая цѣль примѣненія заключается въ практической пользѣ.

Но исчерпывается ли значеніе юридическаго метода достиженіемъ практическихъ цѣлей? Не простирается ли оно и дальше, не служитъ ли этотъ методъ для цѣлей чисто научныхъ,—вотъ вопросы, въ положительномъ рѣшеніи которыхъ, конечно, весьма многіе сомнѣваются. Мы однако думаемъ, что такія сомнѣнія не основательны и что юридическій методъ имѣетъ опредѣленное научное значеніе, помимо достиженія какихъ бы то ни было практическихъ цѣлей. Къ такому выводу мы приходимъ по слѣдующимъ соображеніямъ. Нормы права являются однимъ изъ факторовъ политической жизни, на ряду съ политической властью, интеллектуальнымъ и моральнымъ развитіемъ различныхъ слоевъ государственнаго населенія, этнографическими особенностями этого населенія, физическими свойствами страны и проч. Являясь сами результатомъ опредѣленныхъ силъ, нормы права, въ свою очередь, имѣютъ значеніе дѣйствующаго фактора; ихъ дѣятельность и вліяніе имѣютъ длящійся характеръ, отражаясь на всѣхъ тѣхъ явленіяхъ, которыя, въ силу велѣній политической власти, пріобрѣтаютъ юридическую природу, т. е. подчиняются регламентирующей силѣ закона. Такимъ образомъ, нормы права сами по себѣ, по ихъ внутреннему содержанію, въ силу, такъ сказать, ихъ идеологическаго характера, порождаютъ во внѣшней жизни, въ отношеніяхъ

людей, тѣ или другія послѣдствія, являются, слѣдовательно, соціальнымъ и, въ частности, политическимъ факторомъ. А если это такъ, то опредѣленіе природы и свойствъ этого фактора не можетъ быть безразличнымъ для политическихъ наукъ и даже для той науки, которая имѣетъ дѣло съ изученіемъ структуры и свойствъ государственной власти. Такимъ образомъ цѣлью догматической и вообще юридической разработки права въ его отдѣльныхъ отрасляхъ служитъ не только приспособленіе его для практическихъ цѣлей, но и раскрытіе его идеологической природы, какъ соціально-политическаго фактора. Отсюда слѣдуетъ, далѣе, что юридическій методъ имѣетъ тѣсное соотношеніе не только съ методомъ политическимъ, но и съ методомъ соціологическимъ. Послѣдній, при изученіи права, какъ соціально-политическаго фактора, не можетъ не обратиться къ услугамъ метода юридическаго, раскрывающаго идеологическую природу права.

Если мы сказали, что примѣненіе юридическаго метода возможно и полезно въ политико-юридическихъ наукахъ, то отсюда, конечно, не слѣдуетъ, что эти науки должны разрабатываться при помощи исключительно юридическаго метода. Право, какъ мы замѣтили, является лишь однимъ изъ соціально-политическихъ факторовъ, дѣйствующимъ на ряду со многими другими. Организація государственной власти и дѣятельность государственныхъ органовъ являются результатомъ дѣйствія и взаимодѣйствія многочисленныхъ факторовъ; само право, какъ спеціально государственное явленіе, есть результатъ взаимодѣйствія факторовъ неюридическаго характера. Вотъ почему, на ряду съ юридической разработкой государственныхъ наукъ, должна идти разработка соціологическая, подъ которой мы понимаемъ изученіе дѣйствительно существующихъ явленій государственной жизни по законамъ причинности. Такимъ образомъ организація государственной власти, организація административныхъ установленій, дѣятельность военная, международная, финансовая, судебно-уголовная, образовательная, хозяйственная, дѣятельность въ области отношеній государства къ церкви и проч.—все это можетъ и должно быть изучаемо не только съ юридической,

но и съ соціологической точки зрѣнія. Только возможно высшая степень развитія политическихъ наукъ, разработываемыхъ съ этихъ двухъ точекъ зрѣнія, дастъ, быть можетъ, нѣкоторую возможность разработывать эти науки и при помощи метода политическаго.

Такъ какъ предметомъ настоящаго очерка служитъ методъ юридическій, то мы и не войдемъ въ разсмотрѣніе методовъ соціологическаго и политическаго и остановимся на вопросѣ о примѣненіи юридическаго метода къ разработкѣ вопросовъ о государственной организаціи и государственной власти.

Въ каждомъ законодательствѣ имѣется всегда нѣкоторая совокупность юридическихъ нормъ, опредѣляющихъ государственное устройство и организацію государственной власти Это такъ называемые основные законы. Пріемы догматической разработки права, повидимому, приложимы и здѣсь. Доказательствомъ этого служатъ тѣ многочисленные труды по догматикѣ государственнаго права, которые мы находимъ почти во всѣхъ европейскихъ литературахъ. Однако, на ряду съ этимъ давно уже стали выражаться сомнѣнія въ пригодности юридическаго метода для изученія государственнаго устройства и организаціи государственной власти. Дѣло въ томъ, что основныя государственныя нормы, по самому существу своему, глубоко отличаются отъ всѣхъ другихъ нормъ, будучи направлены не на гражданъ или подчиненныя власти, но на самую государственную власть; основные законы опредѣляютъ организацію государственной власти. Всѣ нормы, не относящіяся къ категоріи основныхъ, примѣняются и должны примѣняться въ силу велѣній государственной власти; при отказѣ гражданъ ихъ осуществить, онѣ осуществляются, если возможно, принудительно; при невозможности государственная власть такъ или иначе даетъ чувствовать свой авторитетъ. Нормы, опредѣляющія государственную организацію, касаются самой государственной власти, при чемъ совершенно ясно, что государственная власть не есть результатъ этихъ нормъ, но, наоборотъ, самыя нормы являются результатомъ власти. Говоря другими словами, государ-

ственная власть сама себя опредѣляетъ и фиксируетъ это опредѣленіе въ видѣ юридическихъ нормъ; эти послѣднія, не имѣя высшей санкціи, очевидно и не могутъ быть признаны юридическими нормами, въ собственномъ смыслѣ слова. Онѣ не обладаютъ принудительной силой по отношенію къ самой государственной власти. Если мы замѣтили, что государственная власть сама себя опредѣляетъ, то это не надо понимать въ смыслѣ метафизическаго абсолютнаго самоопредѣленія; основныя нормы выражаютъ, такъ сказать, самосознаніе власти; самое же существованіе власти въ той или другой формѣ обязано преобладанію тѣхъ или другихъ общественныхъ силъ. Это совершенно ясно изъ того, что при различныхъ общественныхъ культурахъ и различныхъ отношеніяхъ между соціальными группами и организація власти бываетъ различной. Такимъ образомъ при изученіи государственной организаціи важно изучать не только нормы, но и самыя силы, опредѣляющія организацію; при изученіи же нормъ необходимо сопоставлять ихъ съ тѣми фактическими отношеніями, которыя эти нормы, повидимому, регулируютъ.

Возможность правильнаго и успѣшнаго примѣненія юридическаго метода къ разработкѣ вопросовъ о государственномъ устройствѣ встрѣчается съ большими затрудненіями. Такъ, организаціонныя государственныя нормы, опредѣляющія организацію государства, не могутъ быть признаны нормами юридическими, а если это не юридическія нормы, то къ разработкѣ ихъ и не можетъ быть примѣненъ юридическій методъ. Что нормы, опредѣляющія организацію государственной власти, не имѣютъ юридическаго характера, видно изъ того, что онѣ ни для кого не создаютъ ни правъ, ни обязанностей. Государственныя нормы разсматриваемой категоріи исходятъ отъ государственной власти, слѣдовательно, для нея самой юридическаго значенія не имѣютъ; гражданамъ онѣ также не сообщаютъ никакихъ правъ и не возлагаютъ на нихъ никакихъ обязанностей; когда конституціонные законы опредѣляютъ форму государственнаго устройства, отношенія между народнымъ представительствомъ и единоличной властью, однокамерную или двукамерную систему, то во всѣхъ

этихъ отношеніяхъ гражданамъ не присвоивается никакихъ правъ вліянія или воздѣйствія на государственную организацію. Отдѣльные граждане, пользующіеся политическими правами, даже входящіе въ составъ законодательныхъ органовъ, не имѣютъ, каждый въ отдѣльности, права ни измѣнить избирательную систему, ни установить какія-либо новыя условія выборовъ, ни опредѣлить на какихъ-либо новыхъ началахъ отношенія между личнымъ представителемъ государства и народнымъ представительствомъ и т. п.,—все это можетъ сдѣлать только сама организованная государственная власть, и, слѣдовательно, въ отношеніи организаціи государственной власти, не можетъ быть и рѣчи о субъективныхъ правахъ гражданъ. Объ обязанностяхъ гражданъ въ этомъ случаѣ также нельзя говорить, такъ какъ выше приведенныя государственныя нормы ничего не запрещаютъ и ничего не предписываютъ. Такимъ образомъ нормы, опредѣляющія организацію государственной власти, не носятъ юридическаго характера, а потому и примѣненіе къ ихъ разработкѣ юридическаго метода не можетъ увѣнчаться успѣхомъ.

Еще менѣе можно разсчитывать на то, чтобы при помощи этого метода можно было построить научно теорію государственнаго устройства или хотя бы дойти до установленія юридическаго понятія о государствѣ. Научныя юридическія понятія конструируются на основаніи юридическихъ нормъ, и для того, чтобы установить юридическое понятіе государства, необходимо, чтобы элементы его были извлечены, при помощи всѣхъ возможныхъ логическихъ пріемовъ, изъ юридическихъ нормъ; но это совершенно невозможно, такъ какъ самыя юридическія нормы предполагаютъ уже существованіе государства, и, слѣдовательно, въ нихъ и не можетъ содержаться элементовъ понятія государства. Если мы иногда и встрѣчаемъ въ законодательствахъ нормы, опредѣляющія юридическую природу государства или организацію государственной власти, то такія нормы въ сущности не имѣютъ юридическаго характера, и если можно ихъ догматизировать, то все-же это будетъ догматика не юридическая, и значеніе ея отличается отъ значенія юридической догматики.

Чтобы убѣдиться въ этомъ, возьмемъ нѣсколько положеній изъ курса нѣмецкаго государственнаго права Г. Мейера, принадлежащихъ какъ къ догматикѣ публичнаго права, такъ и къ догматикѣ организаціонныхъ нормъ. Такъ, на стр. 349, § 116, читаемъ: „оберъ-президентъ стоитъ во главѣ провинціальнаго управленія, выполняя спеціально возложенныя на него задачи и осуществляя функцію надзора; въ правительственныхъ округахъ функціонируютъ президентъ округа и окружное правленіе; соединеніе должности президента округа и предсѣдателя окружнаго правленія не допускается; управленіе уѣздами ввѣрено ландратамъ; уѣздные комитеты состоятъ, каждый, изъ ландрата и шести членовъ, избираемыхъ уѣзднымъ земскимъ собраніемъ". Хотя всѣ эти положенія касаются организаціи государственныхъ учрежденій, но изложенныя въ нихъ нормы принадлежатъ къ нормамъ права, такъ какъ онѣ создаютъ опредѣленныя права и обязанности; соотвѣтствующія этимъ нормамъ учрежденія и должностныя лица обязаны въ точности выполнять ихъ подъ угрозой принужденія и отвѣтственности. Президентъ провинціи, правительственнаго округа, ландратъ, окружный комитетъ, земское собраніе— каждое изъ этихъ учрежденій дѣйствуетъ въ предѣлахъ установленнаго въ законѣ территоріальнаго округа и опредѣленной сферы задачъ. Вмѣшательство оберъ-президента въ дѣла министерства, ландрата—въ дѣла оберъ-президента, распространеніе дѣятельности на несоотвѣтствующій территоріальный округъ—все это вызоветъ дѣятельность высшихъ учрежденій и, какъ незаконное, будетъ отмѣнено; лица и учрежденія, допустившія превышеніе власти, будутъ подвергнуты отвѣтственности. Такимъ образомъ здѣсь мы имѣемъ дѣло съ нормами юридическими, гарантированными при помощи политической санкціи. Догматизація такихъ нормъ имѣетъ большое практическое значеніе, уясняя ихъ истинный смыслъ и приспособляя ихъ, такимъ образомъ, для пользованія.

Другой характеръ носятъ нормы, опредѣляющія организацію государственной власти. Возьмемъ также нѣсколько относящихся сюда положеній изъ того же учебника Г. Мейера. Указавши во введеніи къ своей книгѣ, что государство, съ

юридической точки зрѣнія, является субъектомъ публичнаго права, что выполненіе высшей власти въ государствѣ принадлежитъ единоличнымъ или коллегіальнымъ органамъ, что носитель государственной власти пользуется ею по собственному праву, Г. Мейеръ, на 217 стр., § 83, даетъ опредѣленіе организаціи государственной власти въ отдѣльныхъ нѣмецкихъ государствахъ. Монархъ,—говоритъ онъ,—есть носитель государственной власти; онъ занимаетъ свое положеніе непосредственно въ силу конституціи, но не получаетъ своихъ правъ отъ какого-либо другаго органа; онъ соединяетъ въ своемъ лицѣ всю полноту государственнаго верховенства и могущества. Ландтагъ образуетъ ограничивающій элементъ, содѣйствіемъ котораго монархъ связанъ при выполненіи отдѣльныхъ функцій; онъ также пользуется своимъ положеніемъ по собственному праву непосредственно на основаніи конституціи.

Если въ этихъ положеніяхъ догматизированы государственныя нормы, то спрашивается, какія и чьи права или обязанности на нихъ основаны и въ чемъ состоитъ или какъ можетъ выражаться принудительная ихъ санкція. Приведенныя положенія говорятъ намъ лишь о томъ, что въ каждомъ нѣмецкомъ конституціонно-монархическомъ государствѣ имѣются два фактора власти: монархъ и ландтагъ, и что каждый изъ нихъ занимаетъ свое положеніе по собственному праву; слѣдовательно, они пользуются властью не на основаніи правовыхъ нормъ; сдѣланное тутъ же заявленіе, что они пользуются своимъ положеніемъ въ силу конституціи, можетъ обозначать лишь то, что собственныя права обоихъ факторовъ власти, по взаимному ихъ соглашенію, фиксированы въ конституціи. Осуществленіе этихъ, такъ называемыхъ, правъ не имѣетъ надъ собою никакой высшей санкціи, никакого высшаго контроля. Когда какой-либо одинъ изъ этихъ элементовъ политической власти не желаетъ подчиниться другому, не хочетъ послѣдовать его предложенію, то никто не въ состояніи юридически его къ этому принудить. Когда королю удается произвести coup d'état въ свою пользу, то напрасно парламентъ сталъ бы ссылаться на конституцію, и, наоборотъ,

тщетно будетъ взывать къ той же конституціи король, теряя свою власть подъ напоромъ революціоннаго движенія.

Исторія даетъ намъ не мало доказательствъ того и другаго. Оба фактора государственной власти въ конституціонной монархіи остаются вполнѣ самостоятельными въ дѣлѣ законодательства въ томъ смыслѣ, что ни одинъ изъ нихъ не можетъ юридически принудить другаго. На основаніи ст. 107 основныхъ законовъ Пруссіи для измѣненія конституціи требуется двукратное голосованіе въ обѣихъ палатахъ ландтага, при чемъ такъ, чтобы между первымъ и вторымъ голосованіемъ прошелъ срокъ въ 21 день. Но, съ одной стороны, соблюденіе всѣхъ этихъ требованій не ведетъ за собой измѣненія конституціи, если не послѣдуетъ королевской санкціи; съ другой—государственная власть, т. е. согласная воля ландтага и монарха, можетъ измѣнить конституцію помимо всѣхъ установленныхъ формъ путемъ измѣненія этихъ формъ. Такимъ образомъ нормы, опредѣляющія государственное устройство, и въ этомъ случаѣ не имѣютъ никакой юридической силы для самой государственной власти. Догматизація такихъ нормъ не можетъ, слѣдовательно, имѣть того практическаго значенія, какое имѣетъ догматизація нормъ публичнаго и административнаго права.

Утверждать однако, что догматическая разработка организаціонныхъ нормъ совершенно излишня, было бы неправильно. Если она не имѣетъ практическаго значенія, то имѣетъ свое научное значеніе, приводя къ раскрытію организаціи государственной власти, поскольку она, будучи независима отъ какихъ бы то ни было нормъ, находитъ свое quasi-юридическое выраженіе въ нормахъ, ею самою установленныхъ, поскольку, слѣдовательно, въ этихъ нормахъ она сама себя опредѣляетъ.

РЕАБИЛИТАЦІЯ, КАКЪ СПЕЦІАЛЬНЫЙ ПРАВОВОЙ ИНСТИТУТЪ [1]).

Н. И. Миролюбова.

Уголовная кара есть только одно изъ средствъ борьбы съ преступностью,—одно изъ средствъ огражденія общества отъ преступнаго люда и его вредной дѣятельности, но этого одного средства для указанной цѣли недостаточно: оно должно имѣть и имѣетъ только второстепенное значеніе; главное же и первостепенное значеніе должно имѣть другое средство—это предупрежденіе нарожденія преступниковъ, ergo и ихъ преступной дѣятельности. „Не станемъ закрывать глаза и убаюкивать себя несбыточными надеждами",—говоритъ Д. А. Дриль въ своемъ докладѣ—„О примѣненіи идеи принудительнаго воспитанія къ взрослымъ осужденнымъ" на послѣднемъ съѣздѣ въ Москвѣ русской группы Международнаго союза криминалистовъ,—„а откровенно и смѣло признаемъ, что какія бы мѣры мы ни признали въ области уголовной репрессіи, но безъ широкихъ мѣръ предупрежденія такія темныя явленія общественной жизни, какъ массовый алкоголизмъ, проституція и преступность, будутъ не только существовать, но еще плодиться и множиться".

[1]) Докладъ, прочитанный въ Казанскомъ Юридическомъ Обществѣ 20 октября 1901 года.

Такихъ превентивныхъ мѣръ много: однѣ изъ нихъ—мѣры предупрежденія первичной преступности, какъ-то: просвѣщеніе, экономическое улучшеніе, политическое равенство, правильное воспитаніе и проч., другія—мѣры предупрежденія рецидива, каковы, напр., условное осужденіе, условное освобожденіе, патронатъ и проч. Къ числу послѣднихъ относится и институтъ реабилитаціи. Но, къ сожалѣнію, въ то время, какъ вопросы объ условномъ осужденіи и освобожденіи, о патронатѣ нашли уже въ русской уголовной литературѣ видныхъ защитниковъ, вопросъ о реабилитаціи совсѣмъ почти не затрогивался въ нашей литературѣ [1]).

Избравъ темою настоящаго реферата вопросъ о реабилитаціи, я намѣренъ изложить этотъ вопросъ въ такомъ порядкѣ, что сначала предпошлю критическій анализъ современной русской системы праволишенія, въ виду тѣсной ея связи съ затронутымъ вопросомъ, затѣмъ предложу историческій очеркъ вопроса о реабилитаціи, потомъ постараюсь охарактеризовать положеніе этого вопроса въ современныхъ западно-европейскихъ законодательствахъ и наконецъ изложу организацію этого института по нашимъ проектамъ уголовнаго уложенія и устава уголовнаго судопроизводства [2]).

I.

Институтъ реабилитаціи, какъ спеціальный правовой институтъ, получилъ признаніе въ нѣкоторыхъ западно-евро-

---

[1]) Намъ извѣстна только одна спеціальная статья по данному вопросу—это статья С. Гогеля, подъ заглавіемъ: „Возстановленіе утраченныхъ по суду правъ“, напечатанная въ декабрьской книгѣ „Журнала Министерства Юстиціи“ за 1895 годъ.

[2]) При написаніи настоящаго реферата мы пользовались слѣдующими сочиненіями: „De la réhabilitation en matière criminelle, correctionelle et disciplinaire“ M. Billecocq. Paris 1868; „Traité théorique et pratique de la réhabilitation des condamnés“ P. Sarraute. Paris 1884;—„De la réhabilitation en matière pénale et disciplinaire“ P. Reutenauer. Paris. 1900;—„Traité théorique et pratique de la réhabilitation des condamnés“ F. Bregeault et Delagarde. Paris. 1886;—Précis de droit criminel“ R. Garraud. Paris 1892 (Livre second. Titre III, § IV. De la réhabilitation),—и другими, которыя будутъ указаны въ своемъ мѣстѣ.

пейскихъ законодательствахъ только во второй половинѣ прошлаго столѣтія. По своему историческому происхожденію этотъ институтъ возникъ и развился изъ института помилованія и обязанъ своимъ возникновеніемъ и развитіемъ какъ вообще распространенію и упроченію въ уголовномъ правѣ новыхъ взглядовъ на преступленіе и наказаніе, такъ, въ частности, и несовершенству существовавшей и отчасти еще существующей системы праволишеній.

Смотря на преступленіе, какъ на грѣхъ и проявленіе злой воли человѣка, посягающей на цѣлость общественнаго союза, и на наказаніе, какъ исключительно на возмездіе и огражденіе общества отъ посягателей, прежнія законодательства, при слабости общественной организаціи и правительственной власти, стремились путемъ устрашающихъ и обезличивающихъ наказаній разъ навсегда изъять преступника изъ среды общества и тѣмъ обезпечить послѣднему безопасность и спокойствіе. Такимъ взглядомъ объясняются такія, существовавшія въ древности, наказанія, какъ еврейскій „херимъ", греческій „остракизмъ", римское „aquae et ignis interdictio", древне-германское „vulpo aequiparatur" и „Fridenslosigkeit", гражданская или политическая смерть древне-французскаго права, „выбитіе изъ земли вонъ" Русской Правды:— всѣ эти наказанія имѣли цѣлью удаленіемъ преступниковъ изъ среды общества, помимо отмщенія за преступленія, оградить общество отъ новыхъ съ ихъ стороны посягательствъ. Ту же цѣль преслѣдовали и устрашающія наказанія: смертная казнь, тѣлесныя наказанія въ разныхъ ихъ видахъ, лишеніе свободы, съ обязательнымъ при этомъ добавочнымъ наказаніемъ—вѣчнымъ лишеніемъ всѣхъ тѣхъ правъ, какими пользовались прочіе члены общества. Лишеніе правъ—это то же, хотя фиктивное, удаленіе изъ общества, почему оно и носило названіе „гражданской смерти" (mort civil—французскаго права). Но такое праволишеніе, создавая особый классъ безправныхъ лицъ и фиктивно выбрасывая ихъ изъ общества, ничуть не обезпечивало послѣдняго отъ ихъ посягательствъ; напротивъ, ставя ихъ въ такое положеніе, оно черезъ то самое лишало ихъ законныхъ средствъ существо-

ванія и толкало на дальнѣйшій преступный путь. Средство такимъ образомъ не достигало цѣли. При такомъ положеніи дѣла только институтъ помилованія верховною властью могъ отчасти служить коррективомъ этому нецѣлесообразному явленію. Но вотъ выдвигаются наукой уголовнаго права новые взгляды на преступленіе, какъ на общественное зло, вызываемое, съ одной стороны, внѣшними физико-соціальными, съ другой стороны—внутренними индивидуальными причинами, и на наказаніе, какъ на средство борьбы только съ индивидуальнымъ факторомъ преступности, имѣющее цѣлью главнымъ образомъ исправленіе или леченіе и призрѣніе преступниковъ и только въ крайнемъ случаѣ—устрашеніе и изоляцію изъ нѣдръ общежитія,—и тогда существовавшая система наказаній съ ихъ вѣчнымъ праволишеніемъ должна была быть радикально реформирована и дѣйствительно постепенно реформируется. Теперь вѣчное праволишеніе и притомъ лишеніе всѣхъ гражданскихъ правъ лица начинаетъ отзываться анахронизмомъ.

Вотъ почему всѣ почти западно-европейскія государства, признавая данные взгляды науки совершенно справедливыми, реорганизовали институтъ праволишенія въ томъ смыслѣ, что подъ лишеніемъ правъ разумѣютъ лишеніе только политическихъ и общественныхъ публичныхъ правъ, но не частныхъ (имущественныхъ и семейныхъ), которыя считаются неотъемлемыми правами личности; притомъ, принимая во вниманіе цѣли уголовнаго наказанія, они придаютъ такому праволишенію временный, а не вѣчно-постоянный характеръ, такъ что подвергшійся такому наказанію можетъ съ теченіемъ времени, при извѣстныхъ законныхъ условіяхъ, получить по праву возстановленіе своей утраченной правоспособности. Такое возстановленіе правоспособности и есть правовой институтъ реабилитаціи.

Наша система праволишенія, нося на себѣ еще отпечатокъ старины глубокой, имѣетъ, кромѣ того, по справедливому замѣчанію проф. И. Я. Фойницкаго [1]), и антинаціо-

---

[1]) См. статью его: „Необходимость реформы постановленій русскаго уголов-

нальный харакреръ. „Выбитіе изъ земли вонъ“ Русской Правды, въ связи съ „потокомъ и разграбленіемъ“, являясь довольно неопредѣленной формой лишенія правъ, существовало недолго и скоро исчезло, и наши законодательные памятники вплоть до конца XVIII ст. не говорятъ о полномъ лишеніи правъ, а знаютъ лишь пониженіе служебнаго ранга виновнаго [1]). Съ конца XVII и начала XVIII вѣка появляется у насъ наказаніе въ видѣ „политической смерти“ (впервые примѣнена къ сообщникамъ Шакловитаго), но она примѣнялась очень рѣдко и, будучи исключеніемъ, являлась скорѣе замѣной другихъ наказаній, чѣмъ наказаніемъ самостоятельнымъ или послѣдствіемъ его. „Все это“,—говоритъ проф. Фойницкій,—„въ связи съ временемъ появленія разсматриваемаго института въ исторіи нашего законодательства, доказываетъ его иноземное происхожденіе, а трудности, встрѣченныя при первой попыткѣ внести его въ систему карательныхъ мѣръ,—его полное несогласіе съ юридическими взглядами русскаго народа“ [2]). То же случилось и съ другимъ, заимствованнымъ Петромъ I отъ нѣмцевъ, институтомъ шельмованія—(шельмованіе—то же, что „быть въ палачовыхъ рукахъ“). Точныя границы этого наказанія долго не могли опредѣлить, такъ какъ оно кореннымъ образомъ противорѣчило народнымъ взглядамъ. Можетъ быть, оно выразилось бы въ исключеніи шельмованнаго изъ государственной и общественной службы—и только. Между тѣмъ впослѣдствіи появляется кодификація по составленію Свода законовъ, которая, помимо вообще своего обобщающаго характера, велась лицами, преклонявшимися предъ авторитетомъ западно-европейскихъ уголовныхъ кодексовъ, особенно германскихъ. И вотъ, благодаря этой кодификаціи, то, что еще неясно сказывалось въ политической смерти и шельмованіи, отлилось здѣсь въ обширную современную систему праволишеній.

Современное русское законодательство знаетъ три вида

наго законодательства по вопросу о лишеніи правъ“ въ Жур. Гражд. и Угол. Пр. за 1874 г., кн. 5, стр. 170—172.

[1]) Торговая казнь не соединялась у насъ съ лишеніемъ правъ.

[2]) Ibid. стр. 171.

лишенія правъ: maximum—лишеніе всѣхъ правъ, medium—лишеніе всѣхъ особенныхъ правъ и преимуществъ, и minimum—лишеніе нѣкоторыхъ правъ и преимуществъ. Мы не будемъ входить въ подробный разборъ этого института, скажемъ только, что первый видъ лишенія всѣхъ правъ (даже имущественныхъ и семейныхъ) прямо несостоятеленъ, помимо нецѣлесообразности, въ виду и фактической неосуществимости, а остановимся на критическомъ разборѣ общаго признака всѣхъ видовъ лишенія правъ—это пожизненности. „Лишеніе правъ по русскому законодательству"—скажемъ словами проф. Фойницкаго—„есть институтъ пожизненный, сопровождающій осужденнаго къ уголовнымъ и тяжкимъ исправительнымъ наказаніямъ до гробовой доски. Примѣненіе его безусловно обязательно для суда во всѣхъ тѣхъ случаяхъ, когда онъ найдетъ необходимымъ назначить уголовное или одно изъ высшихъ исправительныхъ наказаній, и приговоренный къ нему не имѣетъ никакихъ регулярныхъ средствъ избавиться отъ этой соціальной анаѳемы; будь его жизнь, по отбытіи наказанія, безупречнѣе жизни сотни другихъ гражданъ, вмѣстѣ взятыхъ и пользующихся всѣми правами гражданства, будь на его сторонѣ масса шансовъ безопаснаго и даже полезнаго для общества пользованія этими правами,—онъ не можетъ добиваться ихъ возвращенія. Судебный приговоръ сростается съ нимъ навсегда, ему нѣтъ больше доступа въ полноправное общество, по смерть онъ долженъ довольствоваться удѣломъ безправія, открывающимъ для каждаго возможность произвольничать и ругаться надъ его личностью [1])".

Теперь спрашивается, можетъ ли быть оправдано какими-либо юридическими соображеніями подобное, пожизненное лишеніе правъ и можетъ ли быть оно признано цѣлесообразнымъ съ точки зрѣнія соображеній уголовной политики. Въ обоихъ случаяхъ приходится отвѣтить отрицательно. Въ самомъ дѣлѣ, если мы признаемъ за истину то положеніе, что въ средѣ преступниковъ имѣется нѣсколько различныхъ

[1]) Ibid. стр. 161.

классовъ по характеру и интенсивности ихъ преступныхъ наклонностей (есть преступники случайные, условные, привычные или профессіональные, по страсти и больные въ собственномъ смыслѣ), слѣдовательно, различные по своей виновности и опасности для общества, то одна и та же мѣра наказанія, примѣняемая безразлично ко всѣмъ имъ одинаково, будетъ дѣйствительно отзываться явной несправедливостью; а таково пожизненное лишеніе правъ, которое естественно будетъ тяжелѣе для лучшаго элемента преступнаго люда, чѣмъ для худшаго: такая уголовная мѣра наказанія, лишая этотъ лучшій преступный элементъ всякой надежды на возвращеніе утраченныхъ правъ, можетъ естественно дѣйствовать на него лишь удручающимъ образомъ, невольно толкаетъ на дальнѣйшій путь преступленій и создаетъ такимъ образомъ изъ него закоренѣлыхъ преступниковъ. Кромѣ того въ примѣненіи подобнаго наказанія недостаточно и классификаціи преступнаго люда, такъ какъ, если справедливо положеніе, что нѣтъ на свѣтѣ двухъ вполнѣ тождественныхъ лицъ, то нѣтъ и вполнѣ тождественныхъ преступниковъ, и мѣрить ихъ, хотя повидимому тождественныя, преступныя дѣянія по одной, строго опредѣленной, законодательной мѣркѣ, было бы дѣломъ слишкомъ рискованнымъ; индивидуализаціи преступнаго люда должно противопоставить индивидуализацію наказанія. А мыслимо ли какъ-нибудь индивидуализировать такое наказаніе, какъ пожизненное лишеніе правъ, наказаніе абсолютно опредѣленное и обязательное для суда, неподвижное и недѣлимое?

Неоправдываемое общими юридическими соображеніями, пожизненное лишеніе правъ не можетъ быть одобрено и соображеніями уголовной политики. Подобная мѣра наказанія стоитъ въ явномъ противорѣчіи съ современнымъ взглядомъ на цѣль уголовнаго наказанія. Пусть эта цѣль, сообразно классификаціи преступнаго люда, выражается въ разныхъ видахъ: то въ исправленіи или психическомъ воздѣйствіи (въ примѣненіи къ классу случайныхъ и исправимыхъ привычныхъ преступниковъ), то въ изоляціи изъ нѣдръ общежитія (въ примѣненіи къ классу привычныхъ, закоренѣлыхъ и не-

исправимыхъ преступниковъ), то въ примѣненіи мѣръ лечебнаго свойства или въ общественномъ призрѣніи (въ примѣненіи къ классу больныхъ и немощныхъ преступниковъ), все-же она является не возмездіемъ за содѣянное преступленіе, а политико-педагогической мѣрой, разсчитанной на извѣстные, полезные для общества результаты. Какіе же полезные результаты можетъ дать пожизненное лишеніе правъ, подрывающее въ корнѣ современную цѣль уголовнаго наказанія? Конечно,—никакихъ. Такая мѣра прямо парализуетъ всѣ начала полезной тюремной дѣятельности. Въ самомъ дѣлѣ, современной тюрьмѣ поставляется въ задачу главнымъ образомъ возвратить своихъ сидѣльцевъ обществу менѣе враждебными къ послѣднему и болѣе склонными къ честной трудовой жизни. А какимъ путемъ она можетъ выполнить эту задачу?—Стремленіемъ внѣдрить въ преступниковъ сознаніе, что примѣняемая къ нимъ мѣра наказанія есть не месть общества, а только желаніе оградить свои интересы отъ ихъ посягательствъ, и что, по нравственномъ ихъ исправленіи, общество снова приметъ ихъ въ свою среду и дастъ возможность жить честно. Но при современномъ характерѣ лишенія правъ содѣйствовать дѣйствительному исправленію преступниковъ наша тюрьма не въ состояніи. Вѣдь, наиболѣе дѣйствительнымъ средствомъ для такого исправленія преступника является открытіе для него надежды, по выходѣ изъ тюрьмы, получить право на возможность достиженія благосостоянія и довольства честнымъ путемъ, въ случаѣ его должнаго поведенія въ тюрьмѣ и по выходѣ изъ нея. Такой пріемъ—лучшій импульсъ для исправленія преступника. Но нашъ современный институтъ праволишенія не даетъ возможности тюремной администраціи пользоваться этимъ средствомъ исправленія: формально же пользоваться имъ было бы дѣломъ безполезнымъ, да, кромѣ того, просто лицемѣріемъ; все равно, вѣдь, за стѣнами тюрьмы выпущенный узникъ не найдетъ, при своемъ вѣчномъ безправіи, возможности выбраться на истинный путь жизни: вѣдь, нужно быть сильнымъ гигантомъ, чтобы, съ вѣчнымъ позоромъ безправія, побѣдить трудности на этомъ пути жизни. А разъ нельзя

воспользоваться этимъ исправительнымъ средствомъ, то другаго, болѣе вѣрнаго средства вызвать въ преступникѣ стремленіе къ самоисправленію и къ самодѣятельности нѣтъ и, по нашему мнѣнію, быть не можетъ. Самоисправленіе и самодѣятельность могутъ развиться только при свободѣ правъ или, по крайней мѣрѣ, при надеждѣ на нее, а не въ вѣчномъ рабствѣ безправія. При нашей системѣ праволишенія всѣ прочія средства исправленія падшихъ людей будутъ безцѣльны: ни классификація преступниковъ не принесетъ пользы, ибо все равно всѣ безправны, ни досрочное освобожденіе, ни тюремный патронатъ едва ли улучшатъ дѣло, потому что всѣ ихъ благія начинанія разобьются о твердыню, называемую полнымъ или частичнымъ, но, во всякомъ случаѣ, вѣчнымъ безправіемъ. Ставшему на скользкій путь преступности, при нашей системѣ праволишенія, трудно удержаться отъ дальнѣйшаго слѣдованія по этой торной и наклонной плоскости. Такимъ образомъ ясно, что наше законодательство отчасти само создаетъ рецидивистовъ, образуя изъ нихъ постоянный классъ преступниковъ. При нашей системѣ праволишенія всѣ пенитенціарныя улучшенія—лишь сизифова работа: здѣсь, что̀ одной рукой будетъ создаваться, то другой разрушаться. Вотъ почему нигдѣ, кажется, нѣтъ такого обширнаго бродячаго населенія, какъ въ Россіи,—населенія, создаваемаго большею частью нашей нераціональной системой праволишенія и приносящаго большое зло обществу и государству.

Изъ всего сказаннаго ясно, что нашъ институтъ праволишенія долженъ быть кореннымъ образомъ измѣненъ въ томъ смыслѣ, чтобы праволишеніе, касаясь только правъ публично-общественныхъ, но не частныхъ, было обязательно срочнымъ. Такая срочность праволишенія была бы лучшимъ импульсомъ къ дѣйствительному исправленію преступнаго люда и дала бы надежное педагогическое средство и тюремной администраціи въ дѣлѣ исправительнаго воздѣйствія на тюремныхъ сидѣльцевъ. Эта мѣра основывается вполнѣ на психологической почвѣ, такъ какъ извѣстно, что энергію воли человѣка въ извѣстномъ направленіи можно вызвать

только вѣрной надеждой на полезные для него въ данномъ случаѣ результаты.

А, создавъ срочность лишенія правъ, необходимо, конечно, создать и особый институтъ ихъ возстановленія, каковымъ и является правовой институтъ реабилитаціи.

II.

Институтъ реабилитаціи въ его современномъ видѣ, какъ правовой институтъ, исторически постепенно развился изъ института помилованія.

Уже въ древней Греціи и Римѣ мы встрѣчаемъ упоминаніе о существованіи помилованія съ характеромъ реабилитаціи. Такъ, въ 8 Солоновомъ законѣ говорится, что потерпѣвшіе инфамію (ἄτιμοί) могутъ быть реабилитированы (Ἐπίτιμοί) предъ архонтомъ, за исключеніемъ разбойниковъ, убійцъ и стремящихся къ тираніи [1]). Упоминается и другой законъ, безъ имени автора и даты, который установляетъ, что впредь пораженные инфаміей и должники храмовъ и казны могутъ быть реабилитированы только собраніемъ аѳинянъ числомъ по меньшей мѣрѣ въ 6 тысячъ и притомъ тайной подачей голосовъ [2]).

Но такое помилованіе съ возстановленіемъ правъ основывалось здѣсь на чисто политическихъ соображеніяхъ, а не на соображеніяхъ уголовной политики. Правда, философъ Платонъ въ своихъ сочиненіяхъ „Горгіасъ" и „Законы" возвысился до идеи нравственнаго перерожденія виновнаго путемъ наказанія. Онъ говоритъ, что такъ какъ законъ духа состоитъ въ согласіи съ порядкомъ, т. е. съ правдой и истиной,— а преступленіе, какъ актъ несправедливости и ошибки, есть слабость духа, сумасшествіе, то преступникъ, по справедливости, долженъ трактоваться, какъ больной. Поэтому наказаніе должно имѣть цѣлью возстановить здоровье духа, возвращая ему согласіе съ порядкомъ, котораго онъ лишился;

---

[1]) Плутархъ. Жизнь Солона. См. Sarraute op. cit., стр. 13.
[2]) Samuel Petit, Leges Atticae См. Reutenauer, op, cit, стр. 12.

и вотъ, когда преступникъ отбудетъ это наказаніе, которое произведетъ на него свое оздоровляющее дѣйствіе, то онъ тогда заслуживаетъ быть снова включеннымъ въ общество, съ которымъ онъ теперь примирился, и ему должны быть снова возвращены всѣ права гражданина [1]). Въ этихъ словахъ Платона указывается дѣйствительное основаніе, на которомъ должна покоиться реабилитація—это искупленіе вины и исправленіе. Но эта великой важности философская идея сколько еще вѣковъ должна быть, поистинѣ, только „платонической", чтобы только въ наше время получить практическое осуществленіе!

У римлянъ существовала реабилитація тоже въ формѣ помилованія, даруемаго, соотвѣтственно эпохамъ ихъ исторической жизни, или самимъ народомъ, или императоромъ, и имѣла разные виды и разныя послѣдствія.

Сообразно характеру преступленія и наказанія [2]), преступленія эти вѣдались въ республиканскій періодъ или центуріатскими комиціями (уголовныя преступленія), или трибутскими комиціями (неуголовныя преступленія), какъ высшими уголовно-судебными инстанціями; а въ концѣ республики, когда образованы были quaestiones perpetuae (commissiones), состоящія изъ сенаторовъ и всадниковъ,—разсматривались этими учрежденіями [3]). Тѣми же учрежденіями, т. е. судебными инстанціями, давалось и помилованіе съ возстановленіемъ правъ, т. е. реабилитація [4]). Такимъ образомъ по внѣшней формѣ

---

[1]) См. Reutenauer, op. cit., стр. 12—13.

[2]) Нужно замѣтить, что въ Римѣ наказанія дѣлились на capitales и non capitales: первыя, какъ смертная казнь, заключеніе въ рудники, aquae et ignis interdictio, влекли за собой или capitis deminutio maxima (смертная казнь и заключеніе въ оковы), т. е. лишали осужденнаго libertas et civitas,—или capitis deminutio media (aquae et ignis interdictio), т. е. лишали только civitas; а вторыя, какъ наказанія тѣлесныя, relegatio—вѣчная или временная, тюремное заключеніе на время или пожизненное, денежные штрафы,—влекли за собой только infamia, т. е. лишали только правъ политическихъ—jus suffragii и jus honorum (L. 5, D. L. 13; 1, 5, § 2, Dig. L.—13. См. Reutenauer op. cit., стр. 16—17).

[3]) Ciceron. De repub. II, 31; Ad Senatum, 11; Post. red. ad Senatum, 15;—Ad quir., 3 и 4; Plin. Hist. nat. VII, 36. См. Sarraute, op. cit., стр. 14—15, и Reutenauer, op. cit., стр. 18—19, 24.

[4]) См. ibid. Правда, эти собранія были и законодательными учрежденіями,

реабилитація здѣсь, исходя отъ судебныхъ учрежденій, была актомъ судебнымъ, но по цѣли—политическимъ: давалась она для успокоенія партійной вражды или во вниманіе къ политическимъ заслугамъ виновнаго или его родственниковъ и въ этомъ отношеніи она походила болѣе на современную амнистію, чѣмъ на реабилитацію, хотя давалась и индивидуально, и коллективно, но, во всякомъ случаѣ, была актомъ милости, но не права. Въ республиканскій періодъ такое помилованіе, съ характеромъ реабилитаціи (restitutio in integrum), давалось не очень часто и преимущественно лицамъ, потерпѣвшимъ изгнаніе [1]), и такимъ помилованіемъ имъ возвращались всѣ принадлежавшія имъ ранѣе гражданскія и политическія права, т. е. возвращалась не только правоспособность, но именно права: семейное положеніе, имущество [2]), политическое положеніе, должность и т. д., т. е. въ собственномъ смыслѣ оно было restitutio in integrum [3]), такъ что Цицеронъ, помилованный такимъ же образомъ, по предложенію Лентула, назвалъ послѣдняго вторымъ отцомъ и день помилованія—днемъ рожденія, воскликнувъ: „Parens mihi natalem Lentulus constituit!“ [4]).

Въ концѣ республики право такого помилованія перешло къ сенату, а затѣмъ—въ началѣ имперіи—къ сенату и императору, наконецъ, оно сосредоточилось исключительно въ рукахъ императора. Императоръ давалъ помилованіе или индивидуально (indulgentia specialis) или коллективно (indulgentia generalis) [5]). Но въ томъ и другомъ случаѣ это помилованіе, по своему характеру, дѣлилось на 3 вида: 1) indulgentia—помилованіе въ собственномъ смыслѣ, которымъ освобождался

такъ что на реабилитацію въ данномъ случаѣ можно смотрѣть и какъ на законодательный актъ.

[1]) Cicer. Brutus, 34; Appien, G. civ. 1, 33; 1, 70; Cicer. Post. red. ad Senatum;—In Pisonem, 15. См. у Sarraute, op. cit., стр. 14.

[2]) Конфискація имущества виновнаго введена закономъ Суллы.

[3]) „Jam vero bonos, dignitas, locus, ordo... fortunae, beneficia vestra“ (Cicer. Post Redit. ad quirites, 1).

[4]) Ad Senatum, 11.

[5]) L. 1, Cod. IX, 51; Cod. Theod. IX, 38, 3; Soz. Hist. eccl., 1, 8—18. См. Reutenauer, op. cit., стр. 27—28.

виновный только отъ наказанія [1]); 2) restitutio,—помилованіе съ возвращеніемъ нѣкоторыхъ правъ, прямо указанныхъ въ императорскомъ рескриптѣ, напр., говорилось: „restituo te patriae et bonis", или: „restituo te dignitate et bonis" [2]), и 3) in integrum restitutio, т. е. помилованіе съ возвращеніемъ всѣхъ лишенныхъ правъ—restitutio per omnia [3]). Этой in integrum restitutio возвращались помилованному всѣ гражданскія и политическія права, но—какъ? т. е. имѣла ли эта restitutio обратное значеніе, т. е. возвращалась ли только правоспособность или и самыя прежнія права? Это зависѣло въ данномъ случаѣ исключительно отъ воли императора, но вообще такого абсолютно обратнаго значенія она не имѣла [4]). In integrum restitutio возвращались помилованному чаще политическія права только, какъ правоспособность къ занятію разныхъ должностей, но не самыя должности, право выступать на судѣ и т. д.; возстановлялось его прежнее семейное положеніе, бракъ, возвращались права наслѣдственныя: завѣщаніе до осужденія не имѣло никакого значенія [5]); конфискованное имущество возвращалось, если оно не было еще отчуждено; возстановлялась сила обязательственныхъ отношеній [6]). Такое помилованіе давалось императоромъ или tacite, когда онъ допускалъ кого-либо изъ осужденныхъ къ отправленію должности, которой этотъ былъ лишенъ, или словесно, или же письменно, въ формѣ рескрипта [7]). Хотя оно являлось исключительно актомъ воли императоровъ, все-таки послѣдніе стремились въ данномъ случаѣ установить извѣстныя правила: такъ, императоръ Тиверій установилъ промежутокъ въ 10 дней между произнесеніемъ приговора и его исполненіемъ, чтобы въ этотъ періодъ императоръ могъ воспользоваться своимъ правомъ помилова-

[1]) L. 3, Cod. IX, 43. См. Reutenauer, стр. 29.
[2]) L. 13, Cod. IX, 51. См. Reutenauer, op. cit., стр. 30.
[3]) L. 1, Cod. IX, 51. Paul. Sent. IV, 8, § 21. См. Reutenauer, стр. 30.
[4]) Voët—Ad Pand., 48, 23. См. Sarraute, op. cit., стр. 17.
[5]) Cod. L. 13. De sent. passis. Paul. sent., IV, 8, 24. См. ibid.
[6]) См. ibid.
[7]) Cod. Just, l. 33, De decurion. Cod. Thed., l. 7, De poenis; Cod. L. 1, De sent. passis. См. Sarraute, стр. 16.

нія [1]), а императоры Валентиніанъ и Θеодосій увеличили этотъ срокъ до 30 дней [2]).

Постановленіе Валентиніана, Аркадія и Θеодосія объявляетъ, что обвиняемые въ извѣстныхъ тяжкихъ преступленіяхъ недостойны помилованія, а равно и тѣ, которые впали вторично въ то же самое преступленіе [3]), а императоръ Гонорій отказывалъ въ помилованіи тѣмъ, кто не подчинялся осужденію [4]). Такимъ образомъ въ этотъ періодъ при помилованіи стали обращать нѣкоторое вниманіе на тяжесть преступленія и поведеніе преступника, но тѣмъ не менѣе и въ это время, какъ и въ республиканскій періодъ, это помилованіе давалось по соображеніямъ, главнымъ образомъ, политическимъ и, будучи актомъ милосердія и великодушія императоровъ, было явленіемъ случайнымъ, а не правовымъ.

Въ дальнѣйшемъ изложеніи этого института мы будемъ имѣть въ виду только исторію его во Франціи, потому что здѣсь его историческое развитіе шло, такъ сказать, послѣдовательно и привело къ такой его постановкѣ, которая дала основаніе для введенія этого института и другимъ современнымъ государствамъ Запада.

Сначала въ Галліи, при господствѣ римлянъ, существовалъ тотъ же институтъ in integrum restitutio и въ томъ видѣ, какъ и у римлянъ. Съ вторженіемъ въ Галлію германцевъ институтъ этотъ, кажется, не примѣнялся [5]), но совсѣмъ не былъ забытъ, и въ возникшемъ французскомъ королевствѣ мы видимъ, что restitutio, хотя и не полная, давалась и при Меровингахъ, и при Каролингахъ, въ формѣ помилованія, частью властью одного короля, частью съ согласія народнаго собранія [6]). Съ X вѣка наступаетъ періодъ феодализма, и,

---

[1]) Sueton. Tiberius, 75. См. Reutenauer; op. cit., стр. 28.

[2]) L. 20, Cod. IX, 47. См. ibid.

[3]) Cod., l. 3, De episc. aud. См. Sarraute, op. cit., стр. 16.

[4]) Cod. Theod., l. 10. De ind. crim. См. Reutenauer, op. cit., стр. 29.

[5]) Vopiscus Aurelius, 39.—Sozom, 1, 6.—Euseb. Hist. eccl., IX, 8; t. 5. См. Reutenauer, op. cit., стр. 33.

[6]) Тацитъ о немъ ничего не упоминаетъ. German. §§ 6 и 7, Annal., 1, § 73. См. ibid., стр. 33.

естественно, и право помилованія съ restitutio правъ [1]) переходитъ въ руки многочисленныхъ сеньоровъ—феодаловъ, но съ Филиппа Красиваго это право помилованія постепенно сосредоточивается въ рукахъ одного короля и, если остается въ рукахъ того или другого сеньора, то въ качествѣ права делегированнаго [2]). Въ этомъ отношеніи французскимъ королямъ содѣйствовали особенно легисты, рѣшавшіе данный вопросъ съ точки зрѣнія римскаго права императорской эпохи [3]). И мы встрѣчаемъ извѣстія, что французскіе короли, пользуясь этимъ правомъ помилованія съ реституціей правъ, старались въ своихъ ордоннансахъ выразить и условія реабилитаціи, и объемъ возвращаемыхъ правъ [4]), но всѣ эти разрозненныя положенія ордоннансовъ были резюмированы и дополнены въ ордоннансѣ 1670 года, гдѣ XVI глава была озаглавлена: „Des lettres d'abolition, rémission, pardon, pour ester à droit, rappel de ban ou des galères, commutation de peine, réhabilitation et révision de procés". Этимъ ордонансомъ помилованіе дѣлится на два основныхъ вида, смотря по тому, основывается ли оно только на суверенитетѣ короля, или принимается во вниманіе и принципъ правосудія. Отсюда и грамоты дѣлились на два вида: а) „les lettres de justice ou de grâces légales", и давались онѣ чрезъ парламентскую канцелярію и b) „les lettres de grâce proprement dites", которыя давались исключительно по личному усмотрѣнію короля [5]). Реабилитація относилась ко второму виду помилованій. Такой реабилитаціей возвращались осужденному всѣ его прежнія права (чаще въ смыслѣ in integrum restitutio), и уничтожалось состояніе гражданской смерти и инфаміи [6]).

---

[1]) Greg. Tur. I. 6, c. 23; Capitul. 809, art. 30. См. ibid. стр. 33.

[2]) Muyart de Vouglans: „Institutes de droit criminel" p. 103. См. у Reutenauer'a, op. cit., стр. 38.

[3]) Изъ этихъ легистовъ особенно замѣчательны Farinacius (его сочиненіе: „Praxis et theoria criminalis") и Bleynianus, который первый даетъ болѣе точное, чѣмъ прежде, опредѣленіе этому институту, названному имъ rehabilitatio: „Rehabilitatio fit quando litteris gratiae pristinus habilitatis status inhabili restituitur. Institut. p. 450. См. ibid. стр. 40.

[4]) Collection Isambert, t. VI, XI, XII, XIV. См. ibid. стр. 40—41.

[5]) Ordon. 1670, tit. XVI, art 2, 5, 12—13. Tousse.—„Traité de la justice criminelle", tom. II, p. 414.

[6]) „Les lettres de réhabilitation sont celles par lesquelles le roi rétablit le con-

Что касается конфискованнаго имущества, то оно возвращалось только въ исключительныхъ случаяхъ и то при условіи, если оно еще не было отчуждено третьимъ лицамъ [1]). Прошенія о реабилитаціи подавались королю, въ нихъ прописывалось прежнее состояніе просителя (art. 11 ordon. 1670). Королевскія грамоты о возстановленіи правъ направлялись въ главную его канцелярію (grand chancellerie), гдѣ прикладывалась къ нимъ печать, и отсюда получались онѣ просителями. Послѣдніе должны были въ продолженіе трехъ мѣсяцевъ представить эти грамоты на утвержденіе въ судъ, рѣшавшій дѣло просителя (cours, если проситель gentilhomme (art. 12) и baillis et seneschaux или juges royaux, если проситель de condition roturière (art. 13)). Но это утвержденіе было чисто формальнымъ актомъ и имѣло значеніе регистраціи реабилитацій, а равно и то значеніе, что судъ повѣрялъ, согласно ли съ дѣйствительностью изложено дѣло въ прошеніи королю [2]).

Какія же условія требовались для полученія реабилитаціи? До 1670 года короли были ограничены въ выдачѣ реабилитаціонныхъ грамотъ: они не могли ихъ выдавать тяжкимъ преступникамъ (убійцамъ, отцеубійцамъ, дуэлянтамъ и др.) [3]), но Людовикъ XIV отмѣнилъ эти ограниченія. Такимъ образомъ все зависѣло исключительно отъ желанія короля (il faut le bon plaisir du roi) [4]), но на практикѣ выработались слѣдующія условія для полученія реабилитаціи: необходимо было отбыть наказаніе, раскаяться въ совершеніи преступленія, уплатить штрафъ и убытки потерпѣвшимъ отъ преступленія лицамъ [5]). Вопросъ же объ исправленіи преступника все-же оставался въ сторонѣ.

Но въ общемъ все-таки и въ этомъ случаѣ замѣченъ про-

---

damné en son honneur, droits et bonne réputation, ainsi qu'il l'était avant le jugement de condamnation" (ord. 1670 г.),

[1]) Tousse—Traité de la justice crimin. t. II, p. 415. См. у Reutenauer, стр. 59.

[2]) Serpellion. Code crim., t. II, p. 772. См. ibid. стр. 63.

[3]) Gouraincourt. „Traité du droit de grâce". 1881, p. 19, X.

[4]) Reutenauer, op. cit., стр. 66.

[5]) Roussaud de la Comte, „Mat. crim.", p. 502. Sarraute, op. cit. стр. 19 Reutenauer, op. cit., стр. 61 и 66.

грессъ въ организаціи института реабилитаціи. На практикѣ же кромѣ того требовалась протекція высшихъ судебныхъ лицъ, и необходимы были большія средства для уплаты за печать въ главную канцелярію (grand chancellerie), такъ что, по замѣчанію Reutenauer'а [1]), получали реабилитацію главнымъ образомъ преступники изъ знатнаго класса или изъ богатыхъ чиновниковъ, но не изъ простаго народа, о которыхъ не сохранилось извѣстій въ исторіи этого института.

Въ такой формѣ просуществовалъ институтъ реабилитаціи до французской революціи (до 1791 года), представляя изъ себя въ формѣ помилованія явленіе совершенно случайное, преслѣдующее цѣли не пенитенціарныя, а скорѣе чисто политическія. При воззрѣніи на наказаніе, какъ на месть общественную, и стремленіи придать ему устрашающій и постоянный характеръ, конечно, реабилитація другую форму и не могла принять. Но вотъ въ XVIII столѣтіи постепенно стала создаваться реакція противъ такого взгляда на наказаніе, которая въ лицѣ такихъ корифеевъ мысли и дѣла, какъ Монтескьё, Беккаріа, Вольтеръ, Руссо и др., пробила брешь въ этомъ міровоззрѣніи и повлекла за собой постепенное измѣненіе и уголовнаго законодательства. Ими было обращено вниманіе на самого преступника, въ немъ они указывали сосредоточить цѣли наказанія, которое должно имѣть характеръ не мученія, а исправленія; они утверждали, что для общества полезнѣе предупреждать преступленія, чѣмъ наказывать, а для предупрежденія необходимо усовершенствовать дѣло воспитанія [2]). А воспитательный характеръ получитъ наказаніе тогда, когда преступнику будетъ дана надежда на то, что ему, въ случаѣ хорошаго поведенія и исправленія, будутъ возвращены всѣ права гражданства [3]).

Основываясь на такомъ принципѣ въ дѣлѣ уголовнаго наказанія, докладчикъ Lepelletier Saint Fargeau сдѣлалъ предложеніе Учредительному собранію ввести во Франціи инсти-

---

[1]) Op. cit., стр. 64.

[2]) Беккаріа. О преступленіяхъ и наказаніяхъ, гл. XV и XLI.

[3]) Brissot. „Théorie des lois criminelles“, préf., p. 19. см. Reutenauer, стр. 73.

тутъ реабилитаціи, какъ особый правовой институтъ. Въ этомъ докладѣ онъ подробно развилъ мысль о необходимости отмѣнить вѣчный характеръ наказаній, какъ возбуждающій въ преступникѣ одно лишь отчаяніе или озлобленіе—не болѣе. Поэтому, указывая на цѣль уголовнаго наказанія—исправленіе преступника, докладчикъ и предлагалъ собранію, въ интересахъ общества, ввести институтъ реабилитаціи, въ силу котораго преступникъ, отбывшій наказаніе и доказавшій въ извѣстный опредѣленный срокъ, по отбытіи наказанія, свое исправленіе, имѣлъ бы право просить о возстановленіи утраченныхъ имъ по суду правъ [1]). Учредительное собраніе приняло это предложеніе и, отмѣнивъ помилованіе, какъ безполезное и опасное, установило самостоятельный институтъ реабилитаціи, и положенія о немъ внесены въ уголовный кодексъ 1791 года (VII глава).

Для полученія реабилитаціи, по этимъ положеніямъ, требовалось, чтобы прошло 10 лѣтъ по отбытіи наказанія и 2 года постояннаго мѣстожительства въ одной и той же общинѣ, чтобы преступникъ уплатилъ всѣ причиненные его преступленіемъ убытки и, наконецъ, доказалъ свое хорошее поведеніе. Просьба о возстановленіи правъ подавалась въ муниципалитетъ, который въ теченіе мѣсяца собиралъ справки о поведеніи просителя, а затѣмъ, согласно собраннымъ справкамъ, или давалъ согласіе на реабилитацію, или отказывалъ. Въ случаѣ отказа, новая просьба могла быть подана не ранѣе, какъ по истеченіи двухъ лѣтъ. Въ случаѣ же утвердительнаго отвѣта, проситель, въ сопровожденіи двухъ муниципальныхъ чиновниковъ, отправлялся въ уголовный судъ департамента его мѣстожительства, и здѣсь, въ присутствіи судей и публики, по прочтеніи прежняго обвинительнаго приговора, читалось этими чиновниками постановленіе муниципалитета о возстановленіи правъ просителя; затѣмъ предсѣдатель суда объявлялъ рѣшеніе суда о возстановленіи его во всѣхъ прежнихъ правахъ. Отсюда ясно, что судъ здѣсь имѣлъ второстепенное значеніе,—онъ какъ бы только регистрировалъ фактъ,

---

[1]) См. содержаніе этого доклада у Reutenauer, op. cit., стр. 7.

а не контролировалъ. Реабилитированному возстановлялись всѣ его права, какія онъ могъ имѣть, какъ французскій гражданинъ, т. е. возстановлялась его правоспособность, и новое его преступленіе уже не признавалось рецидивомъ.

По смыслу законодательства 1791 года, реабилитація была не милостью, а правовымъ актомъ справедливости: она давалась, и ее могъ получить по праву всякій исправившійся преступникъ. Это—хорошая сторона даннаго института въ законодательствѣ 1791 года. Но вмѣстѣ съ тѣмъ были тутъ и нежелательныя стороны: во-первыхъ, слишкомъ длинный періодъ испытанія (10 лѣтъ) для реабилитируемаго; затѣмъ ненужная торжественность объявленія этой реабилитаціи, при чемъ зачѣмъ-то прочитывался и прежній обвинительный приговоръ просителя, чѣмъ, такъ сказать, возстановлялось въ памяти общества преданное уже забвенію его преступленіе, что̀ прямо служило не къ выгодѣ реабилитируемаго; наконецъ, суду предоставлена слишкомъ ничтожная роль въ этомъ дѣлѣ, а все передано муниципалитету, гдѣ, при борьбѣ политическихъ партій, едва ли могло это дѣло рѣшаться безпристрастно. Вотъ почему введенный институтъ не могъ пока еще имѣть и не имѣлъ полнаго и надлежащаго значенія.

Вслѣдствіе измѣнившагося вскорѣ во Франціи политическаго режима, послѣдовали измѣненія въ законодательствѣ вообще и въ вопросѣ о реабилитаціи въ частности. Прежде всего было возстановлено помилованіе, какъ прерогатива перваго консула, а потомъ императора [1]). Но на ряду съ возстановленіемъ помилованія осталась и реабилитація, измѣненная закономъ 16 декабря 1808 года, который составилъ въ Code d'instruction criminelle 1808 года chapitre IV, titre VII, livre II, les art. 619 à 634. Измѣненія эти слѣдующія. Реабилитація допускалась только для лицъ, присужденныхъ къ

---

[1]) Senat. cons. organiq. du 16 thermid. an X. Это право было потомъ подтверждено par l'art. 58 de la Charte du 7 août 1830, l'art 55 de la constit. du 4 novembre 1848, l'art. 9 de la Constit. du 14 janvier 1852; la loi du 17 juin 1871 et l'art. 32 de la loi du 25 fevrier 1875. См. у Reutenauer стр. 82.

уголовному наказанію (à une peine afflictive ou infamante). Просьба о реабилитаціи могла быть подана только лицомъ, отбывшимъ наказаніе (art. 619), по истеченіи 5 лѣтъ со времени отбытія наказанія и при условіи, если проситель прожилъ эти 5 лѣтъ въ одномъ и томъ же округѣ и 2 года въ одной и той же общинѣ. При просьбѣ должны быть приложены аттестаціи о его поведеніи, выдаваемыя муниципальными совѣтами всѣхъ тѣхъ общинъ, гдѣ жилъ проситель. Послѣдній долженъ былъ самъ позаботиться о полученіи этихъ аттестацій, которыя выдавались ему въ моментъ выбытія изъ общины и которыя должны были быть одобрены субъ-префектомъ, имперскимъ прокуроромъ и мировымъ судьей (art. 620). Проситель долженъ былъ подать свое прошеніе со всѣми документами въ имперскій судъ, въ вѣдомствѣ котораго онъ имѣлъ послѣднее мѣстопребываніе (art. 621). Извѣстіе объ этой просьбѣ публиковалось въ юридическомъ журналѣ мѣста, гдѣ находился принявшій просьбу судъ, и того мѣста, гдѣ былъ произнесенъ приговоръ (art. 625). Генеральный прокуроръ давалъ свои мотивированныя заключенія письменно (art. 622) и представлялъ все дѣло въ уголовную палату (art. 623). Судъ и прокурорскій надзоръ могли потребовать новыхъ справокъ (art. 624). Судъ постановлялъ свое опредѣленіе, выслушавъ генеральнаго прокурора (art. 626). Это опредѣленіе могло состояться не ранѣе истеченія трехъ мѣсяцевъ со дня подачи прошенія (art. 627). Если опредѣленіе суда было отрицательное, то новая просьба могла быть подана не ранѣе истеченія еще 5 лѣтъ (art. 628). Если же опредѣленіе суда было благопріятное, то оно направлялось къ министру юстиціи, который могъ потребовать мнѣнія суда, постановившаго приговоръ (art. 629). Министръ представлялъ опредѣленіе суда императору, который и утверждалъ его (art. 630).

Такимъ образомъ по закону 1808 года процессъ полученія реабилитаціи былъ смѣшанный: тутъ принимали участіе: муниципалитетъ, администрація, судъ и императоръ. Но главное значеніе въ этомъ дѣлѣ все-же имѣлъ судъ, и муниципалитетъ уже не имѣлъ прежняго рѣшающаго значенія,

а роль его свелась исключительно къ обязанности аттестовать поведеніе просителя.

Такимъ образомъ необходимыми условіями для полученія реабилитаціи являлись: отбытіе наказанія, пятилѣтній испытательный срокъ, хорошее поведеніе за этотъ періодъ, пребываніе за весь испытательный срокъ въ одномъ округѣ и два года въ одной общинѣ. Результатомъ реабилитаціи было возстановленіе на будущее время всѣхъ правъ, какихъ былъ лишенъ проситель приговоромъ (art. 633). Къ числу недостатковъ закона 1808 года о реабилитаціи нужно отнести то, что, требуя полнаго отбытія наказанія, онъ лишалъ черезъ это возможности получить реабилитацію для уголовныхъ преступниковъ, хотя присужденныхъ къ пожизненному наказанію (la mort civile и la dégradation civique), но помилованныхъ верховною властью или получившихъ смягченіе наказанія (art. 619). Но этотъ недостатокъ былъ устраненъ при пересмотрѣ этого закона въ 1832 году, когда право реабилитаціи было распространено и на лицъ, помилованныхъ или получившихъ смягченіе наказанія [1]). Другимъ крупнымъ недостаткомъ этого закона являлось то, что реабилитація предназначалась только для лицъ, присужденныхъ къ уголовнымъ наказаніямъ, и лишались права на ея полученіе лица, подвергшіяся исправительнымъ наказаніямъ. Получалась странная непослѣдовательность, даже—безсмыслица: лица болѣе виновныя, болѣе опасныя и болѣе развращенныя пользовались привилегіею на полученіе реабилитаціи, а лица менѣе виновныя и опасныя и менѣе развращенныя лишались этой привилегіи. Съ точки зрѣнія кодекса 1791 года это было понятно, логично и справедливо, потому что только съ уголовными наказаніями было тогда связано праволишеніе, а наказаній исправительныхъ оно было чуждо. Между тѣмъ кодексъ 1808 года и другіе сепаратные законы [2]) связали праволишеніе и съ исправительными на-

---

[1]) Reutenauer, op. cit., стр. 90. Sarraute, op. cit., стр. 21—22. Сомнѣніе осталось только по отношенію къ реабилитаціи ссыльныхъ.

[2]) Cod. de procédure, art. 283; loi du 28 avril 1816; Cod. pén., art. 171 et

казаніями, но въ то же время поправки въ институтъ реабилитаціи не было внесено. Только въ 1848 году временное правительство декретомъ отъ 18 апрѣля уничтожило эту аномалію, даровавъ право реабилитаціи и лицамъ, присужденнымъ къ исправительнымъ наказаніямъ, при чемъ для полученія реабилитаціи требовались слѣдующія условія: отбытіе наказанія, хорошее поведеніе, срокъ въ 3 года послѣ отбытія наказанія и два года жительства въ одной и той же общинѣ. Прошеніе съ аттестаціей, требуемой по закону 1808 года, направлялось прямо къ генеральному прокурору, который свое рѣшеніе представлялъ на утвержденіе министра юстиціи [1]). Но данный декретъ, какъ временное правило, требовалъ законодательной санкціи—это съ одной стороны; съ другой—предстояла необходимость въ поправкѣ устава уголовнаго судопроизводства, а также нужно было рѣшить нѣсколько вопросовъ, касающихся вообще института реабилитаціи:—вопросовъ о рецидивистахъ, ссыльныхъ, правахъ гражданской стороны, о новомъ срокѣ послѣ отклоненія первой просьбы, объ оффиціальной публикаціи прошенія. Все это было рѣшено закономъ 6 іюля 1852 года.

Между тѣмъ положенія о реабилитаціи французскаго закона 1808 года были заимствованы законодательствомъ королевства обѣихъ Сицилій и внесены тамъ въ законъ объ уголовномъ процессѣ 1819 года; то же сдѣлало и королевство Сардинское, внесши эти положенія въ свой кодексъ уголовнаго судопроизводства 1847 года. То же нужно сказать и объ итальянскомъ кодексѣ уголовнаго судопроизводства 20 ноября 1859 года, гдѣ въ вопросѣ о реабилитаціи видно много заимствованій изъ того же французскаго института, уже исправленнаго тамъ закономъ 6 іюля 1852 года.

Французскій законъ 6 іюля 1852 года внесъ слѣдующія измѣненія въ институтъ реабилитаціи. Во-первыхъ, онъ утвердилъ положеніе временнаго правительства 1848 года о рас-

---

175; loi du 22 mars 1832, art. 13; loi du 21 mars 1832, art. 2; loi du 18 juin 1833, art. 5. См. у Sarraute, op. cit., стр. 22.

[1]) Reutenauer, op. cit., стр. 95. Sarraute, op. cit., стр. 22.

пространеніи права реабилитаціи на лицъ, присужденныхъ къ исправительнымъ наказаніямъ, оставивъ для полученія ея тѣ же условія, какія начертаны были декретомъ временнаго правительства [1]). Даровано затѣмъ право на реабилитацію и лицамъ, присужденнымъ къ dégradation civique, и ссыльнымъ, а также осужденнымъ подъ надзоръ высшей полиціи (art. 620). Распространено, далѣе, право реабилитаціи и на рецидивистовъ, съ исключеніемъ рецидивистовъ въ уголовныхъ преступленіяхъ, а также и на лицъ, впавшихъ въ новое преступленіе послѣ реабилитаціи (art. 634).

Какія условія требовались по этому закону для полученія реабилитаціи? Во-первыхъ, требовалось отбытіе наказанія или помилованіе (art. 619); во-вторыхъ, извѣстный срокъ по отбытіи наказанія, именно: 5 лѣтъ для присужденныхъ къ уголовнымъ наказаніямъ и 3 года для присужденныхъ къ исправительнымъ наказаніямъ (art. 620); въ-третьихъ, хорошее поведеніе и пребываніе, для отбывшихъ уголовныя наказанія, въ продолженіе 5 лѣтъ въ одномъ и томъ же округѣ и 2 года въ одной и той же общинѣ, а для отбывшихъ исправительныя наказанія—3 года въ одномъ и томъ же округѣ и 2 года въ одной и той же общинѣ (art. 621); въ-четвертыхъ, уплата штрафа, судебныхъ издержекъ и ущерба, причиненнаго преступленіемъ потерпѣвшей сторонѣ, или полученіе прощенія; а банкроты должны уплатить изъ актива всѣ долги и причиненные убытки или также получить прощеніе (art. 623).

Такое право реабилитаціи было распространено закономъ 19 марта 1864 года и на лицъ, потерпѣвшихъ дисциплинарныя наказанія, при тѣхъ же условіяхъ, какія были узаконены для полученія реабилитаціи при исправительныхъ наказаніяхъ [2]). Распространено было это право реабилитаціи, путемъ интерпретаціи закона 1852 года, и на лицъ, осужденныхъ военными и морскими судами [3]). Не лишены были права на реабилитацію и иностранцы, осужденные французскими судами, но для полученія реабилитаціи они сначала должны

[1]) Cod. inst. crim. art. 620 et 621.
[2]) Sarraute, op. cit., стр. 29.
[3]) Ibid. стр. 28.

были натурализоваться во Франціи [1]). Только память осужденнаго, хотя и отбывшаго наказаніе, послѣ его смерти не могла быть реабилитирована [2]).

Что касается процесса полученія реабилитаціи по закону 1852 года, то онъ былъ таковъ. Прошеніе о реабилитаціи подавалось прокурору округа, въ которомъ жилъ проситель (art. 622 code instr. crimin.), при чемъ послѣдній указывалъ въ прошеніи день своего осужденія и мѣсто, гдѣ онъ проживалъ по отбытіи наказанія, а также представлялъ при этомъ квитанціи объ уплатѣ всѣхъ имущественныхъ взысканій: штрафа, судебныхъ издержекъ и убытковъ потерпѣвшимъ лицамъ или удостовѣреніе послѣднихъ о прощеніи.

Прошеніе это уже не публиковалось въ судебной газетѣ, какъ было прежде [3]). Прокуроръ, получивъ прошеніе, производилъ дознаніе: собиралъ черезъ муниципальные совѣты, мэровъ общинъ, мировыхъ судей и субъ-префектовъ свѣдѣнія о продолжительности пребыванія просителя въ указанномъ мѣстѣ, о поведеніи его и о средствахъ существованія (art. 624) Собранныя свѣдѣнія о просителѣ съ его прошеніемъ прокуроръ республики отправлялъ къ генеральному прокурору, который отсылалъ все дѣло въ канцелярію уголовнаго суда (art. 626). Въ двухмѣсячный срокъ дѣло это отсюда направлялось въ обвинительную палату, гдѣ генеральный прокуроръ давалъ свое письменное и мотивированное заключеніе. Генеральный прокуроръ могъ просить, и судъ—приказать, собрать дополнительныя свѣдѣнія о просителѣ, на что полагалось не болѣе 6 мѣсяцевъ (art. 627).

Судъ, по обсужденіи дѣла, выслушавъ заключеніе генеральнаго прокурора, постановлялъ свое опредѣленіе (avis—собственно мнѣніе, а не arrêt—рѣшеніе) или отрицательное, или утвердительное. Въ случаѣ отрицательнаго опредѣленія, новая просьба о реабилитаціи могла быть подана только по прошествіи 2 лѣтъ (art. 629 code instr. crimin.); а въ случаѣ утвердительнаго опредѣленія, послѣднее, вмѣстѣ со всѣми доку-

---

[1]) Art. 8 и 9, loi 12 juill. 1875. См. Sarraute, op. cit., стр. 28.
[2]) Ibid., стр. 28.
[3]) Reutenauer op. cit., стр. 99.

ментами, черезъ генеральнаго прокурора направлялось къ министру юстиціи, который представлялъ его на утвержденіе президента республики (art. 630). Утвержденное президентомъ и контрассигнованное министромъ юстиціи, опредѣленіе это возвращалось въ судъ, рѣшившій дѣло, а копія его сообщалась суду, постановившему приговоръ (art. 632). Сообщалось оно также въ бюро справокъ судимости (casier judiciaire, art. 633).

Опредѣленіе суда о реабилитаціи, за нарушеніемъ формальностей, могло быть кассировано только министромъ юстиціи (art. 628; Cass. 1-er sept. 1853, 21 avril 1855) [1]).

Такимъ образомъ процессъ полученія реабилитаціи по закону 1852 года былъ смѣшаннымъ: тутъ принимали участіе власть административная, судъ и глава государства.

Какіе же результаты слѣдовали за реабилитаціей? Реабилитація уничтожала всѣ праволишенія, которыя являлись слѣдствіемъ осужденія уголовнаго, исправительнаго или дисциплинарнаго (art. 634), и возвращала впредь такимъ образомъ всѣ утраченныя права, т. е. возвращала правоспособность, а не самыя утраченныя права, т. е. не возращала, напр., потерянныхъ должностей, чиновъ, титуловъ и пр., а возвращала только право на возможность снова занять или получить ихъ [2]).

Несмотря на то, что вопросъ о реабилитаціи по закону 1852 года рѣшался судебнымъ порядкомъ, все-же главное значеніе находилось здѣсь въ рукахъ административной власти: прокурора, министра юстиціи и главы государства, такъ что въ этомъ сквозила отчасти мысль, что реабилитація есть милость, а не право. Кромѣ того не былъ еще рѣшенъ надлежащимъ образомъ по отношенію къ реабилитаціи вопросъ о рецидивистахъ.

Эти и другіе недостатки устранены нынѣ дѣйствующимъ во Франціи закономъ 14 августа 1885 года, съ дополнительными законами 26 марта 1891 года и 5 августа 1899 года.

(Окончаніе слѣдуетъ).

---

[1]) Sarraute, op. cit., стр. 48.

[2]) Ibid., стр. 57.

ПРЕДВОДИТЕЛЬ ДВОРЯНСТВА, КАКЪ ОРГАНЪ СОСЛОВНАГО И ЗЕМСКАГО САМОУПРАВЛЕНІЯ.

Бар. С. А. Корфа.

При изученіи исторіи мѣстнаго управленія въ Россіи насъ на первый же взглядъ поражаетъ одно обстоятельство: несмотря на частую смѣну направленій въ области внутренней политики, при всемъ разнообразіи должностей, мѣнявшихъ почти при каждомъ новомъ царствованіи свой внѣшній обликъ, была одна должность, основной характеръ которой сохранялся. Это—предводители дворянства. Возникнувъ, какъ мы увидимъ ниже, случайно, они сдѣлались сначала сословными органами, а потомъ силой необходимости мало по малу сдѣлались и органами всесословнаго управленія. Эта черта тѣмъ болѣе интересна, что, какъ извѣстно, сословный строй создался у насъ, въ значительной степени, искусственно.

Среди всей администраціи провинціи предводители постепенно стали центромъ вниманія правительства; этимъ и объясняется пріуроченіе самыхъ разнообразныхъ функцій къ ихъ административнымъ обязанностямъ. Съ другой стороны, они несомнѣнно, благодаря высокому положенію своему, принесли провинціальному управленію огромную пользу, въ смыслѣ проведенія на мѣстахъ идей законности и общей культуры.

Вмѣстѣ съ тѣмъ предводители дворянства пріобрѣли боль-

шое вліяніе на другія сословія и на земское управленіе. Вліяніе на другія сословія, главнымъ образомъ, выражается въ ихъ отношеніяхъ къ крестьянскому населенію; въ данномъ случаѣ значеніе предводителей столь велико, что не разъ въ нашей публицистикѣ они выставлялись прямо опекунами крестьянства. Земское же управленіе при самомъ своемъ рожденіи получило въ нихъ знающихъ и опытныхъ руководителей.

Эти обстоятельства даютъ намъ основаніе остановить вниманіе читателей на должности предводителя дворянства, тѣмъ болѣе, что въ нашей литературѣ, какъ обще-публицистической, такъ и спеціально-юридической, замѣчается полный пробѣлъ въ этой области, если не считать небольшихъ отдѣловъ въ курсахъ государственнаго права.

Но изслѣдованіе наше, стѣсненное рамками журнальной статьи, коснется только нѣкоторыхъ сторонъ предводительской должности, а именно—положенія предводителя, какъ органа сословнаго и земскаго самоуправленія, и только въ томъ видѣ, какъ подобное положеніе установлено общими законодательными нормами. Отсюда, слѣдовательно, съ одной стороны, исключаются предводители, служащіе по назначенію (Сѣверо-западный край) и выбираемые на особыхъ основаніяхъ (напримѣръ, окружные предводители Области войска Донскаго, предводители нѣкоторыхъ южныхъ губерній и друг.); съ другой же—чисто правительственныя функціи предводителя и вытекающее отсюда противоположеніе его, какъ органа административнаго и выборнаго.

I.

Манифестомъ 1762 года дворяне были освобождены отъ обязательной службы. Они были распущены изъ полковъ и канцелярій по деревнямъ; опустѣлая до того деревня понемногу начинаетъ заселяться; начинаютъ образовываться силой вещей и мѣстные интересы, а „сохраненіе этихъ зарождающихся интересовъ вызываетъ потребность организаціи мѣст-

ныхъ дворянскихъ обществъ“,—говоритъ профессоръ Романовичъ-Славатинскій [1]). Но главнымъ толчкомъ къ проявленію общественной дѣятельности среди дворянства послужилъ указъ Императрицы Екатерины II, 14 декабря 1766 года, которымъ оно призывалось къ выбору депутатовъ въ коммисію для сочиненія проекта новаго уложенія. Съ этого указа для дворянства открывается новая эра, когда начинаетъ складываться дворянское общество, которое черезъ своихъ выборныхъ пріобрѣтаетъ преобладающее значеніе въ мѣстномъ судѣ и управленіи [2]). Съ этого же времени возникаетъ и должность предводителя дворянства. Сначала ея появленіе можно считать и случайнымъ, и временнымъ; по указу 1766 года предводитель былъ только предсѣдателемъ уѣзднаго собранія дворянъ, долженствовавшихъ избирать депутатовъ для представленія своихъ интересовъ въ помянутой коммисіи. На каждомъ первичномъ уѣздномъ собраніи долженъ былъ предсѣдательствовать губернаторъ или посылать вмѣсто себя замѣстителя; собраніе это выбирало предводителя, который и долженъ былъ замѣнить его въ предсѣдательствованіи во всѣхъ послѣдующихъ собраніяхъ дворянъ, въ продолженіе двухъ лѣтъ; съ этихъ поръ предводительская должность уже не исчезаетъ изъ нашей государственной организаціи. Сперва она возобновляется опять-таки на два года [3]), а съ 1771 года (ст. 13661 „о избраніи дворянскихъ предводителей и городскихъ головъ по прошествіи двухгодичнаго срока, безъ особеннаго о томъ указа“) становится постоянною. Этимъ началомъ опредѣляется и характеръ ея въ послѣдующее время. Призванный предсѣдательствовать и руководить собраніемъ дворянъ, которое впервые призвано было защищать, если даже не создать интересы дворянскаго сословія, предводитель является охранителемъ и представителемъ этого сословія и только впослѣдствіи онъ начинаетъ получать и другія функціи, на которыя, какъ увидимъ ниже, правительство все-таки смотрѣло, какъ

---

[1]) Дворянство въ Россіи, стр. 490.

[2]) Тамъ же, стр. 411.

[3]) Полн. Собр. Зак. 1768 года ст. 13119 и 1771 г. ст. 13600

на случайный придатокъ къ его обязанностямъ. Указъ выражается такъ: „не только при нынѣшнемъ выборѣ депутата, но и при случаяхъ, если даны будутъ отъ верховной власти какія особыя повелѣнія, принадлежащія до нашего общаго разсужденія и положенія всѣхъ живущихъ въ нашемъ уѣздѣ дворянъ“.

Указомъ 1766 года Императрица еще не призвала дворянъ къ участію въ мѣстномъ управленіи; здѣсь ей нужно было только имѣть представителей для обсужденія ея проектовъ. Но въ 1775 году (Полн. Собр. Зак. ст. 14932) выходитъ новое положеніе о губерніяхъ, и роль дворянскаго сословія мѣняется; оно призывается къ государственному управленію. Разъ сословіе принимаетъ участіе въ немъ, какъ нѣчто цѣлое, какъ самостоятельная единица, ему становятся необходимыми организація и представители. Такими представителями естественно явились уже имѣвшіеся на лицо предводители; теперь, изъ случайной и временной, какою она была по указу 1766 года, эта должность сдѣлалась постоянной и съ опредѣленными функціями, осуществляя опредѣленныя государственныя задачи въ мѣстномъ управленіи; такой опредѣленности способствовало также учрежденіе по-уѣздно дворянскихъ опекъ, въ которыхъ предсѣдательствовалъ предводитель (§§ 20 и 21). Но эта реформа не можетъ считаться началомъ организаціи дворянскаго сословія, какъ таковаго; Екатерина II дала устройство общему губернскому управленію и затронула дворянское сословіе только косвенно, поскольку ей нужны были болѣе или менѣе интеллигентные люди въ администраціи. Собственно же организацію дворянское сословіе получило только десять лѣтъ спустя. Въ 1785 году вышла знаменитая Жалованная дворянству грамота, которая и осуществила высказавшееся еще въ 1766 году желаніе дворянъ получить корпоративное устройство. Нѣкоторые писатели (напр., Яблочковъ и Историч. Вѣст. 1885/3) видятъ уже зачатки дворянской корпораціи въ правѣ выборовъ губныхъ старостъ, при Иванѣ IV, затѣмъ ландратовъ и ландрихтеровъ (при Петрѣ I), но, съ своей стороны, я бы затруднился признать въ этомъ сословное право. Въ тѣ

времена правительство обращалось для вербовки должностныхъ лицъ къ болѣе интеллигентной части общества, не стѣсняясь, по большей части, происхожденіемъ назначаемыхъ органовъ; въ тѣхъ же случаяхъ, когда должностныя лица выбирались, а не назначались свыше, какъ это и было въ приведенныхъ примѣрахъ губныхъ старостъ и ландратовъ, выборы производились не сословіемъ, какъ таковымъ, а всѣмъ мѣстнымъ обществомъ, и преобладаніе высшаго сословія было только фактическое. Да и самъ г. Яблочковъ замѣчаетъ далѣе, что „права эти не были еще опредѣлены разъ навсегда общимъ указаніемъ" [1]). Съ полной основательностью можно сказать, что, какъ самостоятельное сословіе, дворяне выступили только въ 1766 году, но случайно, а затѣмъ, съ 1785 года, уже какъ организованное цѣлое, съ опредѣленными правами и обязанностями.

Указъ 1766 года какъ бы разбудилъ дворянъ; вернувшись въ свои опустѣлыя помѣстья, они столкнулись съ мѣстнымъ управленіемъ и другимъ сословіемъ. Говорю въ единственномъ числѣ, такъ какъ въ провинціи сословіе въ XVIII вѣкѣ было одно; я подразумѣваю крестьянство,—къ тому времени уже вполнѣ прикрѣпленное къ землѣ; другихъ сословій не было; были разночинцы, торговцы и т. п., но всѣ они не представляли изъ себя сословія, это былъ бродячій и текучій элементъ нашего государства, державшійся на мѣстѣ крайне непродолжительно и, конечно, не имѣвшій никакой общинной связи и интересовъ. Все это заставило дворянъ сплотиться въ своихъ стремленіяхъ; „единство положенія, единство интересовъ дѣлали такую связь необходимой",—замѣчаетъ профессоръ Романовичъ-Славатинскій [2]). Результатомъ этого сплоченія были многочисленные проекты, составленные разными дворянскими обществами (напримѣръ, требованіе Михайловскаго дворянства о составленіи общества по уѣздамъ, Клинскаго дворянства—о назначеніи правительствомъ всероссійскаго депутата для завѣдыванія всѣмъ

---

[1]) Исторія дворянскаго сословія въ Россіи, стр. 538.
[2]) Выше назв. соч., стр. 418.

дворянскимъ сословіемъ; послѣднее требованіе приводится, какъ крайность въ тогдашнихъ желаніяхъ дворянскихъ обществъ). Возгорѣлся общій интересъ сословія къ самоорганизаціи; правительство пошло на встрѣчу этому стремленію и дало учрежденіе о губерніяхъ, призвавшее дворянъ къ активной дѣятельности; организовала же его Жалованная грамота. При первомъ своемъ появленіи предводитель выбирался одинъ на уѣздъ; затѣмъ мы находимъ указанія на выборъ предводителя губернскаго. Первый разъ о немъ упоминается въ учрежденіи о губерніяхъ (§ 432), гдѣ онъ ставится по рангу выше уѣздныхъ; стало быть, во время изданія учрежденія о губерніяхъ онъ уже существовалъ; указа же о его учрежденіи мы не находимъ за періодъ 1766—1775 г.г.; его появленіе можно считать случайнымъ и по частному распоряженію. Но затѣмъ уже, съ учрежденія губерній, онъ существуетъ, какъ постоянная должность, о чемъ свидѣтельствуютъ нѣкоторые указы (какъ, напр., Полн. Собр. Зак. ст. 14816 и 15280). Итакъ дворянская грамота, по вѣрному замѣчанію проф. Романовича-Славатинскаго, „есть окончательный моментъ въ исторіи образованія дворянскихъ обществъ; ею опредѣляется донынѣшнее значеніе и положеніе этихъ обществъ“ [1]).

Обратимся теперь къ интересующему насъ вопросу—къ положенію, занимаемому предводителемъ дворянства въ общемъ государственномъ управленіи, и къ кругу его вѣдомства. Первоначально, какъ мы уже видѣли, обязанность предводителей заключалась только въ предсѣдательствованіи въ дворянскихъ собраніяхъ и въ поддержаніи въ нихъ „лучшаго между собою порядка“. Съ самаго начала учрежденія должности предводителя на него были возложены заботы о дворянскомъ сословіи. Уѣздный предводитель, кромѣ предсѣдательствованія въ собраніяхъ, велъ дѣла дворянства своего уѣзда, велъ ихъ алфавитные списки, выдавалъ справки и удостовѣренія о дворянскомъ происхожденіи и предсѣдательствовалъ въ дворянской опекѣ,—выражаясь словами указа 1766 года,—„занимая первое между дворянами мѣсто“; дворянская опека

[1]) Выше назв. соч., стр. 424.

заняла по учрежденію губернскому не маловажное мѣсто въ общемъ управленіи; на нее было возложено, кромѣ заботы о разстроенныхъ дворянскихъ имѣніяхъ, также и попеченіе о сиротахъ и малолѣтнихъ дворянахъ уѣзда. Затѣмъ предводитель призывался и въ приказы общественнаго призрѣнія, но не какъ членъ, а только какъ совѣтникъ по дѣламъ, касающимся дворянства (§ 379 учр. о губ.).

На губернскомъ предводителѣ лежала забота о дворянахъ всей губерніи; онъ велъ родословныя книги всей губерніи, разсматривалъ доказательства дворянскаго происхожденія, выдавалъ по этому вопросу справки и удостовѣренія, предсѣдательствовалъ въ губернскихъ и депутатскихъ собраніяхъ; однимъ словомъ, въ его рукахъ была администрація всего сословія въ губерніи. Уже почти сразу послѣ учрежденія, къ функціямъ чисто сословнаго управленія правительство стало присоединять и обще-земскія обязанности. Причины этому были, во-первыхъ, неразвитость высшаго сословія; въ предводители избирались лучшіе люди провинціи и, такимъ образомъ, они являлись и самыми надежными для проведенія новыхъ взглядовъ Императрицы; будучи людьми передовыми, при этомъ обыкновенно пользующимися извѣстными связями въ столицахъ, предводители сразу заняли видное положеніе въ губерніи. Во-вторыхъ,—соображенія экономическія, такъ какъ предводительская должность была безмездна. Я не хочу придать этой причинѣ такое всеобщее значеніе, какое ей придаетъ, напримѣръ, г. Милюковъ, описывая государственную жизнь Россіи въ XVIII вѣкѣ; но извѣстную роль она все-таки играла и здѣсь, способствуя главнымъ образомъ возвышенію престижа предводительской должности; въ началѣ мы встрѣчаемъ нѣкоторыя попытки мѣстныхъ обществъ платить предводителямъ жалованье, давать пособія или даже одаривать ихъ, но подобные случаи всегда строго и съ пользою преслѣдовались правительствомъ. Третья и также немаловажная причина пріуроченія къ предводительской должности все бо̀льшаго числа обязанностей была и общая недостача въ людяхъ. Дѣло въ томъ, что уже недолго спустя послѣ учрежденія выборной службы, дворяне начали ею тяготиться, причиной чему было отсутствіе сословной связи.

Послѣ перваго воодушевленія, вызваннаго указомъ 1766 года, наступила реакція; дворяне стали смотрѣть на новый родъ службы, какъ на продолженіе прежней обязательной, и понемногу начали все больше и больше ею тяготиться, какъ замѣтилъ еще Лохвицкій („Губернія"): „дворянство считало, да и отчасти вполнѣ правильно, что правительство его перевело просто изъ вѣдомства военнаго министерства въ вѣдомство министерства внутреннихъ дѣлъ". Уже въ царствованіе Екатерины II, при первой попыткѣ призвать высшее сословіе къ активной дѣятельности, мы замѣчаемъ то зло, которое помѣшало дворянству принести хотя бы сколько-нибудь значительную пользу въ нашей провинціи,—зло, съ которымъ такъ боролся Александръ Павловичъ и которое не могъ преодолѣть даже всесильный Николай I,—я говорю про „отлыниваніе" дворянъ отъ выборной службы; какъ прежде въ государственной, такъ теперь въ выборной, встрѣчаемъ мы все растущее количество нѣтчиковъ.

Но надо замѣтить, что эти разсужденія въ полной силѣ не относятся къ предводителямъ дворянства. Въ виду почета, связаннаго съ этой должностью представительства, да и нѣкоторой власти надъ остальными членами дворянскаго сословія, проявлявшейся въ веденіи дворянскихъ родословныхъ, вслѣдствіе чего, очевидно, всякій ищущій рода дворянинъ нуждался въ предводителѣ, развилось, съ одной стороны, заискиваніе и преклоненіе передъ предводителями [1]), съ другой же—на эту должность съ охотой шли самые видные представители дворянства, живущаго въ своихъ помѣстьяхъ; малое же число подобныхъ личностей дѣлало предводительскую должность почти пожизненной.

Слѣдствіемъ всего этого было постепенное расширеніе компетенціи предводительской должности; какъ видимъ, первоначальная идея предводительства преслѣдовала узко-сословные интересы, отвѣчая этимъ и стремленіямъ самого дворянства, отнюдь не желавшаго обще-земскаго управленія. Но силой необходимости правительство было вынуждено именно

---

[1]) Вѣстникъ Европы 1869 года, т. X.

къ этой должности присоединять функціи изъ области общемѣстной администраціи, дѣйствуя такимъ образомъ не по теоріи, а подъ напоромъ практики. Уже въ 1776 году (19 сентября) предводители должны принимать дѣятельное участіе въ рекрутскомъ наборѣ [1]); затѣмъ на нихъ возлагается принятіе мѣръ противъ прилипчивыхъ болѣзней [2]), завѣдываніе очищеніемъ товаровъ [3]).

На ряду съ этимъ возрастала независимость дворянскаго самоуправленія. Во все свое царствованіе Екатерина II старательно ограждала его отъ вмѣшательства правительственной власти. Такъ, уже въ первое время по возникновеніи дворянскихъ выборовъ Императрица пишетъ: „и съ того времени (первичнаго предсѣдательствованія) начальникамъ болѣе въ дворянскіе выборы не мѣшаться, а остается все производить дворянскому предводителю“. Губернаторы созывали и открывали собранія, имѣли право представлять вопросы на обсужденіе собраній, а также должны были разсматривать представленія дворянъ о нуждахъ и пользахъ своего сословія, но и только; активнаго участія въ управленіи сословіемъ они не принимали. Посредствующимъ лицомъ въ данномъ случаѣ являлся предводитель, черезъ него дѣла шли отъ собранія къ губернатору и обратно. Губернаторъ утверждалъ губернскаго предводителя изъ двухъ кандидатовъ, выбранныхъ дворянами изъ всѣхъ уѣздныхъ предводителей, на три года; объ утвержденіи уѣзднаго предводителя мы свѣдѣній не имѣемъ, мы знаемъ только, что послѣ выборовъ онъ долженъ былъ являться къ губернатору; впослѣдствіи, съ царствованія Александра I, губернскій предводитель сталъ назначаться Высочайшею властью изъ двухъ кандидатовъ, представляемыхъ министромъ внутреннихъ дѣлъ, а уѣздный утверждаться губернаторомъ; означенный порядокъ существуетъ и въ дѣйствующемъ законодательствѣ (томъ IX, ст. 304 и 306). Итакъ, къ концу царствованія Екатерины II, съ одной стороны,

---

[1]) П. С. З. № 14509.
[2]) Тамъ же № 13662.
[3]) Тамъ же № 13748.

все постепенно приращается кругъ вѣдомства предводителя, съ другой—вмѣстѣ со всѣмъ сословнымъ управленіемъ онъ становится независимѣе отъ правительственнаго управленія. Въ концѣ царствованія Екатерины II мы находимъ указъ, запрещающій губернаторамъ даже входить въ дворянское собраніе [1]), т. е., другими словами, мы имѣемъ здѣсь уже полное обособленіе самоуправленія отъ администраціи. Сообразно этому, конечно, росла и независимость предводителей, какъ представителей корпораціи.

Но вотъ умираетъ Екатерина II, и на престолъ вступаетъ Павелъ I; все мѣняется; дворянское самоуправленіе теряетъ свое независимое положеніе, а вмѣстѣ съ тѣмъ теряютъ свое значеніе и предводители. Теперь губернаторъ получаетъ право не только надзора за собраніями [2]), но и активнаго вмѣшательства. Вмѣстѣ съ тѣмъ и кругъ вѣдомства дворянскаго самоуправленія также сокращается. Въ 1799 году [3]) даже отмѣняются вовсе губернскія собранія, а губернскій предводитель выбирается уѣздными по жребію или по балламъ; къ 1800 году у предводителей остается почти единственная обязанность—веденіе родословныхъ книгъ и наблюденіе за чистотой дворянскихъ родовъ; участіе въ активномъ управленіи провинціи отъ нихъ отпало и, если они и остались еще въ нѣкоторыхъ коммисіяхъ на правахъ членовъ (напримѣръ, въ рекрутской), то уже, конечно, не играли больше той роли, какъ въ предшествующее царствованіе. И все это Павелъ I дѣлалъ не потому, что у него не хватало людей въ мѣстности или что онъ находилъ дворянъ еще неспособными къ самоуправленію, также и не въ видахъ какихъ-либо финансовыхъ или теоретическихъ соображеній, а просто потому, что все заведенное и столь большими трудами достигнутое Екатериной II ему хотѣлось поставить какъ-разъ наоборотъ; всякое, можно сказать, безъ

---

[1]) П. С. З. № 16731.

[2]) Присутствіе въ оныхъ ему разрѣшено въ 1798 году 9 марта, П. С. З. № 18421.

[3]) 14 октября № 19154.

исключенія, начинаніе его матери онъ ломалъ и передѣлывалъ по своему.

Такое положеніе продлилось недолго. Тотчасъ послѣ своего восшествія на престолъ Александръ I издалъ манифестъ [1]), которымъ онъ провозглашалъ возвращеніе ко всѣмъ начинаніямъ Великой Императрицы. Сообразно съ этимъ опять измѣнилось и положеніе дворянскаго сословія съ его предводителями. „Насколько при Павлѣ I правительство старалось подчинить власти губернатора и контролю прокуроровъ дворянскія собранія, настолько же при его преемникѣ оно поддерживало ихъ свободу“,—замѣчаетъ проф. Романовичъ-Славатинскій [2]). Но, уже разъ попробовавъ власть свою, губернаторамъ трудно было отъ нея отрѣшиться, и правительству много труда стоило, чтобы возстановить самостоятельность дворянскаго самоуправленія. Уже въ 1802 году [3]) находимъ мы указъ о запрещеніи губернаторамъ вмѣшиваться въ дѣла дворянскихъ собраній; затѣмъ были возстановлены и губернскія собранія. Вмѣстѣ съ тѣмъ опять начала расти компетенція предводителей. Чѣмъ больше предоставлялось самостоятельности дворянскому самоуправленію, тѣмъ больше притекало къ нему дѣла, а съ возрастаніемъ участія въ активномъ управленіи функціи предводителя поневолѣ становились все болѣе и болѣе общеземскими. Причина лежитъ въ своеобразности нашихъ сословій, въ маломъ развитіи высшаго общества и полной пассивности большей части населенія, находившейся въ крѣпостной зависимости.

Въ 1805 году на предводителей возложена важная задача—участіе, и притомъ преобладающее, въ составленіи земскихъ смѣтъ и раскладкѣ земскихъ повинностей [4]). Затѣмъ, въ 1815 году, учреждены для ревизій ревизскія коммисіи, и предводители дворянства заняли въ нихъ видное мѣсто. Всѣ сношенія дворянскихъ собраній съ прочими властями, а въ

---

[1]) 2 апрѣля 1801 года.
[2]) Выше назв. соч., стр. 444.
[3]) 16 августа П. С. З. № 20372.
[4]) № 21737.

особенности съ губернаторами, происходятъ черезъ посредство предводителей, что̀, конечно, поднимаетъ ихъ престижъ и усиливаетъ власть. Въ 1821 году, 18 ноября [1]), изданъ указъ Сената, запрещающій губернскому правленію и палатамъ „посылать указы уѣздному предводителю дворянства и требовать отъ нихъ рапортовъ, но должны они сноситься съ ними посредствомъ дворянскаго депутатскаго собранія или начальниковъ губерній“. Изъ этого указа видно: во-первыхъ, что до сего времени не только одни губернаторы, но и губернскія правленія и палаты старались присвоить себѣ вліяніе на дворянское самоуправленіе; а во-вторыхъ, ясно видно желаніе правительства возстановить самостоятельность и независимость этого управленія. Кромѣ перечисленныхъ обязанностей предводителей, особыя обязанности на нихъ возлагались по С.-Петербургской губерніи; здѣсь они должны были участвовать въ учрежденномъ въ 1817 году Совѣтѣ государственныхъ кредитныхъ установленій. Это собственно только слабое отраженіе той главной идеи, которую Сперанскій хотѣлъ провести въ области общаго управленія. Какъ извѣстно, по его мысли, выборные отъ сословій должны были участвовать во всѣхъ стадіяхъ управленія, какъ въ волостномъ и окружномъ, такъ и въ губернскомъ и государственномъ. Но плану его не пришлось осуществиться. Въ 1822 году, съ учрежденіемъ продовольственныхъ коммисій, предводители заняли и въ нихъ мѣсто. На уѣздномъ предводителѣ, кромѣ того, по старому лежало предсѣдательствованіе въ дворянскихъ собраніяхъ и дворянскихъ опекахъ, веденіе списковъ и выдаваніе справокъ дворянамъ. Наконецъ, остается еще упомянуть, что въ 1827 году на предводителей возложено попеченіе о почтовыхъ станціяхъ [2]), а въ 1829 году—надзоръ за нравственностью и поведеніемъ дворянъ [3]); послѣднее право, по своей неопредѣленности, давало имъ въ руки огромную власть и значительно подняло ихъ значеніе.

---

[1]) П. С. З. № 28684.
[2]) П. С. З. № 1515.
[3]) П. С. З. № 2953, 3117.

При такихъ обстоятельствахъ вступилъ на престолъ Николай I. Чистота дворянскаго сословія была его любимой идеей; въ дворянахъ онъ видѣлъ поддержку трона и лучшихъ сотрудниковъ для проведенія своихъ начинаній. Само собою понятно, что, ставя такъ высоко дворянское сословіе, онъ прилагалъ и всѣ усилія, чтобы дать ему соотвѣтствующее управленіе въ своей средѣ, а вмѣстѣ съ тѣмъ и видное положеніе въ общей администраціи провинціи. Но всѣ эти виды сталкивались съ однимъ препятствіемъ, съ нежеланіемъ дворянъ принять на себя подобную задачу. Они упорно продолжали „отлынивать“, упорно не хотѣли нести никакой службы въ провинціи, ни выборной, ни государственной; да и вполнѣ понятно; ихъ тянуло въ столицы; здѣсь они могли найти не только просвѣщеніе, но и власть и почетъ; здѣсь они дѣлали карьеру въ центральномъ управленіи; а провинція все пустѣла, въ ней оставались захудалые элементы дворянскаго сословія, и только кое-гдѣ можно было найти знатнаго вельможу, уже пресытившагося свѣтской жизнью. Поневолѣ подобное лицо, безъ конкуренціи попавъ въ предводители, несло на своихъ плечахъ какъ все самоуправленіе, такъ и бо̀льшую часть правительственной администраціи. Императора Николая I, какъ я уже сказалъ, подобное положеніе вещей очень огорчало [1]). Во все свое царствованіе онъ старался поднять значеніе дворянскаго сословія въ мѣстности; но жалобы на неудовлетворительность выборнаго управленія только усиливались; „не только для ходатайства о своихъ (дворянскихъ) нуждахъ и пользахъ, но и для назначенія изъ среды своей достовѣрныхъ чиновниковъ въ разныя должности по части судебной и правительственной“, предоставлено дворянамъ право выборной службы,—такъ характеризуетъ свое желаніе Императоръ въ указѣ 1831 года; всякія мѣры принимались противъ пристрастныхъ и недостойныхъ выборовъ; Николай I хотѣлъ поощрить дворянъ къ мѣстной службѣ по выборамъ дворянства, сравнивъ ее въ наградахъ и прочихъ выгодахъ съ общею государственною службою.

[1]) Можно, какъ примѣръ подобныхъ мѣръ Императора Николая I, привести указъ „о уклоненіи отъ службы выборной“ (1 января 1832 г.).

Одной изъ видныхъ мѣръ для поднятія значенія выборной службы былъ указъ 6 декабря 1831 года, регулировавшій впервые выборный цензъ.

По указу 1766 года цензъ опредѣлялся слѣдующимъ образомъ въ § 11: „объявить имъ (собравшимся дворянамъ), чтобы они выбрали между собой, кого хотятъ, дворянскимъ предводителемъ, на два года, изъ присутствующихъ, служащихъ или неслужащихъ, какого бы то чина или званія онъ ни былъ, лишь бы дѣйствительно въ томъ уѣздѣ владѣлъ деревнею и не былъ бы моложе 30-ти лѣтъ". Далѣе подробно регулируется самый порядокъ выборовъ. § 12 такъ описываетъ его: „выборъ дворянскаго предводителя того уѣзда происходитъ слѣдующимъ порядкомъ: когда дворяне вышеписаннымъ образомъ, въ назначенный день собраны будутъ и имъ сказано, чтобы приступили къ выбору: тогда они всѣ сядутъ на приготовленныхъ для нихъ стульяхъ или лавкахъ не по преимуществу чиновъ, а по тому, какъ кто прежде въ городъ прибылъ и въ спискѣ отмѣченъ. Если же будутъ дворяне, кои въ городѣ томъ живутъ, то они дворянамъ, живущимъ по деревнямъ, мѣсто уступаютъ: сирѣчь пріѣзжіе идутъ напередъ такъ, какъ кто въ городъ пріѣхалъ, а въ городѣ живущіе между собою мѣста разбираютъ по своимъ чинамъ. Чего весьма смотрѣть надлежитъ начальнику; потомъ онъ велитъ имъ раздать каждому по одному шарику и велитъ читать по росписи имя перваго дворянина, т. е. того, который прежде въ городъ явился; а дворяне, выслушавъ оное, вступаютъ одинъ за однимъ и кладутъ свой шарикъ въ приготовленный на столѣ ящикъ, перегороженный на срединѣ на двѣ части и покрытый сукномъ. На правой оной ящика сторонѣ написано: *избираю*, а на лѣвой—*не избираю*. Всякій положитъ въ которую сторону пожелаетъ. А тотъ, чье имя читали, воленъ класть шарикъ или не класть, остаться при выборѣ или выйти. Когда же всѣ шарики положены, то начальникъ встаетъ и при всѣхъ явно снимаетъ сукно, которымъ покрытъ ящикъ, и вынимаетъ шарики, сперва съ той стороны, гдѣ надписано: *избираю*, и считаетъ оные, и записать велитъ въ росписи, противъ имени того дворянина,

что столько голосовъ его одобряютъ быть предводителемъ того уѣзда дворянъ. Сдѣлавъ сіе, вынимаетъ шарики и съ той стороны ящика, на которой подписано: *не избираю*, и, сколько найдетъ шариковъ, также записываетъ, какъ выше сказано о правой сторонѣ ящика. Потомъ продолжаютъ паки по росписи читать имя другаго дворянина, даже и до послѣдняго, и при всякомъ имени то же дѣлаютъ".

Жалованная грамота сохранила тѣ же начала, понизивъ только возрастъ до 25 лѣтъ и требуя для пассивнаго права—доходности съ имѣнія не менѣе 100 руб. въ годъ. При Павлѣ I были сдѣланы нѣкоторыя ограниченія (какъ, напримѣръ, отнято право голоса у отставныхъ военныхъ). Характеренъ для понятія о низкомъ уровнѣ развитія дворянъ начала XIX столѣтія указъ Императора Александра I о лишеніи голоса безграмотныхъ и *не имѣющихъ понятія о своихъ правахъ и обязанностяхъ*.

Но затѣмъ надо сказать, что положенія о цензѣ вовсе не были ни систематизированы, ни приведены къ какому-либо единству; правительство о немъ не заботилось и только при возникновеніи споровъ или затрудненій разрѣшало ихъ ad hoc. Условія ценза впервые точно опредѣлены были, повторяю, указомъ 1831 года; дворяне, во-первыхъ, раздѣлены на просто участвующихъ въ собраніяхъ и участвующихъ съ правомъ голоса; къ первымъ относились дворяне потомственные, не имѣющіе чина, не служившіе по выборамъ и не владѣющіе недвижимымъ имуществомъ; ко вторымъ же—потомственные дворяне (внесенные въ родословную книгу) неукоризненнаго поведенія, не моложе 21 года, и имѣющіе либо чинъ 14-го класса, либо три года прослужившіе по выборамъ, либо имѣющіе Россійскій Императорскій орденъ; при переходѣ же изъ государственной службы они должны были представить аттестатъ, указъ объ увольненіи или отпускъ. Итакъ, по закону 1831 года цензъ значительно повышенъ, чѣмъ преслѣдовалось поднятіе значенія дворянъ въ мѣстности, опредѣляя къ службѣ болѣе богатыхъ; этимъ правительство желало привлечь на выборную службу лучшихъ по качеству людей. Другою мѣрою Николая I для поднятія

выборной службы было уравненіе ея съ государственною; выборныя должностныя лица стали пользоваться чинопроизводствомъ и награждаться орденами, а должности сдѣланы были классными. Но всѣ эти мѣры не подѣйствовали. Нуженъ былъ сильный подъемъ духа 60-хъ годовъ, чтобы вывести дворянъ изъ ихъ косности, чтобы разбудить въ нихъ желаніе и охоту участвовать въ мѣстномъ управленіи; но затѣмъ прошло и это увлеченіе, и опять мы замѣчаемъ у дворянства нашего времени апатичное отношеніе къ выборной и земской службѣ и сильнѣйшее тяготѣніе къ центральному управленію въ погонѣ за усиленнымъ жалованіемъ, карьерой и орденами.

II.

Итакъ, мы видимъ, какъ своеобразно развилась предводительская должность. Сначала предводитель былъ чисто сословнымъ руководителемъ; объ этомъ свидѣтельствуетъ самая причина созданія этой должности и еще больше то положеніе, которое предводители заняли въ царствованіе Великой Императрицы. Затѣмъ, скорѣе по недостатку людей въ мѣстности, чѣмъ по сословнымъ причинамъ, предводители начинаютъ получать все новыя права: къ должности ихъ присоединяютъ все большія функціи въ мѣстномъ управленіи. Вмѣстѣ съ тѣмъ характерно вырисовывается отличіе предводителя отъ другихъ выборныхъ должностей. Дворяне, въ особенности въ царствованіе Николая I, начинаютъ сильно тяготиться выборной службой; лучшее дворянство уходитъ изъ области, или прельщаясь государственной службой, на которой можно достичь и власти, и почета, или удаляясь на западъ, отъ котораго вѣяло свѣтомъ просвѣщенія. Контингентъ выборныхъ должностныхъ лицъ дѣлается все хуже и хуже, все большіе царятъ безпорядки, взяточничество и грубость. Одни предводители остаются на высотѣ своего призванія, да и то далеко не вездѣ. Наростаніе все новыхъ функцій предводительской должности къ основной ея задачѣ, т. е. представительства дворянскаго сословія, было какъ бы предвозвѣстникомъ обще-сословнаго земства и показываетъ

намъ, насколько земская реформа вытекла силой необходимости изъ предшествовавшей государственной жизни Россіи. Между тѣмъ, въ послѣднее десятилѣтіе поднимается все больше и больше голосовъ противъ земства, противъ всесословнаго управленія, и, съ другой стороны, высказываются взгляды за обязательную опеку дворянства надъ другими сословіями, опеку, для которой будто бы требуются новыя, установляющія ее, узаконенія. На предводительской должности мы наглядно видимъ, сколь противенъ былъ всегда нашему общественному строю узко-замкнутый, сословный духъ. Императоръ Николай Павловичъ искренно сокрушался отношеніемъ дворянства къ выборной службѣ, которую онъ понималъ въ благородномъ смыслѣ этого института, т. е. какъ руководительство интеллигентнаго, болѣе развитаго, знающаго и опытнаго класса общества; а между тѣмъ, именно въ его царствованіе брезгливое отношеніе дворянъ къ этой службѣ, бѣгство отъ нея подъ самыми разнообразными предлогами выразилось всего ярче: никакія правительственныя мѣры не могли заставить дворянъ нести эту столь противную имъ повинность. Но, съ введеніемъ земской реформы, выборный пересталъ быть несимпатичнымъ типомъ полицейскаго и судебнаго органа сороковыхъ годовъ и сталъ мировымъ судьей или земскимъ гласнымъ, хотя, можетъ быть, и безъ всякаго юридическаго образованія, но благородно несущимъ свои обязанности. Что же случилось? Отчего такая странная перемѣна?— „Да именно то, на что жалуются всѣ прежніе указы: дворянство, какъ замкнутое сословіе, избирало въ судныя и полицейскія должности своихъ *худшихъ* людей, а въ земское управленіе и новые суды то же дворянство вмѣстѣ съ другими сословіями, благодаря новымъ условіямъ дѣятельности, избираетъ *лучшихъ* людей“ [1]).

Теорія и практика, исторія и наука показали намъ весь вредъ замкнутости сословія, развращающе дѣйствующей внутрь и губительно во внѣ. У насъ, къ счастью, никогда не было сословій въ томъ видѣ, въ которомъ мы ихъ встрѣчаемъ на Западѣ, и если иногда и появлялось стараніе по-

[1]) Русская Мысль, т. I., 1885 г.

ставить наши сословія именно на западно-европейскую ногу, то эти старанія всегда разбивались о крѣпко установившійся нашъ историческій строй.

На предводительской должности видно, сколь важно дворянству отказаться отъ духа сословной гордости и исключительности; еще Аксаковъ сильно настаивалъ на этой мысли, и не онъ одинъ, а съ нимъ вмѣстѣ и лучшіе представители дворянства, и самъ законодатель сорокъ лѣтъ тому назадъ,— всѣ смотрѣли на это дѣло такъ же; всѣ они, настаивая на отрѣшеніи отъ привилегій, совѣтовали дворянству торопиться устроиться, воспользовавшись для этого временемъ общихъ преобразованій, вызванныхъ освобожденіемъ крестьянъ. Средство къ достиженію этого они видѣли только въ сліяніи его съ другими сословіями въ одно единое земство, и въ этомъ только сліяніи, по ихъ мнѣнію, лежалъ путь къ пріобрѣтенію прочныхъ правъ, прочнаго положенія, а не „мнимыхъ привилегій“. Между тѣмъ, именно этого-то дворянство и не пожелало сдѣлать; оно и по-сейчасъ не перестаетъ уходить изъ деревни, все больше и больше заполняя и безъ того уже переполненное центральное управленіе.

Со вступленіемъ на престолъ Александра II открывается цѣлый рядъ реформъ, совершенно измѣнившихъ строй нашей государственной жизни. Большая часть населенія, бывшая дотолѣ почти безправной, отпускается на волю, дѣлается участницей общественной жизни. Рядомъ съ этимъ, другимъ сословіямъ тоже даютъ новыя права, но не въ смыслѣ выдѣленія и разобщенія сословій, а наоборотъ, правительство стремится изгладить совершенно въ мѣстности сословную рознь и создать этимъ безсословное земство. Но это ему не удалось; оставивъ у сословій самостоятельное управленіе и права, оно создало не безсословное, а всесословное земство, которое, съ возрастаніемъ стремленія сословій выдѣлиться и обособиться (а послѣднія стремленія, въ особенности у дворянства, преобладаютъ въ наше время), должно было понемногу потерять свою внутреннюю связь, а вмѣстѣ съ тѣмъ и прежнее значеніе. Послѣ освобожденія крестьянъ проходитъ судебная реформа, затѣмъ проводится земское, а впо-

слѣдствіи и городское положенія. Конечно, все это отозвалось и на предводительской должности. Какъ мы видѣли, до сихъ поръ предводитель былъ главнымъ образомъ сословнымъ представителемъ, на котораго только за недостаткомъ людей правительство возлагало и другія обязанности.

Теперь его роль перемѣнилась; центръ тяжести перешелъ на другую сторону; предводитель, какъ сословный представитель, уступилъ мѣсто предводителю, какъ активному участнику новаго обще-сословнаго земства. Дѣло въ томъ, что, при введеніи новыхъ земскихъ установленій, потребовались руководители въ этихъ установленіяхъ; коммисія о губернскихъ и уѣздныхъ учрежденіяхъ долго обсуждала, кого именно призвать къ предсѣдательствованію въ земскихъ собраніяхъ, и, наконецъ, остановилась на предводителѣ дворянства. Но нельзя не сказать, что это произошло не безъ нѣкотораго сопротивленія; дѣйствительно, казалось бы страннымъ возложить предсѣдательствованіе на лицо, не отвѣтственное предъ земскимъ собраніемъ, а выбираемое и отвѣтственное передъ другимъ собраніемъ. Но коммисія остановилась на предводителѣ какъ бы силой необходимости. Онъ фактически уже стоялъ во главѣ мѣстнаго уѣзднаго управленія, онъ одинъ изъ всѣхъ дореформенныхъ органовъ отвѣчалъ запросамъ мѣстной организаціи, имѣлъ нѣкоторый авторитетъ среди мѣстнаго населенія и достаточное знаніе дѣла. Очевидно, что коммисія не могла сдѣлать лучшій выборъ, тѣмъ болѣе, что сословныя права, отступившія уже на второй планъ, въ ея глазахъ, должны были въ скоромъ времени сами собой вымереть.

Итакъ предводителя поставили во главѣ учреждаемаго самоуправленія всесословнаго; его назначили во всякіе комитеты и коммисіи, на правахъ либо члена, либо предсѣдателя, желая сдѣлать изъ него объединяющее начало [1]). Съ этой точки зрѣнія едва ли можно согласиться съ проф. Градовскимъ, который говоритъ, что предводители дворянства „явились добавочнымъ сред-

[1]) Св. зак. томъ IX ст. 383 (п. 5—15), 384 (п. 7—15), 385, пол. зем. учр. ст. 8, 28, 31, 54, 56. уст. зем. пов. ст. 18, 57, 58. общ. учр. губ. ст. 448. пол. зем. нач. ст. 71, 73, 101, 105, пол. учр. крест. ст. 123, 158 и др. уставы и учр.

ствомъ къ установленіямъ правительственнымъ, какъ должность сословная, которую законъ ставитъ во главѣ земскихъ учрежденій, поручая имъ предсѣдательство въ уѣздныхъ и губернскихъ земскихъ собраніяхъ и участіе въ разныхъ смѣшанныхъ учрежденіяхъ: училищныхъ совѣтахъ, присутствіяхъ по воинской повинности, по крестьянскимъ дѣламъ и т. д.“ [1]). Именно—не добавочнымъ, а основнымъ элементомъ, хотя, можетъ быть, и случайно, благодаря только историческому своему положенію, стали предводители въ новомъ управленіи. Но разсчеты коммисіи не оправдались; сословныя права не только не стали вымирать, а понемногу все больше оживали; если бы дѣйствительно реформы 60-хъ годовъ привели къ полному сравненію сословій, предводители дворянства стали бы во главѣ безсословнаго мѣстнаго управленія, и сословное ихъ представительство понемногу стушевалось бы. Но, такъ какъ случилось какъ-разъ наоборотъ, такъ какъ впослѣдствіи опять выдвинулись сословныя привилегіи, то предводители очутились въ двойственномъ и невыгодномъ для администраціи положеніи. Стали опять раздаваться голоса противъ первенствующей роли предводителей; такъ, напримѣръ, Симбирское очередное собраніе 1881 года въ своемъ докладѣ рѣзко указываетъ, что „вмѣшательство или даже, можно сказать, руководящее значеніе предводительской власти, какъ элемента чисто-сословнаго въ учрежденіяхъ крестьянскихъ и земскихъ безсословныхъ, представляетъ совершенную аномалію.“

Итакъ, реформы 60-хъ годовъ узаконили въ предводительской должности соединеніе двухъ совершенно разнородныхъ функцій, сословнаго представительства и первенствующей роли въ обще-земскомъ управленіи.

Понятно, что въ зависимости отъ поднятія значенія одного или другаго изъ этихъ элементовъ, сословнаго или безсословнаго, мѣнялась и роль предводителей. При первенствѣ втораго, т. е. безсословнаго управленія, въ предводительской должности сословный элементъ мало мѣшалъ предводителямъ нести свои обязанности съ пользой, такъ какъ по своей природѣ сословный элементъ, какъ болѣе узкій, является

[1]) Начала русскаго государственнаго права т. III, ч. I, стр. 51.

второстепеннымъ въ культурномъ государствѣ; но съ возвышеніемъ сословнаго элемента обще-земское управленіе стало безусловно отъ этого страдать, что и выразилось въ пожеланіяхъ нѣкоторыхъ земствъ въ началѣ 80-хъ годовъ [1]). Причиной преобладанія сословнаго элемента и дворянскаго въ частности была, главнымъ образомъ, введенная положеніемъ 1864 года, сословная группировка избирательнаго права; такое преобладаніе особенно ярко выразилось въ губернскихъ собраніяхъ, гдѣ, по мѣткому замѣчанію проф. Коркунова [2]), „преобладаніе дворянъ и чиновниковъ оказалось совершенно подавляющимъ; изъ общаго числа губернскихъ гласныхъ—2.284,—за 1885—1886 г., дворянъ и чиновниковъ было 1862, т. е. 81%".

Итакъ, въ противность желаніямъ коммисіи 1864 г. и въ оправданіе опасеній графа Корфа, уже скоро послѣ изданія земскаго положенія сословія стали обособляться другъ отъ друга, разрушая этимъ основную мысль создателей обще-земскаго самоуправленія.

При данномъ положеніи дѣла, выдающуюся роль въ обособленіи сословій и возвышеніи дворянскаго управленія въ мѣстности пришлось играть предводителямъ; съ одной стороны, на нихъ опиралось дворянство, проводя черезъ нихъ свое вліяніе на другія сословія и общее мѣстное управленіе, съ другой—они же явились и органами, черезъ которые проводило сословное обособленіе правительство. Подобное положеніе предводителей было особенно подчеркнуто при составленіи новаго земскаго положенія 1890 года (12 іюня).

Теперь уже нѣтъ причинъ, оправдывающихъ участіе предводителей въ земскомъ управленіи, которыя существовали во времена коммисіи 1864 года. Населеніе нашей провинціи, въ которомъ дворянство хотя и составляетъ самое незначительное меньшинство, конечно, гораздо просвѣщеннѣе населенія 50-хъ годовъ, и правительству было бы легко найти достойныхъ руководителей земскаго дѣла и среди другихъ сословій.

Между тѣмъ, при составленіи положенія 1890 года даже

---

[1]) Скалонъ. Земскіе взгляды на реформу мѣстнаго управленія, стр. 27 и слѣд.
[2]) Курсъ русскаго государственнаго права т. II, стр. 423.

не возникло сомнѣнія въ пользу предсѣдательствованія предводителей въ земскихъ собраніяхъ; наоборотъ, была высказана даже мысль о включеніи ихъ въ управу на правахъ непремѣнныхъ членовъ.

Итакъ, по дѣйствующему законодательству, въ предводительской должности соединены оба элемента—чисто сословное представительство и участіе въ земскомъ управленіи [1]). Конечно, политическое положеніе предводителей за послѣднія два десятилѣтія, вслѣдствіе этого, пріобрѣло огромное значеніе. Юридически предводитель является, главнымъ образомъ, представителемъ дворянскаго сословія, черезъ посредство котораго послѣднее управляется, сносится съ высшимъ правительствомъ и, что главное, получаетъ вліяніе на все мѣстное управленіе. Фактическое значеніе предводителя особенно велико въ уѣздѣ.

Положеніе губернскаго предводителя отличается отъ уѣзднаго тѣмъ, что онъ болѣе, чѣмъ уѣздный, является сословнымъ представителемъ. Тогда какъ послѣдній участвуетъ въ разныхъ коммисіяхъ и собраніяхъ на правахъ предсѣдателя [2]), что даетъ ему преобладающее въ нихъ вліяніе, губернскій предводитель участвуетъ въ губернскихъ коммисіяхъ только на правахъ члена [3]). Но самое широкое право привлеченія къ администраціи предводителей дается правительству статьей 385, IX тома Св. зак., которая разрѣшаетъ „возлагать также нѣкоторыя особенныя обязанности, на основаніи уставовъ, учрежденій и особыхъ узаконеній“. На ряду съ участіемъ въ земскомъ управленіи, надо еще отмѣтить огромное вліяніе, которое предводители (въ особенности уѣздные) получили на сословіе сельскихъ обывателей, т. е. на крестьянство. Вліяніе это пріобрѣлось, во-первыхъ, благодаря выдающемуся положенію, которое предводители занимаютъ и по-сейчасъ въ уѣздѣ, являясь въ полномъ смыслѣ слова „лучшими людьми“, во-вторыхъ, вслѣдствіе некультурности нашего низшаго сословія, некультурности, которая до сихъ поръ въ нашей литературѣ и журналистикѣ вызываетъ мысли объ опекѣ дворянствомъ этого сословія; надо сказать, что даже нѣкоторые

[1]) Свод. Зак. т. IX ст. 381—385.
[2]) Св. Зак. т. IX ст. 384 п. 4—13.
[3]) Св. Зак. т. IX ст. 383 п. 6—15.

предводители, пользуясь своимъ мѣстнымъ вліяніемъ, старались примѣнить на дѣлѣ эту мысль, опекая крестьянъ иногда удачно и съ пользой для послѣднихъ, иногда же, пользуясь своимъ положеніемъ, извлекали личныя выгоды; наконецъ третьей причиной, давшей предводителю огромное вліяніе на крестьянское самоуправленіе, явился законъ о земскихъ начальникахъ, предоставившій предводителю не только право ревизіи земскихъ начальниковъ (право, которымъ, кстати сказать, они рѣдко пользуются), но и предсѣдательствованіе въ уѣздныхъ съѣздахъ, вслѣдствіе чего они пріобрѣли возможность вмѣшиваться, а при случаѣ и оказывать давленіе на распоряженія начальниковъ по сельскому управленію.

Таково положеніе предводителей въ настоящее время. Пройдя цѣлый рядъ самыхъ разнообразныхъ измѣненій, участвуя въ самыхъ разнообразныхъ правительственныхъ реформахъ, и участвуя при этомъ самымъ активнымъ образомъ, вынося, такъ сказать, на своихъ плечахъ всѣ новыя предпріятія высшаго правительства, предводители до самаго недавняго времени высоко держали знамя своей должности. Говорю—до самаго недавняго времени, такъ какъ за послѣдніе годы и эта должность начинаетъ падать въ своемъ значеніи. А причина тому—все то же неудержимое стремленіе дворянъ уйти изъ мѣстности и отъ выборной службы. Въ настоящее время мы переживаемъ явленіе сходное съ абсентеизмомъ дворянъ 40-хъ и 50-хъ годовъ, но съ тою разницей, что въ то время еще встрѣчались на мѣстахъ, хотя и въ весьма ограниченномъ количествѣ, то вельможа, отъѣхавшій отъ дѣлъ, то передовой дворянинъ, посвятившій свою жизнь на пользу провинціи, благодаря чему, при общемъ паденіи выборной службы, все-таки ещё находились люди для замѣщенія предводительской должности, которая и возвышалась одна среди всей массы мѣстныхъ органовъ своимъ особымъ достоинствомъ и большимъ, вслѣдствіе этого же, значеніемъ.

Теперь же опять провинція опустѣла, опять тотъ же недостатокъ въ людяхъ на мѣстахъ, но еще въ большей мѣрѣ; дворянство живетъ въ столицахъ, погруженное въ финансовыя спекуляціи, за границей, проживая остатки отцовскихъ капи-

таловъ или оставляя послѣднія жизненныя силы въ душныхъ канцеляріяхъ центральнаго управленія, вмѣсто того, чтобы служить живому дѣлу мѣстнаго управленія; молодыхъ людей по окончаніи университета не тянетъ къ дѣлу—въ провинцію, имъ грезится въ столицѣ будущая карьера, а отчасти и правильный, неизбѣжный разсчетъ денежнаго обезпеченія. Въ провинціи же опустѣніе достигло такихъ размѣровъ, что и предводительская должность не находитъ себѣ достаточно замѣстителей, на что̀ указываютъ, хотя бы, выборы за послѣднее время въ очень многихъ уѣздахъ молодыхъ людей, едва окончившихъ курсъ наукъ; подобные выборы едва ли соотвѣтствуютъ важности положенія, занимаемаго предводителемъ въ мѣстномъ управленіи.

Въ печати выражалось мнѣніе, что причиной паденія значенія предводителей было соединеніе въ его лицѣ сословныхъ и земскихъ функцій. Но, намъ кажется, не столько эта причина вліяетъ на положеніе предводителей; эта мысль, конечно, имѣетъ свои основанія, но, какъ я выше старался показать, само по себѣ подобное соединеніе могло бы и не имѣть такихъ пагубныхъ послѣдствій, чему примѣрами могутъ служить царствованія Императоровъ Николая I и Александра II; вѣдь присоединяли же они къ предводительской должности самыя разнообразныя функціи, а предводители все-таки оставались нашими „лучшими людьми“ въ мѣстности.

Главная причина въ данномъ случаѣ, по нашему мнѣнію, лежитъ въ томъ, что провинція настолько обѣднѣла въ людяхъ, что ихъ не хватаетъ и на малое число вакансій предводителей.

Можно здѣсь повторить, примѣнительно и къ настоящему времени, замѣчаніе проф. Градовскаго: „уныло стоятъ старыя усадьбы, гдѣ прежде хотя не служили, да жили, и стоятъ онѣ, разваливаясь, какъ будто для того, чтобы угасло самое воспоминаніе о связи помѣстья съ владѣльцемъ, пресмыкающимся у какого-нибудь желѣзнодорожника. Уныло шумятъ брошенные сады и грустно глядятъ на тощія поля. Грустно гудитъ лѣсъ, ожидая, что „прослужившійся“ или „проспекулировавшійся“ владѣлецъ продастъ его на срубъ мѣстному кулаку“ [1]).

---

[1]) Градовскій. Сборникъ государственныхъ знаній т. VI стр. 159.

ЗАДАЧИ УНИВЕРСИТЕТСКАГО ПРЕПОДАВАНІЯ ПРАВА ВЪ ГЕРМАНІИ.

С. И. Живаго.

II [1]).

Уже въ начальную эпоху исторіи нѣмецкихъ университетовъ, т. е. приблизительно съ середины XIV вѣка, правовѣдѣніе занимало видное мѣсто среди другихъ отраслей знанія, входившихъ въ кругъ университетскаго преподаванія [2]).

Но какія юридическія науки излагались въ университетахъ, или, вѣрнѣе, какое право можно было изучить подъ руководствомъ ученыхъ doctores? Это было прежде всего *каноническое право*, т. е. право римской церкви, какъ оно нашло себѣ выраженіе въ декретахъ и декреталіяхъ, а затѣмъ *римское право*, которое однако до второй половины XV вѣка по большей части не имѣло значенія самостоятельнаго предмета изученія, а стояло въ служебномъ подчиненіи праву церковному. *Національное право*, то право, которое заключалось,

---

[1]) См. Жур. Мин. Юст. 1902 г., Февраль, стр. 127.

[2]) По исторіи нѣмецкихъ университетовъ см. W. Lexis. Deutsche Universitäten, Berlin 1893, статью Паульсена „Wesen und geschichtliche Entwickelung der deutschen Universitäten“. Въ концѣ статьи можно найти довольно полныя литературныя указанія по тому же вопросу.

По исторіи юридической науки въ Германіи см. прежде всего Geschichte der deutschen Rechtswissenschaft, начатую Stinzing'омъ и продолжаемую Landsberg'омъ (1880—1898). Литературныя указанія можно найти также въ любомъ курсѣ Pandekten, напр., Дернбурга или Регельсбергера, а также у Gierke, Deutches Privatrecht и т. п.

напримѣръ, въ мѣстныхъ статутахъ германскаго происхожденія, жило съ народомъ въ его юридическихъ обычаяхъ, находило выраженіе въ рѣшеніяхъ суда шеффеновъ и получало отчасти своеобразную обработку въ сборникахъ въ родѣ „Саксонскаго Зерцала“ Эйке фонъ-Ренгова,—это національное право стояло совершенно внѣ вѣдѣнія и внѣ интереса университетской ученой юриспруденціи.

Первое впечатлѣніе, которое производитъ такое положеніе дѣла, невольно вызываетъ на сравненіе съ тѣми чертами, которыя уже были отмѣчены относительно недавняго прошлаго въ исторіи преподаванія права въ германскихъ университетахъ. По близкой аналогіи, казалось бы, слѣдовало предположить, что нѣмецкое академическое правовѣдѣніе съ самаго начала было заключено въ извѣстныя условныя рамки и поэтому стояло далеко отъ жизни и практики, чуждаясь учебныхъ задачъ преподаванія и цѣлей подготовки слушателей юридической премудрости къ предстоящей имъ практической дѣятельности.

Между тѣмъ не можетъ быть ничего ошибочнѣе подобнаго предположенія!

Правда, при основаніи нѣмецкихъ университетовъ юриспруденція явилась на германскую почву въ чужестранной одеждѣ, въ томъ обличіи, которое она уже давно пріобрѣла въ Италіи [1]), гдѣ каноническое право процвѣтало подъ покровительствомъ римской куріи, а римское право, кромѣ своего служебнаго значенія въ глазахъ церкви, пользовалось также и особымъ политическимъ обаяніемъ, какъ „право императорское“. Но изъ этого вовсе не слѣдуетъ, что юриспруденція въ нѣмецкихъ университетахъ приняла римско-каноническій или каноническо-римскій характеръ исключительно по традиціи, въ силу внѣшняго подражанія. Совершенно напротивъ, преподаваніе права въ томъ видѣ, какъ оно велось съ самаго начала въ нѣмецкихъ университетахъ, отвѣчало какъ нельзя болѣе практическимъ потребностямъ въ юридиче-

---

[1]) См. Stölzel. Die Entwickelung der gelehrten Richterthums in deutschen Territorien. Stuttg. 1872. I. § 2. Beziehungen Deutschlands zu ausländischen Schulen.

скомъ образованіи тѣхъ классовъ общества, которые всего ближе стояли къ академической наукѣ и которымъ сами университеты были обязаны по большей части своимъ возникновеніемъ и, почти безъ исключенія, своей первоначальной организаціей, а также внѣшнимъ признаніемъ въ качествѣ учено-учебныхъ установленій.

Первое мѣсто и по вліянію, и въ то же время по запросамъ на юридическія знанія, конечно, принадлежало римско-католической церкви. Въ XIII вѣкѣ римская церковь въ своей стройной и законченной іерархической организаціи являлась несомнѣнно самой могущественной носительницей идеи общественнаго порядка и притомъ тѣмъ болѣе, что и всѣ подробности культа, и вся церковно-христіанская мораль представлялись облеченными въ форму внѣшне-обязательныхъ, чисто-юридическихъ по своему значенію правилъ и предписаній. Цѣлый рядъ условій способствовалъ расширенію и упроченію церковной юрисдикціи, какъ непосредственной, такъ и факультативной. Притязаніямъ и желаніямъ самой церковной власти въ этомъ отношеніи шли на встрѣчу интересы тѣхъ, кто умѣлъ оцѣнить преимущество организованнаго церковнаго судопроизводства и ту, болѣе чѣмъ достаточную, санкцію, которую церковь могла и умѣла придать своимъ приговорамъ.

Можно сказать безъ преувеличенія, что не было такой стороны общественной и частной жизни, которой прямо или косвенно не касалась бы компетенція церковнаго суда. Если вопросъ имѣлъ по существу совершенно не каноническій, а свѣтскій характеръ, то на дѣло всегда можно было взглянуть съ точки зрѣнія евангельскихъ заповѣдей въ толкованіи церковныхъ авторитетовъ, и вопросъ немедленно могъ быть включенъ въ кругъ вѣдѣнія церковной власти [1]). Такъ, напримѣръ, евангельскій текстъ „Mutuum date, nihil inde sperantes" послужилъ, какъ извѣстно, основаніемъ для цѣлой канонисти-

[1]) См. Th. Muther. Zur Geschichte der Rechtswissenschaft und der Universitäten in Deutschland. Jena 1876, I. Römisches und canonisches Recht in Mittelalter, S. 11; S. 22. Emil Ott. Beiträge zur Receptionsgeshichte S. 29 ff.

ческой доктрины, чтобы, преслѣдуя въ принципѣ ростовщичество, подчинить въ то же время церковному вліянію и факультативному контролю духовенства всю область экономическаго оборота. Среди ученыхъ юристовъ-клириковъ по этому вопросу возникла и была въ употребленіи цѣлая спеціальная литература, которая къ концу XIV вѣка даже получила вполнѣ систематическій характеръ съ казуистическимъ распредѣленіемъ матеріала между отдѣльными трактатами о договорахъ вообще, о процентныхъ сдѣлкахъ, о вексельномъ и торговомъ правѣ и т. д.

Таинство исповѣди въ практикѣ католической церкви также послужило одновременно и поводомъ, и средствомъ для распространенія рѣшающаго голоса власти, которой дано „вязати и рѣшати",—на всякое жизненное отношеніе, на всякій чисто-юридическій вопросъ, который въ то же время могъ являться для вѣрующаго вопросомъ совѣсти или быть представленъ таковымъ съ точки зрѣнія церковной, формально-нормативной морали. Въ практическихъ руководствахъ для патеровъ-исповѣдниковъ, въ такъ называемыхъ Summae Confessorum, отцы Доминиканцы и Францисканцы, которымъ было предоставлено право повсемѣстнаго исповѣданія, т. е. право свободной конкурренціи съ приходскимъ духовенствомъ,—давали своего рода энциклопедію уголовнаго и гражданскаго права по каноническимъ и римскимъ источникамъ [1]).

Если такимъ образомъ для служителя церкви знаніе свѣтскаго права было полезнымъ и необходимымъ, то тѣмъ большее значеніе должно было имѣть въ глазахъ церковной власти основательное каноническое образованіе. Значеніе каноническаго права для церкви не подлежитъ сомнѣнію и не требуетъ доказательствъ вообще, а для данной эпохи лучшимъ

---

[1]) Родоначальникомъ такого рода литературы называютъ извѣстнаго Раймунда изъ Пенкафорте († 1275) генерала ордена Доминиканцевъ; Summae Confessorum процвѣтаютъ въ XIV и XV столѣтіи. Сочиненіе монаха-минорита Angelus Carletus († 1495 г.), извѣстное подъ именемъ „Summa Angelica", пользовалось, напримѣръ, такимъ вліяніемъ на церковно-исповѣдническую практику, что Лютеръ считалъ къ ней болѣе примѣнимымъ названіе „Summa diabolica" и сжегъ ее вмѣстѣ съ папской буллой. См. Stinzing. S. 16—19.

доказательствомъ въ частности является самый характеръ церковнаго устройства и управленія римско-католической церкви, гдѣ все нашло формально-юридическій отпечатокъ. Чтобы приводить въ движеніе весь свой сложный іерархическій механизмъ и обезпечить ему возможность планомѣрнаго функціонированія, римская церковь, конечно, нуждалась въ цѣлой арміи должностныхъ лицъ—сановниковъ и слугъ, не только хорошо знающихъ церковные законы, но и прошедшихъ основательную школу со стороны технической, т. е. искусныхъ въ ихъ интерпретаціи, опытныхъ въ казуистикѣ и т. п.

Несомнѣнно, что преподаваніе юриспруденціи въ нѣмецкихъ университетахъ утвердилось при содѣйствіи церковной власти; нерѣдко, а первоначально почти всегда, юридическіе факультеты носили характеръ клерикальныхъ установленій, а профессора принадлежали къ духовенству. Образованіе будущихъ клириковъ было преобладающей цѣлью университетскаго преподаванія права, а подготовка къ дѣятельности въ области церковнаго суда и управленія—ближайшей практической цѣлью изученія права студентами. Университеты сами получали отъ папы, въ видѣ особой привилегіи, право исключительной подсудности церковнымъ судамъ; эта привилегія распространялась и на студентовъ, и вообще на весь широкій кругъ лицъ, такъ или иначе причастныхъ къ университету. Папскими „Conservatoria privilegiorum“ нерѣдко мѣстному епископу или другому прелату поручалось верховное блюстительство надъ практическимъ проведеніемъ университетской привилегіи церковной подсудности во всѣхъ отдѣльныхъ случаяхъ. Такой conservator являлся въ сущности самъ судебной инстанціей, и его авторитетъ, какъ и вообще притязанія церковныхъ трибуналовъ, оказывался сильнѣе стариннаго процессуальнаго правила: „actor forum rei sequitur“. (C. 5. X. 2, 2) [1]).

---

[1]) См. Muther указ. соч. S. 23, гдѣ между прочимъ приводится интересный разсказъ изъ процессуальной практики того времени; очевидно, привилегированная подсудность университетовъ вела между прочимъ къ тому, что случались т. наз. cessiones ficticiae различныхъ исковыхъ притязаній студентамъ, для того, чтобы получить формальное основаніе вести процессъ передъ церковнымъ су-

Вполнѣ понятно, что при такихъ условіяхъ каноническое право должно было занять въ германскихъ университетахъ совершенно такое же господствующее положеніе, какое ему принадлежало въ итальянскихъ университетахъ того времени; вполнѣ естественно, что и самый методъ преподаванія могъ быть цѣликомъ заимствованъ оттуда же.

Относительно *римскаго права*, быть можетъ, было бы слишкомъ много утверждать, какъ это дѣлаетъ, напримѣръ, Штинцингъ (S. 5), что каноническое право само уже предполагало его формальную дѣйствительность, но въ то же время несомнѣнно, что римское право шло какъ бы вмѣстѣ или вслѣдъ за правомъ каноническимъ. Извѣстное положеніе „Ecclesia Romana vivit secundum legem Romanam" было справедливо въ томъ отношеніи, что нерѣдко нормы церковнаго права были лишь модифицированными опредѣленіями римскаго права; затѣмъ это право играло роль субсидіарныхъ указаній въ области гражданско-правовыхъ отношеній, поскольку они не были регулированы для церкви ея собственными постановленіями; наконецъ римское право служило вообще тѣмъ источникомъ, къ которому обращалась церковь для восполненія недостатка въ собственномъ юридическомъ творчествѣ.

При такихъ условіяхъ римское право должно было получить въ церковно-юридическомъ образованіи значеніе далеко не послѣдней важности, хотя несомнѣнно церковь всегда отстаивала первенство каноническаго или, точнѣе—папскаго права и съ самаго начала чувствовала въ юстиніановомъ правѣ, такъ сказать, обоюдоострое оружіе, которое могло въ самой высокой степени, служить и интересамъ свѣтской власти, т. е. интересамъ германскихъ императоровъ въ ихъ притязаніяхъ на преемственное носительство идеи Священной Римской Имперіи.

домъ; студентъ выступалъ въ качествѣ истца и добивался взысканія по долговымъ обязательствамъ на большія суммы, ссылаясь на то, что самое право требованія уступлено ему „въ качествѣ займа для усовершенствованія въ наукахъ" и т. п. См. также Emil Ott, Beiträge zur Receptionsgeschichte des römisch-canonichen processes in den bömischen Ländern. Leipzig. 1879, S. 27. I. Jurisdiction der Kirche in Böhmen und ihr Umfang.

Отсюда становится понятнымъ то особое положеніе, которое римское право должно было занять въ германскихъ университетахъ при самомъ признаніи папской властью юридическихъ факультетовъ. Въ Германіи мы не встрѣчаемъ самостоятельныхъ школъ декретистовъ и легистовъ, какъ онѣ существовали въ Италіи. Факультеты были учреждаемы для преподаванія juris utriusque, при чемъ однако за каноническимъ правомъ было обезпечено и особое почетное положеніе, и преобладающее значеніе во всей системѣ университетскаго юридическаго образованія [1]).

Конечно, самый методъ экзегезы, при фактическомъ различіи подлежавшихъ толкованію и изложенію источниковъ права, обезпечивалъ легистамъ извѣстную самостоятельность въ ихъ преподавательской дѣятельности. Но все-же римское право освободилось отъ своей служебной роли въ германскихъ университетахъ лишь во второй половинѣ XV столѣтія, вмѣстѣ съ успѣхами процесса рецепціи римскаго права, когда и самое университетское образованіе будущихъ юристовъ постепенно утрачиваетъ свой первоначальный характеръ преимущественной, если не исключительной, подготовки къ вступленію въ ряды ученыхъ римско-католическихъ клириковъ.

Что же касается, напримѣръ, XIV и первой половины XV столѣтія, то для преподаванія римскаго права въ германскихъ университетахъ имѣло, такъ сказать, рѣшающее значеніе то вполнѣ опредѣленное отношеніе къ нему римской куріи, которое успѣло установиться на практикѣ при рѣшеніи того же вопроса на французской почвѣ, гдѣ вообще систематическое преподаваніе юридическихъ знаній началось раньше, чѣмъ въ Германіи. Характернымъ примѣромъ можетъ служить то́ privilegium odiosum, которое было наложено на римское право въ Парижскомъ университетѣ въ 1220 г.

---

[1]) Объ этомъ ясно свидѣтельствуютъ учредительныя папскія буллы отдѣльныхъ университетовъ: Вѣна 1365, папа Урбанъ V; Кёльнъ 1388, онъ же; Лейпцигъ 1409, папа Александръ V; Грейфсвальдъ 1456, папа Каликстъ III; Фрейбургъ, онъ же, 1455; Базель 1460, папа Пій II, и т. д.

папой Гоноріемъ III. Къ этому времени Парижскій университетъ уже давно вышелъ за предѣлы соборной школы при аббатствѣ Св. Женевьевы, былъ признанъ самостоятельной ученой корпораціей (1180) и получилъ отъ королей цѣлый рядъ правъ и преимуществъ (1200 г). При этомъ университетѣ образовался и особый каноническій факультетъ, но римское право также вошло въ число предметовъ изученія. Но когда церковная власть нашла, что римское право становится опаснымъ конкурентомъ каноническому, то послѣдовалъ совершенный запретъ преподаванія римскаго права, какъ самостоятельной отрасли юриспруденціи, и такой же интердиктъ противъ возведенія въ степень доктора свѣтскаго права (doctor legum); римское право не должно было выходить за тѣ скромные предѣлы, которые указывало ему служебное значеніе подспорья и пособія къ усвоенію и пониманію права каноническаго [1]).

Такое именно положеніе римскаго права для германскихъ университетовъ вытекаетъ по большей части изъ самыхъ учредительныхъ папскихъ буллъ. Прямая ссылка на примѣръ „studii Parisiensis" встрѣчается въ буллѣ папы Урбана VII, данной въ 1385 г. Гейдельбергскому университету. Папская булла говоритъ о „Studium generale tam in Theologia et *juris canonici*, quam alia qualibet *licita* facultate... instar studii Parisiensis"... Упоминаніе о *jus civile*, т. е. о римскомъ правѣ, находимъ лишь въ слѣдующемъ году въ документахъ свѣтскаго происхожденія, а именно въ Diploma Ruperti Senioris Comitis Palatini Rhen. et Electoris, гдѣ вслѣдъ за факультетомъ Sacrae Theologiae, seu divina называется въ тѣсномъ съ нимъ соединеніи facultas Juris Canonici et Civilis, quae *propter sui propinquitatem pro una facultate* disponimus aestimari. Однако римское право, повидимому, долгое время вовсе не преподавалось въ Гейдельбергѣ и во всякомъ случаѣ не имѣло самостоятельныхъ представителей. Весьма интересны для освѣщенія этого

---

[1]) См., между прочимъ, Warnkönig. Juristische Encyklopädie 1853, S. 252 и приведенныя у него ссылки на Savigny. Gesch. des Römisch. Rechts; Crevier. Histoire de l'université de Paris; Laferierre, Histoire du droit français.

вопроса два документальныхъ свидѣтельства. Первое относится къ 1444 г. и представляетъ собою ходатайство университета передъ пфальцграфомъ, „ut consilio suo et auxilio cooperari dignetur, quod habeantur duo doctores vel doctor et licentiatus, qui jus Civile legant", при чемъ факультетъ указываетъ въ качествѣ мотива своего ходатайства: „quia cedit in magnum detrimentum Universitatis et ejus diminutionem, quod in ipsa non legitur Jus Civile"... Второе свидѣтельство—это привилегія, данная папой Павломъ II въ 1469 г., въ силу которой клирикамъ разрѣшается слушать не одни декреты, но и Leges [1]).

Приведенные примѣры достаточно характеризуютъ общее положеніе юриспруденціи въ нѣмецкихъ университетахъ приблизительно за первое столѣтіе ихъ начальной исторіи. Вліяніе практическихъ запросовъ въ спеціальномъ юридическомъ образованіи на общее направленіе академическаго преподаванія и изученія права представляется настолько очевиднымъ, что едва ли нужно еще разъ возвращаться къ этому вопросу.

Но прежде, чѣмъ перейти къ слѣдующему періоду—къ эпохѣ рецепціи римскаго права, необходимо указать на то, что преобладаніе канонистическаго духа въ преподаваніи права въ XIV и въ первой половинѣ XV вѣка вовсе не могло являться искусственной, условной односторонностью въ той мѣрѣ, какъ это можетъ показаться, если взглянуть на дѣло съ нашей, современной точки зрѣнія. Особенно нельзя ставить юридическимъ факультетамъ того времени въ упрекъ, что они, такъ сказать, совершенно игнорировали *національное германское право*. Съ одной стороны, это право было таково, что оно не могло стать предметомъ университетскаго преподаванія, а съ другой—средневѣковая германская академическая юриспруденція была связана въ предметномъ отношеніи

---

[1]) См. Ueber die Vertretung des Römischen Rechts auf den deutschen Universitäten im XIV и XV Jahrhundert. Beilage II къ монографіи R. Stinzing. Ulrichs Zasius., Basel 1857, S. 327 ff. Интересно сравнить аналогичныя данныя относительно другихъ университетовъ. Въ привилегіи папы Каликста III (1457) Кёльнскому университету клирикамъ разрѣшалось „studium legum, ut sic juris Canonici intellectum levius capere valeat". Относительно Пражскаго университета подробно Tomek. Geschichte der Universität Prag. S. 25; S. 44. Ср. также Stölzel указ. соч. S. 78—111.

не однѣми только папскими буллами, но и тѣми пріемами изученія и тѣмъ традиціоннымъ методомъ преподаванія, который былъ унаслѣдованъ отъ итальянскихъ декретистовъ и легистовъ. Экзегеза источниковъ, которая и составляла основу университетскихъ lectiones decretorum et legum, предполагала прежде всего кодифицированное или по меньшей мѣрѣ писанное право. Между тѣмъ національное германское право по справедливости могло быть названо „jus incertum“. Оно не было законченной, установившейся системой нормъ, а создавалось главнымъ образомъ практикой суда шеффеновъ и ею же автономно, творчески модифицировалось. Къ тому же то, что̀ мы теперь можемъ назвать общимъ именемъ національнаго германскаго права, въ XIV вѣкѣ не представляло собою никакого единства, а могло быть противопоставлено каноническому и римскому праву лишь какъ неоднородная и неустойчивая совокупность нормъ партикулярнаго права отдѣльныхъ областей. Нѣтъ ничего удивительнаго, что университетская юриспруденція не имѣла не только повода, но даже и самой элементарной возможности обратиться къ изученію и преподаванію такого права.

Для слѣдующаго періода въ исторіи университетскаго преподаванія права въ Германіи наиболѣе характернымъ является *возрастающее преобладаніе римскаго права.* Въ XVI вѣкѣ римское право пріобрѣтаетъ совершенно исключительное, господствующее положеніе въ системѣ академическаго образованія будущихъ юристовъ, а національное германское право по прежнему стоитъ внѣ интересовъ ученой юриспруденціи и не входитъ въ число предметовъ преподаванія на юридическихъ факультетахъ.

Если взглянуть на такое положеніе дѣла съ нашей современной точки зрѣнія, то при мысли объ „исключительномъ преобладаніи римскаго права“ на юридическихъ факультетахъ легко можетъ возникнуть представленіе о коренномъ разладѣ между университетскимъ преподаваніемъ права и требованіями и запросами жизни и практики. Однако, поскольку

рѣчь идетъ о римскомъ правѣ, именно какъ о предметѣ изученія будущихъ юристовъ, для XVI вѣка справедливо какъразъ обратное утвержденіе.

Подобно тому, какъ въ XIV и первой половинѣ XV вѣка преобладаніе каноническаго права находилось въ прямомъ соотвѣтствіи съ тѣми условіями, которыми опредѣлялся, съ одной стороны, общій характеръ запросовъ на юридическое образованіе, а съ другой—и характеръ самихъ университетовъ, такъ и утвержденіе господства римскаго права на юридическихъ факультетахъ, съ одной стороны, находится въ самой полной гармоніи *съ рецепціей* римскаго права въ гражданскомъ оборотѣ и судебной практикѣ, а съ другой—его торжество въ борьбѣ за преобладаніе надъ правомъ каноническимъ является однимъ изъ слѣдствій начинающейся *эмансипаціи университетовъ* отъ полнаго подчиненія авторитету церковной власти и клерикальнымъ интересамъ.

Мы не можемъ касаться исторіи того сложнаго и продолжительнаго процесса, который обозначается общимъ терминомъ рецепціи римскаго права въ Германіи, и входить въ разсмотрѣніе и оцѣнку политическаго и соціальнаго значенія этой рецепціи. Принимая поэтому рецепцію, какъ совершившійся и общеизвѣстный историческій фактъ [1]), мы остановимся на немъ лишь постольку, поскольку имъ опредѣляются общее направленіе и извѣстныя особенности въ университетскомъ преподаваніи юридическихъ знаній.

Безспорно однимъ изъ наиболѣе важныхъ факторовъ, которыми обусловливается высокое значеніе рецепціи римскаго права, заключается прежде всего въ томъ, что прежнему состоянію правоваго порядка, имѣвшему мѣсто при господствѣ въ области свѣтскаго права неустойчиваго и неопредѣленнаго національнаго „jus incertum“, находившаго себѣ выра-

---

[1]) См. Stinzing. Geschichte der deutschen Rechtswissenschaft I, S. 37—155 и указанную тамъ литературу; Muther, Zur Geschichte der Rechtswissenschaft und der Universitäten in Deutschland, Gesammelte Aufzätze. Jena. 1876, указанія въ началѣ первой статьи. Ср. Дювернуа. Чтенія по гражданскому праву I § 5. Рецепція римскаго права на западѣ и т. п. См. также любой курсъ Pandekten—напр., Dernburg, Regelsberger и т. п.

женіе въ нормахъ партикулярнаго законодательства, въ мѣстныхъ обычаяхъ и въ свободномъ творчествѣ суда шеффеновъ, была съ успѣхомъ противопоставлена единая система писаннаго права съ универсальнымъ значеніемъ матеріальныхъ нормъ и съ таковымъ же, признававшимся по крайней мѣрѣ въ принципѣ, универсальнымъ авторитетомъ въ смыслѣ формальной ихъ обязательности. Нельзя, конечно, говорить о прямой замѣнѣ юридической регламентаціи и процессуальной охраны отношеній гражданскаго оборота другимъ. Рецепція въ Германіи совершалась медленно и постепенно, и притомъ реципировалось не всегда и не только чисто римское право, а скорѣе та система нормъ и юридическихъ принциповъ, которая была создана на основахъ юстиніановыхъ сборниковъ итальянской практикой и итальянской юриспруденціей глоссаторовъ и постглоссаторовъ. Но тѣмъ не менѣе въ результатѣ рецепціи для *свѣтскаго суда* въ Германіи создались всѣ тѣ условія, которыя раньше существовали лишь на сторонѣ клерикальныхъ трибуналовъ и обезпечивали судебной власти церкви широкое распространеніе за предѣлы чисто канонической компетенціи: Corpus juris canonici и декреталіямъ соотвѣтствовали Corpus juris civilis и авторитетныя глоссы; централистическимъ тенденціямъ папской власти—совершенно аналогичныя стремленія германскихъ императоровъ, которыя уже въ самой идеѣ „единаго императорскаго права“ должны были находить существенную поддержку; стройной организаціи и дисциплинѣ внутри церковнаго управленія и суда—въ области свѣтской политической жизни можно противопоставить медленную, но постоянно прогрессирующую эволюцію государственнаго строя и дѣятельности государственной власти къ тѣмъ формамъ и къ такой же законченной организаціи, которыя составляли уже прошедшее для Римской Имперіи, но представляли собою необходимую промежуточную ступень для перехода отъ средневѣковой неустойчивой государственности къ болѣе совершенному типу государства новаго времени.

Вполнѣ естественно, что при такомъ сходствѣ общихъ условій приходится наблюдать извѣстный параллелизмъ и въ

частныхъ послѣдствіяхъ. Отмѣтимъ лишь тѣ изъ нихъ, которыя для насъ представляютъ наибольшій интересъ. Какъ для примѣненія каноническаго права церковь нуждалась въ канонически образованныхъ клирикахъ, такъ и рецепція римскаго права создала *потребность въ основательномъ свѣтскомъ юридическомъ образованіи* и вызвала къ жизни *профессію юристовъ, знающихъ писанное свѣтское право* и искусныхъ въ его толкованіи и примѣненіи. Какъ прежде канонистическая эрудиція и званіе Doctor decretorum (или juris Canonici) открывали доступъ къ блестящей карьерѣ, такъ, вмѣстѣ съ рецепціей римскаго права, для Doctores legum (или juris civilis), т. е. для прошедшихъ основательную свѣтскую юридическую школу „magistraliter" и „more italico", открывался прямой путь къ „summi honores", къ почетному и вліятельному положенію на государственной или на городской службѣ, къ широкой и небезвыгодной дѣятельности въ качествѣ судей, совѣтниковъ и т. п. Къ ученымъ юристамъ и въ то же время къ юристамъ-чиновникамъ перешло то значеніе, которое прежде принадлежало шеффенамъ [1]), такъ какъ послѣ рецепціи римскаго права дѣятельность судьи естественнымъ образомъ должна была лишиться того творческаго, автономнаго характера, который составлялъ отличительную черту судебной практики шеффеновъ; судья, какъ органъ судебной власти государства, уже не руководствуется по преимуществу обычаемъ или собственнымъ убѣжденіемъ о томъ, что̀ право и неправо въ объективномъ смыслѣ, а долженъ примѣнять къ каждому отдѣльному случаю норму писаннаго права, которая имѣетъ, такъ сказать, самостоятельное внѣшнее существованіе. Для того, чтобы удовлетворить измѣнившимся условіямъ судопроизводства, надо было, конечно, прежде всего знать писанное римское право. И вотъ профессіональные ученые и законо-искусные юристы выступаютъ сначала въ роли совѣтниковъ шеффеновъ; затѣмъ постепенно къ нимъ переходитъ и по суще-

---

[1]) Stölzel. Die Entwickelung des gelehrten Richterthums. I, Buch 3. Das Aufleben des gelehrten Richterthums und der Absterben der Schöffengerichte (S. 235—364).

ству и самое отправленіе судебныхъ функцій, такъ что съ теченіемъ времени приходится наблюдать совершенно обратное положеніе: шеффены являются уже въ качествѣ засѣдателей и совѣтниковъ (Beisitzer und Rathgeber) короннаго судьи—чиновника. Ученые юристы, особенно же облеченные какимъ-либо саномъ или должностью, нерѣдко избираются тяжущимися въ качествѣ добровольнаго третейскаго суда, т. е. въ обходъ суда шеффеновъ. Здѣсь мы видимъ явленіе, которое уже имѣетъ себѣ прецедентъ въ добровольномъ подчиненіи свѣтскихъ тяжбъ церковной юрисдикціи. Такая практика, конечно, была въ интересахъ каждаго мѣстнаго суверена, и, разумѣется, чиновные ученые юристы находили съ его стороны самую дѣйствительную поддержку. Особое значеніе пріобрѣтаетъ дѣятельность ученыхъ юристовъ въ высшихъ судахъ, въ апелляціонныхъ инстанціяхъ [1]): съ одной стороны, самая задача апелляціоннаго суда представляется уже болѣе сложной и предъявляетъ къ знаніямъ и искусству судьи уже весьма значительныя требованія, а съ другой—въ этихъ высшихъ судахъ отправленіе правосудія всего ближе соприкасалось съ различными политическими интересами и прежде всего съ основнымъ интересомъ укрѣпленія авторитета и вліянія самой государственной власти. Но и независимо отъ непосредственнаго участія въ судахъ ученые юристы играютъ видную роль въ числѣ высшихъ сановниковъ при дворахъ нѣмецкихъ князей и несутъ почетную и выгодную службу въ магистратурѣ большихъ, богатыхъ городовъ. Во второй половинѣ XVI вѣка особенно широко развивается также практика юридическихъ консультацій. За совѣтомъ къ профессорамъ и къ другимъ извѣстнымъ юристамъ обращаются не только частныя лица, но даже и судебныя инстанціи; постепенно входитъ въ обычай испрашивать мнѣніе цѣлаго факультета, какъ ученой коллегіи спеціалистовъ. Такая практика не только не встрѣчаетъ противодѣйствія со стороны правительственныхъ органовъ, но наоборотъ всячески под-

---

[1]) Stölzel, I. § 11—12, I, Landesherrliche Appelationsintanzen II. Städtische Appelationsinstanzen.

держивается и поощряется. Юридическіе факультеты по существу получаютъ характеръ верховныхъ судебныхъ трибуналовъ: суды въ сомнительныхъ случаяхъ присылали факультетамъ всѣ акты и документы, относящіеся къ данному дѣлу, и мотивированное мнѣніе факультета было уже не только компетентнымъ отзывомъ или совѣтомъ, по непосредственнымъ рѣшеніемъ дѣла, обязательнымъ и для суда, и для сторонъ. Въ отдѣльныхъ университетскихъ городахъ (Лейпцигъ, Іена) [1]) было даже проведено прямое соединеніе юридическихъ факультетовъ съ судомъ шеффеновъ. При такихъ условіяхъ профессора-юристы въ XVI вѣкѣ по необходимости стояли близко къ практикѣ—нерѣдко въ прямой ущербъ не только своимъ научнымъ трудамъ, но и непосредственнымъ преподавательскимъ обязанностямъ, которыя иногда у занятаго профессора отступали совершенно на второй планъ...

Если подвести предварительный общій итогъ, то получается приблизительно слѣдующее положеніе дѣла; въ XVI вѣкѣ существуетъ сильный запросъ на основательное свѣтское юридическое образованіе; этой потребностью въ значительной мѣрѣ опредѣляется измѣнившійся общій характеръ университетскаго преподаванія права; академическая юриспруденція имѣетъ практическую тенденцію, и господствующее положеніе римскаго права на юридическихъ факультетахъ само по себѣ не означаетъ уклоненія отъ задачъ подготовки будущихъ юристовъ-практиковъ, а наоборотъ находится въ полномъ соотвѣтствіи съ фактомъ рецепціи римскаго права.

Такимъ образомъ есть какъ-будто всѣ основанія предположить, что въ теченіе этого втораго періода въ исторіи университетскаго преподаванія права въ Германіи не должны были возникнуть какія-либо серьезныя разногласія между дѣятельностью юридическихъ факультетовъ и практической потребностью въ основательномъ юридическомъ образованіи.

Между тѣмъ именно въ теченіе второй половины XV-го и въ XVI вѣкѣ въ преподаваніи права въ нѣмецкихъ университетахъ успѣли сложиться и пустить глубокіе корни такія

---

[1]) См. Stinzing, S. 65.

черты и такія особенности, изъ которыхъ многія и впослѣдствіи на долгое время могутъ считаться въ числѣ наиболѣе типическихъ отрицательныхъ элементовъ въ преподавательской дѣятельности нѣмецкихъ юридическихъ факультетовъ. Если указать только на нѣкоторыя изъ этихъ особенностей, то пришлось бы говорить о такихъ явленіяхъ, какъ господство рутины въ пріемахъ преподаванія и притомъ въ связи съ отсутствіемъ въ немъ всякой цѣлесообразной системы и тяжеловѣсностью и удручающей условной обстоятельностью традиціонныхъ методовъ изложенія. Но все это—явленія, которыя въ извѣстномъ смыслѣ можно назвать внѣшними. Имъ отвѣчаютъ однако и болѣе глубокіе отрицательные признаки, которые характерны для академической юриспруденціи того времени. Въ ученое правовѣдѣніе проникаетъ начало косности. Преклоненіе передъ авторитетами и исканіе въ глоссѣ готоваго отвѣта на всякій вопросъ лишаютъ юриспруденцію продуктивности.

Постепенно создается условная преграда между эрудиціей ученыхъ юристовъ и развивающимися потребностями жизни. Нерѣдко традиціонное схоластическое законоискусство становится въ рукахъ ученыхъ или, точнѣе, должнымъ образомъ обученныхъ и „патентованныхъ“ юристовъ средствомъ, чтобы морочить довѣрчивую и невѣжественную толпу кліентовъ и издѣваться какъ надъ судомъ, такъ и надъ правосудіемъ; для этой цѣли существуютъ различные способы толкованія законовъ вкривь и вкось, при чемъ doctores отлично умѣютъ съ важнымъ видомъ разыграть свою роль и окутать всякій вопросъ непроницаемымъ туманомъ своей книжной премудрости [1]).

Конечно, говоря о такого рода явленіяхъ, нельзя идти слишкомъ далеко въ обобщеніяхъ чисто отрицательнаго свойства и еще менѣе считать единственной ихъ причиной именно рецепцію римскаго права. Объясненіе, разумѣется, слѣдуетъ искать въ цѣломъ рядѣ общихъ историческихъ условій поли-

---

[1]) Stinzing I. S. 91 и его ссылки на отзывы Ульриха фонъ-Гуттена. По этому поводу см. также монографію—Strauss, Ulrich von Hutten. Leipzig. 1871 Kapit. VII, VIII.

тической и общественной жизни того времени. Для нашей цѣли не представляетъ интереса входить въ разсмотрѣніе этихъ условій, такъ какъ мы имѣемъ въ виду не характеристику дѣятельности практическихъ юристовъ, а оцѣнку ихъ университетской подготовки и притомъ не въ деталяхъ и подробностяхъ, а по типическимъ отличительнымъ признакамъ.

Укажемъ поэтому лишь на общій ходъ университетскаго образованія и на особенности господствовавшаго метода преподаванія [1])—такъ называемаго „mos italicus".

Обыкновенно къ изученію юридической премудрости студентъ приступалъ уже послѣ болѣе или менѣе продолжительнаго пребыванія въ университетѣ. Званіе баккалавра или даже магистра artium liberalium (т. е. по существу занятія реторикой и діалектикой) считается существенной ступенью для перехода къ „studia altiora, difficiliora et graviora". Занятія юридическими науками продолжаются обыкновенно не менѣе пяти лѣтъ. Заключительное испытаніе и диспутъ были условіями для полученія лиценціи (licentia), т. е. права ходатайствовать передъ факультетомъ о дарованіи званія доктора правъ. Однако это званіе обыкновенно пріобрѣталось юристами много времени спустя по полученіи лиценціи, такъ какъ докторатъ не былъ лишь ученой степенью, а являлся въ то же время по общимъ условіямъ эпохи какъ бы патентомъ на выдающееся положеніе въ обществѣ; это званіе предъявляло его обладателю цѣлый рядъ требованій не только относительно спеціальной эрудиціи, но и относительно житейской мудрости и опытности въ той выдающейся роли, которую приходилось играть ученымъ юристамъ, конечно, не противъ ихъ собственнаго желанія и не въ ущербъ ихъ собственнымъ интересамъ.

Весьма естественно, что сравнительно *незначительное меньшинство* искавшихъ въ университетѣ юридическаго образованія обладало достаточнымъ досугомъ и необходимыми

---

[1]) См. Stölzel. I Buch: Das Rechtsstudium bis zum Beginne des Siebzehnten Jahrhunderts.—Stinzing. I. Kapitel II, 10; Kapit. IV, 2—5.

средствами [1]), чтобы пройти полный курсъ и получить званіе doctor legum. Между тѣмъ, университетское преподаваніе велось такимъ образомъ, что только при продолжительной и упорно-усердной работѣ студента въ общемъ итогѣ его занятій изъ частичныхъ и безсистемно сообщаемыхъ ему свѣдѣній могло получиться извѣстное положительное цѣлое. Такъ, напримѣръ, изложеніе одного курса институцій велось профессоромъ обыкновенно на протяженіи нѣсколькихъ лѣтъ. Нерѣдко студентъ попадалъ уже in medias res, такъ что самый курсъ терялъ для него всякое пропедевтическое значеніе. Курсы пандектъ по большей части ограничивались широковѣщательнымъ и схоластически-хитросплетеннымъ толкованіемъ немногихъ мѣстъ текста въ теченіе цѣлаго года и т. п.

При такихъ условіяхъ значительное число студентовъ должно было уносить съ собой лишь урывки юридическихъ знаній. Извѣстный процентъ приходился на долю тѣхъ, кто, благодаря исключительному прилежанію и способностямъ, достигалъ извѣстнаго *средняго уровня* спеціальной юридической подготовки, хотя и не могъ мечтать о summi honores, т. е. о докторской тогѣ. Гораздо большій процентъ составляли, однако, такіе scholares, которымъ два, три года занятій университетской юридической наукой давали весьма мало и то лишь въ видѣ малоцѣннаго балласта, не устраняя въ то же время ни претензіи считать и выдавать себя учеными юристами, ни желанія воспользоваться всѣми тѣми выгодами и преимуществами, которыя можно было разсчитывать получить въ качествѣ профессіональнаго юриста. Причину этого, какъ справедливо указываетъ Штинцингъ (S. 76), приходится видѣть не въ чемъ иномъ, какъ въ томъ, что условія университетскаго преподаванія и изученія права были таковы, что именно „въ самихъ университетахъ воздвигались самыя серьезныя преграды и препятствія на пути къ основательной спеціальной подготовкѣ будущихъ юристовъ.

[1]) Было въ обычаѣ, что магистраты большихъ городовъ предоставляли талантливымъ студентамъ значительныя стипендіи для прохожденія курса юридическихъ факультетовъ съ обязательствомъ поступить затѣмъ на городскую службу.

Однимъ изъ такихъ препятствій и притомъ, быть можетъ, самымъ существеннымъ былъ заимствованный изъ итальянскихъ университетовъ методъ преподаванія, такъ называемый „mos italicus", въ той формѣ, какъ онъ пышно расцвѣлъ и надолго получилъ господство въ германскихъ университетахъ вмѣстѣ съ рецепціей римскаго права.

Тотъ аналитическій путь, которымъ шли итальянскіе глоссаторы въ своей работѣ надъ возстановленіемъ и возрожденіемъ юстиніановыхъ сборниковъ, тотъ испытанный пріемъ экзегезы, который давалъ такіе блестящіе результаты [1]) при изученіи источниковъ писаннаго права, постепенно на нѣмецкой почвѣ обратились въ рутину; внѣшняя виртуозность замѣнила всякую дѣйствительную продуктивность; на мѣсто изученія по существу стало пространное повтореніе, сравненіе и сопоставленіе все тѣхъ же результатовъ; между нормою права и текстомъ первоисточника постепенно возникла и продолжала рости непроницаемая стѣна различныхъ авторитетныхъ комментарій и интерпретацій, а традиціонный методъ изложенія обратился въ схоластическій шаблонъ.

„Praemitto, scindo, casumque figuro,
„Perlego, do causas, connoto, objicio" [2]).

Вотъ самая краткая формула, которая указываетъ обычный ходъ школьной экзегезы „more italico" и заключаетъ трудъ университетскаго профессора-интерпретатора въ условныя рамки, давая широкій просторъ только для безконечнаго нагроможденія другъ на друга различныхъ доводовъ pro и contra, для чисто-формальнаго перечисленія глоссъ и сопоставленія мнѣній авторитетныхъ юристовъ и т. п. Другія формулы прямо вмѣняютъ такой сложный и обстоятельный процессъ въ обязанность, указывая опредѣленную послѣдовательность, въ которой „vulgaris et usitata sive communis interpretatio" должна была пройти такія стадіи, какъ „Dibitandi ratio, Decidendi ratio,

---

[1]) См. Savigny. Geschichte des Römischen Rechts im Mittelalter. Heidelb. 1822 Band. III. Kapit. XXIII u. XXIV (S. 497—531).—Warnkönig. Juristische Encyclopädie § 201 (ссылки W. на Savigny Bd. III, S. 168—82 не отвѣчаютъ содержанію).

[2]) Подробное объясненіе отдѣльныхъ терминовъ см. Stinzing S. 107 ff.

Rationis dubitandi confutatio, Notabilium collectio, Glossarum diversarum conciliatio, Neotericorum judicium, Communis opinionis judicatio" и т. п. Вѣра въ спасительную непреложность такой схоластической схемы замѣняетъ въ концѣ концовъ стремленіе къ истинному познанію. Профессора-юристы видятъ верхъ своей учености и особый блескъ своихъ лекцій въ томъ, что они посвящаютъ толкованію одного мѣста источниковъ или одной глоссы цѣлые мѣсяцы, пускаясь въ мельчайшія подробности, совершенно независимо отъ того, относятся ли онѣ къ дѣлу, и пользуясь всякимъ благовиднымъ предлогомъ, чтобы лишній разъ показать свое обширное знакомство со всѣми контроверзами, со всѣми ошибками предшественниковъ и современниковъ по какому-либо совершенно второстепенному вопросу. Подобный характеръ преподаванія права не только становится господствующимъ обычаемъ, но и ревниво охраняется со стороны самыхъ юридическихъ факультетовъ при непосредственной поддержкѣ предержащей власти [1]); ученые юристы, желающіе отступить отъ традиціи въ самонадѣянной увѣренности „novam formam doctrinae juris se demonstraturos esse", наживаютъ себѣ серьезныя непріятности; каждый новый доцентъ обязанъ въ своихъ пробныхъ лекціяхъ доказать способность преподавать „magistraliter more italico".

Прямымъ послѣдствіемъ утвержденія и долговременнаго господства mos italicus на нѣмецкихъ юридическихъ факультетахъ было то, что, несмотря на общую практическую тенденцію юриспруденціи того времени и при полномъ признаніи факультетами своего призванія подготовлять будущихъ юристовъ-практиковъ,—университетское преподаваніе права или, точнѣе,—профессора-юристы въ своей преподавательской дѣятельности, становятся рабами традиціи и рутины и включаютъ въ свои лекціи всѣ только-что разсмотрѣнныя отрицательныя особенности. Въ результатѣ, конечно, и должно было возникнуть такое ненормальное положеніе, когда основные

---

[1]) См. Stinzing S. 122, рескриптъ курфюрста Виттенбергскому факультету въ 1538 г.

принципы постановки и практики университетскаго преподаванія права находятся въ прямомъ и непримиримомъ противорѣчіи съ существенными и разумными его цѣлями и задачами. Такое явленіе, выраженное вполнѣ опредѣленно, приходится наблюдать впервые къ концу XV и въ XVI вѣкѣ. На него стоитъ обратить вниманіе, такъ какъ, mutatis mutandis, оно впослѣдствіи становится въ извѣстномъ смыслѣ *типическимъ*, равно какъ и причины, его вызывающія,—отрицательное вліяніе рутины, внѣшней виртуозности, инертнаго пребыванія въ традиціонныхъ позиціяхъ и т. п.; всѣ эти явленія въ дальнѣйшей исторіи интересующаго насъ вопроса періодически выступаютъ особенно ярко и выпукло. По компетентнымъ свидѣтельствамъ современниковъ присутствіе такого рода особенностей можно прослѣдить въ практикѣ университетскаго преподаванія права въ Германіи почти вплоть до нашихъ дней.

Другимъ несомнѣннымъ слѣдствіемъ господства mos italicus было уклоненіе преподаванія отъ цѣлей изученія самыхъ источниковъ положительнаго права. Поскольку такое уклоненіе можетъ быть объяснено изъ самаго способа изложенія, это ясно изъ предыдущаго. Слѣдуетъ только имѣть въ виду, что время утвержденія и послѣдовательнаго примѣненія mos italicus совпало съ той эпохой, когда все теченіе мысли въ любой области было направлено не на исканіе истины путемъ свободнаго изслѣдованія, а на отысканіе ея въ готовомъ видѣ, путемъ подчиненія какому-либо авторитету. То, что̀ раньше съ особой силой проявилось въ богословской наукѣ, повторилось и въ области юриспруденціи. Какъ, напримѣръ, сочиненія Ѳомы Аквинскаго стали непреложной основой церковной догматики, такъ и глоссы Бартолуса, Балдуса, Аккурзія и другихъ знаменитыхъ юристовъ стали неоспоримымъ источникомъ юридической премудрости. Авторитетъ глоссы и въ теоріи, и въ дѣлѣ практическаго примѣненія права стоялъ выше самаго текста закона. Интерпретація и преподаваніе more italico, конечно, въ самой значительной степени способствовали утвержденію такого авторитета.

Если поставить вопросъ лишь относительно общаго значенія подобнаго положенія дѣла, т. е., напримѣръ, мысленно исключить то, что̀ составляетъ прямую принадлежность XV и XVI вѣка, то мы получимъ также въ извѣстномъ смыслѣ *типичныя* особенности университетскаго преподаванія права и притомъ особенности отрицательнаго свойства.

Уклоненіе отъ изученія источниковъ, пренебрежительное отношеніе къ задачѣ непосредственнаго ознакомленія студентовъ съ системой дѣйствующаго положительнаго права, это также одно изъ тѣхъ явленій, которое красной нитью проходитъ черезъ всю дальнѣйшую исторію университетскаго преподаванія права въ Германіи. Причины такого явленія, какъ мы будемъ имѣть случай показать, были весьма различны и заключались въ тѣхъ путяхъ, по которымъ пошла нѣмецкая юридическая наука (раціонализмъ и естественное право, историческая школа), а не въ одномъ только преклоненіи передъ авторитетомъ глоссы. Такой авторитетъ, конечно, съ теченіемъ времени утратилъ свое значеніе. Но тѣ особенности usitate interpretandi rationis, которыя требовали „Glossarum diversarum conciliatio и communis opinionis judicatio, становятся какъ бы образцомъ для подражанія позднѣйшей нѣмецкой академической юриспруденціи, которой также нерѣдко ставятъ въ упрекъ пристрастіе къ безконечному и безцѣльному въ интересахъ преподаванія сопоставленію и мелочному обсужденію всевозможныхъ контроверзъ, излишнюю склонность разсуждать не о самомъ вопросѣ, а прежде всего о томъ, какъ о немъ думали и писали другіе, и т. п.

Этихъ упрековъ намъ еще предстоитъ коснуться въ дальнѣйшемъ изложеніи. Что же касается разсматриваемой въ данномъ случаѣ исторической эпохи, то нѣтъ недостатка въ свидѣтельствахъ, что академическая юриспруденція и традиціонное университетское преподаваніе права уже и тогда вызывали не мало нареканій. Практическая потребность въ знаніи права искала себѣ удовлетворенія помимо университетовъ; такъ называемая популярная юридическая литература получаетъ за это время особое развитіе, и на книжномъ рынкѣ появляются всевозможныя руководства къ познанію законовъ

въ обходъ всего того, что требуется для этого „more italico“ [1]). Сами ученые Doctores и ихъ „logica in docendo“, а также весь тотъ „apparatus“, которыми была обставлена ихъ преподавательская дѣятельность, нерѣдко были предметомъ сатиры [2]).

Все это явленія, которыя могутъ, конечно, служить для дополненія общей характеристики университетскаго преподаванія права въ эпоху господства mos italicus. Однако сами по себѣ они едва ли могли имѣть какое-либо вліяніе на гордую и самодовлѣющую академическую юриспруденцію того времени и еще менѣе на тотъ обычный путь ad summas honores, который былъ установленъ для ученыхъ юристовъ.

Гораздо важнѣе была та борьба, которую вообще схоластической средневѣковой наукѣ пришлось вести съ новыми теченіями въ духовной жизни, съ тѣмъ смѣлымъ призывомъ къ истинно научному изслѣдованію, который раздавался со стороны *гуманистовъ*, и съ тѣмъ протестомъ противъ подчиненія традиціи и преклоненія передъ авторитетами, который былъ, такъ сказать, однимъ изъ лозунговъ *реформаціоннаго движенія*.

Разумѣется, ни начала этой борьбы въ области мысли и науки, ни ея развитія нельзя отмѣтить точными хронологическими датами, такъ какъ приходится говорить объ извѣстныхъ факторахъ культурно-историческаго процесса, которые существуютъ въ жизни народовъ средней Европы совмѣстно и одновременно и только приходятъ послѣдовательно въ различное соотношеніе другъ съ другомъ и оказываютъ различное взаимодѣйствіе. Начало „возрожденія классическихъ знаній въ Германіи“ относится, напримѣръ, уже къ XV столѣтію. Но въ области правовѣдѣнія и для практическихъ цѣлей гражданскаго оборота вліяніе такого возрожденія сказалось прежде всего лишь въ содѣйствіи рецепціи римскаго права.

---

[1]) См. Stinzing, Geschichte der populären Litteratur des römisch-canonischen Rechts in Deutschland. 1867. Stinzing. Geschichte der Rechtswissenschaft, S. 77 ff.

[2]) См. Stinzing. S. 109, сатирическое описаніе преподаванія профессоровъ-юристовъ „more italico“, сдѣланное Fregius'омъ въ 1574 г.

Гуманисты XVI вѣка извѣстны по большей части своимъ презрительнымъ отношенiемъ къ господствовавшей на юридическихъ факультетахъ тяжеловѣсной, условной учености; не болѣе высокаго понятiя они были и о „ремеслѣ“ практическихъ-юристовъ. Въ отзывахъ Ульриха фонъ-Гуттена [1]) можно, напримѣръ, встрѣтить для занятiй юриспруденцiей обозначенiе „Accursianum absyntium bibere“, а сами ученые юристы выставляются такими ограниченными людьми, которые презираютъ всякое истинное знанiе, а сами способны, какъ учителя и наставники, въ конецъ погубить самыя свѣтлыя головы, и т. п.

Однако именно въ XVI вѣкѣ мы видимъ полное торжество mos italicus на юридическихъ факультетахъ; влiянiе гуманистовъ не могло ни помѣшать его утвержденiю, ни значительно умалить число его приверженцевъ. Поэтому ошибочно было бы искать какой-либо рѣзкой перемѣны въ университетскомъ преподаванiи права вообще. Можно лишь имѣть въ виду подмѣтить въ самой германской юриспруденцiи, рядомъ съ традицiоннымъ направленiемъ, извѣстныя новыя теченiя и затѣмъ поставить вопросъ о возможномъ и дѣйствительномъ значенiи этихъ теченiй для судебъ преподаванiя юридическихъ наукъ въ университетахъ.

Не входя въ подробности, гуманистическое теченiе въ области правовѣдѣнiя можно опредѣлить, какъ *возвращенiе къ первоисточникамъ классическаго римскаго права*, какъ освобожденiе отъ вѣковыхъ наслоенiй всевозможныхъ интерпретацiй, какъ эмансипацiю отъ авторитета глоссы и условныхъ узъ схоластической дiалектики и т. п.

Все это черты безусловно положительныя и для успѣховъ науки, и для успѣшности преподаванiя. Но въ то же время приходится указать на цѣлый рядъ моментовъ совершенно иного рода, которые однако находятся въ не менѣе тѣсной связи съ отношенiемъ гуманистовъ къ юриспруденцiи.

Начавъ съ совершеннаго пренебреженiя правовѣдѣнiемъ, гуманисты впослѣдствiи обратились къ изученiю права, но

---

[1]) См. Stinzing. S. 91, а также указанную раньше монографiю Штрауса.

не ради практическихъ интересовъ его примѣненія въ жизни. Римское право естественнымъ образомъ должно было занять извѣстное мѣсто въ ряду предметовъ изученія гуманистовъ, такъ сказать, совершенно безотносительно, независимо отъ своего содержанія, а прежде всего въ силу своего классическаго происхожденія. Историческія изысканія и филологическія изслѣдованія гуманистовъ по большей части вовсе не были направлены только на критическое возстановленіе текстовъ Corpus juris civilis, а наоборотъ вносили въ область правовѣдѣнія совершенно посторонніе элементы, а именно интересъ къ антикварной сторонѣ дѣла, увлеченіе такими вопросами и подробностями, которые не имѣютъ ни малѣйшаго отношенія къ дѣйствительному предмету юридическихъ знаній.

Такимъ образомъ, если вліяніе гуманизма на академическую юриспруденцію, съ одной стороны, можетъ быть охарактеризовано, какъ положительное, въ смыслѣ сообщенія занятіямъ правомъ большой научности въ широкомъ значеніи этого слова, то, съ другой стороны, это вліяніе должно было сказаться и въ томъ направленіи, что между юриспруденціей и практическими цѣлями изученія права впервые возникала возможность не случайнаго только, а сознательно проводимаго представителями науки предметнаго несовпаденія. Для насъ не представляетъ особаго значенія входить въ обсужденіе того, насколько сильно было вліяніе такой „непрактической юриспруденціи“ на университетское преподаваніе права именно въ XVI или въ первой половинѣ XVII столѣтія. Какъ и раньше, мы ограничимся указаніемъ на одно изъ тѣхъ явленій, которыя впослѣдствіи въ исторіи интересующаго насъ вопроса становятся типичными. Такой именно типичной, характерной чертой и является, между прочимъ, уклоненіе университетской юридической науки отъ свойственной ей спеціальной области изслѣдованія, а университетскаго преподаванія права—отъ непосредственныхъ и вполнѣ основательныхъ цѣлей его изученія громаднымъ большинствомъ „будущихъ юристовъ“, т. е. именно то явленіе, которое по большей части обозначается слишкомъ широкимъ

и ничего не говорящимъ названіемъ „разладъ между теоріей или между наукой и практикой“.

Если продолжать наши поиски именно подъ указаннымъ угломъ зрѣнія, т. е. отмѣчать главнымъ образомъ такія черты и такія особенности въ нѣмецкой академической юриспруденціи, которыя въ разсматриваемую нами историческую эпоху только еще начинаютъ складываться и опредѣляться, то нельзя оставить безъ вниманія и ту общую почву, къ которой, начиная съ XVI вѣка, остается какъ бы навсегда прикрѣпленной сначала вся нѣмецкая юриспруденція, а затѣмъ по преимуществу центральный и важнѣйшій предметъ преподаванія на юридическихъ факультетахъ—наука гражданскаго права. Эта почва для нѣмецкой юридической науки вообще есть римское право, а для университетскаго преподаванія права—„институціи и пандекты“.

Высокое совершенство римскаго права, конечно, не подлежитъ сомнѣнію, равно какъ и важное значеніе его рецепціи въ Германіи. Но впослѣдствіи, когда отлитые въ неподвижныя формы институты римскаго права, какъ институты минувшей культурной эпохи, перестаютъ отвѣчать всѣмъ потребностямъ развивающагося или только измѣняющагося согласно съ новыми условіями жизни гражданскаго оборота, тогда исключительная приверженность университетской „присяжной цивилистики“ къ римскому праву становится уже прямою односторонностью, а пренебреженіе изученіемъ національнаго права, и притомъ не въ сѣдомъ прошедшемъ „германистическихъ элементовъ“, а въ юридической дѣйствительности,—однимъ изъ существенныхъ недостатковъ университетскаго преподаванія права. Отъ этого недостатка, какъ и отъ многихъ другихъ, нѣмецкіе юридическіе факультеты въ постановкѣ и практикѣ преподаванія освободились только въ самое послѣднее время; такое освобожденіе въ принципѣ началось съ 70-хъ годовъ прошлаго столѣтія, а на практикѣ произошло и завершается лишь въ наши дни, какъ одно изъ ближайшихъ послѣдствій широкаго развитія національнаго, общеимперскаго законодательства.

Къ этому вопросу намъ еще предстоитъ обратиться впо-

слѣдствіи, такъ какъ наша непосредственная задача заключается въ характеристикѣ цѣлей и задачъ современнаго университетскаго преподаванія права въ Германіи. Характеристика эта, намѣченная уже нами въ общихъ чертахъ, по существу должна заключать въ себѣ почти одни лишь положительные признаки, что̀ вполнѣ понятно, такъ какъ современное положеніе основано прежде всего на сознательномъ и систематическомъ устраненіи прежнихъ недостатковъ. Настоящій краткій историческій очеркъ уже далъ намъ возможность достаточно опредѣленно указать на самые серьезные изъ этихъ недостатковъ въ ихъ общемъ типическомъ обличіи, если можно такъ выразиться. Поэтому въ дальнѣйшемъ изложеніи мы можемъ идти уже нѣсколько инымъ и болѣе быстрымъ путемъ. Опуская, по возможности, всякія указанія на исторію права въ Германіи и оставляя въ сторонѣ исторію нѣмецкой юридической науки, какъ таковой, мы ограничимся лишь ссылками на рядъ компетентныхъ и достовѣрныхъ свидѣтельствъ, подтверждающихъ присутствіе все тѣхъ же недостатковъ въ университетскомъ преподаваніи права вплоть до новѣйшаго времени. Это—тотъ minimum, который мы должны избрать, чтобы не удлинять чрезмѣрно этой части изложенія и, въ то же время, чтобы не утратить всякую связь между прошлымъ и современностью. Едва ли представляется необходимымъ напоминать, что при этомъ вовсе не имѣется въ виду сгущать и собирать темныя краски для того, чтобы, такъ сказать, сплошь и подъ-рядъ чернить университетское преподаваніе права въ Германіи на всемъ протяженіи его послѣдующей исторіи. Если мы вынуждены останавливаться подробнѣе именно на недостаткахъ, то независимо отъ общаго плана изслѣдованія руководствуемся при этомъ тѣмъ предположеніемъ, что, указывая на отрицательныя стороны, тѣмъ самымъ можно заранѣе намѣтить и обратныя имъ положительныя качества; относясь критически къ тому, что̀ было и что̀ есть, можно уяснить себѣ, что̀ должно быть, что̀ слѣдуетъ считать желательнымъ и цѣлесообразнымъ.

Но прежде, чѣмъ перейти къ предстоящему намъ собиранію свидѣтельствъ, относящихся къ дальнѣйшей исторіи

вопроса, гдѣ мы будемъ имѣть возможность касаться исключительно лишь темныхъ сторонъ и должны будемъ представить довольно безотрадную общую картину, остановимся на одномъ исключительно свѣтломъ эпизодѣ, если такъ можно выразиться, на такомъ эпизодѣ, который является, быть можетъ, наилучшей иллюстраціей ко всему предыдущему и въ то же время позволяетъ далеко заглянуть впередъ въ общій смыслъ того, о чемъ еще придется вести рѣчь впослѣдствіи.

Среди образованнѣйшихъ и убѣжденныхъ гуманистовъ, современниковъ реформаціоннаго движенія, видное мѣсто должно быть отведено замѣчательной личности *Ульриха Цазія* [1]) (1461—1536). Другъ Эразма Роттердамскаго [2]), человѣкъ обширнаго и всесторонняго образованія, гуманистъ по развитію и по образу мыслей, Ульрихъ Цазій въ то же время является въ Германіи для своей эпохи безспорно одннимъ изъ наиболѣе выдающихся представителей науки права и притомъ не только ученымъ изслѣдователемъ, но и го-

---

[1]) Подробныя біографическія данныя, оцѣнку общественной и литературной дѣятельности Цазія, характеристику его отношеній къ гуманизму и къ реформаціи можно найти въ указанной выше монографіи: Stinzing, Ulrich Zasius, Ein Beitrag zur Geschichte der Rechtswissenschaft in Zeitalter der Reformation, Basel 1857.

[2]) Цазій и „Великій Эразмъ" долгое время находились въ перепискѣ, прежде чѣмъ имъ удалось встрѣтиться. Въ первомъ письмѣ послѣ того Эразмъ говоритъ Цазію: „Наша встрѣча настолько возвысила мое мнѣніе о тебѣ, что мнѣ кажется, что я до сего времени не цѣнилъ тебя по твоимъ высокимъ достоинствамъ. *Я ожидалъ встрѣтить только юриста*, правда превосходнаго и замѣчательнаго, но все-же только юриста. Между тѣмъ развѣ есть что-либо въ сокровенныхъ тайнахъ и ученіяхъ теологіи, чего бы ты уже не изслѣдовалъ или надъ чѣмъ бы ты не размышлялъ? Въ какой области философіи ты не какъ у себя дома? Есть ли какое-либо сочиненіе изъ старыхъ или изъ новыхъ, которое ты не прочелъ, не проникнулъ своею мыслью и не сдѣлалъ своимъ духовнымъ достояніемъ? Твое краснорѣчіе было мнѣ уже знакомо по твоимъ письмамъ, но я никакъ не ожидалъ найти такого полнаго и богатаго потока рѣчи, который всегда въ твоемъ распоряженіи. Какъ ясны, какъ удачны и какъ блестящи всегда твои обороты рѣчи и притомъ какъ они всегда просты и естественны!" Объ отношеніяхъ Цазія къ Эразму см. Stinzing. Ulrich Zasius. S. 172 ff; S. 288 ff.

рячо преданнымъ своему дѣлу преподавателемъ, профессоромъ-юристомъ, „учителемъ права“, не по должности только, но по призванію, съ глубокимъ пониманіемъ духа истинной научности и съ не менѣе яснымъ сознаніемъ цѣлей и задачъ университетскаго преподаванія права.

Цазій выступилъ въ качествѣ университетскаго преподавателя, когда ему уже было за сорокъ лѣтъ, а каѳедру римскаго права (Lectura ordinaria legum) онъ получилъ лишь въ 1506 г. Молодые годы Цазія, послѣ университета, прошли въ практической дѣятельности должностнаго юриста. Занимая, напримѣръ, постъ правителя епископской канцеляріи въ своемъ родномъ городѣ Констанцѣ или поступивъ затѣмъ на видную должность „Stadtschreiber“ [1]) по приглашенію магистрата города Фрейбурга, Цазій имѣлъ возможность основательно познакомиться съ юридической жизнью и практикой и составить себѣ ясное представленіе не о книжномъ только величіи юриспруденціи, но прежде всего о значеніи и назначеніи самого права, какъ одного изъ элементовъ культуры и необходимыхъ условій общественной жизни. Все это, конечно, не могло не отразиться впослѣдствіи и на учебной дѣятельности Цазія; повидимому, онъ никогда не уклонялся въ область одной лишь сухой теоріи и не упускалъ изъ вида ни уровня пониманія, ни существенныхъ запросовъ аудиторіи.

Въ Фрейбургѣ Цазій скоро тѣсно сблизился съ кружками гуманистовъ и поддерживалъ постоянныя сношенія съ передовыми людьми того умственнаго движенія, центромъ котораго къ тому времени сдѣлались средне-рейнскія провинціи и въ особенности города Базель и Фрейбургъ [2]). Насколько сильно было увлеченіе Цазія классическими знаніями, можно

---

[1]) Должность „градскаго писаря“, по условіямъ времени, была одной изъ наиболѣе почетныхъ и вліятельныхъ, такъ какъ въ рукахъ этого законоискуснаго совѣтника магистрата фактически сосредоточивались всѣ нити городскихъ дѣлъ.

[2]) Stinzing. Geschichte der Rechtswissenschaft, S. 159. Въ Базелѣ подолгу живалъ Эразмъ Роттердамскій.

судить по тому, что въ 1496 г. Цазій оставляетъ городскую службу и самъ становится во главѣ латинской школы.

Въ этомъ, между прочимъ, можно видѣть также свидѣтельство, что педагогическая дѣятельность вмѣстѣ съ наукой была его истиннымъ призваніемъ. Однако несомнѣнно не латинскій языкъ и не классическія древности составляли ту область, къ которой предназначали Цазія его склонности и способности. Въ 1499 г. Цазій снова вернулся къ юриспруденціи. Онъ поступилъ студентомъ въ мѣстный Фрейбургскій университетъ и почти вслѣдъ за этимъ пріобрѣлъ не только licentiam, но и званіе Doctor legum. Вскорѣ началась и его собственная университетская преподавательская дѣятельность.

Въ качествѣ ordinarius legum (т. е. въ качествѣ профессора римскаго и гражданскаго права, примѣнительно къ нашимъ понятіямъ), Цазій долженъ былъ занять вполнѣ опредѣленное положеніе въ отношеніи къ традиціонной академической юриспруденціи и какъ ученый, и какъ учитель. Мы коснемся главнымъ образомъ только этой послѣдней стороны его дѣятельности; впрочемъ эта дѣятельность сама по себѣ настолько характерна, что можетъ дать опредѣленное представленіе и объ ученой индивидуальности Цазія.

„Цазій“,—говоритъ его біографъ [1]),—„смотрѣлъ на науку яснымъ взоромъ, безъ всякаго предвзятаго мнѣнія, но въ полномъ сознаніи своихъ способностей и въ твердой рѣшимости посвятить всѣ свои силы ея преобразованію“. Извѣстно, что Цазій въ своей области самъ иногда сравнивалъ себя съ Лютеромъ; настолько онъ былъ убѣжденъ въ необходимости реформы изученія и преподаванія права и такъ горячо желалъ послужить и словомъ, и дѣломъ осуществленію этой реформы.

Причины печальнаго состоянія юриспруденціи усмотрѣть было не трудно. Корень зла заключался, разумѣется, не въ самомъ римскомъ правѣ, какъ таковомъ. Независимо отъ самаго факта рецепціи, Цазій не могъ протестовать противъ римскаго права уже потому, что вѣдь и оно было заимство-

---

[1]) Stinzing. Ulrich Zasius S. 100.

вано изъ тѣхъ же культурныхъ богатствъ античнаго міра, откуда и самъ онъ вмѣстѣ съ гуманистами черпалъ свое вдохновеніе и общее образованіе. Но Цазій, болѣе, чѣмъ кто-либо изъ современниковъ, имѣлъ возможность прійти къ убѣжденію, что обычное образованіе будущихъ юристовъ „никуда не годилось“ (taugte nicht), такъ какъ студентовъ „заставляли погружать свой умъ въ глубину искусственныхъ и натянутыхъ (spitzfindig) контроверзъ, вмѣсто того, чтобы развивать у нихъ способность сужденія путемъ изученія источниковъ (т. е. самого положительнаго права), вмѣсто того, чтобы сообщать имъ то, что̀ можетъ быть пригодно для жизни, для общественнаго строя и дѣйствительныхъ условій правоваго порядка въ Германіи“ [1]).

Нѣсколько выдержекъ изъ сочиненій самого Цазія могутъ служить лучшимъ доказательствомъ, что борьба противъ подобныхъ недостатковъ въ университетскомъ преподаваніи права была его завѣтнымъ дѣломъ [2]).

„Какъ цѣлесообразно, какъ необходимо было бы въ настоящее время урѣзать всѣ тѣ безконечные комментаріи, которые, какъ ясно всякому здравомыслящему человѣку, по истинѣ заключаютъ въ себѣ болѣе тьмы, чѣмъ свѣта. Воспринимая на себя тяжелое бремя всякихъ спорныхъ вопросовъ и контроверзъ, они представляютъ собою лишь показную ученость вмѣсто настоящей науки. Необъятный хаосъ такого рода юриспруденціи только способствуетъ процвѣтанію адвокатскихъ уловокъ и крючкотворства. А такъ какъ всякій писатель присоединяетъ ко всему еще и свои собственныя измышленія, то онъ неизбѣжно играетъ въ руку всѣмъ, кому знакомо искусство извращенія права. Отрава проникаетъ и въ суды; судья становится предметомъ издѣвательства, а государство теряетъ свой покой“ (т. е. твердость и опредѣленность правосудія).

Цазій рѣшительно возставалъ противъ неразумнаго пре-

---

[1]) Stinzing. Тамъ же S. 101.

[2]) Цитаты приводятся на основаніи указаній Штинцинга изъ Схоліи къ Pompon. de Orig. Jur. (D. 1. 2); § 5, p. 12; § 47, p. 67; p. 68, 69.

клоненія передъ авторитетами и передъ юриспруденціей, основанной на сопоставленіи возможно большаго числа чужихъ „ученыхъ мнѣній“.

„Только тѣ представляются мнѣ истинными истолкователями права, кто прежде всего прилагаютъ старанія объяснить самые источники и кто изъ глоссы и изъ ученыхъ комментаріевъ ясно и просто излагаютъ только то, что̀ дѣйствительно пригодно и правильно. Такимъ образомъ и этимъ путемъ пониманіе права обусловливается не вихремъ чужихъ ученыхъ мнѣній (opinionum procellae), а достигается правильнымъ изложеніемъ того, что̀ заключаетъ въ себѣ существо дѣла (истину) и наиболѣе отвѣчаетъ обстоятельствамъ въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ“...

Не менѣе энергично Цазій протестовалъ и противъ рабскаго слѣдованія рутинѣ и традиціи, противъ преувеличеннаго подчиненія такъ называемой communis opinio. Цазій не одобрялъ нововведеній во всемъ и во что бы то ни стало, но еще менѣе, по его словамъ [1]), заслуживаютъ одобренія многословныя разглагольствованія тѣхъ, кто только и дѣлаетъ, что до отвращенія занимается пересказомъ чужихъ мыслей, кто ведетъ совершенно безплодные споры и наполняетъ страницы своихъ произведеній (и, вѣроятно, часы своихъ лекцій!) показными научными quaestiones и ихъ яко-бы научнымъ обсужденіемъ.... Тамъ, гдѣ это дѣйствительно необходимо, слѣдуетъ не останавливаться передъ нововведеніями и не склоняться покорно передъ „общимъ мнѣніемъ“, которое иногда только тѣмъ и держится, что ученые привыкли слѣдовать другъ за другомъ и не имѣютъ охоты,—или попросту (zu träge seien) имъ лѣнь—самимъ приняться за изслѣдованіе. Но всякій, кто обладаетъ здравымъ смысломъ и хочетъ быть честнымъ и добросовѣстнымъ, тотъ долженъ, по мнѣнію Цазія, уразумѣть сомнительное достоинство подобнаго рода communis opinio!...

Итакъ тщательное изученіе самого права,—вотъ въ чемъ, по убѣжденію Цазія, первая задача университетской юридической науки и университетскаго юридическаго образованія.

---

[1]) Stinzing, S. 103.

Истолкователи права должны сообщать и передавать студентамъ такія свѣдѣнія, которыя основаны на первоисточникахъ положительнаго права и пригодны къ примѣненію въ жизни и практикѣ, но не потому, что они представляютъ собою хаосъ чужихъ мнѣній или наоборотъ собраніе практическихъ совѣтовъ и процессуальныхъ уловокъ, а въ силу того, что они являются дѣйствительнымъ выраженіемъ юридической сущности извѣстнаго отношенія или яснымъ толкованіемъ извѣстной юридической нормы.

Развѣ такое отношеніе къ дѣлу не отвѣчаетъ вполнѣ и достоинству науки, и цѣлямъ преподаванія?

Правда, Цазія нельзя считать въ числѣ послѣдователей или, лучше сказать, зачинателей на германской почвѣ того систематизирующаго направленія, которое уже имѣло видныхъ представителей во французской юриспруденціи. Но едва ли это можно поставить въ упрекъ Цазію или объяснить отсутствіемъ проницательности или способности возвыситься до синтеза. Цазій считалъ главнымъ призваніемъ своей профессорской дѣятельности—сдѣлать все, чтобы поставить на должную высоту изученіе источниковъ, т. е. чистое римское право; путь экзегезы и казался ему для этой цѣли наиболѣе правильнымъ, такъ какъ онъ не рѣшался подчинить римское право какой-либо собственной новоизобрѣтенной системѣ. Однако Цазій былъ далекъ отъ мысли отрицать возможность и полезность обобщеній въ наукѣ права, т. е. приведенія юридическихъ понятій къ извѣстнымъ общимъ началамъ. Онъ только въ чисто педагогическихъ видахъ настаивалъ на необходимости основательнаго преподаванія и усвоенія студентами самаго положительнаго права. По этому вопросу сохранилась переписка Цазія съ его учениками (Fichard) и съ учеными гуманистами (Simon Grymaeus, 1493—1541, другъ Меланхтона, профессоръ въ Гейдельбергѣ и Базелѣ). Если не всѣ раздѣляли приверженность Цазія къ экзегезѣ, какъ методу преподаванія, то никто не оспаривалъ его мнѣнія, что именно для изученія права студентами необходимо дать имъ прежде всего извѣстныя положительныя знанія, прежде, чѣмъ приступать къ чисто научнымъ вопросамъ теоріи права;

обратный путь, признавалось, ведетъ къ заблужденіямъ [1]). Цазій вовсе не былъ педантомъ въ своемъ стремленіи преподавать право по источникамъ. Въ его лекціяхъ (напр., Intellectus juris Singularis) встрѣчаются обширные теоретическіе экскурсы; но чего онъ, повидимому, всегда старался избѣгать съ удивительнымъ педагогическимъ тактомъ,—это безпочвенныхъ, апріорныхъ построеній, игры словами и чужими мнѣніями [2]).

Будучи, такимъ образомъ, дѣйствительнымъ реформаторомъ изученія и преподаванія права, поскольку эта реформа могла проявиться въ его личной ученой и учебной дѣятельности, Цазій, при всей своей приверженности къ римскому праву, столь понятной въ гуманистѣ, былъ, однако, далекъ отъ того, чтобы видѣть въ римскомъ правѣ единственно мыслимое и допустимое право для примѣненія въ жизни. Германское національное jus incertum, какъ оно ни должно было представляться ученому романисту несовершеннымъ и неустойчивымъ, не встрѣчаетъ со стороны Цазія никакого принципіальнаго отрицательнаго отношенія. Въ своихъ сочиненіяхъ Цазій охотно ссылается на національное нѣмецкое обычное право и нерѣдко сопровождаетъ изложеніе институтовъ римскаго права сравненіемъ съ аналогичными явленіями германскаго гражданскаго оборота или судебной практики; если только юридическій обычай или статутъ германскаго происхожденія представлялся ему безусловно доказаннымъ и разумнымъ, т. е. цѣлесообразнымъ, то Цазій не задумывался отдать предпочтеніе національной нормѣ передъ классической—римской. Наоборотъ тамъ, гдѣ національное право является неустойчивымъ или представляетъ существенные пробѣлы, должно отдавать преимущество римскому праву; изъ римскаго права

[1]) Интересно по этому вопросу сопоставить взгляды Цазія съ мнѣніемъ современнаго извѣстнаго нѣмецкаго ученаго и также профессора римскаго и гражданскаго права—Рудольфа Штаммлера. См. Rudolf Stammler, Die Behandlung des römischen Rechts in dem juristischen Studium nach Einführung des Deutschen Reichs-Civilgesetzbuches, Rede, 1885. S. 16, 17.

[2]) Обо всемъ этомъ подробно Stinzing, S. 108—145, гдѣ дается характеристика метода Цазія и приводится образецъ его изслѣдованій.

слѣдуетъ затѣмъ почерпать совершенную юридическую технику, а также и тѣ общіе юридическіе принципы, которые полнѣе и яснѣе находятъ себѣ выраженіе въ правѣ, болѣе развитомъ и представляющемъ собою извѣстное единство, какъ созданіе одного народа, обладавшаго исключительнымъ юридическимъ тактомъ [1]). Наконецъ не слѣдуетъ упускать изъ вида, что свою преподавательскую задачу, въ качествѣ представителя каѳедры „Lectura ordinaria legum", Цазій съ особенной настойчивостью опредѣлялъ именно въ томъ смыслѣ, что ставилъ себѣ правиломъ излагать слушателямъ изъ римскаго права лишь то, что можетъ способствовать ихъ дѣйствительному юридическому образованію—быть „utile" въ широкомъ значеніи этого слова; Цазій видѣлъ призваніе профессора-юриста, хотя бы его спеціальность „составляли римскія leges, не въ преподаваніи классическихъ древностей или въ занятіяхъ со студентами антикварной латинской филологіей, а въ изложеніе того, что отвѣчаетъ правамъ и обычаямъ времени и условіямъ жизни въ его отечествѣ". Заслуга Цазія именно въ этомъ направленіи представляется тѣмъ болѣе очевидной, что вѣдь вообще рецепція римскаго права въ Германіи въ его время уже была въ извѣстномъ смыслѣ совершившимся фактомъ, а латинскій языкъ источниковъ представлялъ для гуманиста не мало искушеній для совершеннаго уклоненія въ область постороннихъ правовѣдѣнію вопросовъ и интересовъ.

Если попробовать—даже только на основаніи тѣхъ краткихъ указаній, которыя мы могли дать въ настоящемъ очеркѣ,—подвести общій итогъ тому, какъ опредѣляется съ самыхъ различныхъ сторонъ дѣятельность Цазія, главнымъ образомъ, какъ профессора-юриста, какъ ученаго руководителя молодыхъ поколѣній будущихъ юристовъ, то нельзя не признать, что Цазій оставилъ драгоцѣнный завѣтъ и достойный примѣръ для подражанія своимъ преемникамъ въ дѣлѣ университетскаго преподаванія права. Удивительно ли поэтому, что

---

[1]) См. подробности Stinzing. S. 145—162, гдѣ приводятся интересные примѣры изъ сочиненій Цазія.

его слушатели и ученики готовы были боготворить своего учителя [1])?

Что же касается преемниковъ Цазія, то на всемъ протяженіи слѣдующихъ четырехъ вѣковъ въ жизни германскихъ юридическихъ факультетовъ, быть можетъ, не одинъ изъ нѣмецкихъ академическихъ преподавателей права могъ бы найти у Цазія отвѣтъ на вопросъ, почему его наиученнѣйшія лекціи не представляютъ никакого интереса для слушателей и ничего не даютъ большинству будущихъ юристовъ.

Мы видѣли, противъ какихъ коренныхъ недостатковъ въ университетскомъ преподаваніи права съ неутомимой энергіей и словомъ, и дѣломъ боролся Цазій. О томъ, что было въ началѣ XVI вѣка, можно, конечно, говорить sine ira et odio!

Но не знаменательно ли, что и въ наши дни, т. е. въ концѣ минувшаго XIX вѣка, и внутренняя, и внѣшняя реформа преподаванія права на германскихъ юридическихъ факультетахъ началась также съ протестовъ противъ совершенно аналогичныхъ недостатковъ въ традиціонной системѣ и

---

[1]) Вотъ, напримѣръ, отзывы учениковъ Цазія. „Я слушалъ его уже тогда, когда ему было подъ семьдесятъ лѣтъ. Года, конечно, брали свое, и рѣчь его становилась менѣе внятной. Но все-же на своихъ лекціяхъ онъ былъ такъ исполненъ бодрости и свѣжести духа, и все, что онъ говорилъ, было такъ живо и жизненно (lebendig), что я поистинѣ не слыхалъ нигдѣ—ни въ Италіи, ни въ Германіи—другаго профессора, который превзошелъ бы его въ этомъ отношеніи“ (Fichard).

„Развѣ не казался всѣмъ намъ нашъ Цазій какъ бы ангеломъ, когда мы встрѣчали его въ аудиторіи или провожали домой?—Конечно не по внѣшности, ибо лѣта положили на него свою печать,—но по духу, который все еще былъ великъ ученостью и притомъ исполненъ жизни и энергіи . . . . А какъ онъ насъ любилъ—больше, чѣмъ отецъ сына! Вѣдь ради насъ онъ, невзирая на глубокую старость, не отступалъ передъ тѣмъ тяжелымъ бременемъ, какимъ для него должны были стать лекціи. Ничто его такъ не радовало, какъ многолюдная аудиторія; онъ думалъ о своихъ слушателяхъ, когда ему предстояло уже переселиться въ иной міръ“. Авторъ упоминаетъ затѣмъ, что Цазія не стало... „Но какъ часто я и теперь говорю себѣ: пора идти на лекцію Цазія, внимать ему, упиваться его ученіями... Или: тебя мучаетъ сомнѣніе, такъ пойди скорѣй къ Цазію, попроси у него совѣта! Или: сегодня праздникъ, воскресенье,—пойдемъ скорѣе,—намъ надо проводить Цазія въ церковь и сопутствовать ему на обратномъ пути. (Christoph von Hohenburg).

См. Stinzing, S. 287 ff.

практической постановкѣ занятій со студентами-юристами? И развѣ современное въ высокой степени удовлетворительное положеніе университетскаго преподаванія права въ Германіи не обусловлено самымъ очевиднымъ образомъ сознательнымъ освобожденіемъ отъ подобныхъ недостатковъ и возвращеніемъ, по существу дѣла, именно къ завѣтамъ Ульриха Цазія?

Между дѣятельностью Ульриха Цазія, въ качествѣ профессора Фрейбургскаго университета, въ началѣ XVI вѣка и тѣмъ временемъ, когда вообще въ жизни и дѣятельности юридическихъ факультетовъ въ Германіи начинается какъ бы совершенно новая эра, лежитъ періодъ болѣе, чѣмъ въ три съ половиною столѣтія.

Ходъ и развитіе политической жизни въ Германіи за это время богаты событіями; въ этой области историкъ располагаетъ обильнымъ и въ высшей степени интереснымъ матеріаломъ для повѣствованія. Еще богаче и увлекательнѣе данныя изъ области исторіи культуры вообще, изъ исторіи духовной жизни, философской мысли, наконецъ—изъ исторіи развитія любой изъ спеціальныхъ отраслей научнаго знанія, не исключая и наукъ юридическихъ, вмѣстѣ съ явленіемъ сравнительно недавняго времени—научнымъ обществовѣдѣніемъ. Но ни одной изъ этихъ сторонъ мы не имѣемъ въ виду касаться въ настоящемъ очеркѣ. Нашъ кругъ изслѣдованія съ самаго начала былъ заключенъ въ рамки *спеціальнаго вопроса объ университетскомъ преподаваніи права*, и къ тому же мы разсматриваемъ исторію этого преподаванія прежде всего съ точки зрѣнія *цѣлесообразности*. Мы сдѣлали допущеніе, что по крайней мѣрѣ половина студентовъ-юристовъ ищетъ и надѣется получить въ университетѣ основательное юридическое образованіе, какъ необходимую и цѣлесообразную подготовку къ предстоящей дѣятельности въ качествѣ судей, адвокатовъ, чиновниковъ административнаго вѣдомства и т. п., однимъ словомъ, въ качествѣ юристовъ въ жизни и практикѣ, а не только въ кабинетѣ ученаго, въ архивахъ и библіотекахъ. Долженъ ли университетъ, т. е.

юридическіе факультеты, и въ этомъ отношеніи оправдывать ожиданія студентовъ, т. е. должно ли, напримѣръ, университетское изученіе права давать, между прочимъ, также и основательное знаніе системы дѣйствующаго права вмѣстѣ съ яснымъ пониманіемъ руководящихъ принциповъ для его примѣненія? Входитъ ли въ число задачъ юридическихъ факультетовъ также и забота о развитіи у будущихъ юристовъ „способности къ юридическому мышленію", „навыка въ распознаніи юридической природы явленій и отношеній существующаго правового порядка" и т. п... Всѣ такого рода вопросы, если угодно, можно оставить открытыми или же, напротивъ, предполагать рѣшенными такъ или иначе въ принципѣ, а для нѣмецкихъ университетовъ, въ настоящее время по крайней мѣрѣ,—рѣшенными и на практикѣ въ самомъ положительномъ смыслѣ. Нашему разсмотрѣнію вопросы о цѣляхъ и задачахъ университетскаго преподаванія права въ Германіи подлежатъ пока исключительно на почвѣ фактовъ минувшаго, и мы должны ограничиться лишь общими указаніями на то, поскольку университетское преподаваніе права могло до самаго послѣдняго времени считаться цѣлесообразнымъ съ намѣченной точки зрѣнія.

Мы уже имѣли случай обратить вниманіе на то, что именно съ этой точки зрѣнія получается безусловно неблагопріятное общее впечатлѣніе. Равнымъ образомъ были указаны въ общихъ чертахъ тѣ типичные недостатки, которые долгое время были присущи постановкѣ и практикѣ университетскаго преподаванія права въ Германіи. Но какъ согласить подобные недостатки и отсутствіе прогресса въ одномъ какомъ-либо отношеніи съ несомнѣнными успѣхами нѣмецкой науки вообще, а политической мысли и научнаго правовѣдѣнія въ частности?

Упадокъ или хотя бы только отсутствіе прогресса въ университетскомъ преподаваніи при несомнѣнныхъ успѣхахъ университетской науки—такое сопоставленіе на первый взглядъ можетъ показаться парадоксальнымъ и, разумѣется, примѣнительно къ правовѣдѣнію ничуть не менѣе, чѣмъ ко всякой иной области знанія. Однако кажущееся противорѣчіе въ

дѣйствительности вовсе не представляется такимъ неразрѣшимымъ. Успѣхи науки права историкъ отмѣчаетъ, если можно такъ выразиться, по тѣмъ высотамъ и вершинамъ, которыми являются въ извѣстную эпоху сочиненія и ученія выдающихся мыслителей и изслѣдователей. Но совершенно произвольно было бы дѣлать заключеніе, что и общій уровень научнаго знанія, а тѣмъ болѣе университетскаго преподаванія на всѣхъ юридическихъ факультетахъ долженъ стоять на той же высотѣ. Если даже вокругъ извѣстнаго ученаго образуется особая школа, если его идеи дадутъ исходный пунктъ для цѣлаго направленія или теченія въ наукѣ, то и въ такомъ случаѣ, даже при несомнѣнномъ общемъ движеніи впередъ, показатели этого движенія историку приходится обыкновенно отмѣчать сравнительно уже нѣсколько ниже, а вліяніе на постановку и практику преподаванія можетъ быть иногда вовсе не въ смыслѣ устраненія односторонности или установленія большей цѣлесообразности. Въ самомъ дѣлѣ, задачи и интересы научнаго изслѣдованія, конечно, далеко не всегда могутъ достаточно близко соприкасаться съ учебными, практическими цѣлями преподаванія. Затѣмъ въ самой постановкѣ и практикѣ университетскаго преподаванія права могутъ иногда встрѣчаться такія особенности, которыя ведутъ какое-то роковое фактическое существованіе и въ одинаковой мѣрѣ находятся въ противорѣчіи какъ съ научнымъ, такъ и съ учебнымъ призваніемъ юридическихъ факультетовъ!

Несомнѣнно, что область науки права и всѣхъ тѣхъ отраслей знанія, съ которыми она близко соприкасается, нуждаясь въ ихъ содѣйствіи,—гораздо шире, чѣмъ область, такъ сказать, прикладнаго, практическаго правовѣдѣнія, хотя бы это послѣднее и было основано на научномъ изученіи системы дѣйствующаго права и руководствовалось научными принципами для толкованія и примѣненія положительныхъ правоопредѣленій. Сводить задачу юридической науки и университетскаго юридическаго образованія только къ изученію того, что̀ требуется для удовлетворительной общей подготовки будущаго практическаго юриста—это, разумѣется, совершенно нелѣпо и немыслимо! Но именно потому и приходится дѣлать

вполнѣ опредѣленное *различіе между юридической наукой, какъ таковой*, какъ самодовлѣющей, если можно такъ выразиться, отраслью мышленія и познанія,—съ одной стороны, *и систематической научной подготовкой къ дѣятельности будущаго юриста*, если эта подготовка—въ извѣстныхъ предѣлахъ—также ввѣряется и поручается университетамъ. Это различіе, какъ уже не разъ было замѣчено, вовсе не заключается въ излюбленной, шаблонной антитезѣ „научности" и „практичности", а только предъявляетъ научному университетскому преподаванію извѣстныя положительныя требованія относительно предметнаго содержанія курсовъ и вводитъ въ число задачъ и цѣлей учебной дѣятельности юридическихъ факультетовъ такіе элементы, которые должны обезпечить студентамъ возможность достигнуть путемъ нормальныхъ университетскихъ занятій извѣстныхъ положительныхъ результатовъ соотвѣтственно съ существенными и неустранимыми интересами изученія права большинствомъ будущихъ юристовъ.

Для того, чтобы установилась относительная гармонія и положеніе университетскаго преподаванія и изученія права могло считаться близкимъ къ желательной нормѣ, необходимъ цѣлый рядъ благопріятныхъ условій.

Если оставить въ сторонѣ тѣ элементы, которые существенны для здоровой жизни и дѣятельности университетовъ вообще [1]), и говорить только о томъ, что̀ можетъ и должно быть предметомъ университетскаго преподаванія права, то среди такихъ условій придется назвать, съ одной стороны, высокое состояніе научнаго правовѣдѣнія во всѣхъ тѣхъ отрасляхъ, которыя составляютъ предметъ изученія въ курсахъ юридическихъ факультетовъ и должны дать будущему юристу общее юридическое образованіе, а съ другой—наличность достаточно опредѣленныхъ и систематизированныхъ источниковъ положительнаго права, какъ необходимую и существенную основу для спеціальной подготовки знающихъ право родной страны „слугъ государства и общества".

Оба эти условія, говоря вообще, приходится видѣть въ

---

[1]) См. мою статью въ „Вѣстникѣ Европы" 1901, № 12, стр. 469 и слѣд.

достаточной мѣрѣ совмѣстно осуществившимися для германскихъ юридическихъ факультетовъ именно въ послѣднее время. Этимъ и объясняется, что въ общихъ выводахъ можно относительно постановки и практики университетскаго преподаванія права въ Германіи въ настоящее время говорить объ одинаковомъ признаніи ученыхъ и учебныхъ задачъ и о цѣлесообразномъ ихъ осуществленіи въ извѣстныхъ предѣлахъ и въ извѣстномъ взаимоотношеніи. Что же касается предшествующаго періода, т. е. по меньшей мѣрѣ трехъ столѣтій, въ исторіи университетскаго преподаванія права, то въ теченіе долгаго времени это преподаваніе, такъ сказать, неизбѣжнымъ образомъ было обречено на внутренній разладъ и нестроеніе. Юриспруденція сама по себѣ еще должна была стать дѣйствительной юридической наукой. Вполнѣ естественно, что отрѣшеніе отъ характера практическаго законовѣдѣнія должно было явиться одной изъ первыхъ стадій въ этомъ процессѣ, а пренебреженіе практическими цѣлями основательной подготовки будущихъ юристовъ—однимъ изъ неизбѣжныхъ слѣдствій въ дѣятельности университетскихъ представителей науки права. Такое положеніе дѣла становится тѣмъ болѣе понятнымъ, если припомнить, что въ нѣмецкой наукѣ права приходится между прочимъ наблюдать такія теченія и направленія, которыя во всякомъ случаѣ были всего менѣе благопріятны для успѣшнаго выполненія юридическими факультетами своихъ функцій въ качествѣ спеціальныхъ научно-учебныхъ установленій.

Научное значеніе историческаго изученія права въ Германіи, будетъ ли рѣчь о болѣе ранней эпохѣ—вслѣдъ за реформаціей и гуманистами,—или о такъ называемой исторической школѣ, а также, напримѣръ,—высокое культурное вліяніе идеализма представителей доктрины или школы естественнаго права (если можно говорить о такой „школѣ"), слишкомъ хорошо извѣстны, чтобы надо было напоминать и указывать, что вовсе не имѣется въ виду умалять или оспаривать ни то, ни другое. Но въ то же время едва ли можно отрицать, что университетское преподаваніе права, къ какому бы изъ двухъ упомянутыхъ направленій ни принадле-

жалъ ученый представитель каѳедры на юридическомъ факультетѣ, *могло* быть одинаково далеко отъ служенія цѣлямъ и задачамъ дѣйствительнаго систематическаго руководительства студентами въ пріобрѣтеніи существенно необходимыхъ большинству изъ нихъ положительныхъ свѣдѣній и т. п. Нерѣдко *могло* случаться, что студентъ выносилъ изъ аудиторіи только свѣдѣнія о правѣ, какимъ оно когда-то было, или ученія о томъ, каково право должно бы было быть по велѣніямъ вѣчнаго разума, естественной справедливости и т. п. Правда, въ числѣ предметовъ преподаванія видное мѣсто занимало по прежнему римское право съ его неизмѣнной положительностью источниковъ. Но именно на этой почвѣ всего легче могло сказаться вліяніе совершенно постороннихъ для цѣлей дѣйствительнаго изученія права элементовъ—односторонняго историзма антикварно-филологическаго интереса въ изслѣдованіяхъ романистовъ и т. п. Затѣмъ, какъ извѣстно, изложеніе римскаго права внѣшнимъ образомъ было заключено все въ тѣ же традиціонныя формы Институцій и Пандектъ, съ широкимъ полемъ всевозможныхъ контроверзъ и интерпретацій. Въ самой практикѣ преподаванія неизбѣжно должно было повторяться то явленіе, на которое по одному частному поводу такъ справедливо указываетъ Штинцингъ [1]), а именно,—что „всякій методъ, если онъ будетъ однообразно примѣняться въ теченіе долгаго времени при тѣхъ же самыхъ пособіяхъ (и источникахъ), постепенно обращается въ пустую, внѣшнюю виртуозность и утрачиваетъ способность давать какіе-либо положительные результаты“.

Можно оставить въ сторонѣ вопросъ, поскольку каждое изъ указанныхъ условій оказывало вліяніе на фактическое положеніе дѣла преподаванія права въ Германіи въ теченіе отдѣльныхъ десятилѣтій или цѣлаго ряда такихъ десятилѣтій. Намъ важно отмѣтить скорѣе лишь *общую тенденцію*. А эта тенденція оказывается настолько опредѣленной въ своемъ отрицательномъ воздѣйствіи на учебныя функціи нѣмецкихъ

---

[1]) Stinzing. Geschichte der deutschen Rechtswissenschaft, S. 103.

юридическихъ факультетовъ, что, напримѣръ, въ XVII вѣкѣ приходится слышать жалобы на тѣ же по существу недостатки въ постановкѣ и практикѣ университетскаго преподаванія права, которые уже сказывались въ концѣ XV вѣка, съ тою только разницею, что къ старымъ присоединяются, а отчасти замѣняютъ ихъ, еще и новые. То же самое, говоря вообще, оказывается справедливымъ относительно первой половины XIX вѣка по сравненію съ XVII столѣтіемъ.

Въ подтвержденіе такого обобщенія будетъ достаточнымъ взять для XVII вѣка хотя бы одно достовѣрное свидѣтельство. Такое именно свидѣтельство оставилъ не кто иной, какъ Лейбницъ въ своей „Methodus nova discendae docendaeque jurisprudentiae" [1]). Изложенныя подъ этимъ названіемъ соображенія Лейбница объ изученіи и преподаваніи права принадлежатъ къ числу его юношескихъ произведеній. Лейбницъ набросалъ свои мысли по этому вопросу „inter itineris" во время путешествія (1666 г.) въ Альтдорфъ для пріобрѣтенія тамъ докторской степени, такъ какъ въ Лейпцигѣ въ этомъ было отказано слишкомъ юному кандидату [2]). Однако „Nova Methodus" Лейбница заслуживаетъ серьезнаго вниманія, такъ какъ этотъ трактатъ является сужденіемъ уже закончившаго свое университетское образованіе и пользовавшагося уже почетнымъ признаніемъ юриста; онъ написанъ къ тому же въ такое время, когда Лейбницъ самъ еще имѣлъ въ виду дѣятельность ученаго юриста и разсчитывалъ получить профессуру на юридическомъ факультетѣ [3]). „Новый методъ изученія и преподаванія права" заключаетъ въ себѣ своего рода profession de foi Лейбница, намѣченное имъ для себя, какъ руководство въ будущей профессорской дѣятельности. Интересная книга заключаетъ въ себѣ рядъ положительныхъ предложеній и

---

[1]) . . . Cum subdito catalogo desideratorum jurisprudentiae. Появилось сперва безъ имени автора Francof 1668. Я пользовался позднѣйшимъ изданіемъ (Lipsiae et Halae MDCCXXXXVIII) Христіана Вольфа; въ своемъ предисловіи Вольфъ примѣняетъ къ автору „Nova Methodus" эпитетъ: „lumen et ornamentum totius Germaniae et orbis eruditi universi".

[2]) См. Ueberweg-Heinze, Geschichte der Philosophie, 1896, III. 1, 169.

[3]) См. Landsberg. Geschichte der deutshen Rechtswissenschaft; примѣчанія, S. 9.

постулатовъ научно-систематическаго свойства. Но еще болѣе интереса Nova Methodus представляетъ, какъ убѣжденный протестъ противъ существовавшаго порядка университетскаго преподаванія права.

Въ посвященіи архіепископу Майнцскому Іоанну-Филиппу Лейбницъ самъ указываетъ на полемическій характеръ и реформаторскія задачи своего Nova Methodus. Онъ предаетъ свои мысли гласности по настоятельнымъ убѣжденіямъ своихъ товарищей и сверстниковъ, съ которыми ему нерѣдко приходилось бесѣдовать о вопросахъ относительно наилучшихъ способовъ „discendae docendaeque jurisprudentiae“. Очевидно, среди наиболѣе способныхъ и развитыхъ студентовъ и молодыхъ юристовъ („praeclari quidem juvenes et supra vulgi genium erecti“) ясно сознавалась неудовлетворительность господствующихъ пріемовъ преподаванія права и несоотвѣтствіе всего университетскаго юридическаго образованія того времени съ потребностями изучающихъ право, съ интересами и запросами той legum cupida juventa, которая собиралась на юридическіе факультеты. . . . „Eorum odia timui“,—говоритъ Лейбницъ,—„qui quod vetustissimum, idem optimum esse putant“, и прибавляетъ иронически по адресу такихъ поклонниковъ рутины и приверженцевъ неподвижнаго коснѣнія въ старыхъ порядкахъ: „credo,—quia in vino experiuntur“. . . .

Тѣ основные пункты реформы, которую считаетъ необходимой Лейбницъ именно съ учебной, педагогической точки зрѣнія, т. е. не столько въ интересахъ самой академической юриспруденціи, сколько въ интересахъ изучающихъ право студентовъ-юристовъ, нельзя не признать въ высокой мѣрѣ заслуживающими вниманія [1]). Лейбницъ находитъ, что римское право, какъ догма или система, вполнѣ пригодно для занятій съ начинающими юристами, благодаря своему неоспоримому совершенству. Но въ то же время Лейбницъ безусловно протестуетъ противъ общепринятаго порядка преподаванія, гдѣ римское право предлагалось студентамъ только въ видѣ обширной и не приведенной ни въ научную, ни въ

---

[1]) См. Landsberg. S. 24 ff.

матеріальную систему юстиніановой компиляціи, уснащенной и украшенной къ тому же безконечными глоссами и комментаріями къ отдѣльнымъ текстамъ первоисточника. По мнѣнію Лейбница, слѣдовало совершенно пожертвовать легальной системой ради интересовъ преподаванія и составить два учебника. Первый долженъ быть элементарнымъ руководствомъ по римскому праву, напоминать по сжатости XII таблицъ и заключать въ себѣ лишь общія опредѣленія и основныя законоположенія въ стройной системѣ подчиненія частнаго общему по титуламъ и разрядамъ. Второй учебникъ долженъ представить собою „Novum Corpus juris", т. е. текстъ юстиніановыхъ законодательныхъ сборниковъ, но не въ легальномъ расположеніи, а въ совершенно новой системѣ—по институтамъ и по относительному значенію нормъ.

Извѣстно, что по порученію курфюрста Майнцскаго Лейбницъ приступилъ къ выполненію этой первой части своей программы въ сотрудничествѣ съ прикомандированнымъ къ нему въ качествѣ помощника опытнымъ юристомъ (H. A. Losser) изъ числа „совѣтниковъ". Nucleus legum—намѣченное элементарное руководство было вскорѣ закончено. Гораздо медленнѣе подвигались работы надъ вторымъ капитальнымъ руководствомъ; Novum Corpus juris такъ и осталось незаконченнымъ. Въ числѣ причинъ этой послѣдней неудачи обыкновенно [1]) указываютъ на недостатокъ устойчивости и энергіи въ работѣ, а также на неудовлетворительное состояніе науки римскаго права вообще. Но помимо всего этого слѣдуетъ имѣть въ виду, что научный интересъ Лейбница, какъ ученаго и мыслителя, скоро вышелъ далеко за предѣлы спеціальныхъ занятій по римскому праву, а его внѣшняя карьера, если можно такъ выразиться, сложилась такимъ образомъ, что вмѣсто профессуры на юридическомъ факультетѣ ему пришлось занять положеніе придворнаго философа и политика. Правда, въ этомъ качествѣ Лейбницъ удостоился, между прочимъ, получить чинъ и русскаго тайнаго совѣтника (1712 г.), но для университетскаго преподаванія права ока-

---

[1]) Напр., Landsberg, S. 26.

зались навсегда потерянными и его блестящія дарованія, и его ясное сознаніе необходимости коренныхъ реформъ въ постановкѣ и практикѣ занятій со студентами-юристами.

Пусть Nova Methodus Лейбница носитъ на себѣ всѣ признаки своего спѣшнаго написанія („ein aus dem Stegreif und auf der Reise aufgesetztes Traktätlein“ [1]), пусть здѣсь чувствуется извѣстная доля юношескаго задора и самоувѣренности, пусть наконецъ новѣйшая критика указываетъ на зависимость общей систематики Лейбница отъ Novum organon Бэкона и отмѣчаетъ несоотвѣтствіе нѣкоторыхъ положеній юношескаго произведенія съ взглядами болѣе зрѣлаго періода въ развитіи философа [2]). Значеніе „новой методы изученія и преподаванія права“ заключается прежде всего въ духѣ критики. Съ нашей спеціальной точки зрѣнія важно отмѣтить, что Лейбницъ, находясь еще подъ непосредственнымъ впечатлѣніемъ того, что̀ ему самому приходилось наблюдать за свои студенческіе годы, созналъ коренные недостатки традиціоннаго положенія вещей и, готовясь тогда еще къ учено-педагогическому поприщу, не только выступилъ съ ихъ порицаніемъ, но и самъ готовъ былъ потрудиться для осуществленія необходимой реформы.

Въ этомъ смыслѣ можно сказать, что Лейбницъ указалъ общій путь къ лучшему будущему въ университетскомъ преподаваніи права въ Германіи. Ему принадлежитъ та заслуга, что онъ *особенно ярко и выпукло подчеркнулъ педагогическую, учебную сторону вопроса*.

И несомнѣнно—въ современномъ преподаваніи права въ германскихъ университетахъ можно найти цѣлый рядъ такихъ положительныхъ особенностей, которыя вполнѣ отвѣчаютъ принципіальнымъ требованіямъ Лейбница. Лучшимъ доказательствомъ, если не входить въ подробности, можетъ служить, напримѣръ, хотя бы то, какъ характеризуетъ пред-

---

[1]) Отзывъ самого Лейбница въ письмѣ герцогу Іоанну Фридриху; цитировано между прочимъ у Stölzel, Schulung für die civilistische Praxis, 1894, § 19.

[2]) Ср. между прочимъ Landsberg, S. 24—26. См. также характеристику Nova Methodus съ научно-методологической стороны—П. И. Новгородцевъ. Историческая школа юристовъ, Москва 1896. Стр. 32 и слѣд.

ложенія Лейбница современный нѣмецкій юристъ профессоръ Штёльцель, въ передачѣ котораго реформаторскія идеи геніальнаго юноши получаютъ значеніе прямаго завѣта грядущимъ поколѣніямъ нѣмецкихъ профессоровъ-юристовъ [1]). „Краткій элементарный теоретическій курсъ, (по мысли Лейбница) долженъ, какъ можно скорѣе, сдѣлать начинающему доступнымъ изученіе источниковъ (т. е. нормъ положительнаго права). Затѣмъ студента, какъ можно скорѣе, надо пріучать къ самостоятельному мышленію по вопросамъ, касающимся частныхъ практическихъ случаевъ; къ этой цѣли слѣдуетъ идти не сложнымъ, окольнымъ, схоластическимъ путемъ построенія и нагроможденія всевозможныхъ силлогизмовъ, а методомъ свободной бесѣды и примѣнительно къ тому, какъ аналогичные вопросы могутъ быть рѣшаемы по дѣйствующему нѣмецкому праву въ нѣмецкой судебной практикѣ; все лишнее должно быть устранено, а юридическій матеріалъ для обсужденія и изученія долженъ быть обильнымъ и разнообразнымъ; сухія научныя опредѣленія должны пріобрѣтать живость черезъ сопоставленіе съ явленіями конкретной юридической дѣйствительности; и тотъ примѣръ всего пригоднѣе и лучше, который способенъ вызвать улыбку или смѣхъ слушателей; онъ всего дольше сохраняется въ памяти“ и т. д.

Къ слову сказать, справедливость этого послѣдняго, чисто-педагогическаго замѣчанія въ общемъ не подлежитъ сомнѣнію. Конечно, собственный тактъ и чувство мѣры должны указать преподавателю границу, за которой начинается опасность впасть въ совершенно неумѣстное гаерство или сдѣлаться рабомъ мелочнаго желанія смѣшить слушателей во что бы то ни стало! Примѣромъ умѣлаго обращенія съ тономъ рѣчи могутъ служить хотя бы лекціи самаго Штёльцеля, изъ которыхъ составилась упомянутая его книга Schulung für Civilistische Praxis... Мы останавливаемся на этомъ частномъ вопросѣ лишь ради того, что онъ даетъ непосредствен-

[1]) Stölzel, тамъ же. Отзывы Штёльцеля особенно авторитетны, такъ какъ авторъ, юристъ-историкъ по спеціальности, состоитъ предсѣдателемъ прусской испытательной коммисіи для втораго государственнаго экзамена на званіе ассесора.

ный поводъ указать, что въ Германіи въ университетскомъ преподаваніи права въ настоящее время отводится педагогическимъ пріемамъ сообщенія и упроченія знаній нисколько не менѣе вниманія, чѣмъ вопросамъ о методахъ научнаго изслѣдованія. Вѣдь, конечно, вопросъ о томъ, скучаютъ или нѣтъ студенты въ аудиторіи, умѣстна или нѣтъ шутка или острота на лекціи и т. п., не имѣетъ *никакого отношенія къ наукѣ права* и всецѣло относится къ области вопросовъ, связанныхъ съ призваніемъ профессора быть *учителемъ* права!

Нелишнимъ, быть можетъ, будетъ замѣтить, если позволено говорить о личныхъ впечатлѣніяхъ, что въ одномъ изъ большихъ южно-германскихъ университетовъ мнѣ самому не разъ приходилось отъ души смѣяться вмѣстѣ со студентами первокурсниками на практическихъ занятіяхъ для начинающихъ по римскому праву (Anfängerübungen im römischen Recht). Профессоръ-руководитель разбиралъ или, точнѣе, разсказывалъ отдѣльные казусы (по большей части изъ извѣстнаго сборника Штаммлера) [1]). При этомъ бытовая сторона получала такое картинное и близкое къ жизни изображеніе, такую чисто современную и даже мѣстную couleur locale, что у студентовъ перваго семестра каждый доселѣ неслыханный римскій contractus оставался закрѣпленнымъ въ памяти въ связи съ совершенно опредѣленнымъ представленіемъ о конкретномъ, но въ то же время безусловно типичномъ, составѣ фактовъ и притомъ нерѣдко именно анекдотическаго, вызывающаго на смѣхъ и улыбку характера: то, напримѣръ, студентъ ссужалъ профессору 100 марокъ для уплаты портному, то они покупали въ складчину боченокъ рейнвейна и занимались его разливкой по бутылкамъ и т. п. Нерѣдко римскіе техническіе термины выступали лишь въ самомъ концѣ полуторачасовой непрерывной бесѣды, когда самое содержаніе соотвѣтствующихъ отношеній и ихъ особенности были уже совершенно ясны для слушателей и оставалось дѣйствительно только подвести это содержаніе подъ надлежащія латинскія наименованія. Случалось,

---

[1]) Изданіе 1901 г. R. Stammler, Aufgaben aus dem römischen Recht.

что впослѣдствіи, при рѣшеніи новыхъ казусовъ, студентъ руководствовался именно сходствомъ предложеннаго ему на обсужденіе состава фактовъ съ тѣмъ, который остался у него въ памяти, именно благодаря тому, что онъ показался ему забавнымъ. Нерѣдко, въ началѣ семестра, вѣрный по существу отвѣтъ давался не въ формѣ римскаго названія сдѣлки, а простымъ указаніемъ на раньше усвоенный и правильно понятый примѣръ. Иногда съ заднихъ скамей большой аудиторіи (человѣкъ 200—300) на вопросъ руководителя: „встрѣчалось ли у насъ что-либо подобное, знакомо ли слушателямъ данное юридическое отношеніе по своимъ типическимъ признакамъ", и т. п. раздавались почтительно-шутливые отвѣты въ родѣ того, что „да, это у насъ уже было; помните, когда я далъ вамъ взаймы 100 марокъ или когда вы мнѣ подарили 500 марокъ (за мои усердныя занятія римскимъ правомъ) для путешествія въ Швейцарію во время вакацій и т. п.". Никакого ущерба въ достоинствѣ преподаванія не замѣчалось; профессоръ-руководитель былъ безусловно далекъ отъ всякаго шаржа или фамильярности. Что же получалось въ результатѣ? Разумѣется, наука римскаго права не обогащалась ни однимъ новымъ открытіемъ, ни одной остроумной гипотезой и т. п., но за то студенты-первокурсники въ буквальномъ смыслѣ слова, „какъ бы шутя", безъ всякаго надзора и контроля, безъ регистраціи, балловъ и отмѣтокъ,— усвоили себѣ разъ навсегда основные элементы системы римскаго гражданскаго права и съ первыхъ же дней своихъ университетскихъ занятій были введены въ область самостоятельнаго юридическаго мышленія.

Упражненія для начинающихъ юристовъ—„Uebungen für Anfänger, т. е. практическія занятія по догматическимъ отдѣламъ курса для студентовъ перваго семестра, сами по себѣ представляютъ явленіе совершенно новое для юридическихъ факультетовъ въ Германіи. Едва ли первый удачный опытъ въ этомъ направленіи былъ сдѣланъ кѣмъ-либо раньше Штаммлера [1]), и общее ихъ распространеніе ведетъ свое начало

---

[1]) Rudolf Stammler, профессоръ прусскаго университета въ Галле, ав-

лишь съ реформы учебныхъ плановъ вслѣдъ за принятіемъ рейхстагомъ проекта новаго гражданскаго уложенія. Не удивительно, что студенты перваго семестра еще не вполнѣ освоились съ цѣлями и назначеніемъ такихъ упражненій. „Начинающему юристу", пожалуй, свойственно ожидать отъ упражненій по римскому праву, о которомъ онъ еще не имѣетъ никакого понятія, чего-либо въ родѣ гимназическихъ переводовъ съ латинскаго или косвеннаго контроля надъ его прилежаніемъ въ занятіяхъ по римскому праву вообще. Такіе именно взгляды мнѣ самому приходилось подмѣчать у студентовъ перваго семестра изъ числа тѣхъ, кто не записался на упражненія. Тѣмъ болѣе интересно, въ числѣ другихъ наблюденій, указать на фактъ, что, побывавъ случайно или по чьему-либо совѣту хоть одинъ разъ на Uebungen für Anfänger, подобныхъ выше описаннымъ, нерѣдко такой опасливый студентъ перваго семестра становился постояннымъ слушателемъ и при первой возможности самъ начиналъ принимать участіе въ упражненіяхъ.

Несомнѣнно, что такого рода занятія со студентами первокурсниками вполнѣ отвѣчаютъ духу Nova Methodus Лейбница. Однако прошло не мало времени, пока нѣкоторыя изъ „desiderata jurisprudentiae", высказанныя Лейбницомъ болѣе, чѣмъ 200 лѣтъ тому назадъ, получили извѣстное признаніе въ постановкѣ и практикѣ университетскаго преподаванія права въ Германіи въ прямой и очевидной зависимости отъ болѣе полнаго признанія нѣмецкими юридическими факультетами своихъ учебныхъ функцій, а профессорами-юристами—своего непосредственнаго призванія быть не только представителями каѳедръ, служителями своей науки, но и учителями права (akademische Rechtslehrer), руководителями юнѣйшихъ поколѣній будущихъ юристовъ въ дѣлѣ серьезной подготовки къ предстоящей имъ дѣятельности. Но прежде, чѣмъ обратиться къ новѣйшему времени, намъ предстоитъ еще дать общую ха-

---

торъ извѣстнаго изслѣдованія Wirtschaft und Recht, 1896, и цѣлаго ряда сборниковъ казусовъ для рѣшенія на практическихъ занятіяхъ по римскому и гражданскому праву.

рактеристику положенія дѣла въ XVIII вѣкѣ и привести нѣсколько отзывовъ выдающихся нѣмецкихъ юристовъ по тому же вопросу въ первой половинѣ минувшаго XIX столѣтія.

На рубежѣ между XVII и XVIII вѣками и въ особенности для первой четверти XVIII столѣтія въ исторіи нашего вопроса наибольшій интересъ представляетъ дѣятельность Христіана Томазія (1655—1728).

Размѣры и ближайшая цѣль настоящаго очерка не позволяютъ останавливаться на оцѣнкѣ значенія Томазія въ исторіи нѣмецкой науки права, и мы укажемъ лишь въ самыхъ общихъ чертахъ на особенности его педагогической дѣятельности, какъ юриста-профессора, какъ такого наставника, котораго уже современники называли, подобно Эразму, praeceptor Germaniae [1]).

Свои блестящія дарованія Томазій посвящалъ не только наукѣ, но и цѣлесообразному, послѣдовательному преподаванію права, и притомъ не по традиціонной методѣ, а именно въ духѣ принципіальныхъ требованій Лейбница. Извѣстно, что Томазію удалось въ своей собственной практикѣ преподаванія провести систему законченнаго, универсальнаго цикла лекцій, разсчитаннаго всего на два года, вмѣсто обычныхъ пяти или шести лѣтъ. Уже въ самомъ началѣ своей профессорской дѣятельности (1684) Томазій выступаетъ съ совершенно новой методологической программой. Онъ предлагаетъ значительно сократить весь тотъ непроходимый хаосъ, который образовался вокругъ традиціонной университетской цивилистики, сообщать студентамъ лишь основы дѣйствительнаго знанія римскаго и гражданскаго права и обратить серьезное вниманіе также и на дисциплины права публичнаго; вслѣдствіи къ этой программѣ Томазій присоединяетъ и общую философскую пропедевтику, а также

[1]) О Томазіи вообще см. Landsberg, Geschichte der deutschen Rechtswissenschaft S. 70—111. См. между прочимъ Hodermann. Universitätsvorlesungen in deutscher Sprache um die Wende des 17 Jahrhunderts. 1891. Въ этомъ интересномъ трудѣ педагогической дѣятельности Томазія посвящены S. 11—22. По словамъ автора, про Томазія говорили, что „er sei des Entdecker des deutschen Universitätsunterrichts“.

исторію права и литературу юридическихъ наукъ, основы экономическихъ знаній и политики. Задача Томазія была дѣйствительно всесторонне просвѣтительная, и потому онъ не останавливался даже передъ совершенно неслыханными новаторствами. Томазій сталъ издавать научные ежемѣсячники на *нѣмецкомъ* языкѣ и рѣшался даже на своихъ лекціяхъ обращаться къ слушателямъ съ родною рѣчью, а не на томъ латинскомъ языкѣ, которымъ говорила вся наука [1]). Этого было болѣе, чѣмъ достаточно, чтобы сдѣлать Томазія ненавистнымъ въ Лейпцигскомъ университетѣ, если не среди студентовъ, то для ученой коллегіи профессоровъ. Томазій направился въ Берлинъ, а затѣмъ вскорѣ переселился въ Галле, гдѣ и былъ основателемъ юридическаго факультета при мѣстномъ университетѣ. Съ неизмѣнной энергіей, при условіяхъ болѣе благопріятныхъ для осуществленія своихъ новаторствъ, отдался Томазій своей профессорской дѣятельности. Онъ не только читалъ своимъ слушателямъ краткіе и содержательные курсы по всѣмъ отраслямъ правовѣдѣнія, но прилагалъ всѣ старанія, чтобы способствовать и ихъ общему развитію, а также, напр., научить ихъ правильно мыслить и выражать свои мысли правильной родной рѣчью. Томазій выступаетъ также однимъ изъ первыхъ рѣшительныхъ противниковъ преувеличеннаго и въ то же время неподвижнаго преклоненія академической юриспруденціи передъ римскимъ правомъ. Онъ утверждаетъ, что едва лишь десятая доля такъ называемаго пандектнаго права дѣйствительно реципирована практикой судовъ въ Германіи; онъ указываетъ на такіе недостатки въ состояніи юридическихъ знаній, какъ безконечное количество толкованій, ничѣмъ не оправдываемое почитаніе глоссы въ ущербъ знанію источниковъ въ ихъ истори-

---

[1]) По разсчетамъ, это неслыханное въ стѣнахъ Лейпцигскаго университета „преступленіе“—(„nierhörtes Crimen“, по выраженію самого Томазія)—произошло 31 октября 1687 г. Въ 1887 г. въ нѣмецкихъ университетахъ торжественно памятовали это событіе. Въ настоящее время въ аудиторномъ корпусѣ университета въ Галле, на видномъ мѣстѣ, красуется прекрасный бронзовый бюстъ Томазія—подарокъ города университету.

ческомъ происхожденіи, полное пренебреженіе національнымъ правомъ и т. п.

Со всѣми этими недостатками Томазій боролся и словомъ, и дѣломъ, т. е. литературными трудами и въ своей преподавательской дѣятельности. Едва ли гдѣ-либо, кромѣ какъ въ Галле, у Томазія, нѣмецкій студентъ въ исходѣ XVII и въ началѣ XVIII вѣка могъ слушать лекціи по исторіи рецепціи римскаго права въ Германіи или, напримѣръ, особый курсъ—Institutiones juris germanici.

Кодификаціонные планы Фридриха Вильгельма I дали Томазію поводъ съ особой опредѣленностью высказаться относительно болѣе глубокихъ причинъ неудовлетворительнаго состоянія правосудія въ Пруссіи. По мнѣнію Томазія, корень зла заключался не столько въ недостаткѣ хорошихъ законовъ, сколько въ томъ, что прусскимъ юристамъ недостаетъ „основательнаго юридическаго образованія, а ученымъ правовѣдамъ и населенію вообще—практическихъ знаній въ области права. Вмѣсто того, чтобы изучать дѣйствительно необходимые и примѣнимые въ жизни и практикѣ законы, право родной страны и его исторію, а также общіе принципы справедливости,—принято вращаться во всевозможныхъ тонкостяхъ и контроверзахъ до тѣхъ поръ, пока не утрачивается всякое разумѣніе жизненныхъ интересовъ народа“ [1]). По мнѣнію Томазія, одна изъ причинъ такого печальнаго положенія дѣла заключается въ томъ первоначальномъ римско-клерикальномъ характерѣ, который получили университеты при своемъ основаніи; властная рука церкви на долго положила на науку и на преподаваніе зарокъ инертности и рутины. И какъ ждать обновленія, если ряды поколѣній юристовъ неизмѣнно проходили и проходятъ все черезъ ту же традиціонную школу! Реформа должна быть проводима достаточно глубоко, и прежде всего для этого надо рѣшительно порвать съ рутиной и традиціей въ юридическомъ образованіи. И не одного только содержанія университетскихъ курсовъ должна касаться реформа. Не менѣе важна педагогическая

[1]) Landsberg, S. 102.

сторона дѣла: надо пробудить въ студентахъ бодрый духъ и живое стремленіе къ познанію того, что отвѣчаетъ дѣйствительнымъ потребностямъ и запросамъ жизни; однимъ словомъ, необходимо, чтобы университетъ давалъ студентамъ общее образованіе и развитіе, а также и основательныя спеціальныя знанія.

Отъ такой университетской реформы Томазій ожидаетъ гораздо большаго, чѣмъ отъ всякихъ законовъ и одностороннихъ правительственныхъ мѣропріятій. Прежде, чѣмъ приступать къ обширнымъ кодификаціоннымъ попыткамъ, по его мнѣнію, лучше подождать тѣхъ благихъ результатовъ, которые должно дать разумно обновленное университетское преподаваніе и изученіе права вездѣ: среди студентовъ, среди профессоровъ, въ народѣ, въ судахъ, въ личномъ составѣ органовъ государственной власти и т. п. [1]).

Однако призывъ Томазія остается такимъ же единичнымъ голосомъ, какъ равно 50 лѣтъ ранѣе голосъ юнаго Лейбница, а его выдающаяся личная дѣятельность такимъ же эпизодомъ, какъ еще много раньше—дѣятельность Ульриха Цазія.

Никакой общей реформы въ университетскомъ преподаваніе права не происходитъ. Правда, наука права не останавливается въ своемъ развитіи. Но это развитіе касается по преимуществу публичнаго, въ особенности государственнаго, права. Господствующимъ теченіемъ въ научномъ мышленіи становится раціонализмъ. Въ области юриспруденціи, говоря вообще, онъ является основою для доктрины естественнаго права въ самыхъ разнообразныхъ ея модификаціяхъ. Теоретики естественнаго права являются по большей части также и политическими мыслителями. Что же касается дисциплинъ гражданскаго права, то, хотя въ научной обработкѣ матеріаловъ и замѣчаются иногда нѣкоторые новые пріемы, которые историкамъ нѣмецкой науки права даютъ поводъ говорить, напримѣръ, о „практической школѣ“ (usus modernus Pandectarum) или о вліяніи „элегантной юриспруденціи“ на нѣмецкихъ ученыхъ, но несомнѣнно въ общемъ и цѣломъ въ этой области самая система университетскаго

---

[1]) Landsberg, S. 101—103.

образованія будущихъ юристовъ и общій характеръ преподаванія остались безъ всякихъ существенныхъ измѣненій.

Между тѣмъ общее недовольство положеніемъ правосудія возрастаетъ; со всѣхъ сторонъ раздаются справедливыя жалобы на сословіе юристовъ, которое включаетъ въ себя уже слишкомъ разнокачественные элементы; правительство и общество ничего такъ не желаютъ, какъ избавиться отъ путъ ихъ ученаго и полу-ученаго авторитета. Разрывъ между академической юриспруденціей и юридической жизнью и практикой становится неизбѣжнымъ. XVIII вѣкъ и представляетъ собою, съ нашей спеціальной точки зрѣнія, эпоху утвержденія такой розни. Этотъ процессъ особенно наглядно поддается наблюденію, напримѣръ, въ Пруссіи. Со вступленіемъ на престолъ Фридриха Великаго здѣсь начались и энергично проводились коренныя реформы въ судоустройствѣ и судопроизводствѣ. Предполагается также кодификація всего права „въ соотвѣтствіи съ требованіями разума и въ согласіи съ государственными законами страны“ взамѣнъ „безпорядочной компиляціи изъ римскаго права, исполненной противорѣчій и совершенно произвольныхъ распространеній или наоборотъ ограниченій смысла законовъ“ [1]). Фридрихъ Великій былъ убѣжденъ, что новая кодификація должна положить конецъ прежнему положенію вещей: „при упрощеніи дѣла многіе ученые правовѣды утратятъ свое таинственное величіе и будутъ лишены своего излюбленнаго хлама всякихъ тонкостей и хитросплетеній (um ihren Subtilitäten Kram gebracht werden), а вся армія прежнихъ адвокатовъ окажется ненужной“ [2]). У законодателя замѣчается какъ бы своего рода священный ужасъ по отношенію къ всякимъ толкованіямъ и интерпретаціямъ, столь излюбленнымъ на почвѣ реципированнаго римскаго права; предполагается

---

[1]) См. Stobbe. Geschichte der deutschen Rechtsquellen. II. S. 451. Кабинетскій указъ Фридриха Великаго канцлеру Кокцеи отъ 31 декабря 1746 г.

[2]) Указъ канцлеру Крамеру 14 октября 1780 г. Подробныя свѣдѣнія объ исторіи реформъ Фридриха Великаго и дѣятельности его сподвижниковъ см., напр., Stölzel. Brandenburg Preussens Rechtsverwaltung und Rechtsverfassung, dargestellt im Wirken seiner Landerfürsten und obersten Justizbeamten. Bd. II. 1888. S. 141 u. ff.; Koser. Friedrich der Grosse, Buch. IV. S. 321 u. ff. (Besserung der Rechtspflege).

издать особые запреты всякаго рода попытокъ къ „Limitationes, ampliationes et exceptiones contra verba legis"... „damit die Privati, insoderheit aber die Professores, keine Gelegenheit haben mögen, dieses Landrecht durch eigenmächtige Interpretationen zu corrumpiren" [1]).

Весьма естественно, что при такихъ условіяхъ университетская юриспруденція, говоря вообще, должна была всего менѣе чувствовать себя призванной пойти на встрѣчу потребностямъ и запросамъ жизни. И если на прусской кодификаціи, на составленіи прусскаго Landrecht, отразилось вліяніе науки XVIII вѣка, то это было никакъ не вліяніе научной разработки источниковъ права и всего менѣе вліяніе присяжной университетской цивилистики. Воздѣйствіе шло, главнымъ образомъ, черезъ тѣхъ лицъ, которыя были призваны къ руководительству законодательными работами, продолжавшимися цѣлыя 50 лѣтъ [2]). Даже когда прусскій кодексъ (1794) былъ обнародованъ и сталъ дѣйствующимъ правомъ, университетское преподаваніе на прусскихъ юридическихъ факультетахъ какъ бы вовсе игнорировало новое законодательство. Изложенію дѣйствующаго права едва отводилось мѣсто въ системѣ образованія будущихъ юристовъ, какъ предмету совершенно второстепенному и не представляющему никакого интереса для академической юриспруденціи.

Можно, конечно, относиться, какъ угодно, критически ко всякому законодательному акту и находить всевозможные дѣйствительные и мнимые недостатки въ любомъ кодексѣ. Но если, напримѣръ, приходится констатировать фактъ, что, по-

---

[1]) Corpus juris Fridericianum. Предисловіе S. 28. IX. См. Trendelenburg, Friedrich der Grosse und sein Grosskanzler Samuel von Cocceji, въ Abhandlungen der Akademie der Wissenschaften. 1863. S. 51.

[2]) Напр., Самуилъ Кокцеи. См. Чичеринъ, Исторія политическихъ ученій II, стр. 173 и слѣд.; Landsberg, S. 215 ff. Впослѣдствіи Карлъ Готлибъ Суарецъ. См. Landsberg, S. 469, хвалебный отзывъ о „дѣйствительномъ создателѣ прусскаго ландрехта". Совершенно иную оцѣнку даетъ проф. Дювернуа— Чтенія по гражданскому праву, стр. 137 и слѣд.; ср. приведенный тамъ же, въ примѣчаніи, отзывъ Іеринга, который называетъ составителя Landrecht'а не болѣе, не менѣе, какъ геніальнымъ. См. спеціальную монографію. A. Stölzel. K. G. Suarez. Ein Zeitbild aus der zweiten Hälfte des XVIII Jahr.; 1885.

ложимъ, прусское уложеніе 1794 „создало цѣлую пропасть между наукой и практикой“ [1]), то такое положеніе дѣла, поскольку оно является въ то же время характернымъ и для всего университетскаго преподаванія права, свидѣтельствуетъ самымъ неоспоримымъ образомъ объ односторонности и нецѣлесообразности въ учебной дѣятельности юридическихъ факультетовъ.

Однако только-что указанный фактъ, относящійся именно къ прусскому ландрехту, входитъ уже въ число тѣхъ явленій, которыя намъ придется отмѣчать въ исторіи нашего вопроса въ первую половину слѣдующаго XIX столѣтія. Мы сослались на него уже теперь, чтобы указать, что на всемъ протяженіи XVIII вѣка не установилось гармоніи между юридической наукой и университетскимъ преподаваніемъ, съ одной стороны, и запросами государства и общества относительно основательной подготовки будущихъ юристовъ—съ другой, и что кодификаціонные опыты отдѣльныхъ нѣмецкихъ государствъ [2]) не только не способствовали устраненію прежнихъ недостатковъ, но напротивъ сдѣлали эти недостатки еще болѣе замѣтными и ощутительными.

Чтобы не повторяться въ указаніяхъ на отрицательныя явленія въ постановкѣ университетскаго образованія нѣмец-

---

[1]) См. M. A. von Bethmann-Holweg. Ueber Gesetzgebung und Rechtswissenschaft als Aufgabe unserer Zeit. 1876, S. 26. Авторъ указываетъ, между прочимъ, на то, что лекціи по дѣйствующему мѣстному праву были сдѣланы обязательными по правиламъ о государственныхъ экзаменахъ лишь въ двадцатыхъ годахъ XIX вѣка; къ этому времени (1825 г.). Б. Г. относитъ и начало литературной обработки прусскаго права. Ср. также Дювернуа—Чтенія по гражданскому праву, стр. 147, объ эпохѣ вслѣдъ за Вѣнскимъ конгрессомъ: „юридическая литература до крайности охладѣла къ разработкѣ всякихъ ландрехтовъ“.

[2]) Изъ другихъ кодексовъ XVIII вѣка заслуживаютъ упоминанія баварскіе Codex criminalis (1751), judiciarius (1753), civilis (1756). Но эти такъ называемые Codices Maximilianei не только не устраняютъ субсидіарнаго дѣйствія „Gemeines Recht“, но и сами черпаютъ свое содержаніе по большей части изъ того же источника. См. Gengler. Quellengeschichte und System des im Königreiche Bayern geltenden Privatrechts. 1846; Stobbe. Geschichte der deutschen Rechtsquellen II, § 90. P. Roth. Bayer. Civilrecht 2 Aufl. 1881 (томы 2 и 3, изданіе Becher 1897 ff.); Danzer. Das bayerische Landrecht in seiner heutigen Geltung. Дювернуа—Чтенія по гражданскому праву, стр. 134 и слѣд.

кихъ юристовъ, мы не будемъ входить въ дальнѣйшія подробности по исторіи вопроса въ XVIII вѣкѣ. Отмѣтимъ лишь интересную параллель, которую въ этомъ случаѣ можно провести, для сравненія, между положеніемъ дѣла въ Германіи и во Франціи [1]).

Если, начиная съ XIV вѣка, т. е. съ эпохи возникновенія первыхъ юридическихъ факультетовъ въ Германіи, и юридическая наука, и самое преподаваніе права имѣли по большей части общія судьбы, отправляясь отъ итальянскихъ образцовъ и проходя затѣмъ аналогичныя стадіи развитія,—при чемъ, однако, Франція какъ будто всегда немного упреждала Германію,—то въ концѣ XVII вѣка происходитъ рѣзкое нарушеніе такого сходства.

Во Франціи уже въ концѣ XVII вѣка вопросъ о научныхъ задачахъ и учебныхъ цѣляхъ правовѣдѣнія былъ поставленъ вполнѣ опредѣленно и рѣшенъ самымъ радикальнымъ образомъ въ смыслѣ ихъ полнаго разъединенія. Согласно съ видами правительства (королевскій указъ 1679 г.) юридическіе факультеты получили характеръ профессіональныхъ школъ для подготовки къ карьерѣ практическаго юриста—судьи, чиновника или адвоката. Такое положеніе дѣла находилось въ прямомъ соотвѣтствіи съ тѣмъ общимъ фактомъ, что французскіе университеты утратили свое значеніе высшихъ научныхъ установленій. Идеальнымъ научнымъ суверенитетомъ, если можно такъ выразиться, были облечены ученыя академіи, которыя и должны были стать носительницами свободной науки на совершенно новыхъ началахъ,—безъ всего того традиціоннаго наслѣдія отъ среднихъ вѣковъ, которое по прежнему тяготѣло на нѣмецкихъ университетахъ, и безъ порученія имъ какихъ-либо спеціальныхъ учебныхъ задачъ. При такихъ условіяхъ университеты во Франціи перестали быть научными центрами. Всѣ выдающіяся явленія въ области философской мысли и въ области полити-

---

[1]) См., между прочимъ, Leo von Savigny. Die französischen Rechtsfacultäten 1891; его же Die Stellung der Rechtswissenschaft zur Universität 1895. S. 17 ff; H. Schoen. Die französischen Hochschulen seit der Revolution, 1896.

ческихъ ученій, все просвѣщеніе XVIII вѣка и успѣхи въ любой отрасли знанія исходили не отъ университетовъ и даже едва ли оказывали особое вліяніе на чисто школьный характеръ университетскаго преподаванія. . . Но за то юридическіе факультеты были, согласно съ условіями и требованіями эпохи, вполнѣ удовлетворительными училищами законовѣдѣнія. Реформы первой имперіи по существу дѣла явились продолженіемъ того же направленія. Юридическимъ факультетамъ ставилась задача ввести слушателей въ изученіе наполеонова законодательства и подготовить такимъ образомъ къ практической дѣятельности.

Наоборотъ, въ Германіи университеты, несмотря на то, что они, какъ установленія, должны были съ теченіемъ времени примириться съ возрастающей зависимостью отъ государства, всецѣло сохранили свое научное верховенство и въ этой области остались высшей инстанціей. Развитіе нѣмецкой науки совершалось именно въ университетахъ; выдающіеся ученые и мыслители по большей части были и представителями университетскихъ каѳедръ; разумѣется, и самыя рамки лекцій и курсовъ соотвѣтственно раздвигались все шире и шире, вполнѣ подчиняясь особенностямъ научной индивидуальности того или иного ученаго. Но вмѣстѣ съ тѣмъ чисто-учебныя задачи преподаванія должны были отступать все болѣе и болѣе на второй планъ, а равнымъ образомъ утрачиваться признаніе возможности и допустимости практическихъ цѣлей изученія извѣстной отрасли знанія. Это не въ такой степени поддается наблюденію и, быть можетъ, вообще не проявляется столь опредѣленно на другихъ факультетахъ, гдѣ, напримѣръ, медицинскія науки едва ли способны къ совершенному отчужденію отъ задачъ искусства врачеванія или науки богословскія—къ отрѣшенію отъ цѣлей спеціальнаго образованія будущихъ служителей церкви. Совершенно иначе складываются условія для правовѣдѣнія. Явленія юридическаго порядка сами по себѣ безконечно разнообразны и, такъ сказать, разнокачественны въ своемъ конкретномъ выраженіи и жизненномъ, практическомъ значеніи; къ тому же они соприкасаются и переплетаются съ

цѣлымъ рядомъ явленій иного порядка, т. е. съ областью нравственности, съ отношеніями политической жизни и экономическаго оборота и т. п. Однимъ словомъ, явленія правоваго порядка могутъ подлежать изученію и изслѣдованію съ самыхъ различныхъ точекъ зрѣнія. Такое изученіе можетъ быть вполнѣ научнымъ и представить какъ объективный интересъ, такъ и извѣстную абсолютную цѣнность въ общей суммѣ научнаго знанія. Но въ то же время всѣ такого рода изысканія, которыя иногда всего лучше можно сопоставить съ работой подъ микроскопомъ или съ раскопками древностей, а въ другихъ случаяхъ—съ поэтическимъ творчествомъ, идеалистической мечтой и т. п., и которымъ нельзя совершенно отказать въ общемъ наименованіи юридическихъ, такъ какъ предметъ ихъ такъ или иначе имѣетъ извѣстное отношеніе къ области права, такого рода изслѣдованія зачастую могутъ быть совершенно лишены какого-либо значенія съ точки зрѣнія интересовъ цѣлесообразнаго и всесторонняго университетскаго образованія цѣлыхъ поколѣній будущихъ юристовъ! Несоотвѣтствіе между подобной юридической ученостью и основательной подготовкой къ призванію юриста въ жизни и практикѣ становится понятнымъ in thesi. Если же въ университетскомъ преподаваніи догматическое правовѣдѣніе и систематическое изученіе дѣйствующаго національнаго права не получаетъ по меньшей мѣрѣ полнаго признанія и даже извѣстнаго преобладанія, то такое несоотвѣтствіе и разногласіе становится неизбѣжнымъ и неустранимымъ въ дѣйствительности. Односторонность, неуравновѣшенность и нецѣлесообразность могли стать тѣмъ болѣе надолго хроническими недугами университетскаго преподаванія юридическихъ знаній, что вѣдь и въ XVIII вѣкѣ въ ученыхъ коллегіяхъ, кромѣ передовыхъ, творческихъ умовъ, которые способствуютъ прогрессу науки, было, конечно, не менѣе, чѣмъ въ XVII столѣтіи, такихъ, „qui quod vetustissimum, idem optimum esse putant“, оставаясь неподвижными въ своихъ научныхъ традиціяхъ и будучи равнодушными къ интересамъ и результатамъ преподаванія.

Ко всѣмъ другимъ неблагопріятнымъ условіямъ для нѣ-

мецкихъ юридическихъ факультетовъ,—въ прямую противоположность положенія дѣла во Франціи [1]), слѣдуетъ присоединить неудовлетворительное состояніе самихъ источниковъ положительнаго права; отсутствіе единства и опредѣленности въ регулированіи юридическихъ отношеній и такое же нестроеніе и хаосъ въ области ихъ юридической защиты и т. п.

Если изучать только исторію науки права въ Германіи въ XVIII вѣкѣ, то нельзя составить себѣ даже самаго отдаленнаго представленія о томъ, въ какомъ печальномъ положеніи находилось общее юридическое образованіе, такъ какъ приходится имѣть дѣло лишь съ выдающимися явленіями въ исторіи нѣмецкой юридической и политической мысли. Но стоитъ только бросить хотя бы самый бѣглый взглядъ на свидѣтельство исторіи о дѣятельности ученыхъ, полу-ученыхъ и совершенно невѣжественныхъ представителей сословія юристовъ, стоитъ только прослѣдить, напримѣръ, реформы Фридриха Великаго въ области судоустройства и судопроизводства, чтобы прійти къ неутѣшительному заключенію, что, положимъ, въ серединѣ XVIII вѣка, говоря вообще, нельзя указать слѣдовъ благотворнаго вліянія университетскаго юридическаго образованія, а скорѣе приходится констатировать наличность всѣхъ тѣхъ отрицательныхъ явленій условной учености, о которыхъ уже была рѣчь много раньше со словъ гуманистовъ или по отзывамъ Ульриха Цазія.

Мы не можемъ приводить здѣсь доказательства этого утвержденія и отсылаемъ читателя къ нѣмецкимъ источникамъ—напримѣръ, къ указаннымъ раньше сочиненіямъ Штоббе, Штёльцеля, Козера и т. п. Общее впечатлѣніе получается также достаточно опредѣленное, если прочесть живо и интересно написанный очеркъ Тренделенбурга „Friedrich der Grosse und sein Grosskanzler Samuel von Coccejі“ [2]).

[1]) См. превосходный сравнительно-историческій очеркъ у проф. Дювернуа, Чтенія, стр. 73 и слѣд., а также сопоставленія въ §§ 5 и 6.

[2]) Abhandlungen der königlichen Akademie der Wissenschaften zu Berlin 1863. Этотъ очеркъ былъ прочтенъ авторомъ въ торжественномъ засѣданіи 29 января 1863 г., въ годовщину рожденія Фридриха Великаго. Вотъ небольшая выдержка

Перейдемъ теперь къ характеристикѣ того, какъ сложились условія университетскаго преподаванія права въ Германіи въ XIX вѣкѣ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

изъ первой же страницы: Der Zustand der deutschen Rechtspflege war damals mit den Zwecken des Rechts in schreiendem Widerspruch. Das Volksthümliche Leben war einst in seinen ersten Sprossen erstickt. Das gelehrte Recht, in dem nur die Zunft Bescheid wusste, war dem schlichten gefühl fremd. Zu den Controversen im römischen Recht kamen die Conflicte des römischen und deutschen. Man wusste in Volke nicht, was Rechtens sei; und wie ein blindes Schicksal kam das Recht über die Leute, die er traf. Der Rechtgang hatte seine Listen und Kniffe, und dehnbar, wie er war, diente er in den langen durch Schriften und Gegenschriften hingeschleppten Processen dem Beutel der Sachwalter. Unter dem Schein der Gründlichkeit spielten advocatische Künste und barg sich richterlicher Schlendrian"... См. далѣе S. 20 и слѣд. объ энергичной дѣятельности Кокцеи съ цѣлью улучшить подготовку референдаріевъ и поднять уровень образованія адвокатовъ... Тренделенбургъ передаетъ, между прочимъ (S. 61), что Кокцеи самому пришлось, по поводу процесса съ своимъ берлинскимъ книгоиздателемъ, убѣдиться въ небезупречной дѣятельности факультетовъ, въ качествѣ судебныхъ трибуналовъ.

ХРОНИКА.

I.

ИЗЪ ПРАКТИКИ ГРАЖДАНСКАГО КАССАЦІОННАГО ДЕПАРТАМЕНТА ПРАВИТЕЛЬСТВУЮЩАГО СЕНАТА.

I

Предѣлы отвѣтственности городскаго общества при несостоятельности городскаго общественнаго банка (48 ст. полож. о городск. общ. банкахъ и 161 ст. устава судопроизводства торговаго).

Въ судебномъ засѣданіи Гражданскаго Кассаціоннаго Департамента 9 января сего года разсматривалось, между прочимъ, дѣло вдовы штабсъ-капитана Евдокіи *Женъ* съ Владикавказскимъ городскимъ обществомъ о деньгахъ по вкладнымъ билетамъ Владикавказскаго городскаго общественнаго банка. Обстоятельства этого дѣла таковы. Рѣшеніемъ Владикавказскаго окружнаго суда отъ 17 сентября 1899 года опредѣлено взыскать съ Владикавказскаго городскаго общества въ пользу Евдокіи Женъ: а) 878 руб. 73 коп., составляющихъ разницу между суммою, въ коей принадлежащіе ей три вкладныхъ билета несостоятельнаго Владикавказскаго городскаго общественнаго банка приняты были ликвидаціонною по его дѣламъ коммисіею, и суммою выданнаго оною истицѣ дивиденда, и б) 449 руб. 23 коп. процентовъ со дня выдачи послѣдняго дивиденда по тѣмъ билетамъ, именно съ 10 апрѣля 1890 года, по день предъявленія иска 26 октября 1898 года, всего 1327 р. 96 к., съ %% на нихъ со дня предъявленія иска по день уплаты. Повѣрен-

ный городской управы въ своей апелляціонной жалобѣ просилъ въ искѣ Евдокіи Женъ отказать. Разсмотрѣвъ означенную жалобу, Тифлисская судебная палата нашла: по 48 ст. полож. о гор. общ. банкахъ (XI т. 2 ч. изд. 1893 г.), вклады, ввѣренные городскимъ общественнымъ банкамъ, утвержденнымъ, какъ Владикавказскій, до обнародованія Высочайше утвержденнаго 26 апрѣля 1883 г. мнѣнія Государственнаго Совѣта, обезпечиваются ручательствомъ всего городскаго общества, которое отвѣтствуетъ и за цѣлость всѣхъ суммъ банка, вслѣдствіе чего и въ виду исчерпанія ликвидаціонною коммисіею всѣхъ источниковъ на погашеніе претензій кредиторовъ Владикавказскаго городскаго банка, какъ это усматривается изъ представленной при апелляціи копіи съ предписанія Министра Финансовъ отъ 24—25 іюня 1896 года за № 11628 на имя названной коммисіи, Владикавказское городское общество должно быть признано обязаннымъ отвѣчать предъ вкладчиками своего бывшаго банка въ недополученныхъ ими въ порядкѣ ликвидаціи суммахъ. Ссылка апеллятора на отвѣтственность предъ вкладчиками за банкъ исключительно лицъ, входившихъ въ составъ городскаго управленія при учрежденіи банка и подписавшихъ ручательный приговоръ, лишена значенія по противорѣчію съ законнымъ понятіемъ о представительствѣ. Неосновательнымъ представляется и споръ апеллятора противъ присужденія процентовъ. Въ уставѣ судопроизводства торговаго существуетъ статья 601, предписывающая при назначеніи удовлетворенія долгамъ втораго разряда по соразмѣрности, къ тѣмъ изъ нихъ, по коимъ не было производимо процентовъ въ теченіе послѣдняго года, прилагать оные со дня просрочки только до открытія несостоятельности. Но правило это непримѣнимо къ настоящему случаю, какъ имѣющее силу и значеніе лишь въ конкурсномъ производствѣ, которое имѣетъ предметомъ своимъ не разсмотрѣніе и установленіе вообще долговыхъ правъ кредиторовъ по отношенію къ самому должнику, а только опредѣленіе правъ ихъ на участіе при данныхъ несостоятельностью должника условіяхъ, въ раздѣлѣ того его имущества, которое поступило въ конкурсную массу. По отношенію къ самому должнику права кредитора опредѣляются общими законами. Поэтому, напримѣръ, въ случаѣ, когда по окончаніи конкурса дойдетъ къ должнику, не признанному несчастнымъ, или вообще у него окажется, какое-либо имущество, каждый кредиторъ въ правѣ довзыскать съ него все, слѣдующее по общимъ законамъ (рѣш. Гражд. Касс. Деп. 1892 г. № 37). Поэтому же и разъясненіе

Гражд. Касс. Деп., въ рѣшеніи 1884 г. № 58, объ обязанности простаго поручителя уплатить кредитору проценты, не полученные послѣднимъ за время несостоятельности должника, не противорѣчитъ тому положенію, что никто не обязанъ платить за должника больше, чѣмъ онъ самъ, такъ какъ опредѣляемая общимъ закономъ обязанность должника платить проценты остается на немъ и по объявленіи его несостоятельнымъ, но только въ конкурсномъ порядкѣ, при раздѣлѣ недостаточнаго имущества должника, кредиторы по претензіи 2-го разряда получаютъ проценты лишь по день объявленія несостоятельности. А какъ по общему закону никто не можетъ быть безъ суда лишенъ правъ, ему принадлежащихъ, то всякій ущербъ въ имуществѣ и причиненные кому-либо вредъ и убытки, съ одной стороны, налагаютъ обязанность доставлять, а съ другой—производятъ право требовать вознагражденія; при чемъ подъ „убыткомъ" законъ разумѣетъ также и лишеніе обычной прибыли, которая относительно денежнаго капитала выражается въ процентахъ (574 ст. X т. 1 ч. и рѣш. Гражд. Касс. Деп. 1883 г. № 8 1884 г. № 2, 1876 года № 455). Никакого ограниченія въ этомъ отношеніи не постановлено и въ приведенномъ выше законѣ объ отвѣтственности за цѣлость ввѣренныхъ городскому банку вкладовъ, лежащей на городскомъ обществѣ какъ на хозяинѣ-собственникѣ предпріятія банка, получающемъ прибыли отъ его операцій, направляющемъ его дѣятельность и имѣющемъ надзоръ за нею (рѣш. Гражд. Касс. Деп. 1894 г. № 98). Посему городское общество, которому, черезъ посредство его банка, ввѣрены были вклады, обязано уплатить не только сумму капитала, недополученную вкладчикомъ черезъ ликвидацію дѣлъ банка, но и проценты, которые въ обычномъ порядкѣ капиталъ вкладчику принесъ бы, когда бы въ цѣлости находился, и которыхъ вкладчикъ лишенъ былъ вслѣдстіе несостоятельности банка. Если еще можно оспаривать право вкладчиковъ на взысканіе съ городскаго общества процентовъ за время съ объявленія несостоятельности банка до совершенія ликвидаціи его дѣлъ, когда всѣ суммы находились въ распоряженіи ликвидаціонной коммисіи, получившей и прибыли съ нихъ въ пользу кредиторовъ, то нѣтъ никакихъ причинъ отказывать вкладчику въ присужденіи въ общемъ исковомъ порядкѣ съ состоятельнаго городскаго общества процентовъ на сумму вклада, недополученную при ликвидаціи дѣлъ банка, за время со дня выдачи послѣдняго дивиденда, когда всѣ средства банка уже ликвидированы, выяснилось—на какую именно сумму недостаетъ ихъ по каждому вкладу,

и наступила отвѣственность городскаго общества предъ вкладчиками, въ опредѣленномъ притомъ размѣрѣ. На основаніи всего изложеннаго судебная палата утвердила рѣшеніе окружнаго суда.

Объ отмѣнѣ рѣшенія судебной палаты ходатайствовалъ уполномоченный Владикавказской городской управы, Клосовскій, который въ кассаціонной жалобѣ объяснилъ, между прочимъ, что присужденіемъ истцу процентовъ судебною палатою нарушены ст. 601 уст. торг. судопр. и 25 ст. норм. полож. о город. общ. банкахъ, такъ какъ по смыслу 601 ст. уст. торг. судопр. является пріостановленіе теченія процентовъ со времени объявленія несостоятельности. Такимъ образомъ, при полученіи удовлетворенія изъ конкурсной массы несостоятельнаго банка, кредиторы не имѣютъ права на проценты за время послѣ открытія несостоятельности; разъ же это такъ, то нѣтъ никакого основанія признавать за ними указанное право въ отношеніи города, обязаннаго по закону отвѣчать за несостоятельный банкъ, въ случаѣ отсутствія или недостаточности его имущества для погашенія претензій кредиторовъ. Далѣе, отвѣтственность города за банкъ есть особая, установленная спеціальнымъ закономъ, въ виду чего она должна опредѣляться только этимъ закономъ, буквальный же смыслъ 25 ст. нормальнаго положенія 6 февраля 1862 г. недопускающій, какъ законъ спеціальный, распространительнаго толкованія, не даетъ никакого основанія признать городъ отвѣтственнымъ, кромѣ оказавшихся въ нецѣлости, въ моментъ открытія несостоятельности банка, капиталовъ съ наросшими на нихъ процентами до этого момента, еще за проценты со времени объявленія несостоятельности банка.

Весьма обстоятельныя возраженія противъ кассаціонной жалобы заключались въ слѣдующемъ.

Въ настоящемъ дѣлѣ обсужденію подлежитъ вопросъ о томъ— въ правѣ ли кредиторъ несостоятельнаго Владикавказскаго городскаго общественнаго банка требовать на свой вкладъ проценты со времени несостоятельности банка.

Для правильнаго разрѣшенія этого вопроса, необходимо уяснить себѣ то соотношеніе, которое существуетъ между городскимъ обществомъ и городскимъ общественнымъ банкомъ по нормальному положенію о городскихъ общественныхъ банкахъ 6-го февраля 1862 г.

Въ ст. 3-й этого положенія сказано: „правленіе банка составляется изъ директора и двухъ его товарищей, *избираемыхъ городскимъ обществомъ, установленнымъ для городскихъ выборовъ поряд-*

комъ". „Городской голова можетъ вступить въ должность директора, но не иначе, *какъ по особому избранію городкаго общества*" (примѣч. 1-е къ ст. 3).—Изъ этихъ постановленій видно, что члены правленія городскаго банка являются избранными представителями города, т. е. его повѣренными, управляющими, приказчиками. Но въ лицѣ повѣреннаго дѣйствуетъ самъ довѣритель. *Поэтому, въ лицѣ избраннаго имъ правленія, само городское общество завѣдуетъ и распоряжается дѣлами городскаго банка.* И дѣйствительно, эта мысль вполнѣ подтверждается всѣми постановленіями нормальнаго положенія о городскихъ общественныхъ банкахъ 6-го февраля 1862 года, изъ которыхъ видно, что между правленіемъ городскаго банка и городскимъ обществомъ существуетъ постоянное взаимодѣйствіе и что вся дѣятельность городскаго банка происходитъ не только подъ наблюденіемъ, *но и при непосредственномъ участіи самого городскаго общества* (въ лицѣ городской думы).—Въ нормальномъ положеніи, именно, сказано: книги, въ которыхъ записываются производимыя городскимъ общественнымъ банкомъ операціи, *выдаются банку думою, за подписаніемъ членовъ оной, за шнуромъ и печатью думы* (ст. 18). „По истеченіи каждаго мѣсяца члены правленія *вмѣстѣ съ городскимъ головою и двумя членами думы* свидѣтельствуютъ всю наличность въ кладовой, по книгамъ и документамъ", и о результатахъ своей ревизіи *доносятъ думѣ* (ст. 19). *Правленіе банка представляетъ ежегодно отчетъ о своихъ дѣйствіяхъ черезъ городскую думу въ городское общество, которое провѣряетъ этотъ отчетъ чрезъ избранныхъ имъ лицъ* (ст. 21). Размѣры принимаемыхъ вкладовъ опредѣляются „*по соглашенію* (банка) *съ городскою думою*" (ст. 29). „Размѣръ процентовъ по вкладамъ назначается правленіемъ банка *обще съ городскимъ головою и членами думы*" (ст. 32). Такимъ же способомъ опредѣляется и учетный процентъ банка (ст. 46), а равно размѣръ ссудъ и процентовъ по ссудамъ, выдаваемымъ банкомъ (ст. 61 и 62). „Размѣръ коммисіи за покупку и продажу процентныхъ бумагъ и акцій опредѣляется правленіемъ банка *обще съ городскимъ головою и членами думы*" (ст. 122). Продажа съ публичнаго торга движимаго и недвижимаго имущества должниковъ банка производится въ самомъ банкѣ, „*при членѣ городской думы*" (ст. 55 и 89). Товары, принимаемые въ залогъ банкомъ, опредѣляются особою росписью, „которая составляется правленіемъ банка *и утверждается городскимъ обществомъ*" (ст. 76). Въ мѣстахъ, гдѣ страхованіе товаровъ невозможно, „городской общественный банкъ можетъ,

по приговору городскаго общества, допустить выдачу ссудъ и подъ залогъ незастрахованныхъ товаровъ . . ; размѣръ страховой преміи назначается правленіемъ банка *обще съ городскимъ головою и членами думы*" (примѣч. къ ст. 78). „По полученіи просьбы о ссудѣ подъ залогъ зданія или участка земли, находящагося въ чертѣ города, банкъ относится въ городскую думу объ оцѣнкѣ онаго, которая производится немедленно посредствомъ присяжныхъ оцѣнщиковъ, въ присутствіи одного изъ товарищей директора *и утверждается городскою думою; о количествѣ оцѣночной суммы дума даетъ знать банку письменно*" (ст. 108). Убытки, происшедшіе отъ неправильной оцѣнки, могутъ быть взысканы съ членовъ думы, утвердившихъ оцѣнку (ст. 119). „Правленію банка предоставляется, *съ разрѣшенія городскаго общества*, обращать часть резервнаго капитала на усиленіе основнаго капитала банка" (ст. 124). „За отчисленіемъ изъ чистыхъ годовыхъ прибылей банка извѣстной суммы, на основаніи ст. 120, для составленія резервнаго капитала и за удовлетвореніемъ изъ нихъ необходимыхъ расходовъ по содержанію банка, дозволяется, *по желанію городскаго общества* или учредителей, отдѣлять часть прибылей, ежегодно или единовременно, *на городскія надобности* и на устройство и содержаніе благотворительныхъ заведеній, какъ-то: больницъ, богадѣленъ, разнаго рода школъ и вообще на предметы общественнаго призрѣнія, воспитанія и вспоможенія неимущимъ" (ст. 126; см. прим. 3 и ст. 127).

Постановленія, вполнѣ аналогичныя съ приведенными, имѣются и въ положеніи о городскихъ общественныхъ банкахъ 26-го апрѣля 1883 года (т. XI, ч. 2, уставъ кредитн., раздѣлъ XI); см. ст. 2, 3, 4, 9, 11, 15, 24, 25, 27, 28, 30, 32, 33, 34, 47, 48, 49, 51, 53, 55, 56, примѣч. къ ст. 63, 76, 87, 101, примѣч. къ ст. 103, 114, 133, 145, 147, 148, 150, 152 и 153.

Въ ст. 92 разд. X устава кредитн. (т. XI, ч. 2) сказано, что суммы, остающіяся за покрытіемъ долговъ городскаго общественнаго банка, при ликвидаціи его дѣлъ, обращаются „*въ городскія средства*".

Изъ всѣхъ вышеизложенныхъ постановленій видно, что городской общественный банкъ является учрежденіемъ, принадлежащимъ городу. Иными словами, городской банкъ—торговое заведеніе, банкирская контора города. Завѣдуютъ этимъ торговымъ учрежденіемъ лица, избранныя городскимъ обществомъ и ему подчиненныя, т. е. управляющіе, повѣренные города, при чемъ въ дѣятельности этого учрежденія городское общество принимаетъ и непосредствен-

ное участіе. Такимъ образомъ, *городское общество является прямымъ и непосредственнымъ хозяиномъ городскаго банка.* Свойство города, какъ хозяина городскаго банка, видно, въ особенности изъ того, что городской банкъ, какъ объяснено выше, обязанъ давать городскому обществу отчетъ въ своихъ дѣйствіяхъ, и городъ имѣетъ право употребить часть прибылей банка на свои потребности.— Требовать же отъ банка отчета въ его дѣйствіяхъ и пользоваться прибылями банка, очевидно, можетъ одинъ лишь его хозяинъ (т. XI, ч. 2, уст. торг., ст. 27 и 28). Свойство городскаго общества, какъ хозяина городскаго банка, видно также изъ статьи 4-й, раздѣла XI устава кредитнаго (т. XI ч. 2), въ которой сказано: „директору и его товарищамъ можетъ быть, *по постановленію городской думы*, присвоено вознагражденіе или въ видѣ опредѣленнаго жалованья, или въ видѣ отчисленія, въ раздѣлъ между ними, *указанной думою*, доли чистой годовой прибыли“.—Но жалованье членамъ правленія изъ средствъ банка, очевидно, можетъ назначить лишь хозяинъ банка (ср. ст. 7, т. XI, устава торговаго).

Такъ какъ единственнымъ отвѣтственнымъ лицомъ за дѣйствія своего повѣреннаго является довѣритель (1 ч. X т. ст. 687 и 2326 и уст. торгов. ст. 28), а за дѣятельность торговаго заведенія—его хозяинъ, то *городское общество и является единственнымъ отвѣтственнымъ лицомъ за долги городскаго общественнаго банка.* Эта мысль ясно выражена въ самомъ нормальномъ положеніи, въ которомъ сказано: „банкъ состоитъ при мѣстной городской думѣ . . . . *подъ отвѣтственностью* и наблюденіемъ *городскаго общества, предъ коимъ онъ исключительно обязанъ отчетомъ въ своихъ дѣйствіяхъ*“ (ст. 2). Мысль эта точно выражена и въ приведенной выше статьѣ 2-й разд. XI, устава кредитнаго (т. XI, ч. 2).

Въ виду изложеннаго, долги городскаго общественнаго банка являются, на самомъ дѣлѣ, долгами самого городскаго общества. Съ этой точки зрѣнія слѣдуетъ признать, что отвѣтственность городскаго общества за долги городскаго банка отнюдь не является послѣдствіемъ отношенія поручительства: поручитель отвѣтствуетъ за чужой долгъ; долги же городскаго банка—собственные долги города. *Городское общество отвѣтствуетъ за долги городскаго банка не въ качествѣ поручителя, а въ качествѣ хозяина банка.*

Все вышеизложенное находитъ себѣ полное подтвержденіе и въ рѣшеніи Сената по дѣлу Скопинскаго городскаго общества (1894 г. № 98). Въ этомъ рѣшеніи Сенатъ, признавая, что къ отвѣтственности городскаго общества за долги городскаго банка не-

примѣнимы общіе законы о поручительствѣ, говоритъ, что „на городскомъ обществѣ лежитъ *вполнѣ* отвѣтственность за цѣлость вкладовъ и всѣхъ суммъ банка", при чемъ Сенатъ прямо называетъ городское общество *„хозяиномъ предпріятія"* (городскаго банка) и *„прямымъ хозяиномъ и отвѣтчикомъ"* по дѣламъ городскаго общественнаго банка.

Изъ всего вышеизложеннаго становится понятнымъ, что, въ сущности, не можетъ быть и рѣчи о несостоятельности городскаго общественнаго банка, въ техническомъ смыслѣ: возможно говорить лишь о несостоятельности хозяина банка, т. е. города, но отнюдь не банка, который является не самостоятельнымъ юридическимъ лицомъ, а лишь составною частью городскаго общества. О несостоятельности городскаго банка возможно говорить лишь въ смыслѣ фактическомъ, въ виду того, что его дѣла пришли въ разстройство, что его пассивъ превышаетъ активъ, что онъ прекратилъ платежи и его дѣла должны быть ликвидированы. Изъ этого ясно, что назначеніе ликвидаціонной коммиссіи по дѣламъ городскаго общественнаго банка заключается лишь въ томъ, чтобы привести въ извѣстность соотношеніе между активомъ и пассивомъ банка и ликвидировать его дѣла. Тогда становится извѣстною та дополнительная сумма, которую городъ обязанъ выплатить кредиторамъ банка.

Такъ какъ о несостоятельности городскаго общественнаго банка, строго говоря, не можетъ быть и рѣчи, то ясно, что къ настоящему дѣлу вовсе не примѣнимо постановленіе закона о прекращеніи платежа кредиторамъ процентовъ со времени несостоятельности должника (т. XI, ч. 2, уст. судопр. торг., ст. 601). На самомъ дѣлѣ, отвѣтственность за долги банка лежитъ всецѣло на городскомъ обществѣ. *Городъ, какъ хозяинъ банка, является самостоятельнымъ и единственнымъ должникомъ въ отношеніи кредиторовъ банка.* Но о несостоятельности Владикавказскаго городскаго общества нѣтъ и рѣчи. Поэтому нельзя говорить и о прекращеніи права кредиторовъ банка на полученіе по своимъ претензіямъ процентовъ со времени несостоятельности банка.

Эта мысль подтверждается и тѣмъ положеніемъ, что даже поручитель отвѣтствуетъ предъ кредиторами несостоятельнаго должника и за проценты со времени признанія должника несостоятельнымъ (кассац. рѣш. 1884 г. № 58). Это весьма естественно. Сущность поручительства заключается въ томъ, что кредиторъ, не довѣряя платежеспособности должника, выговариваетъ себѣ отвѣтственность поручителя за долгъ послѣдняго. Такимъ

образомъ основная идея поручительства и заключается въ томъ, что поручитель *гарантируетъ* кредитору полученіе *всего* долга, въ случаѣ неисправности или несостоятельности должника. Но въ составъ долга входятъ и причитающіеся на него проценты, которые составляютъ доходъ съ капитала и образуютъ его естественную принадлежность. Если бы поручитель освобождался отъ обязанности платить за должника проценты со времени признанія послѣдняго несостоятельнымъ, то поручительство потеряло бы свой практическій смыслъ, свой raison d'être. Слѣдуетъ еще замѣтить, что хотя поручитель отвѣтствуетъ за долгъ другаго лица, но, въ отношеніи кредитора, онъ (за нѣкоторыми ограниченіями относительно очереди отвѣтственности и проч.) *является такимъ же должникомъ, какъ и самъ главный должникъ* (поручникъ). *Поэтому поручитель, удовлетворяя кредитора, считается исполняющимъ свою личную обязанность* (см. соображенія редакціонной коммисіи по составленію гражданскаго уложенія, кн. 5, т. V, стр. 263, 276, 288 и 289). Если же поручитель является, въ отношеніи кредитора, самостоятельнымъ должникомъ, то, очевидно, нѣтъ никакого основанія освободить его отъ обязанности платить кредитору проценты за время несостоятельности главнаго должника.

Но если даже поручитель, который, на самомъ дѣлѣ, платитъ чужой долгъ, обязанъ платить кредитору проценты и за время несостоятельности главнаго должника, то тѣмъ болѣе такая обязанность лежитъ предъ кредиторами городскаго банка на городскомъ обществѣ, которое является предъ ними не только первоначальнымъ, но, въ сущности (какъ хозяинъ банка), *единственнымъ отвѣтственнымъ лицомъ.*

Правительствующій Сенатъ призналъ рѣшеніе судебной палаты правильнымъ и кассаціонную жалобу повѣреннаго Владикавказской городской управы оставилъ безъ послѣдствій. Для насъ, однако, представляется сомнительнымъ правильность того вывода, къ которому пришелъ Правительствующій Сенатъ. Правда, доводы кассаціонной жалобы объ отмѣнѣ рѣшенія Тифлисской судебной палаты изложены не вполнѣ удовлетворительно, но тѣмъ не менѣе въ нихъ имѣется ссылка на надлежащія статьи закона (601 ст. уст. о судопр. торгов. и 25 ст. нормал. полож. о город. общ. банкахъ 1862 г.), которыя, какъ намъ кажется, были нарушены судебною палатою при разрѣшеніи настоящаго дѣла.

Два существенныя основанія приведены въ подкрѣпленіе правильности рѣшенія судебной палаты: во-первыхъ, изъ городоваго поло-

женія и устава кредитнаго дѣлается выводъ, что городской банкъ, являясь торговымъ заведеніемъ или банкирскою конторою города, не имѣетъ самостоятельнаго значенія и управляется городомъ, какъ хозяиномъ, чрезъ своихъ уполномоченныхъ, въ лицѣ правленія банка; почему за долги городскаго банка всецѣло и должно отвѣтствовать городское общество. Во-вторыхъ, указывается на то, что, если даже признать самостоятельность юридической личности городскаго банка, городское общество, какъ поручитель, должно отвѣтствовать предъ кредиторами несостоятельнаго банка и за проценты со времени признанія должника несостоятельнымъ.

Остановимся сначала на первомъ доводѣ. Неосновательность этого довода представляется, съ нашей точки зрѣнія, внѣ всякаго сомнѣнія. Прежде всего самое юридическое понятіе о несостоятельности убѣждаетъ насъ, что несостоятельнымъ можетъ быть объявлено только лицо или физическое, или юридическое, но отнюдь не торговое заведеніе или банкирская контора, не имѣющія самостоятельнаго юридическаго облика. Столь же немыслимо объявленіе несостоятельнымъ повѣреннаго или уполномоченнаго какого-либо лица, такъ какъ и тотъ, и другой совершаютъ въ предѣлахъ довѣренности всѣ дѣйствія за счетъ довѣрителя, который и несетъ отвѣтственность за эти дѣйствія. Эти основныя юридическія положенія находятъ полное подтвержденіе и въ законѣ. Изъ десятаго раздѣла устава кредитнаго, т. XI, ч. 2, изд. 1893 года, мы видимъ, что городской общественный банкъ признается кредитнымъ установленіемъ, производящимъ отъ своего имени цѣлый рядъ операцій или юридическихъ дѣйствій, возникающимъ съ разрѣшенія подлежащей власти и прекращающимъ свое существованіе при наличности извѣстныхъ условій (67 и 76 ст.). При наступленіи несостоятельности банка, послѣдній закрывается порядкомъ, установленнымъ для производства дѣлъ о торговой несостоятельности (97 ст.), при чемъ ликвидація его дѣлъ производится на общемъ основаніи, какъ и всякаго другаго несостоятельнаго лица (109 ст.), а долги банка, въ порядкѣ удовлетворенія, дѣлятся, согласно уставу о торговой несостоятельности, на роды и разряды. Затѣмъ изъ XI-го раздѣла устава кредитнаго, въ которомъ помѣщено „положеніе о городскихъ общественныхъ банкахъ“, усматривается, что городской банкъ сносится отъ своего имени съ губернскимъ начальствомъ и высшими правительственными установленіями (2 ст.), имѣетъ право пріобрѣтать недвижимое имущество въ городѣ, какъ въ тѣхъ случаяхъ, когда онъ признаетъ необходимымъ имѣть соб-

ственное помѣщеніе (18 ст.), такъ и тогда, когда заложенная у него недвижимость, вслѣдствіе невзноса денегъ по закладной, на публичныхъ торгахъ не будетъ продана въ постороннія руки (16 ст. приложенія къ ст. 144 прим.).

Если остановиться на такихъ управомочіяхъ банка, то едва ли останется сомнѣніе въ томъ, что банкъ является по закону самостоятельнымъ юридическимъ лицомъ. Законодатель предоставилъ ему право вступать въ юридическія сдѣлки съ третьими лицами отъ своего собственнаго имени, что̀ очевидно мыслимо только потому, что банкъ составляетъ самостоятельную юридическую личность, независимую отъ городскаго общества. Далѣе только юридическою самостоятельностью банка объясняется его право входить въ сношеніе съ разными правительственными установленіями. Наконецъ только юридическія лица могутъ получать разрѣшеніе на пріобрѣтеніе права собственности на недвижимое имущество. Являясь самостоятельнымъ юридическимъ лицомъ, банкъ несетъ и самостоятельную отъ городскаго общества отвѣтственность по своимъ операціямъ, чѣмъ только и объясняется возможность признанія его несостоятельнымъ, до разрѣшенія вопроса о средствахъ городскаго общества къ удовлетворенію кредиторовъ городскаго банка.

Такимъ образомъ первый доводъ въ подтвержденіе правильности рѣшенія судебной палаты слѣдуетъ признать неосновательнымъ какъ съ теоретической точки зрѣнія, такъ и съ точки зрѣнія дѣйствующаго у насъ законодательства. Отсюда явствуетъ невѣрность и сдѣланнаго изъ этого довода вывода о томъ, что городское общество, какъ хозяинъ банка, несетъ всецѣло отвѣтственность за долги банка. Едва ли возможно говорить о полной отвѣтственности города за долги банка, когда законъ прямо указываетъ условія наступленія несостоятельности банка и предписываетъ въ этихъ случаяхъ удовлетворять его долги, смотря по ихъ роду и разряду, на основаніи общихъ правилъ о несостоятельности. Вѣдь при такой отвѣтственности городскаго общества за всѣ долги банка, объявленіе послѣдняго несостоятельнымъ и самое производство несостоятельности не имѣло бы ни юридическаго, ни практическаго смысла.

Столь же мало убѣдительнымъ представляется и второй доводъ. Если по 25 ст. городоваго положенія 6 февраля 1862 года, соотвѣтствующей 48 ст. того же положенія, изданія 1893 года, *ввѣренные городскимъ банкамъ вклады обезпечиваются ручательствомъ всего городскаго общества*, то отсюда не слѣдуетъ еще возможность при-

мѣненія къ такому ручательству правилъ, изложенныхъ въ 1558 ст. 1 ч. X т. о поручительствѣ вообще. Ручательство города, какъ видно изъ 48 и 49 ст. полож. о город. общ. банкахъ, изд. 1893 года, въ точности ограничено извѣстными предѣлами: городъ отвѣчаетъ за цѣлость вкладовъ и капиталовъ банка (основнаго и запаснаго), но не за всякія другія потери частныхъ лицъ, вступившихъ въ юридическія сдѣлки съ банкомъ. Между тѣмъ, согласно 42 ст. того же положенія, сумма всѣхъ обязательствъ банка можетъ превышать въ пять разъ собственные его капиталы. Такимъ образомъ, въ силу закона, возможно такое положеніе вещей, когда капиталы банка будутъ далеко недостаточны для удовлетворенія его кредиторовъ, которые могутъ получить лишь $^1/_5$ часть своего долга, или 20 копѣекъ на рубль. Вступая въ сдѣлку съ банкомъ и ввѣряя ему извѣстную сумму денегъ, въ видѣ вклада, вкладчикъ долженъ предвидѣть возможность несостоятельности банка и отнесеніе своей претензіи къ извѣстному роду и разряду. Онъ, вкладчикъ, долженъ также знать общій установленный 601 ст. устава о торговой несостоятельности принципъ, по которому каждому кредитору, независимо отъ оснований, изъ которыхъ вытекаютъ его кредиторскія права, принадлежитъ право на проценты лишь по день объявленія несостоятельности. При знаніи же такихъ послѣдствій, устанавливаемыхъ закономъ, незнаніемъ котораго никто не можетъ отговариваться, вкладчикъ не имѣетъ права разсчитывать на теченіе процентовъ на свой вкладъ въ случаѣ несостоятельности банка, съ момента наступленія таковой. 112 и 113 ст. X-го раздѣла устава кредитнаго и 601 ст. устава судопр. торг. ясно указываютъ, что долги банка по вкладамъ отнесены къ долгамъ перваго рода втораго разряда, по которымъ удовлетвореніе со стороны банка производится по соразмѣрности съ начисленіемъ процентовъ со дня просрочки по день несостоятельности. Затѣмъ 109 и 119 ст. того же раздѣла устава кредитнаго устанавливаютъ точныя изъятія изъ общихъ правилъ устава несостоятельности при производствѣ дѣлъ о несостоятельности городскихъ банковъ, и ни въ означенныхъ статьяхъ, и ни въ какихъ другихъ статьяхъ X-го и XI-го раздѣловъ устава кредитнаго не имѣется указаній на то, чтобы по вкладамъ несостоятельный городской банкъ обязанъ былъ платить проценты и послѣ открытія его несостоятельности. Если же теченіе процентовъ на вкладъ пріостанавливается со дня объявленія несостоятельности банка въ силу самаго закона, то вкладчикъ не можетъ требовать за этотъ періодъ времени процентовъ и съ город-

скаго общества, которое ручается лишь за цѣлость вкладовъ, но не за теченіе по нимъ процентовъ за все время ликвидаціи дѣлъ несостоятельнаго банка. Вѣдь ликвидація можетъ длиться, какъ показало и настоящее дѣло, болѣе десяти лѣтъ, а слѣдовательно проценты на капиталъ (считая по закону 6% на 100) могутъ доходить до $^2/_3$ размѣра всего вклада. Очевидно такая отвѣтственность допустима лишь при прямомъ указаніи закона, тѣмъ болѣе по отношенію къ юридическому лицу, имѣющему своею цѣлью общественные интересы и благотворительность (152 и 153 ст. XI-го раздѣла устава кредитнаго), а не личную выгоду и наживу. Если допустить, что городское общество отвѣчаетъ не только за цѣлость вкладовъ, но за теченіе по нимъ процентовъ за все время до возвращенія ихъ вкладчикамъ, то, на основаніи той же 25 ст. полож. о город. общ. банкахъ 1862 года (48 ст., изд. 1893 г.), общество должно также отвѣчать не только за цѣлость основнаго и запаснаго капиталовъ банка, но и за тѣ проценты, которые могли бы нарости на эти капиталы при растратѣ ихъ правленіемъ банка и при невозможности возмѣщенія убытковъ съ членовъ правленія (117 ст. X-го раздѣла и 40 ст. XI-го раздѣла устава кредитнаго). Конечно, такая отвѣтственность городскаго общества была бы въ интересахъ кредиторовъ банка, преслѣдующихъ почти исключительно свои коммерческія цѣли, и давала бы имъ, хотя бы они не были вкладчиками, право иска къ городу въ размѣрѣ процентовъ, могущихъ нарости на капиталы банка по день ликвидаціи дѣла о его несостоятельности, но это шло бы въ прямой разрѣзъ интересамъ общественнымъ, представителемъ которыхъ и является городское общество. Спрашивается, было ли бы мыслимо тогда представленіе опредѣленнаго обезпеченія со стороны города, на которое, согласно 47 ст. город. полож., изд. 1893 года, налагается запрещеніе. Очевидно—нѣтъ, такъ какъ стоимость городскаго имущества, представляемаго городомъ въ обезпеченіе, можно сообразовать съ допускаемою къ принятію банкомъ суммою вкладовъ, которая можетъ быть опредѣлена заранѣе, сообразно размѣрамъ предполагаемыхъ операцій банка (53 ст. XI-го разд. уст. кред.), а не съ тѣми убытками, которые можетъ понести банкъ, впадая въ несостоятельность.

Не убѣдительны, наконецъ, и тѣ доводы, которые приведены въ рѣшеніи судебной палаты по поводу присужденія истицѣ процентовъ со времени объявленія Владикавказскаго городскаго банка несостоятельнымъ по день ликвидаціи его дѣлъ.

По мнѣнію палаты, 601 ст. уст. о судопр. торг. не имѣетъ

значенія въ данномъ случаѣ, а относится до конкурснаго производства и опредѣляетъ лишь права кредиторовъ не къ должнику, а къ тому его имуществу, которое поступило въ конкурсную массу; отношенія же кредиторовъ къ самому должнику опредѣляются общими гражданскими законами. Эти разсужденія палаты не только не опираются на законъ, но и прямо идутъ въ разрѣзъ съ его разумомъ. 601 ст. уст. о несост. и опредѣляетъ отношенія кредиторовъ, *заявившихъ свои претензіи въ конкурсъ*, къ самому должнику, а не къ конкурсной массѣ. Это прежде всего явствуетъ изъ того, что 601 ст. помѣщена въ 5 отдѣленіи, 3 раздѣла, содержащимъ въ себѣ правила о *порядкѣ составленія общаго счета всѣмъ долгамъ несостоятельнаго*. Вслѣдствіе сего въ сумму его долговъ не входятъ проценты на заявленныя въ конкурсъ претензіи со дня объявленія несостоятельности. Далѣе изъ 623 ст. уст. о несост. явствуетъ, что эта фиксированная сумма долга, въ томъ размѣрѣ, въ какомъ она останется безъ удовлетворенія во время производства несостоятельности, можетъ быть довзыскиваема кредиторами съ неосторожнаго банкрота, если по закрытіи конкурса къ нему впослѣдствіи дойдетъ какое-либо имущество. Слѣдовательно, въ счетъ долга несостоятельнаго и по окончаніи конкурснаго производства не входятъ тѣ проценты на капиталъ, о которыхъ говорится въ 601 ст. Что конкурсный процессъ имѣетъ цѣлью установить отношенія конкурсныхъ кредиторовъ не только къ конкурсной массѣ, но и къ самому несостоятельному должнику—это лучше всего доказывается 621 ст. уст. о несост., въ силу которой, при несчастной несостоятельности, по окончаніи производства о ней, должникъ освобождается отъ всякой отвѣтственности предъ своими конкурсными кредиторами, какъ бы мало они ни получили въ счетъ своихъ претензій изъ конкурсной массы. Несчастная же несостоятельность и есть нормальная, чисто гражданская неоплатность безъ примѣси уголовнаго элемента, тогда какъ простое и злостное банкротство осложняютъ обыкновенный видъ несостоятельности и влекутъ за собою тѣ болѣе или менѣе тяжелыя послѣдствія, о которыхъ говорится въ 622, 623 и 624 ст. уст. о несост. А такъ какъ, согласно 117 ст. X раздѣла устава кредитнаго, городской банкъ не можетъ быть объявленъ ни простымъ, ни злостнымъ банкротомъ, то по отношенію къ нему конкурсный процессъ завершаетъ навсегда всѣ его разсчеты съ конкурсными его кредиторами; а затѣмъ уже наступаетъ особая, спеціальная отвѣтственность городскаго общества въ размѣрѣ, точно опредѣленномъ 25 ст. городоваго положенія 1862 года или 48 и 49 ст. того же положенія 1893 года.

Совершенно неподходящая ссылка палаты и на 574 ст. 1 ч. X т. Дѣйствительно, никто не можетъ быть лишенъ правъ, ему принадлежащихъ, но въ данномъ случаѣ законъ заранѣе устанавливаетъ предѣлы правъ вкладчиковъ, указывая на то, что теченіе процентовъ на вклады можетъ имѣть мѣсто въ предѣлахъ и порядкомъ, указаннымъ 47—65 ст. X раздѣла устава кредитнаго; при наступленіи же несостоятельности банка, со дня объявленія этой несостоятельности теченіе процентовъ пріостанавливается, и городское общество отвѣчаетъ лишь за цѣлость внесенныхъ ими вкладовъ, согласно 97, 113 ст. X раздѣла и 48 ст. XI раздѣла устава кредитнаго и 601 ст. устава о судопр. торгов.

Наконецъ неудачна ссылка судебной палаты и на рѣшеніе Гражданскаго Кассаціоннаго Департамента за 1894 г. № 98, такъ какъ Сенатъ въ этомъ рѣшеніи не призналъ городское общество хозяиномъ—собственникомъ предпріятій банка, каковое положеніе высказано лишь въ сужденіяхъ Московской судебной палаты.

II.

Объемъ правъ земскихъ начальниковъ, при просмотрѣ ими приговоровъ, постановляемыхъ волостными и сельскими сходами (30 и 31 ст. полож. о земск. участк. начальн.).

Въ томъ же засѣданіи Департамента слушалось другое весьма интересное дѣло крестьянина Цопова съ обществомъ крестьянъ села Михайловки. Изъ обстоятельствъ этого дѣла видно, что *по приговору, постановленному 28 ноября 1891 г., провѣренному волостнымъ правленіемъ и утвержденному къ исполненію земскимъ начальникомъ*, Михайловское сельское общество, Марьинской волости, Николаевскаго уѣзда, Самарской губерніи, сдало крестьянину Епифану Цопову въ аренду 240 десятинъ принадлежащей названному обществу земли, срокомъ на 10 лѣтъ, съ 1893 по 1903 г., за 1440 р. за все время аренды. По внесеніи Цоповымъ всей арендной платы сполна, общество передало въ его пользованіе указанный въ приговорѣ участокъ земли, который и находился въ его распоряженіи съ 1893 по 1896 годъ. Затѣмъ Николаевскій уѣздный съѣздъ, по административному присутствію, разсмотрѣвъ 19 января 1896 года представленіе земскаго начальника о томъ, что приговоромъ сельскаго схода отъ 28 ноября 1891 года Цопову сдана въ аренду земля по

крайне низкой цѣнѣ, въ виду безвыходнаго положенія крестьянъ, по случаю неурожаевъ, и принявъ во вниманіе, что земельные надѣлы крестьянъ служатъ единственнымъ источникомъ къ возмѣщенію всѣхъ, лежащихъ на нихъ, денежныхъ повинностей и къ обезпеченію быта самихъ крестьянъ и что, за уменьшеніемъ земельныхъ надѣловъ, они лишаются главнаго и почти единственнаго источника ихъ благосостоянія,—опредѣлилъ: приговоръ Михайловскаго общества отъ 28 ноября 1891 г., какъ клонящійся къ явному ущербу интересовъ его, отмѣнить. Принесенная на это постановленіе крестьяниномъ Цоповымъ жалоба была оставлена Самарскимъ губернскимъ присутствіемъ, по опредѣленію отъ 29 іюля 1897 г., безъ послѣдствій. Заручившись такимъ постановленіемъ уѣзднаго съѣзда, Михайловское сельское общество устранило Цопова отъ дальнѣйшаго пользованія сданною ему въ аренду землею.

Въ исковомъ прошеніи Цоповъ просилъ: 1) обязать общество крестьянъ с. Михайловки немедленно допустить его до владѣнія и пользованія землею, сданною ему въ аренду по приговору отъ 28 ноября 1891 г., и 2) взыскать съ того общества убытки, причиненные устраненіемъ его, Цопова, отъ пользованія землею въ 1897 году.

Рѣшеніемъ окружнаго суда исковыя требованія Цопова удовлетворены. Судебная палата, разсмотрѣвъ дѣло по апелляціонной жалобѣ повѣреннаго отвѣтчика общества с. Михайловки, утвердила рѣшеніе окружнаго суда, находя: 1) что приговоръ отъ 28 ноября 1891 г., на коемъ имѣется надпись Цопова „на изложенныхъ условіяхъ землю снялъ“, имѣетъ всѣ признаки законно совершеннаго договора; 2) что договоръ этотъ, какъ не прекращенный однимъ изъ способовъ, указанныхъ въ 1545—1547 ст. X т. 1 ч. Свод. зак., налагаетъ на обѣ стороны, въ немъ участвующія, обязанность въ точности исполнять всѣ его условія, и 3) что отмѣна приговора уѣзднымъ съѣздомъ, по административному его присутствію, никакого вліянія въ смыслѣ умаленія или потери гражданскихъ правъ, пріобрѣтенныхъ Цоповымъ по законно составленному договору, имѣть не можетъ, такъ какъ споры о правѣ гражданскомъ не могутъ быть разрѣшаемы постановленіями лицъ и мѣстъ административныхъ.

Въ кассаціонной жалобѣ повѣреннаго отвѣтчика указывается главнымъ образомъ на то, что искъ Цопова основанъ на приговорѣ общества, потерявшемъ, въ виду его отмѣны, всякую силу и значеніе, и что поэтому искъ его не подлежалъ удовлетворенію.

Кассаціонною жалобою такимъ образомъ возбужденъ вопросъ о

томъ: „обязательны ли во всѣхъ случаяхъ для судебныхъ установленій, при разсмотрѣніи ими судебныхъ дѣлъ, постановленія присутствій по крестьянскимъ дѣламъ объ отмѣнѣ приговоровъ крестьянскихъ обществъ объ отдачѣ въ арендное содержаніе общественной крестьянской земли“?

Правительствующій Сенатъ вопросъ этотъ разрѣшилъ отрицательно и кассаціонную жалобу оставилъ безъ послѣдствій.

Правильность рѣшенія Сената въ данномъ случаѣ едва ли можетъ подлежать сомнѣнію. Чтобы убѣдиться въ этомъ, необходимо обратить вниманіе на точный смыслъ 30 и 31 ст. положенія о земскихъ участковыхъ начальникахъ. Первая изъ этихъ статей устанавливаетъ правило, въ силу котораго земскій начальникъ имѣетъ право разсматривать всѣ приговоры, постановляемые волостными и сельскими сходами въ предѣлахъ ввѣреннаго ему участка. Затѣмъ, согласно 31 ст., если земскій начальникъ удостовѣрится, что приговоръ волостнаго или сельскаго схода постановленъ несогласно съ законами, либо клонится къ явному ущербу сельскаго общества, либо нарушаетъ законныя права отдѣльныхъ его членовъ или приписанныхъ къ волости лицъ, то онъ, остановивъ исполненіе сего приговора, представляетъ его вмѣстѣ съ своимъ заключеніемъ на разсмотрѣніе уѣзднаго съѣзда.

На первый взглядъ, въ силу приведенныхъ статей, земскій участковый начальникъ можетъ во всякое время и всякаго рода приговоръ волостнаго и сельскаго схода въ предѣлахъ своего участка признать незаконнымъ или клонящимся къ ущербу сельскаго общества и пріостановить его исполненіе. Однако, вникая въ смыслъ этихъ статей и обративши вниманіе на тѣ цѣли, которыя преслѣдовалъ законодатель, устанавливая содержащіяся въ нихъ правила, мы должны признать, что контроль со стороны земскаго начальника, относительно правильности постановляемыхъ сходами приговоровъ, можетъ и долженъ имѣть мѣсто только до приведенія ихъ въ исполненіе. Въ самомъ дѣлѣ, всякій приговоръ схода, являясь выраженіемъ воли юридическаго лица, сельскаго общества, служитъ средствомъ для совершенія отъ имени этого общества тѣхъ или другихъ юридическихъ дѣйствій, которыя, само собою разумѣется, влекутъ за собою тѣ или другія юридическія послѣдствія. Съ того момента, когда юридическое дѣйствіе совершено, оно, въ силу закона, неизбѣжно должно создать извѣстныя правоотношенія, которыя могутъ быть погашены только въ установленномъ тѣмъ же закономъ порядкѣ. Если бы законодатель имѣлъ въ виду предоста-

вить земскимъ начальникамъ право пріостанавливать исполненіе приговоровъ, не только еще неосуществленныхъ, но и тѣхъ, по которымъ началось исполненіе, а, слѣдовательно, и возникли по нимъ юридическія отношенія, то онъ, очевидно, долженъ бы это оговорить, такъ какъ онъ создавалъ бы особый способъ прекращенія юридическихъ отношеній, кромѣ тѣхъ, кои нынѣ установлены въ законѣ.

Особенно наглядно обрисовывается правильность только-что выставленныхъ нами положеній по отношенію къ тѣмъ случаямъ (какъ и въ данномъ дѣлѣ), когда приговоръ схода направленъ къ установленію частно-правовыхъ отношеній вообще и договорныхъ въ особенности. Здѣсь въ приговорѣ общества не только проявляется воля юридическаго лица на совершеніе той или другой юридической сдѣлки, но и констатируется соглашеніе другой, вступающей съ обществомъ въ сдѣлку, стороны. Такимъ образомъ составленный въ установленномъ порядкѣ приговоръ облекаетъ собою юридическую сдѣлку, которая, въ силу спеціальнаго закона (30 и 31 ст. полож. о земск. участк. начальн.), вступаетъ въ силу и можетъ породить гражданскія правоотношенія между сторонами, ее заключившими, только послѣ пропуска этого приговора подлежащею властью къ исполненію. Но коль-скоро контролирующая власть допустила приведеніе такого приговора въ дѣйствіе, на мѣсто его выступаетъ осуществленная юридическая сдѣлка и вмѣстѣ съ нею взаимныя права и обязанности сторонъ, ее заключившихъ. А такъ какъ, въ силу 574 ст. 1 ч. X т., пріобрѣтенныхъ гражданскихъ правъ никто не можетъ быть лишенъ безъ суда и такъ какъ всякое гражданское право погашается только въ установленномъ закономъ порядкѣ, то и приведенный въ исполненіе приговоръ сельскаго общества, создавшій извѣстныя правоотношенія сторонъ, не можетъ быть затѣмъ уничтоженъ по представленію земскаго начальника крестьянскими учрежденіями въ административномъ порядкѣ.

Такой же въ сущности взглядъ высказанъ и въ опредѣленіи 1-го Общаго Собранія Сената, по дѣлу 1893 года № 55, по представленію Полтавскаго губернскаго присутствія (Сборникъ изд. барономъ А. Нолькенъ, стр. 417—420). Въ этомъ опредѣленіи, согласно предложенію Министра Юстиціи, высказано, что послѣ того какъ содержащееся въ приговорѣ общества крестьянъ ходатайство о разрѣшеніи ссуды хлѣба удовлетворено земскою управою, земскій начальникъ не имѣетъ права входить въ уѣздный съѣздъ съ представленіемъ объ отмѣнѣ такого приговора, такъ какъ онъ замѣненъ

уже распоряженіемъ управы о выдачѣ ссуды и уѣздный съѣздъ не можетъ ни входить въ разсмотрѣніе представленія земскаго начальника по существу, ни постановлять по сему представленію опредѣленіе объ отмѣнѣ приговора.

Если же крестьянскія учрежденія не управомочены на отмѣну приговоровъ обществъ, уже приведенныхъ въ дѣйствіе, то постановленія означенныхъ учрежденій объ отмѣнѣ подобнаго рода приговоровъ, какъ состоявшіяся внѣ предѣловъ ихъ компетенціи и съ нарушеніемъ закона, не могутъ имѣть никакой силы и значенія.

Обращаясь отъ этихъ общихъ соображеній къ обстоятельствамъ даннаго дѣла, мы видимъ, что приговоръ Михайловскаго сельскаго общества отъ 28 ноября 1891 года былъ утвержденъ къ исполненію земскимъ начальникомъ, послѣ чего земля сельскаго общества, въ размѣрѣ 240 десятинъ, была передана въ арендное содержаніе контрагента общества Епифана Цопова, который и пользовался арендуемою землею въ теченіе трехъ лѣтъ. Затѣмъ въ 1896 году, послѣ замѣны приговора арендымъ договоромъ, земскій начальникъ возбуждаетъ вопросъ объ убыточности означеннаго приговора для Михайловскаго сельскаго общества, а крестьянскія учрежденія въ административномъ порядкѣ уничтожаютъ приговоръ.

Очевидно, что въ данномъ дѣлѣ ходатайство земскаго начальника объ уничтоженіи приговора являлось несвоевременнымъ и не могло подлежать разсмотрѣнію крестьянскихъ учрежденій по существу; а потому рѣшенія судебныхъ мѣстъ, удовлетворившихъ искъ Епифана Цопова о возстановленіи нарушенныхъ его арендныхъ правъ, пріобрѣтенныхъ по приговору 28 ноября 1891 года, представляются совершенно правильными и согласными съ закономъ.

III.

При внесеніи законной ипотеки жены на имѣніе мужа въ ипотечный указатель въ округѣ Варшавской судебной палаты обязательна ли 20 ст. ипотечнаго устава 1818 года?

Въ засѣданіи Гражданскаго Кассаціоннаго Департамента отъ 16 января сего года былъ разрѣшенъ Правительствующимъ Сенатомъ одинъ изъ самыхъ серьезныхъ и сложныхъ вопросовъ польскаго ипотечнаго права. Вопросъ этотъ возникъ по дѣлу Ванды Мышковской съ мужемъ ея Казиміромъ Мышковскимъ. Обстоятельства этого дѣла, возникшаго въ округѣ Варшавской судебной палаты, представляются въ слѣдующемъ видѣ.

Въ ипотечный указатель имѣнія Галевице, принадлежащаго Казиміру Мышковскому, по требованію жены его Ванды Мышковской, была внесена въ видѣ законной ипотеки статья о причитающейся Мышковской съ ея мужа суммы 14000 руб., а также о томъ, что Мышковской подлежитъ выдачѣ половина имущества ея мужа.

Въ оправданіе этого требованія Мышковскою были представлены: 1) выпись предбрачнаго договора, изъ котораго видно, что она внесла въ домъ мужа приданое на сумму 4000 руб., и 2) выпись акта, въ которомъ ипотечный кредиторъ Мышковскаго удостовѣряетъ полученіе отъ Казиміра Мышковскаго, а именно изъ рукъ его жены Ванды Мышковской, 10000 руб.

Вслѣдствіе апелляціонной жалобы Казиміра Мышковскаго, Варшавская судебная палата нашла.

Законная ипотека вносится въ ипотечную книгу, даже безъ согласія должника (ст. 16 ипот. уст. 1825 г.), но если сумма ипотеки превышаетъ ту, которая необходима для обезпеченія законной ипотеки, то должникъ въ правѣ требовать уменьшенія оной (ст. 18 ипот. уст. 1825 г.). Сумма законной ипотеки на 4000 руб. не оспаривается, но оспаривается сумма 10000 руб. Въ удостовѣреніе сей послѣдней суммы Мышковская сослалась на нотаріальный актъ отъ 9 іюня 1893 г., изъ коего видно, что она, отъ имени мужа, уплатила его ипотечному кредитору 10000 руб., но не видно, чтобы она эти 10000 руб. уплатила изъ своихъ средствъ, и она даже голословно не заявила, какимъ образомъ и отъ кого получила эти 10000 руб., ибо не имѣла ихъ по предбрачному договору. При наличности такихъ данныхъ, судебная палата не нашла основанія обременять имѣніе мужа законною ипотекою на 10000 руб, а потому опредѣлила: записанную въ пользу Ванды Мышковской законную ипотеку въ ипотечномъ указателѣ имѣнія Галевице уменьшить до размѣра 4000 руб.

Въ кассаціонной жалобѣ повѣренный Ванды Мышковской, присяжный повѣренный Пашковичъ, объяснилъ.

Соображенія судебной палаты не могутъ быть признаны правильными. А именно: дѣйствительно ст. 18 ипот. уст. 1825 г. дозволяетъ должнику законной ипотеки просить объ ограниченіи внесенной статьи, если таковая простирается „свыше размѣра, необходимаго для обезпеченія законной ипотеки“. Другими словами, законъ дозволяетъ должнику, въ случаѣ, если кредиторъ законной ипотеки, заявившій извѣстныя права, потребуетъ излишняго для нихъ, т. е. для этихъ *заявленныхъ имъ правъ,* обезпеченія—просить, чтобы обезпеченіе было дано

лишь въ такомъ объемѣ, который соотвѣтствуетъ *заявленному праву* и вполнѣ обезпечиваетъ оное.

Но и независимо отъ приведеннаго соображенія никоимъ образомъ невозможно согласится со взглядомъ судебной палаты, что для внесенія женою законной ипотеки (по ст. 205 гражд. улож. 1825 г.) на имущество мужа недостаточенъ нотаріальный актъ, удостовѣряющій объ уплатѣ женою долговъ мужа. Недопущеніе палатою законной ипотеки для суммы 10000 р., за непредставленіемъ Мышковскою положительныхъ доказательствъ въ томъ, что долгъ мужа въ означенной суммѣ она уплатила изъ собственныхъ средствъ,— прямо противорѣчитъ основнымъ понятіямъ института законной ипотеки. Въ касс. рѣш. $^{41}/_{84}$ положительно разъяснено, что существованіе „статьи законной ипотеки не имѣетъ вовсе значенія не только окончательнаго присужденія, но даже и окончательнаго признанія отвѣтственности“ должника въ показанной статьею суммѣ.

Въ развитіе кассаціонной жалобы были представлены подробныя соображенія, сущность которыхъ сводится къ слѣдующему.

Законная ипотека установлена въ пользу извѣстной категоріи лицъ во вниманіе къ ихъ юридическому состоянію или въ виду особаго свойства ихъ отношеній къ тѣмъ, на имуществѣ которыхъ имъ представляется законная ипотека.

По ст. 15 закона объ ипот. и прив. 1825 г. *право на законную ипотеку принадлежитъ, между прочимъ, женѣ*, лицу несовершеннолѣтнему либо состоящему подъ законнымъ прещеніемъ, *какъ о томъ постановлено въ книгѣ первой гражданскаго уложенія*, а также казнѣ по отношенію къ податямъ, кои съ сего времени не будутъ уплачены. Ст. 205 гражд. улож. 1825 г. предоставляетъ женѣ законную ипотеку на имуществѣ мужа, какъ видно изъ законодательныхъ мотивовъ, на которыхъ основана ст. 205 гражд. улож., въ огражденіе жены отъ убытковъ, не только *уже* понесенныхъ ею вслѣдствіе злоупотребленія мужемъ властью, предоставленною ему на женино имущество, но даже отъ убытковъ *лишь возможныхъ*, представляющихся, *по мнѣнію жены*, только вѣроятными. Въ огражденіе мужа отъ непомѣрныхъ притязаній жены, ст. 18 закона о прив. и ипот. 1825 г. предоставляетъ мужу требовать ограниченія записи въ томъ случаѣ, если бы означенная въ статьѣ ипотечнаго указателя сумма превышала ту, которая необходима для обезпеченія претензіи.

Такимъ образомъ оказывается, что право жены на внесеніе законной ипотеки обусловлено единственно юридическимъ положеніемъ

замужней женщины, а потому жена обязана доказать ипотечному начальству, а ипотечное начальство можетъ требовать единственно удостовѣренія лишь этого юридическаго состоянія, дающаго право на законную ипотеку, т. е. факта законнаго брака. Изъ этого видно, что правила о законныхъ ипотекахъ устанавливаютъ предположеніе, не требующее особаго, въ моментъ внесенія законной ипотеки, доказательства, что мужъ дѣйствительно сталъ должникомъ жены, требующей внесенія статьи о законной ипотекѣ, и это предположеніе признается *доказаннымъ*, если лицо, на имущество котораго законная ипотека записана, не потребуетъ ея исключенія или ограниченія. Но внесеніе законной ипотеки вовсе не устанавливаетъ права на *взысканіе*; ипотека только *обезпечиваетъ* предполагаемое взысканіе, которое, на общемъ основаніи, можетъ послѣдовать лишь въ силу судебнаго рѣшенія, постановленнаго въ состязательномъ порядкѣ (ст. 138 ипот. уст. 1818 г., ст. 1 и 4 уст. гражд. суд.).

Если, такимъ образомъ, для записанія статьи о законной ипотекѣ достаточно голословнаго заявленія *размѣра* предполагаемаго взысканія, въ повѣрку котораго ипотечное начальство входить не въ правѣ, то изъ этого само собою слѣдуетъ, что ипотечное начальство не въ правѣ входить въ повѣрку размѣра предполагаемаго взысканія въ томъ случаѣ, когда въ подтвержденіе его представляется какой-либо актъ, на основаніи котораго проектируется статья для ипотечнаго указателя; если лицо, требующее внесенія законной ипотеки, вовсе не обязано оправдать передъ ипотечнымъ начальствомъ *размѣръ* своего притязанія, то положеніе такого лица не можетъ стать менѣе благопріятнымъ, въ силу того, что имъ, совершенно впрочемъ излишне, представляются доказательства въ подтвержденіе размѣра его претензіи.

По симъ соображеніямъ слѣдуетъ признать, что *ипотечное начальство, признавъ предложенную редакцію статьи о законной ипотекѣ несоотвѣтствующею содержанію акта, не въ правѣ измѣнить эту редакцію согласно съ симъ содержаніемъ.*

Изъ вышеизложеннаго само собою слѣдуетъ, *что право требовать уменьшенія суммы законной ипотеки можетъ* быть осуществлено лишь въ порядкѣ исковомъ, а не ипотечномъ.

Это заключеніе подтверждается, впрочемъ, еще и слѣдующими соображеніями.

По ст. 20 ипот. уст. 1818 г. ипотечное начальство охраняетъ лишь права явныя по ипотечному указателю, т. е. такія, которыя, по ихъ безспорности, пріобрѣли свойство общественной достовѣр-

ности (рѣш. Гражд. Касс. Деп. 1881 г. № 148), разрѣшеніе же споровъ по существу должно, по 6 п. 29 ст. того же устава, происходить судебнымъ порядкомъ на основаніи ст. 1 и 4 уст. гражд. суд.

Въ судебномъ порядкѣ подлежитъ разсмотрѣнію какъ *размѣръ* взысканія, обезпеченнаго законной ипотекой, такъ и *требованіе объ уменьшеніи суммы* законной ипотеки, и ипотечное начальство, вступая въ оцѣнку доказательствъ по сему вопросу и постановляя на семъ основаніи опредѣленіе, нарушаетъ предѣлы своей компетенціи, присвоивая себѣ функціи, которыя принадлежатъ лишь суду (ст. 138 ипот. уст. 1818 г.).

Съ этими соображеніями, по крайней мѣрѣ, въ окончательномъ его выводѣ, согласился Правительствующій Сенатъ и рѣшеніе Варшавской судебной палаты отмѣнилъ по нарушенію 205 ст. гражд. кодекса, 20 ст. ипотечнаго устава 1818 года и 15 ст. закона о привилегіяхъ и ипотекахъ 1825 года.

Мы не можемъ раздѣлить взглядъ Правительствующаго Сената, хотя и находимъ рѣшеніе судебной палаты ненадлежаще мотивированнымъ. Для правильнаго разрѣшенія настоящаго дѣла, прежде всего, слѣдуетъ остановиться на 205 ст. гражд. улож. Прекрасное толкованіе этой статьи мы находимъ въ классическомъ сочиненіи *Дуткевича:* „Польское ипотечное право" (изд. редакціонной коммиссіи по составленію гражданскаго уложенія, стр. 392—398). Указанный авторъ совершенно справедливо замѣчаетъ, что 205 ст. имѣетъ въ виду два совершенно различныхъ основанія для возникновенія законной ипотеки жены. Первое основаніе—*это отвѣтственность мужа по управленію имъ имуществомъ своей жены.* Отвѣтственность эта наступаетъ, если мужъ допуститъ, вслѣдствіе какихъ-либо злоупотребленій, пониженіе цѣнности находящагося въ его управленіи имущества жены; или же управляетъ и получаетъ доходы съ такого ея имущества, которое по предбрачному, напр., договору, должно находиться въ ея распоряженіи. Въ подобныхъ случаяхъ жена можетъ требовать внесенія законной ипотеки, представивши предбрачный договоръ и доказавши лишь совершеніе того дѣянія, изъ котораго вытекаетъ отвѣтственность ея мужа. Затѣмъ требованіе отъ нея полнаго удостовѣренія размѣра причиненныхъ ей дѣйствіями ея мужа убытковъ не мыслимо, такъ какъ въ порядкѣ ипотечнаго производства ни собраніе, ни надлежащее обсужденіе доказательствъ размѣра убытковъ невозможно, въ силу самаго устройства и характера дѣятельности ипотечныхъ учрежденій, а между тѣмъ обезпеченіе этихъ убытковъ въ будущемъ, по-

средствомъ охранительной отмѣтки, при законной ипотекѣ не допускается (10 и 37 ст. ипот. уст. 1818 года).

Но законная ипотека жены, въ силу 205 ст. гражд. улож., можетъ вытекать не только изъ отвѣтственности мужа за совершеніе недозволенныхъ дѣяній (деликтныхъ и квази-деликтныхъ) во время управленія ея имуществомъ, но и изъ чисто договорныхъ отношеній. Женѣ можетъ слѣдовать отъ мужа какая-либо денежная сумма или вещь, которыя онъ получилъ въ пользованіе и которыми нельзя пользоваться иначе, какъ посредствомъ потребленія ихъ, или мужъ, по довѣренности жены, произведетъ взысканіе по долговому требованію, принадлежащему женѣ. Это другое основаніе законной ипотеки, покоящееся на взаимномъ договорномъ соглашеніи супруговъ, какъ контрагентовъ юридической сдѣлки, несомнѣнно должно быть установлено женою въ законномъ порядкѣ. А такъ какъ однимъ изъ существенныхъ условій дѣйствительности всякаго рода договоровъ является опредѣленный предметъ, составляющій содержаніе обязательства (1108 ст. гражд. код.), и такъ какъ упомянутыя выше договорныя соглашенія супруговъ, согласно 1348 и 1353 ст. гражд. код. и 409, 410 и 1524 ст. уст. гражд. суд. (Сбор. рѣш. Гражд. Касс. Деп. за 1884 г. №№ 12 и 13), могутъ быть доказываемы только письменными доказательствами,—то и вытекающая изъ подобныхъ соглашеній законная ипотека жены можетъ быть записана на имуществѣ мужа только по представленіи надлежащихъ письменныхъ доказательствъ, коимъ устанавливалось бы какъ то, что мужъ состоитъ дѣйствительно должнымъ женѣ, такъ и самый размѣръ долга.

Представляется ничѣмъ необоснованнымъ утвержденіе того положенія, что право жены на внесеніе законной ипотеки обусловлено только ея положеніемъ замужней женщины, безъ представленія съ ея стороны доказательствъ наличности права на внесеніе въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ. Напротивъ того, 205 ст. гражд. код. прямо говоритъ: „если женѣ слѣдуетъ что-либо...“ Отсюда очевидно, что право на законную ипотеку возникаетъ для жены *только въ тѣхъ случаяхъ, когда ей что-либо слѣдуетъ.* Затѣмъ законодатель, желая облегчить для жены осуществленіе ея права на законную ипотеку, указалъ въ 206 ст. того же кодекса, что, требуя внесенія такой ипотеки, она не нуждается ни въ содѣйствіи мужа, ни въ его дозволеніи, ни въ содѣйствіи, наконецъ, попечителя, если она несовершеннолѣтняя. Затѣмъ никакихъ другихъ льготъ по внесенію законной ипотеки въ законѣ не установлено,

изъятіе же и отступленіе отъ общихъ правилъ никогда не предполагаются.

Но помимо приведенныхъ соображеній точный смыслъ 20 ст. ипотечнаго устава 1818 года, казалось бы, долженъ устранить всякое сомнѣніе въ необходимости представленія ипотечному начальству надлежащихъ доказательствъ правильности требованія жены о внесеніи законной ипотеки на имущество мужа.

20 статья гласитъ:—„*всякаго рода сдѣлки и требованія сторонъ*... должны быть разсматриваемы ипотечнымъ начальствомъ, „ *которое обязано обращать вниманіе на то, не противорѣчитъ* „ *ли сдѣлка правамъ третьяго* лица, внесеннымъ въ ипотечныя „ книги, *не заключаетъ ли въ себѣ* составленная сторонами или „ стороною *редакція статьи*, подлежащей внесенію въ ипотечный „ указатель, *чего-либо болѣе противъ содержанія самаго договора* „ *или акта*..., *не нарушены ли законы, на которыхъ основывается* „ *сила сдѣлки. Только вслѣдствіе признанія ипотечнымъ начальствомъ, что актъ не заключаетъ въ себѣ недостатковъ, такой* „ *актъ пріобрѣтаетъ силу общественной достовѣрности* по отно„ шенію ко всякому третьему лицу...

Такимъ образомъ изъ неподлежащаго никакому сомнѣнію смысла этой статьи видно, что главное и основное начало ипотечнаго устава 1818 года составляетъ *начало легальности*, на основаніи котораго ни одна двусторонняя сдѣлка, ни одно одностороннее требованіе или предложеніе не могутъ быть внесены въ ипотечный указатель безъ утвержденія ихъ ипотечнымъ начальствомъ, которое обязано разсмотрѣть эти сдѣлки, требованія или предложенія по существу и только по признаніи ихъ удовлетворяющими условіямъ, указаннымъ въ 20 ст., постановить о внесеніи ихъ въ указатель. Въ повѣрку правильности постановленія ипотечнаго начальства первой инстанціи о внесеніи ипотеки, по жалобѣ заинтересованной стороны, должна входить и Варшавская судебная палата, являющаяся въ этомъ случаѣ второю инстанціею, разсматривающею жалобу въ порядкѣ ипотечнаго производства (5 ст. приложенія къ 29 ст. ипот. уст. 1818 года и рѣш. Гражд. Касс. Деп. за 1881 годъ № 41).

Въ силу начала легальности, какъ его естественное послѣдствіе, вытекаетъ общественная достовѣрность внесенной ипотеки по отношенію ко всякому третьему лицу и ея безповоротность. Это правило 20 ст. ипот. уст. 1818 года касается несомнѣнно не только договорной и судебной ипотеки, но и ипотеки законной (см. Дуткевичъ, стр. 122), при чемъ различіе лишь въ наступленіи момента

безповоротности для каждой изъ этихъ ипотекъ: ипотеки договорныя становятся безповоротными для каждаго пріобрѣтателя, если въ теченіе шести недѣль не будетъ внесено должникомъ охранительной отмѣтки о спорѣ противъ дѣйствительности обезпечиваемаго ипотекою обязательства или о неуплатѣ валюты; ипотеки же судебныя и законныя дѣлаются безповоротными для третьихъ пріобрѣтателей чрезъ три мѣсяца по врученіи опредѣленія объ утвержденіи акта тому лицу, противъ котораго внесена ипотека (ibid., стр. 122 и 123).

Итакъ утвержденіе кассаціонной жалобы, что ипотечное начальство не имѣетъ права входить въ повѣрку правильности заявленной женою законной ипотеки и должно довольствоваться голословнымъ заявленіемъ ея о размѣрѣ претензіи, идетъ въ разрѣзъ съ основнымъ началомъ ипотечнаго устава 1818 года—началомъ легальности. Поддерживать подобное положеніе невозможно и на основаніи законодательныхъ мотивовъ, на которыхъ основана 205 ст. гражд. код., такъ какъ въ нихъ говорится лишь объ одномъ основаніи, изъ котораго возникаетъ законная ипотека жены—это злоупотребленіи со стороны мужа при управленіи имъ имѣніемъ жены. И въ этихъ случаяхъ ипотечное начальство обязано провѣрить наличность того злоупотребленія по управленію имѣніемъ, которое причинило убытокъ, не входя лишь въ подробное изслѣдованіе размѣра самыхъ убытковъ, такъ какъ мотивы указываютъ на необходимость оградить жену *отъ убытковъ понесенныхъ или вѣроятныхъ*, но не вымышленныхъ или фантастическихъ. Если бы законодатель при составленіи 205 ст. имѣлъ въ виду сдѣлать для законныхъ ипотекъ отступленіе отъ начала легальности въ ипотечномъ уставѣ 1818 года, то, очевидно, онъ оговорилъ бы это въ 20 ст. означеннаго устава.

Не опровергаетъ правильности рѣшенія судебной палаты въ окончательномъ его выводѣ и то возраженіе, что законною ипотекою обезпечивается лишь предполагаемое взысканіе, но ею не устанавливается право на взысканіе, такъ какъ такое же значеніе имѣетъ и договорная ипотека и ею только обезпечивается взысканіе въ будущемъ, которое можетъ послѣдовать лишь въ силу судебнаго рѣшенія, а между тѣмъ никто не сомнѣвается, что по отношенію къ этой послѣдней ипотекѣ 20 статья ипот. уст. 1818 года (рѣш. Гражд. Касс. Деп. за 1881 г. № 41) имѣетъ полное примѣненіе. Вся ошибка въ рѣшеніи судебной палаты заключается въ неудачной ссылкѣ на 18 ст. закона объ ипотекахъ и привилегіяхъ. Въ дѣй-

ствительности эта статья имѣетъ въ виду оградить мужа отъ притязаній жены въ тѣхъ случаяхъ, когда идетъ рѣчь о законной ипотекѣ жены, возникшей вслѣдствіе злоупотребленія со стороны мужа при управленіи имъ имѣніемъ жены. Размѣръ убытковъ въ этихъ случаяхъ ипотечное начальство не можетъ опредѣлить въ точности, а слѣдовательно уменьшить этотъ размѣръ и точно его опредѣлить можно только въ судебномъ порядкѣ. Тѣмъ не менѣе судебная палата, вслѣдствіе жалобы Казиміра Мышковскаго въ порядкѣ ипотечнаго производства, на основаніи 5 ст. приложенія къ 29 ст. ипот. уст. 1818 года, должна была провѣрить правильность статьи, внесенной въ ипотечный указатель, и, убѣдившись, что она заключаетъ въ себѣ болѣе того, что̀ содержится въ представленныхъ Мышковскою двухъ актахъ, постановить объ измѣненіи статьи (Дуткевичъ, стр. 112). Въ виду палаты были два акта, представленные Мышковскою въ оправданіе своего требованія на законную ипотеку въ 14000 рублей. Первый актъ—это предбрачный договоръ, удостовѣряющій внесеніе ею въ домъ мужа 4000 рублей, въ видѣ приданаго; второй же документъ—это выпись акта, въ которомъ ипотечный кредиторъ Мышковскаго удостовѣряетъ полученіе *отъ Казиміра Мышковскаго*, изъ рукъ его жены Ванды, 10000 рублей. Такимъ образомъ Мышковская свое требованіе о внесеніи законной ипотеки доказывала, съ одной стороны, договорнымъ соглашеніемъ, облеченнымъ въ надлежащую форму и положительно устанавливающимъ размѣръ самой претензіи, съ другой стороны—актомъ, не имѣющимъ никакого юридическаго значенія для Казиміра Мышковскаго и не могущимъ установить долговыя его обязательства въ отношеніи къ женѣ. Не имѣя значенія законнаго обязательства, этотъ послѣдній актъ, исходящій притомъ отъ третьяго лица, не устанавливаетъ и не доказываетъ совершенія со стороны Мышковскаго какихъ-либо дѣйствій, могущихъ причинить убытокъ его женѣ. Дѣло въ томъ, что и 205 ст. гражд. код. и 15 ст. закона объ ипотекахъ и привилегіяхъ 1825 г. имѣютъ въ виду лишь два основанія для законной ипотеки: 1) причиненіе убытковъ женѣ со стороны мужа, вслѣдствіе злоупотребленія по управленію имъ ея имѣніемъ, и 2) долговое отношеніе, вытекающее изъ договорныхъ соглашеній супруговъ между собою. Между тѣмъ второй актъ, представленный Мышковской, въ подтвержденіе права ея на законную ипотеку въ 10000 рублей, не устанавливаетъ ни одного, ни другаго основанія, а слѣдовательно, въ силу 20 ст. ипот. уст. 1818 года и 5 ст. приложенія къ 29 ст. того же

устава, палата и не могла признать уважительнымъ домогательство Ванды Мышковской, покоящееся на такомъ актѣ.

Конечно, судебная палата нарушила 18 ст. закона объ ипотекахъ и привилегіяхъ 1825 г., истолковавъ ее ненадлежащимъ образомъ; точно такъ же ею нарушенъ и 2 п. 711 ст. уст. гражд. суд. неуказаніемъ въ ея рѣшеніи тѣхъ статей закона, которыя должны бы оправдать ея рѣшеніе. Однако изъ точнаго смысла 793 ст. уст. гражд. суд. несомнѣнно явствуетъ, что нарушеніе закона, не оказавшее вліянія на правильность разрѣшенія дѣла по существу, не должно служить поводомъ для отмѣны рѣшенія, такъ какъ самое кассаціонное производство имѣетъ въ виду повѣрку правильности рѣшенія съ точки зрѣнія закона, а не съ внѣшней лишь его стороны. Этотъ принципъ высказанъ былъ и Гражданскимъ Кассаціоннымъ Департаментомъ въ цѣломъ рядѣ его рѣшеній (Сборн. рѣш. за 1868 г. № 613, за 1869 г. № 407, за 1870 г. № 83, за 1871 г. № 26, за 1872 г. № 62 и др.), и его, казалось бы, слѣдовало примѣнить и при обсужденіи рѣшенія Варшавской судебной палаты по дѣлу Ванды Мышковской.

К. П. Змирловъ.

II.

О СВИДѢТЕЛЬСТВОВАНІИ АКТОВЪ ГРАЖДАНСКАГО СОСТОЯНІЯ ВЪ ОКРУГѢ ВАРШАВСКОЙ СУДЕБНОЙ ПАЛАТЫ.

Вопросъ о порядкѣ свидѣтельствованія актовъ гражданскаго состоянія, происходящихъ изъ мѣстностей округа Варшавской судебной палаты или изъ губерній Царства Польскаго, былъ уже вскользъ затронутъ на страницахъ Журнала Министерства Юстиціи (1896 г., сентябрьская книга, стр. 1), въ статьѣ Н. А. Логанова: „Пересмотръ Судебныхъ Уставовъ и законы Царства Польскаго". Авторъ ея, согласно предположенной цѣли, ограничился указаніемъ теоретически-юридическихъ противорѣчій подлежащаго законодательства о данномъ вопросѣ, но не разъяснилъ его практическо-житейскаго значенія, равно какъ и послѣдствій, вытекающихъ изъ примѣненія и соблюденія тѣхъ предписаній о свидѣтельствованіи актовъ гражданскаго состоянія, какія требуются новѣйшимъ рѣшеніемъ Правительствующаго Сената. Такъ какъ именно эта практическая сторона вопроса и эти послѣдствія вы-

зываютъ наиболѣе затрудненій, которыя въ цѣляхъ удобства и пользы, какъ оффиціальныхъ, такъ и частныхъ лицъ, должны быть непремѣнно устранены, то намъ кажется заслуживающимъ особеннаго вниманія освѣтить и разъяснить этотъ вопросъ съ надлежащею полнотою.

Указанный въ заглавіи настоящей статьи вопросъ въ послѣдній разъ былъ разъясненъ Правительствующимъ Сенатомъ въ 1893 году [1]) по слѣдующему случаю.

Житель губерній Царства Польскаго инженеръ-архитекторъ Петръ Рациборскій ходатайствовалъ передъ Департаментомъ Герольдіи Правительствующаго Сената объ утвержденіи его вмѣстѣ съ дѣтьми въ потомственномъ дворянскомъ достоинствѣ. Департаментъ Герольдіи отказалъ просителю въ удовлетвореніи его просьбы, между прочимъ, потому, что представленныя имъ метрическія выписи отъ 1793 г. о бракосочетаніи Ивана Рациборскаго и отъ 1797 г. о рожденіи Франца Рациборскаго были выданы подлежащими приходскими священниками съ засвидѣтельствованіемъ лишь ихъ подписей мировымъ судьею, между тѣмъ какъ требовалось Департаментомъ Герольдіи, чтобы упомянутыя выписи были завѣрены подлежащими мировыми судьями *въ вѣрности ихъ содержанія съ подлинными статьями приходскихъ книгъ.*

На этомъ основаніи Петръ Рациборскій, представивъ выписи мировому судьѣ города Тыкоцина, Ломжинской губерніи, просилъ свѣрить ихъ съ подлинными метрическими книгами, хранящимися при костелахъ въ посадѣ Соколы и въ деревнѣ Пекуты, Мазовецкаго уѣзда, и затѣмъ возвратить ему для представленія въ Департаментъ Герольдіи.

Мировой судья отказался удовлетворить эту просьбу, ссылаясь на то: 1) что, по Высочайше утвержденнымъ 6 августа 1876 г. правиламъ о распредѣленіи между судебными установленіями и должностными лицами Варшавскаго судебнаго округа нѣкоторыхъ обязанностей прежнихъ судовъ Царства Польскаго, мировые судьи обязаны только свѣрять вѣрность выписей изъ книгъ актовъ гражданскаго состоянія съ дубликатами сихъ актовъ, хранящимися въ ипотечныхъ архивахъ, но не свѣрять метрическія выписи съ метрическими книгами, хранящимися при мѣстныхъ костелахъ;

2) что, согласно ст. 76 Свода законовъ, томъ IX, изданія

---

[1]) Рѣшеніе Общаго Собранія Перваго и Кассаціонныхъ Департаментовъ Правительствующаго Сената, 1893 г., № 16.

1857 г., правильность метрическихъ выписей изъ книгъ, веденныхъ приходскими священниками до 1811 г., удостовѣрялась не бывшими судебными установленіями Царства Польскаго, а мѣстными губернаторами непосредственно или чрезъ подлежащихъ уѣздныхъ начальниковъ и другихъ надежныхъ чиновниковъ;

3) что, согласно ст. 69 Свода законовъ, томъ IX, изданія 1876 г., всѣ выписи изъ книгъ присутственныхъ мѣстъ губерній Царства Польскаго, представляемыя въ Департаментъ Герольдіи, должны быть завѣряемы мѣстнымъ губернаторомъ.

Мировой съѣздъ 1-го округа Ломжинской губерніи жалобу Рациборскаго на это опредѣленіе судьи оставилъ безъ послѣдствій, согласившись и съ приведенными въ семъ опредѣленіи соображеніями. На это опредѣленіе мироваго съѣзда Рациборскій подалъ кассаціонную жалобу.

По обсужденіи вопроса и выслушаніи заключенія товарища оберъ-прокурора, Правительствующій Сенатъ нашелъ, что по гражданскому уложенію Царства Польскаго 1825 г. (ст. 71 и слѣд.) акты гражданскаго состоянія лицъ христіанскихъ исповѣданій соединяются съ церковными метриками (ст. 71), т. е. при составленіи актовъ о рожденіи, о вступленіи въ бракъ и о смерти, кромѣ церковныхъ правилъ, должны быть соблюдаемы и требованія гражданскихъ законовъ.

Вслѣдствіе сего и завѣдываніе книгами, въ которыхъ записываются эти акты, предоставлено власти церковной, вмѣстѣ съ должностными лицами гражданскаго вѣдомства, и хотя собственно составленіе этихъ актовъ предоставлено исключительно приходскимъ священникамъ (ст. 71), но они обязаны составлять ихъ въ двухъ экземплярахъ, изъ которыхъ одинъ остается на мѣстѣ, а другой отсылается въ ипотечный архивъ (ст. 72), а на должностныхъ лицъ гражданскаго вѣдомства, кромѣ того, возложенъ и контроль надъ правильнымъ веденіемъ книгъ, въ которыхъ записываются эти акты (ст. 73, 74, 82, 86). Дѣйствіе этихъ постановленій и это преобладаніе въ завѣдываніи актами гражданскаго состоянія свѣтской власти надъ духовною отразились между прочимъ и въ порядкѣ выдачи выписей актовъ гражданскаго состоянія. Общее правило въ этомъ отношеніи состоитъ въ томъ, что выпись завѣряется, конечно, тѣмъ лицомъ, которое ее выдаетъ; слѣдовательно выпись, выдаваемая изъ книгъ, хранящихся при церкви,—мѣстнымъ приходскимъ священникомъ. Но въ случаяхъ, признаваемыхъ болѣе важными, а именно, когда выпись должна быть представлена внѣ

предѣловъ подсудности мѣстнаго по выдачѣ выписи гражданскаго суда I-ой степени, такое удостовѣреніе считается недостаточнымъ, и такая выпись, какъ относительно ея подлинности, такъ и относительно вѣрности (сходства) съ подлинникомъ, независимо отъ представителя церковной власти, выдавшаго выпись, должна быть засвидѣтельствована должностными лицами гражданскаго вѣдомства—мировымъ судьею и предсѣдателемъ гражданскаго суда I-ой степени (ст. 83). Этотъ порядокъ, установленный въ гражданскомъ уложеніи губерній Царства Польскаго, сохранился до настоящаго времени, и единственное измѣненіе, которому онъ подвергся, состоитъ въ томъ, что при введеніи въ губерніяхъ Царства Польскаго въ 1876 г. судебной реформы, за упраздненіемъ прежнихъ должностныхъ лицъ судебнаго вѣдомства, исполненіе ихъ обязанностей по завѣдыванію книгами гражданскаго состоянія указаннымъ выше закономъ 6 августа 1876 г. перенесено на новыя судебныя должности. По статьѣ 2 этого закона (Собраніе узаконеній и распоряженій правительства, 1876 г., № 78) засвидѣтельствованіе выписей изъ книгъ гражданскаго состоянія, безъ всякихъ ограниченій и оговорокъ, возложено исключительно на мировыхъ судей, при которыхъ состоятъ уѣздныя ипотечныя отдѣленія. Изъ этого несомнѣнно вытекаетъ, что нынѣ на обязанности этихъ мировыхъ судей лежитъ совершеніе всѣхъ безъ исключеній дѣйствій относительно засвидѣтельствованія выписей изъ актовъ гражданскаго состоянія, возложенныхъ гражданскимъ уложеніемъ на должностныхъ лицъ гражданскаго вѣдомства, а слѣдовательно и то засвидѣтельствованіе, которое по ст. 83 сего уложенія должно исходить отъ предсѣдателя гражданскаго суда I-ой степени, т. е. именно въ такомъ случаѣ, какой послужилъ поводомъ къ разсматриваемому вопросу,—при выдачѣ выписи акта гражданскаго состоянія, въ предѣлахъ подсудности Ломжинскаго окружнаго суда, для представленія ея за предѣлами его округа— въ Департаментъ Герольдіи. Что же касается вышеприведенныхъ соображеній мироваго судьи города Тыкоцина, то первое изъ нихъ вполнѣ опровергается буквальнымъ содержаніемъ ст. 2 закона 6 августа 1876 г. въ связи съ приведенными постановленіями гражданскаго уложенія; ссылка на ст. т. IX Свода законовъ устраняется тѣмъ, что первая изъ нихъ, не касаясь актовъ гражданскаго состоянія, относится къ разнымъ другимъ документамъ, удостовѣряющимъ гражданское происхожденіе, и притомъ лишь къ уроженцамъ западныхъ губерній, а вторая, не говоря уже о ея со-

держаніи, утратила силу за исключеніемъ ея изъ т. IX Свода законовъ по изданію 1876 г.

На основаніи всѣхъ указанныхъ соображеній Правительствующій Сенатъ опредѣлилъ: разъяснить, что въ случаяхъ подобныхъ тому, который послужилъ поводомъ къ возникновенію обсужденнаго вопроса, засвидѣтельствованіе выписей метрическихъ актовъ въ губерніяхъ Царства Польскаго лежитъ на обязанности мировыхъ судей.

Такимъ образомъ, изъ приведеннаго выше рѣшенія Правительствующаго Сената слѣдуетъ, что акты гражданскаго состоянія, если приходится представлять таковые внѣ округа подсудности судовъ 1-ой инстанціи: 1) должны быть завѣрены *въ вѣрности ихъ содержанія* съ подлинными книгами, изъ которыхъ они выданы, 2) завѣреніе всѣхъ безъ исключенія подобнаго рода актовъ лежитъ на обязанности мировыхъ судей.

Начнемъ съ разъясненія перваго вопроса. Въ мотивахъ сенатскаго опредѣленія въ томъ мѣстѣ, гдѣ сказано, что выпись „*какъ относительно ея подлинности, такъ и относительно вѣрности* (*сходства) съ подлинникомъ,* независимо отъ представителя церковной власти, выдавшаго выпись, должна быть засвидѣтельствована должностными лицами гражданскаго вѣдомства—мировымъ судьею и предсѣдателемъ гражданскаго суда 1-ой степени", находимъ ссылку на 83 статью гражданскаго уложенія Царства Польскаго 1825 года. Дословный текстъ этой статьи слѣдующій: „Każdemu służy prawo żądania wypisów z Xiąg bądź na mieyscu pozostałych, bądź do Archiwum hypotecznego złożonych. Wypisy wydane iako zgodne z Xiągami mieć będą wiarę dopóty, póki przez zapisanie się o fałsz zaskarżonemi nie będą. Wypisy maiące bydź użytemi za obrębem właściwego Sądu ziemskiego, poświadczone bydź powinny przez Prezesa tegoż Sądu. Jeżeli wypis wydany jest z Xiąg na mieyscu pozostałych, natenczas własnoręczność podpisu utrzymującego Xiągi, winna bydź wprzód poświadczoną przez Sędziego Pokoju, albo przez Sędziego Gminy, lub Zjazdowego. Подлинникъ гражданскаго уложенія 1825 г. былъ составленъ на польскомъ и на французскомъ языкахъ, поэтому для повѣрки польскаго текста привожу ниже текстъ той же статьи на французскомъ языкѣ: „Toute personne pourra se faire délivrer des extraits soit des régistres démeurés sur les lieux, soit de ceux déposés aux Archives des hypothèques. Les extraits délivrés et certifiés conformes aux régistres, feront foi jusqu'à inscription de faux. Les extraits dont il sera fait usage hors du ressort du Tribunal de première Instance (Sąd Ziemski) réspectif, doivent être visés

par le Président du dit Tribunal. Si l'extrait a été délivré des régistres démeurés sur les lieux, la signature de la personne chargée de la tenue des régistres devra être auparavant certifié olographe par le Juge de paix, celui de la commune, ou par un Juge du Tribunal d'assises". Текстъ этой статьи весьма ясный. Если требуется представить выпись акта гражданскаго состоянія внѣ округа подсудности даннаго гражданскаго суда, то эта выпись можетъ быть выдана или изъ ипотечнаго архива, или чиновникомъ гражданскаго состоянія, т. е. настоятелемъ прихода; въ первомъ случаѣ, она должна быть засвидѣтельствована предсѣдателемъ гражданскаго трибунала (что—нынѣ предсѣдатель окружнаго суда), во второмъ же случаѣ, вѣрность подписи чиновника гражданскаго состоянія должна быть засвидѣтельствована судьею мировымъ, гминнымъ или съѣздовымъ. Выраженія „poświadczone" и „visés" значатъ тоже, что должна быть засвидѣтельствована предсѣдателемъ трибунала лишь подпись ипотечнаго секретаря, который выдалъ выпись, и такое лишь значеніе могли имѣть эти выраженія сами по себѣ и въ сравненіи съ слѣдующимъ затѣмъ текстомъ статьи, который уже вполнѣ ясно говоритъ лишь о засвидѣтельствованіи подлинности *подписи* лица, выдавшаго копію съ акта. О свидѣтельствованіи *подлинности выписи и вѣрности (сходства) ея съ подлинникомъ* нѣтъ, слѣдовательно, въ этой статьѣ ни одного слова, и такого рода свидѣтельствованіе этою статьею не требуется. Если при обсужденіи вопроса въ Правительствующемъ Сенатѣ приданъ былъ названной статьѣ другой смыслъ, то слѣдуетъ допустить, что при этомъ было обращено вниманіе лишь на русскій неточный переводъ уложенія 1825 г., а не на подлинный текстъ его. Это и было источникомъ ошибки; ибо, если въ Царствѣ Польскомъ до гражданскаго преобразованія его въ 60-хъ годахъ прошлаго столѣтія оффиціальнымъ языкомъ былъ единственно языкъ польскій, то понятно, что въ данномъ случаѣ польскому подлинному тексту уложенія, а не переводу его на русскій языкъ, должно быть оказано предпочтеніе, тѣмъ болѣе, что такой взглядъ на дѣло высказанъ по аналогичному случаю самимъ же Правительствующимъ Сенатомъ (см. указъ отъ 18 января 1901 г., по Первому Департаменту, № 565).

Изъ вышесказаннаго вытекаетъ: 1) что Петръ Рациборскій въ надлежащей мѣрѣ удовлетворилъ требованію закона, если представилъ въ Департаментъ Герольдіи выписи, выданныя приходскимъ настоятелемъ съ засвидѣтельствованіемъ подписи послѣдняго мировымъ судьею; 2) что Департаментъ Герольдіи, не признавъ доста-

точно законною форму выписей, представленныхъ Рациборскимъ, съ точки зрѣнія 83 статьи гражданскаго уложенія 1825 г., не имѣлъ для этого законнаго основанія и 3) что на обязанности мировыхъ судей не можетъ лежать *свидѣтельствованіе подлинности и вѣрности* текста актовъ гражданскаго состоянія, такъ какъ въ силу 83 статьи они обязаны свидѣтельствовать только вѣрность подписи того лица, которое выдало выпись.

Мировые судьи въ настоящее время не должны быть обязываемы къ совершенію этой функціи еще и по другимъ весьма вѣскимъ обстоятельствамъ.

До введенія послѣдней судебной реформы предсѣдателями гражданскихъ трибуналовъ (судовъ 1-ой степени или инстанціи), а равно мировыми судьями, были лица польскаго происхожденія. Были ими или юристы, которые, если не имѣли высшаго образованія, то большую практику въ области знанія старыхъ документовъ и обращенія съ ними, какъ съ матеріаломъ, имѣющимъ значеніе доказательства [1]), или помѣщики, которые тоже были опытны въ этомъ дѣлѣ, такъ какъ у каждаго изъ нихъ были на рукахъ старые документы, касающіеся ихъ помѣстій: тѣмъ не менѣе законъ не наложилъ на нихъ обязанностей повѣрки точности текста документовъ, помимо предположенія, что они были бы способны читать документы и настолько понимать ихъ, чтобы принять на себя отвѣтственность за точность свидѣтельствуемой ими выписи. Теперь на должности мировыхъ судей въ округѣ Варшавской судебной палаты не назначаются лица польскаго происхожденія и католическаго вѣроисповѣданія; въ 1901 г. въ наличномъ составѣ мировыхъ судей въ округѣ Варшавской судебной палаты изъ 155 человѣкъ—92% православнаго и 8% лютеранскаго вѣроисповѣданія. По закону мировые судьи не обязаны знать ни польскаго [2]), ни латинскаго языка, ни древнихъ почерковъ польскихъ и латинскихъ. Пустячное дѣло провѣрить текстъ выписи, которая имѣется въ ипотечныхъ архивахъ; хотя и этой повѣрки судьи обыкновенно не производятъ; у меня была въ рукахъ въ прошломъ году выпись метрики, засвидѣтельствованная относительно подлинности и точности текста мировымъ судьею, слѣдовательно,

---

[1]) Еще и теперь окружными судами не разъ разбираются такія дѣла или иски, при которыхъ тяжущимися сторонами представляются подлинные документы изъ 17-го, 16-го и даже изъ 15-го столѣтія.

[2]) Изъ 155 мировыхъ судей округа Варшавской судебной палаты только 13 человѣкъ или 9% такихъ, которые окончили курсъ наукъ въ Варшавскомъ университетѣ и, скорѣе другихъ, могутъ обладать знаніемъ польскаго языка.

вполнѣ законная, тѣмъ не менѣе оказалось при чтеніи ея, что въ этой выписи имя отца Станиславъ было также дано и *сыну*; между тѣмъ какъ сынъ при крещеніи, согласно тексту подлинника, нареченъ былъ именами Ладиславъ-Аврелій. Такой фактъ ясно доказываетъ, что свидѣтельствованіе подлинности и вѣрности текста во многихъ случаяхъ не можетъ служить никакою гарантіею дѣйствительной точности текста и законной силы выписи. Во многихъ церквахъ и приходахъ Царства Польскаго, какъ я знаю по личной практикѣ, сохранились метрическія книги, восходящія иногда до XVI столѣтія, писанныя по латыни и по польски, по разнымъ схемамъ, сокращеніями и зачастую весьма неразборчиво. Можетъ ли мировой судья въ случаяхъ необходимости повѣрки выписи изъ такихъ книгъ являться лицомъ, удостовѣряющимъ подлинность и вѣрность текста? Мало того. Чтобы свидѣтельствовать вѣрность и подлинность текста выписи, необходимо умѣть провѣрять выписи, между тѣмъ любой мировой судья о такой процедурѣ можетъ не имѣть даже малѣйшаго представленія. Вотъ примѣръ этому, взятый изъ жизни. Въ 1899 г., по аналогичному случаю, представилась необходимость обратиться къ мировому судьѣ за соотвѣтственнымъ засвидѣтельствованіемъ акта о рожденіи съ подлинныхъ книгъ, находящихся въ одномъ экземплярѣ при приходскомъ костелѣ. Настоятель прихода заблаговременно приготовилъ выпись, и, когда мировой судья явился съ цѣлью повѣрки ея, послѣдняя была произведена слѣдующимъ образомъ: настоятель читалъ текстъ по подлинной книгѣ, судья же имѣлъ передъ глазами заготовленную для засвидѣтельствованія выпись, слѣдилъ за чтеніемъ и повторялъ: „да, да". Такимъ образомъ и вышла настоящая комедія: если настоятель ложно прочелъ текстъ, заготовляя выпись, то и ложно читалъ этотъ текстъ въ присутствіи мироваго судьи. Какимъ же образомъ послѣдній могъ, слѣдовательно, уловить ошибку, если она вкралась въ выпись? Вѣдь суть повѣрки въ томъ, чтобы одинъ и тотъ же текстъ читали *двое*; слѣдовательно, настоятель долженъ былъ въ данномъ случаѣ читать заготовленную для засвидѣтельствованія выпись, а мировой судья долженъ былъ взять подлинную книгу и, слѣдя за чтеніемъ, провѣрить, весь ли текстъ ея списанъ вѣрно. Изъ этого опять видно весьма ясно, что требованіе свидѣтельствованія подлинности и точности текста есть не что иное на самомъ дѣлѣ, какъ пустая формальность, и что, хотя вся эта процедура стоитъ сторонамъ много хлопотъ, опять-таки не можетъ служить никакою гарантіею вѣрной передачи въ выписи дѣйствительной подлинности и

точности оригинальнаго текста. Мимоходомъ можно также замѣтить, что при такомъ порядкѣ свидѣтельствованія актовъ унижаются и даже обращаются въ нуль значеніе и авторитетъ всѣхъ вообще чиновниковъ гражданскаго состоянія: они лишаются присвоенныхъ имъ правъ и функцій, ибо если выдаваемыя ими выписи актовъ не признаются законными, то они обращаются просто въ канцелярскихъ чиновниковъ или писцовъ.

Я сказалъ, что эта процедура стоитъ сторонамъ много хлопотъ. Это и вѣрно, но, кто не прикасался къ дѣлу лично, тотъ даже и не допускаетъ мысли о томъ, въ чемъ состоятъ эти хлопоты. Лучше всего объясню это примѣрами. Одному изъ моихъ знакомыхъ нужны были для легитимаціонныхъ цѣлей метрическія свидѣтельства о рожденіи отъ 1803 и 1807 г.г. изъ книгъ уникатовъ, находящихся въ приходѣ А. Когда онъ просилъ подлежащаго мироваго судью, проживающаго въ уѣздномъ городѣ Б., въ разстояніи 24 верстъ отъ прихода А., о засвидѣтельствованіи выписей, то судья изъявилъ готовность засвидѣтельствовать акты въ требуемой формѣ, но потребовалъ (забывъ, видимо, о содержаніи статьи 1622 уст. гражд. суд.), чтобы книги были ему доставлены въ его канцелярію въ Б. Настоятель прихода не хотѣлъ согласиться на это, и проситель, не желая возбуждать жалобу на судью, чтобы на годы не затянуть дѣла, узнавъ, что судья изъ Б. ѣздитъ въ извѣстные сроки по оффиціальнымъ дѣламъ въ А., выждалъ срокъ и самъ отправился въ А. Но тутъ опять встрѣтилось новое затрудненіе: мировой судья заявилъ, что у него „нѣтъ времени" для того, чтобы зайти въ приходъ по этому дѣлу, и проситель опять ушелъ бы ни съ чѣмъ, если бы не любезность настоятеля прихода, который уступилъ просьбамъ и вмѣстѣ съ книгами отправился къ судьѣ на его квартиру. Возьмемъ другой примѣръ. Положимъ, что я хлопочу объ утвержденіи меня въ потомственномъ дворянствѣ: между прочимъ мнѣ нужно свидѣтельство о рожденіи моего отца. Онъ родился въ 1825 г. въ посадѣ Пержхница, Кѣлецкой губерніи, въ участкѣ мироваго судьи города Хмѣльника; я и обращаюсь къ ипотечному секретарю при мировомъ судьѣ въ Хмѣльникѣ съ просьбой о выдачѣ подлежащей выписи, но тотъ отвѣчаетъ, что хранящіеся въ ипотечномъ архивѣ дубликаты актовъ гражданскаго состоянія въ 1876 г. сдѣлались жертвою пожара и онъ не можетъ мнѣ доставить затребованную выпись. Я обращаюсь, конечно, за выписью къ настоятелю Пержхницкаго прихода. Но какъ же устроить дѣло о засвидѣтельствованіи этой выписи? Неужели мнѣ лично ѣздить въ

Пержхницу, чтобы свести вмѣстѣ настоятеля и судью, ибо я не могу допустить, чтобы послѣдній, получивъ мое о семъ прошеніе, сейчасъ же сѣлъ на почтовыя и отправился верстъ за шесть въ Пержхницу для повѣрки нужной мнѣ выписи. Ну, а если въ другомъ случаѣ какому-либо мировому судьѣ придется единственно для этой цѣли съѣздить верстъ за 40 или даже за 100. Это весьма возможно, если сообразить, напримѣръ, такія обстоятельства, что одинъ ипотечный архивъ въ Люблинѣ обнимаетъ два уѣзда: Люблинскій и Ново-Александрійскій; что Опатовскій и Илжецкій уѣзды имѣютъ одинъ архивъ въ Опатовѣ; что ипотечный архивъ Андреевскаго уѣзда находится въ посадѣ Дзялошицѣ, лежащемъ въ Пинчовскомъ уѣздѣ; что архивъ Влощовскаго уѣзда находится въ посадѣ Хенцины, лежащемъ въ Кѣлецкомъ уѣздѣ; архивъ Константиновскаго уѣзда находится въ Межирѣчьѣ, лежащемъ въ Радинскомъ уѣздѣ. Мировымъ судьямъ пришлось бы разъѣзжать съ указанною цѣлью довольно часто въ виду того, 1) что просителями часто требуются засвидѣтельствованія актовъ гражданскаго состоянія, писанныхъ раньше 1825 г., т. е. такихъ, которыхъ дубликаты не существовали, и уникаты находятся въ приходскихъ церквахъ, дѣйствительно удаленныхъ отъ мѣста жительства судьи иногда верстъ на сто; 2) что нѣкоторые ипотечные архивы, содержащіе въ себѣ дубликаты такихъ актовъ съ 1825 года, сгорѣли, а именно, въ 1865 г. сгорѣлъ ипотечный архивъ въ Жаркахъ (для Бендинскаго уѣзда), въ 1872 г. сгорѣлъ ипотечный архивъ въ Билгораѣ, въ 1874 г.—въ Пултускѣ, въ 1876 г.—въ Хмѣльникѣ, въ 1899 г.—въ Маковѣ. Для мироваго судьи не особенное удовольствіе предпринимать съ этою цѣлью поѣздки, въ особенности осенью, въ ненастную погоду и по плохимъ проселочнымъ дорогамъ въ плохомъ экипажѣ. Судья долженъ потратить на это два или даже три дня; кто же долженъ нести издержки по этому дѣлу, и, если сторона готова это сдѣлать, то по какому тарифу разсчитывать всѣ издержки и расходы судьи и какое слѣдуетъ заплатить вознагражденіе за личный трудъ его и за потерянное время? Мировому судьѣ оно слѣдуетъ по справедливости, такъ какъ каждый изъ нихъ заваленъ дѣлами; если онъ, слѣдовательно, потеряетъ два дня времени, то въ теченіе двухъ недѣль долженъ, по меньшей мѣрѣ, на одинъ часъ продлить судебныя засѣданія, чтобы наверстать пропущенное. Съ другой же стороны, просителю выпись акта немедленно нужна, долженъ ли онъ ждать, пока судьѣ встрѣтится оффиціальная надобность съѣздить въ ту деревню, гдѣ кто-то проситъ провѣрить

выпись акта о рожденіи или бракосочетаніи? Засвидѣтельствованіе одной подлинности подписи не представляетъ трудностей, такъ какъ судья, зная подпись настоятеля прихода, которая при назначеніи новаго настоятеля прихода всегда сообщается судьѣ подлежащимъ деканомъ, засвидѣтельствовать ее можетъ во всякое время, и стоитъ это ему небольшой доли труда; но требованіе свидѣтельствованія подлинности и вѣрности текста выписи является въ извѣстныхъ случаяхъ столь сложною и хлопотливою процедурою, что должно быть вполнѣ устранено, тѣмъ болѣе, если, какъ сказано выше, оно не представляетъ никакой юридической гарантіи и если оно совсѣмъ не требуется этою 83-ею статьею гражданскаго уложенія Царства Польскаго, на которую ссылается рѣшеніе Правительствующаго Сената.

Тутъ непремѣнно слѣдуетъ принять въ разсчетъ еще одно далеко не второстепенное обстоятельство, тѣсно связанное съ такимъ свидѣтельствованіемъ подлинности и вѣрности текста. Если актъ гражданскаго состоянія писанъ на польскомъ или на латинскомъ языкѣ, то принято выдавать его (pagina fracta) рядомъ съ переводомъ на русскій языкъ. Тѣ вѣдомства, въ которыя актъ представляется стороною, и обращаютъ вниманіе преимущественно на русскій текстъ его; если опредѣленіе Правительствующаго Сената придаетъ такое значеніе свидѣтельствованію подлинности и вѣрности текста, то весьма логично, что и точность перевода тоже должна быть завѣрена мировымъ судьею; для того же, чтобы завѣреніе было правильно и имѣло силу, судья опять долженъ знать, и притомъ довольно основательно, и польскій, и латинскій языки.

Наконецъ при такомъ порядкѣ свидѣтельствованія актовъ можетъ возникнуть другой, совсѣмъ новый и сложный вопросъ. Выписи изъ актовъ гражданскаго состоянія жителей губерній Царства Польскаго весьма часто для легитимаціонныхъ цѣлей (имущественныхъ или правъ состоянія) требуются подданными австрійскими и германскими. По общепринятому правилу международнаго права иностранныя правительства признаютъ законными тѣ документы въ области гражданскаго права, которые составлены по законамъ, дѣйствующимъ въ той странѣ, гдѣ документъ заготовляется. Если мировой судья засвидѣтельствуетъ выпись такимъ порядкомъ, какой указанъ въ рѣшеніи Правительствующаго Сената, то эта выпись не будетъ составлена по закону, дѣйствующему въ странѣ, ибо этотъ законъ (83-я статья гражданскаго уложенія Царства Польскаго), являющійся въ данномъ случаѣ нормою, допускаетъ

другой видъ свидѣтельствованія выписей; сверхъ того, въ самихъ же засвидѣтельствованіяхъ непремѣнно замѣчена будетъ непослѣдовательность, такъ какъ мировой судья свидѣтельствуетъ подлинность и вѣрность выписи, а высшія инстанціи (предсѣдатель съѣзда мировыхъ судей, старшій предсѣдатель Варшавской судебной палаты, чиновникъ министерства иностранныхъ дѣлъ при Варшавскомъ генералъ-губернаторѣ, иностранный консулъ) свидѣтельствовать будутъ только вѣрность подписей, и эта непослѣдовательность не можетъ быть объяснена или мотивирована никакою статьею закона, дѣйствующаго въ губерніяхъ Царства Польскаго.

Перехожу къ другой части вопроса—къ свидѣтельствованію мировыми судьями всѣхъ вообще выписей актовъ гражданскаго состоянія. Изъ ст. 2-ой закона 6 августа 1876 г., какъ сказано въ мотивахъ рѣшенія Правительствующаго Сената, „несомнѣнно вытекаетъ, что нынѣ на обязанности этихъ мировыхъ судей лежитъ совершеніе *всѣхъ безъ исключеній* дѣйствій относительно засвидѣтельствованія выписей изъ актовъ гражданскаго состоянія". Возвращаюсь къ примѣру, который я указалъ выше, а именно, допустимъ, что въ Пержхницѣ тоже случился пожаръ: сгорѣли церковь и домъ настоятеля прихода, а вмѣстѣ съ ними и второй экземпляръ актовъ гражданскаго состоянія. Откуда же мнѣ достать выпись акта о рожденіи моего отца? Къ счастью припоминаю, что мать послѣ смерти отца получала пенсію, поэтому въ дѣлахъ эмеритальной коммисіи должно находиться требуемое метрическое свидѣтельство. Я представляю въ эмеритальную коммисію удостовѣреніе, что оба экземпляра подлежащихъ актовъ гражданскаго состоянія сгорѣли, и коммисія выдастъ мнѣ выпись. На основаніи приведеннаго выше рѣшенія Правительствующаго Сената, и эта выпись тоже должна быть засвидѣтельствована мировымъ судьею, но которымъ?—Тѣмъ ли, въ участкѣ котораго находится эмеритальная коммисія, или, можетъ быть, тѣмъ, въ участкѣ котораго я живу въ Варшавѣ?—Да сверхъ того, явится ли тотъ или другой въ эмеритальную коммисію свидѣтельствовать выпись по одному лишь прошенію частнаго лица? А вотъ другой примѣръ. Акты гражданскаго состоянія б. польскаго войска съ 1817 по 1831 годъ хранятся въ Варшавскомъ Главномъ архивѣ древнихъ актовъ. Если кто-либо потребуетъ изъ нихъ выпись акта о рожденіи, то развѣ и эта выпись должна быть засвидѣтельствована мировымъ судьею? И которымъ? Тѣмъ ли, въ участкѣ котораго находится зданіе Главнаго архива, или, можетъ быть, Сандомирскимъ мировымъ судьею,

на томъ основаніи, что семья лица, просившаго о выписи, родомъ изъ Сандомирскаго уѣзда и тамъ постоянно проживаетъ. Чины Главнаго архива, опытные въ чтеніи документовъ, выдадутъ несомнѣнно вѣрную выпись, мировой же судья, который въ этомъ дѣлѣ можетъ быть профаномъ, явится удостовѣрять оффиціально ихъ знанія? Для нихъ это было бы обиднымъ, а для судьи подобное положеніе неловкимъ, и такая оффиціальная функція довольно щекотливою.

Рѣшенія Правительствующаго Сената обязательной силы закона не имѣютъ, но все-таки служатъ прецедентомъ для аналогичныхъ случаевъ, и даже руководствоваться ими должны въ сомнительныхъ случаяхъ всѣ государственныя учрежденія. Если Правительствующій Сенатъ въ указанномъ рѣшеніи отстаиваетъ ясно и категорически тотъ принципъ, что выпись акта гражданскаго состоянія, выдаваемая для болѣе важныхъ случаевъ, можетъ быть признана законною единственно лишь въ томъ случаѣ, если подлинность и вѣрность текста засвидѣтельствованы мировыхъ судьею, то это можетъ повлечь за собою иныя неудобства и жалобы на черезчуръ обременительную для сторонъ формалистику. Если, положимъ, Варшавскій учебный округъ потребуетъ представленія выписей въ этой формѣ для полученія учениками и студентами семейныхъ стипендій, учрежденныхъ еще въ XVI или въ XVII столѣтіяхъ: конечно, лица и семьи, получающія стипендіи этой категоріи, постоянно мѣняются, насколько, слѣдовательно, осложнилась бы процедура назначенія этихъ стипендій, если бы полученіе документовъ сопряжено было съ такими хлопотами и издержками, какія указаны выше въ приведенныхъ примѣрахъ; а вѣдь надо принять во вниманіе и то, что на стипендіи претендуютъ обыкновенно лица незажиточныя, которыя не станутъ рисковать нѣсколькими десятками рублей для полученія нужной выписи въ указанной здѣсь формѣ.

Эмеритальная коммисія въ Царствѣ Польскомъ также можетъ требовать выписи актовъ, засвидѣтельствованныя указаннымъ порядкомъ, такъ какъ вѣдь назначеніе пенсіи дѣло тоже немаловажное. Тѣ, которые хлопочутъ о полученіи ея, и безъ того жалуются на груду разныхъ трудностей и формальностей, вслѣдствіе которыхъ, при стеченіи самыхъ благопріятныхъ обстоятельствъ, пенсія выдается спустя только полгода послѣ смерти мужа или отца. Положимъ, умираетъ чиновникъ, не имѣющій ни родоваго имѣнія, ни капиталовъ, но жившій на свое жалованье, и оставляетъ вдо-

вой жену и сиротами четверо дѣтей, изъ которыхъ каждое, вслѣдствіе движенія отца по службѣ, родилось въ иной губерніи. Пока вдова добыла бы при указанныхъ условіяхъ засвидѣтельствованныя требуемымъ образомъ метрическія свидѣтельства свое, мужа и дѣтей, сколько это поглотило бы денегъ? Вдобавокъ назначеніе пенсіи затянулось бы года на три, а тѣмъ временемъ и ей, и дѣтямъ пришлось бы терпѣть крайнюю нужду.

Хотя казалось бы, что при нынѣшнемъ положеніи дѣла вышеприведенный указъ Правительствующаго Сената долженъ быть неуклонно соблюдаемъ, тѣмъ не менѣе не всѣ мировые судьи округа Варшавской судебной палаты признаютъ его для себя обязательнымъ. Въ теченіе послѣднихъ двухъ лѣтъ мнѣ пришлось видѣть больше трехъ десятковъ выписей актовъ гражданскаго состоянія, засвидѣтельствованныхъ разными мировыми судьями; я нарочно изучалъ формулы свидѣтельствованія ихъ и замѣтилъ, что въ этомъ отношеніи примѣняются различные пріемы. Одни мировые судьи соблюдаютъ указъ Сената и свидѣтельствуютъ „вѣрность подписи секретаря ипотечнаго отдѣленія, какъ равно вѣрность выписи съ подлиннымъ"; другіе удостовѣряютъ лишь „подлинность подписи ипотечнаго секретаря"; третьи только въ случаѣ категорически заявленнаго требованія просителя свидѣтельствуютъ, что „выпись вѣрна съ подлиннымъ актомъ", при чемъ дѣлаютъ ссылку на приведенное выше рѣшеніе Правительствующаго Сената 1893 г.: но всѣ они вообще—съ весьма немногими исключеніями—и мировые судьи, и предсѣдатели съѣздовъ мировыхъ судей, не производятъ повѣрки и вполнѣ полагаются на состоящихъ при нихъ секретарей ипотечныхъ отдѣленій и, если нужно провѣрить выпись съ подлинникомъ, находящимся въ другомъ мѣстѣ, обязанность эту обыкновенно возлагаютъ на тѣхъ же секретарей. Четвертые, наконецъ, вполнѣ игнорируютъ указанное выше рѣшеніе Сената; одинъ изъ мировыхъ судей на письменное прошеніе стороны, въ которомъ была прямая ссылка на рѣшеніе Сената 1893 г., далъ такой отвѣтъ: „возвращая настоящее прошеніе просителю, сообщаю, что ипотечнымъ архивомъ, въ коемъ хранятся акты гражданскаго состоянія, завѣдуютъ, согласно 554 ст. учрежденія судебныхъ установленій, ипотечные секретари, на обязанности которыхъ, согласно 83 ст. ипотечнаго устава, лежитъ выдача изъ нихъ выписей съ удостовѣреніемъ сходства ихъ слово въ слово съ подлиннымъ, на обязанности же мировыхъ судей, согласно примѣчанію къ 221 ст. положенія о нотаріальной части, лежитъ лишь засвидѣтельствованіе ихъ

подлинности, т. е. удостовѣреніе, что выданы онѣ надлежащимъ лицомъ и порядкомъ, почему и настоящее прошеніе удовлетворенію не подлежитъ". Въ виду этого отвѣта, сторона обратилась къ предсѣдателю съѣзда, и тотъ частнымъ образомъ уговорилъ судью выдать сторонѣ засвидѣтельствованіе въ испрашиваемой ею формѣ. Но если бы предсѣдатель былъ того же мнѣнія, какъ судья, пришлось бы просителю жаловаться въ Сенатъ, и опять повторилась бы та же исторія, какъ съ дѣломъ Рациборскаго.

Такимъ образомъ, вышеупомянутое рѣшеніе Правительствующаго Сената вызываетъ въ практикѣ весьма многія неудобства, является прецедентомъ плохимъ въ послѣдствіяхъ для другихъ вѣдомствъ, налагаетъ на мировыхъ судей такія обязанности, къ удовлетворенію которыхъ они встрѣчаютъ затрудненія, наконецъ, оно прямо противорѣчитъ 3-ей статьѣ гражданскаго уложенія 1825 г., дѣйствующаго понынѣ въ губерніяхъ Царства Польскаго. Во избѣжаніе указанныхъ неудобствъ слѣдовало бы вопросъ о свидѣтельствованіи выписей актовъ гражданскаго состоянія перерѣшить или, говоря точнѣе, возстановить дѣйствіе 83 статьи гражданскаго уложенія 1825 г. Согласно этой статьѣ, мировые судьи должны свидѣтельствовать лишь подлинность подписи лицъ, выдавшихъ выпись, а именно, секретарей ипотечнаго отдѣленія или настоятелей приходовъ; тѣ же выписи актовъ гражданскаго состоянія, которыя выдаются другими вѣдомствами или государственными учрежденіями изъ дѣлъ, хранящихся въ подвѣдомственныхъ послѣднимъ архивахъ, должны быть признаваемы достаточно законными и не подлежать завѣренію со стороны мировыхъ судей.

Такая постановка этого дѣла или такое рѣшеніе его, на нашъ взглядъ, будетъ единственно правильнымъ, справедливымъ и законнымъ.

Выясненный въ этой замѣткѣ случай позволяетъ высказать еще одно пожеланіе. Кажется, было бы весьма полезнымъ, если бы тѣ дѣла и жалобы въ области судебной практики и гражданской процедуры въ губерніяхъ Царства Польскаго, которыя вызываются аналогичными тому случаями и которыя представляются на рѣшеніе Правительствующаго Сената, предварительно сего рѣшенія, были передаваемы на заключеніе старшаго предсѣдателя Варшавской судебной палаты. Мнѣніе его и другихъ подчиненныхъ ему компетентныхъ лицъ могло бы не разъ освѣтить вопросъ съ тѣхъ сторонъ, которыя ускользаютъ часто отъ вниманія людей, не знающихъ мѣстныхъ отношеній или трактующихъ вопросъ съ одной

лишь теоретической точки зрѣнія; во всякомъ же случаѣ оно дало бы наиболѣе вѣрный и положительный матеріалъ для окончательнаго выясненія и рѣшенія возбужденнаго дѣла самымъ лучшимъ и самымъ резоннымъ образомъ. Еще лучше было бы поставить вопросъ шире и единственно правильно, а именно, не только одинъ отдѣлъ законодательства о веденіи актовъ гражданскаго состоянія, но вообще всѣ дѣйствующіе нынѣ въ округѣ Варшавской судебной палаты мѣстные уставы и узаконенія подвергнуть пересмотру и привести въ должную гармонію съ уставами 1864 г., введенными въ названномъ округѣ въ 1876 г. Конечно, въ этомъ дѣлѣ первый голосъ и самая большая часть труда должны выпасть на долю членовъ судебнаго вѣдомства Варшавскаго округа, какъ лицъ, хорошо ознакомленныхъ съ практическими условіями каждаго дѣла и, слѣдовательно, наиболѣе компетентныхъ для рѣшенія всѣхъ относящихся сюда вопросовъ.

Өедоръ Вержбовскій.

III.

ПО ПОВОДУ ПОЛОЖЕНІЯ О ПРОМЫСЛОВОМЪ НАЛОГѢ.

Строго сословнымъ строемъ сельскаго управленія обусловлено важное значеніе правила о сохраненіи за лицами, ему не подвѣдомственными, среди которыхъ первое мѣсто въ деревнѣ по общественному положенію и численности занимаютъ дворяне-помѣщики, полной независимости отъ органовъ этого управленія. Это основное требованіе выражено въ 62 и 82 ст. общ. пол. о кр. и подтверждено Сенатомъ по частному вопросу о порученіяхъ, возлагаемыхъ мировыми судьями на волостныхъ и сельскихъ должностныхъ лицъ, при чемъ разъяснено, что тѣ изъ этихъ порученій, исполненіе которыхъ сопряжено съ проявленіемъ власти, входятъ въ кругъ обязанностей названныхъ должностныхъ лицъ только въ примѣненіи къ подчиненнымъ обывателямъ податнаго состоянія, проживающимъ въ чертѣ сельскаго общества или же приписаннымъ къ волостямъ (рѣш. Общ. Собр. I и Касс. Деп. № 30—83 г.).

Въ отступленіе отъ этого кореннаго начала, прежнее положеніе о пошлинахъ за право торговли и промысловъ распространило на лицъ всѣхъ состояній, безъ всякой оговорки даже въ пользу дво-

рянъ, право надзора за ними должностныхъ лицъ крестьянскаго управленія. Новое положеніе о промысловомъ налогѣ, введенное въ дѣйствіе 1-го января 1899 года, проникло сь тѣмъ же принципомъ и еще съ большею точностью и подробностью регламентировало указанный выше порядокъ. А такъ какъ всякій новый законъ исполняется обыкновенно съ усиленною строгостью, и кромѣ того къ его услугамъ въ данномъ случаѣ имѣется многочисленный штатъ податной инспекціи, котораго не знало старое положеніе о пошлинахъ при своемъ возникновеніи, то есть основаніе опасаться, что въ случаѣ неуклоннаго примѣненія новыхъ правилъ во всемъ ихъ объемѣ можетъ возникнуть нѣкоторая коллизія, вслѣдствіи несогласія ихъ съ общимъ духомъ и направленіемъ нашего законодательства.

Относящіяся къ разсматриваемому предмету постановленія новаго закона о промысловомъ обложеніи слѣдующія: по 38 ст. положенія обязанности торговыхъ депутатовъ внѣ городскихъ поселеній исполняются волостными старшинами, а въ сельскихъ поселеніяхъ съ развитою торговлею торговые депутаты избираются сельскими сходами. Далѣе, 39 ст. того же положенія, пренебрегая всякими сословными дѣленіями, гласитъ, что въ торговые депутаты избираются лица мужскаго пола, не моложе 25 лѣтъ, грамотные, изъ числа мѣстныхъ жителей, производящихъ или производившихъ торговлю или другіе промыслы. Въ виду крайне общаго и неопредѣленнаго изложенія этой статьи есть нѣкоторый поводъ задаться вопросомъ, распространяется ли выраженіе „мѣстные жители“ на всѣхъ обывателей данной мѣстности, въ томъ числѣ и на дворянъ, даже въ томъ случаѣ, когда избраніе торговыхъ депутатовъ производится сельскимъ сходомъ. Такое предположеніе противорѣчило бы однако же общему правилу, вытекающему изъ законовъ о крестьянскихъ учрежденіяхъ, по которому пассивное избирательное право на сельскомъ сходѣ предоставлено только крестьянамъ (113 и 114 ст. общ. пол.). Распространеніе этого права на лицъ, не принадлежащихъ къ сельскому обществу, и въ особенности на дворянъ, было бы во всякомъ случаѣ явленіемъ совершенно исключительнымъ, и трудно допустить, чтобы такое уклоненіе отъ общепринятаго порядка, не установленное законами о крестьянахъ, могло быть косвенно введено путемъ фискальныхъ правилъ, неимѣющихъ непосредственнаго отношенія къ данному предмету. Отсюда необходимо заключить, что въ торговые депутаты избираются сельскими сходами только крестьяне.

Избранные указаннымъ способомъ торговые депутаты, въ томъ числѣ выборные отъ крестьянъ и замѣняющіе ихъ въ подлежащихъ случаяхъ волостные старшины, призываются къ отправленію такихъ обязанностей, которыя связаны несомнѣнно съ проявленіемъ власти. По 33 ст. положенія на торговыхъ депутатовъ возлагается содѣйствіе податнымъ инспекторамъ и ихъ помощникамъ въ надзорѣ за исполненіемъ требованій положенія и въ повѣркѣ торговли и другихъ промысловъ, а по 71 ст. положенія производство этой повѣрки разрѣшается и самимъ торговымъ депутатамъ, т. е. независимо или въ отсутствіи должностныхъ лицъ податной инспекціи.

Въ видахъ такой повѣрки всѣ лица торговаго надзора, а слѣдовательно и торговые депутаты, на основаніи 76 ст. положенія, имѣютъ право безпрепятственнаго входа въ мѣста, гдѣ производятся торговля и промыслы, а по приглашенію податныхъ инспекторовъ и ихъ помощниковъ и въ силу 77 ст. положенія, торговые депутаты могутъ проникать вмѣстѣ съ лицами податной инспекціи и въ такія помѣщенія, которыя не имѣютъ вида и характера торговаго или промышленнаго заведенія, какъ, напримѣръ, въ частную квартиру лица, заподозрѣннаго въ производствѣ торговли или промысла безъ надлежащаго промысловаго свидѣтельства. Далѣе, повѣрка торговли и промысловъ можетъ сопровождаться производствомъ обысковъ и выемокъ, арестомъ товаровъ, распоряженіемъ о закрытіи торговыхъ помѣщеній, допросомъ, какъ свидѣтелей нарушеній, такъ и самихъ обвиняемыхъ, и составленіемъ объ этихъ дѣйствіяхъ протоколовъ, которые служатъ затѣмъ главнымъ основаніемъ при разрѣшеніи подлежащихъ дѣлъ казенными палатами (81—88 и 171 ст. положенія). При этомъ въ 89 ст. положенія совершенно опредѣленно выражено, что право допроса обвиняемыхъ и свидѣтелей можетъ быть осуществляемо не только податными инспекторами и ихъ помощниками, но и лично торговыми депутатами, а въ § 50 инструкціи, утвержденной 5-го февраля 1899 года Министромъ Финансовъ, проводится еще одно начало, которое даже не высказано прямо въ самомъ положеніи и еще болѣе распространяетъ полномочія торговыхъ депутатовъ; это послѣднее правило гласитъ, что распоряженіе о предварительномъ закрытіи черезъ полицію торговыхъ и промышленныхъ заведеній зависитъ непосредственно отъ лицъ торговаго надзора, обнаружившихъ нарушеніе, а слѣдовательно не исключаются въ этомъ отношеніи инструкціею и торговые депутаты.

Всѣ перечисленныя весьма серьезныя полномочія торговыхъ депутатовъ, за отсутствіемъ въ законѣ какихъ-либо ограниченій, принадлежатъ, какъ надо полагать, въ полномъ объемѣ и сельскимъ торговымъ депутатамъ, т. е. крестьянамъ-избранникамъ сельскаго схода или волостнымъ старшинамъ, а—съ другой стороны—указанныя выше проявленія власти всѣхъ этихъ лицъ, при отсутствіи въ положеніи какихъ-либо въ этомъ отношеніи изъятій, могутъ быть распространяемы повидимому на всѣхъ безъ исключенія обывателей, въ томъ числѣ и на дворянъ.

Понятно, что описанный выше порядокъ, при существующихъ у насъ юридическихъ и бытовыхъ условіяхъ, не можетъ считаться вполнѣ нормальнымъ и справедливымъ. Область промышленныхъ дѣйствій, подлежащихъ вѣдѣнію торговаго надзора, весьма обширна: она обнимаетъ собою, между прочимъ, всѣ наиболѣе употребительные сельскохозяйственные промыслы, каковы первичная обработка, а затѣмъ продажа различныхъ продуктовъ собственнаго хозяйства и въ частности производство кирпича и черепицы, обжиганіе извести, выдѣлка масла и крахмала, сывареніе, содержаніе мельницъ, крупорушекъ, сукноваленъ и проч. (19 и 20 ст. полож.). Нѣкоторые изъ этихъ промысловъ могутъ быть привлечены къ обложенію, если превысятъ опредѣленный размѣръ производства, а, независимо отъ этого, всякая вообще обработка и продажа продуктовъ своего хозяйства можетъ вызвать воздѣйствіе торговаго надзора еще и въ томъ случаѣ, если возникнетъ подозрѣніе, что кромѣ собственныхъ продуктовъ обрабатываются и продаются продукты чужіе.

Словомъ, на каждомъ шагу можетъ представиться формальный поводъ къ постороннему вмѣшательству, и землевладѣлецъ ни на минуту не обезпеченъ отъ вторженія „на законномъ основаніи" въ его хозяйство и даже въ его усадьбу живущихъ съ нимъ рядомъ и могущихъ имѣть тѣ или другіе съ нимъ счеты волостнаго старшины или выбранныхъ сельскимъ сходомъ торговыхъ депутатовъ—крестьянъ. Такимъ образомъ, при нѣкоторой настойчивости въ примѣненіи новыхъ правилъ во всей ихъ полнотѣ и неприкосновенности, легко можетъ образоваться новая и весьма тягостная форма зависимости землевладѣльца - дворянина отъ волостнаго старшины и сельскаго схода.

На это положеніе вещей желательно обратить вниманіе компетентныхъ сферъ и въ частности предводителей дворянства, еще не успѣвшихъ, быть можетъ, разобраться во всѣхъ тонкостяхъ

новаго положенія о промысловомъ налогѣ и появившейся почти одновременно, въ разъясненіе этого положенія, особой инструкціи Министра Финансовъ. Съ этою цѣлью и написана настоящая замѣтка.

Въ предотвращеніе возможности указаныхъ выше недоразумѣній было бы достаточно постановить или разъяснить, что „внѣ городскихъ поселеній всѣ дѣйствія по надзору и повѣркѣ торговли и промысловъ, производимыхъ лицами, не подвѣдомственными волостнымъ и сельскимъ властямъ, возлагаются *лично* на податныхъ инспекторовъ и ихъ помощниковъ, при содѣйствіи чиновъ *общей* полиціи“.

Э. И. Вуичъ.

IV.

ЗАКОНЪ 4 ІЮНЯ 1899 ГОДА.

Высочайше утвержденное 4 іюня 1899 года мнѣніе Государственнаго Совѣта о нѣкоторыхъ измѣненіяхъ устава таможеннаго вызываетъ на практикѣ много весьма существенныхъ недоразумѣній.

Прежде всего возникъ на практикѣ вопросъ, какія именно статьи устава таможеннаго примѣняются къ контрабандистамъ, задержаннымъ съ контрабанднымъ виномъ въ губерніяхъ съ казенной продажей питей далѣе семи верстъ, но ближе тридцати верстъ отъ границы, т. е. примѣняются ли въ такихъ случаяхъ ст. 1522 уст. тамож. или же ст. 1541 и 1542 того же устава. Разрѣшеніе этого вопроса въ томъ или иномъ смыслѣ представляется чрезвычайно важнымъ, такъ какъ то или иное его рѣшеніе опредѣляетъ, съ одной стороны, подсудность дѣлъ о таможенныхъ нарушеніяхъ, а съ другой—обусловливаетъ собой примѣненіе или непримѣненіе къ виновнымъ высылки за сто или за двадцать одну версту отъ границы. Судебныя установленія Варшавскаго судебнаго округа находятъ, что смыслъ закона 4 іюня 1899 года не оставляетъ сомнѣнія въ томъ, что съ изданіемъ сего закона упоминаемая въ уставѣ таможенномъ семиверстная пограничная полоса для водворителей спирта и вина отодвинута отъ границы еще на двадцать три версты, такъ что къ водворителямъ спирта и вина, задержаннымъ въ предѣлахъ тридцативерстной отъ границы полосы должны быть примѣняемы во всякомъ случаѣ ст. 1541 и 1542 уст. таможен.

Между тѣмъ внимательное разсмотрѣніе закона 4 іюня 1899 года, по моему мнѣнію, вовсе не оправдываетъ установившейся въ Варшавскомъ судебномъ округѣ практики. Если бы законодатель имѣлъ въ виду вмѣсто семиверстной пограничной полосы установить для водворителей контрабандныхъ питей тридцативерстную полосу, то объ этомъ и было бы сказано въ законѣ, между тѣмъ ничего подобнаго въ законѣ 4 іюня 1899 года не указано. Содержаніе 1 п. 1 ст. закона 4 іюня опредѣляетъ лишь самое понятіе контрабанды, не указывая вовсе, какія именно статьи устава таможеннаго должны быть примѣняемы къ вину и спирту, задерживаемому въ предѣлахъ тридцативерстной отъ границы полосы, при чемъ устанавливается, что для того, чтобы признать контрабандными вино, спиртъ и водочныя издѣлія, задержанныя въ этой полосѣ, представляется достаточнымъ, чтобы они не имѣли признаковъ законнаго происхожденія; если задержанныя питья этихъ признаковъ не имѣютъ, то дальнѣйшихъ изслѣдованій о контрабандномъ ихъ происхожденіи не нужно. Засимъ 2 п. 1 ст. закона 4 іюня возбуждаетъ нѣкоторое недоумѣніе, такъ какъ статья эта указываетъ, что „при опредѣленіи размѣра взысканія по ст. 1541 и 1542 ст. уст. тамож. за водвореніе контрабандныхъ спирта, вина и водочныхъ издѣлій примѣняется п. 2 ст. 27 общаго таможеннаго тарифа по европейской торговлѣ“. Спрашивается, почему именно законодателю понадобилось, опредѣливъ въ 1 ст. понятіе контрабанднаго спирта, вина и водочныхъ издѣлій, въ слѣдующей за симъ 2 ст. прямо переходить къ опредѣленію размѣра взысканія по ст. 1541 и 1542 тамож. уст. Конечно, можно утверждать, что сопоставленіе 2 п. 1 ст. закона 4 іюня какъ бы указываетъ на то, что къ водворителямъ контрабанднаго спирта и вина, задержанныхъ въ указанной въ 1 п. тридцативерстной полосѣ, должны быть примѣняемы 1541 и 1542 ст. тамож. уст., а отнюдь не 1522 ст. того же устава, съ другой, однако, стороны, буквальное содержаніе 2 п. закона 4 іюня 1899 года указываетъ лишь на то, какъ долженъ *быть опредѣляемъ размѣръ* взысканія въ томъ случаѣ, когда къ водворителямъ спирта и вина должны быть примѣнены ст. 1541 и 1542 уст. тамож., но вовсе не указываетъ того, когда именно статьи эти должны быть примѣняемы, а такъ какъ въ законѣ 4 іюня не сказано, чтобы къ водворителямъ контрабанднаго вина и спирта, задержанныхъ въ предѣлахъ тридцативерстной полосы, во всякомъ случаѣ должны быть примѣнены ст. 1541 и 1542 ст. уст., то и объемъ примѣненія этихъ статей долженъ остаться такимъ

же, какъ онъ опредѣленъ въ таможенномъ уставѣ. Подтвержденіемъ такому выводу служитъ, по моему мнѣнію, 4 п. закона 4 іюня. Въ пунктѣ этомъ сказано, что проносители и провозители контрабандныхъ питей подвергаются отвѣтственности по 1542 ст. тамож. уст. лишь въ томъ случаѣ, если будетъ доказано, что порча и истребленіе посуды съ контрабандными питьями произведена ими умышленно. Между тѣмъ по таможенному уставу провозители и проносители контрабанды, не доказавшіе хозяина, отвѣчаютъ какъ за водвореніе контрабанды и по 1522 ст. тамож. уст., и по 1541 и 1542 ст. того же устава, смотря по тому, задержаны ли они въ предѣлахъ семиверстной пограничной полосы или же за этою полосою; такимъ образомъ содержаніе 4 п. закона 4 іюня 1899 года какъ бы указываетъ на то, что ст. 1542 тамож. уст. можетъ быть примѣняема къ провозителямъ контрабандныхъ питей и въ томъ случаѣ, если они задержаны и далѣе семи верстъ отъ границы и даже далѣе тридцати верстъ, но лишь при условіяхъ, указанныхъ въ этомъ пунктѣ новаго закона; если же не будетъ этихъ условій, т. е. если не будетъ доказано, что порча и истребленіе посуды съ контрабандными питьями произведена умышленно, то провозители отвѣчаютъ не по 1542 ст. тамож. уст., а по общимъ правиламъ, въ таможенномъ уставѣ указаннымъ.

Большія недоумѣнія возбуждаетъ и 5 п. закона 4 іюня 1899 года, при чемъ нѣкоторые толкуютъ это узаконеніе въ томъ смыслѣ, что ст. 1542 тамож. уст. примѣняется къ евреямъ, въ томъ случаѣ, если будетъ доказано, что они занимаются контрабандой *въ видѣ промысла*, хотя бы они признали себя виновными, судились въ первый разъ и были задержаны далѣе семи, но не далѣе тридцати верстъ отъ границы. Обращаясь къ толкованію 5 п. закона 4 іюня, нельзя прежде всего не остановиться на томъ, что узаконеніе это относится не только къ водворителямъ контрабандныхъ *питей*, подобно всѣмъ прочимъ пунктамъ закона 4 іюня, но и къ водворенію *всякой иной контрабанды*. Засимъ ссылка въ 5 п. закона 4 іюня на одну 1542 ст. тамож. уст. представляется неудачной, такъ какъ о высылкѣ евреевъ за сто верстъ отъ границы говорится не только въ 1542, но и въ 1541 ст. тамож. уст. Вчитываясь въ содержаніе 5 п. закона 4 іюня, слѣдуетъ, по моему мнѣнію, отвергнуть толкованіе этого закона въ томъ смыслѣ, будто бы законъ этотъ примѣняется лишь къ тѣмъ евреямъ, которые занимаются контрабандой въ видѣ промысла, такъ какъ напротивъ слово „промыселъ“ въ законѣ этомъ, какъ кажется, употреблено

нѣсколько въ иномъ смыслѣ, а именно законодатель устанавливаетъ отвѣтственность евреевъ, какъ за контрабанду, за всякое участіе ихъ въ контрабандномъ промыслѣ, иными словами, всякій еврей, изобличенный въ губерніяхъ Царства Польскаго въ какомъ бы то ни было участіи въ контрабандѣ, напримѣръ, какъ посредникъ, факторъ, провозитель, проноситель и т. п., отвѣчаетъ по новому закону, какъ за самое водвореніе контрабанды, хотя бы онъ и не былъ водворителемъ контрабанды; но если отбросить неудачную ссылку 5 п. закона 4 іюня на 1542 ст. тамож. уст., то слѣдуетъ признать, что хотя всякій еврей, изобличенный въ какомъ бы то ни было участіи въ водвореніи контрабанды, подлежитъ въ губерніяхъ Царства Польскаго отвѣтственности, какъ за самое водвореніе контрабанды, однако, по смыслу сего закона, вовсе нѣтъ основанія постановлять опредѣленіе о высылкѣ всякаго еврея за сто верстъ отъ границы; напротивъ, изъ принимающихъ участіе въ контрабандѣ евреевъ могутъ быть удалены за сто верстъ отъ границы только тѣ, которые подлежали бы такому удаленію, если бы они были признаны виновными въ самомъ водвореніи контрабанды. Такимъ образомъ, по моему мнѣнію, новый законъ распространилъ лишь удаленіе за сто верстъ отъ границы на такихъ евреевъ, какъ, напримѣръ, разные посредники, факторы, проносители и т. п., которые по таможенному уставу не подлежали удаленію, но вовсе не установилъ, чтобы евреевъ этихъ можно было удалять за сто верстъ отъ границы, даже въ тѣхъ случаяхъ, если бы они за самое водвореніе контрабанды удаленію отъ границы не подлежали. А такъ какъ за водвореніе контрабанды, по таможенному уставу, евреи могли подлежать удаленію отъ границы лишь въ случаяхъ задержанія контрабанды въ предѣлахъ семиверстной пограничной полосы, то, по моему мнѣнію, слѣдуетъ признать неправильнымъ удаленіе евреевъ за сто верстъ отъ границы въ тѣхъ случаяхъ, когда контрабанда задержана была далѣе семи верстъ отъ границы, тѣмъ болѣе, что въ новомъ законѣ прямо указано, что евреи, принимающіе участіе въ контрабандѣ, могутъ быть удалены отъ границы лишь *на тѣхъ же основаніяхъ*, какъ и за самое водвореніе контрабанды.

Изъ вышеизложеннаго видно, какъ неясенъ законъ 4 іюня 1899 года и какія разнообразныя, весьма существенныя въ практическомъ отношеніи, толкованія возбуждаются при его примѣненіи. Не считая своихъ толкованій безошибочными, я тѣмъ не менѣе полагаю возможнымъ выставить въ этой замѣткѣ тѣ положенія, которыя, по моему мнѣнію, вытекаютъ изъ новаго закона, при чемъ

дѣлаю это для ясности и предоставленія возможности лицамъ, придерживающимся иныхъ взглядовъ на новый законъ, оспаривать мои положенія.

1) Законъ 4 іюня 1899 года установилъ, что въ губерніяхъ съ казенной продажей питей признаются контрабандными всѣ питья, задержанныя на пространствѣ въ тридцать верстъ отъ границы, если они не имѣютъ признаковъ законнаго происхожденія.

2) Къ водворителямъ контрабандныхъ питей примѣняются правила таможеннаго устава, т. е. за водвореніе контрабанды виновные отвѣчаютъ или по 1522 ст. тамож. уст., или же по 1541 и 1542 ст. того же устава, смотря по тому, задержаны ли контрабандныя питья въ предѣлахъ семиверстной пограничной полосы или далѣе семи верстъ отъ границы.

3) Новый законъ не вводитъ никакихъ измѣненій при опредѣленіи вопроса о подсудности дѣлъ о таможенныхъ нарушеніяхъ.

4) Ст. 1542 тамож. уст., сверхъ случаевъ, указанныхъ въ сей статьѣ, примѣняется и къ проносителямъ и провозителямъ питей, если будетъ доказано, что они умышленно истребили или испортили посуду съ контрабандными питьями.

5) Въ губерніяхъ Царства Польскаго евреи, изобличенные въ какомъ-либо участіи въ контрабандѣ какого бы то ни было товара, въ роли провозителей, проносителей, факторовъ, посредниковъ и т. п., подлежатъ отвѣтственности, какъ за самое водвореніе контрабанды.

6) Въ губерніяхъ Царства Польскаго евреи, изобличенные въ водвореніи контрабанды или же въ участіи въ контрабандѣ, могутъ быть приговариваемы къ удаленію за сто верстъ отъ границы лишь въ томъ случаѣ, если контрабанда задержана въ предѣлахъ семиверстной пограничной полосы.

7) Ссылка въ 5 п. закона 4 іюня 1899 года на ст. 1542 тамож. уст. не соотвѣтствуетъ содержанію самаго закона.

А. Элленбогенъ.

V.

ПРОЕКТЪ ПОЛОЖЕНІЯ О ТОВАРИЩЕСТВАХЪ ТРУДОВЫХЪ ИЛИ АРТЕЛЯХЪ.

Министерствомъ финансовъ внесенъ въ Государственный Совѣтъ проектъ положенія о производительныхъ артеляхъ, т. е. о такихъ артеляхъ, которыя имѣютъ цѣлью трудовое единеніе силъ „для производства всякаго рода работъ или промысловъ" (ст. 1 проекта). Для другихъ же изъ наиболѣе употребительныхъ видовъ артелей, какъ-то сырьевыхъ, складочныхъ, подсобныхъ, потребительныхъ, а также для биржевыхъ, значительно отличающихся по своимъ цѣлямъ отъ всѣхъ вышеперечисленныхъ коопераций, то же министерство предполагаетъ выработать впослѣдствіи особыя правила.

Разсматриваемый проектъ положенія о трудовыхъ артеляхъ прежде, чѣмъ принять свою окончательную редакцію, подвергался нѣсколько разъ переработкѣ, съ цѣлью придать артелямъ такую организацію, которая наилучшимъ образомъ способствовала бы поддержанію въ этихъ артеляхъ трудоваго начала. Въ одной изъ такихъ редакцій, отличающейся отъ внесенной нынѣ въ Государственный Совѣтъ лишь въ незначительныхъ деталяхъ, законопроектъ вызвалъ уже нѣкоторыя замѣчанія въ сентябрьской книгѣ „Вѣстника Права" за 1899 годъ. Но тогда главное вниманіе было удѣлено не отдѣльнымъ постановленіямъ проекта, а вопросу о необходимости дать какъ трудовымъ артелямъ, такъ и другимъ мелкимъ хозяйственнымъ союзамъ, одинъ общій для нихъ законъ, подобно германскому закону 1 мая 1889 года о товариществахъ, съ цѣлью установленія въ этихъ товариществахъ правоваго порядка, въ чемъ они наиболѣе всего нуждаются. Какъ бы отвѣтомъ на такого рода пожеланіе явился опубликованный впервые въ той же книгѣ „Вѣстника Права" проектъ коммисіи по составленію гражданскаго уложенія „Объ обязательствахъ", отдѣльныя главы котораго посвящены общему для всевозможныхъ видовъ коопераций закону, а въ томъ числѣ и производительнымъ товариществамъ. Этотъ послѣдній законъ и долженъ будетъ удовлетворять только-что указанной потребности. Тѣ же общія постановленія законопроекта о трудовыхъ артеляхъ, которыя могутъ быть отнесены въ одинаковой мѣрѣ

ко всякаго рода кооперацiямъ, прiобрѣтаютъ, такимъ образомъ лишь временное значенiе, такъ какъ съ изданiемъ гражданскаго уложенiя правовое положенiе артелей будетъ опредѣляться уже не указанными статьями закона объ артеляхъ, а названнымъ уложенiемъ. Что же касается затѣмъ тѣхъ постановленiй, которыя по своему содержанiю могутъ быть отнесены къ трудовымъ артелямъ, то они должны будутъ занять въ общей системѣ нашего законодательства о кооперацiяхъ мѣсто *особенной части,* для опредѣленiя спецiальныхъ отношенiй, вытекающихъ изъ совмѣстнаго производства. Указанное обстоятельство значительно упрощаетъ задачу оцѣнки проекта положенiя о трудовыхъ артеляхъ, давая возможность сосредоточить все вниманiе на тѣхъ только постановленiяхъ этого проекта, которыя ставятъ себѣ цѣлью поддержанiе въ артеляхъ трудоваго начала.

Это начало проведено въ проектѣ слѣдующимъ образомъ.

1) „Каждый членъ артели долженъ принимать непосредственное участiе въ ея работахъ своимъ личнымъ трудомъ"; исключенiе допускается только „для лицъ, избранныхъ въ составъ управленiя или надзора" (ст. 5). Нельзя не отмѣтить этого изъятiя изъ общаго правила, которое даетъ возможность артелямъ ставить во главѣ управленiя образованныхъ техниковъ, хотя бы они и не принимали участiя въ работахъ артели физическимъ трудомъ.

2) Сама артель можетъ нанимать отъ своего имени постороннихъ рабочихъ только въ исключительныхъ случаяхъ, какъ сказано въ ст. 6: или „для выполненiя работъ, требующихъ особыхъ познанiй и не составляющихъ предмета обычныхъ занятiй членовъ артели, или же въ случаяхъ особой спѣшности работъ, требующихъ временнаго усиленiя состава работниковъ" [1]).

3) Артели могутъ принимать учениковъ, „но безъ права участiя ихъ въ управленiи дѣлами артели" и „съ отвѣтственностью лишь сдѣланнымъ въ артель взносомъ" (прим. къ ст. 3), а также кандидатовъ на испытанiе (такъ назыв. *новиковъ)*, „на срокъ не долѣе, однако, 6 мѣсяцевъ"; по истеченiи же этого срока такой кандидатъ, оставленный въ артели, имѣетъ право на „вознагра-

---

[1]) Въ той редакцiи, въ какой проектъ положенiя о трудовыхъ артеляхъ былъ напечатанъ на страницахъ „Вѣстника Права", исключенiе въ смыслѣ допущенiя въ артель наемныхъ рабочихъ ограничивалось только случаями, требующими особыхъ познанiй для выполненiя работъ и не составляющими предмета обычныхъ занятiй членовъ артели.

жденіе за участіе въ работахъ на равномъ основаніи съ членами артели“ (ст. 7). Послѣдняя прибавка имѣетъ весьма существенное значеніе, такъ какъ не даетъ возможности артели привлекать подъ видомъ *новиковъ* даровыхъ рабочихъ. Разъ такой кандидатъ пробылъ въ артели болѣе 6 мѣсяцевъ, онъ по силѣ ст. 7 пріобрѣтаетъ право иска къ артели объ удовлетвореніи его вознагражденіемъ, на равныхъ основаніяхъ съ артельщиками, въ вопросѣ же о размѣрахъ вознагражденія онъ можетъ требовать черезъ судъ отъ артели предъявленія упомянутаго выше поименнаго списка ея участниковъ, а въ томъ числѣ и кандидатовъ, съ свѣдѣніями о причитающихся всѣмъ этимъ участникамъ выдачахъ (ст. 15 проекта).

4) Трудовое начало должно поддерживаться въ артеляхъ тѣмъ еще, что каждый членъ артели можетъ имѣть только одинъ голосъ въ общемъ собраніи и одинаковый для всѣхъ членовъ пай, выраженный въ деньгахъ или въ необходимыхъ для артели предметахъ (статьи 10 и 13); кромѣ того передача голоса „другому члену или иному лицу не допускается“. Только-что указанное требованіе вытекаетъ изъ того, что въ трудовыхъ артеляхъ личныя качества членовъ оказываютъ болѣе замѣтное вліяніе на весь ходъ артельнаго предпріятія, чѣмъ въ другихъ кооперацiяхъ, какъ-то потребительныхъ, кредитныхъ и др. Равенство правъ всѣхъ членовъ въ артели обезпечивается далѣе тѣмъ, что распредѣленіе заработковъ между членами производится, согласно ст. 14 проекта, „внѣ всякой зависимости отъ числящихся на счетахъ отдѣльныхъ членовъ суммъ“.

5) Необходимость сосредоточенія всѣхъ наиболѣе важныхъ дѣлъ въ общемъ собраніи артели, въ цѣляхъ между прочимъ поддержанія обсуждаемаго нами начала, побудило вѣроятно составителей проекта отнести къ вопросамъ первой важности такой вопросъ, какъ о заключеніи займовъ артелью (ч. 2, ст. 11), для рѣшенія коего необходимо „присутствіе въ собраніи не менѣе $^2/_3$ всѣхъ членовъ“, и вмѣстѣ съ тѣмъ присвоить такимъ постановленіямъ обязательную силу только при условіи, если эти постановленія „будутъ приняты большинствомъ $^2/_3$ голосовъ участвующихъ въ собраніи членовъ“.

6) Ревнивая охрана проектомъ трудовой артели отъ преобладанія въ ней интересовъ болѣе состоятельной группы членовъ оканчивается наконецъ на 2 ч. ст. 13, согласно коей „суммы, внесенныя отдѣльными членами сверхъ установленнаго членскаго взноса, считаются займами“, на которые, какъ сказано въ примѣчаніи къ

слѣдующей затѣмъ ст. 14, можетъ быть „по постановленію собранія начисляемъ опредѣленный процентъ“. Такимъ образомъ выборные артелью для ближайшаго завѣдыванія ея дѣлами (артельный староста или правленіе) лишены возможности, въ силу ст. 11, 13 и примѣч. къ ст. 14, принимать отъ членовъ всякія суммы, превышающія пай, безъ вѣдома общаго собранія.

Приведенныя статьи должны служить, насколько это можетъ зависѣть отъ закона, для сохраненія за отдѣльными членами трудовыхъ артелей ихъ экономической самостоятельности, а вмѣстѣ съ тѣмъ и препятствіемъ къ превращенію такихъ артелей въ коммерческія предпріятія.

Если капиталистическія стремленія нельзя считать явленіемъ, распространеннымъ въ нашихъ бытовыхъ артеляхъ, то нельзя сказать того же относительно производительныхъ артелей, дѣйствующихъ на основаніи уставовъ или письменныхъ договоровъ. Тогда какъ въ бытовыхъ артеляхъ, возникающихъ по обыкновенію для выполненія какой-нибудь ограниченной хозяйственной цѣли и на короткій срокъ всякія отношенія между участниками въ подавляющемъ большинствѣ случаевъ оканчиваются въ стадіи производства [1]), а затѣмъ сбытъ артельныхъ издѣлій производится каждымъ изъ нихъ за свой рискъ и страхъ,—въ артеляхъ уставныхъ, разсчитанныхъ напротивъ того на продолжительное дѣйствіе, отношенія между участниками болѣе сложны и требуютъ отъ каждаго изъ нихъ значительнаго подчиненія своихъ личныхъ интересовъ интересамъ коллективнаго цѣлаго. Такое подчиненіе должно кромѣ того поддерживаться не только во время производства артельныхъ работъ, но и въ стадіи сбыта, гдѣ артели главнымъ образомъ и встрѣчаются съ различными искусами, указывающими имъ на тѣ преимущества, которыми въ этомъ случаѣ располагаетъ всякое частное предпріятіе, сравнительно съ артельнымъ. Въ свою очередь поколебленное условіями сбыта сознаніе общаго интереса дѣйствуетъ отраженнымъ образомъ и на совмѣстное участіе въ производствѣ. Подобныя явленія можно подмѣтить изъ исторіи кустарныхъ производительныхъ артелей, организованныхъ кустарно-промышленнымъ банкомъ Пермскаго губернскаго земства [2]).

---

[1]) В. В.—Артель въ кустарномъ промыслѣ, 1895 г.

[2]) См. въ выпускѣ 15-омъ сообщеній С.-Петербургскаго отдѣленія комитета о сельскихъ ссудо-сберегательныхъ и промышленныхъ товариществахъ статью о пермскихъ производительныхъ артеляхъ (напр., Первое товарищество мрамор-

Лучшимъ же примѣромъ всевозможныхъ отступленій отъ артельныхъ принциповъ можетъ служить семилѣтняя исторія „Артели кустарныхъ мастеровъ Бурмакинской волости, Ярославскаго уѣзда“, изслѣдованіе которой представляетъ изъ себя рядъ иллюстрацій злоупотребленія наемнымъ трудомъ постороннихъ рабочихъ, обратившихъ эту артель въ синдикатъ мелкихъ скупщиковъ, хотя артель и была поставлена въ сравнительно болѣе выгодныя условія относительно сбыта своихъ издѣлій [1]). Въ такой же синдикатъ вскорѣ послѣ своего учрежденія обратилась и *Мраморская артель*, возникшая въ концѣ 80-тыхъ годовъ среди кустарей Мраморскаго завода, Екатеринбургскаго уѣзда [2]).

Независимо, однако, отъ приведенныхъ фактовъ необходимость поддержанія въ производительныхъ артеляхъ трудоваго начала находитъ себѣ объясненіе также и въ томъ, что въ самой организаціи этого рода артелей, при современныхъ экономическихъ условіяхъ, не содержится тѣхъ сдерживающихъ элементовъ, которые предохраняли бы ихъ тѣмъ или инымъ образомъ отъ превращенія въ капиталистическія предпріятія, чѣмъ между прочимъ интересующіе насъ союзы и отличаются, напр., отъ товариществъ потребительныхъ и кредитныхъ. Обращаясь къ выясненію этихъ особенностей производительныхъ артелей, поскольку онѣ могутъ быть приняты во вниманіе законодательною дѣятельностью, мы должны прежде всего допустить: 1) что личность каждаго участника интересующихъ насъ товариществъ поставлена въ благопріятныя условія для своего развитія и 2) что отношенія въ этихъ товариществахъ складываются не подъ вліяніемъ какихъ-либо альтруистическихъ началъ, учесть которыя никакой законъ не въ состояніи, а главнымъ образомъ подъ вліяніемъ тѣхъ ощутительныхъ выгодъ, какія представляютъ собою всякаго рода единенія самостоятельныхъ производителей на почвѣ ихъ хозяйственной дѣятельности.

Отклоненіе въ сторону коммерческихъ предпріятій потребительными товариществами можетъ проявляться болѣе замѣтнымъ образомъ въ перепродажѣ отдѣльными членами предметовъ, пріобрѣтенныхъ при посредствѣ товарищества. Однако такого рода злоупотре-

---

скихъ кустарей, Товарищество екатеринбургскихъ чулочницъ, Первое камбарское товарищество экипажныхъ мастеровъ, Зарѣчная артель колесныхъ мастеровъ.

[1]) См. тамъ же о Бурмакинской производительной артели.

[2]) Эту артель не слѣдуетъ смѣшивать съ Мраморскимъ же товариществомъ, возникшемъ въ 1894 году по иниціативѣ Пермскаго кустарнаго банка въ той же мѣстности, гдѣ была и первая артель.

бленія рѣдко когда могутъ достигнуть значительныхъ размѣровъ, встрѣчаясь на своемъ пути съ противоположными интересами потребительныхъ товариществъ—интересами торговаго класса. Эта-то противоположность двухъ сталкивающихся между собою интересовъ, въ тѣхъ случаяхъ, когда подавляющее большинство участниковъ товарищества не проникнуто въ достаточной степени кооперативными принципами, и является однимъ изъ регуляторовъ, направляющихъ потребительныя товарищества по тому направленію, какое имъ можетъ быть указано закономъ. Роль, какая въ данномъ отношеніи принадлежитъ самимъ потребительнымъ товариществамъ, можетъ быть названа такимъ образомъ *пассивною*. Минимальныя же требованія закона къ такого рода товариществамъ могутъ не выходить изъ предѣловъ опредѣленія извѣстныхъ формальностей, необходимыхъ для дѣйствія всякихъ вообще хозяйственныхъ союзовъ въ государствѣ, далѣе установленія уголовныхъ взысканій за перепродажу членами товаровъ и, наконецъ, присвоенія меньшинству членовъ права защиты въ исковомъ порядкѣ интересовъ товарищества [1]).

Въ иномъ значительно видѣ представляется интересующій насъ вопросъ въ кооперацiяхъ кредитныхъ. Эксплоатація этого рода товариществъ или незначительною группою пользующихся вліяніемъ членовъ, или чаще всего однимъ лицомъ, стоящимъ во главѣ управленія дѣлами такого товарищества, можетъ проявляться главнымъ образомъ въ пользованіи значительнымъ кредитомъ или свободной наличностью товарищества, съ цѣлью раздачи ссудъ постороннимъ лицамъ или для извлеченія вообще какихъ либо личныхъ матеріальныхъ выгодъ. Хотя въ такихъ случаяхъ интересы товарищества и не встрѣчаютъ себѣ косвенной поддержки въ тѣхъ внѣшнихъ условіяхъ, въ какихъ въ настоящее время дѣйствуютъ товарищества потребительныя, но, съ другой стороны, въ самыхъ условіяхъ кредита и его организаціи есть такіе элементы, которые не всегда даютъ возможность довести такого рода эксплоатацію до широкихъ

---

[1]) Германскій имперскій законъ о товариществахъ 1 мая 1899 года, ст. 49: „Въ случаѣ нарушенія постановленіемъ общаго собранія предписаній настоящаго закона или устава можно ходатайствовать въ исковомъ порядкѣ о признаніи его недѣйствительнымъ..... Право такого оспариванія принадлежитъ кромѣ правленія каждому присутствовавшему на общемъ собраніи члену, если только протестъ его противъ постановленія былъ занесенъ въ протоколъ, а равно и каждому отсутствовавшему, если онъ предъявляетъ протестъ на томъ основаніи.. и т. д. См. вып. 2-ой (1890 г.). Сообщен. С.-Петерб. отд. комит., переводъ Браудо.

размѣровъ. Прежде всего потому, что кредитъ организованный сравнительно настолько дешевъ, что съ нимъ никогда не можетъ конкурировать кредитъ частный, не организованный. Кромѣ того въ кредитной коопераціи послѣдствія всякихъ болѣе или менѣе замѣтныхъ отступленій отъ устава, отражаясь на всѣхъ ея операціяхъ, дѣйствуютъ съ такою неумолимою, свойственною лишь кредитному дѣлу, какъ бы стихійною, послѣдовательностью, что никакія затѣмъ частныя мѣры, хотя бы онѣ исходили отъ самихъ виновниковъ въ злоупотребленіяхъ, не въ состояніи остановить эти послѣдствія, за которыми обыкновенно слѣдуетъ полное разстройство дѣлъ товарищества. Вотъ эти-то качества кредитныхъ кооперацій, съ одной стороны, ощутительность предоставляемыхъ ими участникамъ выгодъ, а съ другой—опасность, съ которою связаны обыкновенно замѣтныя отступленія отъ кооперативныхъ принциповъ, и исполняютъ такую же роль, какъ въ отношеніи потребительныхъ товариществъ ихъ внѣшняя экономическая обстановка, въ связи съ принудительнымъ началомъ. Эти качества кредитныхъ кооперацій съ интересующей насъ точки зрѣнія могутъ быть названы *активными*. Задача же закона о такого рода кооперацiяхъ можетъ сводиться къ установленію, кромѣ упомянутыхъ выше общихъ правилъ, еще нѣкоторыхъ формальностей, вытекающихъ изъ участія въ этихъ кооперацiяхъ значительныхъ капиталовъ, и, наконецъ, къ опредѣленію максимальнаго размѣра, до какого могутъ быть выдаваемы ссуды отдѣльнымъ членамъ кооперацій. Послѣдняго рода требованіе болѣе уже принудительнаго характера должно служить обезпеченіемъ, что кредитныя коопераціи, которымъ государства оказываютъ обыкновенно нѣкоторыя преимущества, составятся изъ лицъ малодостаточныхъ, наиболѣе нуждающихся въ дешевомъ кредитѣ [1]).

Послѣдующее изложеніе должно будетъ показать, что интересующія насъ уставныя трудовыя артели не обладаютъ въ достаточной степени ни однимъ изъ указанныхъ выше средствъ для поддержанія между участниками ихъ трудоваго начала. Сравнивая производительныя артели съ потребительными обществами, мы замѣтимъ, что злоупотребленія подъ разными видами наемнымъ трудомъ въ

---

[1]) Приписывая потребительнымъ товариществамъ пассивныя качества, а кредитнымъ—активныя, мы хотимъ этимъ указать лишь на то, которому изъ этихъ качествъ, свойственныхъ, конечно, обоимъ типамъ, принадлежитъ выдающаяся роль въ борьбѣ ихъ съ эксплоататорскими проявленіями отдѣльныхъ вліятельныхъ членовъ.

этихъ артеляхъ не соприкасаются съ чьими-либо посторонними интересами, уклоненіе же отъ артельныхъ работъ не можетъ быть подведено подъ понятіе дѣянія уголовно наказуемаго. По сравненію же съ кредитными коопераціями, артельная организація труда не представляетъ тѣхъ постоянныхъ и ощутительныхъ выгодъ, какія обыкновенно даетъ совмѣстное пользованіе мелкимъ кредитомъ. Пользованіе такого рода выгодами мыслимо для артелей лишь при правильной постановкѣ сбыта ихъ издѣлій, предполагающей постоянную, а не случайную только связь артелей въ отношеніи сбыта съ государственнымъ или общественнымъ хозяйствами, въ видѣ, напр., поставокъ на армію, флотъ, желѣзныя дороги и т. п. Будучи же предоставлены самимъ себѣ въ отношеніи сбыта своихъ издѣлій, артели напротивъ того встрѣчаются съ замѣтными преимуществами, которыми располагаютъ всегда предпріятія или болѣе крупныя, или находящіяся во всякомъ случаѣ подъ единоличнымъ управленіемъ. Въ этихъ обстоятельствахъ заключается одна изъ главныхъ причинъ, способствующихъ превращенію трудовыхъ артелей въ коммерческія предпріятія, со всевозможными въ данномъ случаѣ способами эксплоатаціи наемнаго труда, начиная съ ближайшихъ участниковъ въ артельномъ предпріятіи и кончая посторонними рабочими, не утратившими еще своей экономической самостоятельности. Общее же пониженіе заработка, чѣмъ обыкновенно сопровождается такая утрата, возмѣщается во всякомъ случаѣ его постоянствомъ. Этимъ производительныя артели значительно отличаются отъ кредитныхъ кооперацій, участіе въ которыхъ даетъ ихъ членамъ ничѣмъ не замѣнимыя выгоды. Кромѣ того отступленіе отъ устава, обязывающаго всѣхъ членовъ артели участвовать въ работахъ, не влечетъ за собою, подобно тому, какъ мы наблюдали на тѣхъ же кредитныхъ товариществахъ, ликвидаціи самаго предпріятія, какъ извѣстнаго промысла, такъ какъ спросъ на трудъ при этомъ не прекращается.

Остановившись съ нѣкоторою подробностью на выясненіи природы каждаго изъ разсмотрѣнныхъ выше типовъ кооперацій, мы имѣли въ виду тѣмъ опредѣлить тотъ руководящій принципъ, котораго, по нашему мнѣнію, только и можетъ держаться законодатель, разъ онъ задается цѣлью нормировать спеціальныя отношенія, вытекающія изъ совмѣстнаго производства въ трудовыхъ артеляхъ.

Насколько можно было выяснить изъ предыдущаго изложенія, распространеніе этихъ необходимыхъ для поддержанія нашей ку-

старной промышленности хозяйственныхъ союзовъ мыслимо лишь путемъ предоставленія трудовымъ артелямъ такихъ особенныхъ преимуществъ, которыя, съ одной стороны, могли бы возмѣщать имъ невыгоды, сопровождающія сбытъ издѣлій ихъ труда, а съ другой—служили бы объясненіемъ той обязательной для нихъ организаціи, какую намѣревается дать законопроектъ этимъ артелямъ. Do ut des—вотъ, думается, тотъ принципъ, примѣненіе котораго, не стѣсняя развитія артелей, оправдывало бы поддержаніе въ нихъ трудоваго начала посредствомъ законодательныхъ нормъ.

II.

Придерживаясь только-что указаннаго принципа, мы должны при обсужденіи законопроекта остановить свое вниманіе прежде всего на вопросѣ о фискальныхъ льготахъ, предоставляемыхъ этимъ артелямъ.

Отвѣтомъ на этотъ вопросъ можетъ служить ст. 6 положенія о государственномъ промысловомъ налогѣ, согласно коей трудовыя артели, съ складочнымъ капиталомъ не свыше 10 тыс. рублей и не болѣе, какъ при 4 наемныхъ работникахъ, освобождаются отъ уплаты основнаго промысловаго налога. Только-что указанная льгота ничѣмъ однако не выдѣляетъ эти артели, какъ это видно изъ той же статьи, изъ ряда другихъ мелкохозяйственныхъ союзовъ, какъ-то: кредитныхъ товариществъ, ссудо-сберегательныхъ, сельско-хозяйственныхъ и др.

Болѣе существенное значеніе представляютъ тѣ преимущества, какія намѣревается оказать трудовымъ артелямъ наше военное вѣдомство при поставкахъ ими на армію и флотъ, внося въ Государственный Совѣтъ, вѣроятно въ ближайшемъ будущемъ, составленный при Главномъ Интендантскомъ Управленіи проектъ правилъ, касающихся такихъ поставокъ [1]). Согласно этому проекту подряды по поставкѣ предметовъ кустарной промышленности сдаются военнымъ вѣдомствомъ безъ торговъ отдѣльнымъ кустарямъ при посредствѣ министерства земледѣлія и государственныхъ имуществъ, губернскихъ и уѣздныхъ земствъ, кустарныхъ комитетовъ, школъ и т. п. и, минуя такое посредничество, кустарнымъ

---

[1]) См. Интендантскій Журналъ. 1900 г., №. 6 статью Г. Коллежинскаго „Пересмотръ правилъ о представленіи кустарямъ поставокъ по военному вѣдомству".

артелямъ, крестьянскимъ и мѣщанскимъ обществамъ. При этомъ всѣ эти поставщики освобождаются отъ платежа промысловыхъ и другихъ сборовъ, а также отъ представленія залоговъ. Послѣдніе замѣняются во всѣхъ этихъ случаяхъ ручательствами земствъ. Перевозка по желѣзнымъ дорогамъ казенныхъ товаровъ, отпускаемыхъ кустарямъ, и затѣмъ готовыхъ издѣлій до военныхъ вещевыхъ складовъ производится за счетъ кустарей по удешевленному воинскому тарифу. Таковы въ сущности тѣ льготы, которыя имѣетъ въ виду предоставить трудовымъ артелямъ военное вѣдомство. Этими правилами намѣчается, повидимому, тотъ путь, по которому должно было бы, казалось, слѣдовать министерство финансовъ при выработкѣ проекта закона объ артеляхъ. Изъ такихъ мѣръ, зависящихъ главнымъ образомъ отъ этого вѣдомства, слѣдуетъ указать прежде всего на пониженіе желѣзнодорожнаго тарифа по всякимъ вообще перевозкамъ артельныхъ издѣлій по казеннымъ дорогамъ, независимо отъ того, предназначаются ли эти издѣлія для поставокъ по военному вѣдомству или для сбыта ихъ вообще на рынкахъ. А насколько необходимо пониженіе тарифа, видно хотя бы и изъ того курьезнаго, если не печальнаго факта, на который указывалъ представитель Суджанскаго земства въ образованномъ при Главномъ Интендатскомъ Управленіи совѣщаніи по пересмотру упомянутыхъ выше правилъ,—что суджанскіе кустари предпочитаютъ перевозить предметъ своей поставки на армію—солдатскую обувь—въ Кіевъ, отстоящій отъ мѣстъ производства на разстояніи около 300 верстъ, не по казеннымъ желѣзнымъ дорогамъ, а гужомъ [1]). Хотя проектируемая мѣра и не является всеобщею въ томъ отношеніи, что она не можетъ быть распространена на частныя желѣзныя дороги, тѣмъ не менѣе это обстоятельство не должно оказывать замѣтнаго вліянія на сбытъ кустарныхъ издѣлій, такъ какъ частныя дороги по своему протяженію занимаютъ сравнительно ничтожное мѣсто на ряду съ казенными дорогами. Къ тому же, какъ показываетъ расположеніе сѣти главныхъ частныхъ дорогъ, значительная ихъ часть проходитъ по такимъ мѣстностямъ, которыя не лишены возможности пользоваться болѣе дешевыми водными путями.

Второй вопросъ, который невольно напрашивается послѣ ближайшаго изученія правилъ законопроекта съ разсматриваемой нами точки зрѣнія, заключается въ слѣдующемъ: каковы послѣдствія

---

[1]) См. тамъ же.

въ томъ случаѣ, если артель, несмотря на предписанія закона, будетъ тѣмъ не менѣе уклоняться отъ предуказанныхъ этимъ закономъ кооперативныхъ принциповъ?—Или, думается, вовсе не нужно задаваться цѣлью нормировки внутренняго распорядка артельныхъ отношеній, предоставивъ вѣдать это самимъ участникамъ артелей, или же, ставъ на указанный путь, необходимо вмѣстѣ съ тѣмъ опредѣлить въ законѣ и тѣ послѣдствія, которыя должны слѣдовать за его нарушеніями.

Отвѣтъ на этотъ вопросъ даютъ только, какъ уже было указано выше, ч. 2 ст. 7 и ч. 3 ст. 11 проекта, а также ст. 14. Первая изъ нихъ предоставляетъ право кандидату, взятому на испытаніе въ артель, требовать отъ послѣдней по истеченіи 6 мѣсяцевъ вознагражденіе за участіе въ работахъ, чѣмъ предотвращается возможность для артелей злоупотреблять даровымъ трудомъ подъ видомъ испытанія *новиковъ*. Вторая затѣмъ статья освобождаетъ заинтересованныхъ въ артельномъ предпріятіи лицъ отъ нѣкоторыхъ обязательствъ передъ артелью, если наиболѣе важные вопросы, поставленные на разрѣшеніе общаго собранія, будутъ приняты большинствомъ менѣе $^2/_3$ голосовъ участвующихъ въ собраніи членовъ. Наконецъ, если прибыль въ артели распредѣляется въ зависимости не отъ заработковъ членовъ, а ихъ паевыхъ взносовъ, то любой изъ заинтересованныхъ въ этомъ артельщиковъ можетъ по силѣ ст. 14 предъявить искъ къ артели о выдачѣ ему прибыли на законномъ основаніи. Такого же рода требованія закона, какъ о томъ, чтобы у каждаго члена былъ только одинъ голосъ въ общемъ собраніи, безъ права его передачи и одинаковый для всѣхъ пай, и наконецъ, чтобы артель пользовалась наемнымъ трудомъ лишь въ исключительныхъ случаяхъ—эти весьма существенныя постановленія оставлены проектомъ беззащитными. Правда, что съ изданіемъ гражданскаго уложенія всѣ вышеперечисленныя, кромѣ послѣдняго, требованія закона найдутъ себѣ особую спеціальную защиту въ ст. 898 этого уложенія, дающей каждому изъ присутствующихъ въ общемъ собраніи членовъ право на предъявленіе иска объ отмѣнѣ постановленій собранія, состоявшихся съ отступленіемъ отъ закона или устава, независимо отъ того, соприкасаются ли эти нарушенія съ его личными имущественными интересами, или нѣтъ. Останется такимъ образомъ безъ опредѣленія послѣдствій статья проекта, обязывающая членовъ артели не замѣнять въ видѣ общаго правила личный трудъ трудомъ наемныхъ рабочихъ. Между тѣмъ мы видѣли, что эта область болѣе всего

доступна всякимъ злоупотребленіямъ. Можно даже представить себѣ такую производительную уставную артель, въ которой принципы равенства и справедливости встрѣчаютъ себѣ поддержку со стороны всѣхъ членовъ артели, и въ то же время артель злоупотребляетъ трудомъ наемныхъ рабочихъ. Статьи 6 и 7 проекта въ ихъ настоящей редакціи открываютъ полную возможность образованія, подъ видомъ артели, синдиката мелкихъ скупщиковъ, съ одинаковымъ для всѣхъ паемъ, правильнымъ распредѣленіемъ прибылей и т. п. Поставленный весьма умѣстно законопроектомъ, но не разрѣшенный имъ до конца, вопросъ о наемномъ трудѣ въ артеляхъ требуетъ, такимъ образомъ, того, чтобы ему было удѣлено особое вниманіе.

Какими же, спрашивается, средствами располагаетъ законъ, чтобы, не стѣсняя развитія трудовой артели, побудить въ то же время ея членовъ къ непосредственному участію въ работахъ, вообще же поставить дѣло такъ, чтобы замѣна труда личнаго наемнымъ была для артели невыгодною?

При анализѣ наиболѣе извѣстныхъ намъ типовъ коопераціи, со стороны тѣхъ средствъ, которыми каждый изъ этихъ типовъ располагаетъ для борьбы съ некооперативными стремленіями ихъ участниковъ, легко было замѣтить, что производительныя артели въ отношеніи этихъ средствъ ближе во всякомъ случаѣ подходятъ къ потребительнымъ союзамъ, чѣмъ къ кредитнымъ. Тогда же было указано, что уголовныя взысканія, налагаемыя закономъ за перепродажу товаровъ членами потребительныхъ обществъ, не могутъ быть примѣняемы въ случаяхъ уклоненія отъ артельныхъ работъ. Остается, такимъ образомъ, держась той же аналогіи, подыскать около производительныхъ артелей такую, хотя и постороннюю, но заинтересованную въ предпріятіи, сторону, какою мы видѣли, въ отношеніи потребительныхъ обществъ, являются конкурирующіе съ этими обществами мѣстные торговцы. Такою же стороною только и могутъ быть тѣ именно наемные рабочіе, трудомъ которыхъ стала бы злоупотреблять трудовая артель. Если бы такимъ образомъ законъ предоставилъ привлекаемымъ въ артель наемнымъ рабочимъ участіе въ прибыляхъ артельнаго предпріятія, то для членовъ ея не было бы выгоднымъ пользоваться ихъ трудомъ въ широкихъ размѣрахъ. Весьма естественно также, что право на участіе въ прибыляхъ не должно идти въ разрѣзъ съ тѣмъ главнымъ принципомъ всякой вообще кооперативной организаціи, согласно коему участіе въ выгодахъ, какія можетъ дать кооперативное учрежденіе, влечетъ

за собою непремѣнно участіе въ убыткахъ предпріятія. Поэтому-то наемнымъ рабочимъ должно быть предоставлено право на прибыль не въ томъ размѣрѣ, въ какомъ пользуются члены артели, а лишь въ извѣстной ея долѣ, остальная же часть причитающейся наемнымъ лицамъ прибыли можетъ быть разсматриваема, какъ накопленный въ артели фондъ, на случай покрытія подлежащихъ распредѣленію между ними убытковъ артельнаго предпріятія. Наконецъ, какъ изъяснено было выше, участіе наемныхъ рабочихъ въ прибыляхъ должно быть разсматриваемо не какъ нѣчто обязательное для артели, а какъ условное въ виду тѣхъ преимуществъ, которыя предоставляются закономъ этого рода артелямъ. Пользоваться же или не пользоваться ими, будетъ зависѣть отъ усмотрѣнія каждой отдѣльной артели. На право участія наемныхъ рабочихъ въ нѣкоторой долѣ прибылей артели слѣдуетъ смотрѣть такимъ образомъ, какъ на то связующее начало, въ которомъ должны находить себѣ объясненіе, съ одной стороны, оказываемыя преимущества, а съ другой—какъ бы вытекающее отсюда требованіе закона объ участіи каждаго члена въ артели своимъ личнымъ трудомъ. Такъ, вѣроятно, смотритъ на интересующій насъ предметъ проектъ французскаго закона о кооперативныхъ обществахъ, что̀ видно изъ ст. 38 этого проекта, въ коей между прочимъ сказано: „Les sociétés cooperatives de production... et qui utilisent des ouvriers ou employés recrutés en dehors de leurs membres, ne jouiront des immunités fiscales concedées par la présente loi, que si elles font participer ce personnel aux bénéfices de l'entreprise...“. Въ той же статьѣ опредѣлено, что такое участіе должно быть въ размѣрѣ не менѣе 50% прибыли, причитающейся членамъ производительнаго кооперативнаго общества [1]).

Предвидя нѣкоторыя возраженія, которыя могли бы быть высказаны по поводу дополненія ст. 6 законопроекта постановленіемъ о правѣ участія наемныхъ рабочихъ въ извѣстной части прибылей трудовыхъ артелей, въ тѣхъ случаяхъ, когда артели пользуются предоставленными имъ льготами, остановимся прежде всего на томъ изъ возможныхъ въ данномъ случаѣ возраженій, что артель, какъ предпріятіе частное, не можетъ быть обязанной удѣлять часть своихъ прибылей постороннимъ лицамъ. Чтобы отвѣтить на такое возраженіе, пришлось бы повторить все то, что̀ сказано было выше, чѣмъ собственно вызывается выдѣленіе трудовыхъ артелей изъ ряда остальныхъ частныхъ промышленныхъ предпріятій—тѣмъ именно

---

[1]) Annales de Senat. Documents.

привилегированнымъ положеніемъ, въ какое этого рода предпріятія могутъ быть поставлены закономъ въ видахъ ихъ распространенія. Вмѣстѣ съ тѣмъ слѣдуетъ имѣть въ виду, что цѣль предлагаемой мѣры заключается не въ томъ, чтобы сдѣлать участіе въ прибыляхъ явленіемъ распространеннымъ, а какъ-разъ наоборотъ — сузить насколько возможно сферу примѣненія въ артеляхъ труда постороннихъ рабочихъ.

Второе возраженіе заключалось бы въ томъ, что если смотрѣть на участіе въ прибыляхъ, какъ на одну изъ главныхъ мѣръ для поддержанія въ артеляхъ трудоваго начала, то подобная мѣра представляется какъ бы излишнею въ томъ отношеніи, что указанное начало уже встрѣчаетъ себѣ поддержку въ вышеупомянутой ст. 6 положенія о государственномъ промысловомъ налогѣ, которая, какъ мы видѣли, освобождаетъ трудовыя артели отъ уплаты налога только въ томъ случаѣ, если въ артели участвуетъ не болѣе 4 постоянныхъ наемныхъ работниковъ; въ противномъ случаѣ, согласно тому же положенію, трудовая артель приравнивается ко всякимъ вообще промышленнымъ артелямъ, обязаннымъ уплатою налога соотвѣтственно числу всѣхъ участниковъ въ работахъ. По поводу сего нельзя прежде всего не замѣтить, что положеніе кладетъ въ основаніе опредѣленія трудовой артели совершенно случайный признакъ, какъ 4 наемныхъ работника. Кромѣ того, сопоставляя приведенную выше статью съ статьею 6 законопроекта, мы усмотримъ, что обѣ эти статьи какъ бы противорѣчатъ другъ другу. Первая изъ нихъ допускаетъ постоянныхъ наемныхъ рабочихъ, хотя и въ ограниченномъ количествѣ, вторая же содержитъ въ себѣ уже иного рода ограниченіе—число наемныхъ рабочихъ можетъ быть и значительно, но лишь бы усиленіе состава участвующихъ въ работахъ наемными лицами было временное, а не постоянное. Спрашивается, какъ должны быть примиряемы эти противорѣчія въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ. Слѣдуетъ имѣть въ виду также и то обстоятельство, что на практикѣ зачастую очень трудно бываетъ установить различіе между постоянными и временными работниками, участвующими въ производствѣ въ теченіе даннаго операціоннаго періода, длящагося иногда сравнительно долго. Во всякомъ же случаѣ для этого необходимо значительное усиленіе торговаго надзора, что не всегда совмѣстимо съ свободнымъ развитіемъ промышленнаго предпріятія. На основаніи изложеннаго было бы полезно устранить изъ ст. 6 положенія о государственномъ промысловомъ налогѣ указанный выше признакъ трудовыхъ артелей и ввести въ ст. 6 разсматриваемаго законопроекта

другой болѣе совершенный признакъ, какъ участіе наемныхъ рабочихъ въ прибыляхъ артельнаго предпріятія. Съ установленіемъ такого внѣшняго признака тѣмъ самымъ устраняется необходимость въ усиленномъ торговомъ надзорѣ, который въ этомъ случаѣ переходитъ какъ бы къ заинтересованнымъ въ прибыляхъ наемнымъ рабочимъ артели. Такимъ образомъ проектируемая мѣра пріобрѣтаетъ значеніе даже и въ вопросѣ о тѣхъ фискальныхъ льготахъ, какими нынѣ пользуются трудовыя артели, не касаясь тѣхъ льготъ, какія имъ могутъ быть предоставлены въ видахъ содѣйствія сбыту ихъ издѣлій.

Наконецъ, можетъ быть высказано, что весьма часто временное усиленіе состава артели наемными рабочими вызывается не съ цѣлью уклоненія отъ работъ ея членовъ, а напротивъ для сотрудничества, какъ, напр., въ земледѣльческихъ артеляхъ; что нельзя же, наконецъ, связывать вообще съ участіемъ въ прибыляхъ какіе-либо единичные случаи привлеченія наемныхъ рабочихъ. Дѣйствительно, законъ долженъ считаться лишь съ массовыми злоупотребленіями наемнымъ трудомъ въ артеляхъ, не касаясь случайнаго его примѣненія.

Исходя отсюда было бы желательно дополнить ст. 6 законопроекта, въ видѣ примѣчанія, постановленіемъ о томъ, что право на полученіе соотвѣтствующей доли прибыли имѣетъ только наемный рабочій, проработавшій въ артели, напр., болѣе 5—6 дней въ году. Что же касается, затѣмъ, земледѣльческихъ артелей, для которыхъ временное усиленіе состава работниковъ на счетъ постороннихъ лицъ является какъ бы необходимымъ условіемъ ихъ промысла, то о возможности привлеченія къ участію въ прибыляхъ ихъ наемнаго персонала не могло бы быть и рѣчи, такъ какъ обработка собственной или арендуемой земли, по нашимъ законамъ, не подлежитъ обложенію промысловыми налогами, вслѣдствіе чего на этого рода артели и нельзя было бы распространить изъятія отъ уплаты означенныхъ налоговъ, подобно артелямъ кустарнымъ или ремесленнымъ.

Резюмируя все изложенное по поводу проекта положенія о трудовыхъ артеляхъ, можно сказать, что отсутствіе послѣдовательности въ проведеніи руководящей идеи является существеннымъ недостаткомъ законопроекта, вызывая даже сомнѣніе въ необходимости разсмотрѣнной части этого проекта. Соблюдая послѣдовательность, можно было бы ограничиться однимъ только опредѣленіемъ въ за-

конѣ существенныхъ правъ и легальнаго положенія уставныхъ и договорныхъ артелей. А для этого не имѣло бы смысла создавать новый законъ, такъ какъ достаточно было бы измѣнить соотвѣтствующимъ образомъ нашъ уставъ о промышленности, гдѣ уже отведено мѣсто постановленіямъ объ артеляхъ.

Возможно однако представить себѣ и третью систему, занимающую какъ бы среднее положеніе между двумя вышеуказанными.

Особенность ея въ томъ, что при такой системѣ законъ оказывалъ бы не прямое, а косвенное лишь воздѣйствіе на производительныя артели въ цѣляхъ поддержанія въ нихъ трудоваго начала. Это достигается тѣмъ, что обязательную силу получаютъ не отдѣльныя правила закона, а лишь одинаковыя съ ними по содержанію уставныя нормы. Вмѣсто того, напримѣръ, чтобы сказать: „каждый членъ артели принимаетъ непосредственное участіе въ ея работахъ личнымъ трудомъ" (ст. 5 проекта), въ законѣ то же требованіе можетъ быть выражено инымъ образомъ, а именно: въ уставѣ *должно быть* опредѣлено, что каждый членъ артели принимаетъ непосредственное участіе въ работахъ.... и т. д. Разница между этими двумя положеніями та, что въ первомъ случаѣ законъ содержитъ въ себѣ категорическое требованіе, немыслимое безъ указанія, въ немъ же, тѣхъ или иныхъ послѣдствій его нарушенія, во второмъ же—законъ только направляетъ дѣятельность артелей въ сторону соблюденія ими трудоваго начала, предоставляя осуществленіе его въ дѣйствительности тѣмъ внутреннимъ мѣрамъ воздѣйствія, какими располагаетъ данная артель. Лучшими выразителями такой именно системы являются французскіе законы о кооперацiяхъ [1]). Примѣненіе же этой системы къ интересующему насъ вопросу состояло бы въ болѣе подробномъ развитіи нѣкоторыхъ изъ пунктовъ ст. 23 проекта, содержащей въ себѣ опредѣленія главныхъ составныхъ частей устава всякой трудовой артели. Такая конструкція закона вполнѣ отвѣчала бы и намѣренію составителей проекта, нашедшему себѣ выраженіе въ слѣдующей затѣмъ статьѣ, не вырабатывать обязательнаго для артелей нормальнаго устава, назначеніе котораго исполняли бы нѣкоторыя главнѣйшія положенія закона, относящіяся къ поддержанію въ артели обсуждаемаго нами начала.

Э.—К.

---

[1]) Loi sur les sociétés (dispositions particulières), Loi relative à la création de sociétés de crédit agricole, Loi sur les caisses regionales de crédit agricole mutuel, Projet de loi sur les sociétés cooperatives.

VI.

ИЗЪ ДѢЯТЕЛЬНОСТИ ЮРИДИЧЕСКИХЪ ОБЩЕСТВЪ.

С.-Петербургское юридическое общество.

Въ засѣданіи уголовнаго отдѣленія Г. С. Фельдштейнъ прочиталъ докладъ на тему: «о возобновленіи уголовныхъ дѣлъ, возстановленіи въ правахъ и вознагражденіи невинно къ суду привлеченныхъ». Докладчикъ развивалъ слѣдующія положенія: 1) Необходимо регулировать институтъ возобновленія уголовныхъ дѣлъ строго опредѣленными нормами въ виду того, что принципъ непоколебимости вошедшихъ въ силу судебныхъ приговоровъ является однимъ изъ устоевъ правового государства. 2) Допускаемое проектомъ новой редакціи уст. угол. суд. расширеніе круга лицъ, по просьбѣ которыхъ можетъ начинаться ходатайство о возобновленіи уголовныхъ дѣлъ (ст. 1015), раціонально. 3) Порядокъ разсмотрѣнія ходатайствъ о возобновленіи уголовныхъ дѣлъ, предусматриваемый тѣмъ же проектомъ въ ст. ст. 1016—1019 и 1179—1181, цѣлесообразенъ. 4) Порядокъ разсмотрѣнія уголовныхъ дѣлъ, по ихъ возобновленіи, предусмотрѣнный ст. ст. 1024—1027 того же проекта, представляетъ собой улучшеніе по сравненію съ системой дѣйствующаго процессуальнаго права. 5) Неудовлетворительная редакція п.п. 1—3, 4 ст. 1020, повторяющихъ въ существенныхъ чертахъ ст. ст. 21 и 23 проекта. 6) Нецѣлесообразность неограниченной непоколебимости оправдательныхъ приговоровъ, предусматриваемой ст. 19 проекта. 7) Нераціональность допускаемаго проектомъ исключенія въ ст. 1021 изъ того порядка, что возобновленіе уголовныхъ дѣлъ возможно только въ случаяхъ, какъ рѣшеніе вступило въ законную силу. 8) Нецѣлесообразность ограниченія гласности, допускаемой проектомъ, въ ст. 1032, въ институтѣ возстановленія въ правахъ. 9) Недопустимость юридическаго обоснованія требованій вознагражденія со стороны лицъ, пострадавшихъ отъ законной дѣятельности органовъ государствъ въ случаяхъ, невыходящихъ изъ рода обыкновенныхъ. 10) Опасность признанія отдѣльныхъ группъ лицъ, невинно къ суду привлеченныхъ, какъ имѣющихъ или неимѣющихъ правъ требовать вознагражденія за причиненіе имъ законной дѣятельностью органовъ государствъ какого-нибудь вреда или ущерба. 11) Цѣлесообразность допущенія института вознагражденія невинно къ суду привлеченныхъ въ случаяхъ исключительныхъ и въ комбинаціи, предусмотрѣнной проектомъ въ ст. 1039. 12) Необходимость расширенія судебнаго права вознагражденія и на нѣкоторые другіе случаи понесенія тяжкаго вреда или ущерба лицами, пострадавшими отъ привлеченія къ уголовному суду.

Засѣданіе отдѣленія общества по обычному праву 31 января было посвященно докладу А. І. Доливо-Добровольскаго „законъ и обычай въ эволюціи морскаго права“.—Отдѣлъ международнаго морскаго права, нормирующій частныя, гражданско-правовыя отно-

шенія на морѣ, совершенно не разработанъ въ нашей литературѣ, несмотря на то, что исторія частнаго международнаго права исчисляется многими тысячелѣтіями,—морскія сношенія весьма долго служили единственной формой мирнаго общенія между народами. Уже за 9 столѣтій до Р. Х. были выработаны въ этой области знаменитые родосскіе законы, долго господствовавшіе во всей области морскихъ международныхъ сношеній, въ нѣкоторой части перенесенные и въ римское право (хотя не въ законы XII таблицъ), и въ извѣстныхъ своихъ положеніяхъ служащіе основой и современныхъ законодательствъ. Въ XIII вѣкѣ съ расцвѣтомъ морской торговли, появляется множество регламентовъ,—почти каждый болѣе или менѣе значительный портъ имѣлъ свой регламентъ—существенно сходящихся, однако, въ основныхъ пунктахъ, такъ какъ эти регламенты въ значительной мѣрѣ являются просто выписанными изъ пользовавшихся авторитетомъ сборниковъ обычнаго морскаго права; такими широко распространенными сборниками были, напр., сборникъ д'Олерона (Олеронскіе уставы), знаменитое El consolaio del mari XIV ст., имѣвшее изумительный успѣхъ и нашедшее примѣненіе по всей области Средиземнаго моря. Отличительной чертой средневѣковаго развитія интересующихъ насъ институтовъ является, такимъ образомъ, солидарность ихъ въ различныхъ морскихъ государствахъ;—опасность, всегда присущая морскимъ сношеніямъ, сближаетъ людей, и своды морскихъ обычаевъ представляются въ разсматриваемую эпоху поразительно сходными между собою. Подъ вліяніемъ борьбы за господство надъ моремъ эти морскіе законы начинаютъ, однако, впослѣдствіи, съ XV вѣка, индивидуализироваться въ кодексахъ отдѣльныхъ государствъ; первымъ законодательнымъ актомъ въ этой области является наказъ Кольбера 1681 г. Злоупотребленіе въ этихъ законодательныхъ актахъ догматическимъ методомъ и практика произвольныхъ заимствованій при изданіи отдѣльныхъ уложеній вовлекли, однако, торговое мореплаваніе въ тяжелый кризисъ,—эти акты не обезпечиваютъ коммерческимъ судамъ ни безопасности, ни справедливости, ни свободы. Начинаются попытки устранить кризисъ договорнымъ путемъ, и организуется цѣлый рядъ конференцій и конгрессовъ, изъ которыхъ важнѣйшими являются антверпенскій 1885 г. и послѣдовавшій за нимъ брюссельскій. Брюссельскій конгрессъ, на которомъ, какъ и на многихъ предшествовавшихъ, отсутствовали представители Англіи, Германіи и Австріи, выработалъ рядъ резолюцій по важнѣйшимъ вопросамъ частнаго морскаго права—объ общей аваріи, взаимной помощи на морѣ, отвѣтственности судовладѣльцевъ, цертепатіи—и проектъ международной конвенціи по вопросу о столкновеніи судовъ въ открытомъ морѣ. Не касаясь существа этихъ постановленій, слѣдуетъ имѣть въ виду, что резолюціи конгрессовъ и конференцій по общему правилу ждетъ, по выраженію одного изслѣдователя, неминуемое забвеніе въ архивахъ заинтересованныхъ министерствъ. Съ 1897 г. начинаютъ поэтому возникать національныя общества въ цѣломъ рядѣ государствъ, въ томъ числѣ и въ Японіи, для разработки вопросовъ частнаго морскаго права, при чемъ связующимъ элементомъ, объединяющимъ дѣятельность этихъ обществъ, содѣйствующимъ ихъ образованію и поддерживающимъ ихъ взаимныя сношенія, является особый морской комитетъ. Не существуетъ такого общества, пожалуй, только въ Россіи. Дѣя-

тельность этихъ обществъ можетъ оказаться весьма плодотворной—въ частности въ дѣлѣ настоятельно необходимаго возсозданія первоначальнаго *единства* морскихъ уставовъ,—желательно только, чтобы при этомъ они возможно болѣе руководились обычными нормами, возникшими при самомъ зарожденіи морскаго права; только въ обычаѣ, этомъ продуктѣ вѣчно живаго и неизсякающаго народнаго творчества, возможенъ синтезъ двухъ основныхъ началъ всякаго правопорядка—справедливости и общественной пользы.

Въ преніяхъ приняли участіе бар. М. А. Таубе, А. А. Башмаковъ, А. Л. Бойковъ, И. М. Лодыженскій.—М. А. Таубе отмѣтилъ, что онъ не совсѣмъ ясно представляетъ себѣ, какимъ образомъ докладчикъ полагаетъ возможнымъ осуществленіе его pium desiderium—возстановленіе первоначальнаго единства морскаго права путемъ возвращенія къ обычному праву среднихъ вѣковъ или еще болѣе раннему. Общее право можетъ явиться теперь результатомъ только международныхъ соглашеній, договоровъ и т. п. Къ дѣятельности международныхъ конференцій и конгрессовъ референтъ относится весьма скептически,—какой же иной путь возможенъ теперь къ достиженію этой цѣли? Далѣе, если бы такое общее право было выработано и притомъ дѣйствительно представляло бы собою возсозданіе прежнихъ обычаевъ, то его нельзя было бы признать правомъ обычнымъ, общее еще не есть обычное. Референтъ возразилъ, что поставленный оппонентомъ вопросъ есть вопросъ факта; практика показываетъ, что какъ только въ разсматриваемой области вырабатываются какія-либо общія нормы, онѣ неизбѣжно повторяютъ тѣ основоначала, которыя мы находимъ въ старыхъ сборникахъ обычнаго права.—А. А. Башмаковъ указалъ, что выясненный докладчикомъ ходъ развитія международнаго морскаго права представляетъ, на первый взглядъ, рѣзкое противорѣчіе съ тѣмъ эволюціоннымъ процессомъ, который мы видимъ въ другихъ областяхъ права. На первоначальныхъ ступеняхъ своего развитія право—и именно обычное право—характеризуется крайнимъ разнообразіемъ, выраженнымъ настолько рѣзко, что самъ народъ создаетъ по этому поводу извѣстную поговорку: „что городъ,—то норовъ, что деревня,—то обычай“; съ теченіемъ времени эти разнообразныя обычно-правовыя нормы объединяются по болѣе крупнымъ областямъ и, наконецъ, сводятся къ полному единству въ нормахъ законодательства, обнимающихъ цѣлый народъ; общее правило представляетъ, такимъ образомъ, развитіе отъ разнообразія къ единству. Указанный референтомъ ходъ развитія—отъ первоначальнаго единства черезъ разнообразіе отдѣльныхъ кодификацій къ будущему объединенію—представляется какъ бы исключительнымъ. Примиреніе этой антиноміи можно найти въ томъ, что это первоначальное однообразіе есть въ сущности не единство, а исключительное господство какого-либо комплекса обычно-правовыхъ нормъ, не имѣющихъ соперниковъ потому, что морское развитіе и могущество сосредоточиваются въ одномъ какомъ-либо пунктѣ. Обычай вообще разнообразенъ, какъ разнообразна жизнь горъ и степей; жизнь морской волны, напротивъ, однообразна. Въ связи съ общими потребностями торговаго оборота, съ которымъ такъ тѣсно соприкасается морское право, и общностью человѣческой природы, вліяніе которой на выработку общихъ правовыхъ нормъ отмѣтилъ уже Гай въ его конструкціи jus gentium въ смыслѣ не

международнаго, а общаго всѣмъ народамъ права,—это однообразіе морскаго быта можетъ послужить прочной основой будущаго единства морскаго права.—И. М. Ладыженскій отмѣтилъ, что столь желательное, съ точки зрѣнія докладчика, будущее единство морскаго права можно признать осуществимымъ лишь въ отношеніи морскаго, въ тѣсномъ смыслѣ слова, права, напр., въ области сигнализаціи, урегулированія случаевъ столкновенія судовъ и т. п.; поскольку морское право соприкасается съ торговымъ, такое единство законодательствъ разныхъ народовъ представляется пока недостижимымъ; лучшимъ доказательствомъ можетъ служить наше акціонерное законодательство, попытки реформированія котораго длятся уже столь продолжительное время, не приводя, однако, къ полному сближенію съ западноевропейскими законодательствами и выказывая даже отчасти противоположную тенденцію; это приложимо и къ многочисленнымъ проектамъ реформы нашего торговаго законодательства вообще.

Предсѣдательствовавшій въ собраніи сенаторъ Гасманъ отмѣтилъ, въ заключеніе преній, что законодательное урегулированіе частнаго морскаго права и выработка уложенія торговаго мореплаванія поставлены у насъ на очередь учрежденіемъ особаго совѣщанія, и возбужденный докладчикомъ вопросъ представляетъ, такимъ образомъ, не академическій только, но и высокій практическій интересъ. (*Право*).

Въ засѣданіи гражданскаго отдѣленія, 16 февраля 1902 г. Б. Ф. Кутыловскій прочиталъ докладъ на тему: „Отчужденіе земель подъ желѣзныя дороги по отношенію къ правамъ на нѣдра земли“. Докладчикъ развивалъ слѣдующія положенія: 1) Русское общеимперское горное законодательство построено на началѣ признанія за собственникомъ земли (будетъ ли то частное лицо, общественное учрежденіе или казна) безусловныхъ правъ на нѣдра. 2) Мѣстное горное законодательство губерній Царства Польскаго опирается на противоположномъ началѣ горной свободы и создаетъ особый видъ недвижимой подземной собственности, возникающей вслѣдствіе факта открытія полезныхъ ископаемыхъ и имѣющей всѣ признаки вотчиннаго права. 3) Отчужденіе земель подъ желѣзную дорогу необходимо влечетъ за собою и отчужденіе нѣдръ, независимо отъ того, являются ли они частью поземельной собственности или же объектомъ отдѣльнаго вотчиннаго права. 4) Проведеніе желѣзной дороги по поверхности горныхъ отводовъ должно совершаться лишь при соотвѣтствующемъ вознагражденіи владѣльцевъ сихъ отводовъ за иммобилизированную часть ихъ имущества. Справедливость этого требованія признала законодательная практика почти всѣхъ культурныхъ государствъ, и оно же вытекаетъ изъ общаго смысла нашихъ гражданскихъ законовъ.

Казанское юридическое общество.

25 января происходило годичное засѣданіе юридическаго общества. Предметами занятій собранія были: 1) заслушаніе отчета за 1901 годъ; 2)

выборы ревизіонной коммисіи; 3) выборы членовъ правленія на́ 1902 годъ. Изъ прочитаннаго годоваго отчета видно, что къ началу 1901 года въ составъ общества входило 3 почетныхъ члена (А. Ѳ. Кони, С. В. Пахманъ и М. В. Шимановскій) и 59 дѣйствительныхъ членовъ.

Ученая дѣятельность общества выразилась въ выслушаніи слѣдующихъ сообщеній и преніяхъ по нимъ: 1) А. А. Овчинниковъ. „Объ отвѣтственности предпринимателей за несчастные случаи съ рабочими (Засѣданіе 7 февраля). 2) М. М. Хомяковъ. „О вліяніи экономическаго фактора на крестьянскую семью (обычай примачества)“. (Засѣданіе 18 февраля). 3) В. В. Сергіевскій. „Право мастеровыхъ уральскихъ казенныхъ и поссессіонныхъ горныхъ заводовъ на ихъ усадьбы“. (Засѣданіе 6 октября). 4) Н. И. Миролюбовъ. „Реабилитація, какъ спеціальный правовой институтъ“. (Засѣданіе 20 октября). 5) М. Л. Мандельштамъ. „Общественные идеалы Нитцше (Засѣданіе 26 ноября).

Кромѣ того, юридическое общество участвовало въ соединенныхъ съ обществомъ врачей засѣданіяхъ, посвященныхъ вопросу о борьбѣ съ алкоголизмомъ.

Состояніе денежныхъ суммъ общества за отчетный годъ выражается слѣдующимъ образомъ: всего на приходѣ было 890 р. 75 коп., а расходъ произведенъ на 103 р. 6 коп.; къ 1-му января 1902 года остается въ приходѣ 787 р. 69 коп.

За отказомъ предсѣдателя общества проф. Г. Ф. Шершеневича отъ баллотировки, въ предсѣдатели общества избранъ В. В. Сергіевскій; въ товарищи предсѣдателя Н. К. Моисеенко, въ секретари: А. Г. Бать и А. А. Овчинниковъ и въ казначеи А. В. Завадскій. (*Волжскій Вѣстникъ*).

Томское юридическое общество.

Въ засѣданіи 1 февраля проф. П. С. Климентовъ прочелъ докладъ— „Муниципальное движеніе въ Англіи“. Тезисы доклада слѣдующіе: реформы второй половины XIX в. въ области городскаго хозяйства Англіи заслуживаютъ вниманія по той широтѣ задачъ, которую ставитъ современный англійскій городъ въ своей административной политикѣ. Избирательная система въ англійскихъ городахъ, хотя и не покоится на принципѣ всеобщаго голосованія, тѣмъ не менѣе построена на участіи въ общественныхъ дѣлахъ города всѣхъ слоевъ городскаго населенія. Характерной чертой современнаго муниципальнаго движенія въ Англіи является расцвѣтъ многочисленныхъ муниципальныхъ предпріятій, который объясняется хорошей организаціей въ Англіи кредита для городовъ. Отсутствіе цѣлесообразной организаціи кредита для городовъ въ Россіи является главной причиной слабаго развитія въ нашемъ отечествѣ городскихъ предпріятій. Часть муниципальныхъ предпріятій въ Англіи преслѣдуетъ финансовыя цѣли: на доходъ съ этихъ предпріятій уменьшаются городскіе налоги; часть преслѣдуетъ задачи городской гигіены и просвѣтительныя задачи. Новыя проявленія муниципальнаго движенія носятъ соціальный характеръ. Сравненіе муниципальныхъ предпріятій съ предпріятіями частно-

хозяйственными приводитъ къ выводу о преимуществахъ первыхъ надъ вторыми въ отношеніи цѣнъ, цѣлесообразной организаціи предпріятій и положенія рабочихъ. Быстрый ростъ городской ренты, спекуляція въ городахъ квартирами для рабочаго класса, скученность городскаго населенія, обремененіе налогами главнымъ образомъ квартиронанимателей вызвали въ настоящее время новыя эксперименты англійскихъ городовъ: постройку дешевыхъ квартиръ, спеціальное обложеніе и надѣленіе землей земледѣльческихъ рабочихъ. Съ возникновеніемъ этихъ проявленій муниципальной дѣятельности, городское хозяйство Англіи можетъ считаться образцовымъ по широтѣ своихъ административныхъ начинаній, покоящихся на идеѣ общаго блага.

Референтъ яркими чертами нарисовалъ предъ слушателями полную картину общественнаго благоустройства, котораго достигли въ послѣднее время англійскіе города, благодаря многочисленнымъ муниципальнымъ предпріятіямъ. Почти всѣ потребности жителей—физическія и духовныя, которыя въ другихъ государствахъ являются предметомъ спекуляціи частныхъ предпринимателей, наживающихъ громадные дивиденды, въ англійскихъ городахъ удовлетворяются городскимъ управленіемъ. Водоснабженіе, освѣщеніе, трамваи, театры, библіотеки, музеи и т. д.—все это является объектомъ муниципальныхъ предпріятій. Благодаря такому направленію административной политики, англійскіе города, по мнѣнію референта, приблизились къ разрѣшенію основнаго соціальнаго вопроса, состоящаго въ достиженіи общаго благополучія.

Послѣ небольшаго перерыва начались пренія по поводу доклада.

Проф. М. Н. Соболевъ не соглашается съ тѣмъ положеніемъ референта, что главная причина развитія муниципальныхъ учрежденій въ Англіи заключается въ хорошей организаціи кредита для городовъ, отсутствіе которой въ Россіи является главной причиной слабаго развитія городскихъ предпріятій. По мнѣнію г. Соболева, причина эта коренится въ городскихъ дѣятеляхъ. Англія имѣетъ прекрасныхъ городскихъ дѣятелей, благодаря отсутствію которыхъ въ Россіи часто гибнутъ муниципальныя предпріятія. Профессоръ напоминаетъ исторію устройства водопровода въ Москвѣ при городскомъ головѣ Алексѣевѣ, представляющую собою печальную картину злоупотребленій. Во Франціи, гдѣ есть возможность кредита, нѣтъ процвѣтанія муниципальныхъ учрежденій. Далѣе референтъ относится отрицательно къ муниципальнымъ учрежденіямъ на континентѣ, между тѣмъ въ Германіи мы видимъ сильное развитіе муниципальныхъ учрежденій.

Докладчикъ отвѣчаетъ, что онъ остановился на муниципальныхъ учрежденіяхъ въ Англіи потому, что такого полнаго осуществленія муниципальныхъ учрежденій, какъ въ Англіи, нигдѣ нѣтъ. Что касается городскихъ дѣятелей, то онъ не отрицаетъ значенія этого момента, настаивая на необходимости расширенія избирательныхъ правъ въ Россіи. Но, что муниципальныя учрежденія могутъ развиваться въ Россіи, видно изъ примѣра г. Риги, гдѣ хорошо функціонируетъ городской газовый заводъ, или Петербурга, гдѣ, съ открытіемъ городскаго водопровода, удешевилась вода. А что касается злоупотребленій при устройствѣ московскаго водопровода, то этому факту можно противопоставить наживаніе частными предпринимателями громадныхъ дивидендовъ на городскихъ учрежденіяхъ.

Р. Л. Вейсманъ. Принято критиковать доклады; я измѣняю этому обычаю и вполнѣ присоединяюсь къ мнѣнію референта относительно города—какъ капиталиста-предпринимателя, работающаго въ пользу всѣхъ классовъ населенія. Желательность городскихъ предпріятій сознается и у насъ, что доказывается примѣромъ г. Одессы, который съ нетерпѣніемъ ожидаетъ окончанія срока аренды конки бельгійскою компаніею. Правительство наше идетъ на встрѣчу этой потребности, допуская кредитъ на городскія предпріятія. Правда, направленіе вкусовъ къ тѣмъ или другимъ предпріятіямъ зависитъ отъ элементовъ населенія (такъ, въ г. Одессѣ былъ построенъ милліонный театръ въ то время, когда не было сносной больницы), но это не говоритъ противъ желательности городскихъ предпріятій.

С. А. Лаврентьевъ проситъ референта разъяснить ему, въ чемъ по англійскому закону состоитъ принципъ спеціальнаго обложенія—производится ли оно на счетъ увеличенной, вслѣдствіе возникновенія предпріятія, цѣнности имущества или на счетъ самаго предпріятія.

П. С. Климентовъ. Принципъ спеціальнаго обложенія заключается въ распредѣленіи стоимости предпріятія между владѣльцами, заинтересованными въ осуществленіи предпріятія.

I. А. Малиновскій. Референтъ видитъ причину развитія муниципальныхъ предпріятій въ Англіи въ хорошей организаціи кредита и высотѣ бюджета. Но, кромѣ этой причины, есть еще другія, которыя у референта не вполнѣ ясны. Главною причиною успѣха муниципальныхъ предпріятій, по его мнѣнію, является общественное воспитаніе гражданъ, 1000-лѣтній опытъ. Вторымъ условіемъ прогресса муниципальныхъ предпріятій является степень просвѣщенія, культурности, развитія. А на слѣдующемъ уже планѣ находятся хорошій кредитъ и увеличенные бюджеты.

П. С. Климентовъ. Отсутствіе просвѣщеннаго элемента въ составѣ городскихъ представителей оказываетъ вліяніе на успѣхъ муниципальныхъ предпріятій, но главнымъ препятствіемъ къ ихъ развитію въ Россіи является отсутствіе хорошо организованнаго кредита.

В. А. Шенингъ полагаетъ, что въ дѣлѣ улучшенія условій городской жизни можетъ имѣть значеніе частная предпріимчивость, основанная на конкурренціи, и что кредитъ едва ли можетъ служить основою хозяйства.

П. С. Климентовъ. Въ начальныхъ стадіяхъ развитія промышленности частная предпріимчивость и конкурренція были необходимымъ условіемъ промышленнаго прогресса. Теперь это время прошло; теперь мы видимъ всюду синдикаты, тресты и пр. Кромѣ того частные предприниматели получаютъ громадные барыши. Что касается большихъ кредитовъ, то они не должны смущать насъ, потому что кредитъ лежитъ въ основѣ современной финансовой политики; прибыль отъ предпріятій, возникшихъ при помощи кредита, съ избыткомъ покрываетъ послѣдній. *(Сибирская жизнь).*

Кіевское юридическое общество.

Въ засѣданіи 2 февраля проф. I. А. Покровскій прочелъ докладъ на тему: принудительный альтруизмъ (одинъ изъ новѣйшихъ цивилисти-

ческихъ экспериментовъ). Гражданское право, говоритъ докладчикъ, налагаетъ на всякое лицо обязанность возмѣщать вредъ, причиненный этимъ лицомъ чьимъ-либо имущественнымъ интересамъ. Но для этого нужна положительная дѣятельность лица; одно бездѣйствіе, одна culpa in non faciendo недостаточна. Послѣдняя можетъ повлечь за собою взысканіе лишь въ строго опредѣленныхъ случаяхъ; такъ, напр., по германскому законодательству упущеніе можетъ быть признано требующимъ взысканія лишь тогда, если лицо обязано было дѣйствовать въ чьихъ-либо интересахъ въ силу договора или на основаніи нормъ семейственнаго права, или, наконецъ, въ виду существующихъ уголовныхъ и административныхъ предписаній. Общей же обязанности дѣйствовать въ чужихъ интересахъ право не признаетъ. При этомъ не важно то обстоятельство, что ничтожная дѣятельность предупредила бы громадный вредъ для другаго (бросаніе спасательнаго круга съ моста, тушеніе едва начинающагося пожара, сигналъ мчащемуся не на тотъ путь поѣзду), не важны и мотивы, почему лицо не предупредило чужаго вреда—личная злоба, желаніе насладиться зрѣлищемъ пожара, катастрофы).

Но такая постановка вопроса, повидимому, создаетъ рѣзкое противорѣчіе между правомъ и моралью, доходящее въ нѣкоторыхъ случаяхъ до полной противоестественности права. Этотъ недостатокъ пытается устранить проектъ новаго германскаго гражданскаго уложенія, вводя ст. 826, которая объявляетъ противозаконнымъ всякое умышленное бездѣйствіе, если оно противно добрымъ нравамъ. Умышленность понимается закономъ въ смыслѣ сознательности, а согласіе съ добрыми нравами опредѣляется въ каждомъ конкретномъ случаѣ судьею. Такимъ образомъ, по силѣ ст. 826 законъ не только запрещаетъ причиненіе вреда, но идетъ дальше и предписываетъ каждому заботливость о чужихъ интересахъ.

Проектъ нашего гражданскаго уложенія также склоняется къ такому воззрѣнію. Но подобная постановка вопроса противорѣчитъ самымъ основнымъ понятіямъ права. Ея несостоятельность слишкомъ очевидна. Во первыхъ, понятіе добрыхъ нравовъ крайне неопредѣленно и далеко не всегда согласно съ понятіемъ нравственности и справедливости. Нравственность это нѣчто внутреннее, субъективное, нравы же—внѣшнее, объективное, критеріемъ чего является ихъ простое фактическое признаніе большинствомъ людей. Добрые нравы это предписанія общественнаго мнѣнія, часто низменныя предписанія, рѣзко расходящіяся съ понятіемъ справедливости. Помимо того добрые нравы являются формальнымъ масштабомъ, одинаково прилагаемымъ ко всѣмъ случаямъ, и потому крайне негибкимъ. Законъ, вводя такой масштабъ, не уменьшитъ, а увеличитъ несправедливость права. Это—во-первыхъ. Во-вторыхъ, устанавливая такой критерій для опредѣленія противозаконности бездѣйствія, законодатель вводитъ въ право ничѣмъ не контролируемое общественное мнѣніе. Законъ исчезнетъ, останется одинъ хаосъ этого общественнаго мнѣнія, которое каждымъ судьей можетъ быть понимаемо различно. Сами составители относятся къ этому нововведенію съ недовѣріемъ и совѣтуютъ судьѣ крайнюю осторожность въ его примѣненіи. По мнѣнію докладчика, ст. 826—это лишь красивая фраза, мало трогающая юристовъ. Она заключаетъ въ себѣ правило: не дѣлай того и того, и вообще всего нехорошаго. На такой законъ возможенъ одинъ отвѣтъ: съ нимъ нельзя жить. Предоставляя судьѣ опредѣлять, что противно добрымъ

правамъ, законодатель возлагаетъ на судью то, что онъ долженъ былъ бы сдѣлать самъ. Для того, чтобы приблизить право къ требованіямъ справедливости въ вопросѣ о возмѣщеніи вреда, причиненнаго бездѣйствіемъ, законъ долженъ поступать иначе. Онъ можетъ расширить область наказуемаго упущенія чужихъ интересовъ, но всѣ эти случаи должны быть точно опредѣлены, хотя бы для этого понадобился цѣлый каталогъ сингуляритетовъ. При этомъ наказаніе за бездѣйствіе должно быть предоставлено не гражданскому, а уголовному праву. Желательно было бы примѣненіе такой уголовной отвѣтственности ограничить лишь нарушеніемъ личныхъ правъ (охрана жизни, здоровья, свободы). Охрана имущественныхъ правъ указаннымъ путемъ была бы несправедливой заботой о богатыхъ въ ущербъ неимущимъ. Въ области имущественныхъ правъ развитіе заботы о чужихъ интересахъ право могло бы культивировать не принудительными мѣрами, а установленіемъ вознагражденія за добровольную заботу о чужомъ имуществѣ по типу римскаго иска изъ negotiorum gestio. Современное право такое вознагражденіе почему-то ограничиваетъ одной находкой, давая нашедшему $^1/_3$ (по русскому закону) найденнаго. Но и здѣсь право должно быть осторожнымъ и ограничиться лишь вознагражденіемъ за добровольную охрану отъ физическаго поврежденія или уничтоженія вещи.

Во время преній проф. Гуляевъ заявилъ, что онъ въ основныхъ положеніяхъ критики 826 ст. герм. улож. вполнѣ согласенъ съ докладчикомъ. Ст. 1528 1 ч. X т., говорящая о договорахъ, „противныхъ благочинію и доброму порядку", показала, сколько неудобствъ вызываютъ такія общія выраженія на практикѣ. Оппонентъ думаетъ лишь, что частный вопросъ, какія права подлежатъ охранѣ уголовнаго закона, касается не науки, а законодателя.

Проф. Бѣлогрицъ-Котляревскій замѣтилъ, что уголовное право такъ же, какъ и гражданское, не должно принудительно насаждать альтруизмъ. Наказуемость бездѣйствія, самого по себѣ, давно отвергнута наукой и практикой уголовнаго права. Затѣмъ, докладчикъ, говоря объ умышленности бездѣйствія по ст. 826, требуетъ для этого одного сознанія; наука уголовнаго права подъ умысломъ понимаетъ сознаніе и желаніе. Г. Митюковъ считаетъ правильнымъ ограничить премированіе помощи одной находкой, такъ какъ въ другихъ случаяхъ помощь можетъ оказаться несогласной съ субъективными интересами хозяина вещи, и тогда въ вознагражденіи придется отказывать, хотя помощь стоила лицу издержекъ.

Проф. Удинцевъ думаетъ, что понятіе добрыхъ нравовъ, существующее въ современномъ торговомъ правовѣдѣніи, можетъ быть введено и въ право гражданское, расширяя этимъ область судейскаго усмотрѣнія.

Г. Шавровъ замѣтилъ, что все право въ такомъ случаѣ предписываетъ принудительный альтруизмъ, и ст. 826 только расширяетъ его примѣненіе, вполнѣ отвѣчая стремленію современнаго правовѣдѣнія.

Г. Кноль упрекаетъ докладчика въ томъ, что онъ поворачиваетъ законъ къ казуистикѣ, обрушиваясь на общія предписанія права. Между тѣмъ, право всегда стремилось къ обобщенію своихъ предписаній, и, напримѣръ, новѣйшее швейцарское уголовное уложеніе состоитъ всего изъ 94 стат.

Г. Гольденвейзеръ замѣтилъ, что выраженіе „принудительный альтруизмъ" заключаетъ въ себѣ противорѣчіе и даже, желая иронизировать, до-

кладчикъ лучше озаглавилъ бы свой обстоятельный рефератъ словами: принудительное negotiorum gestio.

Референтъ разъяснилъ всѣ вызванныя его докладомъ недоразумѣнія. (*Кіевлянинъ*).

Общество исторіи, филологіи и права при Императорскомъ Варшавскомъ университетѣ.

27 января состоялось годичное собраніе общества исторіи, филологіи и права при Императорскомъ Варшавскомъ университетѣ. Оно было посвящено отчету за первый годъ существованія общества, рѣчи дѣйствительнаго члена Д. В. Туткевича—„О введеніи нынѣ дѣйствующихъ судебныхъ установленій въ Варшавскомъ судебномъ округѣ“ и обсужденію ряда болѣе или менѣе важныхъ вопросовъ распорядительнаго характера.

Отчетъ о состояніи и дѣятельности общества за 1901 годъ свидѣтельствуетъ о томъ, что первый годъ жизни не прошелъ для него даромъ. При своемъ возникновеніи общество состояло изъ 21 члена-учредителя. Къ концу года въ обществѣ было уже 120 членовъ (лицъ судебнаго вѣдомства—36, профессоровъ и преподавателей университета—34, преподавателей среднихъ учебныхъ заведеній—30, прочихъ лицъ—20). Библіотека общества въ теченіе года пополнялась пожертвованіями и книгами, поступившими въ виду предложенія общества обмѣниваться изданіями; книги присылались отъ другихъ обществъ, университетовъ, академій, редакцій и учрежденій, при чемъ нѣкоторыя изъ нихъ доставили весьма цѣнныя пожертвованія (напр., Императорское историческое общество въ Петербургѣ выслало свыше 100 томовъ всѣхъ своихъ изданій). Такимъ образомъ къ 1 января 1902 г. въ библіотекѣ общества состояло 61 названіе книгъ въ 233 томахъ. Средства общества слагались изъ членскихъ взносовъ; за годъ поступило въ кассу всего 395 р., изъ которыхъ остались къ 1 января 1902 г.—301 р. $64\frac{1}{2}$ к. Дѣятельность общества вначалѣ носила исключительно организаціонный характеръ (избраніе должностныхъ лицъ, принятіе новыхъ членовъ, опредѣленіе размѣра членскихъ взносовъ, установленіе порядка распорядительныхъ собраній и т. д.). Собственно ученая дѣятельность общества открылась въ соединенномъ засѣданіи обоихъ его отдѣленій (историко-филологическаго и юридическаго), состоявшемся 30 сентября 1901 г.

Въ этомъ засѣданіи были сдѣланы три сообщенія: Е. Ѳ. Карскимъ—„О задачахъ историко-филологическаго отдѣленія общества“, В. Н. Александренко—„О происхожденіи юридическихъ обществъ въ Россіи и за границей“, Н. Н. Любовичемъ—„О статистическомъ методѣ въ приложеніи къ исторіи“. Послѣ того общество имѣло ученыя собранія отдѣленій приблизительно черезъ каждыя двѣ недѣли. Отдѣленіе юридическихъ наукъ также имѣло три собранія и выслушало три доклада: А. Г. Гусакова—

„Современныя задачи правовѣдѣнія“, В. В. Есипова—„Къ вопросу о преподаваніи права“, В. Ѳ. Тарановскаго—„Сравнительное правовѣдѣніе въ концѣ XIX вѣка“. Такимъ образомъ въ ученыхъ собраніяхъ было доложено 12 рефератовъ и сообщеній, большинство изъ которыхъ вызвало оживленный обмѣнъ мнѣній между присутствовавшими въ засѣданіяхъ членами общества. Часть рефератовъ была посвящена живымъ вопросамъ, стоящимъ въ связи съ реформой преподаванія какъ въ средней, такъ и въ высшей школѣ. Этимъ общество отозвалось на одинъ изъ труднѣйшихъ и жизненныхъ вопросовъ времени. Если принять во вниманіе, что ученая дѣятельность общества началась только въ концѣ сентября, то ее во всякомъ случаѣ слѣдуетъ назвать оживленной.

Рѣчь Д. В. Туткевича дала общій очеркъ введенія новыхъ судовъ въ губерніяхъ Варшавскаго судебнаго округа. Судебная реформа для губерній Царства Польскаго была задумана задолго до ея осуществленія въ 1876 году, потому что непригодность стараго судебнаго строя въ его полномъ объемѣ давно уже и рѣзко бросалась въ глаза всякаго непредубѣжденнаго наблюдателя. Сложная система судовъ, недостатки судопроизводства гражданскаго, процессъ уголовный съ употребленіемъ тѣлесныхъ наказаній въ качествѣ одной изъ мѣръ предварительнаго слѣдствія, имѣющихъ въ виду добиться собственнаго сознанія обвиняемаго и даже лицъ, прикосновенныхъ дѣлу,—все это вполнѣ оправдывало тѣ нареканія, которыя приходилось постоянно слышать и отъ мѣстнаго населенія, и отъ иныхъ лицъ, близко знавшихъ дѣло. Мѣстный юристъ дореформенной поры К. О. Малковскій, съ жгучимъ чувствомъ патріота скорбитъ о непорядкахъ въ устройствѣ и отправленіи правосудія роднаго ему края и считаетъ необходимымъ заново и до основанія передѣлать все зданіе юстиціи, употребивъ для новой постройки и новый матеріалъ. Недостаткамъ юридическимъ соотвѣтствовали и недостатки матеріальные, въ видѣ нищенскаго содержанія мѣстныхъ дореформенныхъ судей: изъ общаго числа судей, которое достигало цифры 364 человѣкъ, только одинъ получалъ 3,000 р. въ годъ, и 147 получали лишь по 500 р. въ годъ. Указавъ затѣмъ тѣ учрежденія, какія, начиная съ образованной въ Варшавѣ спеціально для начертанія реформы юридической коммиссіи, занимались проектомъ реформы, Д. В. Туткевичъ подробно изложилъ самый ходъ ея въ цѣломъ и въ частныхъ развѣтленіяхъ судоустройства и судопроизводства (гминные суды, мировой институтъ, окружные суды, палаты, коммерческій судъ, прокуратура, адвокатура, вопросъ о судѣ присяжныхъ и пр.), отмѣчая юридическое значеніе произведеннаго судебнаго преобразованія, которое съ самаго начала имѣло въ виду, по словамъ Высочайшаго повелѣнія, именно „интересы большинства населенія“ и общее объединеніе судебныхъ учрежденій.

Послѣдняя часть годичнаго собранія общества исторіи, филологіи и права была посвящена вопросамъ распорядительнаго характера. Изъ разрѣшенныхъ дѣлъ наибольшій интересъ представляетъ постановленіе объ изданіи повременнаго органа, подъ названіемъ *Записки Общества*, въ которыхъ, по мѣрѣ накопленія матеріаловъ, будутъ помѣщаться какъ свѣдѣнія о дѣятельности общества, такъ и труды его членовъ (*Варшавскій Дневникъ*).

Въ засѣданіи 6 февраля прочитанъ былъ докладъ А. В. Горбунова: „О борьбѣ съ нищенствомъ“.

Будучи стѣсненъ обычными размѣрами докладовъ, А. В. Горбуновъ изъ обширнаго объема избранной темы взялъ только одинъ, но существенный вопросъ о соціальной оцѣнкѣ средствъ борьбы съ нищенствомъ и представилъ собранію законченную его обработку. Всѣ средства борьбы съ нищенствомъ могутъ быть сведены къ тремъ основнымъ типамъ: уголовно-полицейской репрессіи, общественнаго призрѣнія и предупредительныхъ въ широкомъ смыслѣ мѣръ соціальной политики. Типы эти послѣдовательно смѣняютъ другъ друга въ исторіи, при чемъ первый изъ нихъ, какъ совершенно негодный, почти окончательно вытѣсняется, оставляя послѣ себя лишь кое-какіе слѣды, неблагопріятно отражающіеся на дальнѣйшемъ, болѣе совершенномъ устройствѣ дѣла. Признаваемая въ настоящее время лучшею формой общественнаго призрѣнія трудовая помощь много проигрываетъ отъ того, что организація домовъ трудолюбія и рабочихъ колоній далеко еще не освободилась отъ старыхъ полицейскихъ принциповъ борьбы съ нищенствомъ, преслѣдовавшихъ цѣли устрашенія. Но и помимо этого трудовая помощь даже въ мѣстахъ и случаяхъ наилучшей ея организаціи даетъ столь крупный процентъ рецидивистовъ нищенства, что должна быть признана недостаточною мѣрою борьбы съ послѣднимъ. Вообще недостаточна будетъ всякая помощь, которая предлагается только post factum, когда человѣкъ дошелъ до полнаго экономическаго разоренія, сопутствуемаго въ большинствѣ случаевъ физическимъ безсиліемъ либо иными видами неспособности къ труду. Успѣшная борьба съ нищенствомъ должна заключаться не въ пресѣченіи отдѣльныхъ его проявленій, но въ предупрежденіи массоваго нищенства, какъ неизбѣжнаго при извѣстныхъ условіяхъ общественнаго факта. Такой цѣли могутъ достигнуть только широкія мѣры соціальной политики, направленныя на общее улучшеніе экономическаго положенія неимущихъ, главнымъ образомъ, рабочихъ классовъ. Въ ряду такихъ мѣръ выдвинулось въ послѣднее время обязательное страхованіе рабочихъ отъ неспособности къ труду вслѣдствіе старости, увѣчья и иныхъ причинъ. На ряду съ мѣрами соціальной политики можетъ благотворно дѣйствовать и общественное призрѣніе, но подъ условіемъ совершеннаго очищенія отъ полицейскихъ принциповъ, организаціи на началахъ свободной самодѣятельности призрѣвающихъ обществъ и полной индивидуализаціи формъ благотворенія примѣнительно къ частнымъ условіямъ жизни призрѣваемыхъ лицъ. Такое устройство общественнаго призрѣнія докладчикъ особенно рекомендовалъ для нашего отечества, въ которомъ вопросъ о борьбѣ съ нищенствомъ стоитъ въ настоящее время на очереди.

Докладъ А. В. Горбунова вызвалъ въ собраніи оживленный обмѣнъ мнѣній. Были отмѣчены отдѣльные виды существующаго у насъ нищенства, разсматривались его причины, было выяснено разностороннее отношеніе нищенства къ преступности, и обсуждался вопросъ о значеніи частной неорганизованной благотворительности. *(Варшавскій Дневникъ).*

Кавказское юридическое общество.

19-го января Б. Н. Хавскій сдѣлалъ сообщеніе о нѣкоторыхъ судебно-межевыхъ вопросахъ, изъ которыхъ наибольшій интересъ представляли вопросы о томъ, обязаны ли въ межевомъ процессѣ судебныя установленія выдавать сторонамъ свидѣтельства на полученіе документовъ изъ другихъ правительственныхъ учрежденій и допускается ли въ межевомъ процессѣ представленіе сторонами въ судебную палату новыхъ документовъ, не бывшихъ въ разсмотрѣніи окружнаго суда, кромѣ представляемыхъ при апелляціи и объясненіи противъ нея. Основываясь на точномъ смыслѣ положенія о размежеваніи Закавказскаго края, референтъ разрѣшилъ оба эти вопроса въ отрицательномъ смыслѣ, находя, что законодатель имѣлъ въ виду, въ интересахъ быстроты межеваго процесса, закончить собираніе и представленіе сторонами документовъ до разсмотрѣнія дѣла въ судѣ. Юридическое общество, по большинству голосовъ, не согласилось съ мнѣніемъ референта и признало для суда обязательнымъ выдачу свидѣтельствъ на полученіе документовъ и принятіе отъ сторонъ новыхъ доказательствъ въ теченіе всего процесса. *(Новое Обозрѣніе).*

КРЫМСКО-ТАТАРСКОЕ ОБЩЕСТВЕННОЕ ЗЕМЛЕВЛАДѢНІЕ ПО ДѢЙСТВУЮЩЕМУ ПРАВУ.

Съ изданіемъ Высочайшаго указа 24-го ноября 1866 г. о поземельномъ устройствѣ государственныхъ крестьянъ, приступлено было къ производству поземельно-устроительныхъ работъ и въ Таврической губерніи. Къ сожалѣнію, однако производство это не коснулось всего населенія татаръ Крымскаго полуострова, и владѣнныя записи здѣсь были выданы только русскому населенію, получившему земельный надѣлъ непосредственно отъ казны, татарское же населечіе осталось при прежнихъ условіяхъ и порядкѣ земельнаго пользованія. Произошло это отъ того, что при выдачѣ владѣнныхъ записей относительно татарскихъ земель возникло сомнѣніе: принадлежатъ ли онѣ казнѣ или составляютъ собственность татаръ-поселянъ Таврической губерніи. На чемъ основано было это сомнѣніе и насколько оно правильно, это само собою выяснится изъ дальнѣйшаго изложенія; предварительно же необходимо указать на тѣ практическіе результаты, какіе получились вслѣдствіе болѣе чѣмъ вѣковой нерѣшительности правительства въ столь важномъ и столь остромъ для края вопросѣ, какимъ является вопросъ о собственникѣ казенно-общественныхъ земель въ Крыму.

По даннымъ генеральнаго межеванія 1802 г., такихъ земель на полуостровѣ было свыше 600 тысячъ десятинъ: по камеральному описанію Крыма за 1845—48 г. казенно-общественныхъ земель на полуостровѣ было 250.389 десятинъ; по свѣдѣніямъ 1868 г. ихъ насчитывалось 163.834 десятины; въ 1876 г. ихъ было 125 тысячъ десятинъ, а по свѣдѣніямъ земскихъ начальниковъ за 1897 г. ихъ осталось всего около 79 тысячъ десятинъ. Съ какими громадными

потерями для казны и для простаго народа была сопряжена такая потеря общественной земли, этого касаться теперь уже не приходится, но нельзя не указать на тѣ потери для казны, которыя произошли и теперь еще происходятъ отъ невыдачи татарамъ своевременно владѣнныхъ записей и неполученія съ нихъ за протекшее съ 1872 г. время выкупныхъ платежей. Къ означенному времени, какъ это было указано, площадь казенно-общественныхъ земель въ Крыму равнялась 163.834 десят. Полагая выкупныхъ платежей по 50 коп. съ десятины, какъ это предполагалось по представленію Министра Финансовъ отъ 9-го апрѣля 1886 г. за № 425, государство имѣло бы по 81.917 руб. ежегодно, а за все это время оно получило бы 2.211.659 руб. Помимо этого оно сохранило бы въ общественномъ фондѣ 85.834 десятины земли, бывшіе собственники которой теперь составляютъ внушительный кадръ безземельныхъ, устроить которыхъ лежитъ на обязанности того же государства. Ежегодно увеличивающійся процентъ безземельныхъ татаръ явленіе тѣмъ болѣе печальное, что въ основѣ своей имѣетъ простое недоразумѣніе и всецѣло покоится на неправильномъ пониманіи тѣхъ законодательныхъ актовъ, которые разновременно, начиная съ 1783 г., т. е. со времени присоединенія Крыма къ Россіи, и до настоящаго времени, были изданы по этому вопросу.

Переходя къ доказательствамъ этого вывода, необходимо замѣтить, что въ дѣйствующемъ Сводѣ законовъ изданія 1876 г. всѣ статьи IX тома Свода законовъ, изд. 1857 г., касающіяся особыхъ поземельныхъ отношеній татаръ Крымскаго полуострова къ казнѣ, начиная со статьи 903, по 933 выпущены и замѣнены одною 793 статьею, которая редактирована слѣдующимъ образомъ: „поземельныя отношенія татаръ Таврической губерніи, какъ къ казнѣ, такъ и къ частнымъ лицамъ, опредѣляются особыми, на этотъ предметъ изданными, правилами“. Такъ какъ особыхъ правилъ о земляхъ татаръ Крымскаго полуострова издано не было, то по необходимости приходится признать, что въ вопросахъ о правахъ казны по отношенію къ татарскимъ землямъ Крыма дѣйствуютъ вновь тѣ „особыя постановленія“, которыя состоялись по этому вопросу до изданія Свод. зак. 1857 г. и на которыя сдѣланы въ немъ ссылки. Такимъ образомъ, чтобы уяснить себѣ истинный смыслъ нынѣ дѣйствующей въ IX томѣ нашего Свода зак. 793 ст. [1]),

---

[1]) Въ изд. 1899 г. статья эта (нынѣ ст. 705) вошла въ прежней редакціи.

необходимо знать „особыя постановленія“, на которыя ссылается эта статья; а чтобы правильно понять содержаніе „особыхъ постановленій“, необходимо имѣть хотя общее представленіе о томъ правовомъ строѣ, на смѣну котораго явились „особыя постановленія“; вотъ почему необходимо бросить взглядъ сначала на періодъ, предшествующій 1783 г. въ правовой жизни татаръ, а затѣмъ уже приступить къ періоду, за нимъ слѣдующему.

Періодъ, предшествующій 1783 г.

Прежде всего необходимо замѣтить вообще, что мусульманское ученіе о правѣ собственности имѣетъ крайне неопредѣленный характеръ. Въ мусульманскомъ законодательствѣ нѣтъ того, что мы называемъ теоріей поземельнаго права. Съ этой точки зрѣнія совершенно правъ баронъ Торнау, говоря, что шаріатскія книги не заключаютъ въ себѣ положеній объ имущественномъ правѣ, какъ отдѣльной части ученія о правѣ [1]).

Насколько послѣднее было дѣйствительно неопредѣленно и сбивчиво,—доказывается шаріатскими книгами въ обѣихъ кодификаціяхъ ихъ, особенно распространенныхъ въ Крыму—Мультека и Гидайета.

Различныя указанія означенныхъ книгъ на правовое отношеніе къ землѣ населенія и имама можно свести къ слѣдующей выдержкѣ изъ отдѣла о джигадѣ (священной войнѣ) и главы его „о порожнихъ странахъ“. Государь—господинъ надъ побѣжденными, а также надъ всѣми городами и мѣстностями покоренной страны. Во всякое время онъ воленъ располагать по своему усмотрѣнію пустопорожними землями имперіи. Государь воленъ уступить часть пустопорожнихъ земель, кому онъ найдетъ нужнымъ, но съ условіемъ годовой платы за пользованіе... Въ тѣхъ случаяхъ, когда владѣтель податной земли пренебрегаетъ ея обработкой, вслѣдствіе чего не въ состояніи платить подать, государь имѣетъ право отдать на откупъ эту землю и, такимъ образомъ, соблюсти интересъ общественной казны (изъ Мультеки). Съ другой стороны, всякій, кто бы онъ ни былъ, разъ распахиваетъ пустопорожнюю землю, пріобрѣтаетъ ее въ собственность и можетъ располагать ею свободно, согласно словамъ пророка: кто оживляетъ мертвую землю, тотъ

---

[1]) О правѣ собственности по мусульманскому законодательству, изд. барона Торнау, стр. 4.

пріобрѣтаетъ ее въ собственность, хотя при этомъ нужно имѣть формальное дозволеніе государя. Другіе юристы и толкователи мусульманскаго права, впрочемъ, не раздѣляютъ этого взгляда и утверждаютъ, что оживляющій мертвую землю не нуждается въ санкціи имама [1]). Приведенныя выписки изъ мусульманскаго права наглядно показываютъ, до какой степени сбивчивы и неопредѣлены были еще въ XVI ст. взгляды мусульманъ на земельную собственность. Съ одной стороны, полное владычество надъ всею территоріею принадлежало главѣ государства, который могъ распорядиться ею по своему усмотрѣнію, съ другой—всякій, кто оживлялъ мертвую землю, „становился ея собственникомъ, хотя и могъ ея лишиться во всякое время, разъ онъ не платилъ за нее налога. Въ періодъ передъ покореніемъ Крыма Россіею неопредѣленность эта, хотя и разсѣялась, однако не настолько, чтобы въ ней можно было свободно разобраться.

Изъ дошедшихъ документовъ мы знаемъ, что тогда существовали здѣсь прежде всего:

1) Земли ханскія. Такими были—соляныя озера, лѣса по теченію р.р. Альмы, Качи и Салгира и пустопорожнія земли. Такою же собственностью могли быть и цѣлыя деревни, что̀ безспорно доказывается различными ханскими ярлыками, дошедшими до нашего времени. Живущіе въ этихъ деревняхъ поселяне-татары были свободны и платили хану десятину. Надо полагать, что по основному ученію шаріата объ оживленіи мертвой земли татары-поселяне могли путемъ обработки незначительныхъ участковъ пріобрѣтать ихъ въ собственность.

Основаніемъ къ такому выводу могутъ служить тѣ дошедшіе до насъ документы, которыми безспорно устанавливается частное владѣніе въ земляхъ калгалыкскихъ.

2) Подъ именемъ калгалыкъ извѣстны земли, составлявшія удѣлъ наслѣдника ханскаго престола. Изъ документовъ, хранящихся при дѣлѣ д. т. с. Попова и выданныхъ въ 1695, 1708 и 1711 г.г. поселеннымъ на его землѣ татарамъ въ имѣніи Тавель [2]), видно, что они были выданы въ подтвержденіе права собственности на нѣкоторые участки земли при дер. Біюкъ Янкой, входившей безспорно въ калгалыкъ. А такъ какъ поселенные и на ханскихъ, и на калгалыкскихъ земляхъ татары пользовались одними и тѣми

---

[1]) Исторія генуэзскихъ поселеній въ Крыму, Мурзакевича, стр. 1.
[2]) Коммиссейское рѣшеніе въ 1808 г.

же правами и несли одинаковыя обязанности, то поэтому и слѣдуетъ заключить, что „мюлькъ“ (частная собственность) существовала и на ханскихъ земляхъ такъ же, какъ и на земляхъ калгалыкскихъ.

3) Бейликскія земли—земли, составлявшія удѣлъ бейскихъ поколѣній (бей—высшій сановникъ). Разрядъ этихъ земель былъ сравнительно значительнымъ въ Крыму и принадлежалъ всему роду бея, представителемъ котораго всегда являлся старшій въ родѣ. Переходя изъ рода въ родъ, земли эти не могли подлежать распоряженію отдѣльныхъ представителей его, и мы имѣемъ положительное въ томъ доказательство, зная, напр., что Абдиша, бей Мансурскій, былъ привлеченъ къ суду за отдачу своего бейлика въ залогъ и что судъ обвинилъ его въ незаконномъ присвоеніи себѣ правъ, принадлежащихъ всему бейскому роду. Отсюда слѣдуетъ, что бей имѣлъ ограниченную собственность на бейликъ и лишенъ былъ права распоряженія имъ. Отношенія къ бею татаръ-поселянъ, жившихъ на бейликахъ, были тѣ же, что и отношенія поселянъ, жившихъ на ханскихъ и калгалыкскихъ земляхъ къ ханамъ и калгалыкамъ, но съ тою разницею, что мелкія загорожи, составлявшія „мюлькъ“ отдѣльныхъ лицъ, по принципу оживленія мертвой земли, входили въ составъ бейлика.

На это имѣется положительное свидѣтельство въ судейскихъ рѣшеніяхъ, напр., 1679 и 1681 г.г., изъ которыхъ, а главное—изъ послѣдняго, видно, что „всѣ земли, которыми жители деревни Ягдага, завладѣвъ, распоряжаются, составляютъ эмирскую землю, владѣніе которою принадлежитъ тому, кто становится беемъ, а ихъ (жителей) владѣніе составляетъ владѣніе по договору“ [1]).

4) Мурзинскія земли, составлявшія удѣлъ мурзъ (дворянъ-помѣщиковъ). Послѣдніе за свою службу ханамъ получали отъ нихъ въ вознагражденіе извѣстную часть доходовъ съ коронныхъ земель (что впрочемъ практиковалось сравнительно рѣдко) или извѣстные участки земли. Раздача земель „во владѣніе“ производилась по ярлыкамъ, которые сплошь и рядомъ подтверждались послѣдующими ханами и которые тогда служили „крѣпостными актами“.

Отношенія поселянъ, жившихъ на мурзинскихъ земляхъ, къ ихъ владѣльцамъ, были почти тѣ же, что и жившихъ въ предѣлахъ калгалыка. Поселяне несомнѣнно имѣли въ предѣлахъ мурзинскихъ владѣній право собственности на усадебныя свои мѣста

---

[1]) Изъ дефтерей 1087—1095 (1676—1684 г.).

и на тѣ всегда мелкіе участки земли, которые были „оживлены“ ими и носили дошедшія до нашихъ дней названія чаировъ или кору (огороженныхъ лѣсныхъ покосовъ и пашенныхъ участковъ). Въ правѣ собственности поселянъ на подобные участки нельзя сомнѣваться въ виду сохранившихся кадіаскерскихъ дефтерей, куда записывались ханскими кадіаскерами копіи крѣпостныхъ актовъ судебныхъ рѣшеній по земельнымъ спорамъ, раздѣламъ и пр. документы.

5) Поселянское землевладѣніе, или владѣніе, составлявшее достояніе всего поселянскаго общества. Сущность его у татаръ всегда выражалась въ общинности, или владѣніи „джемаата“. Можно безошибочно утверждать, опираясь на существующіе документы, что „джемаатъ“ по крайней мѣрѣ во время ханства признавался общественно-экономическою единицею. Джемаатъ Баиклы Кулыке-Хаджіа еще въ 1588 г. былъ освобожденъ ханомъ отъ выволочки соли; джемаатъ Уланъ Бердынскаго Кипчака въ 1705 году былъ признанъ независимымъ отъ Ширинскихъ и Барынскихъ беевъ. По документамъ джемаатъ фигурируетъ и въ качествѣ истца, и въ качествѣ отвѣтчика, и въ качествѣ продавца, и въ качествѣ покупщика и т. п. Владѣніе джемаата—будетъ ли то пахать, лугъ, выгонъ или лѣсъ, какъ объ этомъ единогласно свидѣтельствуютъ всѣ документы, признается общею собственностью—„мюлькъ муштерекъ“.

Каждый джемаатъ ревниво оберегалъ свои владѣнія и боролся со всякимъ другимъ джемаатомъ, разъ онъ пытался нарушить границы владѣнія другаго джемаата. Такъ, въ 1613 г. джемаатъ (общество) деревни Ассъ имѣлъ тяжбу съ жителями деревни Монай о землѣ, и послѣдняя признана по рѣшенію собственностью жителей деревни Монай. Въ 1652 г. нѣкій Сефръ Газы возбудилъ тяжбу противъ Эхали (жителей, общества) дер. Кермачи о землѣ, и послѣдняя рѣшеніемъ кадіаскера признана собственность Эхали дер. Кирмачи. Въ 1675 году между Эхали деревни Кипчакъ и Костель возникла тяжба касательно участка земли „ярзыбейды“, и рѣшеніемъ кадіаскера земля присуждена костельскому Эхали и проч.

Практиковался впрочемъ и паевой порядокъ пользованія общественною землею, но онъ встрѣчался, повидимому, очень рѣдко и потому можетъ быть признанъ только, какъ исключеніе. Паевой порядокъ пользованія состоялъ въ томъ, что вся общественная земля распредѣлялась на паи. Въ различныхъ мѣстахъ размѣръ паевъ былъ различенъ, но тамъ, гдѣ паевой порядокъ пользованія

былъ принятъ, каждый владѣлецъ пая, повидимому, распоряжался имъ, какъ собственностью. Такъ, житель деревни Джанъ-Акмазъ Эмельдешъ Болекъ въ 1611 г., явившись въ меджелизъ-шерифъ (судъ) съ Али-Пашей и ставъ съ нимъ лицомъ къ лицу, заявилъ, что онъ даритъ ему вѣрнымъ даромъ одинъ съ половиною пай хлѣбопахотной и пастбищной земли съ водопойнымъ на ней колодцемъ, въ количествѣ 31 зана (93 дес.), состоящій при вышеупомянутой деревнѣ. Съ этого дня земля составляетъ собственность Али-Паши, а если онъ (Эмельдешъ) возымѣетъ на нее какое-нибудь притязаніе, то да не слушается оно въ судахъ [1]).

Въ остальныхъ, дошедшихъ до насъ судейскихъ рѣшеніяхъ, только въ трехъ имѣется указаніе на отчужденіе паевъ въ общественной землѣ, а именно: въ 1656 г. житель деревни Аджикой, на рѣкѣ Кабардѣ, Моллатъ Софы, сынъ Абдуллаха, продалъ Аджи агѣ изъ двухъ паевъ земли 6 зановъ (18 дес.); въ томъ же году Арсланъ ага, сынъ Рамазана, бывшій сер-буоянъ его величества Хана подарилъ малолѣтнему своему сыну Тохтамышу нѣсколько семействъ плѣненныхъ казаковъ, въ числѣ 18 душъ, и два пая земли съ паемъ на колодецъ; и наконецъ въ 1771 г. опекунъ надъ малолѣтними Хопъ Султанъ и Айше продалъ, „чтобы имѣть деньги на необходимое содержаніе ихъ, $4^1/_2$ пая хлѣбопахотныхъ земель, состоящихъ внутри земель при деревнѣ Аулъ“. Указанный порядокъ пользованія землею однако встрѣчался повидимому въ тѣхъ обществахъ, среди которыхъ жили чуждые татарамъ элементы: евреи, греки, армяне и проч., такъ какъ порядокъ этотъ слишкомъ рѣзко расходился съ родовымъ строемъ татаръ и противорѣчилъ ученію корана. Въ большинствѣ же другихъ обществъ господствовало общинное владѣніе, по которому татары-поселяне свободно выпасали свой скотъ повсюду, на всей общественной землѣ, косили сѣно, гдѣ кто хотѣлъ, и пахали по своему произволу вездѣ, гдѣ кто могъ. Такой порядокъ пользованія общественною землею до такой степени былъ проченъ, что мѣстами сохранился еще и до настоящаго времени.

Резюмируя отношенія татаръ-поселянъ къ землѣ въ періодъ, непосредственно предшествующій покоренію Крыма Россіею, мы видимъ, что они, будучи свободны, жили, во-первыхъ, на земляхъ хана, на которыхъ свободно выпасали свой скотъ, косили траву, рубили

---

[1]) Изъ сакъ (дефтерей) 1017—1022 г. (1608, 1609—1613 г.) кадіаскера Мустафы при Джаныбекъ-Гирей-Ханѣ.

для своей надобности лѣсъ, но за то платили ему десятину; во-вторыхъ, на земляхъ калгалыка, гдѣ они пользовались тѣми же правами, и на тѣхъ же самыхъ отношеніяхъ, что и на земляхъ хана; въ-третьихъ, на земляхъ беевъ и мурзъ, которымъ они по нѣскольку дней въ году служили личнымъ трудомъ, отбывая передъ ними десятину; и въ-четвертыхъ, на земляхъ общественныхъ, имѣя ихъ или въ общемъ владѣніи, или въ паевомъ, но послѣднее пользованіе было рѣдко и являлось только исключеніемъ изъ общаго правила общиннаго владѣнія. На какихъ бы земляхъ они ни жили, имъ принадлежало право собственности, во-первыхъ, на подворные участки, а во-вторыхъ, на тѣ мелкія загорожи, которыя были извѣстны подъ названіемъ чаировъ и кору, за исключеніемъ чаировъ и кору, огороженныхъ въ бейликскихъ владѣніяхъ, право собственности въ которыхъ принадлежало не имъ, а тому, кто являлся старшимъ въ родѣ бея. Собственность свою татары имѣли право отчуждать при условіи ея доказанности или посредствомъ ярлыковъ и другихъ документовъ, или посредствомъ свидѣтельскихъ показаній, заслуживающихъ довѣрія, передъ кадіаскеромъ, который записывалъ объ этомъ въ своей книгѣ.

Таковъ въ самыхъ общихъ чертахъ былъ строй татарскаго землевладѣнія въ періодъ, непосредственно предшествовавшій покоренію Крыма Екатериною II.

Періодъ послѣ 1783 г.

Манифестъ „о принятіи полуострова Крымскаго, острова Тамани и всей Кубанской стороны подъ Россійскую Державу“ послѣдовалъ 8 апрѣля 1783 г. Въ немъ Императрица Екатерина II между прочимъ торжественно объявляетъ слѣдующее: „обѣщаемъ свято и непоколебимо за Себя и преемниковъ Престола Нашего содержать ихъ (жителей) наравнѣ съ природными Нашими подданными, охранять и защищать ихъ лица, имущества, храмы и природную вѣру ... и дозволить напослѣдокъ каждому изъ нихъ состоянію всѣ тѣ правости и преимущества, каковыми таковое въ Россіи пользуется“ [1]). Примѣняя слова этого манифеста къ правости, какою въ Россіи пользовалось въ то время въ частности крестьянское населеніе, необходимо признать, что крымскіе татары-

[1]) Полн. Собр. Зак. Рос. Имп. т. XXI № 15708.

поселяне должны были стать или въ положеніе казенныхъ крестьянъ, или въ положеніе крестьянъ помѣщичьихъ, а общественныя ихъ земли должны были быть обращены или въ разрядъ земель государственныхъ крестьянъ, или въ разрядъ земель помѣщичьихъ. Никакого другаго толкованія словамъ манифеста придать нельзя, не рискуя радикально разойтись съ мыслью и цѣлью завоевательницы края. Обратить поселянъ татаръ Крыма въ положеніе крестьянъ помѣщичьихъ было нельзя, такъ какъ до изданія манифеста они всегда были свободны, а по манифесту покорительница края обѣщаетъ за себя и преемниковъ своего Престола „охранять и защищать ихъ лица", т. е. обѣщаетъ въ отношеніи ихъ личной свободы сохранить ихъ statu quo, бывшее до подчиненія ихъ къ Россіи. Что поселяне-татары Крыма никогда до присоединенія полуострова къ Россіи не знали крѣпостнаго права, это не подлежитъ никакому спору и положительно доказывается: всѣмъ укладомъ татарской жизни, шаріатскими книгами, ярлыками хановъ, а равно и свидѣтельствомъ первыхъ устроителей края по его присоединеніи къ Россіи. Такъ, въ ярлыкѣ Хана Девлетъ-Гирея, сына Арсланъ Гирея, мы читаемъ слѣдующее: „такъ какъ предъявители настоящаго ярлыка, жители деревни Усеинъ Аджи Али и Кутлуша не только происходили изъ сословія капухалковъ (высшій военный классъ), но что даже Аратукскіе аги (господа) и мирзы (помѣщики) по настоящее время не притѣсняли какъ вышеупомянутыхъ лицъ, такъ и остальныхъ жителей означенной деревни, какъ это показываютъ находящіеся здѣсь (при дворѣ) старики аги изъ той мѣстности, то пусть никто вопреки шеръ-шеріату и капуну (постановленію, закону) не обижаетъ какъ вышеозначенныхъ лицъ, такъ и жителей названной деревни въ какомъ бы то ни было отношеніи, а тѣ, которые имѣютъ дѣло и отношеніе къ деревнѣ, ни подъ какимъ видомъ не должны дѣлать притѣсненій, покуда ни дадутъ намъ указаній. Въ виду этого я выдалъ въ ихъ руки настоящій ярлыкъ и повелѣлъ: да не осмѣлится кто-нибудь обижать жителей, имѣя въ виду нашъ ярлыкъ, и да поступаютъ и дѣйствуютъ всѣ согласно моему повелѣнію; пусть знаютъ объ этомъ" [1]).

Изъ многихъ ярлыковъ приведенный особенно наглядно подтверждаетъ высказанную выше мысль, какъ такой, въ которомъ

---

[1]) Подлинникъ ярлыка переведенъ Біарслановымъ и хранится въ архивѣ Тавр. Дв. соб. при дѣлѣ № 40 по прошенію Пом. Велиши Мурза и Сеитши Мурза о дворян. достоинст.

дѣлается ссылка на шеръ-шеріатъ и канунъ. Съ подтвержденіемъ того, что поселяне-татары Крымскаго полуострова всегда были свободны, мы встрѣтимся еще не одинъ разъ въ дальнѣйшемъ изложеніи, а потому и заключимъ, что слова манифеста: „содержать ихъ (въ разсматриваемомъ вопросѣ поселянъ-татаръ) наравнѣ съ природными нашими подданными“ ни въ какомъ другомъ значеніи понимать нельзя, какъ объявленіе татаръ-поселянъ казенными или, выражаясь болѣе точно, приравненіе ихъ въ отношеніи правъ и обязанностей къ казеннымъ крестьянамъ внутреннихъ губерній Россій. Помимо редакціи манифеста 1784 г. справедливость того, что татары-поселяне должны были быть причислены къ разряду именно казенныхъ крестьянъ, доказывается также взглядомъ на этотъ предметъ первыхъ устроителей края, которые несомнѣнно были въ курсѣ правительственной политики. Такъ, въ донесеніи своемъ въ 1800 г. Новороссійскій военный губернаторъ Михельсонъ говоритъ по этому поводу буквально слѣдующее:—„по покореніи Крыма татары-поселяне образовали родъ казенныхъ поселянъ“. Не меньшею опредѣленностью и ясностью въ этомъ отношеніи отличается донесеніе Таврической палаты гражданскаго суда отъ 6 сентября 1796 г. за № 627 правителю Екатеринославскаго намѣстничества Хорвату. Донесеніе это, въ видахъ его ясности, приводится здѣсь цѣликомъ, для того, чтобы было видно, какъ и почему въ то еще время сложился вышеприведенный взглядъ на татаръ-поселянъ и ихъ земли. „Палата по вопросу о продажѣ татарами имѣній полагаетъ, что живущіе на казенныхъ имѣніяхъ муллы и простые татары, которые непосредственно должны всегда оставаться при селеніяхъ и быть наравнѣ съ государственными поселянами, могутъ, распродавъ свои земли, кои они обрабатывали, довести себя до такого состоянія, что имъ негдѣ будетъ жить, потому что всѣ земли, подъ селеніями лежащія, войдутъ въ дворянскія руки, и тѣ помѣщики, которымъ они земли продадутъ, можетъ быть, не захотятъ ихъ имѣть у себя на жительствѣ, или, за распродажею имъ тѣхъ земель цѣлыми округами или участками, по недостатку оныхъ на обрабатываніе, принуждены они будутъ утруждать главное начальство объ отводѣ имъ для жительства и обрабатыванія земель въ другихъ мѣстахъ; въ предупрежденіе сего таковымъ мулламъ и татарамъ, въ казенныхъ деревняхъ живущимъ, на продаваемыя ими хлѣбопахатныя и сѣнокосныя земли вообще и участками, въ округахъ таковыхъ деревень, гдѣ они живутъ, состоящія, у здѣшнихъ крѣпостныхъ дѣлъ купчихъ, закладныхъ и другихъ сдѣлокъ не

совершать" [1]). То же самое наконецъ мы читаемъ въ представленіи Таврическаго областнаго прокурора на имя правителя Екатеринославскаго намѣстничества Хорвата. 13 декабря 1795 г. онъ между прочимъ пишетъ: „что же принадлежитъ до владѣемыхъ татарами участковъ земли, полученныхъ ими въ удѣлъ по отводу или по старымъ займамъ при селеніяхъ, *яко казенные поселяне* какого бы они званія ни были, составляющіе тѣми своими удѣлами *казенную* округу, поелику все то есть *казенное*, продавать и вовсе не могутъ, ибо чрезъ продажу оныхъ участковъ можетъ истребиться цѣлое селеніе или округа, и *казенныя земли* пріобратятся въ партикулярное владѣніе, о наблюденіи чего впредь, равно и за вышеписанные проданные уже простыми татарами участки своихъ земель, а паче и безъ доказательствъ продавцами о собственности, объявлено отъ меня казенныхъ дѣлъ областному стряпчему, дабы онъ поступилъ по должности своей, въ Высочайшихъ о губерніяхъ учрежденіяхъ изображенной".

Если такимъ образомъ отдѣльныя лица и цѣлыя учрежденія понимали первый, такъ сказать, программный манифестъ Екатерины II, тотчасъ по его изданіи, въ вышеуказанномъ значеніи, то является по меньшей мѣрѣ смѣлостью понимать его иначе, по истеченіи цѣлаго столѣтія, тѣмъ болѣе, что дальнѣйшая исторія законодательства только развиваетъ и укрѣпляетъ програму перваго манифеста.

Получивъ извѣстіе о вступленіи въ подданство крымскихъ жителей и прочихъ народовъ татарскихъ, Императрица Екатерина II 28 іюля того же 1783 г. издаетъ именной, данный Новороссійскому генералъ-губернатору князю Потемкину, указъ, въ которомъ между прочимъ предписывается слѣдующее: „между начальнѣйшими распоряженіями возлагаемъ мы на васъ о доходахъ учредить такимъ образомъ, чтобы въ сихъ новоприкосновенныхъ земляхъ надлежащія подати въ казну на нужныя по тому краю издержки собираемы были, какъ-то: таможенныя, съ соли, съ озеръ продаваемой съ земли вмѣсто поголовныхъ и доложенныя съ произрастаній, наблюдая, дабы оныя отнюдь не были въ тягость народную" [2]). Постановленія этого указа, хотя и были въ нѣкоторомъ родѣ нововведеніемъ для крымскаго населенія, тѣмъ не менѣе только развивали принципъ перваго манифеста, „содержать ихъ наравнѣ съ

[1]) Изъ дѣла „о земляхъ", владѣемыхъ населеніемъ, 31 декабря 1795 г. № 115.
[2]) Полн. Собр. Зак. Рос. Имп. т. XXI № 15778.

природными русскими подданными". Принципъ этотъ съ неменьшею наглядностью высказанъ и въ именномъ указѣ „о устроеніи области Таврической въ образѣ правленія, вообще для всего государства Россійскаго предписанный", послѣдовавшемъ Правительствующему Сенату 2 февраля 1784 г.

Подъ вліяніемъ этого и подогрѣтаго фанатизма коренное татарское населеніе полуострова массою начинаетъ покидать Крымъ, оставляя на произволъ судьбы владѣемыя имъ земли. Къ 1802 г., по опредѣленію Сумарокова въ его—„Досугахъ крымскаго судьи", изъ Крыма бѣжало до 300 т. душъ татаръ, послѣ которыхъ осталась громадная площадь земли, нуждавшаяся въ рабочихъ рукахъ для ея эксплоатаціи. За неимѣніемъ ихъ въ наличности и хаотичности свѣдѣній о количествѣ и мѣстоположеніи покинутыхъ владѣльцами земель, явился свободный захватъ этихъ, въ сущности выморочныхъ, владѣній ближайшими ихъ сосѣдями, который грозилъ внести въ мѣстную жизнь неразрѣшимую путаницу. Старанія кн. Потемкина, предписавшаго 24 ноября 1784 г. правителю Таврической области Каховскому позаботиться „описаніемъ всѣхъ земель, въ казенное владѣніе въ области вступающихъ", и послѣдовавшее затѣмъ „камеральное описаніе землямъ и садамъ послѣ вывода христіанъ и выѣхавшихъ за границу мурзъ и поступившихъ въ казну", не увѣнчались успѣхомъ. Бывшій откупщикъ хана Шагинъ Гирея—Абдулъ-Хамитъ ага и смотритель Перекопской таможни Караценовъ, которымъ было поручено произвести описаніе, сдѣлали это крайне неумѣло. Составляя описаніе со словъ другихъ, безъ указанія количества земли и угодій, и обозначая только, кому описываемая земля принадлежала, они кромѣ того внесли въ опись подъ видомъ пустопорожнихъ земель множество такихъ, которыя на самомъ дѣлѣ состояли въ фактическомъ владѣніи, и не внесли, наоборотъ, много земель, дѣйствительно пустопорожнихъ.

Рядомъ съ этимъ заселеніе края, предпринятое правительствомъ, еще болѣе усложнило правоотношеніе къ землѣ крымскаго населенія. Съ оставленіемъ мурзами и простыми татарами своихъ земель и съ переселеніемъ ихъ въ Турцію экономическое значеніе края быстро упало. Сады, виноградники и пашни оказались заброшенными, цѣлыя селенія покинутыми и какъ бы вымершими. Правительству пришлось прибѣгнуть къ мѣрамъ заселенія опустѣвшаго края, и первоначально кн. Потемкинъ, а затѣмъ и другіе правители начинаютъ щедрою рукою раздавать земли и привлекать населеніе. По вѣдомости о розданныхъ и нерозданныхъ казенныхъ

земляхъ по Таврической области 1794 г. и по камеральному описанію Крыма 1802 г., количество розданныхъ земель въ одномъ только Крыму оказывается до 350 т. десятинъ, а если къ нимъ прибавить число розданныхъ еще и въ материковыхъ уѣздахъ, то получимъ площадь въ 625 т. десятинъ, или почти $^1/_8$ часть площади всей присоединенной области. Появленіе многочисленныхъ новыхъ владѣльцевъ немедленно отразилось на мѣстной жизни и внесло путаницу въ правовыя отношенія по землѣ. Между кореннымъ населеніемъ, враждебно настроеннымъ, и вновь появившимися владѣльцами, чувствующими свое превосходство надъ нимъ, начались безпрерывныя распри и жалобы. Прекратить возникшую отсюда земельную неурядицу правительство пыталось первоначально санкціонированіемъ фактическаго владѣнія. Манифестомъ 1793 г., сентября 2, между прочимъ установлено: „порожнія земли, для населенія, размноженія хлѣбопашества и разныхъ хозяйственныхъ заведеній въ губерніи Екатеринославской и области Таврической розданныя, утвердить за тѣми, кому они отданы и въ чьемъ безспорномъ владѣніи находятся".

Объявленная въ этомъ указѣ мѣра оказалась однако далеко недѣйствительной и сама по себѣ доказываетъ только то, что высшее правительство представляло себѣ положеніе вещей далеко не вѣрно. Вотъ почему въ слѣдующемъ году генералъ-губернаторъ Зубовъ вынужденъ былъ сдѣлать въ Правительствующій Сенатъ представленіе, въ которомъ онъ между прочимъ пишетъ... „пріемля въ разсужденіе слова Высочайшаго манифеста, 1783 г. апрѣля 8 дня изданнаго, гдѣ обѣщано свято всѣхъ тамошнихъ жителей охранять и защищать лица и имущества, уважая при томъ новость и недавное присоединеніе области Таврической къ Россійской Имперіи... и дабы жителей области Таврической не лишить стяжанія и достоянія, отъ предковъ къ нимъ дошедшаго, не отъять плодовъ реченія и трудовъ ихъ, которое употребили они на обработаніе земли, садовъ и другихъ заведеній, и чтобы ободрить и поощрить ихъ къ лучшему устроенію своего хозяйства", онъ полагалъ своимъ мнѣніемъ: всѣхъ тѣхъ Таврической области обитателей, какъ магометанскаго духовнаго званія, такъ разныхъ націй купцовъ, мѣщанъ, простыхъ татаръ и другихъ, кои нынѣ имѣютъ у себя помѣстья, вотчины и тому подобныя дворянскія имѣнія, принадлежащія имъ въ собственность по наслѣдству или инымъ законнымъ правамъ, оставить въ свободномъ владѣніи, распространяя сію свободу и на наслѣдниковъ ихъ; таковыя имѣнія за ними утвердить и за на-

слѣдниками ихъ утверждать на законномъ основаніи. Мнѣніе это было 19 октября Высочайше одобрено и цѣликомъ составило Сенатскій указъ, изданный 9 ноября 1794 г. [1]).

Уступка, оказанная этимъ указомъ простымъ татарамъ, однако не привела къ какимъ-либо положительнымъ результатамъ. Санкція владѣнія землею новыхъ помѣщиковъ и предоставленіе непомѣщичьему элементу помѣщичьихъ правъ не примирили враждующихъ сторонъ.

Уже 9 сентября 1796 г. Новороссійскій губернаторъ Хорватъ писалъ Таврическому областному правленію: „въ проѣздъ мой черезъ Тавриду многіе изъ татаръ подали мнѣ жалобы, что нѣкоторые помѣщики,... коимъ внутри Тавриды розданы сады, лѣса и земли изъ числа поступившихъ въ казенное вѣдомство..., почитая ихъ (татаръ) въ видѣ своихъ крестьянъ или подданныхъ, а потому и недвижимыя ихъ имѣнія себѣ принадлежащими, берутъ изъ хлѣба и другихъ продуктовъ десятую часть“, уклоняющихся же отъ этого „понуждаютъ выходить изъ селеній и земель своихъ, куда похотятъ, присваивая ихъ землю себѣ“ [2]).

Правоотношеніе, констатируемое приведеннымъ указомъ и непосредственно вытекавшее изъ мѣстной жизни, 17 сентября 1796 г. было признано ненормальнымъ, и новымъ указомъ предписывалось: „что же касается до отдачи нѣкоторымъ владѣльцамъ подъ видомъ оставшихся послѣ вышедшихъ за границу татарскихъ мурзъ и лежащихъ въ пустѣ земель, кои принадлежали татарскимъ поселянамъ, о семъ... учинить надлежащее разсмотрѣніе и неправильно взятое настоящему хозяину возвратить или другимъ пристойнымъ образомъ сдѣлать удовлетвореніе“.

Если изъ двухъ предыдущихъ правительственныхъ распоряженій можно усмотрѣть дипломатическій пріемъ примиренія враждующихъ и желаніе путемъ обоюдосторонних уступокъ прекратить земельную неурядицу, то послѣдній указъ наглядно показываетъ, что правительство никогда не имѣло въ виду отступать отъ обѣщанія, выраженнаго въ первомъ манифестѣ Екатерины II— „защищать лица и имущества“ татарскаго населенія. Этотъ основной взглядъ нашего правительства, практикуемый имъ всегда и въ отношеніи всѣхъ покоряемыхъ, перешелъ и въ слѣдующее царствованіе. Преемникъ Екатерины Великой Императоръ Павелъ, по

---

[1]) Полн. Собр. Зак. № 17265.

[2]) Извлеченіе изъ дѣла 15 сентября 1796 г. № 126.

вступленіи своемъ на престолъ, въ указѣ 2 декабря 1797 г., повторяя дословно указъ 17 сентября 1796 г., предлагаетъ графу Каховскому, бывшему въ то время управляющимъ Новороссійскою губерніею, „употребить стараніе къ скорѣйшему приведенію сего дѣла къ концу“.

Для исполненія этого указа и съ цѣлью разобрать претензію татарскихъ поселянъ на земли, отданныя владѣльцамъ, Каховскій назначаетъ особую коммисію, для руководства которой 10 іюля 1798 г. издаетъ ордеръ. По требованію послѣдняго коммисія въ полномъ своемъ составѣ должна была по каждому спору выѣзжать на мѣсто и „по прибытіи туда истребуетъ, во-первыхъ, документы отъ владѣльца, на которыхъ онъ основываетъ право свое во владѣніи, а потомъ отъ претендателей на то владѣніе доказательства, каковыми быть могутъ: жалованныя отъ крымскихъ хановъ грамоты и другіе письменные документы, также межи и признаки, утверждаемые достовѣрными свидѣтелями подъ присягой“. „Если“,—говорится въ другомъ пунктѣ этого ордера,—„по какой жалобѣ дѣйствительно окажется, что владѣльцу отдана земля, принадлежащая какого-либо селенія татарамъ, то въ замѣну той отобранной, буде согласились они уступить оную, представлять мнѣ“ [1]).

Хотя названная коммисія и не приступила къ своей обязанности, несмотря на всевозможныя предписанія, тѣмъ не менѣе приведенный указъ важенъ, какъ иллюстрація, что право собственности на крымскія земли всегда доказывалось письменными документами. На смѣну несостоявшейся коммисіи въ 1802 г. была назначена новая, которой были даны и новыя правила.

Правила 1802 года.

Подробное разсмотрѣніе названныхъ правилъ уже тѣмъ болѣе необходимо, что въ началѣ ихъ изложена подробная исторія русскаго законодательства по земельному вопросу въ Крыму, а сами правила являются только выводомъ: и изъ исторіи крымскаго землевладѣнія до присоединенія полуострова къ Россіи, и изъ исторіи послѣдовавшаго вслѣдъ за симъ русскаго законодательства по означенному вопросу.

По правиламъ 1802 г. [2]) всѣ земли въ Крыму раздѣлены на 4 разряда.

---

[1]) Изъ дѣла 15 декабря 1797 г.

[2]) Полн. Собр. Зак. № 20276.

I. „Первый родъ"—говорится въ правилахъ—„составляютъ земли такъ называемыя ханскія: обитающіе на сихъ земляхъ татары могли ихъ продавать и отдавать въ наслѣдство; слѣдовательно, владѣли ими, какъ собственностью; ибо чужаго продавать нигдѣ не можно. При таковомъ правѣ продажи подать десятинная и поземельная, которую съ земель сихъ татары и другихъ націй люди платили, съ присоединеніемъ Крыма содѣлалась правомъ казны; но право владѣнія должно остаться у тѣхъ селеній, кои россійское правительство на земляхъ сихъ застало существующими". Отсюда предписывается коммисіи, „что такъ называемыя земли ханскія принадлежатъ неотъемлемо тѣмъ татарамъ, коихъ россійское правительство нашло на нихъ обитающими, и никто и никогда не имѣлъ никакого права раздавать ихъ въ видѣ земель пустопорожнихъ помѣщикамъ".

Не совсѣмъ ясная редакція приведеннаго перваго пункта правилъ 1802 г. станетъ совершенно понятною, если обратить вниманіе на то, что первая половина касается прошлаго ханскихъ земель, почему глаголы „могли", „владѣли" и „платили" употреблены въ прошедшемъ времени. Правда, при тщательномъ разсмотрѣніи правъ татаръ, обитавшихъ на ханскихъ земляхъ до присоединенія Крыма къ Россіи, сдѣланный въ первой части разбираемаго пункта выводъ слѣдуетъ принять съ оговоркою. Изъ приведеннаго краткаго изложенія исторіи землевладѣнія той эпохи видно, что татары-поселяне могли продавать только тѣ участки ханскихъ земель, которые каждый изъ нихъ оживилъ и огородилъ. Участки эти, извѣстные подъ именемъ чаировъ и кору, были незначительны по своимъ размѣрамъ и не могли поражать своимъ числомъ, такъ какъ основнымъ занятіемъ населенія являлось скотоводство, а пастбищныя мѣста не составляли предмета особой собственности и признавались всегда общею собственностью. Если къ этому прибавить еще требованіе обязательной обработки оживленной земли и переходъ ея въ случаѣ запустѣнія во владѣніе того, кто ее начнетъ обработывать, то станетъ очевиднымъ, что право собственности на ханскія земли, о которомъ говорится въ началѣ перваго пункта правилъ, необходимо принять съ оговоркою. Послѣдняя напрашивается сама собою еще и потому, что по редакціи разсматриваемаго пункта выходитъ, что, съ одной стороны, такъ называемыя ханскія земли есть собственность хана, такъ какъ онѣ ханскія; а съ другой—что эти земли есть собственность обитающихъ на нихъ татаръ, такъ какъ они „могли ихъ продавать и отдавать въ наслѣдство". Эта очевидная

юридическая несообразность легко объясняется смѣшеніемъ въ одно и земель ханскихъ, воздѣлываемыхъ татарами изъ десятины, и тѣхъ участковъ мертвой земли, которые оживлены татарами.

Какъ бы однако ни было, для насъ важна не первая половина разсматриваемаго пункта, а вторая часть его, такъ какъ въ ней именно и устанавливается то начало, которое должно быть и которое законодателю угодно было отнынѣ возвести въ законъ.

По этому послѣднему, „у тѣхъ селеній, кои россійское правительство на земляхъ ханскихъ застало существующими", оставлено лишь „право владѣнія", за которое они должны были отбывать въ казну подать десятинную и поземельную, и это потому такъ, что право собственности на эти земли отъ хановъ перешло въ русскую казну, а обитающему на сихъ земляхъ населенію оставлено лишь право владѣнія, какъ объ этомъ и сказано въ разсматриваемомъ пунктѣ. Дальнѣйшее выраженіе этого пункта, „что такъ называемыя земли ханскія принадлежатъ неотъемлемо тѣмъ татарамъ, коихъ россійское правительство нашло на нихъ обитающими, не можетъ поколебать сдѣланный выводъ, такъ какъ выраженіе—„неотъемлемо" поясняется заключительными словами этого пункта и значитъ только то, что указанныя земли „никто и никогда не имѣлъ никакого права раздавать въ видѣ земель пустопорожнихъ помѣщикамъ".

II. „Второй родъ земель, въ Крыму находящихся, составляютъ земли, мурзамъ принадлежащія. Обитающіе на сихъ земляхъ жители состояли ко владѣльцамъ ихъ въ отношеніяхъ, подобныхъ тѣмъ, въ каковыхъ были къ хану татары, сидѣвшіе на земляхъ его; они платили мурзамъ десятинную подать и работали на нихъ 5 дней въ году; но право сихъ земель отъ первыхъ то существенное имѣло различіе, что обитающіе на нихъ жители не могли ни продавать, ни отдавать въ наслѣдство и что владѣльцы сихъ земель властны были ссылать ихъ въ случаѣ несогласія. Слѣдовательно, при личной свободѣ жителей, земли сіи составляли собственность мурзъ, и поселянамъ, на нихъ живущимъ, никакъ не принадлежали". Историческая справка эта въ такой же степени невѣрна, какъ и справка перваго пункта. При изложеніи исторіи землевладѣнія татаръ-поселянъ при ханскомъ владычествѣ въ Крыму мы видѣли на документахъ, что обитавшіе на мурзинскихъ земляхъ татары могли по принципу „оживленія земли" пріобрѣтать право собственности, во-первыхъ, на усадебныя мѣста, а, во-вторыхъ, чаиры и кору, которые они могли свободно и продавать, и передавать по наслѣдству. Невѣрное представленіе исторіи должно объяснить тѣми

же основаніями, о которыхъ упомянуто выше, и оно приводится здѣсь лишь затѣмъ, чтобы подтвердить и на этомъ пунктѣ систему составителя правилъ 1802 г.—каждый пунктъ начинать съ изложенія первоначально исторіи владѣнія извѣстнымъ разрядомъ земель при ханахъ, а затѣмъ уже переходить къ своему времени и начертать дѣйствующій законъ на будущее время. Переходя къ разсмотрѣнію послѣдняго, необходимо прежде всего отмѣтить, что составитель правилъ, изъяснивъ такимъ образомъ свойство мурзинскихъ земель, говоритъ, что русское правительство могло застать эти земли въ трехъ различныхъ положеніяхъ: 1) когда владѣльцы, имѣющіе на нихъ право, переселяясь изъ Крыма, оставили ихъ, не продавъ и не уступивъ никому никакимъ законнымъ укрѣпленіемъ; 2) когда при переходѣ изъ той страны передали они право свое на нихъ законною сдѣлкою другимъ помѣщикамъ или и самимъ татарамъ, на нихъ живущимъ; 3) когда сами они въ семъ краю неподвижно остались.

„Въ первомъ случаѣ земли сіи очевидно принадлежатъ казнѣ, и отъ правительства зависѣло ихъ раздать; но какъ правительство яснымъ образомъ означило тогда свою волю, чтобъ раздавать земли одни пустопорожнія, земли же, обитаемыя поселянами, не могутъ быть почтены таковыми“, то изъ сего поставлено второе для коммисіи правило: „поелику мѣстное начальство никогда не было уполномочено раздавать помѣщикамъ земли заселенныя, какого бы рода онѣ ни были и на какомъ бы правѣ поселяне ихъ не обрабатывали, то и раздачу земель, отъ мурзъ оставшихся и при занятіи того края найденныхъ заселенными, утвердить помѣщикамъ нѣтъ никакого основанія; и хотя селенія, на нихъ лежащія, не имѣютъ на сіи земли права собственности, но должны владѣть ими по праву казенныхъ поселянъ неотъемлемо безо всякаго платежа и отношенія къ помѣщикамъ“. Если сравнить только-что приведенную норму съ нормою, установленною въ отношеніи поселянъ-татаръ къ землямъ ханскимъ, то необходимо прійти къ выводу, что онѣ совершенно одинаковы и нормируютъ одно и то же положеніе. Право владѣнія и на земли ханскія, и на земли мурзинскія оставлено у тѣхъ селеній, кои россійское правительство застало на нихъ обитающими. За право владѣнія и тѣми и другими землями населеніе обязано было платить въ казну подать десятинную и поземельную, и наконецъ ни тѣхъ, ни другихъ земель нельзя было раздавать помѣщикамъ, такъ какъ и тѣ и другія, при условіи ихъ заселенности, не являлись пустопорожними. Нормы эти почти одинаково и редакти-

рованы, и въ той и въ другой изъ нихъ встрѣчается „неотъемлемо“ съ одинаковымъ значеніемъ въ обоихъ случаяхъ: только вторая редакція отличается отъ первой большею полнотою, и отношеніе населенія къ мурзинскимъ землямъ приравнено къ отношенію „казенныхъ поселянъ“, или, что̀ одно и то же, казенныхъ крестьянъ къ землѣ. Терминъ—„право казенныхъ поселянъ“ или крестьянъ болѣе знакомъ русскому законодательству и употребленъ здѣсь, очевидно, потому, что съ нимъ на Руси уже давно связывалось совершенно понятное и давно сложившееся, опредѣленное представленіе. Что и земля, и обитающее на ней населеніе съ присоединеніемъ Крыма къ Россіи являлись нераздѣльною собственностью государства,—это не подлежитъ никакому сомнѣнію, разъ существуетъ право территоріальности покоряющаго государства, являющееся, по ученію международнаго права, первою и наиболѣе существенною составною частью государственнаго верховенства. По принципу этого верховенства татары-поселяне ничѣмъ другимъ и не могли быть, какъ казенными поселянами, и пользоваться правами казенныхъ крестьянъ, наравнѣ съ которыми ихъ обѣщано было содержать еще первымъ манифестомъ. Всякое изъятіе въ этомъ отношеніи должно было быть рѣзко выдѣлено, и иное отношеніе ихъ къ заселяемой землѣ и къ государству должно было быть ясно и опредѣленно нормировано. Разъ ничего подобнаго законодатель не допустилъ, а въ законѣ, наоборотъ, существуютъ указанія, приведенныя выше, то отсюда слѣдуетъ, что эти послѣднія и должны быть признаны нормами права.

„Второе положеніе, въ коемъ земли, мурзамъ принадлежащія, быть могутъ, есть когда, при переходѣ сихъ владѣльцевъ изъ Крыма или и при настоящемъ ихъ тамъ жительствѣ, передали они свое право на тѣ земли помѣщикамъ, или и самимъ татарамъ, на нихъ живущимъ“. Въ отношеніи ихъ постановлено: „что земли, отъ мурзъ и другихъ владѣльцевъ частнымъ людямъ при переселеніи или и послѣ онаго проданныя или инымъ образомъ уступленныя, принадлежатъ неотъемлемо тѣмъ новымъ пріобрѣтателямъ. Обитающіе на оныхъ жители, *при личной ихъ свободѣ*, должны по землямъ симъ принять на себя тѣ же повинности къ новымъ помѣщикамъ, въ коихъ застало ихъ россійское правительство къ прежнимъ владѣльцамъ, или просить начальство о назначеніи имъ другихъ земель свободныхъ, которое и обязано, отведя имъ на каждое семейство по 60 дес. въ плоской части полуострова, дать имъ всевозможные способы къ удобнѣйшему водворенію... Въ слу-

чаѣ же неудовольствія помѣщиковъ на поселянъ могутъ они просить правительство о сводѣ ихъ съ земель, и правительство обязано сдѣлать имъ удовлетвореніе".

Обязанность, добровольно на себя принятая нашимъ правительствомъ, устраивать татаръ на новыхъ земляхъ, при ихъ нежеланіи оставаться на прежнихъ, только лишній разъ подтверждаетъ, что поселяне-татары Крыма, по сознанію нашего правительства, всегда считались въ положеніи казенныхъ крестьянъ, которыхъ устраивать правительство наше всегда считало своею обязанностью.

Третье положеніе мурзинскихъ земель—когда собственники ихъ остались на нихъ и когда, слѣдовательно, юридическое положеніе ихъ осталось безъ перемѣны. Въ такомъ случаѣ поселяне, на этихъ земляхъ обитающіе, остаются также въ прежнихъ отношеніяхъ къ владѣльцу, хотя къ нимъ и должно относиться, при случаѣ, постановленіе, выше сего изложенное, въ отношеніи земель, отъ мурзъ проданныхъ.

III. „Третій родъ земель, въ Крыму состоящихъ, суть участки, сады и всякаго рода угодья, коими сами поселяне владѣли *безъ всякаго платежа оброка* и на точномъ правѣ собственности". Отсюда постановлено: „что всѣ земли, татарами или другихъ націй людьми, какого бы состоянія они ни были, до времени россійскаго правленія безоброчно и на правѣ собственности владѣемыя или послѣ онаго куплею и законными сдѣлками пріобрѣтенныя отъ лицъ, имѣвшихъ право на продажу, оставить имъ и потомству ихъ крѣпкими... Въ удостовѣреніе сихъ правъ должно принимать за доводъ основательный не только купчія крѣпости и прочія формальныя укрѣпленія, но и показанія присягою, по обряду ихъ утвержденныя; понеже до временъ россійскаго правительства не всегда существовали на сіи владѣнія письменныя укрѣпленія и съ теченіемъ времени при разныхъ того края преобращеніяхъ легко могли быть потеряны".

Таковы правила, устанавливающія полное право собственности татаръ на ихъ земли. При разсмотрѣніи ихъ нельзя не замѣтить, что они отличаются полнотою и старательно отмѣчаютъ не только существенныя признаки этого права, но и условія пріобрѣтенія и отчужденія его. Объектомъ права собственности могутъ быть участки, сады и всякаго рода угодья, коими сами поселяне владѣли безъ всякаго платежа оброка. Эта совершенно вѣрная историческая справка указываетъ на тѣ мелкія огорожи, которыя, по принципу оживленія мертвой земли, принадле-

жали, какъ это мы видѣли при разсмотрѣніи исторіи, на правѣ собственности тому, кто оживлялъ „ливатъ", и за которыя дѣйствительно не платили оброка. Этотъ отличительный и въ высшей степени характерный признакъ собственности покоится на исторической необходимости и окрѣпъ въ періодъ ханскаго владычества въ Крыму подъ вліяніемъ стремленія расширить площадь обрабатываемыхъ земель. Неплатежъ оброка и полное право собственности на такіе участки, въ разрядѣ какихъ бы земель они не рождались, являлись преміею за трудъ и за откликъ на политическое стремленіе ханскаго правительства. При основномъ занятіи жителей скотоводствомъ, съ котораго ханская казна брала оброкъ, оживленіе каждой десятины земли являлось чистѣйшимъ вкладомъ въ экономію края и естественно должно было входить въ задачу каждаго правителя.

Для отчужденія указанной собственности, правила 1802 г. предписываютъ „имѣть право на продажу", и это потому, что, какъ мы видѣли раньше, оживитель „ливатъ" терялъ право собственности на оживленную землю, разъ онъ въ теченіе трехъ лѣтъ не обрабатывалъ ея. При непрерывности же обработки, какъ это было указано выше, собственникъ имѣлъ право продать свое владѣніе, для чего всегда прибѣгалъ къ содѣйствію оффиціальной власти, которая о каждой совершенной сдѣлкѣ записывала въ спеціальныя книги.

„На тѣ земли",—читаемъ мы въ одномъ сохранившемся оффиціальномъ документѣ—„грамоты хранились и нынѣ должны находиться у тѣхъ хозяевъ или у ихъ наслѣдниковъ (буде во время бывшаго бунта въ Крыму не утрачены), кому тѣ земли пожалованы; купчія совершались на покупку и продажу имѣній отъ кадыэскеровъ и кадіевъ и записывались въ сдѣланныя на то вотчинныя книги, которыя хранились въ Бахчисарайскомъ архивѣ, а за сгорѣніемъ онаго назадъ тому 64 года, остальныя, по уничтоженію Таврической области, поступили въ Новороссійское губернское правленіе" [1]). Но такъ какъ „при разныхъ того края преобращеніяхъ" документы эти могли быть потеряны, то правила 1802 г. и вводятъ показанія присягою".

Такимъ образомъ отличительною чертою права собственности на землю являются: во-первыхъ, сравнительно незначительный размѣръ

[1]) Изъ перевода съ объясненія Казнадаръ-Мехметъ-ага отъ 29 сентября 1798 г. (Арх. губ. прав.).

ея (сады, огороды и проч.); во-вторыхъ, безоброчность владѣнія ею; въ-третьихъ, непрерывность обработки земли, дающая право на продажу ея, и, въ-четвертыхъ, формальный документъ или „показанія присяги“, устанавливающіе право собственности. Сдѣланные выводы, съ точностью основанные на исторіи землевладѣнія во времена хановъ и на буквальномъ содержаніи правилъ 1802 г., необходимо тщательно запомнить въ виду заключительныхъ словъ цитируемаго указа 1802 года.

IV. Далѣе разсматриваемыя правила опредѣляютъ четвертый разрядъ земель, въ Крыму находящихся, коими являются земли пустопорожнія. „Свойство сіе могутъ онѣ имѣть двоякимъ способомъ: 1) когда онѣ не заселены были при ханскомъ владѣніи, 2) когда найдены были незаселенными, необитаемыми, никѣмъ не владѣемыми и отъ перехода ихъ владѣльцевъ безъ продажи и уступки оставленными при первомъ осмотрѣ и камеральномъ описаніи сего края, или послѣ онаго“. Земли эти можно было раздавать помѣщикамъ „даже и въ томъ случаѣ, когда бы земли сіи состояли въ общей округѣ и владѣніи цѣлаго селенія, изъ коего часть только изъ Крыма вышла, такъ что если, селеніе изо ста душъ состоящее, владѣло, напримѣръ, 2 т. десятинами и, по присоединеніи Крыма, 2 или 3 части край тотъ оставили, а земель бы тѣхъ никому не продали, то сіи 2 или 3 части изъ 2 т. десятинъ, послѣ выходцевъ оставшіяся, должны быть считаемы пустопорожними, оставшейся части селенія не принадлежащими и, если отданы онѣ помѣщикамъ, безспорно имъ крѣпкими. Но если бы за таковымъ распоряженіемъ у оставшихся поселянъ нашлось земли недостаточно, тогда правительство обязано будетъ изрѣзать имъ по 60 дес. изъ тѣхъ, коими владѣли вышедшіе поселяне, а затѣмъ уже оставшіяся считать пустопорожними“.

Таковы правила, изданныя въ руководство коммисіи, учрежденной для разбора споровъ между татарами и помѣщиками. Ихъ смыслъ и значеніе не вызывали бы двухъ мнѣній, если бы за изложеніемъ ихъ составитель не помѣстилъ VII отдѣленія, буквальное содержаніе котораго слѣдующее.

„По правиламъ симъ татары и прочіе того края обыватели имѣютъ право собственности: 1) на всѣ земли ханскія, во владѣніи ихъ до присоединенія Крыма бывшія; 2) на всѣ земли, безоброчно до эпохи сей лично ими владѣемыя или покупкою отъ первыхъ владѣльцевъ имъ дошедшія; 3) они имѣютъ право, какъ казенные поселяне, на земли, отъ мурзъ безъ продажи оставленныя и ими прежде на условіяхъ владѣемыя“.

На чемъ основанъ этотъ выводъ и какъ можно было его сдѣлать изъ исторіи ханскаго землевладѣнія и изъ содержанія правилъ 1802 г.,—это не поддается точному объясненію. По буквальному содержанію приведеннаго VII пункта слѣдуетъ, что татары имѣли право собственности не только на тѣ мелкіе участки, которыми при ханахъ они владѣли безоброчно, по принципу оживленія мертвой земли, но и на всѣ земли ханскія и даже на земли мурзъ, безъ продажи оставленныя. Что эти послѣднія не могли составлять собственность татаръ, это признаютъ тѣ же самыя правила, которыя, какъ мы видѣли во II пунктѣ, разсматривая отношеніе этихъ земель къ населенію, устанавливаютъ сами же, что „селенія, на нихъ лежащія, не имѣютъ на сіи земли права собственности, но должны владѣть ими по праву казенныхъ поселянъ“. Почти то же самое приходится сказать про земли ханскія, юридическое отношеніе которыхъ къ населенію тѣми же самыми правилами отнесено къ „праву владѣнія“, а не къ праву собственности. Отсюда необходимо заключить, что разсматриваемый VII пунктъ правилъ содержитъ въ себѣ двѣ неточности: во-первыхъ, въ немъ подъ правомъ собственности нужно разумѣть право неполной собственности на земли, указанныя въ 1-мъ и 3-мъ пунктѣ этого отдѣла, а во-вторыхъ, земли 2-го его пункта нужно было изъ него исключить, такъ какъ безоброчныя земли принадлежали въ полную собственность татарамъ, или наконецъ разъ навсегда признать за неоспоримое, что подъ правомъ собственности въ означенномъ пунктѣ нужно разумѣть: и право собственности полное, и право собственности неполное, ограниченное правомъ казны. При такомъ толкованіи только и можно логически связать начало и конецъ правилъ и избѣжать противорѣчій, на которыя только-что было указано. Только при этомъ условіи первое отдѣленіе ихъ не будетъ противорѣчить VII, а это послѣднее—второму, всѣ же правила 1802 г. не будутъ противорѣчить исторіи ханскаго землевладѣнія, праву территоріальности покоряющаго государства, первому руководящему манифесту, всему послѣдующему законодательству и общему строю русскаго землевладѣнія.

Спустя два года правительство, подъ вліяніемъ разъясненій со стороны русскихъ помѣщиковъ, болѣе точно опредѣлило отношеніе къ землѣ населенія, и въ дополнительныхъ правилахъ, Высочайше утвержденныхъ и изданныхъ 23 апрѣля 1804 г., съ большею опредѣленностью высказалось по поводу только-что указаннаго неяснаго пункта правилъ 1802 г.:

Почти немедленно по открытіи коммисіи, участвовать въ которой были приглашены два депутата со стороны русскихъ помѣщиковъ, одинъ со стороны мурзъ и два со стороны простыхъ татаръ, депутаты отъ русскихъ помѣщиковъ, Сарандинаки и Поляковъ, подали въ коммисію прошеніе, въ которомъ указываютъ на факты, требовавшіе тщательнаго обсужденія и усиленной борьбы съ ними. Описавъ враждебность татаръ къ русскимъ вообще и къ поселившимся помѣщикамъ въ особенности, жалобщики высказываютъ опасеніе, что допущеніе правилами 1802 г. присяги въ доказательство древняго владѣнія татарами землею поведетъ къ переходу всей земли въ ихъ руки. „Присяга",—говорятъ они,—„по магометанскому закону противъ христіанъ простительна". Въ подтвержденіе этого они ссылаются какъ на дѣло, бывшее уже въ разсмотрѣніи коммисіи, въ которомъ подтвердили это своею подписью сами мурзы, такъ равно и на случаи, бывшіе при генеральномъ межеваніи, когда татары по обыкновенному ихъ къ христіанамъ отвращенію, а къ мурзамъ, яко единовѣрцамъ, приверженности подъ присягою показывали земли принадлежащими онымъ не только тѣ, кои вообще ими неправильно утаены и захвачены, но и собственныя свои, во многихъ селеніяхъ не малое количество десятинъ составляющія".

Переходя затѣмъ къ вопросу о правѣ собственности татаръ на владѣемыя ими земли, они въ опроверженіе этого права приводятъ совершенно вѣрныя соображенія, съ которыми необходимо было считаться правительству. Практикуемое татарами скрытіе дѣйствительнаго отношенія къ землѣ можетъ быть обличено „во-первыхъ, кадыэскерскими книгами, по коимъ каждаго собственность видна . . . .; во-вторыхъ, перешедшими изъ Крыма въ Маріуполь и Нахичевань стариками (выведенными греками и армянами); въ-третьихъ, камеральнымъ описаніемъ, по коему земли, обратясь въ оброчныя статьи, отдаваемы были казенною палатою на откупъ, а наконецъ какъ тѣмъ, что татары . . . . переходили и нынѣ переходятъ на другія по своему желанію мѣста, чего бы имъ дѣлать не для чего, если бы имѣли собственность, такъ и тѣмъ, что при учрежденіи области требуемо было отъ каждаго доказательствъ на принадлежность имъ земель" [1]).

И дѣйствительно коммисія вскорѣ должна была заподозрить и силу документовъ древнихъ владѣльцевъ, и достовѣрность присяги. „По двумъ дѣламъ",—пишетъ она,—„открылись въ документахъ фальши, и именно: 1) въ представленной отъ бывшаго ханскаго секре-

---

[1]) Изъ дѣла губ. арх. 23 сентября 1802 г. № 11.

таря Мустафы Эфендія грамотѣ выскоблены неизвѣстныя рѣчи, и вмѣсто оныхъ написано: „нашему вѣрноподданному въ вѣчное владѣніе“, съ противной же стороны показывается, что тутъ было написано: „отдается ему на откупъ“. 2) Представленный отъ жителя деревни Бидана Сеферша Аметъ Оглу документъ писанъ въ 1781 г. на бумагѣ 1787 г. Что касается ненадежности присяги, то въ подтвержденіе ея коммисія приводитъ нѣсколько случаевъ, съ очевидностью подтверждающихъ „неоднократное простыми татарами употребленіе присяги во зло и утвержденіе ложно дѣлъ самыхъ несправедливыхъ“ [1].

Въ силу такихъ явленій, правительство вынуждено было издать дополнительныя правила къ изданнымъ уже въ 1802 г., и 23 апрѣля 1804 г. [2]) имъ дѣйствительно таковыя и были изданы.

Въ дополнительныхъ правилахъ 1804 г. правительство уже ограничиваетъ сферу дѣятельности коммисіи только тѣми дѣлами, которыя будутъ въ ней возбуждены самими жалобщиками. При этомъ споры помѣщика съ помѣщикомъ или мурзы съ мурзою разсматриваются губернскими и уѣздными мѣстами, коммисіею же только въ томъ случаѣ, если „связаны будутъ съ дѣлами, въ 1-й ст. изображенными“. Коммисія „не входитъ въ отысканіе земель казенныхъ“, а при случайномъ обнаруженіи ихъ въ чьемъ-либо владѣніи обязана только собирать свѣдѣнія межевой конторѣ „для соображенія ея при общемъ межеваніи“. Дополнительными правилами коммисія освобождена отъ „нарѣзки казеннымъ поселянамъ земли по 60 десятинъ“ и отъ разбора споровъ „о земляхъ, за Перекопомъ лежащихъ, и ограничиваетъ дѣйствіе свое единственно въ предѣлахъ Крымскаго полуострова“. Въ спорахъ между татарами и новыми помѣщиками ей предписывается уже „предпочтительно принимать письменные документы; при чемъ въ случаѣ равной ясности и древнихъ документовъ (до присоединенія Крыма появившихся), и новыхъ (послѣ присоединенія) владѣніе должно утверждаться по древнимъ, а при отсутствіи документовъ предписывается прибѣгать къ присягѣ, но доказательность ея обусловливается: 1) когда съ противной стороны нѣтъ письменныхъ документовъ; 2) когда доказательства сіи сомнительны или не имѣютъ совершенной ясности; 3) когда присяга приводится къ утвержденію настоящаго владѣнія, а не къ опроверженію его“.

---

[1]) Ibid.

[2]) Полн. Собр. Зак. Росс. Имп. № 21275.

Нѣтъ нужды останавливать вниманіе на томъ, что это мѣсто дополнительныхъ правилъ яснѣе и точнѣе опредѣляетъ способъ распознаванія права полной собственности на крымскія земли, чѣмъ это слѣдуетъ изъ правилъ 1802 г. Но прослѣдимъ этотъ законодательный актъ далѣе. Установивъ безспорно, какъ основное правило, что вообще собственность татаръ, какихъ бы слоевъ общества (мурзъ или простыхъ татаръ) она ни касалась и къ какому бы разряду земель (ханскихъ, мурзинскихъ, татарскихъ и пр.) она ни относилась, должна прежде всего доказываться письменными документами, дополнительныя правила въ § 24 постановляютъ, что при одинаковой силѣ документовъ древнихъ и новыхъ владѣніе оставлять за древними владѣльцами. Но изъ этого правила сдѣлано исключеніе, и если „новые помѣщики сдѣлали значущія заведенія", то § 25 предписываетъ земли эти оставлять за новыми владѣльцами, а древнимъ назначать удовлетвореніе. По § 26 земли ханскія должны оставаться у татаръ, если онѣ никому не отданы и во владѣніи татаръ находятся. Мелкіе участки предписано признавать полною собственностью только по точнымъ доказательствамъ права собственности, пріобрѣтеннаго куплею, древнимъ пожалованіемъ или мѣною. Поселенные на земляхъ мурзинскихъ и помѣщичьихъ татары должны быть свободны, и имъ предоставлены права собственности на усадебныя земли, какъ-то дома, дворы, сады и огороды, къ какому бы роду земель онѣ ни принадлежали, прочія затѣмъ земли должны остаться въ пользованіи ихъ неотъемлемо до тѣхъ поръ, пока они въ томъ имѣніи остаться пожелаютъ. Наконецъ, чтобы прекратить „неизвѣстность и запутанность, въ коей доселѣ были права на владѣніе землями въ Крыму", дополнительныя правила должны были исключить для спорныхъ дѣлъ Крыма законъ о земской давности и начертать: „коммисія имѣетъ принимать жалобы и иски, невзирая на 10-тилѣтній срокъ, и чинить разборъ и удовлетвореніе по вышеозначенному".

Таковы дополнительныя правила 1804 г. Изъ содержанія ихъ видно, какой смыслъ нужно придавать VII отдѣленію правилъ 1802 г. и какъ понимать „право собственности татаръ и прочихъ того края обывателей". Изъ сличенія ихъ приходится заключить, что татары дѣйствительно никогда не признавались полными собственниками на земли ханскія, во владѣніи ихъ до присоединенія Крыма бывшія, и на земли, отъ мурзъ безъ продажи оставленныя и ими прежде на условіяхъ владѣемыя, о чемъ легко ошибочно заключить по редакціи VII отдѣла правилъ 1802 г. Правильность

такого вывода станетъ внѣ всякаго сомнѣнія, если сравнить заключительныя строки правилъ 1802 г. съ содержаніемъ дополненія къ нимъ 1804 г. Изложеніе правилъ 1802 г. заканчивается слѣдующими строками: „таковы суть правила, на коихъ коммисія должна учредить свое дѣйствіе въ опредѣленіи правъ на земли крымскія и повинностей, на жителяхъ лежащихъ“. Значитъ, если бы татары дѣйствительно признавались полными собственниками на всѣ земли ханскія, и мурзами оставленныя, и ими владѣемыя, то eo ipso дополнительныя правила 1804 г. возложили бы на нихъ только обязанность доказать, что владѣемыя ими земли принадлежали или ханамъ, или мурзамъ, которые ихъ оставили, а не требовали бы отъ нихъ непремѣнно письменныхъ документовъ для признанія за ними права собственности на владѣемыя ими земли. Да наконецъ, если бы толкуемый VII отдѣлъ правилъ 1802 г. содержалъ въ себѣ дѣйствительно тотъ смыслъ, какой придаютъ ему нѣкоторые, опираясь на буквальное содержаніе его, то и тогда нельзя изъ него дѣлать выводъ, что татары являются собственниками своихъ общественныхъ земель. До изданія дополнительныхъ правилъ коммисія не приступала къ рѣшенію дѣлъ, а приступила къ нему лишь по изданіи дополнительныхъ правилъ, и, значитъ, въ своей дѣятельности она не руководствовалась правилами 1802 г., которыя въ этомъ отношеніи остались, слѣдовательно, безъ осуществленія и никакого практическаго значенія для края не имѣли, такъ какъ черезъ два года были существенно измѣнены. Такой взглядъ доказывается и дѣятельностью коммисіи. Всѣхъ дѣлъ ею разобрано, какъ это видно изъ „книгъ протоколовъ коммисіи“, 239, при чемъ изъ числа ихъ 94 дѣла окончены примиреніемъ, и во всѣхъ спорныхъ дѣлахъ коммисія примѣняла въ отношеніи собственности начертанія 1804 г., а не правила 1802 г., и безусловно ни въ одномъ рѣшеніи не обнаружила того взгляда на собственность, который ошибочно можно вывести изъ содержанія VII отдѣла правилъ 1802 г.

Особенно же наглядно коммисія выразила свой взглядъ на собственность татаръ въ „положеніи о татарахъ-поселянахъ Таврической губерніи“. Составленіемъ его коммисія занялась по окончаніи дѣла разбора споровъ „по предложенію г. предсѣдательствующаго коммисіею о повинностяхъ татаръ въ Таврической губ.“ [1]). Все содержаніе этого положенія состоитъ изъ пяти главъ, а

[1]) Изъ дѣла 6 сентября 1809 г. № 11 (Арх. Тавр. губ. прав.).

именно: 1) о личномъ состояніи, правахъ и обязанности татаръ-поселянъ вообще; 2) о собственности татаръ-поселянъ; 3) о повинностяхъ татаръ-поселянъ; 4) о распредѣленіи работъ и объ опредѣленіи вмѣсто оныхъ денежной таксы и 5) о подсудности татаръ и домашней полиціи. О правахъ и обязанностяхъ татаръ въ 1-й главѣ говорится, что татары-поселяне лично свободны, они неотъемлемо пользуются тѣми землями, на которыхъ живутъ, съ условіемъ отбыванія повинностей; они имѣютъ право переходить съ 1 декабря по 1 марта на другія земли, и въ такомъ случаѣ отъ помѣщика уже зависитъ принять ихъ обратно или нѣтъ, если бы они вздумали возвратиться снова.

Что же касается собственности татаръ, то, „согласно правиламъ 19 мая 1802 г., татары-поселяне пользуются, какъ собственностью, всѣми усадебными мѣстами и находящимися при нихъ угодьями, какъ-то: садами, огородами, дворами и домами“. Относительно же общественныхъ земель говорится, что „онѣ принадлежатъ всему обществу и не могутъ быть отчуждаемы кому-либо въ собственность даже и отдѣльными участками“. Положеніе это почти цѣликомъ вошло въ послѣдующій законодательный актъ, который будетъ разсмотрѣнъ въ своемъ мѣстѣ, а здѣсь на него дѣлается ссылка лишь затѣмъ, чтобы показать тотъ окончательный взглядъ, который должна была вывести коммисія, 8 лѣтъ работавшая надъ вопросомъ о поземельномъ правѣ крымскихъ жителей.

13 сентября 1810 года по указу Сената коммисія была закрыта, такъ какъ „дѣло, возложенное на нее, приведено къ окончанію“. Это заключеніе Сената, однако, не было вѣрно, и на самомъ дѣлѣ коммисія, благодаря тому, что должна была разсматривать только тѣ споры, которые были формально возбуждены передъ нею, далеко не разрѣшила всѣхъ спорныхъ земельныхъ вопросовъ края. Въ указѣ 4 мая 1816 г. уже снова говорится о неустройствахъ въ Крыму, и, какъ на одно изъ нихъ, указывается, „что въ Таврической области до $^1/_2$ милліона десятинъ продано казенной земли за безцѣнокъ, какъ, напр., надворному совѣтнику Уманцу, титулярному совѣтнику Баробишеву и губернскому секретарю Аверкіеву, обошлась оная въ сложности по одному рублю двадцати одной коп. десятина, чему и вѣры нельзя дать, судя по богатству тамошнихъ земель. Казна несетъ отъ сего чрезмѣрные убытки, а чиновники служащіе обогащаются на ея счетъ, пользуясь временемъ“. Далѣе тотъ же указъ констатируетъ, „что чиновники ввели въ обрядъ продажу частно каждымъ татариномъ своего участка безъ разбора,

составляетъ ли оный собственность продавца“ [1]). Для отвращенія злоупотребленій были назначены въ каждой губерніи по одной коммисіи, на обязанности которыхъ лежало: „строжайшее изслѣдованіе злоупотребленій, отвращеніе оныхъ, начертаніе новыхъ правилъ на случай, гдѣ не существуетъ яснаго закона“, и „предавать виновныхъ суду, злоупотребленіе искоренять безъ потери времени и испрашивать, въ чемъ слѣдуетъ, разрѣшенія начальства“. О дѣятельности этихъ коммисій не сохранилось никакихъ свѣдѣній, и можно думать, что онѣ въ дѣйствительности едва ли и были осуществлены, такъ какъ жалобы татаръ „о притѣсненіяхъ, имъ чинимыхъ по владѣнію земель“, продолжались по прежнему. Для разсмотрѣнія ихъ по указу 3 декабря 1819 г. былъ учрежденъ особый комитетъ, на который было возложено: „сообразивъ, какія правила постановлены быть могутъ для основанія прочнаго владѣнія земель въ Крыму на справедливости и взаимной пользѣ жителей, представить свои заключенія Его Величеству“ [2]).

Есть полное основаніе предполагать, что и этотъ комитетъ существовалъ только въ проектѣ, такъ какъ о дѣятельности его никакихъ свѣдѣній не сохранилось, за то несомнѣнно извѣстно, что въ слѣдующемъ 1820 г. былъ учрежденъ особенный комитетъ, на который было возложено „составить подробнѣйшія и съ мѣстнымъ положеніемъ сего края болѣе сообразныя правила, къ окончательному въ немъ земель размежеванію“, и означенныя правила дѣйствительно были составлены и легли въ основаніе правилъ размежеванія Крымскихъ земель, изданныхъ позднѣе.

Еще двумя годами ранѣе ихъ послѣдовало изданіе „положенія для татаръ-поселянъ и владѣльцевъ земель въ Таврической губ.“ Означенное положеніе является капитальнѣйшимъ юридическимъ памятникомъ и почти цѣликомъ вошло въ IX т. Св. зак., изд. 1857 г. Изданное 28 сентября 1827 г. положеніе это основано, какъ объ этомъ говорится въ немъ самомъ, на „положеніи о татарахъ-поселянахъ Таврической губ.,“ составленномъ коммисіей 1809 г., но отличается отъ послѣдняго и большею ясностью, и нѣкоторыми дополненіями, вызванными требованіями времени. Посвятивъ семь параграфовъ разсмотрѣнію личныхъ правъ таврическихъ татаръ, положеніе 1827 года слѣдующіе десять параграфовъ посвящаетъ вопросу

---

[1]) Полн. Собр. Зак. 4 мая 1816 г. № 26254.

[2]) Полн. Собр. Зак. № 28014.

„о правѣ собственности“ ихъ. Въ первомъ изъ этихъ параграфовъ (по счету § 8-й) дается опредѣленіе того, что̀ такое собственность; слѣдующій же § 9-й говоритъ, что собственность татаръ заключается: „во-первыхъ въ земляхъ общественныхъ, принадлежащихъ цѣлымъ селеніямъ татаръ казеннаго вѣдомства; во-вторыхъ, въ земляхъ, составляющихъ частную собственность татаръ“. Затѣмъ въ положеніи стоитъ заголовокъ: „о земляхъ общественныхъ казенныхъ“, а далѣе § 10 говоритъ: „земли сіи, находясь въ общемъ владѣніи цѣлаго селенія, не составляютъ, даже и въ участкахъ, каждымъ порознь владѣемыхъ, частной собственности поселянина, а суть дѣйствительная принадлежность цѣлаго селенія; почему татары, хотя и имѣютъ полную свободу ими пользоваться, но продавать и другими способами передавать оныя въ постороннія руки, отнынѣ имъ запрещается“. Этотъ параграфъ вызываетъ безконечные споры въ практикѣ мѣстныхъ юристовъ, и его обыкновенно цитируютъ и защитники личной собственности татаръ на ихъ общественныя земли, и ихъ противники, склонные считать общественныя татарскія земли собственностью казны, а поселенныхъ на нихъ татаръ только владѣльцами, во всемъ напоминающихъ государственныхъ крестьянъ центральныхъ губерній. Первые въ подтвержденіе своего мнѣнія ссылаются обыкновенно на буквальное содержаніе § 9, въ которомъ перечисляется „собственность“ татаръ, въ составъ которой означенный параграфъ включаетъ и общественныя земли, и который по ихъ мнѣнію непремѣнно долженъ находиться въ связи съ § 10. Вторые основательно возражаютъ, что въ § 9 говорится о правѣ собственности татаръ, безразлично и о правѣ собственности полномъ, и о правѣ собственности неполномъ, и исчерпывается только, какъ это дѣлалъ законодатель и ранѣе этого въ положеніи 1802 г., понятіе собственности вообще. При чемъ по смыслу этого параграфа, несомнѣнно имѣющаго связь съ послѣдующимъ, слѣдуетъ заключить, что право татаръ-поселянъ на ихъ общественныя земли есть право собственности, ограниченное правомъ казны, чему подтвержденіемъ служитъ какъ редакція заголовка,— „о земляхъ общественныхъ казенныхъ“, непосредственно слѣдующая за § 9, такъ и буквальное содержаніе § 10, далеко не отвѣчающее понятію полной и неограниченной личной собственности населенія. Защитники же послѣдней опровергаютъ такія разсужденія обыкновенно слѣдующими казуистическими доводами. Редакція заголовка, поставленная между двумя параграфами, есть, по ихъ мнѣнію, только неудачное сокращеніе первой мысли законодателя, болѣе подробно и полно редактированной имъ въ § 9. Вмѣсто того, чтобы указан-

ный выше заголовокъ редактировать: „о земляхъ общественныхъ, принадлежащихъ цѣлымъ селеніямъ татаръ казеннаго вѣдомства, „онъ редактированъ, быть можетъ, по невѣжеству переписчика, просто: „о земляхъ общественныхъ казенныхъ“. Что же касается буквальнаго содержанія § 10, то онъ, по ихъ мнѣнію, съ очевидностью подтверждаетъ ихъ убѣжденіе, такъ какъ татары-поселяне всегда были личными собственниками своихъ общественныхъ земель и только съ изданіемъ этого положенія они ограничены въ своемъ правѣ словами, „продавать и инымъ способомъ передавать земли въ постороннія руки „*отнынѣ*“ имъ воспрещается“.

Какъ ни остроумны приведенные доводы защитниковъ полной татарской собственности на общественныя земли, однако стоитъ только просто подойти къ предмету ихъ и объяснить § 9 по его буквальному содержанію, чтобы всякая убѣдительность приведенныхъ доводовъ исчезла окончательно. По содержанію означеннаго параграфа собственность татаръ составляютъ, во-первыхъ, земли общественныя, а, во-вторыхъ, земли, принадлежащія имъ на правѣ частной собственности. Что такое общественная собственность и кто является субъектомъ ея, опредѣлено въ § 10, передъ которымъ поставленъ заголовокъ— „о земляхъ общественныхъ казенныхъ“, а что такое частная собственность и изъ чего она слагается, это опредѣляется § 11 и слѣд., передъ которымъ стоитъ заголовокъ, „о земляхъ, составляющихъ частную собственность татаръ“. Итакъ, совершенно просто: первоначально законъ опредѣляетъ, изъ чего слагается собственность татарскаго населенія вообще, и говоритъ, что она слагается изъ земель общественныхъ, „принадлежащихъ цѣлымъ селеніямъ татаръ казеннаго вѣдомства, и изъ земель частныхъ, (§ 9), затѣмъ законъ послѣ заголовка: „о земляхъ общественныхъ казенныхъ“ даетъ точное указаніе этого рода собственности и еще разъ повторяетъ, что эта собственность принадлежитъ не каждому въ отдѣльности, даже если бы было и паевое владѣніе землею, а цѣлому селенію (§ 10). Далѣе стоитъ заголовокъ: „о земляхъ, составляющихъ частную собственность татаръ“, и законъ подробно разсматриваетъ этотъ видъ собственности въ слѣдующихъ семи параграфахъ. Естественнѣе этого и проще нельзя было исполнить лежащую на законодателѣ задачу. Отсюда слѣдуетъ, что татарское населеніе помимо отдѣльной частной собственности каждаго имѣетъ еще и собственность общественную, которая принадлежитъ не отдѣльнымъ членамъ общества, а всѣмъ имъ въ совокупности. И такой взглядъ безусловно вѣренъ, какъ основанный на исторіи края и его законоположеніяхъ. Онъ доказы-

вается: во-первыхъ, укладомъ всей жизни татаръ до подчиненія ихъ Россіи—значитъ, за нимъ необходимо признать историческое основаніе; во-вторыхъ, онъ вполнѣ отвѣчаетъ клятвенному обѣщанію завоевательницы края „содержать татаръ наравнѣ съ русскими подданными"; въ-третьихъ, онъ вполнѣ согласуется съ содержаніемъ всего русскаго законодательства, изданнаго до 1827 г., и наконецъ, въ-четвертыхъ, онъ нисколько не расходится съ содержаніемъ § 10 положенія 1827 г. и имъ не опровергается, какъ это стараются доказать защитники личной собственности татаръ на ихъ общественныя земли.

Изъ предыдущаго было видно, что при ханахъ татары, кромѣ мелкихъ участковъ, принадлежавшихъ имъ въ собственность по принципу оживленія, не имѣли другой земельной собственности; основнымъ занятіемъ ихъ было скотоводство, и ихъ скотъ свободно выпасался вездѣ. Общество деревни Отузъ жаловалось въ 1612 г. Джаныбекъ Гирей хану на притѣсненіе мурзъ Челеби выпасать на ихъ землѣ общественный скотъ, говоря: „въ крымскомъ вилайетѣ никогда не было подъ твоимъ владѣніемъ платы за пастьбу; каждый изъ насъ имѣетъ извѣстное количество овецъ, и ходятъ онѣ близъ Сарыкан, иногда близъ Крыма, иногда въ другихъ мѣстахъ, а иногда переходятъ и на землю худавендикъ-яръ (фиска), и никогда за это никто со временъ отцовъ и дѣдовъ не бралъ платы". И ханъ подтвердилъ ихъ слова, предписавъ не притѣснять жителей. „Въ нашемъ вилайетѣ",—говоритъ онъ,—„нѣтъ платы за пастьбу овецъ; ходятъ онѣ, гдѣ угодно, дозволяется пасти ихъ на всѣхъ пастбищахъ" [1]). Въ другомъ мѣстѣ по такому же поводу мы читаемъ: „въ этой странѣ нѣтъ платы за пастьбу овецъ и ни при одномъ ханѣ не существовало ея. Да не будетъ этого и въ наше время... Если же какимъ-либо образомъ получится отъ нашего правительства ярлыкъ, пусть не служитъ онъ руководствомъ: пусть руководствуются только этимъ высочайшимъ повелѣніемъ" [2]). Не повторяя другихъ доказательствъ отсутствія при ханахъ права собственности татаръ на общественныя земли, спросимъ: какимъ образомъ совмѣстить неограниченную собственность съ свободнымъ правомъ выпасать свой скотъ „на всѣхъ пастбищныхъ мѣстахъ"?

Главное же доказательство того, что общественныя татарскія земли лишены основнаго элемента права полной собственности— „продавать и другими способами передавать въ постороннія руки",—

---

[1]) Изъ сакъ 1017—1022 (1608/1609—1613 г. Р. Х.).

[2]) Изъ тѣхъ же сакъ.

находится въ самомъ положеніи и редакціи § 10. Буквальное содержаніе его не можетъ вызывать двухъ мнѣній, а заголовокъ, передъ этимъ параграфомъ стоящій, неоспоримо свидѣтельствуетъ о томъ, въ пользу кого допущено ограниченіе продажи общественныхъ татарскихъ земель. Такимъ образомъ заголовокъ: „о земляхъ общественныхъ казенныхъ“—не неудачное сокращеніе § 9, а полный смысла и опредѣленной цѣли заголовокъ § 10. Что же касается заключительныхъ словъ послѣдняго параграфа, указывающихъ будто бы на то, что до изданія положенія 1827 г. общественныя татарскія земли можно было свободно продавать, такъ какъ запрещено это только означеннымъ положеніемъ, то и это не болѣе какъ простое недоразумѣніе.

Достаточно вспомнить донесеніе Таврической палаты гражданскаго суда отъ 6 сентября 1796 г. за № 627 правителю Екатеринославскаго намѣстничества Хорвату и представленіе областнаго прокурора тому же лицу отъ 13 декабря 1795 г., чтобы недоразумѣніе это вполнѣ выяснилось. Первая, какъ мы видѣли, въ вопросѣ о продажѣ татарами общественныхъ земель практиковала разъ навсегда принятый взглядъ „купчихъ, закладныхъ и другихъ сдѣлокъ не совершать“, а второй, раздѣляя вполнѣ этотъ взглядъ палаты, объявилъ объ этомъ казенныхъ дѣлъ областному стряпчему, „дабы онъ поступалъ по должности своей въ Высочайшихъ о губерніяхъ учрежденіяхъ изображенной“. Что означенный взглядъ практиковался всегда, это очевиднѣе всего доказывается запискою губернскаго секретаря Мемета Мурзы Крымтаева, поданной имъ Новороссійскому генералъ-губернатору и всецѣло послужившей основаніемъ Высочайше утвержденному мнѣнію Государственнаго Совѣта, изданному 22 ноября 1828 г. „въ поясненіе нѣкоторыхъ параграфовъ Высочайше изданнаго положенія 28 сентября 1827 г.

Въ запискѣ этой повѣренный крымскихъ беевъ и мурзъ губернскій секретарь Крымтаевъ пишетъ: „что до состоянія положенія 1827 г. многіе помѣщики купили у татаръ земли (общественныя), заплатили за нихъ деньги, вступили во владѣніе и теперь владѣютъ оными безспорно, на что имѣютъ разные акты и другія доказательства, но не успѣли еще по обстоятельствамъ совершить купчихъ крѣпостей, и хотя.... въ совершеніи купчихъ крѣпостей на земли, купленныя до состоянія Высочайшаго 28 сентября 1827 г. положенія..., не должно допускать никакого сомнѣнія тѣмъ болѣе, что въ § 10 положенія именно сказано, что продажа самыхъ общественныхъ земель отнынѣ запрещается: но какъ не менѣе того про-

исходятъ со стороны присутственныхъ мѣстъ нѣкоторыя затрудненія, то крымскіе владѣльцы испрашиваютъ по сей статьѣ точнаго и удовлетворительнаго разрѣшенія". Во вниманіе къ этому Государственный Совѣтъ, въ разъясненіе § 10 положенія 1827 г., мнѣніемъ 22 ноября 1828 г. положилъ: „что на запроданные татарами до состоянія означеннаго положенія участки, по представленіи о томъ надлежащихъ доказательствъ, могутъ быть совершаемы купчія крѣпости безпрепятственно, и содержащееся въ § 10 запрещеніе должно имѣть силу и дѣйствіе свое токмо съ изданія онаго" [1]). Такимъ образомъ даже и по изданіи положенія 1827 г. со стороны присутственныхъ мѣстъ происходили затрудненія въ совершеніи купчихъ крѣпостей на общественныя земли, купленныя до состоянія положенія 1827 г., какъ объ этомъ свидѣтельствуетъ несомнѣнно компетентное лицо; значитъ, до изданія означеннаго положенія, указанныя выше затрудненія со стороны присутственныхъ мѣстъ происходили и подавно. Вотъ почему мнѣніе Государственнаго Совѣта о поясненіи § 10 положенія 1827 г. и самое правило, въ этомъ параграфѣ преподанное, являются не нововведеніемъ въ законодательство Крыма, а освященіемъ того, что въ немъ всегда было принято, но незаконно нарушалось и осложняло земельныя отношенія жителей. Изъ нежеланія разорить многихъ покупщиковъ и обогатить на ихъ счетъ многихъ продавцовъ, изъ которыхъ многіе къ тому времени бѣжали въ Турцію, положеніе 1827 г. прибѣгаетъ къ слову „отнынѣ" только ради того, чтобы ни у кого не осталось никакого болѣе сомнѣнія въ возможности или невозможности пріобрѣтать татарскія общественныя земли. Что же касается совершившагося до его изданія, то объ этомъ, какъ мы видѣли, потребовалось новое положеніе, которое опиралось на необходимость оформить совершившіяся продажи и обезпечить наличное фактическое владѣніе землями, собственники которыхъ, какъ это мы знаемъ изъ исторіи края, подъ-часъ и не могли бы воспользоваться запроданнымъ, такъ какъ, по запродажѣ своихъ общественныхъ земель, бѣжали въ Турцію.

Наконецъ, если даже и отвергнуть справедливость приведенныхъ доводовъ, то и тогда получится, что со времени изданія положенія 1827 г. общественныя татарскія земли уже безспорно изъяты закономъ изъ собственности обществъ и подчинены дѣйствію общаго закона, по которому верховнымъ собственникомъ крестьян-

[1]) Полн. Собр. Зак. № 2444.

скихъ земель считается казна, а общества имѣютъ на нихъ только право владѣнія и пользованія (432 ст. X т. 1 ч.). Въ отношеніи земель крымскихъ татаръ это тѣмъ болѣе справедливо, что неоспоримо доказывается всѣми дальнѣйшими параграфами положенія 1827 г.—За § 10, какъ мы видѣли, слѣдуетъ заголовокъ: „о земляхъ, составляющихъ частную собственность татаръ", а затѣмъ въ §§ 11—17 включительно установлено: 1) что земли этого рода или заселены татарами, или составляютъ особые участки и угодья, находящіеся внутри казенныхъ, общественныхъ и помѣщичьихъ дачъ (§ 11). Приведенный параграфъ важенъ въ томъ отношеніи, что признаетъ частную собственность среди общественной и, значитъ, разграничиваетъ эти виды собственности, что̀ было бы совершенно лишнимъ, если бы общественная собственность татаръ принадлежала имъ, а не казнѣ. Означенные участки состоятъ „изъ лѣсныхъ угодій, садовъ, огородовъ и имѣющихся въ нихъ луговъ, также изъ небольшихъ загороженныхъ пашенъ, именуемыхъ тогаями" (§ 15), словомъ, это тотъ видъ собственности, который пріобрѣтался еще при ханахъ по принципу оживленія природы и потому всегда состоялъ изъ мелкихъ участковъ и который наблюдается и теперь въ особенности на южномъ берегу Крыма и въ сѣверной нагорной части его. „Если",—говорится далѣе,—„татары имѣютъ ясныя на эти участки доказательства, разсмотрѣнныя и утвержденныя бывшей Крымской коммисіею, то и должны они оставаться навсегда за ними крѣпкими, съ представленіемъ имъ полнаго права продавать, закладывать и другими способами отчуждать (§ 16). Итакъ для полной татарской земельной собственности требуются по разсматриваемому закону не только ясныя доказательства на принадлежность ея, но еще и то, чтобы доказательства эти были разсмотрѣны и утверждены бывшею въ Крыму коммисіею. А такъ какъ всѣ дѣла коммисіи сохранились до настоящаго времени, то, при желаніи, не трудно во всякое время съ точностью и на самомъ строго-законномъ основаніи опредѣлить не только размѣръ частной земельной собственности татаръ, но и владѣльцевъ ея. Здѣсь необходимо однако замѣтить, что „въ поясненіи, изданномъ 22 ноября 1828 г.", приведенное требованіе § 16 ограничено только тѣми дачами, по которымъ возникли споры, разсмотрѣнные коммисіею, „по прочимъ же дѣламъ могутъ быть пріемлемы другія законныя доказательства". Что̀ собственно нужно разумѣть подъ законными доказательствами, это, къ сожалѣнію, можно вывести только по аналогіи. Наравнѣ съ поименованными землями въ част-

ную собственность татаръ, по содержанію § 12, принадлежатъ также „земли, находящіяся подъ селеніями татаръ казеннаго вѣдомства“, буде они имѣютъ на принадлежность ихъ также законныя доказательства. „Впрочемъ“,—оговаривается въ слѣдующемъ § 13,—„отчужденія въ постороннія руки сихъ участковъ не иначе могутъ быть совершаемы, какъ съ дозволенія Таврическаго правительства казенной экспедиціи, которая, разсмотрѣвъ документы на дѣйствительную принадлежность сихъ земель и сообразивъ количество оныхъ съ числомъ жителей того селенія,... дабы удостовѣриться, не нужны ли онѣ для нихъ самихъ, представляетъ о томъ на разсмотрѣніе министра финансовъ“. Исключеніе изъ этого правила сдѣлано лишь только для тѣхъ земель, „на кои татары имѣютъ новѣйшіе, послѣ 1794 г. состоявшіеся, документы, въ таврическихъ присутственныхъ мѣстахъ законнымъ порядкомъ совершенные или утвержденные“ (§ 14). Не будетъ поэтому ошибочнымъ заключить, что подъ выраженіемъ законодательнаго акта 1827 г. „законныя доказательства“ нужно разумѣть только письменные документы.

Означенный выводъ подтверждается также и слѣдующимъ простымъ соображеніемъ. Отдѣлъ „о земляхъ, составляющихъ частную собственность татаръ“, начинается § 11, который перечисляетъ виды этой собственности и указываетъ, что первый видъ ея составляютъ земли, заселенныя татарами. § 12 требуетъ для доказательства этого вида собственности законныхъ доказательствъ. § 13 устанавливаетъ необходимость при отчужденіи дозволенія Таврическаго правительства казенной экспедиціи и неопредѣленное выраженіе предыдущаго параграфа „законныя доказательства“ замѣняетъ вполнѣ опредѣленнымъ выраженіемъ—„документы“, а § 14 повторяетъ это выраженіе. Въ виду этого въ § 16 законодатель уже, не рискуя быть неправильно понятымъ, могъ свободно употребить выраженіе—законныя доказательства, справедливо полагая, что выраженіе это, какъ истолкованное имъ въ предъидущихъ параграфахъ, уже не можетъ считаться неопредѣленнымъ и неяснымъ.

Таково содержаніе одного изъ важнѣйшихъ законодательныхъ актовъ, почти дословно перешедшаго въ Сводъ законовъ 1857 г. Въ немъ законодатель, согласуя правовыя отношенія вновь покореннаго края къ землѣ съ правовыми отношеніями своего государства, первоначально перечисляетъ виды собственности. А чтобы дать полное представленіе о полной и ограниченной собственности, онъ тщательно подчеркиваетъ при самомъ этомъ перечнѣ выра-

женія: „въ земляхъ общественныхъ“ и „составляющихъ частную собственность“. Независимо отъ этого пріема подчеркиванія, онъ при опредѣленіи сущности того и другаго вида вводитъ два отдѣленія, каждое съ отдѣльнымъ заголовкомъ. Въ первомъ отдѣленіи онъ нормируетъ вопросъ объ общественныхъ земляхъ и совершенно сознательно прибавляетъ къ этому роду татарской собственности понятіе „казенной“, ограничивая этотъ видъ собственности правомъ казны еще въ самомъ заголовкѣ; а затѣмъ законодатель самымъ опредѣленнымъ образомъ запрещаетъ разъ навсегда отчужденіе этой собственности, такъ какъ это право принадлежитъ казнѣ. Во второмъ отдѣлѣ онъ разсматриваетъ вопросъ о частной собственности и совершенно опредѣленно отличаетъ этотъ видъ собственности отъ ранѣе разсмотрѣнной тѣмъ, что допускаетъ свободное отчужденіе ея при наличности двухъ условій; дозволенія Таврическаго правительства казенной экспедиціи и документовъ на право собственности. Болѣе опредѣленно разрѣшить трудную задачу согласованія татарскаго строя съ русскимъ, чѣмъ это сдѣлано законодателемъ въ положеніи 1827 г., и нельзя было, если принять во вниманіе тѣ условія, съ которыми приходилось считаться составителю его. Вотъ объясненіе, почему нормы этого законоположенія перешли затѣмъ въ Сводъ законовъ, изъ котораго не исключены и по настоящее время. Позднѣйшее законодательство внесло только частичное измѣненіе въ указанное положеніе, но не упразднило его. Такъ, 24 января 1859 г. состоялся „именный, данный Сенату указъ, объ учрежденіи въ Симферополѣ межевой конторы и коммисіи для размежеванія земель въ Таврической губерніи [1]. Несмотря на то, что указъ этотъ имѣетъ въ своемъ основаніи „подробнѣйшія и съ мѣстнымъ положеніемъ сего края болѣе сообразныя правила къ окончательному въ немъ земель размежеванію“, выработанныя еще, какъ было сказано, въ 1820 г. особеннымъ комитетомъ; несмотря на то, что правила сіи, „бывъ разсмотрѣны въ Правительствующемъ Сенатѣ и поступивъ на уваженіе Государственнаго Совѣта, вновь въономъ соображены съ мѣстными свѣдѣніями, дополнены разными примѣчаніями и окончательно имъ исправлены“ – юридически важнаго они въ себѣ ничего не содержатъ. Законодательный актъ этотъ заслуживаетъ упоминанія о немъ при разсмотрѣніи вопроса о крымскомъ землевладѣніи только по слѣдующимъ немногимъ основаніямъ. Онъ подробно перечисляетъ тѣ

[1]) Тамъ же № 2617.

доказательства, которыя пріемлются въ Крымскомъ полуостровѣ къ утвержденію права на владѣніе. Сюда отнесены: 1) письменные крѣпостные всякаго рода документы, спору неподверженные, въ томъ числѣ и древнія грамоты; 2) планы межеванія 1802 г.; 3) планы, выданные мурзамъ, въ томъ числѣ и планы межеванія 1799 г.; 4) планы и межевыя книги, выданные новымъ помѣщикамъ, и 5) давность спокойнаго и безспорнаго владѣнія для природныхъ крымскихъ владѣльцевъ до 1783 г. а для новыхъ—въ теченіе послѣднихъ 10 лѣтъ.

Перечисленіе это важно въ томъ отношеніи, что, лишній разъ подтвердивъ необходимость представленія письменныхъ документовъ со стороны собственниковъ, оно возвратило населенію давность владѣнія, какъ способъ доказательства собственности—способъ, который игнорируетъ положеніе 1827 г., какъ совершенно непригодный.

Далѣе разсматриваемый указъ совершенно уничтожилъ результаты Екатеринославской межевой конторы, предписавъ межеваніе ея исключить изъ числа доказательствъ къ утвержденію владѣнія и перемежевать эти участки вновь. Означенная мѣра принята очевидно потому, что при названномъ межеваніи, какъ это мы видѣли, открылись многія злоупотребленія татаръ, показывавшихъ къ отводу мурзамъ не только ихъ земли, но и свои общественныя. Наконецъ этотъ указъ установилъ за правило: земли, принадлежащія цѣлымъ селеніямъ татаръ, межевать общею округою; земли, принадлежащія частнымъ лицамъ и законнымъ образомъ къ нимъ дошедшія, межевать особою чертою, и земли, по показанію татаръ, принадлежащія не цѣлому селенію вообще, а каждому изъ нихъ лично, по обыскѣ и представленіи основательныхъ доказательствъ, межевать все-же общею округою, съ означеніемъ въ экспликаціи плана количества земли каждаго владѣльца. Приведенное правило важно въ томъ отношеніи, что благодаря ему можно и въ настоящее время во многихъ случаяхъ безошибочно рѣшить вопросъ: составляетъ ли извѣстная площадь земли общественную собственность, или наоборотъ она принадлежитъ отдѣльнымъ лицамъ. Кромѣ только-что перечисленныхъ указаній законодательный актъ 1829 г. никакихъ другихъ не содержитъ. Въ дополненіе къ нему 21 февраля 1833 г. послѣдовалъ новый указъ „о поземельномъ правѣ въ Таврическомъ полуостровѣ и облегченіи въ ономъ межеванія“ [1]. Этотъ указъ важенъ въ томъ отношеніи, что онъ вноситъ суще-

[1]) Тамъ же № 5994.

ственное измѣненіе въ положеніе 1827 г. и въ межевую инструкцію 1829 г., и потому на немъ нельзя не остановиться. Оставляя въ полной силѣ положеніе 28 сентября 1827 г. въ отношеніи къ степной части Крыма, означенный указъ допускаетъ отчужденіе земель въ горной части полуострова и на южномъ берегу его не только на основаніи документовъ, но и по 10-лѣтнему владѣнію; при чемъ при совершеніи продажи согласія казенной экспедиціи уже не требуется, а вмѣняется только въ обязательство извѣщать ее объ этомъ. Помимо этого разсматриваемый указъ предписываетъ: „за земли, продаваемыя безъ документовъ, взыскивать сверхъ установленныхъ пошлинъ деньги, положенныя по межевымъ узаконеніямъ за примѣрныя сверхъ крѣпостей земли, обращая деньги сіи въ казну на вознагражденіе издержекъ межеванія".

При продажѣ въ горной части и на южномъ берегу участковъ изъ общественныхъ выгоновъ и другихъ общественныхъ земель указъ этотъ требуетъ: „а) чтобы продаваемый участокъ составлялъ не болѣе $^1/_3$ общественной земли; б) чтобы продажа допускаема была не иначе, какъ по приговору общества, основанному на согласіи не менѣе $^2/_3$ онаго; в) чтобы продажа совершаема была съ утвержденія генералъ-губернатора, который обязанъ удостовѣриться предварительно, не произойдетъ ли чрезъ то стѣсненія обществу, а, разрѣшивъ продажу, давать знать каждый разъ министру финансовъ для свѣдѣнія; г) чтобы за сіи земли, при совершеніи купчей, взыскиваемо было въ пользу казны сверхъ крѣпостныхъ пошлинъ по 10 руб. за проданную десятину; д) чтобы деньги, вырученныя чрезъ продажу сего рода земель, обращаемы были въ пользу всего общества" (§ 5). Наконецъ при продажѣ частныхъ татарскихъ участковъ велѣно „не дѣлать различія между усадьбою и принадлежащими къ оной землями и отдѣльными угодьями".— Изъ приведеннаго содержанія указа особеннаго вниманія заслуживаетъ взысканіе денегъ въ пользу казны при продажѣ частныхъ участковъ безъ документовъ и при продажѣ земли изъ общественныхъ выгоновъ и др. общественныхъ угодій.

Разсматривать это взысканіе, какъ штрафъ, нельзя уже потому, что во всемъ указѣ нѣтъ ни одного слова или намека именно на такой характеръ взысканія денегъ въ пользу казны; необходимо поэтому заключить, что указанное взысканіе носитъ чисто гражданскій характеръ вознагражденія за уступку казною своего гражданскаго права. Соображеніе это особенно рельефно подтверждается содержаніемъ всего § 5, требованіе котораго про

ливаетъ яркій свѣтъ на все, ранѣе изданное для Крыма, законодательство по земельному праву. Принципъ этого параграфа, хотя и проходитъ красною нитью черезъ всю исторію русскаго законодательства, начиная съ перваго манифеста Екатерины II и кончая послѣднимъ рѣшеніемъ Гражданскаго Кассаціоннаго Департамента Сената по этому вопросу, однако до означеннаго времени законодатель такъ открыто, какъ это имъ сдѣлано въ разсматриваемомъ законѣ, не высказывалъ его. Помимо фактическаго участія генералъ-губернатора, какъ представителя государства, при продажѣ участковъ изъ общественныхъ выгоновъ и другихъ угодій, законъ предписываетъ вносить подесятинную плату въ казну наравнѣ съ платою въ пользу общества. Отсюда самъ собою вытекаетъ выводъ, что право общества на его общественныя земли есть право ограниченное, и притомъ не въ силу принципа попечительства государства, въ лицѣ его представителя генералъ-губернатора, а именно въ силу гражданскаго права государства на общественныя земли края. Если при этомъ въ пользу казны и взыскивалась повидимому меньшая часть продажной стоимости земли (10 руб. за десятину), то нельзя упускать изъ вида, что взысканіе это производилось съ участковъ того района, ради котораго законодатель рѣшается на всевозможныя льготы и милости. Въ другомъ же болѣе обширномъ степномъ районѣ, для котораго никакихъ льготъ не сдѣлано, очевидно и вознагражденіе должно быть другое и несомнѣнно болѣе существенное. Итакъ, право казны на татарскія общественныя земли Крыма теперь уже является безспорно доказаннымъ, и, по силѣ буквальнаго содержанія разсматриваемаго закона, казна, при желаніи воспользоваться своимъ гражданскимъ правомъ на общественныя земли Крыма, можетъ во всякое время воспользоваться имъ, такъ какъ она имѣетъ возможность документально установить: какая площадь этихъ земель продана на иныхъ, чѣмъ это указано въ разсматриваемомъ законѣ, началахъ. Для этого необходимо только установить площадь проданной всей вообще общественной земли по свѣдѣніямъ нотаріальнаго архива и площадь проданной земли послѣ закона 1833 г. по свѣдѣніямъ министерства финансовъ, куда генералъ-губернаторы доставляли ихъ по требованію § 5 указа 1833 г. Разница въ итогахъ и будетъ показателемъ незаконно и съ нарушеніемъ интересовъ казны проданной общественной земли.

Всего послѣдовавшаго затѣмъ законодательства по разсматриваемому предмету можно было бы совсѣмъ не касаться, такъ какъ оно рѣшительно никакихъ видоизмѣненій не внесло. Но позднѣе

1833 г. изданныя узаконенія наглядно развиваютъ и укрѣпляютъ сдѣланный здѣсь выводъ о значеніи и силѣ разсмотрѣнныхъ узаконеній, а потому и обойти ихъ молчаніемъ не представляется возможнымъ.

13 декабря 1836 г. взиманіе съ татаръ податей продолжено еще на 10 лѣтъ [1]). 30 апрѣля 1838 г. былъ изданъ „Высочайше утвержденный проектъ учрежденія о управленіи государственными имуществами въ губерніяхъ“ [2]). По требованію его „изъ селеній свободныхъ хлѣбопашцевъ составляются отдѣльныя отъ государственныхъ крестьянъ сельскія общества, гдѣ къ тому представляется возможность по мѣстнымъ обстоятельствамъ, въ случаѣ малолюдности, селенія сіи могутъ быть присоединены, въ видахъ управленія, и къ сельскимъ обществамъ государственныхъ крестьянъ“ (ч. IV, ст. 8). Въ примѣчаніи къ этой статьѣ говорится „о возможномъ раздѣленіи селеній христіанъ отъ магометанъ“, „если впрочемъ чрезъ сіе не будутъ нарушены условія на счетъ единства въ поземельномъ владѣніи и смежности селеній“. Выяснять значеніе приведеннаго закона излишне, такъ какъ онъ съ очевидностью устанавливаетъ за поселеніями татаръ, а слѣдовательно и за ихъ общественною собственностью, надзоръ учрежденія, которое было призвано къ жизни исключительно для сохраненія казенныхъ имуществъ.

13 іюня 1862 г. было издано „Высочайше утвержденное положеніе Комитета Министровъ о сложеніи недоимокъ, накопившихся на татарахъ-поселянахъ, удалившихся въ послѣднюю войну за границу и высланныхъ изъ Крыма во внутрь Россіи“ [3]). Изъ положенія этого видно, что министръ государственныхъ имуществъ, вслѣдствіе представленія ему Новороссійскаго и Бессарабскаго генералъ-губернатора, входилъ съ представленіемъ въ Комитетъ Министровъ о сложеніи недоимокъ; по податямъ 7798 руб. 87 к., общественному сбору 24147 р. 83½ к. и по продовольственному капиталу 2784 руб. 37 к., и недоимки эти со счетовъ сложены. Другой указъ 27 мая 1864 г. [4]) устанавливаетъ, что „при измѣненіи расходовъ изъ сборовъ съ крымскихъ татаръ, требовалось согласіе также министра государственныхъ имуществъ. Изъ приведенныхъ

---

[1]) Полн. Собр. Зак. № 10798.
[2]) Тамъ же № 11189.
[3]) Тамъ же № 38369.
[4]) Тамъ же № 40951.

указовъ безспорно явствуетъ, что татары-поселяне и платимыя ими повинности составляли всегда предметъ вѣдѣнія министерства государственныхъ имуществъ, какъ и государственные крестьяне центральныхъ губерній.

Что это именно такъ, доказывается и многими дѣлами, хранящимися въ архивѣ Таврическо-Екатеринославскаго управленія государственными имуществами. Изъ числа ихъ достаточно указать на дѣло „о землѣ дер. Карачь, Симферопольскаго уѣзда", какъ на одно изъ самыхъ характерныхъ.

10-го ноября 1860 г. за № 256 директоръ 1-го департамента, командированный по Высочайшему повелѣнію въ Таврическую губ., препроводилъ въ Таврическую палату государственныхъ имуществъ докладную записку повѣреннаго общества дер. Карачь на зависящее распоряженіе. Изъ представленной записки и изъ дальнѣйшаго разслѣдованія дѣла видно, что въ 1790 г. за обществомъ татаръ дер. Карачь было замежевано 883 дес. 344 саж. земли и межеваніе утверждено въ 1801 г. Съ того времени сельское общество и его духовенство спокойно владѣли означенною землею, пока въ 1859 г. владѣніе это не начали оспаривать мѣщане Фетлабаевы. Свою претензію послѣдніе перенесли затѣмъ въ палату государственныхъ имуществъ, представитель которой, чиновникъ для наблюденія за волостями, Визингъ, убѣдившись на мѣстѣ, что на общественной землѣ засѣянъ хлѣбъ Фетлабаевыми, наложилъ арестъ на засѣянную площадь; остальную же землю онъ принялъ въ хозяйственное распоряженіе, не стѣсняя при этомъ пользованія общества. Вскорѣ затѣмъ споръ объ общественной землѣ этой перешелъ въ судебныя учрежденія, и вотъ указъ Правительствующаго Сената отъ 31-го октября 1878 г. за № 2034 по Межевому Департаменту.

„Сообразивъ обстоятельства дѣла",—говорится въ немъ,—„съ дѣйствующими узаконеніями, Правительствующій Сенатъ находитъ: 1) по буквальному смыслу 920—925 ст. т. IX зак. о сост. частную собственность татаръ составляютъ лишь тѣ угодья, на принадлежность которыхъ они имѣютъ законные документы . . ., но такихъ документовъ ни татары дер. Карачь вообще, ни мѣщане Фетлабаевы въ частности, на владѣемыя ими въ дачѣ дер. Карачь земли не представили, напротивъ, оказывается, что дача дер. Карачь была межевана въ 1790 г. . . и межи утверждены въ 1801 г.; по этому межеванію земли, въ количествѣ 883 дес. 844 саж., замежеваны въ общее владѣніе татаръ казеннаго вѣдомства этой деревни и ихъ духовенства, безъ означенія въ картушѣ плана владѣльцевъ по

имепамъ, что не могло послѣдовать, если бы въ то время кромѣ общества татаръ казенныхъ поселянъ и ихъ духовенства были еще владѣльцы собственники, ибо, на основаніи 2 п. прилож. къ ст. 637 т. X ч. 3 зак. меж., въ картушѣ плана означаются по имени и фамиліи всѣ тѣ лица, во владѣніи которыхъ состоятъ примежеванныя къ селеніямъ земли, и 2) такимъ образомъ очевидно, что дача дер. Карачь есть казенно-общественная; по силѣ же 919 ст. т. IX земли общественныя казенныя, находясь въ общемъ владѣніи цѣлаго селенія татаръ, не составляютъ даже и въ участкахъ, каждымъ порознь владѣемыхъ, частной собственности, а суть дѣйствительно общественная принадлежность цѣлаго селенія и не могутъ быть татарами ни продаваемы, ни передаваемы другимъ способомъ въ постороннія руки.

Посему Правительствующій Сенатъ опредѣляетъ: изъ замежеванной въ дачу дер. Карачь земли оставить 30 дес. за Фетлабаевыми (принадлежали имъ въ собственность по купчей крѣпости). а всѣ остальныя во владѣніи татаръ-поселянъ, какъ казенно-общественныя, на правилахъ, установленныхъ ст. 919 IX т. и у магометанскаго духовенства".

На основаніи сего указа казна въ лицѣ уполномоченнаго управленія государственными имуществами 1-го іюня 1880 г. введена во владѣніе этою землею и получила вводный листъ отъ того же числа за № 676.

Опираясь на все изложенное и сравнивая наконецъ „права и обязанности свободныхъ сельскихъ обывателей, водворенныхъ на земляхъ казенныхъ" (ст. 107, 108, 109 и слѣд. IX т., изд. 1857 г.), съ правами и обязанностями татаръ-поселянъ, необходимо прійти къ выводу, что они совершенно одинаковы, а имущественная правоспособность тѣхъ и другихъ сельскихъ обществъ даже редактирована въ однихъ и тѣхъ же выраженіяхъ (ср., напр., 919 ст. IX т., изд. 1857 г. и § 9 пол. 1827 г.), слѣдовательно и защищаться эти имущества должны на одинаковыхъ началахъ, т. е. „правомъ казенныхъ поселянъ", какъ сказано это въ ст. 107 т. IX, изд. 1857 г., впредь до окончательнаго устройства крестьянъ согласно закона, по которому: „въ отношеніи крестьянъ, водворенныхъ на казенныхъ земляхъ, порядокъ, дѣйствовавшій до 1866 г., остается безъ измѣненія впредь до поземельнаго устройства сихъ крестьянъ на основаніи правилъ, изложенныхъ въ ст. 12—27" (а) (особ. прил. къ IX т. отд. VII о бывш. гос. кр., ст. 2).

На основаніи этихъ статей крестьянамъ выдаются владѣнныя

записи, со времени выдачи коихъ только и „прекращается участіе управленія государственными имуществами въ дѣлахъ, которыя касаются земель, въ записи вошедшихъ, затѣмъ дѣла сіи производятся на основаніи общихъ законовъ (особ. прил. къ IX т. прил. къ ст. 15, прим. 2, ст. 1).

Такъ какъ крестьяне и татары-поселяне Крыма составляютъ одну категорію подданныхъ Россіи и такъ какъ государство устроило однихъ и оставило безъ устройства другихъ, то необходимо исправить это упущеніе. Необходимо привести въ извѣстность казенно-общественныя земли въ Крыму и выдать на нихъ владѣнныя записи. Послѣднія, являясь документомъ на общественныя татарскія земли, спасутъ ихъ отъ окончательнаго расхищенія, а живущее на нихъ населеніе—отъ нищеты и полнѣйшаго разоренія. Означенная мѣра правительства въ настоящее время безотлагательно необходима уже потому, что въ ней помимо татарскаго населенія нуждаются въ равной степени всѣ правительственныя и административныя учрежденія губерніи. Судъ, администрація и полиція сплошь и рядомъ ставятся въ затрудненіе и принуждены путаться въ своей дѣятельности и противорѣчить другъ другу. Земство, нѣсколько разъ подымавшее этотъ вопросъ, принуждено теперь молчаливо мириться съ быстрымъ ростомъ безземельныхъ, уменьшить число которыхъ безсильна также и Высочайше утвержденная особая коммиссія о вакуфахъ. Однимъ словомъ, въ указанной мѣрѣ одинаково нуждаются всѣ, и чѣмъ скорѣе она будетъ осуществлена, тѣмъ болѣе всѣ будутъ признательны правительству.

Н. Бѣляевъ.

КАССАЦІОННАЯ ПРАКТИКА.

ВОПРОСЫ, РАЗРѢШЕННЫЕ УГОЛОВНЫМЪ КАССАЦІОННЫМЪ ДЕПАРТАМЕНТОМЪ ПРАВИТЕЛЬСТВУЮЩАГО СЕНАТА ВЪ 1901 ГОДУ.

(Продолженіе) [1].

Составилъ **М. П. Шрамченко.**

Уставъ уголовнаго судопроизводства.

Ст. 42. Ноября 6. По дѣлу *Воробья.*

Лѣсовладѣлецъ въ правѣ возбуждать дѣла о порубкахъ въ его лѣсѣ деревьевъ, проданныхъ на срубъ третьему лицу, такъ какъ договоръ продажи лѣса на срубъ въ извѣстный срокъ, будучи лишь договоромъ купли-продажи имущества движимаго, не устанавливаетъ для покупщика вещнаго права на тѣ деревья, пока они имъ не срублены; деревья эти, въ силу ст. 387 и 401 т. X ч. 1 зак. гражд., составляютъ принадлежность земли, на которой они растутъ, и получаютъ свойство имущества движимаго только со времени отдѣленія ихъ отъ земли покупщикомъ, который до срубки ихъ не имѣлъ на нихъ никакого права и на основаніи договора можетъ только требовать допущенія его къ рубкѣ.

Ст. 687, 697 и 705. Декабря 18. По дѣлу *Плохово.*

Прочтеніе на судѣ писемъ лицъ, отказавшихся отъ показанія на основаніи 705 ст., не составляетъ нарушенія 687 ст., если эти

---

[1]) См. Жур. Мин. Юст. Декабрь, 1901, стр. 264.

письма внесены въ протоколъ судебнаго слѣдователя, пріобщены къ дѣлу въ качествѣ вещественнаго доказательства, какъ основаніе для обвиненія или оправданія, и не были написаны взамѣнъ свидѣтельскаго показанія по тому же дѣлу.

Прочтеніе на судѣ никѣмъ не подписанной записки, въ которой излагались обстоятельства дѣла и которая была пріобщена къ дѣлу по протоколу судебнаго слѣдователя въ качествѣ вещественнаго доказательства преступленія, не составляетъ нарушенія 687 ст., опредѣленіе же ея силы и значенія, какъ доказательства, должно принадлежать присяжнымъ. Вообще подлежатъ прочтенію всѣ такіе документы, которые служатъ по дѣлу вещественнымъ доказательствомъ и пріобщены къ нему, какъ основаніе для обвиненія или оправданія, и не были даны взамѣнъ свидѣтельскихъ показаній по тому же дѣлу.

Ст. 751. Декабря 18. По дѣлу *Плохово.*

Хотя ст. 751 обязываетъ судъ къ постановкѣ на разрѣшеніе присяжныхъ засѣдателей дополнительнаго альтернативнаго вопроса, сверхъ вопросовъ, постановленныхъ по выводамъ обвинительнаго акта, если онъ признаетъ, что къ постановкѣ такого вопроса даютъ основанія судебное слѣдствіе и заключительныя пренія сторонъ (рѣш. 1867 г. № 306), но само собою разумѣется, что этотъ дополнительный вопросъ не можетъ быть предлагаемъ объ обстоятельствахъ безразличныхъ или не могущихъ имѣть никакихъ юридическихъ послѣдствій. Поэтому, напр., при постановкѣ судомъ на разрѣшеніе присяжныхъ вопроса о виновности отца въ истязаніи своей дочери (1489 ст. улож.) не можетъ быть допущена постановка, сверхъ сего, дополнительнаго альтернативнаго вопроса о виновности его въ нанесеніи своей дочери простыхъ побоевъ, какъ вопроса вполнѣ безразличнаго, ибо 168 ст. 1 ч. X т. Свод. зак. не дозволяетъ въ личныхъ обидахъ или оскорбленіяхъ принимать отъ дѣтей на родителей какого-либо иска, въ какомъ бы то ни было порядкѣ.

Ст. 1088 и 1091. Декабря 4. По дѣлу *Халко.*

Объѣздчики корчемной стражи по преступленіямъ должности должны подлежать преслѣдованію въ особомъ порядкѣ, установленномъ 1088 и 1091 ст. уст. угол. суд. для должностныхъ лицъ, такъ какъ

въ уставѣ уголовнаго судопроизводства въ раздѣлѣ о судопроизводствѣ по преступленіямъ должности (ст. 1066—1123) относительно чиновъ корчемной стражи никакихъ изъятій не постановлено.

Уставъ о наказаніяхъ, налагаемыхъ мировыми судьями.

Ст. 142. Декабря 18. По дѣлу *Ванъковскаго.*

Дѣяніе обвиняемаго, выразившееся въ томъ, что, ѣдучи по шоссе на возу въ одну сторону съ потерпѣвшимъ и не желая дозволить сему послѣднему опередить себя, препятствовалъ ему, несмотря на требованіе пропустить его, свободно проѣхать по дорогѣ, загораживая путь своими лошадьми и возомъ и становясь ему поперекъ дороги,—заключаетъ въ себѣ всѣ признаки насилія и должно быть подведено подъ дѣйствіе 142 ст., замѣнившей, согласно Высочайше утвержденному 27 декабря 1865 г. мнѣнію Государственнаго Совѣта о согласованіи уложенія о наказаніяхъ съ Высочайше утвержденнымъ 20 ноября 1864 г. уставомъ о наказаніяхъ, ст. 2108 улож. наказ. изд. 1857 г., которая предусматривала подобнаго же рода проступокъ—удержаніе кого-либо въ мѣстѣ, гдѣ онъ остаться не желаетъ, посредствомъ явнаго или тайнаго увода лошадей, порчи повозокъ или иными средствами для препятствованія его отбытію.

Ст. 155. Декабря 4. По дѣлу *Бравве.*

По точному смыслу 155 ст. уст. наказ. опредѣленнымъ ею взысканіямъ и наказаніямъ подвергаются самовольные порубщики чужаго лѣса, съ какою бы цѣлью они ни совершали такія порубки, за исключеніемъ лишь случаевъ, указанныхъ въ ст. 9 10 и 157 того же устава. Поэтому порубка сознательная, а не случайная, безъ всякой неосторожности или небрежности, и не учиненная по крайней необходимости въ починкѣ проѣзжающими въ лѣсу ихъ экипажа, ни въ какомъ случаѣ не можетъ не влечь за собою отвѣтственности по ст. 155 и 158[1] уст. наказ., хотя бы срубленныя деревья и не были увезены изъ лѣса и вообще не были обращены самовольнымъ порубщикомъ въ свою пользу. Такимъ образомъ отсутствіе въ дѣяніи самовольнаго порубщика корыстной цѣли воспользоваться чужимъ имуществомъ и совершеніе имъ порубки, напримѣръ, съ намѣреніемъ лишь нанести вредъ лѣсовладѣльцу не есть закон-

ное основаніе для освобожденія его отъ означенной отвѣтственности. Не можетъ оставаться безотвѣтственною и самовольная рубка лѣса частными землемѣрами для проведенія границъ по одностороннему порученію кого-либо изъ дачевладѣльцевъ, т. е. безъ согласія на это смежныхъ владѣльцевъ, въ имѣніяхъ которыхъ производится межеваніе или возобновленіе границъ или межевыхъ признаковъ этихъ имѣній, такъ какъ въ силу ст. 471 т. X ч. 2 изд. 1893 г. и преподанныхъ на основаніи ея министерствомъ юстиціи правилъ (Собр. Узак. 1899 г. ст. 863) одностороннія распоряженія дачевладѣльцевъ о возобновленіи ихъ межъ, посредствомъ даже чиновъ межеваго вѣдомства, не дозволяются и должны считаться самовольными.

Уставы объ акцизныхъ сборахъ.

Ст. 630 прим. 2 и ст. 1037. Ноября 20. По дѣлу *Лачиныхъ*.

Примѣч. 2 къ ст. 630, разрѣшая домашнюю выдѣлку папиросъ, главнымъ условіемъ этого разрѣшенія ставитъ удовлетвореніе исключительно личной потребности квартирохозяина и его семьи; несоблюденіе же этого существеннаго условія служитъ основаніемъ для законнаго предположенія о предназначеніи папиросъ домашней выдѣлки для сбыта на сторону, что̀ и выражено въ ст. 1037 уст. акц. сбор., гдѣ цѣль сбыта прямо противополагается предназначенію папиросъ для личнаго употребленія, вслѣдствіе чего понятіе сбыта, не обусловленное въ табачно-акцизномъ законѣ какими-либо общими или спеціальными признаками собственно торговаго оборота, объемлетъ всю совокупность цѣлей, не соотвѣтствующихъ указанному требованію 2 прим. къ ст. 630. Поэтому лицо, занимавшееся домашнею выдѣлкою папиросъ не для себя, а по заказу постороннихъ лицъ, хотя бы изъ обандероленнаго табаку самихъ заказчиковъ, должно подлежать отвѣтственности, опредѣленной 2 ч. 1037 ст. уст. акц. сбор.

Ст. 937 (прим. 2) прилож. ст. 2. Октября 23. По дѣлу *Табакина*.

Подъ упоминаемыми въ ст. 2 прилож. къ ст. 937 (примѣч. 2) уст. акц. сб. лицами, занимающимися выдѣлкою крѣпкихъ напитковъ или торговлею оными, слѣдуетъ разумѣть собственниковъ, арен-

даторовъ и служащихъ тѣхъ заводовъ, которые заявлены акцизному надзору, а также содержателей заведеній и ихъ приказчиковъ или сидѣльцевъ, торгующихъ крѣпкими напитками съ надлежащаго разрѣшенія, по установленнымъ на сей предметъ документамъ, но отнюдь не лицъ, тайно выдѣлывающихъ означенные напитки или торгующихъ оными безъ надлежащаго разрѣшенія, къ каковому заключенію приводитъ то обстоятельство, что ст. 2 прилож. къ ст. 937 уст. акц. сб., какъ это видно изъ соображеній Министра Финансовъ, высказанныхъ по содержанію проекта правилъ о взысканіяхъ за нарушенія положенія о казенной продажѣ питей въ представленіи его въ Государственный Совѣтъ, замѣняетъ въ раіонѣ казенной продажи питей, между прочимъ, ст. 975 того же устава, предусматривающую пріобрѣтеніе, храненіе или сбытъ неоплаченныхъ акцизомъ питей, съ знаніемъ сокрытія оныхъ отъ оплаты акцизомъ, при чемъ эта послѣдняя статья, такъ же, какъ и ст. 2, опредѣляетъ различныя наказанія, болѣе строгія для лицъ, поименованныхъ въ ст. 1001 уст. акц. сб., т. е. заводчиковъ, содержателей заведеній для торговли крѣпкими напитками и т. п., и менѣе строгое для лицъ, не занимающихся выдѣлкою крѣпкихъ напитковъ или торговлею оными.

Ст. 937, прилож. ст. 4. Декабря 4. По дѣлу *Натиной.*

Храненіе вина и другихъ спиртныхъ напитковъ въ квартирѣ, имѣющей непосредственную связь съ домомъ терпимости, должно быть подведено подъ дѣйствіе ст. 4 прилож. къ ст. 937 уст. акц. сбор., такъ какъ, хотя въ домѣ терпимости нѣтъ купли и продажи предметовъ, имѣющихъ значеніе товара въ общепринятомъ значеніи сего слова, и не производится ни одной изъ свойственныхъ торговлѣ операцій, прямо предусмотрѣнныхъ въ ст. 214 уст. прям. налог. и въ полож. о госуд. промысл. нал., но несомнѣнно, однакоже, что по существу своему содержаніе домовъ терпимости должно быть причислено къ занятіямъ торговопромышленнымъ. Лица, затратившія капиталъ на устройство заведеній сего рода и затѣмъ эксплоатирующія оныя, извлекаютъ здѣсь торговую выгоду частью изъ непотребства другихъ (рѣш. Общ. Собр. I и Кассац. Деп. 1892 г. № 7), а главное изъ предоставленія во временное пользованіе посѣтителей этихъ притоновъ помѣщенія съ болѣе или менѣе значительными и соотвѣственно оплачиваемыми удобствами. Съ этой стороны содержаніе домовъ терпимости ближе всего подходитъ къ

содержанію меблированныхъ комнатъ безъ стола и крѣпкихъ напитковъ, которое 214 ст. уст. прям. налог. прямо причисляется къ дѣйствіямъ торговымъ. Препятствіемъ къ признанію домовъ терпимости торговыми заведеніями не можетъ служить и то обстоятельство, что заведенія сего рода не снабжаются торговыми документами, такъ какъ отсутствіе торговыхъ документовъ у лица, производящаго операціи по существу торговыя, при разрѣшеніи вопроса о примѣнимости къ нему законовъ о взысканіяхъ за нарушеніе акцизныхъ уставовъ никакого значенія имѣть не можетъ (рѣш. Угол. Касс. Деп. 1869 г. № 594, 1900 г. № 21 и др.).

Ст. 944. Ноября 6. По дѣлу *Гофера*.

Ст. 944 уст. акц. сб., предусматривая внѣ-заводскую выдѣлку питей вообще, объемлетъ всю совокупность акцизныхъ издѣлій питейнаго промысла, въ томъ числѣ и спиртоочистительное дѣло. Поэтому противозаконная, внѣ-заводская отгонка спирта изъ политуры должна быть подведена подъ дѣйствіе 944 ст. означеннаго устава.

Ст. 980 и 981. Октября 23. По дѣлу *Табакина*.

Содержаніе правилъ о взысканіяхъ за нарушенія положенія о казенной продажи питей приводитъ къ тому заключенію, что въ раіонѣ казенной продажѣ питей ст. 980 и 981 уст. акц. сб., предусматривающія безпатентную продажу крѣпкихъ напитковъ, не могутъ быть примѣняемы ни къ продажѣ, безъ надлежащаго разрѣшенія, спирта и водочныхъ издѣлій, пріобрѣтенныхъ изъ мѣстъ казенной продажи питей, ни къ сбыту или продажѣ тѣхъ же напитковъ, пріобрѣтенныхъ въ мѣстностяхъ, находящихся внѣ означенныхъ раіоновъ, такъ какъ дѣянія эти предусмотрѣны ст. 2 и 3 названныхъ правилъ, каковое заключеніе подтверждается соображеніями Министра Финансовъ, высказанными по содержанію проекта упомянутыхъ правилъ въ представленіи его Государственному Совѣту. Хотя же въ этихъ правилахъ совершенно не упоминается о противозаконной продажѣ спирта, вина и водочныхъ издѣлій въ видѣ промысла, но это объясняется тѣмъ, что новый законъ въ нѣкоторыхъ случаяхъ даже за продажу въ первый разъ, безъ надлежащаго разрѣшенія, вышеперечисленныхъ напитковъ

караетъ виновнаго строже, чѣмъ ст. 981, а за повтореніе сихъ нарушеній опредѣляетъ тюремное заключеніе до восьми мѣсяцевъ, тогда какъ 981 ст. уст. акц. сб. подвергаетъ виновныхъ въ безпатентной, въ видѣ промысла, продажѣ крѣпкихъ напитковъ заключенію въ тюрьмѣ только на время отъ двухъ до четырехъ мѣсяцевъ.

Уставъ строительный.

Ст. 203, изд. 1900 г. Декабря 4. По дѣлу *Тульчинскихъ.*

Ст. 203 относится исключительно до строеній, имѣющихъ надъ первымъ (каменнымъ) этажемъ другое деревяное жилое помѣщеніе, но ни въ уставѣ строительномъ, ни въ другихъ дѣйствующихъ узаконеніяхъ воспрещенія устраивать деревяныя лѣстницы внутри каменныхъ домовъ въ два этажа не содержится, и таковое воспрещеніе, какъ то разъяснено Первымъ Департаментомъ Правительствующаго Сената въ опредѣленіи отъ 16 марта 1883 г., сообщенномъ губернскимъ начальствамъ для надлежащаго въ потребныхъ случаяхъ руководства, можетъ быть установлено лишь путемъ изданія въ установленномъ порядкѣ обязательнаго для мѣстныхъ жителей постановленія.

Законъ 12 іюня 1900 г. объ отмѣнѣ ссылки. Декабря 4. По дѣлу *Комарова.*

Такъ какъ закономъ 12 іюня 1900 г. ссылка на поселеніе въ Сибирь вовсе исключена изъ числа наказаній, опредѣляемыхъ дѣйствующимъ уложеніемъ о наказаніяхъ, то въ приговорахъ суда въ подлежащихъ случаяхъ должно указывать не ст. 20 улож. наказ., а замѣнившую ее ст. 2 временныхъ правилъ въ той ея части, которая опредѣляетъ наказаніе, положенное за судимое дѣяніе этимъ закономъ вмѣсто ссылки на поселеніе. Примѣненіе же наказаній, назначенныхъ взамѣнъ ссылки на поселеніе, должно слѣдовать тѣмъ правиламъ, какія для нихъ указаны въ законѣ, и вполнѣ независимо отъ того наказанія, вмѣсто котораго они новымъ закономъ установлены, какъ это было уже указано Правительствующимъ Сенатомъ въ рѣшеніи 1901 г. № 14, при чемъ Сенатъ разъяснилъ, что отдача въ арестантскія отдѣленія, замѣнившая ссылку на поселе-

ніе и соединенная съ потерею лишь особыхъ правъ и преимуществъ, составляетъ наказаніе не уголовное, а исправительное, и что при назначеніи этого наказанія, замѣнѣ его тюрьмою и сокращеніи сроковъ заключенія,—должно слѣдовать тому же порядку, какъ и при назначеніи арестантскихъ отдѣленій по ст. 31 улож. наказ. Посему, напр., судъ, признавъ несовершеннолѣтняго обвиняемаго подлежащимъ отвѣтственности по ст. 2 временныхъ правилъ, при назначеніи ему наказанія, не имѣетъ права руководствоваться ст. 139 улож., относящеюся къ наказаніямъ уголовнымъ, а обязанъ примѣнить къ нему ст. 140 улож., съ замѣной и уменьшеніемъ назначеннаго наказанія по правиламъ, въ сей статьѣ указаннымъ.

ОБЗОРЪ ИНОСТРАННАГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА.

Германскій законъ 19 іюня 1901 г. объ авторскомъ правѣ на музыкальныя и литературныя произведенія.

Въ 1899 г. многочленная коммисія, состоявшая какъ изъ представителей науки, такъ и писателей и различныхъ издателей и дирижеровъ, выработала проектъ авторскаго права на смѣну дѣйствовавшему тогда общеимперскому закону 11 іюня 1870 г. Въ ноябрьской книгѣ „Журнала Министерства Юстиціи" за 1899 г. мы сообщили содержаніе этого проекта, указавъ, что онъ является образцомъ законодательной техники и умѣлаго сочетанія покровительства интересамъ автора съ охраненіемъ интересовъ общественнаго просвѣщенія.—Рейхстагъ призналъ всѣ важнѣйшія начала, положенныя въ основу проекта, правильными и при обсужденіи ограничился внесеніемъ частичныхъ поправокъ, имѣющихъ, однако, громадную практическую важность.—Кромѣ того рейхстагъ пошелъ еще дальше проекта въ дѣлѣ обобщенія правилъ, касающихся произведеній всѣхъ родовъ. Любопытно еще отмѣтить быстроту законодательнаго процесса. Не прошло двухъ лѣтъ, какъ проектъ сталъ закономъ и въ настоящее время вступилъ уже въ дѣйствіе.

Отдѣлъ первый.—Условія защиты.

§ 1. По правиламъ настоящаго закона защита оказывается: 1) авторамъ сочиненій и статей или рѣчей, издаваемыхъ въ цѣляхъ обученія, развитія или развлеченія, 2) авторамъ музыкальныхъ произведеній и 3) авторамъ такихъ научныхъ и техническихъ изобра-

женій, которыя, по основной своей цѣли, не могутъ быть разсматриваемы, какъ художественныя произведенія. Къ изображеніямъ относятся также и изображенія пластическія.

§ 2. Авторомъ произведенія считается его составитель. Авторомъ перевода считается переводчикъ, всякой другой обработки—тотъ, кто ее совершилъ.

§ 3. Юридическія лица публичноправныя, опубликовывающія произведенія въ качествѣ его редактора, считаются его авторомъ, если на заглавномъ листѣ или въ предисловіи, или въ посвященіи, или въ концѣ произведенія не указанъ составитель, при условіи, что объ этомъ не состоялось какого-либо иного соглашенія.

§ 4. Авторомъ сборниковъ, состоящихъ изъ отдѣльныхъ статей нѣсколькихъ лицъ, считается редакторъ, а если послѣдній не названъ,—то издатель заступаетъ мѣсто редактора.

§ 5. Если литературное произведеніе сочетается съ музыкальнымъ или съ изображеніемъ, то авторомъ каждаго изъ нихъ и послѣ такого соединенія считается его составитель.

§ 6. Если произведеніе составлено нѣсколькими лицами такъ, что трудъ каждаго въ отдѣльности не можетъ быть выдѣленъ, то всѣ они признаются соавторами въ доляхъ по правиламъ Гражданскаго уложенія объ общей собственности.

§ 7. Если въ вышедшемъ въ свѣтъ сочиненіи указано на заглавномъ листѣ, въ посвященіи, предисловіи или въ концѣ, имя составителя, то онъ и предполагается авторомъ онаго. Если же сочиненіе состоитъ изъ нѣсколькихъ статей, то достаточно, чтобы имя составителя было указано въ началѣ или въ концѣ статьи. Авторомъ сочиненій, изданныхъ анонимно или подъ псевдонимомъ, считается редакторъ; если таковой не указанъ, то полномочіе охранять авторское право переходитъ къ издателю. Авторомъ произведеній, которыя до или послѣ изданія публично представлены или изустно прочитаны, считается тотъ, кто въ объявленіяхъ о представленіи или прочтеніи указанъ его составителемъ.

§ 8. Авторское право переходитъ къ наслѣдникамъ. Если законнымъ наслѣдникомъ является казна или другое юридическое лицо, то авторское право прекращается со смертью наслѣдодателя. Авторское право можетъ быть передаваемо въ ограниченномъ размѣрѣ или въ полномъ объемѣ третьимъ лицамъ. Въ частности допускается ограниченіе въ томъ смыслѣ, что право распространенія сочиненія точно опредѣляется извѣстнымъ пространствомъ.

§ 9. Въ случаѣ перехода авторскаго права, пріобрѣтатель онаго,

поскольку не состоялось иного соглашенія, не въ правѣ дѣлать какія-либо дополненія, сокращенія или вообще какое-либо измѣненіе ни въ самомъ сочиненіи, ни въ заглавіи его, ни въ подписи автора. Допускаются такія измѣненія, на внесеніе коихъ управомоченный не можетъ по доброй совѣсти отказать въ своемъ согласіи.

§ 10. Принудительное исполненіе по отношенію къ авторскому праву или его произведенію не допускается противъ самого автора безъ его на то согласія; согласіе не можетъ быть изъявляемо законнымъ представителемъ. Противъ наслѣдниковъ оно допускается безъ ихъ согласія лишь въ томъ случаѣ, если произведеніе уже издано.

Отдѣлъ второй.—Правомочія автора.

§ 11. Право размножать произведеніе и распространять его промысловымъ путемъ принадлежитъ исключительно автору. Это исключительное право не распространяется на предоставленіе во временное пользованіе. До тѣхъ поръ, пока сущность произведенія не сообщена публично, автору принадлежитъ исключительное право на такое сообщеніе. Авторское право на драматическое и музыкальное произведеніе содержитъ въ себѣ также и исключительное правомочіе на публичное воспроизведеніе. Впредь до изданія литературнаго произведенія авторъ пользуется исключительнымъ правомъ на публичное чтеніе его.

§ 12. Исключительныя правомочія автора на его произведеніе, перечисленныя въ § 11, распространяются также и на всякую обработку произведенія. Въ частности, автору принадлежитъ право: 1) перевода на другой языкъ или другое нарѣчіе того же языка, равно какъ и сокращеннаго перевода; 2) обратнаго перевода на языкъ оригинала; 3) передѣлки драматическаго произведенія въ повѣствовательную форму; 4) изданія отдѣльныхъ нумеровъ изъ музыкальнаго произведенія или арранжировки его для одного или нѣсколькихъ голосовъ или инструментовъ.

§ 13. Допускается съ соблюденіемъ исключительныхъ правомочій, присвоенныхъ автору п. 2 ст. 12, свободное пользованіе его произведеніемъ, если результатомъ его является самостоятельное творчество. По отношенію къ музыкальнымъ произведеніямъ не допускается пользованіе, выражающееся въ легко узнаваемомъ заимствованіи мелодій, которыя положены въ основу новой работы.

§ 14. Въ случаѣ передачи авторскихъ правъ, за авторомъ сохраняется, поскольку не состоялось иного соглашенія, его исключительное право: 1) на переводъ произведенія на другой языкъ или другое нарѣчіе и 2) на передѣлку разсказа въ драматическую форму или сценическаго произведенія въ разсказъ; 3) на переработку музыкальнаго произведенія, поскольку это не представляетъ отдѣльнаго номера или переложенія на другой ладъ или голосъ.

§ 15. Не допускается размноженіе безъ согласія управомоченнаго, безразлично какимъ способомъ оно совершается. Точно такъ же совершенно безразлично, размножается ли сочиненіе во всемъ его объемѣ, или въ части, въ одномъ или нѣсколькихъ экземплярахъ и какимъ способомъ. Допускается размноженіе для личнаго употребленія, не имѣющее, однако, цѣлью извлекать изъ произведенія доходъ.

§ 16. Допускается перепечатка уложеній, законовъ, указовъ, правительственныхъ распоряженій и рѣшеній, равно и всякихъ другихъ оффиціальныхъ сообщеній, изданныхъ для оффиціальнаго употребленія.

§ 17. Допускается: 1) воспроизведеніе въ газетѣ или повременномъ изданіи лекціи или рѣчи, поскольку эта статья или рѣчь входили въ предметы занятій публичнаго засѣданія; 2) размноженіе лекцій и рѣчей, произнесенныхъ въ судебныхъ засѣданіяхъ, въ политическихъ, коммунальныхъ или церковныхъ собраніяхъ. Но размноженіе не допускается въ сборникахъ, состоящихъ, главнымъ образомъ, изъ рѣчей одного и того же оратора.

§ 18. Допускается перепечатка изъ газетъ отдѣльныхъ статей, на которыхъ нѣтъ надписи о сохраненіи правъ. Такая перепечатка допускается лишь при условіи, чтобы смыслъ статьи не былъ извращенъ. Перепечатка должна сопровождаться точнымъ указаніемъ источника. Не допускается перепечатка сочиненій научнаго, техническаго или беллетристическаго содержанія. Дозволяется перепечатка разныхъ извѣстій фактическаго свойства и новостей дня изъ газетъ и періодическихъ изданій.

§ 19. Размноженіе допускается: 1) если отдѣльныя мѣста или незначительныя части литературнаго произведенія, лекціи или рѣчи послѣ опубликованія приводятся въ самостоятельномъ литературномъ произведеніи; 2) если отдѣльныя стихотворенія, отдѣльныя небольшія замѣтки воспроизводятся въ самостоятельной научной работѣ; 3) если отдѣльныя стихотворенія послѣ ихъ изданія—воспроизводятся въ сборникахъ, въ коихъ собраны произведенія болѣе или

менѣе значительнаго числа писателей, и по характеру своему предназначены для употребленія при пѣніи; 4) если отдѣльныя небольшія замѣтки, отдѣльныя стихотворенія или незначительныя части литературныхъ произведеній послѣ ихъ появленія воспроизводятся въ сборникѣ, въ которомъ собраны произведенія болѣе или менѣе значительнаго числа писателей, и которыя по своему характеру предназначены для школьнаго, церковнаго или педагогическаго употребленія, или съ какой-нибудь спеціальной литературной цѣлью. Въ послѣднемъ случаѣ, пока авторъ живъ, требуется его личное согласіе. Согласіе считается изъявленнымъ, если въ теченіе мѣсяца съ того времени, какъ автору стало извѣстно о намѣреніяхъ редактора, онъ не предъявитъ никакихъ объ этомъ возраженій.

§ 20. Допускается размноженіе небольшихъ частей поэмъ или небольшихъ стихотвореній послѣ ихъ появленія, въ качествѣ текста къ новому музыкальному произведенію и въ соединеніи съ нимъ. Для публичнаго исполненія произведенія—поэма можетъ быть воспроизведена и отдѣльно, но исключительно для употребленія слушателями. Не допускается размноженіе такихъ поэмъ, которыя по характеру своему предназначены для композиціи.

§ 21. Допускается размноженіе, если: 1) воспроизводятся отдѣльныя мѣста изъ изданнаго музыкальнаго произведенія въ самостоятельной литературной работѣ; 2) воспроизводятся небольшія композиціи послѣ изданія ихъ въ самостоятельной научной работѣ; 3) воспроизводятся небольшія композиціи въ сборникахъ, содержащихъ произведенія нѣсколькихъ композиторовъ и предназначенныхъ для обученія въ школахъ, за исключеніемъ, однако, музыкальныхъ школъ.

§ 22. Размноженіе допускается, если появившееся музыкальное произведеніе переносится на доски, вальцы, пластинки и т. п. составныя части инструментовъ, служащихъ для механическаго воспроизведенія музыкальныхъ пьесъ. Это правило примѣняется вообще къ перемѣннымъ составнымъ частямъ, поскольку онѣ не употребляются для такихъ инструментовъ, посредствомъ которыхъ музыкальная пьеса можетъ быть воспроизведена по способу индивидуальнаго исполненія съ точки зрѣнія силы и продолжительности тона и времени.

§ 23. Допускается размноженіе при воспроизведеніи отдѣльныхъ изображеній послѣ ихъ изданія въ литературномъ произведеніи исключительно для уясненія его содержанія.

§ 24. Пользованіе, по правиламъ §§ 19—23, чужимъ произведеніемъ допускается при томъ условіи, что заимствованныя части не подвергаются никакимъ измѣненіямъ. Но, поскольку это требуется цѣлями воспроизведенія, допускаются переводы литературнаго произведенія и такія обработки музыкальнаго произведенія, которыя представляютъ лишь отдѣльные номера или переложеніе на другой ладъ или голосъ, или аранжировку для означенныхъ въ § 22 инструментовъ. Если отдѣльныя статьи, отдѣльныя стихотворенія или небольшія части литературнаго произведенія воспроизводятся въ сборникѣ для школьнаго употребленія, то вызываемыя этой цѣлью измѣненія допускаются однако при жизни автора не иначе, какъ съ его согласія. Согласіе считается изъявленнымъ, если въ теченіе мѣсяца съ момента сообщенія автору о предположенныхъ измѣненіяхъ онъ не заявитъ никакихъ возраженій.

§ 25. При пользованіи чужимъ произведеніемъ по правиламъ §§ 19—23 долженъ быть ясно указанъ источникъ.

§ 26. Въ тѣхъ предѣлахъ, въ коихъ по правиламъ §§ 16—24 дозволяется размноженіе безъ согласія управомоченнаго, допускается точно такъ же и распространеніе, и публичное изложеніе, и чтеніе.

§ 27. Публичное исполненіе изданнаго музыкальнаго произведенія не требуетъ согласія управомоченнаго, если исполненіе совершается не въ цѣляхъ промышленныхъ и если слушатели допускаются безвозмездно. Иначе—исполненіе безъ согласія управомоченнаго допускается только: 1) во время народныхъ празднествъ, за исключеніемъ музыкальныхъ увеселеній; 2) если доходъ предназначенъ исключительно на благотворительныя цѣли и участники не получаютъ никакого вознагражденія за свою дѣятельность; 3) въ обществахъ, если къ слушанію допускаются только члены и ихъ семейства. Правила эти не распространяются на сценическія представленія оперъ и другихъ музыкальныхъ произведеній, сопровождаемыхъ текстомъ.

28. При наличности нѣсколькихъ управомоченныхъ требуется согласіе каждаго изъ нихъ на публичное исполненіе. Для публичнаго исполненія оперъ и другихъ произведеній музыкальнаго искусства, снабженныхъ текстомъ, достаточно согласія того, кому принадлежитъ авторское право на музыкальную часть.

Отдѣлъ третій.—Продолжительность защиты.

§ 29. Защита авторскаго права прекращается по истеченіи 30 лѣтъ со времени смерти автора и 10 лѣтъ со времени перваго

опубликованія произведенія. Если же опубликованіе не послѣдовало до истеченія 30 лѣтъ со времени смерти автора, то предполагается, что авторское право принадлежитъ собственнику произведенія.

§ 30. Если авторское право принадлежитъ обще многимъ лицамъ, то, поскольку моментъ смерти опредѣляетъ срокъ защиты, теченіе этого срока начинается со времени смерти пережившаго остальныхъ автора.

§ 31. Въ случаѣ неуказанія имени автора при первомъ опубликованіи сочиненія по правиламъ ч. 1, 3 § 7, защита прекращается по истеченіи 30 лѣтъ со времени опубликованія. Если же въ теченіе этого 30-лѣтняго срока настоящее имя автора будетъ указано имъ самимъ или его правопреемниками по правиламъ 1, 3 ч. § 7 для внесенія въ особые списки (§ 56), то примѣняются правила § 29. То же самое имѣетъ мѣсто, если произведеніе опубликовано впервые послѣ смерти автора.

§ 32. Защита авторскаго права, принадлежащаго юридическому лицу по §§ 3 и 4, прекращается по истеченіи 30 лѣтъ со дня опубликованія. Но если произведеніе опубликовано впервые послѣ смерти составителя, то защита прекращается по истеченіи указаннаго въ § 29 срока.

§ 33. Въ произведеніяхъ, состоящихъ изъ нѣсколькихъ опубликованныхъ въ извѣстные промежутки времени томовъ, равно какъ въ непрерывно появляющихся сообщеніяхъ и извѣстіяхъ, каждый томъ, сообщеніе или извѣстіе разсматриваются, какъ особое произведеніе. Въ произведеніяхъ, выходящихъ выпусками, теченіе срока начинается со времени опубликованія послѣдняго выпуска.

§ 34. Теченіе срока начинается съ момента окончанія года, въ которомъ авторъ умеръ или произведеніе было опубликовано.

§ 35. Поскольку оказываемая настоящимъ закономъ защита зависитъ отъ изданія или иного опубликованія произведенія, или отъ публичнаго изложенія сущности произведенія, принимается въ разсчетъ только такое опубликованіе или сообщеніе, которое совершено управомоченнымъ.

Отдѣлъ четвертый.—Правонарушенія.

§ 36. Кто умышленно или неосторожно, въ нарушеніе исключительнаго полномочія автора, размножаетъ, распространяетъ путемъ промысла его произведеніе или публично сообщаетъ его сущность, обязанъ возмѣстить управомоченному проистекающій отсюда вредъ.

§ 37. Всякій, кто умышленно или неосторожно, въ нарушеніе исключительныхъ полномочій автора, исполнитъ или прочтетъ публично произведеніе, обязанъ возмѣстить управомоченному проистекшій отсюда вредъ. Такая же обязанность падаетъ на того, кто умышленно или неосторожно публично исполнитъ недозволенную по правилу § 12 драматическую передѣлку.

§ 38. Денежнымъ штрафомъ до 3000 марокъ наказывается: 1) кто въ другихъ, кромѣ дозволенныхъ закономъ, случаяхъ умышленно безъ согласія управомоченнаго размножаетъ или въ видѣ промысла распространяетъ произведеніе, 2) кто въ тѣхъ же случаяхъ умышленно безъ согласія управомоченнаго публично исполняетъ сценическое или музыкальное произведеніе или драматическую передѣлку, не дозволенную согласно § 12, или публично излагаетъ произведеніе до его появленія. Если согласіе автора требовалось только потому, что произошли измѣненія въ самомъ произведеніи, въ его заглавіи или въ обозначеніи автора, то штрафъ назначается въ размѣрѣ до 300 м.

§ 39. Кто умышленно безъ согласія управомоченнаго сообщитъ публично сущность произведенія до того, что это было сдѣлано, наказывается денежнымъ штрафомъ въ размѣрѣ до 1500 м. Въ случаѣ замѣны по несостоятельности штрафа тюрьмой продолжительность заключенія не должна превышать 3 мѣсяцевъ.

§ 40. По требованію управомоченнаго на ряду съ штрафомъ можетъ быть присуждена въ его пользу денежная пеня въ размѣрѣ не свыше 6 тысячъ марокъ. Осужденные къ уплатѣ пени отвѣчаютъ, какъ солидарные должники. Присужденіе пени исключаетъ предъявленіе дальнѣйшихъ требованій о возмѣщеніи вреда.

§ 41. Обозначенныя въ §§ 36—39 дѣйствія считаются противозаконными и въ томъ случаѣ, если произведеніе размножено, распространено, публично исполнено, сообщено или прочтено только въ части.

§ 42. Противозаконно изданные или распространенные экземпляры и приспособленія, предназначаемыя исключительно для противозаконнаго размноженія, какъ-то: формы, доски, камни, стереотипы—подлежатъ уничтоженію. Если только часть произведенія незаконно издана и распространена, то подлежатъ уничтоженію эта часть и соотвѣтствующія ей приспособленія. Подлежатъ уничтоженію всѣ экземпляры и приспособленія, которые составляютъ собственность участвовавшихъ въ изданіи или въ распространеніи, равно какъ и наслѣдниковъ этихъ лицъ. Уничтоженіе имѣетъ мѣсто и

въ томъ случаѣ, если изданіе или противозаконное распространеніе совершено безъ умысла или неосторожности. Правило это примѣняется и къ тѣмъ случаямъ, когда изданіе еще не окончено. Уничтоженіе должно послѣдовать лишь послѣ вступленія въ законную силу состоявшагося противъ собственника рѣшенія. Поскольку экземпляры или приспособленія могутъ быть сдѣланы безвредными инымъ, кромѣ уничтоженія, способомъ, способъ этотъ долженъ быть примѣненъ, если собственникъ принимаетъ на себя требуемыя для сего издержки.

§ 43. Управомоченный можетъ требовать, вмѣсто уничтоженія, передачи ему экземпляровъ и приспособленій цѣликомъ или частью за соотвѣтственное вознагражденіе, которое не должно превышать стоимости издержекъ производства.

§ 44. За неуказаніе, вопреки требованію §§ 18 п. 1 или 25, источника позаимствованія назначается штрафъ до 150 марокъ.

§ 45. Въ случаяхъ, предусмотрѣнныхъ §§ 38, 39, 44, уголовное преслѣдованіе возбуждается не иначе, какъ по частной жалобѣ, которая можетъ быть взята обратно.

§ 46. Уничтоженіе противозаконно изготовленныхъ или распространенныхъ экземпляровъ и приспособленій, предназначенныхъ исключительно для противозаконнаго размноженія, можетъ быть требуемо въ порядкѣ гражданскаго или уголовнаго судопроизводства.

§ 47. Постановленіе объ уничтоженіи экземпляровъ и приспособленій можетъ состояться и въ порядкѣ уголовнаго процесса не иначе, какъ по особой жалобѣ управомоченнаго. Жалоба можетъ быть взята обратно впредь до воспослѣдованія уничтоженія. Управомоченный можетъ и самостоятельно возбуждать преслѣдованіе объ уничтоженіи экземпляровъ и приспособленій. Въ этомъ случаѣ соотвѣтственно примѣняются правила §§ 477—479 уст. угол. суд., при чемъ потерпѣвшій можетъ выступить частнымъ обвинителемъ.

§ 48. §§ 46—47 соотвѣтственно примѣняются къ защитѣ означеннаго въ § 43 права.

§ 49. Для всѣхъ союзныхъ государствъ учреждаются камеры экспертовъ, обязанныхъ, по требованію судовъ и прокуратуры, высказывать свои заключенія по обращеннымъ къ нимъ вопросамъ. По просьбамъ заинтересованныхъ лицъ, камеры могутъ принимать на себя обязанности третейскихъ судей по притязаніямъ о возмѣщеніи убытковъ, объ уничтоженіи экземпляровъ и приспособленій, а равно и о признаніи означеннаго въ § 43 права. Правила о дѣлопроизводствѣ и составленіи камеръ экспертовъ издаются государ-

ственнымъ канцлеромъ. Отдѣльные члены камеры не могутъ быть безъ ея согласія вызываемы въ судъ для дачи заключеній.

§ 50. Давность для исковъ о возмѣщеніи вреда и уголовнаго преслѣдованія перепечатки опредѣляется въ три года и начинаетъ свое теченіе съ того дня, съ котораго началось распространеніе перепечатанныхъ экземпляровъ.

§ 51. Трехгодичная давность примѣняется къ искамъ о возмѣщеніи вреда и уголовному преслѣдованію неправомѣрнаго распространенія или исполненія, равно и неправомѣрнаго прочтенія. То же примѣняется и къ случаямъ, предусмотрѣннымъ §§ 36 и 39. Теченіе давности начинается съ того дня, въ который неправомѣрное дѣйствіе имѣло мѣсто въ послѣдній разъ.

§ 52. Искъ объ уничтоженіи неправомѣрно изготовленныхъ или распространенныхъ экземпляровъ, равно какъ приспособленій, исключительно предназначенныхъ для неправомѣрнаго размноженія, можетъ быть предъявленъ, пока существуютъ такіе экземпляры или приспособленія.

§ 53. Теченіе давности для дѣяній, наказуемыхъ по правиламъ § 44, начинается съ того дня, въ который имѣло мѣсто первое опубликованіе.

Отдѣлъ пятый.—Заключительныя постановленія.

§ 54. Всѣ произведенія имперскихъ подданныхъ, какъ изданныя, такъ и неизданныя, подлежатъ защитѣ.

§ 55. Иностраннымъ подданнымъ оказывается защита тѣхъ произведеній, которыя изданы въ предѣлахъ государства, если ранѣе того это произведеніе или переводъ онаго не издано за границей. При томъ же условіи иностраннымъ подданнымъ оказывается защита всѣхъ ихъ произведеній, изданныхъ внутри государства въ переводѣ; въ такомъ случаѣ переводъ считается оригинальнымъ произведеніемъ.

§ 56. Регистръ для занесенія отмѣтокъ, предусмотрѣнныхъ въ § 31 п. 2, ведется при Лейпцигской городской думѣ. Дума вноситъ отмѣтки, не провѣряя полномочій просителя и правильности фактовъ, подлежащихъ внесенію. Въ случаѣ отказа въ занесеніи отмѣтки, предоставляется право жалобы государственному канцлеру.

§ 57. Государственный канцлеръ опредѣляетъ порядокъ веденія регистра. Регистръ доступенъ обозрѣнію желающихъ. Предоставляется право требовать выписки изъ регистра. По требованію вы-

писки должны быть оффиціально засвидѣтельствованы. Отмѣтки публикуются въ биржевой газетѣ германской книжной торговли, а въ случаѣ прекращенія этого изданія, въ другой газетѣ по указанію государственнаго канцлера.

§ 58. Переписка, удостовѣреніе и всякіе другіе письменные акты, касающіеся внесенія въ регистръ, свободны отъ оплаты пошлиною. За всякую помѣтку, удостовѣреніе объ отмѣткѣ и вообще за всякую выписку изъ регистра взыскивается пошлина въ 1 м. 50 пфен.; сверхъ того, проситель долженъ оплатить расходы по опубликованію отмѣтки.

§ 59. Для споровъ о правахъ гражданскихъ, въ коихъ посредствомъ иска или встрѣчнаго иска осуществляется притязаніе на основаніи правилъ настоящаго закона, послѣдней инстанціей въ смыслѣ § 8 закона о приведеніи въ дѣйствіе учр. суд. уст. является рейхсгерихтъ.

§ 60. Предусмотрѣнный въ § 29 срокъ дѣйствія защиты распространяется на посмертныя сочиненія, которыя не были опубликованы еще ко времени вступленія въ силу настоящаго закона, и въ томъ случаѣ, если прежде установленный срокъ уже истекъ.

§ 61. Оказываемая настоящимъ закономъ защита отъ исполненія можетъ по вступленіи закона въ силу быть предоставлена такимъ музыкальнымъ произведеніямъ, за которыми до того не было сохранено право исполненія, посредствомъ дополнительной отмѣтки объ этомъ. Но исполненіе такого произведенія допускается и безъ согласія автора, если исполненіе совершается безъ употребленія нотъ, которыя снабжены означенной отмѣткой. Автору принадлежитъ исключительное право публичнаго исполненія произведенія, защищаемаго настоящимъ правиломъ.

§ 62. Исключительныя права автора защищаемаго произведенія опредѣляются правилами настоящаго закона и въ томъ случаѣ, если произведеніе явилось до вступленія закона въ силу. Но если до вступленія закона въ дѣйствіе были закономѣрно изготовлены вполнѣ или въ части переводъ или какая-либо обработка, или сборникъ, состоявшій изъ произведеній нѣсколькихъ писателей для школьнаго употребленія, то права составителя на размноженіе, распространеніе и публичное исполненіе остаются неизмѣнными.

§ 63. Въ тѣхъ предѣлахъ, въ какихъ нынѣ запрещенное размноженіе дозволялось прежнимъ закономъ, начавшееся уже печатаніе экземпляровъ можетъ быть окончено. Существующія уже приспособленія, какъ-то доски, формы, камни, стереотипы, могутъ быть

употребляемы еще въ теченіе шести мѣсяцевъ. Дозволяется также распространеніе изготовленныхъ на основаніи этихъ правилъ, а равно и уже изготовленныхъ до вступленія въ силу настоящаго закона экземпляровъ.

§ 64. Законъ вступаетъ въ силу съ 1 января 1902 г. §§ 1—56, 61, 62 закона 11 іюня 1870 г. относительно авторскаго права на литературныя произведенія и т. д. съ этого же момента отмѣняются. Однако правила эти сохраняютъ свою силу, поскольку на нихъ имѣются ссылки въ имперскихъ законахъ о защитѣ произведеній изобразительныхъ искусствъ, фотографій, образцовъ и моделей.

ПИСЬМА ИЗЪ АНГЛІИ.

XXVIII.

Послѣ пятимѣсячнаго перерыва англійскій парламентъ возобновилъ свои засѣданія, и въ настоящемъ письмѣ моемъ я имѣю возможность подѣлиться съ читателями нѣкоторыми новостями въ области законодательства.

Вторая, въ царствованіе короля Эдуарда VII, сессія парламента открыта была лично самимъ королемъ въ палатѣ лордовъ 16 января. Тронная рѣчь была прочитана Его Величествомъ. Въ ней прежде всего король поздравилъ принца и принцессу Уэльскихъ съ благополучнымъ возвращеніемъ въ Англію изъ ихъ путешествія по британскимъ колоніямъ и выразилъ свое удовольствіе по поводу тѣхъ изъявленій вѣрноподданническихъ чувствъ, съ которыми ихъ повсюду встрѣчали. Затѣмъ въ рѣчи упоминалось о дружественныхъ отношеніяхъ, существующихъ между Англіей и другими великими державами, и выражалось сожалѣніе о томъ, что война въ Южной Африкѣ еще не доведена до конца, хотя площадь, на которой ведутся военныя операціи, значительно уменьшилась. Далѣе, король, говоря о состоявшемся въ Брюсселѣ международномъ съѣздѣ по вопросу о сахарныхъ преміяхъ, выразилъ надежду, что выработанныя съѣздомъ мѣры устранятъ тѣ стѣсненія, которыя испытывали англійскія колоніи, вывозящія сахаръ. Упомянуто было о состоявшемся между Англіею и С. Американскими Соединенными Штатами соглашеніи о проведеніи между-океанскаго канала съ тѣмъ условіемъ, чтобы каналъ этотъ оставался нейтральнымъ и былъ открытъ для плаванія судовъ всѣхъ націй. Съ

президентомъ Бразильской республики состоялось соглашеніе о томъ, чтобы вопросъ объ опредѣленіи границъ между Британскою Гвіаной и бразильскими владѣніями былъ переданъ на разрѣшеніе третейскаго суда, при чемъ король итальянскій изъявилъ согласіе принять на себя роль третейскаго судьи въ этомъ дѣлѣ. Въ Индіи общее количество выпавшихъ дождей было менѣе значительно, чѣмъ можно было бы желать, и въ настоящее время продолжается принятіе мѣръ для устраненія голода, при чемъ, благодаря трудамъ особой коммисіи, обсуждавшей недавно этотъ вопросъ, слѣдуетъ ожидать теперь бо̀льшаго успѣха отъ принятыхъ мѣръ, чѣмъ это было раньше. Въ Афганистанѣ, послѣ смерти эмира Абдуррахмана, ему наслѣдовалъ сынъ его, эмиръ Хабибулла, выразившій полное желаніе продолжать поддерживать существовавшія при его отцѣ дружественныя отношенія, между Афганистаномъ и Индіей. Относительно финансовыхъ дѣлъ было указано, что ежегодныя денежныя смѣты будутъ своевременно представлены палатѣ общинъ, при чемъ при составленіи ихъ будетъ соблюдена возможная экономія въ виду нынѣшнихъ стѣснительныхъ обстоятельствъ. Относительно законодательной дѣятельности въ теченіе предстоящей сессіи было заявлено, что парламенту будетъ предложенъ законопроектъ о нѣкоторыхъ перемѣнахъ въ постановкѣ начальнаго и средняго образованія и о согласованіи программъ низшей и средней школы. Кромѣ того предложены будутъ: проектъ устройства водоснабженія въ Лондонѣ, билль объ облегченіи условій покупки и продажи земли въ Ирландіи, билль объ измѣненіи нынѣ дѣйствующаго закона о производствѣ оцѣнокъ, законопроектъ объ измѣненіи правилъ о продажѣ крѣпкихъ напитковъ и о подчиненіи клубовъ особой регистраціи, билль объ измѣненіи закона объ условіяхъ и порядкѣ выдачи патентовъ на привилегіи и изобрѣтенія, билль объ измѣненіи законовъ о сумасшедшихъ. Заканчивая рѣчь, король призывалъ помощь и благословеніе Божіе въ предстоящихъ парламенту многосложныхъ занятіяхъ.

Въ тронной рѣчи, конечно, указывалось лишь на наиболѣе важныя правительственныя мѣропріятія, которыя имѣлось въ виду предложить на разсмотрѣніе парламента. Но кромѣ перечисленныхъ выше законопроектовъ, будетъ предложено еще много важныхъ мѣропріятій по иниціативѣ частныхъ лицъ. Намѣченная правительствомъ программа вообще отличается своею краткостью; какъ показалъ опытъ прежнихъ парламентскихъ сессій, прави-

тельство, намѣчая болѣе обширную программу, впослѣдствіи оказывалось въ необходимости отказаться отъ осуществленія нѣкоторыхъ законопроектовъ; возможно, что нынѣшняя программа составлена именно съ тѣмъ разсчетомъ, чтобы правительство не оказалось впослѣдствіи въ неловкомъ положеніи подобно прежнимъ примѣрамъ.

Наиболѣе важнымъ законопроектомъ будетъ, конечно, новый билль о народномъ образованіи (The Education Bill). Еще въ 1900 году герцогъ Девонширскій въ своей рѣчи въ палатѣ лордовъ указалъ на важнѣйшія положенія этого билля. Въ 1901 году въ парламентъ внесенъ былъ обширный законопроектъ о народномъ образованіи, но правительство принуждено было отказаться отъ проведенія этого билля въ теченіе прошлогодней парламентской сессіи, такъ какъ законопроектъ этотъ былъ внесенъ сравнительно поздно и такъ какъ разсмотрѣнію его препятствовала радикальная оппозиціонная партія. Содержаніе этого важнаго билля еще не опубликовано, но, насколько я могу судить по тѣмъ свѣдѣніямъ, которыя мнѣ удалось получить, слѣдуетъ ожидать, что онъ будетъ способствовать народному просвѣщенію съ бо̀льшимъ успѣхомъ, чѣмъ какой-либо изъ законовъ, изданныхъ по этому предмету за послѣднія десять лѣтъ. Новый законопроектъ въ значительной степени касается средняго образованія, которому онъ желаетъ придать извѣстную организацію и національный характеръ. Почти навѣрное можно сказать, что билль этотъ будетъ заключать въ себѣ, между прочимъ, также и постановленія краткаго закона объ обученіи (The Education Act), принятаго парламентомъ въ 1901 году.

Несомнѣнно также, что билль объ измѣненіи существующихъ правилъ продажи крѣпкихъ напитковъ и о подчиненіи клубовъ особой регистраціи стремится осуществить весьма полезныя мѣропріятія, но въ виду того, что голосованіе этого билля будетъ происходить среди такихъ лицъ, большинство которыхъ-либо торгуетъ крѣпкими напитками, либо потребляетъ ихъ, можно предполагать, что въ этой области не будетъ принято какихъ либо особенно энергичныхъ мѣръ, какихъ слѣдовало бы желать.—Переходя затѣмъ къ законопроекту объ измѣненіи порядка и условій выдачи патентовъ на привилегіи и изобрѣтенія, слѣдуетъ замѣтить, что нынѣшнее законодательство, регулирующее этотъ вопросъ, весьма неудовлетворительно и нуждается въ значительной переработкѣ, такъ что новый законъ принесетъ много пользы, если, конечно, устранитъ недостатки существующаго порядка вещей. Между прочимъ,

однимъ изъ такихъ недостатковъ дѣйствующаго закона является, что лицо, получающее патентъ на какое-либо изобрѣтеніе, нисколько не гарантировано отъ того, что на это же изобрѣтеніе раньше уже выданъ патентъ другому заявителю.—Съ особеннымъ интересомъ ожидается билль объ измѣненіи законовъ о сумасшедшихъ. Вопросъ, котораго этотъ билль касается, чрезвычайно сложный. По дѣйствующимъ законамъ, лицо, у котораго внезапно появились признаки остраго и буйнаго умопомѣшательства, можетъ быть помѣщено въ домъ умалишенныхъ на основаніи „экстреннаго приказа“ (urgency order) врача, уполномоченнаго давать такіе приказы. Между тѣмъ въ сельскихъ округахъ до розысканія такого врача и полученія отъ него приказа можетъ пройти извѣстное время, въ теченіе котораго сумасшедшаго нельзя лишить свободы, такъ что дѣйствія его могутъ причинить значительный вредъ окружающимъ. Во всѣхъ же прочихъ случаяхъ умопомѣшательства, когда нѣтъ надобности въ полученіи „экстреннаго приказа“, для помѣщенія сумасшедшаго въ домъ умалишенныхъ требуется соотвѣтственное свидѣтельство отъ двухъ врачей, при чемъ каждый изъ этихъ врачей долженъ освидѣтельствовать больнаго особо. Такимъ образомъ, казалось бы, слѣдуетъ обставить меньшими трудностями помѣщеніе въ домъ умалишенныхъ лицъ, у которыхъ внезапно обнаружилось буйное помѣшательство. Но при этомъ, само собою разумѣется, въ высшей степени необходимо установить такія условія, чтобы ни при какихъ бы то ни было злоумышленіяхъ или стеченіи обстоятельствъ не оставалось возможности оказаться въ домѣ умалишенныхъ для лицъ, чье умопомѣшательство не установлено съ безусловною достовѣрностью. Слѣдуетъ надѣяться, что парламентъ съ величайшею тщательностью обсудитъ какъ медицинскую, такъ и юридическую сторону настоящаго вопроса, прежде, чѣмъ установитъ какія-либо окончательныя законодательныя нормы въ этой области.

Можно выразить крайнее сожалѣніе по поводу того, что въ числѣ законопроектовъ, намѣченныхъ въ тронной рѣчи, ничего не упоминалось о какихъ-либо мѣрахъ для упорядоченія дѣйствующаго законодательства о литературной и художественной собственности. Въ теченіе послѣднихъ лѣтъ парламентъ нѣсколько разъ принимался за обсужденіе этого вопроса, при чемъ по этому поводу предлагались и билли, но разсмотрѣніе ихъ никогда не доходило до конца и всякій разъ было оставляемо въ послѣднюю минуту подъ предлогомъ недостатка времени. Дѣйствующее законодательство о литературной собственности въ нѣкоторыхъ отноше-

ніяхъ настолько неудовлетворительно, что пересмотръ его будетъ встрѣченъ общимъ сочувствіемъ. Исключеніе билля о литературной и художественной собственности изъ программы законодательныхъ занятій нынѣшней парламентской сессіи тѣмъ болѣе ощутительно, что обсужденіе этого вопроса, надо полагать, едва ли встрѣтило бы какую-либо оппозицію той или иной отдѣльной политической партіи и, такимъ образомъ, могло бы быть доведено до конца и дать положительный результатъ безъ затраты излишняго времени.

16 января м-ръ Джэмсъ Лоутеръ сдѣлалъ въ палатѣ общинъ попытку достигнуть отмѣны дѣйствующаго нынѣ правила, въ силу котораго пэры не могутъ принимать участіе въ выборахъ членовъ въ палату общинъ, но предложеніе его было отвергнуто большинствомъ 341 голоса противъ 86.

17 января въ нижней палатѣ обсуждался проектъ отвѣтнаго адреса на тронную рѣчь. Во время преній д-ръ Макнэмэрэ предложилъ, чтобы въ текстѣ отвѣтнаго адреса было указано на необходимость обратить вниманіе на неудовлетворительность мѣръ къ улучшенію жилищныхъ условій рабочаго населенія. Одинъ ораторъ, говорившій по этому вопросу, м-ръ Прайсъ высказалъ, между прочимъ, то соображеніе, что наблюдаемое въ настоящее время въ Англіи уменьшеніе сельскаго населенія могло бы быть остановлено, если бы сельскимъ рабочимъ были предоставлены лучшія жилищныя условія. Президентъ управленія по мѣстнымъ дѣламъ (President of the Local Government Board), м-ръ Лонгъ, доказывалъ, что ошибочно стремиться къ созданію для рабочихъ улучшенныхъ жилищныхъ условій въ центральныхъ частяхъ большаго, многолюднаго и густо-населеннаго города. Преслѣдуемая цѣль можетъ быть достигнута съ гораздо бо̀льшимъ успѣхомъ, если сооружать хорошія жилища на окраинахъ города и совершенствовать пути сообщенія этихъ окраинъ съ тѣми центрами, гдѣ рабочіе занимаются. Предложеніе д-ра Макнэмэрэ было отвергнуто 153 голосами противъ 123.

22 января въ палатѣ общинъ слушалось предложеніе м-ра Пайри. По мнѣнію оратора, наступила пора, когда слѣдуетъ предоставить различнымъ частямъ Соединеннаго Королевства полное самоуправленіе въ дѣлахъ, затрогивающихъ лишь мѣстные интересы; для этой цѣли м-ръ Пайри считаетъ необходимымъ организовать особыя законодательныя учрежденія, которымъ слѣдуетъ передать всѣ необходимыя для ихъ дѣятельности полномочія. Отъ лица правительства отвѣчалъ на это предложеніе министръ внутреннихъ дѣлъ

(Home Secretary) м-ръ Ритчи, который категорически высказался противъ проекта м-ра Пайри, какъ противорѣчащаго англійской конституціи. По его мнѣнію, нынѣшняя компетенція совѣтовъ по мѣстнымъ дѣламъ (Local Government Boards) можетъ быть современемъ нѣсколько расширена, но никоимъ образомъ не представляется возможности предоставить имъ законодательныя функціи; если въ Англіи будутъ учреждены мѣстные парламенты, то они навѣрное не станутъ ограничиваться обсужденіемъ лишь тѣхъ вопросовъ, которые имѣютъ только мѣстное значеніе, а непремѣнно будутъ заниматься дѣлами, представляющими собой общегосударственный интересъ; законодательная же разработка такихъ дѣлъ различными учрежденіями въ предѣлахъ одного и того же государства, безъ сомнѣнія, отразится крайне невыгодно на общемъ благосостояніи Великобританіи. Послѣ этой рѣчи министра предложеніе м-ра Пайри было отклонено безъ голосованія.

Отвѣчая на сдѣланный въ палатѣ общинъ, 27 января, запросъ, военный министръ, м-ръ Бродрикъ сообщилъ, что послѣ офицеровъ, умершихъ отъ ранъ или болѣзней на театрѣ войны въ Южной Африкѣ, остались 162 вдовы и 245 сиротъ, а унтеръ-офицеры и нижніе чины оставили послѣ себя 3519 вдовъ и 4600 сиротъ.

28 января м-ръ Ситонъ-Карръ предложилъ нижней палатѣ поручить всесторонне разслѣдовать вопросъ о томъ, насколько Англія нуждается въ ввозѣ изъ-за границы предметовъ первой необходимости, и о томъ рискѣ, которому она можетъ подвергаться въ случаѣ участія ея въ какой-нибудь европейской войнѣ, а также заблаговременно обсудить всѣ тѣ мѣры, которыя могли бы быть приняты для обезпеченія страны отъ всякихъ случайностей. По мнѣнію Ситонъ-Карра, въ Соединенномъ Королевствѣ необходимо образовать запасы провіанта, для чего слѣдуетъ установить льготныя условія перевозки припасовъ изъ колоній, соорудить общественные хлѣбные магазины и, когда въ томъ окажется надобность, организовать особое наблюденіе со стороны правительства за средствами народнаго продовольствія. Въ дополненіе къ заявленію м-ра Ситонъ-Карра, сэръ Говардъ Винсентъ сообщилъ, что имѣющаяся въ Великобританіи своя пшеница хватаетъ лишь для двухмѣсячнаго потребленія, и страна можетъ очутиться въ крайне стѣсненномъ положеніи, если почему-либо будетъ прекращенъ ввозъ пшеницы изъ Россіи или изъ Америки. Послѣ сэра Винсента говорилъ м-ръ Рашъ, доказывавшій, что учрежденіе хлѣбныхъ магазиновъ едва ли окажется возможнымъ при тѣхъ климатическихъ условіяхъ, въ кото-

рыхъ находится Великобританія. По его мнѣнію, наилучшимъ разрѣшеніемъ возбужденнаго вопроса были бы поощрительныя мѣры къ развитію въ Соединенномъ Королевствѣ земледѣлія, для чего слѣдовало бы обложить пошлиной ввозимую пшеницу въ размѣрѣ 1 шиллинга на квартеръ.

Возражая на предложеніе м-ра Ситонъ-Карра, министръ торговли (President of the Board of Trade) м-ръ Джеральдъ Бальфуръ проводилъ тотъ взглядъ, что учрежденіе общественныхъ хлѣбныхъ магазиновъ было бы величайшею ошибкой, которая къ тому же обошлась бы чрезвычайно дорого. Въ кругъ правительственныхъ функцій не можетъ входить торговля хлѣбомъ. Учрежденіе хлѣбныхъ магазиновъ могло бы скорѣе оказать во время войны нѣкоторое сдерживающее вліяніе на ввозъ хлѣба изъ-за границы и такимъ образомъ затруднить доставку припасовъ именно въ такое время, когда въ нихъ будетъ чувствоваться особенная надобность. Правительство, по заявленію м-ра Дж. Бальфура, не можетъ принять на себя задачу снабжать продовольствіемъ все населеніе королевства; слѣдуетъ надѣяться, что въ подобныхъ случаяхъ британскій флотъ будетъ въ состояніи надлежащимъ образомъ охранять торговые интересы государства. Если даже произойдетъ на рынкѣ паника, подъ вліяніемъ которой цѣны на хлѣбъ поднимутся, то трудно предполагать, чтобы такія цѣны держались въ теченіе продолжительнаго времени: такъ какъ торговля хлѣбомъ въ настоящее время вышла за предѣлы мѣстныхъ рынковъ и приняла международный характеръ, то невѣроятно, чтобы какая-нибудь воюющая держава могла совершенно остановить экспортъ хлѣба, и прежде, чѣмъ это можетъ произойти, Англія можетъ пользоваться хлѣбомъ, экспортируемымъ изъ нейтральныхъ государствъ. Всякое повышеніе цѣнъ на хлѣбъ въ Англіи, безъ всякаго сомнѣнія, привлечетъ на англійскій рынокъ хлѣбъ изъ всѣхъ другихъ странъ свѣта, пока цѣны снова не понизятся. По окончаніи преній предложеніе м-ра Ситонъ-Карра было взято обратно.

27 января епископъ Герефордскій предложилъ палатѣ лордовъ образовать особую коммисію для обсужденія вопроса о причинахъ замѣчаемаго въ послѣднее время среди всѣхъ классовъ общества увеличенія числа заключаемыхъ публично пари. Предложеніе это было принято, и для разсмотрѣнія возбужденнаго вопроса назначена особая коммисія.

28 января м-ръ Л. Синклеръ предложилъ палатѣ общинъ выработать новую систему представительства населенія въ парламентѣ

и правила представительства въ имперскомъ парламентѣ британскихъ заокеанскихъ владѣній. Другой ораторъ, м-ръ Кимберъ, утверждалъ, что если въ настоящее время парламентъ дѣйствительно выражаетъ истинную волю народа, то это является лишь дѣломъ случая; по его разсчетамъ, Англія должна имѣть въ парламентѣ 499 представителей, между тѣмъ какъ въ настоящее время она имѣетъ ихъ лишь 465. Въ то время какъ Шотландія, имѣющая 700.000 избирателей, представлена въ парламентѣ 72 членами, Ирландія, въ которой находятся 735.000 избирателей, имѣетъ въ парламентѣ 103 представителя, т. е. на 31 больше. Лидеръ палаты общинъ и первый лордъ казначейства м-ръ А. І. Бальфуръ, признавая всю важность затронутаго вопроса, тѣмъ не менѣе заявилъ, что онъ не можетъ считать правильнымъ такія предположенія, которыя проектируютъ основать систему представительства исключительно на численности избирателей въ той или другой мѣстности: необходимо принять во вниманіе и особыя условія каждой мѣстности, посылающей своихъ представителей въ парламентъ, и ея историческое прошлое. Послѣ м-ра А. Бальфура по поводу того же предложенія высказался м-ръ Брайсъ, указывавшій, что, хотя Ирландія и имѣетъ въ настоящее время въ парламентѣ явно чрезмѣрное количество представителей, но, такъ какъ число послѣднихъ было установлено въ актѣ объ униі между Англіей и Ирландіей въ 1800 году, то не представляется возможнымъ сократить число ирландскихъ депутатовъ. Послѣ окончанія преній предложеніе м-ра Синклера было отвергнуто большинствомъ 302 голосовъ противъ 23.

29 января маіоръ Эвансъ-Гордонъ обратилъ вниманіе палаты общинъ на безотлагательную необходимость изданія особыхъ законодательныхъ постановленій съ цѣлью регулировать и ограничить иммиграцію въ Соединенное Королевство иностранцевъ-пролетаріевъ. При этомъ онъ напомнилъ палатѣ, что назначенная въ 1889 году для обсужденія этого вопроса коммисія пришла къ тому выводу, что ничѣмъ не сдерживаемый наплывъ въ страну иностранцевъ-пролетаріевъ долженъ повлечь за собою невыгодныя для государства послѣдствія съ точки зрѣнія соціальной, этической и экономической. Въ отвѣтъ на предложеніе м-ра Эванса, м-ръ Джеральдъ Бальфуръ подтвердилъ палатѣ общинъ, что правительство вполнѣ сознаетъ всѣ тѣ невыгодныя для страны послѣдствія, которыя можетъ имѣть иммиграція чужеземнаго пролетаріата, и нынѣшнее положеніе вещей не можетъ быть оставлено безъ измѣненія. Но затронутый вопросъ является чрезвычайно сложнымъ, какъ это видно

на примѣрѣ Сѣверо-Американскихъ Соединенныхъ Штатовъ, и поэтому правительство предполагаетъ приступить къ болѣе полному и всестороннему собиранію данныхъ по этому дѣлу. Вслѣдствіе такого заявленія м-ра Дж. Бальфура предложеніе м-ра Эванса было взято обратно.

Военный министръ, м-ръ Бродрикъ, отвѣчая на сдѣланный въ палатѣ общинъ запросъ о количествѣ новобранцевъ въ теченіе 1901 года, заявилъ, что въ регулярной арміи въ прошломъ году было 45.356 новобранцевъ, а въ ополченіи—37.774.

30 января министръ внутреннихъ дѣлъ, м-ръ Ритчи, внесъ въ палату общинъ билль объ измѣненіи правилъ о продажѣ крѣпкихъ напитковъ и о подчиненіи клубовъ особой регистраціи. М-ръ Ритчи объяснилъ, что первая часть предлагаемой имъ мѣры представляетъ собою попытку сократить въ извѣстной степени пьянство, которому, по его мнѣнію, обязаны своимъ происхожденіемъ $^9/_{10}$ всѣхъ совершаемыхъ въ Англіи преступленій, соединенныхъ съ насиліемъ. Согласно предлагаемому биллю, если кто-либо, имѣя на своемъ попеченіи ребенка моложе 7 лѣтъ, окажется въ нетрезвомъ видѣ въ публичномъ мѣстѣ, то онъ подвергается денежному взысканію въ размѣрѣ 40 шиллинговъ или тюремному заключенію на одинъ мѣсяцъ. Если же притомъ окажется, что лицо это принадлежитъ къ категоріи привычныхъ пьяницъ, то оно можетъ быть подвергнуто заключенію въ особое заведеніе для пьяницъ. Если одинъ изъ супруговъ оказывается привычнымъ пьяницей, то другому супругу, будь это мужъ или жена, предоставляется право ходатайствовать о выдачѣ ему особаго свидѣтельства объ охранѣ принадлежащихъ ему правъ отъ какихъ-либо на нихъ посягательствъ со стороны супруга-алкоголика. Далѣе, на основаніи предложеннаго м-ромъ Ритчи билля, всякому привычному пьяницѣ, уже совершившему преступленіе, можетъ быть запрещено покупать въ теченіе трехъ лѣтъ крѣпкіе напитки, и всякій продавецъ напитковъ, отпустившій ихъ такому лицу, зная, что относительно него состоялось подобное постановленіе, подвергается особому наказанію. Вмѣстѣ съ этимъ, согласно упомянутому биллю, предполагается принять болѣе энергичныя мѣры для предотвращенія пьянства въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ разрѣшена продажа крѣпкихъ напитковъ. Тѣ заведенія, которыя, не торгуя крѣпкими напитками на выносъ, получатъ разрѣшеніе на производство распивочной торговли, будутъ подчинены особому надзору мѣстной полиціи. Ходатайства о разрѣшеніи производить торговлю крѣпкими напитками лишь въ извѣстныхъ, заранѣе опредѣленныхъ, случаяхъ будутъ

разрѣшаться судомъ въ публичномъ засѣданіи, въ составѣ не менѣе двухъ судей. Наконецъ, въ своемъ биллѣ м-ръ Ритчи предлагаетъ подчинить всѣ клубы особой регистраціи, и тотъ клубъ, который будетъ замѣченъ въ нарушеніи установленныхъ правилъ о продажѣ и потребленіи спиртныхъ напитковъ, будетъ исключенъ изъ оффиціальнаго реестра. Всякому предоставляется право явиться къ судьѣ и дать присягу въ томъ, что въ какомъ-нибудь клубѣ допускаются тѣ или другія неправильности, и тогда, съ разрѣшенія судьи, полиція имѣетъ право тотчасъ же войти въ помѣщеніе клуба. Предложенный м-ромъ Ритчи билль принятъ въ первомъ чтеніи.

30 января первый лордъ казначейства м-ръ А. І. Бальфуръ сдѣлалъ сообщеніе въ палатѣ общинъ о нѣкоторыхъ весьма существенныхъ измѣненіяхъ, которыя правительство предполагаетъ провести въ правилахъ дѣлопроизводства въ парламентѣ. Вотъ нѣкоторыя изъ предположенныхъ правительствомъ измѣненій. Право требовать постановки на голосованіе вопроса о передачѣ на разсмотрѣніе палаты постановленія, принятаго комитетомъ, будетъ уничтожено. Если при второмъ или третьемъ чтеніи какого-либо билля сдѣлано будетъ предложеніе объ отложеніи чтенія билля на 6 мѣсяцевъ и если это предложеніе будетъ отвергнуто при голосованіи, то дальнѣйшее голосованіе по этому предмету не будетъ допускаться. Если голосованіе происходитъ такъ, что не требуется точнаго подсчета голосовъ, а спикеръ приглашаетъ членовъ палаты подавать свои голоса вставаніемъ съ своихъ мѣстъ, то нѣтъ необходимости для секретаря записывать имена голосовавшихъ. Если кто-либо изъ членовъ палаты признаетъ необходимымъ предложить палатѣ передать разсматриваемый билль на разсмотрѣніе постояннаго комитета, то его предложеніе передается на разсмотрѣніе палаты безъ всякихъ дальнѣйшихъ преній, если только данный билль прошелъ во второмъ чтеніи. Затѣмъ на будущее время предполагается, по общему правилу, допускать всякій билль къ первому чтенію. Рѣшено въ значительной степени ограничить процедуру представленія билля къ докладу. Всѣ вопросы, возникающіе по дѣламъ о привилегіяхъ, если только при ихъ разсмотрѣніи не возникло разногласій между обѣими палатами парламента, будутъ передаваться, по предложенію одного изъ министровъ, на обсужденіе особаго комитета для разсмотрѣнія дѣлъ о привилегіяхъ. Если кто-либо изъ членовъ палаты окажется виновнымъ въ нарушеніи порядка въ палатѣ общинъ, то онъ подвергается за это исключенію—въ первый разъ на 20 дней,

во второй разъ—на 40, и въ третій разъ—на 80 дней, при чемъ передъ тѣмъ, какъ занять снова свое мѣсто въ засѣданіи палаты, онъ долженъ принести спикеру извиненія. Въ случаѣ нарушенія порядка въ засѣданіи, спикеру предоставляется право пріостановить засѣданіе на столько времени, сколько онъ признаетъ необходимымъ.

Кромѣ выше перечисленныхъ измѣненій правилъ, касающихся отдѣльныхъ частностей парламентскаго дѣлопроизводства, намѣчены весьма значительныя измѣненія существующаго порядка разсмотрѣнія дѣлъ въ парламентѣ, имѣющія болѣе общій характеръ. Засѣданія палаты общинъ будутъ происходить ежедневно, кромѣ пятницы, по два раза въ день. Члены палаты должны собираться къ двумъ часамъ дня, когда будетъ читаться молитва. Время до 2 ч. 25 м. посвящается личнымъ дѣламъ, а между 2 ч. 25 м. и 2 ч. 30 м. могутъ быть сдѣланы неотложные запросы, касающіеся дѣлъ палаты. Въ 2 ч. 30 м. начинается разсмотрѣніе государственныхъ дѣлъ и продолжается безъ перерыва до 7 ч. 15 м. Съ 7 ч. 15 м. до 8 ч. вечера даются отвѣты на предложенные въ палатѣ запросы. Въ 8 часовъ объявляется перерывъ на одинъ часъ, и въ 9 часовъ засѣданіе начинается снова и продолжается до 12 ч. ночи. Происходящія по понедѣльникамъ, вторникамъ и средамъ дневныя засѣданія, а по понедѣльникамъ также и вечернія, должны быть посвящены обсужденію вопросовъ, возбужденныхъ правительствомъ. Послѣ Пасхи правительство можетъ требовать для разсмотрѣнія своихъ дѣлъ двухъ вечернихъ засѣданій въ недѣлю. Послѣ Троицы палата посвящаетъ разсмотрѣнію правительственныхъ дѣлъ все свое время, кромѣ двухъ дней, предназначенныхъ для обсужденія биллей, исходящихъ отъ отдѣльныхъ членовъ палаты. Вплоть до Пасхи, по четвергамъ, въ теченіе всего дня, занятія палаты посвящаются разсмотрѣнію смѣтныхъ дѣлъ. По пятницамъ вечернихъ засѣданій не будетъ. Если время между 7 ч. 15 м. и 8 ч. вечера окажется недостаточнымъ для отвѣтовъ на сдѣланные запросы, то сообщеніе такихъ отвѣтовъ возобновляется въ 12 ч. ночи.

Сэръ Генри Кэмпбелль Баннерманъ заявилъ въ палатѣ общинъ 6 февраля, что предположенныя новыя правила веденія парламентскихъ занятій должны быть переданы на разсмотрѣніе особаго комитета. Затѣмъ онъ указывалъ, что нѣкоторыя изъ этихъ правилъ нарушаютъ принадлежащее палатѣ вообще право обращаться съ запросами къ министрамъ. Палата является не простою фабрикой законовъ, но представительницею интересовъ всего народа. М-ръ

Чемберлэнъ обратилъ вниманіе палаты на то, что правила эти имѣютъ неотложный характеръ и поэтому должны подлежать безотлагательному разсмотрѣнію; между тѣмъ передача ихъ на обсужденіе особаго комитета затянетъ это дѣло на двѣнадцать мѣсяцевъ. По поводу новыхъ правилъ высказывался еще м-ръ Чэплинъ, выразившій сожалѣніе, что проектъ не предпринимаетъ никакихъ мѣръ къ ограниченію излишней многорѣчивости во время преній. Первое изъ предположенныхъ правилъ, разрѣшающее палатѣ общинъ избирать вице-президента, было принято палатою общинъ 11 февраля большинствомъ 275 голосовъ противъ 91.

31 января военный министръ м-ръ Бродрикъ сообщилъ въ палатѣ общинъ, что къ 1 января 1902 года численность англійскихъ войскъ въ южной Африкѣ доходила до 237.000 человѣкъ. Если взять среднія ежедневныя цифры за 1901 годъ, то окажется, что Англія содержала въ Южной Африкѣ ежедневно не менѣе 280.000 человѣкъ, съ 30.000 офицеровъ, и 208.000 лошадей и муловъ. Кромѣ этихъ цифръ, надо принять во вниманіе еще то, что на рукахъ у англичанъ находилось 27.000 бурскихъ плѣнныхъ и 150.000 человѣкъ бурскаго населенія. Расходы въ прошломъ году составляли 5.500.000 фунтовъ стерлинговъ за каждый мѣсяцъ, но въ настоящее время они сокращены до 4.500.000 фунтовъ въ мѣсяцъ.

Отвѣчая на запросъ, м-ръ Бродрикъ сообщилъ въ палатѣ общинъ 7 февраля, что въ теченіе времени съ 1 октября 1899 года по 31 декабря 1901 г. для надобностей англійскихъ войскъ въ Южной Африкѣ куплено было лошадей: въ Соединенномъ Королевствѣ 59.800, въ Южной Америкѣ—25.872, въ Соединенныхъ Штатахъ—77.101, въ Канадѣ—11.304, въ Австро-Венгріи—23.936, въ Австраліи—20.215 и въ Южной Африкѣ, лошадей и муловъ,—228.000.

5 февраля м-ръ Рутефордъ предложилъ палатѣ общинъ для втораго чтенія билль о бракахъ, заключаемыхъ вдовцами съ сестрами ихъ покойныхъ женъ (The Marriage with a Deceased Wife's Sister Bill). Билль этотъ имѣетъ цѣлью установить, чтобы такіе браки признавались законными въ Соединенномъ Королевствѣ, независимо отъ того, гдѣ именно они были заключены. Для избѣжанія такихъ случаевъ, гдѣ могутъ быть затронуты убѣжденія духовныхъ лицъ, предполагается постановить, что лица эти не обязаны вѣнчать вдовца съ сестрою его покойной жены. Впрочемъ, если такіе браки считаются вполнѣ законными въ колоніяхъ и не затрогиваютъ нисколько нравственнаго чувства ихъ жителей, то едва ли ихъ можно

признавать недопустимыми по легальнымъ или этическимъ основаніямъ въ Соединенномъ Королевствѣ. Послѣ нѣкоторыхъ весьма прискорбныхъ выходокъ членовъ палаты, принадлежащихъ къ противникамъ предложеннаго законопроекта, билль м-ра Рутефорда былъ принятъ во второмъ чтеніи большинствомъ 249 голосовъ противъ 124.

Въ настоящее время наибольшее вниманіе юристовъ привлекаетъ къ себѣ, безъ всякаго сомнѣнія, новый договоръ, въ силу котораго между Англіей и Японіей заключенъ оборонительный союзъ въ виду китайскихъ событій. Договоръ этотъ содержитъ нѣсколько интересныхъ пунктовъ съ точки зрѣнія международнаго права. Но такъ какъ отчетъ о ходѣ парламентскихъ занятій, самъ по себѣ, достигъ обычнаго размѣра моихъ писемъ, то я поэтому откладываю до слѣдующаго моего письма какъ сообщеніе объ англо-японскомъ договорѣ, такъ и свѣдѣнія о нѣкоторыхъ интересныхъ случаяхъ изъ судебной практики и нѣкоторыя данныя уголовной статистики.

Сесиль Мидъ Алленъ.

Лондонъ 5/18 февраля 1902 года.

ЛИТЕРАТУРНОЕ ОБОЗРѢНІЕ.

Къ столѣтію Комитета Министровъ (1802—1902).—Историческій обзоръ дѣятельности Комитета Министровъ.—Томъ первый: Комитетъ Министровъ въ царствованіе Императора Александра Перваго (1802 г. сентября 8—1825 г. ноября 19).—Составилъ С. М. Середонинъ. Изданіе Канцеляріи Комитета Министровъ. С.-Петербургъ 1902 г.— Стр. IX+607.

Въ сентябрѣ настоящаго года исполнится столѣтіе существованія Комитета Министровъ. „Столь важное въ исторіи русскихъ государственныхъ учрежденій событіе",—читаемъ мы въ предисловіи къ разсматриваемой книгѣ,—„казалось желательнымъ ознаменовать составленіемъ историческаго обзора дѣятельности Комитета Министровъ, во всей ея совокупности, съ 1802 г. до нашихъ дней". Вслѣдствіе этого управляющій дѣлами Комитета Министровъ, статсъ-секретарь Куломзинъ, внесъ въ 1897 г. въ Государственный Совѣтъ представленіе объ ассигнованіи, на осуществленіе задуманнаго имъ труда, кредитовъ изъ средствъ Государственнаго Казначейства, при чемъ предполагалъ пригласить для исполненія проектированной работы особое лицо, по своему выбору. Представленіе это, по разсмотрѣніи его въ Государственномъ Совѣтѣ, получило Высочайшее утвержденіе 3 ноября 1897 года.

Составленіе историческаго обзора, первый томъ котораго недавно выпущенъ въ свѣтъ, было поручено магистру русской исторіи С. М. Середонину.

Въ предисловіи не указано, сколько томовъ займетъ весь обзоръ дѣятельности Комитета Министровъ съ 1802 г. до нашихъ дней и въ какой промежутокъ времени имѣется въ виду довести до конца

это изданіе. Нѣтъ въ немъ указаній также и на то, будутъ ли въ томахъ, обозрѣвающихъ послѣдующія за царствованіемъ Александра I эпохи, использованы въ такой же полнотѣ богатые матеріалы архива Комитета Министровъ. Въ интересахъ разработки новѣйшей исторіи—разработки, признаваемой въ томъ же предисловіи „столь необходимою для общественнаго самосознанія", нельзя не пожелать, чтобы при составленіи слѣдующихъ томовъ „Обзора" были выдержаны тѣ же основанія, какія приняты для перваго тома.

„Дѣятельность Комитета Министровъ обнимала всѣ отрасли государственнаго управленія; въ царствованія Императоровъ Александра I и Николая I Комитетъ рѣшалъ по 2,000—2,500 и, даже иногда, до 3,000 дѣлъ въ годъ. Но многія изъ дѣлъ этихъ не представляютъ никакого историческаго интереса,—таковы очень многочисленныя дѣла по личному составу управленій: назначенія, увольненія, отпуски, награды, производства и пенсіи служащихъ; таковы же частыя просьбы о пособіяхъ на счетъ казны и о маловажныхъ изъятіяхъ изъ закона. О дѣлахъ такого рода было положено упомянуть, какъ о разрѣшаемыхъ Комитетомъ, и привести образцы подобныхъ дѣлъ". Достаточнымъ признано простое упоминаніе и о дѣлахъ, которыя Комитетъ Министровъ принималъ къ свѣдѣнію, которыя онъ передавалъ на заключеніе разныхъ лицъ и учрежденій, или о такихъ представленіяхъ, которыя черезъ Комитетъ Министровъ лишь вносились на Высочайшее усмотрѣніе (отчеты министерствъ и главныхъ управленій, опредѣленія Сената, многочисленныя вѣдомости: о пріѣзжающихъ и отъѣзжающихъ лицахъ, о прибывающихъ судахъ и пр.).

За этими изъятіями, матеріаломъ для „Обзора" послужили: 1) дѣла, по которымъ состоялись рѣшенія Комитета, составляющія новыя законоположенія, или такія, которыя послужили образцомъ для рѣшенія однородныхъ съ ними дѣлъ; 2) всѣ дѣла, по которымъ послѣдовали особыя Высочайшія резолюціи и по которымъ въ Комитетѣ возникали пренія; дѣла этого рода, важныя и сами по себѣ, опредѣляютъ положеніе, занимаемое Комитетомъ въ ряду другихъ высшихъ государственныхъ учрежденій, и его дѣятельность, направленную къ согласованію закона съ дѣйствительностью.

„На многихъ положеніяхъ Комитета находятся собственноручныя Высочайшія резолюціи; по многимъ дѣламъ членами Комитета подаваемы были особыя мнѣнія. Такимъ образомъ"—говоритъ предисловіе,—„помимо того интереса, который представляютъ внесенныя въ Комитетъ дѣла и его положенія, русской исторической наукѣ и

литературѣ открывается рядъ документальныхъ данныхъ, свидѣтельствующихъ о стремленіяхъ и воззрѣніяхъ Государей Россіи XIX вѣка и ихъ главныхъ сотрудниковъ".

„Обзоръ" составленъ по журналамъ, меморіямъ и другимъ рукописнымъ книгамъ архива Комитета Министровъ; на документы эти сдѣланы постоянно ссылки; нѣкоторые документы [1]) этого архива уже извѣстны въ литературѣ, и ими пользовались изслѣдователи, но пока никто не исчерпалъ этого архива въ такой полнотѣ, какъ это сдѣлано въ предлагаемой книгѣ.

Изложеніе различныхъ проявленій дѣятельности Комитета Министровъ въ царствованіе Императора Александра I распадается на нѣсколько отдѣловъ соотвѣтственно главнымъ отраслямъ внутренняго управленія; при этомъ въ каждомъ отдѣлѣ на первомъ мѣстѣ поставлены главныя основанія положеній Комитета, а изъ дѣлъ менѣе важныхъ, не вызвавшихъ преній, выбраны и сгруппированы факты, чтобы можно было составить себѣ картину тогдашняго положенія вещей и понять условія, въ которыхъ осуществлялись положенія Комитета и которыми они были вызваны.

Разсматриваемый томъ заключаетъ въ себѣ семь главъ: I. Комитетъ Министровъ; его возникновеніе, устройство и значеніе.—II. Народное здравіе. Народное продовольствіе. Переселенія.—III. Сословія (дворянство, города, крестьяне).—IV. Управленіе центральное и мѣстное.—V. Государственное хозяйство (государственныя росписи и вопросы денежнаго обращенія; питейные сборы, казенная продажа вина, соляное дѣло; пути сообщенія; развитіе промышленности).—VI. Участіе Комитета въ разрѣшеніи дѣлъ военныхъ.—VII. Просвѣщеніе и церковь (мѣры по народному образованію; цензура; вопросы церковнаго управленія).

По каждому изъ этихъ отдѣловъ въ „Обзорѣ" сосредоточены многочисленныя и интересныя данныя, позволяющія составить полное и ясное представленіе о значеніи Комитета Министровъ въ эпоху Александра I, о способахъ и проявленіяхъ его дѣятельности по всѣмъ сторонамъ внутренняго управленія. Благодаря тому, что въ первые три года Александръ I самъ принималъ дѣятельное участіе въ работахъ Комитета, присутствуя на всѣхъ почти засѣданіяхъ его [2]), это новое учрежденіе заняло выдающееся положеніе

---

[1]) Въ 1888—1891 г. были изданы, въ двухъ томахъ, „Журналы Комитета Министровъ" за 1802—1812 г.

[2]) Въ 1802 году состоялось 23 засѣданія Комитета, и только на трехъ

въ системѣ управленія и пріобрѣло исключительное значеніе. Закрѣпленію послѣдняго содѣйствовало то обстоятельство, что во время продолжительнаго отсутствія Александра I, въ 1805, 1808, 1812—1815 г.г. Комитетъ надѣлялся особенно широкими полномочіями. Такъ, въ 1808 году, Государь даровалъ Комитету, въ числѣ другихъ полномочій, право разрѣшать, по зрѣломъ разсужденіи, подъ собственною отвѣтственностью всѣхъ членовъ и такія дѣла, которыя зависятъ единственно отъ Высочайшаго разрѣшенія; въ 1812 г. на время отсутствія Государя изъ столицы Комитетъ Министровъ былъ надѣленъ „особенною властію по всѣмъ вообще дѣламъ государственнаго управленія" (тогда же назначенъ былъ впервые особый предсѣдатель Комитета генералъ-фельдмаршалъ графъ Салтыковъ). Довѣріе Государя, всецѣло занятаго въ 1812—1815 гг. дѣлами военными и политическими, къ Комитету и особенно къ его предсѣдателю было полное: между прочимъ, Государь поручилъ Салтыкову утверждать отъ Имени Его Величества тѣ мнѣнія сенаторовъ, которыя ему, Салтыкову, покажутся справедливыми.

Съ прекращеніемъ войны открылись обширныя злоупотребленія во многихъ губерніяхъ по пріему рекрутъ, сбору пожертвованій; дѣятельность Комитета должна была бы войти въ обычныя границы, и это представлялось тѣмъ болѣе естественнымъ, что Государь не былъ вполнѣ доволенъ дѣятельностью Комитета, который не удовлетворилъ Александра I въ томъ, что̀ онъ считалъ тогда особенно важнымъ—въ содержаніи войскъ. Недовольство Государя усилилось, когда высказаны были обвиненія противъ лицъ, завѣдывавшихъ продовольствіемъ арміи. Управлявшій Военнымъ Министерствомъ кн. А. И. Горчаковъ былъ отданъ подъ судъ, серьезныя обвиненія были высказаны и противъ управлявшаго дѣлами Комитета статсъ-секретаря Молчанова, котораго постигла та же участь. Уволивъ послѣдняго, Государь назначилъ „для доклада и надзора по дѣламъ Комитета всякій разъ, когда здоровье князя Н. И. Салтыкова не позволитъ ему являться лично въ Комитетъ и къ Нему,

---

Государь не присутствовалъ; въ 1803 г. Комитетъ имѣлъ 42 засѣданія, и на всѣхъ присутствовалъ Государь; въ 1804 г. изъ 31 засѣданія Комитета Государь присутствовалъ на 26 засѣданіяхъ; въ 1805 г. изъ 16 засѣданій Государь присутствовалъ только на 4-хъ (уѣзжая въ сентябрѣ 1805 г. изъ С.-Петербурга, Александръ I въ наставленіи, данномъ Комитету, выразилъ желаніе, чтобы „при трактованіи дѣлъ въ Комитетѣ Министровъ сохраненъ былъ тотъ же порядокъ, который наблюдается во время Высочайшаго присутствія".

Государю, генерала отъ артиллеріи графа Аракчеева". Это назначеніе, по словамъ составителя „Обзора", показывало, что Государь былъ недоволенъ нѣкоторыми порядками и лицами въ Комитетѣ, но что онъ вовсе не былъ расположенъ значительно уменьшить дѣятельность Комитета; учрежденіе, по дѣламъ котораго долженъ былъ докладывать Аракчеевъ, менѣе всего должно было опасаться уменьшенія своего значенія, а съ другой стороны—назначеніе Аракчеева показывало, какъ важна въ глазахъ Государя дѣятельность Комитета.

Не имѣя возможности въ настоящей замѣткѣ остановиться на обозрѣніи отдѣльныхъ проявленій дѣятельности Комитета Министровъ, отмѣтимъ нѣкоторыя черты общей характеристики, даваемой составителемъ „Обзора". Комитетъ, въ царствованіе Александра I, являлся въ сущности особою формою доклада—докладомъ не единоличнымъ, а совмѣстнымъ. По всѣмъ дѣламъ, по которымъ слѣдовало испросить Высочайшую резолюцію или представить Государю докладъ, Государь имѣлъ передъ собою не отдѣльное мнѣніе министра, управляющаго вѣдомствомъ, а мнѣнія всѣхъ министровъ и другихъ членовъ Комитета. Когда старыя коллегіи были замѣнены министерствами, то сторонники прежней системы управленія горько жаловались на введеніе единоличнаго управленія, могущаго открыть широкій доступъ произвольнымъ дѣйствіямъ. Характерное и сильное выраженіе эти опасенія получили въ слѣдующихъ словахъ Карамзина: „Министръ",—говорилъ онъ въ запискѣ о „Древней и Новой Россіи,—„не отвѣтственъ, ибо словами: я имѣлъ счастіе докладывать объ этомъ Его Величеству и получить Его разрѣшеніе, или Его Величество объявилъ мнѣ такую Его волю,—министръ слагалъ съ себя всякую отвѣтственность", и въ глазахъ населенія отвѣтственнымъ за все оставался одинъ Государь. „Императоръ Александръ Павловичъ",—говоритъ составитель „Обзора",—„всегда сознавалъ возможность подобныхъ дѣйствій: еще въ неоффиціальномъ комитетѣ слышались жалобы Государя на то, что ему подсовываютъ указы,—оно и было такъ въ дѣйствительности; хотя это и не всегда происходило отъ злой воли, но и Александру I пришлось подписывать противорѣчащіе другъ другу указы или указы, не согласные съ тою политикою, которой онъ хотѣлъ слѣдовать; еще чаще приходилось подписывать назначеніе на мѣста отвѣтственныя лицъ, незадолго передъ тѣмъ уволенныхъ изъ другаго вѣдомства. Лучшимъ средствомъ противъ этого органическаго зла былъ совмѣстный докладъ министровъ; при такой постановкѣ дѣла

Императоръ могъ разсчитывать на то, что и лица, оказавшіяся неспособными или непригодными въ одномъ вѣдомствѣ, не будутъ опредѣляемы въ другое; что каждая предлагаемая мѣра будетъ согласована съ общимъ направленіемъ политики, обсуждена съ точки зрѣнія дѣйствующихъ законовъ и указаны будутъ источники, изъ которыхъ должно будетъ покрыть новый расходъ, если такой потребуется".

„Комитетъ Министровъ",—продолжаетъ составитель „Обзора",—„былъ встрѣченъ недружелюбно въ образованной части русскаго общества, въ дѣятельности его усматривали расширеніе власти министровъ; на дѣлѣ вышло другое. Комитетъ значительно умалялъ власть отдѣльныхъ министровъ какъ тѣмъ, что испрашиваемыя ими Высочайшія резолюціи обсуждались коллегіей, такъ и тѣмъ, что благодаря ему сократились въ сильной степени личные доклады министровъ Государю. Благодаря Комитету Государь былъ освобожденъ отъ массы текущихъ дѣлъ,—слова Александра I,— къ чему требовать его разрѣшенія на отпускъ необходимой суммы, если войска остаются безъ пропитанія. При такой формѣ доклада Александръ I и за управленіе былъ спокойнѣе въ томъ смыслѣ, что не испрошена его воля на что-либо противорѣчащее закону, и выигрывалъ значительное время для занятій болѣе важныхъ. Такъ дѣйствовать Комитетъ могъ именно при такомъ Государѣ, какъ Александръ I, который не считалъ своею обязанностью изучить каждую предлагаемую къ его подписи бумагу и каждое дѣло: человѣческихъ силъ не хватило бы никогда на изученіе всего того, что по закону требовало тогда подписи Монарха,—оттого исторія никогда не откажетъ Императору Александру I въ государственномъ умѣ, который умѣлъ подчинить текущія дѣла принципамъ преслѣдуемой имъ политики; обстоятельства заставляли Александра I не разъ мѣнять политику; жизнь и событія измѣняли его воззрѣнія и принципы, но онъ всегда былъ человѣкомъ убѣжденія, который направлялъ Россію туда, куда хотѣлъ, а не то, чтобы его дѣятельность была вызвана лишь тѣмъ, что случалось, что надо было поправить или вовсе отмѣнить" (стр. 23).

Изданіе „Историческаго обзора дѣятельности Комитета Министровъ" будетъ встрѣчено съ сочувствіемъ и благодарностью всѣми тѣми, кого интересуютъ различные вопросы внутренняго управленія въ ихъ историческомъ развитіи. Для выясненія ихъ „Обзоръ" даетъ обильный и интересный матеріалъ, систематизированный въ удобной формѣ. Нельзя однако не пожалѣть объ отсутствіи указа-

телей, именъ и предметовъ,—указателей, которые въ такихъ изданіяхъ должны составлять непремѣнную принадлежность, облегчая пользованіе изложенными въ нихъ матеріалами; правда, въ книгѣ имѣется довольно подробное оглавленіе, разбитое на мелкія рубрики, но оно далеко не замѣняетъ указателей.

Внѣшняя сторона изданія вполнѣ удовлетворительна. Къ книгѣ приложены четыре портрета: Императора Александра I, двухъ первыхъ предсѣдателей Комитета Министровъ—кн. Н. И. Салтыкова и кн. П. В. Лопухина и гр. А. А. Аракчеева, который съ конца 1815 г. докладывалъ Государю дѣла Комитета.

Z.

Dr. J. Kohler, Professor der Rechte in Berlin, Einführung in die Rechtswissenschaft. Leipzig, 1902. Стр. 208.

Въ настоящее время считается общепризнаннымъ, что энциклопедія права самостоятельнаго значенія не имѣетъ. Задача ея сводится исключительно къ тому, что она даетъ общій обзоръ всѣхъ отраслей обширной науки правовѣдѣнія, связываетъ между собою всѣ разрозненные элементы юриспруденціи, и въ такомъ видѣ энциклопедія права является не болѣе, какъ „введеніемъ“ въ науку права. Новѣйшіе ученые „энциклопедисты“ права иначе не называютъ юридическую энциклопедію, какъ введеніемъ въ изученіе правовѣдѣнія [1]).

Само названіе „энциклопедія права“ является только пережиткомъ старины и удерживается до сихъ поръ единственно въ силу привычки.

При всемъ научномъ интересѣ существующихъ сочиненій по энциклопедіи права, они имѣютъ одинъ существенный недостатокъ: они слишкомъ научны и предназначены исключительно для ученыхъ спеціалистовъ. Кромѣ того, авторы стремятся въ своихъ сочиненіяхъ проводить свои оригинальныя точки зрѣнія и наполняютъ свои труды по энциклопедіи права такимъ матеріаломъ (примѣчанія, цитаты, литературныя ссылки и указанія и т. д.),

---

[1]) Ренненкампфъ, Юридическая энциклопедія, 1889, стр. 1-я.—Коркуновъ, Лекціи по общей теоріи права, изд. 4-ое, стр. 16.—Gareis, Rechts-Encyklopädie und Methodologie, 2-e Auflage, стр. 1.—Merkel, Juristische Encyklopädie, стр. 1.

который дѣлаетъ книги совершенно недоступными и мало полезными для начинающихъ и малопосвященныхъ. Дѣйствительнаго „введенія“, которое было бы написано исключительно съ цѣлью „ввести“ въ науку права „новичковъ“ и непосвященныхъ, дать имъ возможность оріентироваться въ этой обширной наукѣ, понять ее, такъ сказать, въ ея цѣломъ, нѣтъ ни у насъ, ни въ Германіи. Еще болѣе чувствуется недостатокъ въ такомъ сочиненіи, въ которомъ излагалось бы совершенно объективно то „послѣднее слово“, которое сказано въ наукѣ права, разумѣя подъ этимъ новѣйшія направленія въ юриспруденціи.

Въ настоящее время пробѣлъ этотъ отчасти восполненъ книгой профессора Берлинскаго университета I. Колера, извѣстнаго своею разносторонностью и болѣе всего, какъ авторъ многочисленныхъ трудовъ по сравнительному правовѣдѣнію.

Въ предисловіи къ разбираемому сочиненію авторъ говоритъ, что задачей своего новаго труда онъ поставилъ дать общую картину всего правовѣдѣнія (ein Bild der gesamten Rechtswissenschaft). Сочиненіе свое онъ посвящаетъ „новичкамъ“ въ правовѣдѣніи, а также мыслящей публикѣ вообще, для которой вся юриспруденція въ большинствѣ случаевъ представляетъ собою terram incognitam.

Книга распадается на слѣдующіе отдѣлы:

I—введеніе и основныя положенія, II—частное (гражданское) право и III—публичное право.

Въ послѣднее входитъ:

a) право внутренняго управленія, государственное право и право церковное, b) гражданскій процессъ, c) уголовное право, d) уголовный процессъ и e) международное право.

Введеніе начинается съ слѣдующаго основнаго опредѣленія правоваго порядка: „Rechtsordnung ist eine durch die sociale Natur des Menschen in sozialer Weise gegebene Zwangs-ordnung der menschlichen Lebensverhältnisse“. Право имѣетъ свое основаніе въ соціальной природѣ человѣка.

Въ прежнія времена,—говоритъ авторъ,—при опредѣленіи существа права исходнымъ пунктомъ являлся отдѣльный индивидуумъ, и право понималось, какъ нормы, установленныя для регулированія различныхъ отношеній отдѣльныхъ (физическихъ) личностей между собою. Такая точка зрѣнія признается профессоромъ Колеромъ безусловно невѣрной. Уже въ древнія времена человѣкъ дѣйствовалъ не какъ отдѣльное, самостоятельное существо, а исключительно какъ часть прочнаго соціальнаго цѣлаго, которое обхва-

тывало крѣпко отдѣльнаго индивида. Съ самаго начала въ исторіи культуры люди выступаютъ цѣлыми группами; дѣйствуютъ соціальныя группы, а единичныя личности подчиняются, быть можетъ, безсознательно, инстинктивному повелѣнію той группы, къ которой они принадлежатъ. Исторія культуры шла не тѣмъ путемъ, какой считали вѣрнымъ до сихъ поръ: не развитіе культуры привело къ ограниченію свободы отдѣльнаго индивида, наоборотъ, индивидуальная свобода развивается вмѣстѣ съ развитіемъ культуры, и такимъ образомъ послѣдняя сама создаетъ эту свободу. Вотъ тѣ основныя положенія, которыя проходятъ красной нитью черезъ все интересное сочиненіе профессора Колера.

Какъ всѣ соціальныя явленія, право (какъ и нравы людей) не представляетъ собою чего-то мертваго, либо вѣчнаго, незыблемаго, но постоянно развивается.

Далѣе авторъ даетъ краткій культурно-историческій обзоръ происхожденія права, выработавшагося первоначально изъ нравовъ, подобно тому какъ изъ частнаго права развилось и совершенно отдѣлилось впослѣдствіи публичное право.

Второй отдѣлъ, подъ общимъ заглавіемъ „частное право", дѣлится на шесть отдѣльныхъ главъ: a) общая часть, b) личное право, c) имущественное право (Güterrecht), d) право требованій, e) торговое право и f) семейное и наслѣдственное право.

Во избѣжаніе лишнихъ и довольно запутанныхъ разсужденій о физическихъ и юридическихъ лицахъ, авторъ начинаетъ „общую часть" съ того, что „частное право" съ древнихъ временъ содержитъ нормы, относящіяся не только къ лицамъ „физическимъ, но и къ разнымъ группамъ лицъ, къ такъ называемымъ юридическимъ лицамъ. „Person ist nicht mit dem Menschen identisch" [1]). Этимъ авторъ легко и весьма вѣрно разрѣшаетъ трудный вопросъ о „субъектѣ права" и избѣгаетъ введенія въ частное право понятіе юридическаго лица, какъ фикціи [2]). Далѣе авторъ даетъ прекрасный, хотя слишкомъ сжатый, очеркъ развитія объективнаго права, отмѣчая главные моменты въ исторіи его развитія: обычай, религіозныя вѣрованія, римское право, германское право (для Германіи) и т. д.

Слѣдующій затѣмъ § 8 посвященъ субъекту частнаго права,

---

[1]) Стр. 14.

[2]) Ср. теорію соціальныхъ организмовъ, Dernburg, Pandecten, I, 6-ое изданіе, стр. 134 и сл.

подъ понятіе котораго, какъ мы уже указали, подходитъ какъ физическое, такъ и юридическое лицо. Въ § 9 авторъ переходитъ къ объектамъ частнаго права, а въ слѣдующемъ § 10—къ юридической сдѣлкѣ и субъективному праву. Послѣднее подобно объективному праву не представляетъ собою чего-то мертваго, а постоянно развивается, и главную, творческую силу субъективнаго права проф. Колеръ видитъ въ юридической сдѣлкѣ. Обширная область юридическихъ сдѣлокъ все болѣе и болѣе развивается съ развитіемъ культуры. Въ нихъ (т. е. въ юридическихъ сдѣлкахъ) сливаются вмѣстѣ индивидуальный и соціальный элементы права. Отдѣльной личности дается возможность воздѣйствовать на развитіе права, ей предоставляется распространить свою власть въ той сферѣ, въ которой обыкновенно господствуетъ объективное право [1]).

Вторая глава посвящена личнымъ правамъ. Интереснымъ въ этой главѣ является очеркъ историческаго развитія семьи, какъ особаго вида группы людей, группы, играющей весьма важную роль въ области правовыхъ отношеній. Авторъ даетъ сжатый обзоръ отдѣльныхъ фазисовъ развитія лично-правовыхъ отношеній членовъ семьи, въ тѣсномъ и широкомъ смыслѣ этово слова.

Въ третьей главѣ идетъ рѣчь объ имущественномъ правѣ. Авторъ и здѣсь начинаетъ съ краткаго очерка развитія частной собственности и переходитъ затѣмъ къ обзору тѣхъ юридическихъ институтовъ, которые порождены развитіемъ понятія о частной собственности (владѣніе, право собственности, сервитуты, ограниченія права собственности, экспропріація и т. д.).

Слѣдующія двѣ главы (четвертая и пятая) посвящены праву обязательственному (или праву требованій, по терминологіи автора) и торговому праву.

Послѣдняя (шестая) глава этого отдѣла отведена семейно-имущественному и наслѣдственному праву. Вѣрный своей основной точкѣ зрѣнія, авторъ эту главу начинаетъ опять-таки съ культурно-историческаго обзора имущественно правовыхъ отношеній между членами семьи. Развитіе индо-германской семьи съ общимъ семейнымъ имуществомъ привело въ римскомъ правѣ къ полному деспотизму paterfamilias'a. Въ позднѣйшую эпоху, именно въ періодъ христіанскихъ императоровъ, положеніе это нѣсколько ослаблено (члены семьи постепенно получили право собственности на иму-

---

[1]) Ср. Д. Д. Гриммъ—Основы ученія о юридической сдѣлкѣ въ современной нѣмецкой доктринѣ пандектнаго права, т. I, Спб. 1900.

щество, нажитое собственнымъ трудомъ), благодаря вліянію на римское право греческихъ и восточныхъ правовыхъ и этическихъ воззрѣній. Германская семья сохранила всецѣло старую, индо-германскую идею объ общемъ семейномъ имуществѣ.

Затѣмъ второй отдѣлъ заканчивается изложеніемъ существа наслѣдственнаго права въ общихъ чертахъ.

Вѣрность своему методу авторъ проявляетъ и въ третьемъ отдѣлѣ, посвященномъ публичному праву. Въ первой главѣ, въ которой рѣчь идетъ о правѣ государственномъ, церковномъ и внутренняго управленія, дается весьма интересный, хотя очень сжатый, очеркъ развитія государственной власти, церкви и отдѣленія ея отъ государства; тутъ же попутно имѣется краткое изложеніе главныхъ историческихъ моментовъ ученія о происхожденіи государства.

Во второй главѣ находимъ прекрасный очеркъ развитія гражданскаго процесса, при чемъ авторъ указываетъ, что гражданское судопроизводство стало настоящей юридической наукой только съ появленіемъ понятія о процессѣ, какъ юридическомъ отношеніи [1]).

Безъ признанія за процессомъ характера юридическаго отношенія, гражданское судопроизводство является лишь вспомогательнымъ и фактическимъ описаніемъ процессуальныхъ дѣйствій, и въ такомъ видѣ его нельзя назвать наукой.

Въ третьей довольно обширной главѣ (43 стр.) мы находимъ изложеніе общей части уголовнаго права. Эту главу можно назвать менѣе удачной. Въ ней авторъ совершенно уклоняется отъ своего метода и даетъ сжатый обзоръ общей части уголовнаго права въ такомъ видѣ, въ какомъ ему подобаетъ быть развѣ въ учебникѣ уголовнаго права, а не въ „введенія въ науку права". Понятія преступленія и наказанія излагаются съ точки зрѣнія такъ называемой классической школы криминалистовъ, воззрѣнія которыхъ все болѣе и болѣе оставляются или значительно модифицируются новѣйшими представителями науки уголовнаго права [2]). Школа итальянскихъ криминалистовъ—антропологовъ (Ломброзо),

---

[1]) Теорія Бюлова. У насъ представителемъ этой теоріи является проф, Гольмстенъ. См. его учебникъ русскаго гражданскаго судопроизводства. 3-е изд., также его „Принципъ тождества въ гражданскомъ процессѣ" въ Юридическихъ изслѣдованіяхъ и статьяхъ.

[2]) См. М. П. Чубинскій, Общая характеристика новыхъ ученій въ уголовномъ правѣ. Кіевъ, 1898.

а также представителей соціологическаго направленія въ уголовномъ правѣ (Тардъ, Листъ, Прэнсъ, Ферри, у насъ Фойницкій) авторомъ вовсе не приняты въ соображеніе, а между тѣмъ этимъ школамъ и въ особенности послѣдней уголовное право въ значительной степени обязано своимъ развитіемъ и успѣхами въ наше время. Излагая затѣмъ современныя системы наказаній, авторъ возвращается къ положенному въ основу сочиненія методу, даетъ обзоръ культурно-историческаго развитія понятія наказанія и вскользь упоминаетъ о нѣкоторыхъ современныхъ психо-соціологическихъ воззрѣніяхъ.

Гораздо лучше изложена слѣдующая затѣмъ глава, посвященная уголовному процессу. Здѣсь проф. Колеръ всецѣло возвращается къ своей культурно-исторической точкѣ зрѣнія.

Глава послѣдняя отведена международному праву. Здѣсь обращаетъ на себя вниманіе въ особенности терминологія автора. Международное право вообще онъ называетъ „Völkerrecht", въ которое входитъ „das internationale Recht", подъ которымъ авторъ разумѣетъ: международное гражданское и уголовное право и оба процесса. Не говоря уже о томъ, что въ нѣмецкой литературѣ международное право вообще называется одинаково „Völkerrecht" или „Internationales Recht" [1]), такая неустойчивая терминологія врядъ ли удобна въ такомъ сочиненіи, предназначенномъ во всякомъ случаѣ не для ученыхъ спеціалистовъ.

Къ сочиненію приложенъ предметный указатель.

Переходя къ общей оцѣнкѣ интересной работы проф. Колера, мы должны отмѣтить ея несомнѣнныя достоинства. Книга можетъ сослужить большую службу начинающему юристу-теоретику, въ особенности студенту. Она даетъ общій философскій культурно-историческій обзоръ отдѣльныхъ юридическихъ дисциплинъ, при чемъ, что важнѣе всего,—съ точки зрѣнія новѣйшаго соціологическаго воззрѣнія на право. Авторъ избѣгаетъ подробностей, научныхъ обобщеній, иногда даже въ ущербъ дѣлу. На протяженіи всего сочиненія нѣтъ ни одного почти примѣчанія, ни одного литературнаго указанія. Книга написана очень увлекательно и читается въ высшей степени легко. Особенно горячо можно ее рекомендовать лицамъ, желающимъ получить общее представленіе о наукѣ права.

И. Вольманъ.

---

[1]) См. Мартенсъ, Современное международное право цивилизованныхъ народовъ, т. I, изд. 4-е, стр. 17.

G. Jellinek.—La Déclaration des Droits de l'homme et du citoyen. Contribution à l'histoire du droit constitutionnel moderne. Trad. par. G. Fardis. 1902.

Названная работа извѣстнаго гейдельбергскаго профессора, появившаяся во французскомъ переводѣ, имѣетъ большое историческое значеніе, въ особенности для французской литературы. Какъ замѣчаетъ Іеллинекъ въ своемъ маленькомъ предисловіи, для выясненія современныхъ правовыхъ институтовъ, недостаточно изученія исторіи литературы и развитія правовыхъ идей; надо изслѣдовать и исторію самихъ институтовъ, ихъ развитіе и взаимодѣйствіе въ соціальной средѣ. Между тѣмъ въ наукѣ не всегда господствовалъ этотъ взглядъ на дѣло. Такъ, до сихъ поръ еще можно найти предразсудки, основанные на незнаніи исторіи учрежденій.

Противъ подобныхъ ошибокъ наука должна быть всегда насторожѣ. Въ упомянутой книгѣ, Іеллинекъ именно и старается выяснить одно изъ такихъ недоразумѣній, господствующихъ въ нѣкоторой части ученой литературы. Онъ изслѣдуетъ въ своемъ трудѣ исторію происхожденія деклараціи правъ человѣка.

До сихъ поръ еще многіе французскіе юристы держатся того мнѣнія, что декларація была результатомъ философіи XVIII вѣка и въ особенности ученія Руссо. Эту мысль высказываетъ напр., одинъ изъ самыхъ видныхъ ученыхъ Франціи Paul Janet, выводя знаменитую декларацію прямо изъ принциповъ Contrat Social. Между тѣмъ, при внимательномъ сопоставленіи деклараціи съ основами общественнаго договора Руссо, мы сейчасъ же найдемъ въ нихъ огромную разницу. Тогда какъ декларація пересчитываетъ права отдѣльнаго индивида, въ общественномъ договорѣ только одинъ основной принципъ—полное отчужденіе правъ личности въ пользу общества (Du contrat Social I, 6), что̀, конечно, несовмѣстимо съ положеніями деклараціи. Такимъ образомъ, намъ приходится отказаться отъ этой мысли; но откуда же пришла идея перечисленія правъ личности?—Изъ Bills of Rights Сѣверо - Американскихъ колоній. Здѣсь мы имѣемъ образецъ блестящаго разсужденія проф. Іеллинека, больше всего насъ поражаетъ то обстоятельство, что ошибка, имъ выясняемая, лежитъ въ незнаніи исторіи первыхъ французскихъ конституцій; между тѣмъ мнѣніе о происхожденіи деклараціи изъ философскихъ идей XVIII вѣка, при чемъ образцомъ послужила будто бы декларація независимости

Сѣверо-Американскихъ Соединенныхъ Штатовъ 1766 года, поддерживалось такими авторитетами, какъ Taine, Stahl, Sybel, Haeusser и др. Разбирая подробно французскую исторію временъ революціи, Іеллинекъ ясно доказалъ невозможность подобнаго вывода. Не декларація независимости, а деклараціи отдѣльныхъ штатовъ послужили образцомъ для французской деклараціи. Виргинія первая приняла писанную конституцію и первая включила въ нее перечисленіе правъ личности; затѣмъ и большинство другихъ штатовъ сдѣлали то же. Іеллинекъ посвятилъ особую главу параллельному сравненію положеній конституціи штатовъ съ деклараціей правъ человѣка. Но, конечно, декларація составлена въ стилистическомъ и литературномъ отношеніи лучше; положенія болѣе сжаты и вмѣстѣ съ тѣмъ болѣе рельефно очерчиваютъ права индивида.

Далѣе Іеллинекъ выясняетъ противоположеніе американскихъ конституцій правовымъ понятіямъ Англіи. Въ Америкѣ впервые заговорили о субъективныхъ правахъ гражданъ. Въ Англіи, наоборотъ, какъ наука, такъ и практика съ незапамятныхъ временъ стояли на той точкѣ зрѣнія, что всѣ положенія о свободѣ суть обязанности правительства, т. е. положенія права объективнаго, а не права личности; теорія эта, какъ извѣстно, въ настоящее время принята нѣмецкой литературой, начиная съ Гербера и Лабанда. Затѣмъ Іеллинекъ идетъ дальше и выясняетъ происхожденіе американскихъ Bills of Rights. Согласно его выводамъ происхожденіе этихъ биллей было чисто религіозное.

Колонисты, заселяя все новыя территоріи Сѣверной Америки, основывали новыя общежитія, установляя въ нихъ полную религіозную свободу гражданъ; впослѣдствіи, когда эти общежитія и колоніи отпали отъ метрополіи, религіозная свобода настолько уже утвердилась, что стала субъективнымъ правомъ индивидуумовъ въ глазахъ американцевъ и въ этомъ видѣ и вошла въ первыя писанныя конституціи. Слѣдствіемъ же было опредѣленіе конституціями и другихъ правъ гражданъ, т. е. ограниченіи законодательной власти извѣстными предѣлами, извѣстными противопоставленными ей правами личности. Іеллинекъ справедливо указываетъ на это обстоятельство, какъ на фактъ, могущій выяснить природу общественнаго договора и возникновенія субъективныхъ правъ подданныхъ. Въ новыхъ поселеніяхъ американскихъ колонистовъ мы видимъ общественный договоръ поселяющихся, какъ совершенно реальный договоръ, которымъ обезпечивалась религіозная свобода новыхъ гражданъ.

Такимъ образомъ передъ нами еще примѣръ безсознательнаго медленнаго хода исторіи. Обезпечивая свою вѣротерпимость, американцы, конечно, и не мечтали о какихъ-либо правахъ, противупоставляемыхъ государству, такъ какъ самого государства даже не было—это были только вполнѣ зависимыя колоніи. Между тѣмъ, когда колоніи стали самостоятельными, когда онѣ, по примѣру Виргиніи, создали свое независимое государственное устройство, притязанія гражданъ на охрану ихъ религіозной свободы были настолько неоспоримы, что, какъ права гражданъ, ограничивающія законодательную власть, были включены въ конституціи.

Во Франціи порядокъ созданія субъективныхъ правъ былъ немного другой. Тамъ, въ Америкѣ, права уже существовали до государства, и послѣднему не оставалось ничего болѣе, какъ ихъ признать; здѣсь, во Франціи, создавалось сначала государство, а ужъ послѣ него, какъ ограниченія ему—субъективныя права подданныхъ. Такимъ образомъ, вопреки господствующему во Франціи мнѣнію, надо признать, что идея субъективныхъ правъ зародилась не во Франціи, а по ту сторону океана, въ далекихъ колоніяхъ Сѣверной Америки; во Францію же они перешли уже готовыми и, какъ таковыя, были воспроизведены декларацiей 1789 года. Нельзя, конечно, отрицать вліяніе этой декларацiи на ходъ событій европейскихъ; ея основы сквозятъ во всѣхъ конституціяхъ XIX вѣка, отголоски ея звучатъ во всѣхъ пертурбаціяхъ прошлаго столѣтія; въ этомъ заслуга Франціи. Ее гордо провозглашаетъ Larnaude въ своемъ предисловіи къ переводу Іеллинека. Названный ученый вполнѣ присоединяется къ мнѣнію Іеллинека, относительно американско-религіознаго происхожденія декларацiи правъ человѣка и гражданина, но,—замѣчаетъ Larnaude (стр. VII),—главное значеніе декларацiи лежитъ въ той роли, которую она играла впослѣдствіи въ Европѣ, въ ея судьбѣ и результатахъ, ею вызванныхъ, и въ этомъ онъ видитъ заслугу Франціи, что, впрочемъ, признаетъ и Іеллинекъ (стр. 91).

Предисловіе проф. Ларнода ярко освѣщаетъ современное значеніе декларацiи, хорошо характеризуетъ ея историческую роль для науки права и вообще является вполнѣ достойнымъ дополненіемъ этого маленькаго, но важнаго въ научномъ отношеніи труда нѣмецкаго ученаго. Появленіе французскаго перевода свидѣтельствуетъ о все болѣе развивающейся во Франціи потребности ознакомленія съ нѣмецкой юриспруденціей. Къ счастью, за послѣднее время, французы стали отказываться отъ узко-національной разработки

публичнаго права, и новая школа, съ Hauriou во главѣ, все больше и больше считается съ юридическимъ методомъ, господствующимъ въ Германіи. Хотя эта работа Іеллинека имѣетъ по преимуществу историческое значеніе, но и на ней мы явно видимъ отпечатокъ тонкаго юридическаго анализа, столь развитаго въ современной нѣмецкой школѣ юристовъ, виднѣйшимъ изъ представителей которой является Іеллинекъ.

Блестящее изложеніе на красивомъ и литературномъ французскомъ языкѣ должно быть поставлено въ заслугу переводчику, много работавшему подъ личнымъ руководствомъ гейдельбергскаго профессора.

Бар. С. Корфъ.

Въ теченіе послѣдняго мѣсяца въ редакцію поступили слѣдующія книги и брошюры:

Архивъ Государственнаго Совѣта.–Т. IV. Царствованіе Императора Александра I (Съ 1810 по 19 ноября 1825 г).—Журналы по дѣламъ Д—та Гражданскихъ и Духовныхъ Дѣлъ. Спб. 1901. (Стр. VI+1—762+I—LV).

Бобрищевъ-Пушкинъ, А. М.—Судъ и раскольники-сектанты.—Спб. 1902. (Стр. 207). Ц. 1 р. 35 к.

Военно-судебное законодательство Западно-Европейскихъ Государствъ.—Франція, Италія и Бельгія. Перев. подъ редакціей Э.-Орд. Проф. А. С. Лыкошина.—Спб. 1902. (Стр. 142).

Гаугеръ, А. К.—Законы гражданскіе. (Св. Зак. т. X, ч. I изд. 1900 г.). Со включеніемъ позднѣйшихъ узаконеній и разъясненій по рѣшеніямъ Общ. Собр. и Гражд. Кассац. Д—та Правит. Сената, съ 1866 г. по іюль 1900 г. Изд. 5-е.—Спб. 1902. (Стр. LVII+1—868+1—142+1—99). Ц. 3 руб.

Гольдмерштейнъ, Л. М.—Веденіе судебныхъ дѣлъ.—Общедоступное руководство.—Москва. 1902 г. (Стр. 60). Ц. 20 коп.

Коссацкій, В. В.—Фельдшерскій справочникъ. Полный систематическій сборникъ вопросовъ и отвѣтовъ о правахъ и обязанностяхъ фельдшеровъ всѣхъ вѣдомствъ.—Изд. 2-е.—Спб. 1902. (Стр. XV+284). Ц. 1 р. 50 к.

Къ столѣтію Комитета Министровъ (1802—1902).—Историческій обзоръ дѣятельности Комитета Министровъ.—Т. I: Комитетъ Министровъ въ царствованіе Императора Александра I (1802 г. сентября 8—1825 г. ноября 19). Составилъ С. М. Середонинъ.—Изд. Канцеляріи Комитета Министровъ.—Спб. 1902. (Стр. IX+607).

Отчетъ по дѣлопроизводству Государственнаго Совѣта за сессію 1900—1901 г.г.—Спб. 1902. (Стр. 6+I—V+1—906).

Отчетъ по Костромскому ремесленному исправительному пріюту за 1901 г.—Кострома. 1902. (Стр. 74).

Павловъ-Сильванскій, Н. П.—Иммунитетъ въ Удѣльной Руси.—Спб. 1900. (Стр. 48). Ц. 40 к.

Павловъ-Сильванскій, Н. П.—Новое объясненіе закладничества.

Павловъ-Сильванскій, Н. П.—Феодальныя отношенія въ Удѣльной Руси.—Спб. 1902. (Стр. 82). Ц. 60.

Сводъ законовъ Россійской Имперіи.—Т. V. Уставы объ акцизныхъ сборахъ.—Спб. 1901 г. (Стр. 364).

Трусевичъ, К. И.—Переборы и просрочки, вытекающіе изъ примѣненія сборниковъ разстояній желѣзныхъ дорогъ.—Практическое пособіе для судей, повѣренныхъ, грузохозяевъ и агентовъ жел. дор.—Спб. 1902. (Стр. 100). Ц. 75 к.

Фельдштейнъ, Г. С.—Ученіе о формахъ виновности въ уголовномъ правѣ.—Введеніе. Психологическія основы ученія о формахъ виновности. Формы виновности въ Моисеевомъ законодательствѣ и римскомъ правѣ.—Москва, 1902. (Стр. XI+569).

Юридическое Общество при Императорскомъ Спб. Университетѣ за 25 лѣтъ (1877—1902 г.г.)—Спб. 1902. (Стр. II+1—164).

ОБЗОРЪ ЮРИДИЧЕСКИХЪ ЖУРНАЛОВЪ.

Вѣстникъ Права (Журналъ Юридическаго Общества при Императорскомъ С.-Петербургскомъ Университетѣ) № 10 (Декабрь) 1901 г.

„Нѣсколько замѣчаній по исторіи древне-русской общины“ — *А. А. Папкова.*

Статья г. Папкова, не внося новыхъ горизонтовъ въ выясненіе значенія русско-славянскихъ общинныхъ началъ, представляетъ конспектъ существующей по этому предмету литературы и добытыхъ результатовъ. Пересматривая, по очереди, вопросы объ общинномъ самоуправленіи и землепользованіи, связанномъ съ круговой порукой, „вервь“, вѣче, власть князя, гражданскую свободу, общинные порядки до Царскихъ Судебниковъ, переживаніе общины въ западной Россіи и въ „Копныхъ судахъ“ западной Руси подъ польскимъ игомъ и заканчивая короткимъ очеркомъ началъ артельнаго уклада въ жизни русскаго народа, авторъ остается вездѣ вѣрнымъ основной точкѣ зрѣнія, унаслѣдованной имъ отъ лучшихъ представителей изслѣдованія права и быта русскаго государства.

Касаясь крайне темнаго вопроса о существованіи полной собственности отъ древнѣйшихъ временъ нашей исторіи, авторъ говоритъ: „картину древне-русскаго общественнаго быта невозможно возстановить во всей ея полнотѣ и цѣлости, и вѣроятно отъ историковъ навсегда останется скрытымъ какъ постепенное развитіе правовыхъ началъ, которое происходило внутри общины, такъ и постепенное расширеніе ея въ пространствѣ, вмѣстѣ со связан-

нымъ съ такимъ расширеніемъ процессомъ соотношенія ея къ другимъ самостоятельнымъ общинамъ, а равно и къ вотчинникамъ (отдѣльнымъ собственникамъ), которые, быть можетъ, появились еще въ доисторическій періодъ рядомъ съ общинами".

По поводу нынѣ выяснившагося въ исторіи русскаго права значенія древняго слова „вервь", означающаго пространство общинной земли (а, стало быть, и самую общину), вслѣдствіе распространенія слова „вервь", т. е. веревки, посредствомъ которой измѣрялась земля, отъ орудія измѣренія на самый предметъ измѣряемой земли,—авторъ приводитъ совершенно аналогичное употребленіе слова вервь (funiculus dimensionis) у балтійскихъ славянъ, по свидѣтельству Котляревскаго. Красною нитью проходитъ черезъ первичную русскую исторію начало гармоничнаго сочетанія общинныхъ основъ добровольнаго призванія иноземной власти въ лицѣ Рюриковичей и отсутствія порабощенія отдѣльной личности на свободно владѣемой ею землѣ, въ связи съ крѣпкими устоями своего самоуправленія, выборнаго суда и общинной жизни, при чемъ указывается на то, достойное вниманія, явленіе, что въ концѣ XVI вѣка крестьянство, лишившееся своихъ собственныхъ общинныхъ земель, въ то же время пользовалось сильнѣйшимъ процвѣтаніемъ началъ общиннаго самоуправленія. Подводя итоги историческаго прошлаго общины ко времени Царскихъ Судебниковъ, авторъ отмѣчаетъ: 1) владѣніе и пользованіе землею сообща безразлично какъ въ землѣ, предоставленной государствомъ, такъ и въ той, которую крестьяне получали въ пользованіе отъ помѣщиковъ; 2) связь всѣхъ надѣленныхъ землею, на началѣ круговой поруки, при отбываніи податей и повинностей; 3) свободный входъ и выходъ изъ общины; 4) право совѣщанія на сельскомъ вѣчѣ; 5) право избранія старостъ и судей и самоуправленіе черезъ „излюбленныхъ людей"; 6) равноправность членовъ общины на мірскихъ выборахъ и 7) свободное распоряженіе каждаго члена общины своимъ личнымъ имуществомъ. Такова картина общиннаго быта, который, какъ извѣстно, сохранился нетронутымъ до нашихъ дней и до отмѣны крѣпостнаго права, кромѣ одного только права свободнаго входа и выхода изъ общины.

Въ замѣчаніяхъ о судьбахъ русскаго общиннаго быта въ западной Руси въ польское время отмѣтимъ интересный фактъ: предоставленіе литовско-русскимъ городамъ Магдебургскаго права вредило общиннымъ началамъ, освобождая элементъ населенія, переходящаго на городское положеніе, отъ тяготъ общинно-сельскаго

быта, въ силу чего послѣдній слабѣлъ и бѣднѣлъ. Такимъ образомъ самое умноженіе и усиленіе городовъ бывшей Рѣчи Посполитой содѣйствовало разложенію народно-общинныхъ началъ, не говоря уже о сознательномъ антагонизмѣ польско-католическаго правительства противъ всего русскаго строя въ государствѣ и не говоря о безконтрольной власти пановъ надъ крестьянами. Совокупность всѣхъ этихъ условій не могла не отразиться тлетворно на историческихъ судьбахъ общины въ западной отрасли русскаго народа.

По вопросу объ артельной организаціи народныхъ трудовыхъ предпріятій авторъ считаетъ желательнымъ прослѣдить на протяженіи многовѣковой русской жизни за тѣмъ могущественнымъ и неотразимымъ вліяніемъ, которое оказывали самобытныя общинно-артельныя начала на разнообразное проявленіе русской народной дѣятельности. Такое изслѣдованіе должно повести къ чрезвычайно важному освѣщенію историческихъ фактовъ и къ выясненію завѣтныхъ стремленій русскаго народа къ осуществленію своего историческаго призванія, къ своей „русской правдѣ". Въ своихъ артельныхъ учрежденіяхъ русскіе люди достигли возможнаго уравненія правъ трудящагося класса и примиренія тѣхъ соціальныхъ несовершенствъ и неправильностей, которыя замѣчаются въ человѣческомъ обществѣ повсюду и всегда; въ этихъ учрежденіяхъ личныя начала и личная инціатива, по добровольному соглашенію людей, участвующихъ въ союзѣ, связаны только на время, пока пребываніе въ немъ они находятъ для себя выгоднымъ; да къ тому же, находясь въ соединеніи, они и не утрачиваютъ всей своей независимости. Посредствомъ артели личность, входящая въ составъ ея, неизмѣримо выигрываетъ въ своей силѣ и въ своемъ общественномъ значеніи, она выводится изъ апатіи и безжизненности; ей легче бороться съ монополіей и съ окружающими ее со всѣхъ сторонъ привилегіями сильныхъ людей; она свободнѣе выдерживаетъ гнетъ ихъ капиталовъ.

„Судъ и раскольники сектанты" (*окончаніе*)—*А. М. Бобрищева-Пушкина.*

Настоящею статьею авторъ заканчиваетъ рядъ очерковъ, посвященныхъ выясненію общественно-государственнаго значенія нашего раскола. Г. Бобрищевъ-Пушкинъ проводитъ основную мысль, состоящую въ признаніи безплодности борьбы свѣтскими средствами противъ отпаденія отъ православія и совращенія въ расколъ, до-

казывая невозможность для судебной и вообще свѣтской власти, безъ вреда для себя, направлять наказаніе не столько противъ дѣйствій, сколько противъ мысли населенія, зараженнаго расколомъ.

„Свобода открытаго моря по морскому международному праву“ — А. Н. Долгова.

Къ числу основныхъ положеній международнаго права относится принципъ свободы открытаго моря, т. е. безпрепятственное право плаванія для всѣхъ державъ по такому морю, которое омываетъ берега двухъ или болѣе государствъ. Установленіе этого общепризнаннаго начала далось не безъ боя; Англія не далѣе какъ въ XVII столѣтіи претендовала на исключительное право собственности ея надъ всѣми морями, омывавшими ея берега, и лишь впослѣдствіи превратила это гордое стремленіе въ болѣе мягкую претензію (владычицы моря, повелительницы океановъ). Когда впервые Гуго Гроцій въ 1609 г. написалъ свое сочиненіе о „Свободномъ морѣ“, англійское правительство потребовало даже отъ голландскаго правительства строгаго наказанія Гуго Гроція. Само собою разумѣется, что идея свободнаго пользованія открытымъ моремъ лишь постепенно отвоевала право на существованіе. Окончательно утвердилась она лишь въ 1780 г. съ декларацією Императрицы Екатерины II о вооруженномъ нейтралитетѣ.

Современные юристы признаютъ принципъ свободы открытаго моря непоколебимымъ, утверждая, что ни одно государство, какъ бы сильно оно ни было, не можетъ присвоивать себѣ исключительное право пользованія или даже простаго господства въ открытыхъ моряхъ и, слѣдовательно, не имѣетъ права въ чемъ бы то ни было стѣснять плаваніе другихъ народовъ въ открытыхъ моряхъ. Море открытое должно быть свободно для всѣхъ. Между тѣмъ эти начала до сихъ поръ не примѣняются вполнѣ къ Черному морю. Причина этого ограниченія лежитъ въ исторіи восточнаго вопроса и въ особенности въ борьбѣ западныхъ державъ и Россіи за и противъ нейтралитета турецкихъ проливовъ и пользованія ими. Двухсотлѣтняя исторія этой борьбы отмѣчена чередованіемъ противоположныхъ началъ. Въ первые три вѣка турецкаго режима, послѣ завоеванія исламомъ береговъ Чернаго моря, это море было внутреннимъ, омывающимъ со всѣхъ сторонъ турецкіе берега; сюда въ тѣ времена не проникалъ иностранный флагъ. Съ 1739 г. (по Бѣлградскому миру) русскій флагъ получаетъ свободный доступъ

къ Черному морю. Въ Екатерининскій періодъ Россія развиваетъ это право, и постепенно возникаетъ почва для того, чтобы море, подверженное совладѣнію нашему съ турками, могло считаться для всѣхъ націй открытымъ. Однако этотъ принципъ не установляется въ чистомъ видѣ, а лишь мерещится въ разнообразныхъ соглашеніяхъ 1809, 1833, 1841 г.г. Парижскій трактатъ 1856 г. провозглашаетъ нейтральность Чернаго моря, открытаго для всѣхъ торговыхъ судовъ, но недоступнаго для военныхъ флотовъ. Авторъ заканчиваетъ свой очеркъ указаніемъ на юридическое положеніе Каспійскаго моря, которое по Туркменчайскому договору 1828 г. также лишено всякаго значенія открытаго моря, несмотря на то, что оно омываетъ берега двухъ державъ.

„Осмотръ и выемка почтово-телеграфной корреспонденціи по проекту новой редакціи устава уголовнаго судопроизводства“—А. С. Скобельцына.

Проектъ не вноситъ новыхъ началъ въ существующія по сему предмету узаконенія. Поэтому названный очеркъ направленъ не столько къ изученію того, что̀ есть въ проектѣ, сколько къ разсмотрѣнію того, что̀ было бы желательно внести въ новый законъ. Что̀ слѣдуетъ понимать подъ почтово-телеграфной корреспонденціей,—говоритъ онъ. Слѣдуетъ имѣть въ виду, что предѣлъ этого понятія далеко не установленъ, такъ какъ пересылаемая съ почтою частная корреспонденція не всегда составляетъ собственность того лица, на имя коего она адресована, а иногда просто направляется по его адресу для передачи и иныхъ цѣлей. Въ особенности замѣчательно, что почтовый департаментъ всегда отказываетъ судебнымъ мѣстамъ въ задержаніи на почтѣ денежной корреспонденціи отвѣтчиковъ, съ которыхъ производится взысканіе по исполнительнымъ листамъ, а также оспариваетъ право судебныхъ установленій утверждать частныхъ лицъ въ правахъ наслѣдства на денежную корреспонденцію наслѣдодателей, не полученную послѣдними съ почты. Далѣе, въ очеркѣ разсматриваются послѣдовательно вопросы, отвѣтъ на которые желателенъ при набросаніи уголовнаго закона о выемкѣ почтовой корреспонденціи, напр., какими признаками опредѣляется назначеніе корреспонденціи отъ имени лица, противъ котораго возбуждено уголовное преслѣдованіе, какими признаками опредѣляется назначеніе корреспонденціи на имя лица, противъ котораго возбуждено уголовное преслѣдованіе? Подъ ли-

цомъ, противъ коего возбуждено уголовное преслѣдованіе, слѣдуетъ ли разумѣть лицо, привлеченное формально въ качествѣ обвиняемаго, или и другихъ лицъ, напр., участниковъ преступленія, не подлежащихъ по какимъ-либо законнымъ причинамъ отвѣтственности, или лицъ подозрѣваемыхъ? Подлежитъ ли выемкѣ корреспонденція отъ имени или на имя обвиняемаго, на имя или отъ имени такихъ лицъ, которыя имѣютъ право вовсе отказаться отъ свидѣтельства? Можетъ ли сообщить о задержаніи почтовой или телеграфной корреспонденціи какое-либо другое должностное лицо, кромѣ судебнаго слѣдователя? Въ заключеніе, авторъ приводитъ случай осложненнаго порядка разрѣшенія выемки корреспонденціи, при коемъ судебной власти удалось получить къ своему разсмотрѣнію заподозрѣнныя телеграммы послѣ столь продолжительнаго времени, въ виду сопротивленія почтовой конторы, что ознакомленіе съ этою важною телеграммою не принесло уже никакой пользы правосудію: явно соприкосновенное съ дѣломъ о поджогѣ лицо осталось внѣ привлеченія къ отвѣтственности только благодаря несвоевременному ознакомленію слѣдственныхъ властей съ уличавшей его телеграммою.

Право (Еженедѣльная юридическая газета) 1902 г. №№ 1—5.

„*Замѣтки о проектѣ земскаго управленія для 13 неземскихъ губерній*"—*В. Д. Спасовича*.

Въ этой статьѣ разсматриваются основанія названнаго проекта, построеннаго на идеѣ правительственной организаціи земскаго дѣла, съ замѣною выборныхъ представителей „свѣдущими людьми, приглашенными мѣстными органами администраціи въ ея засѣданія по ея усмотрѣнію изъ лицъ, могущихъ быть полезными общему дѣлу своими познаніями и вліяніемъ". Въ проектѣ предполагается: 1) дать совокупности органовъ новаго управленія внѣшній видъ почти такой же, какъ въ земствахъ; 2) предоставить имъ исправлять всѣ функціи, входящія въ компетенцію земствъ; 3) предоставить земскому управленію власть столь же высокаго, какъ въ земствахъ, обложенія населенія и такую же свободу въ удовлетвореніи значительно расширеннаго круга земскихъ потребностей.

Подвергнувъ проектъ юридической критикѣ, В. Д. Спасовичъ находитъ, что организація казеннаго управленія земскими дѣлами въ 13 неземскихъ губерніяхъ никоимъ образомъ не можетъ быть

сколкомъ съ устройства земства, но должна быть своеобразна по своему матеріалу, вполнѣ различному отъ матеріала земствъ. Всѣ дѣла земскаго управленія должны быть совершаемы совмѣстно чиновнымъ и обывательскимъ элементами, входящими въ составъ губернскаго земскаго комитета. Слѣдуетъ воздержаться отъ всякихъ заимствованій изъ института акціонерныхъ компаній и не допускать вторичныхъ засѣданій комитета, когда первыя не состоялись за неприбытіемъ урочнаго числа гласныхъ. Слѣдовало бы также, по мнѣнію В. Д. Спасовича, измѣнить порядокъ засѣданій земскихъ комитетовъ, установивъ для всѣхъ земскихъ дѣлъ и текущихъ, разъ въ году рѣшаемыхъ, не одно засѣданіе, годичное, главное, а нѣсколько періодически созываемыхъ, напримѣръ, по четвертямъ года.

Наконецъ, слѣдовало бы,—говоритъ авторъ,—постановить, что если извѣстное число гласныхъ, напримѣръ, четверть ихъ въ губерніи, сочтетъ состоявшееся постановленіе комитета незаконнымъ, то они въ правѣ ходатайствовать о неутвержденіи или отмѣнѣ означеннаго постановленія.

„Юридическое положеніе иностранныхъ акціонерныхъ обществъ въ Россіи"—*Л. Шалланда.*

Здѣсь затрогивается вопросъ живѣйшей современности. Первое иностранное акціонерное общество разрѣшено было у насъ въ 1869 году. Въ теченіе приблизительно 30 лѣтъ разрѣшено было только 71 иностранное предпріятіе. Съ 1896 года разрѣшенія такихъ компаній умножились, и каждый день возникаютъ новыя предпріятія, настоятельно требуя юридической регламентаціи. Къ сожалѣнію, многія надежды на желанный „приливъ" капиталовъ оправдались лишь отчасти. Значительная часть иностранныхъ обществъ оказалась „предпріятіями, разсчитанными на довѣрчивость мало свѣдущей публики". Наступила роковая развязка для многихъ изъ нихъ—и русской судебной власти пришлось столкнуться съ массой крайне сложныхъ и запутанныхъ юридическихъ вопросовъ, впервые предложенныхъ на ея разрѣшеніе... Законодательные тексты, могущіе помочь магистратурѣ въ подобныхъ вопросахъ, крайне скудны. Такъ, напримѣръ, законъ не опредѣляетъ даже понятія *иностраннаго* общества. Однако, практика уже выяснила это понятіе, признавъ, что „русскимъ" акціонернымъ обществомъ слѣдуетъ признать то, которое основано въ Россіи, съ разрѣшенія рус-

скаго правительства, въ соотвѣтствіи съ русскими законами; при этомъ не взирается на то, къ какой національности принадлежатъ учредители и гдѣ находится центръ общества. Отсутствіе этихъ признаковъ ставится, стало быть, въ основаніе понятія „иностраннаго“ общества.

Установивъ основное понятіе, г. Шалландъ задается вопросомъ: какими правами пользуются иностранныя акціонерныя общества въ Россіи—въ отношеніи судебной ихъ защиты и въ отношеніи права производить операціи. Авторъ находитъ несостоятельнымъ мнѣніе фонъ-Бара, будто признаніе иностранныхъ акціонерныхъ обществъ обязательно, въ силу международнаго обычая, такъ какъ обозрѣніе законодательствъ обнаруживаетъ общее несоблюденіе этого мнимаго обычая, пока не выростаютъ твердыя нормы положительнаго права, черпающія свою силу изъ наличнаго экономическаго интереса, охраняемаго международными соглашеніями и закономъ. Примѣнительно же къ русскому законодательству, авторъ находитъ, что въ принципѣ у насъ судебной защитой могутъ пользоваться лишь тѣ общества, которыя либо получили спеціальное разрѣшеніе, либо подходятъ подъ условія прим. къ ст. 2139 1 ч. X т. Св. зак.

„Изъ воспоминаній“—К. К. Арсеньева.

Наканунѣ 25-ти лѣтняго юбилея С.-Петербургскаго Юридическаго Общества, съ интересомъ прочтена была справка К. К. Арсеньева о кружкахъ русскихъ юристовъ—кружкахъ, возникшихъ за 20 съ лишнимъ лѣтъ до учрежденія юридическаго общества. Подъ перомъ этого свидѣтеля перваго зарева законодательнаго творчества судебной реформы проходятъ силуэты лицъ, которыхъ нѣтъ болѣе среди насъ; на ряду съ ними характеризуются юноши, нынѣ стоящіе во главѣ многихъ учрежденій и разныхъ жизненныхъ сферъ.

„Реформа въ области акціонернаго права“—А. Каминки.

Давно уже не соотвѣтствуетъ запросамъ жизни первый акціонерный законъ 1836 года, составляющій донынѣ фундаментъ дѣйствующаго права. Это было сознано правительствомъ еще въ 1858 году, когда состоялось Высочайше утвержденное положеніе Комитета Министровъ о необходимости пересмотрѣть законы объ акціонерныхъ компаніяхъ. Въ 1867 году былъ внесенъ въ Государственный Совѣтъ особый по этому предмету проектъ, впослѣдствіи переработанный въ 1870 году. Наконецъ въ 1894 году

министерство финансовъ принялось за реформу акціонернаго законодательства, и съ тѣхъ поръ до настоящаго времени работы не прекращались. Въ виду однако неотложности урегулированія нѣкоторыхъ вопросовъ, состоялось Высочайше утвержденное 21 декабря 1901 года положеніе Комитета Министровъ „объ измѣненіи и дополненіи дѣйствующихъ узаконеній относительно общихъ собраній и ревизіонной части акціонерныхъ компаній, а равно и состава правленія оныхъ".

Г. Каминка даетъ подробную характеристику этихъ правилъ.

„Аптечная привилегія"—Л. З а й д е м а н а.

Статья посвящена анализу правилъ 25 мая 1873 года, имѣющихъ своею цѣлью ограниченіе или даже полное устраненіе „излишней и вредной конкуренціи аптекъ между собою". При этомъ, въ основаніе организаціи аптечнаго дѣла укрѣпилась монополія аптекарей, и на этой почвѣ „съ самаго изданія правилъ 1873 года возгорѣлась упорная борьба содержателей существующихъ аптекъ съ соискателями привилегій на новыя. Въ этой тридцатилѣтней войнѣ за аптеку обѣ стороны отнюдь не стѣсняются прибѣгать къ самымъ рискованнымъ пріемамъ. Всѣ средства въ этой борьбѣ одинаково хороши, но пальма первенства принадлежитъ все-таки содержателямъ".

„Правополагающіе источники и ихъ взаимное отношеніе въ уголовномъ правѣ"—Н. С. Т а г а н ц е в а.

Значительный интересъ статьи Н. С. Таганцева обусловливается тѣмъ, что нашъ авторитетный криминалистъ ставитъ вопросъ о значеніи обычая, какъ источника уголовнаго права, какъ-разъ въ виду значительно оживившагося вниманія нашихъ изслѣдователей къ юридическимъ обычаямъ и въ виду общаго интереса, возбуждаемаго вообще судьбою проектовъ новыхъ уложеній.

Давъ глубокое опредѣленіе обычая, какъ культурнаго явленія, вполнѣ родственнаго съ возникновеніемъ языка, миѳологіи, поэзіи и нравовъ, позаимствовавъ для этой цѣли у профессора Буслаева его извѣстную страницу, блестяще набросавшую картину параллельнаго роста этихъ элементовъ народной психики, Н. С. Таганцевъ ставитъ затѣмъ вопросъ: если обычай представляется въ *первобытномъ* обществѣ основною формою воплощенія обществен-

наго правосознанія, то какъ смотрѣть на него въ *позднѣйшее* время, въ особенности криминалисту? Слова нѣтъ, „въ эпоху сформированія государства“ обычное право есть главный матеріалъ, изъ котораго черпаетъ законодатель. Но можетъ ли оно и *нынѣ* быть выраженіемъ авторитетной воли, воспрещающей извѣстныя дѣянія подъ страхомъ наказанія?“

Отвѣчая на поставленный вопросъ, Н. С. Таганцевъ прежде всего оговариваетъ спеціальныя области примѣненія обычая въ быту инородцевъ и въ волостныхъ судахъ. Однако, внѣ перечисленныхъ изъятій, обычно-правовыя воззрѣнія не могутъ служить основаніемъ судебныхъ приговоровъ: „хорошій практикъ-судья, конечно, долженъ быть знакомъ съ бытовыми чертами своего народа; но знаніе это необходимо только для правильнаго закономѣрнаго примѣненія уголовнаго закона, а не для его устраненія и замѣны. Тутъ краеугольнымъ камнемъ уголовно-судебной практики является карающій законъ: „nullum crimen, nulla poena sine lege“.

Затѣмъ, по вопросу объ отношеніи обычая къ законодательству, Н. С. Таганцевъ находитъ, что хотя всякое право имѣетъ въ виду извѣстное состояніе юридическаго быта, однако—отсюда далеко до вывода, *по крайней мѣрѣ въ области уголовныхъ законовъ*, что мѣстные обычаи должны претвориться всецѣло въ законъ. Постановка, повидимому, вполнѣ правильная, какая дана авторомъ вопросу объ отношеніи *уголовнаго* обычая къ суду и законодательству,—несомнѣнно послужитъ къ тому, чтобы рѣзче оттѣнить, въ какой мѣрѣ практическое значеніе изученія обычаевъ представляется различнымъ и наталкиваетъ на совершенно иные выводы, по самой природѣ вещей, *криминалиста*, съ одной стороны, и *цивилиста*—съ другой.

„Остатки крѣпостнаго права“.—*Ив. Страховскаго.*

Авторъ этой статьи принадлежитъ къ направленію, довольно ярко обрисовавшемуся въ послѣдніе годы въ литературѣ крестьянскаго права—и склонному къ тому, чтобы безповоротно осуждать тѣ явленія крестьянскаго быта, которыя—обладая, смотря по мѣстностямъ, весьма разнообразною степенью живучести, сами по себѣ противорѣчатъ *индивидуализму* цивилизованнаго городскаго общества. Существованіе „большой семьи“, стремленіе многихъ государственныхъ людей и писателей къ сохраненію крупныхъ семейно-имущественныхъ единицъ отъ распаденія, все это—не что

иное, какъ „остатки крѣпостнаго права“; возникновеніе закона 18 марта 1886 года о семейныхъ раздѣлахъ находитъ себѣ, съ этой точки зрѣнія, одну оцѣнку: „обаятельный призракъ многотягольной—сильной крестьянской семьи, вдохновившій нѣкогда помѣщика Вилькинса на *аракчеевское* (?) по духу изобрѣтеніе „сводныхъ семействъ“, загипнотизировалъ (?) графа Д. А. Толстаго“.

Такъ ли это? Пусть вопросъ объ отношеніи законодателя къ явной борьбѣ коллективизма съ индивидуализмомъ въ русской деревнѣ остается спорнымъ; все-же трудно присоединиться къ такому взгляду, который сводится, повидимому, къ отождествленію крѣпостническаго духа со всѣмъ тѣмъ, что сковываетъ личность въ примитивномъ укладѣ сельскаго быта.

„Revue Politique et Parlementaire“. Janv. 1902.

„Le projet de loi sur la marine marchande“—par Guillain. *(„Проектъ новаго закона о торговомъ мореплаваніи“—статья Гиллэна).*

Въ настоящее время, когда и у насъ приступлено къ окончательнымъ трудамъ по упорядоченію законовъ о торговомъ мореплаваніи, значительный интересъ представляетъ для насъ все то, что относится къ одновременной и аналогичной попыткѣ во Франціи. Новый законопроектъ о правительственной регламентаціи французскаго торговаго флота уже принятъ французскою палатою депутатовъ и поступилъ на разсмотрѣніе сената, такъ что можно уже теперь имѣть въ виду тѣ положенія, которыя безспорно дадутъ содержаніе новому закону. Замѣна нынѣ дѣйствующаго закона 30 января 1893 года вызывается тѣмъ обстоятельствомъ, что французское мореплаваніе падаетъ съ каждымъ днемъ, и во французскихъ портахъ участіе французскаго флага пало за послѣднюю четверть вѣка съ 30 до 23 % всего судоваго движенія. Нынѣ признается, что законодатель заинтересованъ въ томъ, чтобы продукты Франціи и ея колоній не перевозились подъ иностраннымъ флагомъ, не только потому, что при иностранной перевозкѣ легко обходятся французскіе законы, защищающіе ненарушимость торговыхъ и фабричныхъ клеймъ, но и потому, что крайне нежелательно, съ государственной точки зрѣнія, видѣть учащеніе сношеній между колоніями Франціи и промышленнымъ производствомъ чужихъ госу-

дарствъ. Сюда присоединяется и чисто политическое соображенiе. Въ случаѣ войны крайне желательно, вообще говоря, чтобы правительство всегда перевозило свои войска на собственныхъ судахъ. Между тѣмъ, въ 1900 году, при отправкѣ одной лишь дивизiи въ 16000 человѣкъ въ Китай, французское правительство еле добилось наличности 35 торговыхъ судовъ для этой цѣли. Однимъ изъ коренныхъ вопросовъ въ организацiи надлежащей формы правительственнаго покровительства нацiональному торговому флоту является вопросъ о томъ, слѣдуетъ ли отказывать во всякихъ субсидiяхъ судамъ, построеннымъ за границею, хотя бы они плавали подъ французскимъ флагомъ. Законъ 1893 г. высказался за полный отказъ, и въ этомъ рѣшенiи была одна изъ главныхъ причинъ послѣдовавшаго затѣмъ упадка французскаго пароваго флота. Нынѣ, напротивъ, правительству удалось примирить, съ виду противорѣчащiе, интересы судохозяевъ и судостроителей, допустивъ выдачу изъ казны уменьшенной премiи тѣмъ судамъ, которыя будутъ плавать подъ французскимъ флагомъ, бывъ построены на иностранныхъ верфяхъ. Тѣмъ самымъ надѣются задержать значительное неравенство въ развитiи торговыхъ флотовъ Францiи и ея сосѣдей, имѣя въ виду, что въ пятилѣтiе, послѣдовавшее за изданiемъ закона 1893 г., французскiй паровой флотъ остался безъ всякаго измѣненiя, тогда какъ англiйскiй возросъ на 15%, германскiй на 18% и значительно выросли торговые флоты Швецiи, Норвегiи, Голландiи, Австро-Венгрiи и Италiи. Здѣсь намѣренно говорится объ одномъ только паровомъ флотѣ, такъ какъ условiя закона 1893 г. вызвали небывалое усиленiе паруснаго флота и построенiе колосальныхъ парусныхъ судовъ океанскаго плаванiя, какъ будто преслѣдуя неосуществимую мечту возрожденiя такого способа передвиженiя, которому въ интересахъ государства лучше и не бороться съ паровымъ двигателемъ. Новѣйшiй законопроектъ сталъ на обратную точку зрѣнiя и значительно уменьшилъ всѣ льготы, даруемыя парусным судамъ. Система проектируемыхъ премiй разсчитана такъ, что судохозяинъ имѣетъ прямой интересъ къ тому, чтобы заказывать свои суда на французскихъ верфяхъ, однако до тѣхъ поръ, пока цѣна построеннаго во Францiи судна не повысится болѣе какъ на 50% свыше стоимости такого же заказа за границею. Если бы законъ сохранилъ безусловный отказъ въ выдачѣ какой-либо навигацiонной премiи судну иностранной выдѣлки, то ясно было бы, что судохозяинъ долженъ былъ бы подчиняться совершенно безпредѣльному повышенiю стоимости судна на внутреннихъ

верфяхъ. Тогда наступилъ бы легко такой предѣлъ, при которомъ французскій судовладѣлецъ могъ бы только съ убыткомъ для себя конкурировать на всемірныхъ океанскихъ рейсахъ; но это обстоятельство было предвидѣно законодателемъ, и поэтому дѣло разсчитано такъ, чтобы и судостроители не могли составлять стачку противъ судохозяевъ. Какъ только судно оказывается на 50% дороже на французскихъ верфяхъ, передъ судохозяиномъ открывается уже такая дилемма: или онъ немедленно прибѣгаетъ къ способу покупки парохода на заграничныхъ верфяхъ, или же онъ продолжаетъ еще крѣпиться и не оставляетъ французскаго судостроителя своимъ заказомъ. Въ первомъ предположеніи казна выдаетъ ему меньшую помильную плату, нежели во второмъ. Пользуясь судномъ французской конструкціи, судохозяинъ получаетъ правительственную субсидію въ такомъ повышенномъ размѣрѣ, что ею покрываются не только общія затраты, коими удорожается французское мореплаваніе сравнительно съ мореплаваніемъ другихъ странъ, но сверхъ того образуется извѣстная прибыль, которая даетъ возможность французскому судохозяину долго крѣпиться и не покидать своими заказами французскихъ верфей до тѣхъ поръ, пока вздорожаніе судна противъ иностранныхъ цѣнъ не превыситъ 65%. Спрашивается, чѣмъ вызывается общее вздорожаніе тѣхъ условій, въ которыхъ приходится плавать французскому корабельщику. Одна изъ главныхъ причинъ состоитъ въ гуманности и соціальной высотѣ французскаго законодательства. По статьѣ 252 французскаго торговаго устава матросы, нанятые на одинъ рейсъ или на 1 мѣсяцъ, имѣютъ право на обратную доставку на счетъ судовщика. На него же падаетъ и леченіе больнаго матроса согласно статьѣ 262. Капитанъ не въ правѣ распускать матросовъ противъ ихъ воли въ иностранныхъ государствахъ. И вообще, цѣлымъ рядомъ другихъ мѣръ гуманности, законъ оберегаетъ интересы нанимающихся людей экипажа. Кромѣ того, по закону 21 сентября 1793 г., офицеры, механики и не менѣе трехъ четвертей экипажа на французскомъ суднѣ должны быть изъ французскихъ моряковъ. Напротивъ, англійскій судовщикъ совершенно воленъ подбирать экипажъ изъ кого угодно, гнать ихъ внезапно въ любомъ портѣ, и вообще гуманныхъ ограниченій для него не существуетъ. Разумѣется, такое положеніе должно отозваться экономически и естественно наводитъ на мысль о глубокой справедливости правительственной субсидіи.

Kritische Vierteljahresschrift für Gesetzgebung und Rechtswissenschaft 1901 г. III, Bd. VII; Erstes Heft.

Preux. La loi du Vinodol traduite et annotée. Extrait de la Nouvelle Revue historique de droit français et étranger. Paris 1897.—*Hanel (Prag.).—(Статья пражскаго ученаго Ганеля объ изслѣдованіи французскаго ученаго Прэ, по поводу закона Винодольскаго).*

Отрадно видѣть серьезныя изслѣдованія о древностяхъ родственнаго намъ славянскаго міра, появляющіяся изъ подъ пера французскихъ и нѣмецкихъ ученыхъ, тѣмъ болѣе, что эта область мало доступна для француза, и пониманіе старо-сербскаго языка требуетъ отъ него затраты громаднаго предварительнаго труда. Работа г. Прэ о Винодольскомъ законѣ появилась нѣсколько лѣтъ тому назадъ въ одномъ изъ французскихъ юридическихъ журналовъ и вызвала теперь чрезвычайно сочувственную статью пражскаго ученаго Ганеля. Впервые по-французски г. Прэ рѣшился дать переводъ одного изъ древнѣйшихъ памятниковъ юго-славянства и выдающихся источниковъ славянскаго права вообще, присоединивъ къ тексту многія примѣчанія историческаго и юридическаго содержанія. Винодоль есть сельскій округъ, долина, изобилующая виноградными лозами, около города Рѣки (Фіуме) на хорватскомъ приморьѣ. Въ началѣ XIII столѣтія эта территорія сдѣлалась удѣломъ графовъ Велья-Франкопани, и здѣсь случилось событіе, оставившее замѣтный слѣдъ въ исторіи славянскаго права. Собрались старѣйшины народа и „уложили“ статутъ мѣстнаго обычнаго права въ 1288 году. Дошедшая до насъ рукопись однако не старше XVI вѣка. Ее издали въ разныхъ варіантахъ Мажураничъ въ 1843 г. по глаголитскому списку и Ягичъ въ 1880 г. кириллицей; далѣе Рачки издалъ ее кириллицей въ 1890 г., затѣмъ Іосифъ Иречекъ въ извѣстномъ сборникѣ „Сводъ законовъ славянскихъ“.

Статутъ Винодольскій содержитъ введеніе и 77 статей болѣе или менѣе случайнаго уложенія тѣхъ началъ обычнаго права, которыя свѣдущіе мужи считали нужнымъ сохранить отъ забвенія. Эти статьи касаются правъ князя и церкви, опредѣленія общиннаго быта, положенныхъ наказаній, процесса и наконецъ наслѣдственнаго права. Представляясь въ видѣ довольно отрывочномъ, какъ вообще древніе памятники, статутъ Винодольскій не даетъ какого-либо новаго права, но содержитъ одно лишь выраженіе издревле

существующаго обычая, конечно, не одной Винодольской округи, но вообще приморья, однако въ случайномъ выраженіи даннаго памятника. Замѣтимъ нѣсколько чертъ. Сообщинники совершенно равны, хотя есть уже намекъ на благородство какихъ-то родовъ, которымъ противополагаются простые свободные люди—„кметови“, коимъ вполнѣ уподобляются такъ называемые церковные люди—„люди цырквени“. Кровавая месть есть право потерпѣвшаго и его рода, коему всегда отдѣляется часть выкупной суммы за кровь; съ другой стороны, родъ отвѣчаетъ за своего преступника въ половинной части налагаемаго на него взысканія. Обязанность участвовать въ общей травлѣ преступника („помагайте“) представлялась общимъ долгомъ. При этомъ преступника можно было безнаказанно убить, если онъ сопротивлялся. Въ случаѣ явнаго преступленія и убійства преступника право родичей его мстить за него ограничивалось. Затѣмъ кровная месть могла быть предотвращена уплатою выкупа (вражба). Смертью наказуются поджогъ и отравленіе. Недвижимость не подвергалась вольному отчужденію по договору, хотя такое поступленіе недвижимой собственности въ оборотъ усматривается изъ одной дополнительной статьи позднѣйшаго происхожденія (XV вѣкъ). Авторъ статьи отмѣчаетъ съ большимъ вниманіемъ, съ какимъ рвеніемъ и любовью къ дѣлу французскій ученый изслѣдуетъ Винодольскій статутъ, проводя сравненіе съ нашей „Русской Правдой“ и обнаруживая глубокое знаніе древне-хорватскихъ актовъ, изданныхъ Кукульевичемъ. Въ заключеніе Ганель считаетъ Винодольскій статутъ достойнымъ занять видное мѣсто на ряду съ древнѣйшими памятниками русскаго и чешскаго права и полагаетъ, что германисты могли бы, съ большою пользою для сравнительнаго правовѣдѣнія, разъяснить параллельное значеніе Винодольскаго статута и германскихъ средневѣковыхъ правовыхъ сборниковъ.

Deutsche Juristen-Zeitung. 1901, № 8.

Der Entwurf eines Schweizerischen Civilgesetzbuches. V. Prof. Marcusen. „Проектъ Швейцарскаго гражданскаго уложенія“. Статья профессора Маркузена въ Бернѣ.

Порученный швейцарскому профессору Евгенію Губеру трудъ изготовленія проекта швейцарскаго гражданскаго уложенія оконченъ къ концу 1899 г., и въ настоящее время весь проектъ въ

отдѣлахъ о лицахъ, о семейственномъ правѣ, о вещномъ и наслѣдственномъ правѣ обнародованъ швейцарскимъ правительствомъ въ видѣ законченнаго законопроекта. Отзывы знатоковъ объ этомъ проектѣ весьма благопріятны. Профессоръ Лабандъ высказалъ слѣдующее мнѣніе еще тогда, когда извѣстно было только то, что̀ касается семейственнаго права: „ежели проекты вещнаго и наслѣдственнаго права будутъ такъ же совершенны, то Швейцарія будетъ имѣть славу созданія если не лучшаго, то по крайней мѣрѣ одного изъ лучшихъ кодексовъ всего міра". Статья Маркузена, дополняя ранѣе вышедшіе очерки, ограничивается указаніемъ нѣкоторыхъ особенностей. По вопросу объ источникахъ права проектъ признаетъ, во-первыхъ, законъ, во-вторыхъ, обычай, въ третьихъ, аналогію, и далѣе допускаетъ пользованіе наукою и установшимися въ юриспруденціи пріемами, и наконецъ даже рѣшеніе дѣла такъ, какъ будто судья былъ законодателемъ, если всѣ предъидущіе источники оказываются недостаточными. Крайне важнымъ является введеніе группы статей, разрѣшающихъ коллизіи частнаго международнаго права. Положеніе швейцарцевъ за границею и иностранцевъ въ Швейцаріи разрѣшается прежде всего по международнымъ договорамъ. Въ случаѣ отсутствія таковыхъ, примѣняется настоящее уложеніе, но съ тѣмъ добавленіемъ, что иностранцы подчиняются таковому въ отношеніи своихъ личныхъ правъ лишь по истеченіи десяти лѣтъ со времени ихъ водворенія. Брачное совершеннолѣтіе устанавливается въ 20 лѣтъ для мужчины и 18 лѣтъ для женщины. Наслѣдственное право состоитъ изъ двухъ раздѣловъ: а) о наслѣдникахъ, б) о наслѣдственномъ переходѣ. Первый раздѣлъ посвященъ законному праву наслѣдованія и распоряженіямъ на случай смерти. Второй раздѣлъ содержитъ особенное постановленіе объ открытіи наслѣдствъ, о принятіи охранительныхъ мѣръ, о пріобрѣтеніи наслѣдства, о публичномъ инвентарѣ, о принудительной ликвидаціи и о наслѣдственномъ искѣ. Предѣлъ наслѣдованія ограничивается третьимъ разрядомъ родства. Завѣщаніе дозволяется дѣлать лишь по достиженіи 18 лѣтъ. Допускается сила изустныхъ завѣщаній, воспринятыхъ двумя свидѣтелями, которые обязаны составить закономъ установленный актъ о заслушанной ими волѣ завѣщателя. Сила такого завѣщанія теряется, если проходитъ болѣе мѣсяца со времени устраненія препятствія къ формальному составленію завѣщанія и при этомъ завѣщатель все-же остается въ живыхъ. Наслѣдственный искъ, который по германскому гражданскому уложенію ограниченъ обык-

новенною давностью, обставленъ иначе по швейцарскому новому проекту. Противъ добросовѣстнаго отвѣтчика, искъ о наслѣдствѣ можетъ быть предъявленъ въ теченіе года съ того времени, какъ истецъ узналъ о нарушеніи своего права, но во всякомъ случаѣ не позже 10 лѣтъ. Но противъ недобросовѣстнаго отвѣтчика искъ можетъ быть предъявленъ въ теченіе 30 лѣтъ. Простотою и ясностью изложенія отличается вещное право въ проектѣ. Сначала излагаются постановленія, касающіяся недвижимости, движимостей и ограниченія права собственности. Второе отдѣленіе касается ограниченныхъ вещныхъ правъ; третье касается владѣнія и веденія вотчиныхъ книгъ. Богаче всего второе отдѣленіе, гдѣ мы находимъ ученіе о сервитутахъ, о вотчинныхъ выдачахъ, о залогѣ и закладѣ, а также права въ вещахъ безхозяйныхъ и публичныхъ. Здѣсь нормируется крайне важное, въ условіяхъ современнаго промышленнаго быта Швейцаріи, водное право и наконецъ горное право въ отношеніи опредѣленія собственности въ нѣдрахъ недвижимости. Нынѣ дѣйствующее швейцарское обязательственное право превратится въ составную часть будущаго швейцарскаго гражданскаго уложенія.

The Law Quarterly Review.

The nature and extent of the title by conquest. By Westlake. („Природа и пространство титула покоренія"—Джона Вестлэка).

Авторъ настоящаго очерка считается, какъ извѣстно, на склонѣ лѣтъ, наиболѣе выдающимся представителемъ науки частнаго международнаго права въ англійской литературѣ. Въ наши дни, когда вопросъ о законности присоединенія южно-африканскихъ республикъ къ англійскимъ владѣніямъ считается болѣе нежели спорнымъ, серьезнаго вниманія заслуживаетъ этюдъ англійскаго юриста, въ коемъ критически ставится вопросъ: могутъ ли быть серьезныя юридическія послѣдствія и притомъ на почвѣ частнаго международнаго права при несомнѣнно неоспоримомъ фактѣ такого рода, что присоединеніе южно-африканскихъ республикъ къ Британской Имперіи, если таковое существуетъ, есть не болѣе, какъ вопросъ факта, чтобы не сказать насилія, и что согласіе на передачу своихъ правъ со стороны верховной власти этихъ республикъ вовсе отсутствуетъ. Можетъ ли при такой постановкѣ дѣла быть признана

обязательность личной вѣрности и подданства населенія; зависитъ ли такое подданство отъ истеченія какого-либо срока на выраженіе собственнаго выбора населенія; зависитъ ли оно отъ безмолвнаго пребыванія жителей свыше извѣстнаго установленнаго времени на завоеванной территоріи; наконецъ, создаетъ ли такое покореніе переходъ къ британской казнѣ права собственности на предметы, принадлежавшіе до тѣхъ поръ упраздненнымъ государствамъ внѣ ихъ территоріи, а также передачу той же казнѣ бывшихъ обязательствъ и исковыхъ требованій бывшихъ республикъ? Прежде всего авторъ признаетъ, что теоретически едва ли можно допустить конструкцію перехода государственныхъ правъ на завоевателя при чисто фактическомъ положеніи вещей и отсутствіи всякой цессіи правъ по волѣ передатчика. Съ другой стороны, укрѣпляющееся фактическое состояніе, создавая внѣшнюю видимость такого преемства, создаетъ раціональную необходимость приступить къ конструкціи передаваемости правъ, не затрудняясь теоретическими возраженіями. Обращаясь къ наличности тѣхъ началъ, которыя выражены были въ постановленіяхъ правительственной британской коммисіи для разбирательства вопросовъ, связанныхъ съ трансваальскими концессіями, авторъ отмѣтилъ въ этомъ документѣ признаніе со стороны англійскаго правительства послѣдствій завоеванія въ смыслѣ перехода къ нему всѣхъ вещественныхъ правъ при нѣсколько сомнительномъ указаніи, относящемся къ переходу контрактовъ. Разсматривая послѣдній болѣе спорный пунктъ, Вестлэкъ находитъ, что началами, наиболѣе пригодными для разрѣшенія относящихся сюда вопросовъ являются положенія, выработанныя бельгійскимъ ученымъ Ривьеромъ (Alphonse Rivier—Principes du droit des gens). Эти начала исходятъ изъ римскаго изреченія: „bona non intelliguntur nisi deducto aere alieno“, въ силу коего нельзя себѣ представить преемство въ матеріальныхъ выгодахъ и благахъ безъ принятія на себя пріобрѣтателемъ соотвѣтственныхъ обремененій и тяготъ. Болѣе подробное правило къ руководству авторъ находитъ въ изслѣдованіи Макса Губера (Max Huber,—„Die Staatensuccession“, Lpz. 1898), у котораго сказано, что государство при совершеніи завоеванія замѣняетъ своею властью покоренное государство, а вовсе не является преемникомъ бывшей власти въ ея неприкосновенности. Поэтому завоеваніе представляетъ лишь распространеніе юридической личности покоряющаго государства на новый предметъ владѣнія. Уподоблять же такое пріобрѣтеніе порядку наслѣдованія въ гражданскомъ правѣ неправильно, такъ какъ понятіе частнаго права

основано на совершенно иныхъ данныхъ. Поэтому преемство государства—покорителя должно быть прежде всего проникнуто началами его собственнаго государственнаго права и политики, а не тѣмъ, чѣмъ былъ покоренный. Права, содержащія въ себѣ смѣсь гражданскаго и публичнаго элементовъ, гибнутъ постольку, поскольку они публичны и не соотвѣтствуютъ учрежденіямъ завоевателя; между тѣмъ какъ гражданскія права сохраняются въ предѣлахъ частныхъ отношеній и могутъ терпѣть ограниченія лишь въ той мѣрѣ, въ какой они вытекаютъ изъ публичнаго законодательства завоевателя.

Вестлэкъ принимаетъ эти общія начала къ руководству и находитъ, что при всякомъ чередованіи правъ отъ государства къ государству положеніе отличается отъ простаго наслѣдованія тѣмъ, что слѣдующее въ преемствѣ государство вступаетъ въ права, не перемѣняя своей личности, и поэтому неизмѣнность правъ допускается лишь постольку, поскольку они не зависятъ отъ свойства этой личности; другими словами, признается полная зависимость этихъ правъ отъ публичнаго права принимающаго государства.

Съ точки зрѣнія общеустановленныхъ началъ авторъ приходитъ, по вопросу о южно-африканскихъ республикахъ, къ слѣдующимъ выводамъ.

1) При завоеваніи государства безъ согласія его жителей завоеватель не имѣетъ законнаго права требовать вѣрности и подданства жителей страны. Но если они продолжаютъ жить на территоріи своего государства, не будучи стѣснены въ свободѣ своего выбора, и вообще если они фактически вступаютъ подъ власть и защиту завоевателя, то тѣмъ самымъ становятся подданными завоевателя. Находясь же внѣ территоріи въ моментъ покоренія, они не могутъ считаться пріобрѣтенными вслѣдствіе законнаго перехода правъ; такъ, напримѣръ, было бы „чудовищнымъ“ предположить‘ чтобы какой-либо судъ въ Голландіи былъ вынужденъ считать бывшаго президента Крюгера британскимъ подданнымъ.

2) По вопросу о томъ, включается ли въ число казенныхъ переходящихъ правъ вся собственность покореннаго государства, мѣстоположеніе коей находится внѣ его территоріи, Вестлэкъ находитъ, что такой переходъ собственности вытекаетъ логически изъ допущеннаго начала преемства между обоими государствами и долженъ считаться правильнымъ.

А. Б.

МЕЖДУНАРОДНЫЙ СОЮЗЪ КРИМИНАЛИСТОВЪ.

РУССКАЯ ГРУППА.

Протоколъ засѣданія комитета группы 9 декабря 1901 г.

Засѣданіе открыто въ 2 ч. дня въ присутствіи предсѣдателя группы И. Я. Фойницкаго, кандидата предсѣдателя М. В. Духовскаго, членовъ комитета А. В. Витте, Д. А. Дриля и И. М. Тютрюмова.

I. Предсѣдателемъ доложены составленный московскою коммисіею, подъ предсѣдательствомъ М. В. Духовскаго, при участіи учрежденій патроната, проектъ нормальнаго устава патроната и журналъ коммисіи съ приложеніями. Постановили: означенный проектъ одобрить и представить на утвержденіе г. Министра Юстиціи.

II. Предсѣдателемъ доложено о напечатаніи журнала Московскаго съѣзда, сверхъ 200 экземпляровъ, въ количествѣ 1000 экземпляровъ въ виду предстоящаго международнаго съѣзда. Распоряженіе это одобрено комитетомъ.

III. Доложено предсѣдателемъ и принято комитетомъ къ свѣдѣ-

нію о сношеніяхъ предсѣдателя съ Ф. фонъ-Листомъ и Ривьеромъ по поводу предстоящаго международнаго съѣзда.

IV. Въ виду заявленія А. В. Витте о предстоящей въ С.-Петербургѣ тюремной выставкѣ при всероссійской кустарно-промышленной выставкѣ и съѣздѣ тюремныхъ дѣятелей по вопросамъ о развитіи арестантскаго труда, комитетъ постановилъ просить Господина Министра Юстиціи: 1) тюремную выставку сохранить по возможности до международнаго съѣзда союза, передавъ тѣ экспонаты, возвращеніе коихъ не требуется экспонентами, въ Музей Уголовнаго Права при Императорскомъ С.-Петербургскомъ Университетѣ; и 2) въ программу съѣзда внести дополнительный вопросъ о мѣрахъ къ развитію патроната въ Россіи и пригласить представителей существующихъ учрежденій патроната къ участію въ означенномъ съѣздѣ.

V. Предложены и избраны въ члены группы: Мануилъ Сергѣевичъ *Маргулiесъ*, кандидатъ правъ и докторъ медицины Парижскаго университета.

Вейнеръ, Аркадій Петровичъ, начальникъ отдѣленія министерства иностранныхъ дѣлъ (С.-Петербургъ, Сергіевская, 38).

Грузенбергъ.

Протоколъ засѣданія комитета группы 27 января 1902 г.

Засѣданіе открыто въ 1 ч. дня въ присутствіи предсѣдателя группы И. Я. Фойницкаго, членовъ комитета: А. В. Витте, Д. А. Дриля, В. Д. Набокова и И. М. Тютрюмова.

1) Предложены въ члены группы:

а) Сенаторъ Анатолій Григорьевичъ *Гасманъ*.

б) Князь Вячеславъ Вячеславовичъ *Тенишевъ*.

Постановлено: принять названныхъ лицъ въ члены группы.

2) Выслушано сообщеніе предсѣдателя группы о поступившемъ въ комитетъ группы отношеніи совѣта Общества попеченія о лицахъ, освобождаемыхъ изъ мѣстъ заключенія округа Пермскаго окружнаго суда, съ копіей доклада члена этого совѣта В. С. Малченко по поводу проекта нормальнаго устава мѣстныхъ обществъ патроната.

Постановили: препроводить означенныя бумаги въ Министерство Юстиціи, въ дополненіе къ представленному комитетомъ проекту.

3) По предложенію предсѣдателя комитетъ постановилъ: просить предсѣдателя группы снестись съ профессоромъ М. В. Духовскимъ по вопросу объ устройствѣ въ Москвѣ торжественной встрѣчи членовъ съѣзда, съ произнесеніемъ рѣчей, и осмотра работнаго дома въ Сокольникахъ.

Подлинный подписанъ предсѣдателемъ и членами комитета группы.

Редакторъ В. Дерюжинскій.

ЖУРНАЛЪ МИНИСТЕРСТВА ЮСТИЦІИ

(ГОДЪ ВОСЬМОЙ)

въ 1902 году выходитъ ежемѣсячно, за исключеніемъ іюля и августа, книгами около 20 листовъ. Подписной годъ начинается съ января 1902 г.

Подписная **плата 8 рублей** въ годъ съ доставкою и пересылкою. За границу 10 рублей. Отдѣльныя книги продаются: безъ приложеній по 1 рублю, съ приложеніями—по 2 руб.

Должностныя лица при подпискѣ **черезъ** казначеевъ пользуются разсрочкою **до 1 рубля** въ мѣсяцъ съ тѣмъ, чтобы вся уплата была произведена въ теченіе первыхъ 8 мѣсяцевъ каждаго года.

Всѣ прочіе подписчики, **при подпискѣ** исключительно **въ Главной Конторѣ,** пользуются **разсрочкою до 2 рублей** въ мѣсяцъ съ тѣмъ, чтобы вся уплата была произведена въ теченіе первыхъ четырехъ мѣсяцевъ каждаго года.

Кандидаты на должности по судебному вѣдомству, лица, оставленныя при университетахъ для приготовленія къ профессорскому званію, а также студенты Императорскихъ Университетовъ и Демидовскаго Юридическаго Лицея, воспитанники Императорскихъ: Училища Правовѣдѣнія и Александровскаго Лицея и слушатели Военно-Юридической Академіи платятъ,—при подпискѣ въ Главной Конторѣ,—**по 5 рублей въ годъ.**

За **перемѣну адреса** уплачивается 1 рубль.

Главная контора: Книжный складъ М. М. Стасюлевича, СПБургъ, Васильевскій островъ, 5 линія, д. 28.

Отдѣленія конторы: въ книжныхъ магазинахъ:

Въ СПБургѣ: 1) Н. К. Мартынова, Невскій пр., уголъ Садовой, № 50—16. 2) И. П. Анисимова, Гостиный дворъ, № 14; 3) „Новое Время“ А. С. Суворина, Невскій, 40; 4) Общество французской книжной торговли, бывш. Мелье, преемникъ А. Ф. Цинзерлингъ, Невскій пр., 20; 5) Магазинъ Юридической Литературы Д. В. Чичинадзе. Невскій пр., 59; 6) Книжный магазинъ Н. П. Карбасникова, Литейный пр., 46; 7) Книжный магазинъ „Юридическая Помощь“, Кабинетская, 20.

Въ Москвѣ: 1) Книжный магазинъ Русской Мысли, Б. Никитская; 2) И. К. Голубева, Покровка, домъ церкви Іоанна Предтечи.

Въ Кіевѣ: 1) П. Я. Оглоблина, Крещатикъ, 33; 2) А. И. Розова, Крещатикъ, домъ Марръ.

Въ Варшавѣ: 1) Н. П. Карбасникова, Новый Свѣтъ, 67; 2) въ „Петербургскомъ Книжномъ складѣ“, Новый Свѣтъ, 24.

Въ Одессѣ: 1) Н. А. Розова, Дерибасовская, противъ сада; 2) Е. П. Распопова, Дерибасовская, домъ Ведде.

Въ Харьковѣ: Ф. А. Іогансона, Московская, домъ Коптьева.

Въ Казани: 1) Бр. Башмаковыхъ, Городской Поссажъ; 2) А. А. Дубровина, Гостиный дворъ, № 1.

Въ Перми: О. П. Петровской, Сибирская, домъ Евреиновой.

Въ Полтавѣ: Перельцвейга, Александровская.

Въ Тифлисѣ: Центральная книжная торговля.

Въ Томскѣ и Иркутскѣ: Сибирскій книжный магазинъ Макушина.

Объявленія для напечатанія въ „Журналѣ“ принимаются въ Глав Конторѣ по разсчету 30 коп. за строчку и 8 рублей за стра

Редакція Журнала Министерства Юстиціи находится въ С. по Екатерининской ул., въ зданіи Министерства Юстиціи.

Рукописи должны быть направляемы въ редакцію.

Редакторъ В. Дерюжинскій.